Русская
историческая
библиотека

А.Н.
ПОПОВ

ОТЕЧЕСТ
ВЕННАЯ
ВОЙНА
1812
ГОДА

А.Н. Попов

Отечественная война 1812 года

Русская

ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

К 200-летию

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1812 ГОДА

Русская
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Москва
2010

А.Н. Попов

Отечественная война 1812 года

III

Изгнание Наполеона из России

«Минувшее»
2010

ББК 63.3(2)47
П 94

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»

Художественное оформление
А.А. Зубченко
К.А. Зубченко

На форзаце:
Тарутинский лагерь
На нахзаце:
Переправа французов через Березину

ISBN 978-5-902073-85-7

От издателей

Издательство «Минувшее» этим томом продолжает публикацию монографии А.Н. Попова «Отечественная война 1812 года». Третий том, с которым знакомится читатель, «Изгнание Наполеона из России» охватывает период от выхода русских войск из Москвы до драматических событий на Березине. Первоначально мы предполагали завершить издание монографии именно третьим томом, включив в него рукопись А.Н. Попова «После Березины». Однако, в силу определённых обстоятельств, рукописному наследию А.Н. Попова будет посвящён четвёртый том, который и завершит первое полное издание его монографии.

Как мы уже отмечали, это первое издание в виде книги третьего тома «Отечественной войны 1812 года» А.Н. Попова. Основной текст тома состоит из двух частей, двух больших работ автора: «Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры» и «От Малоярославца до Березины». Обе эти работы публиковались в журнале «Русская Старина». При этом примечательно следующее. Вторая, в которой описываются более поздние хронологически события войны, вышла раньше первой, в 1877 году, при жизни автора и под его подписью. Однако публикация не была закончена: в томе XX № 11 за 1877 год указывалось, что продолжение следует. К сожалению, в следующем номере журнала редакция с прискорбием сообщала о смерти А.Н. Попова и прекращении публикации.

Работа «Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры» печаталась в «Русской Старине» в 1897 – 1898 годах и публикатором являлся Павел Николаевич Цуриков.

Перед читателем проходят основные события этого этапа войны: обстановка в Тарутинском лагере, свидание Кутузова с Лористоном, сражения при Тарутине и Малоярославце, бои под Вязьмой и Красным, переправа армии Наполеона через Березину. При этом А.Н. Попов не столько описывает ход военных действий, сколько показывает психологическую обстановку в обеих противоборствующих армиях, мотивы и результаты действий конкретных участников этих событий.

Его государственный, патриотический взгляд на Отечественную войну, как историка, не субъективен, а объективен. Эта авторская объективность основывается на огромном количестве архивных источников, переписке главных участников этих событий, воспоминаниях и свидетельствах очевидцев, которые были тогда доступны А.Н. Попову.

Кроме основного текста в третий том мы включили в качестве Приложения работу А.Н. Попова «Генерал Моро на службе в русских войсках», которая публиковалась в журнале «Русская Старина» в 1911 и 1913 годах и никогда больше не переиздавались. В ней автор рассказывает об удивительной и трагической судьбе французского генерала Жана-Виктора Моро - главного соперника Наполеона. Тем самым, этим томом мы завершаем издание печатных работ А.Н. Попова, объединенных в монографию «Отечественная война 1812 года».

Третий том подготовлен по публикациям журнала «Русская Старина»:

Часть I. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры:

1897, т. XC, № 6, с. 515-533; т. XCI, № 7, с. 109-124; № 8, с. 357-373; № 9, с. 607-631; т. XCII, № 10, с. 189-200

1898, т. XCVI, № 10, с. 151-167; № 11, с. 397-419

Часть II. От Малоярославца до Березины

1877, т. XVIII, № 1, с. 21-68; № 2, с. 261-307; № 3, с. 419-453; № 4, с. 609-640; т. XIX, № 6, с. 191-216; т. XX, № 9, с. 35-76; № 10, с. 177-304; № 11, с. 353-365.

Приложение. Генерал Моро на службе в русских войсках.

1911, т. CXLVIII, № 11, с. 395-404

1913, т. CLV, № 9, с. 421-447; № 10, с. 43-69

Текст печатается в современной орфографии, даты указываются по старому стилю, а в круглых скобках даты по новому стилю.

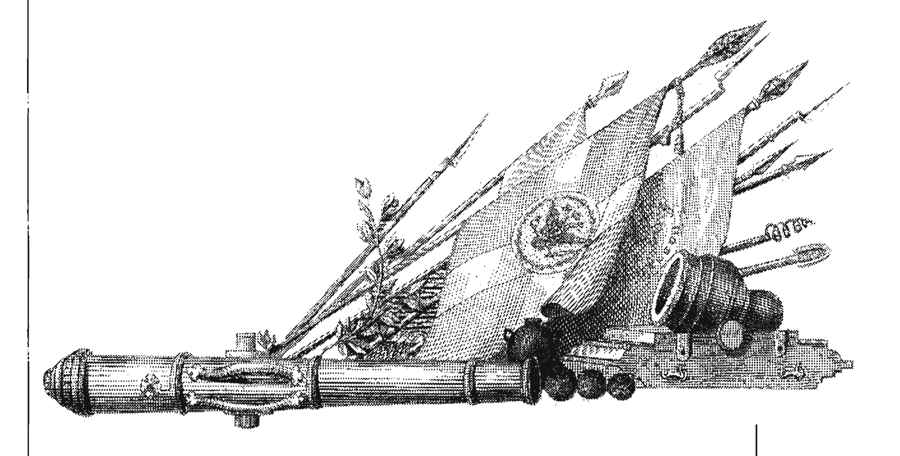
Именной указатель содержит сведения о многочисленных участниках описываемых событий и исторических персонажах. При этом, наиболее полно описываются персонажи, впервые упоминаемые в третьем томе.

В заключении несколько слов о четвертом томе монографии. В нём впервые будет опубликована рукопись А.Н. Попова «После Березины». Кроме именного указателя к четвертому тому будет помещён сводный именной указатель ко всей монографии, а также расширенная библиография, посвященная Отечественной войне 1812 года. Завершит том краткая хроника жизни и научной деятельности Александра Николаевича Попова.

Издательство просит присылать замечания, уточнения и пожелания, которые будут учтены при работе над четвертым, заключительным томом монографии.

Москва, 2010 г.

Часть I

Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры

Глава 1

Когда князь Кутузов выехал за Рогожскую заставу, то несколько уже корпусов находились за городом и расположились по обеим сторонам дороги, около староверческого кладбища. Он избрал себе место на самой большой дороге и, сидя на своей обычной скамеечке*, наблюдал за движениями войск и московских жителей, которых толпы и их обозы перемешивались с войсками и тем крайне затрудняли движение армии. Это непредвидимое обстоятельство, едва ли входило в соображение фельдмаршала, по крайней мере в таких размерах после уверений гр. Ростопчина, что Москва оставлена всеми теми жителями, которые желали и могли её оставить, и что в ней остается только самая беднейшая часть народонаселения, не имеющая нигде другого приюта.

Но одно уже это обстоятельство было достаточно для того, чтобы произвести значительный беспорядок в отступлении и в особенности замедлить его. А между тем отступление через Москву было бы тем успешнее, чем было бы исполнено в должном порядке и со всевозможной поспешностью. Принимать же насильственные меры против несчастных жителей Москвы, без сомнения, не могло придти в голову вождя русских войск, которые в свою очередь содействовали всеми способами им выбраться из столицы**, оставленной на жертву неприятеля***.

Погружённый в глубокую думу, сидел князь Кутузов, и медленно проходили полки мимо своего вождя. Как переменились лица русских воинов от утра до вечера. Поутру отуманены были их взоры, но уста безмолвствовали; вечером гневная досада пылала в их глазах, из уст исторгались громкие вопли: «Куда нас ведут? Куда он нас завёл?» Облокотясь правою рукою на колено, Кутузов сидел неподвижно, как будто ничего не видя, ничего не слыша. Его занимала мысль****, успеет ли армия оставить Москву прежде вступления в нее неприятеля? Но получив известие, что условия, предложенные Милорадовичем, были приняты Мюратом, он тотчас же велел армии продолжать отступление*****.

---

* Записки князя А. Б. Голицына.

** Записки А. П. Ермолова, Ч. 1, с. 209–210.

*** Записки артиллериста о 1812 г.

**** С. Н. Глинка. Записки о 1812 годе, с. 72–73.

***** Записки А. П. Ермолова, Ч. 1, с. 213 и 214.

Вместе с войсками, перемешавшись с ними, отходили от столицы и московские жители с их обозами. «От движения войск, столпившихся сонмов народа и теснившихся повозок пыль вилась столбами и застилала лучи заходящего солнца»*. Когда войска отошли несколько вёрст, жители начали от них отделяться и рассеиваться по просёлочным дорогам. Но вслед за теми, которые вместе с войсками вышли из Москвы, двигались другие толпы, которые опередили и сопровождали наш арьергард, проведший ночь в нескольких верстах от Москвы – в Вязовке**. «Как странна упряжь уезжающих; часто подле прекрасной английской верховой лошади видим запряжённую водовозную клячу, – говорит один из участников этого переселения, – видишь людей богато одетых в крестьянских телегах. Теперь люди испытывают то, о чем едва ли слышали прежде. С какими трудами, неприятностями и препятствиями сопряжено всеобщее бегство! По Рязанской дороге в нескольких местах переправляются через одну только Москву-реку, и ни в одном месте нет порядочной переправы. Ни к чему негодные паромы, на ветхих канатах, едва могут поднимать десять лошадей и несколько человек, тогда как сотни проезжающих ожидают на берегу. Раненые офицеры более всего при этом страждут. Целые семейства живут здесь на пустынном берегу, в ожидании очереди переправиться. Жена одного знакомого нам московского жителя, который простоял на переправе трое суток, разрешилась от бремени. Положение отца было самое печальное, ибо негде было взять никаких средств для вспоможения болящей и младенцу»***. Не по одной дороге на Рязань двигались в значительном количестве переселенцы, но по всем прилегающим к Москве с северо-востока дорогам, и не одни жители московские, но и от всех окрестностей, на значительное пространство.

Посланный князем Кутузовым к императору, с вестью об оставлении Москвы, полковник Мишо говорит, что «ни одного путешественника не могло быть более чувствительно поражено сердце, как моё при этом случае». Проезжая по стране, покидаемой населением, он видел, что беглецы уносят с собою любовь к отчеству, надежду на отмщение и преданность к своему Государю. О тех же чувствах несчастных переселенцев, забывших частные свои потери и страдания в виду грозившей отечеству опасности, говорит и другой иностранец, ехавший по той же дороге из Петербурга к войскам. «Самые изгнанники из Москвы,

* Записки С. Н. Глинки, с. 73 и 74.

** Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера, с. 20, 32 и 33.

*** Письмо к ген. Михайловскому-Данилевскому напечатано у Богдановича: Ист. Отеч. войны. Ч. II. ст. 597– 598.

– говорит он, – услышав о твёрдом намерении Государя не заключать мира, несмотря на свои потери и страдания, проливали слезы радости о постоянном попечении Вашего Величества о славе Российской империи»*.

Чтобы обеспечить судьбу этих переселенцев и дать им возможность безопасно удалиться от Москвы, а с тем вместе привести в больший порядок войска, кн. Кутузов весь следующий день (3-го сентября), простоял на одном месте и только на другой день двинулся с войсками далее и перешёл с большими затруднениями Москву-реку при Боровском перевозе, по случаю множества скопившихся при этой переправе московских переселенцев. В этот же день (3-го сентября) убедившись, что отступление войск через Москву и далее совершилось благополучно, кн. Кутузов решился послать к императору с вестью об оставлении столицы полковника Мишо. Вероятно, донесение фельдмаршала было приготовлено тоже 3-го сентября, хотя им подписано только на другой день (4-го сентября) и не рано утром в селе Куликове, находящемся в нескольких верстах от Панкова, т. е. в начале перехода к Боровскому перевозу. В этом донесении кн. Кутузов писал: «Осмеливаюсь всеподданнейше донести вам, Всемилостивейший Государь, что вступление неприятеля в Москву не есть ещё покорение России. Напротив того, с войсками, которые успел я спасти делаю движение на Тульскую дорогу. Сие приведёт меня в состояние защитить город Тулу, где хранится важнейший оружейный завод, и Брянск, где столь же важный литейный двор, и прикрывает мне все ресурсы, в обильнейших наших губерниях заготовленные. Всякое другое направление пресекло бы мне оные, равно и связь с армиями Тормасова и Чичагова, если бы они показали большую деятельность на угрожение правого фланга неприятельского. Хотя не отвергая того, чтобы занятие столицы не было раною чувствительнейшею, непоколеблясь между сим происшествием и событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь в операции со всеми силами линию, посредством которой с дороги Тульской и Калужской партиями моими буду пресекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым отвращу всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и, обратив, на себя внимание неприятеля, надеюсь его принудить оставить Москву и переменить всю свою операционную линию. Генералу Винценгероде предписано от меня держаться самому на Клинской или Тверской дороге, имея между тем по Ярославской

---

* Р. Вильсон: письмо к императору из Красной Пахры 13-го (25) сентября 1812 года.

казачий полк, для охранения жителей от набегов неприятельских партий. Теперь, в недальнем расстоянии от Москвы, собрав мои войска, твёрдою ногою могу ожидать неприятеля, и пока армия ваша цела и движима известною храбростью и нашим усердием, дотоле ещё возвратная потеря Москвы, не есть ещё потеря отечества. Впрочем, Ваше Величество всемилостивейше согласиться изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерею Смоленска и с тем расстроенным состоянием войск, в котором я оные застал»*.

В этом донесении высказан в общих чертах весь план будущих действий фельдмаршала, который только дополняется и объясняется ещё более последовавшими затем его донесениями Государю из Подольска от 6-го числа и из Красной Пахры от 11-го сентября. В первом из этих донесений он говорит: «Сделав два марша по Коломенской дороге для приведения в действие намерения моего склониться ближе на дорогу коммуникаций неприятельской армии, оставя арьергард мой на реке Пахре на позиции у Куликова, форсированным маршом сделал я фланговый к Подольску»**.

Прочитав эти собственные слова фельдмаршала, можно ли подвергнуть сомнению ту мысль, что у него уже был в голове определённый план, сообразно с которым он действовал в то время, когда ещё все его окружавшие недоумевали, терялись в догадках — зачем он пошел по Рязанской дороге, неожиданно повернул к Подольску, и строили свои планы действий. Между тем генерал Ермолов, начальник штаба 1-й армии, который много писал и переписывал всю жизнь, говорит:

«Переправа армии через Москву-реку у Боровского перевоза, по множеству обозов спасающихся из Москвы жителей, совершилась в чрезвычайном беспорядке и очень затруднительно. Направление на Владимир, военным министром предложенное, отменено и определено перейти на Тульскую дорогу. Для сего надлежало предпринять фланговый марш, вблизи неприятеля не безопасный. В продолжение кампании 1812 г. движение сие было решительнейшее и наиболее приличествующее обстоятельствам, а потому весьма многие несправедливо приписывают себе честь сего предложения, хотя ещё под Москвою было рассуждаемо о том, можно ли с Воробьевых гор перейти на Тульскую и даже на самую Калужскую дорогу, а в теперешнем случае мысль сия принадлежит генералу барону Беннигсену, и я свидетелем был, что он говорил о том князю Кутузову».

---

* Подлинное хранится в архиве глав. штаба и в свое время было обнародовано в «Северной Почте», № 75, 1812 г. сентября 18-го дня.

** «Северная Почта» 1812 г. № 77, сентяб. 25-го дня.

Это странное свидетельство, со стороны лица, которое должно бы внушать наиболее доверия, невольно заставляет остановиться на нём и рассмотреть его внимательно. После перехода Москвы-реки при Боровском перевозе, по его уверению было отменено отступление войск по Владимирской дороге, которое на военном совете в Филях предлагал Барклай де Толли. Но зачем же было отменять отступление по Владимирской дороге, когда армия не отступала по ней, а напротив по Рязанской. Эти дороги, расходясь почти под прямым углом одна от другой, в Москве сходятся одна с другою. Отступление через Москву по той или другой дороге представляло одинаковые удобства или неудобства; но переход с Владимирской дороги на Калужскую был бы несравненно труднее и даже едва ли возможен. Поэтому фельдмаршал не без цели избрал для отступления Рязанскую дорогу и вовсе не имел нужды отменять решение отступать по Владимирской. Что же может значить это свидетельство г. Ермолова, прямо идущее в разрез с делом отступления войск по Рязанской дороге, а не по Владимирской? Неужели к такой неудачной попытке он прибёг потому только, что желал показать, будто бы князь Кутузов не мог в это время уже действовать самостоятельно. Сначала он следовал указанию Барклая, оставляя Москву, затем подчинился мысли Беннигсена, повернув на Калужскую дорогу. Действительно, мысль движения на Калужскую дорогу он положительно приписывает Беннигсену; но и эта услуга ему в том же роде, как и услуга Барклаю. Генерал Ермолов говорит, что фельдмаршал решился повернуть на Калужскую дорогу после перехода через Москву-реку при Боровском перевозе. Но уже д. Жилино отстоит от Боровского перевоза в 10-ти верстах, а от Панков только в 4-х. В этой деревне, на подходе к Боровскому перевозу было подписано донесение фельдмаршала к Государю, в котором он прямо говорит о предпринятом им фланговом движении. Следовательно решение фельдмаршала состоялось гораздо прежде; но, очевидно о нём не знал генерал Ермолов в это время и неужели он не узнал о нем впоследствии из своевременно обнародованного донесения князя Кутузова? Говоря, что многие приписывали это соображение себе, Ермолов положительно утверждает, что «что оно принадлежит барону Беннигсену, и это известно ему со всеми сопровождавшимися мелочными обстоятельствами». Остается сожалеть, что генерал Ермолов не упоминает в своих записках ни об одном из этих обстоятельств, а между тем эти, по-видимому, неважные и мелочные в глазах современников обстоятельства весьма часто для потомков составляют важное пособие при объяснении какого-нибудь исторического происшествия. Этот пропуск Ермолова в некоторой степени дополняет сам барон Беннигсен.

В отрывках своих записок, представленных им в январе 1813 года самому императору, он говорит:

«На второй день после оставления Москвы генерал Ермолов, который с большим вниманием слушал всё то, что́ я говорил в военном совете против мысли об оставлении Москвы и сделанные мною предложения, пришёл ко мне и уговаривал меня предложить князю Кутузову перевести войска на Калужскую дорогу, как я предполагал в военном совете. Я ему отвечал, что не менее его вижу необходимость этого движения, и что я немедленно пойду к князю и буду уговаривать его решиться на эту меру. Сенатор Ланской, занимавший должность генерал-интенданта действующих армий, который, опасаясь потерять провиант, направленный им на Калужскую дорогу, и затрудняясь продовольствовать войска в такой местности, где не было устроено магазинов, просил меня о том же. Тогда князь Кутузов согласился сделать это движение. Счастливые последствия этого движения известны».

Второй день после оставления Москвы был 4-е сентября, который войска провели в походе от Панков, при переправе через Москву-реку у Боровского перевоза, которая совершилась в тот же день, и к вечеру войска расположились у селений Кулакова и Боровского перевоза.

В какое время Беннигсен предложил фельдмаршалу переменить направление войск?

Соображая слова Беннигсена с свидетельством Ермолова, на этот вопрос можно отвечать положительно: в то время, когда, перейдя Москву-реку, у Боровского перевоза войска, расположились у Кулакова. Если это, действительно, было так, то становится весьма понятно, почему фельдмаршал, не задумавшись, без малейших возражений, принял предложение Беннигсена, как это выходит из его свидетельства.

В это время уже скакал в Петербург полковник Мишо с донесением фельдмаршала императору, в котором он уведомлял Государя именно об этом фланговом движении и о сделанных распоряжениях отыскать удобную позицию для расположения войск под Подольском.

С этим же полковником Мишо Беннигсен послал письмо к графу Аракчееву, в котором, выражая очень определенно одну мысль, что князь Кутузов сожалеет об оставлении без боя Москвы и считает это действие ошибкою, — и весьма неопределенно другую, — что положение войск улучшается потому, что фельдмаршал слушает его советы. Что касается до первой мысли, то едва ли нужно и доказывать, что она совершенно не верна: князь Кутузов никогда не думал, да и не мог думать, что сделал ошибку, оставив Москву неприятелю и особенно в это время. Что же касается до второй, то можно ли предположить,

чтобы Беннигсен не упомянул о фланговом движении, которое по его указанию будто бы было предположено, если бы в это время он уже предлагал его предпринять фельдмаршалу. Он даже не знал тогда о предположениях в отношении к дальнейшим действиям и в этом же самом письме к графу Аракчееву неопределенно говорит, что о них доложит Государю полковник Мишо.

Но если бы даже и действительно 4-го сентября, прежде отправления полковника Мишо, Беннигсен мог предложить князю Кутузову такое важное движение, как фланговой марш на Калужскую дорогу, то и в таком случае его совет оказался бы излишним и пришёл бы поздно, вот почему: в донесении Государю от 4-го сентября из села Жилина князь Кутузов говорит, что он уже дал предписание барону Винценгероде насчёт того, как он должен действовать на Тверской и Ярославской дорогах, т. е. оберегать Петербург, как резиденцию императорского семейства, и Ярославль — где находилась принцесса Ольденбургская, великая княгиня Екатерина Павловна. Действительно, это предписание дано было им 3-го сентября, т. е. на другой день оставления Москвы и за день до отправления полковника Мишо в Петербург. «Я одобряю, — писал ему князь Кутузов, — сделанные вами распоряжения и нужным нахожу известить вас об операциях, которые я стану предпринимать, дабы вы могли сообразно с оными действовать. Намерение моё есть завтра сделать переход по Рязанской дороге, потом другим выйду я на Тульскую, а оттуда на Калужскую — в Подольск. Сим движением надеюсь привлечь на себя неприятеля, угрожая его тылу. Подольск есть такой пункт, где я надеюсь найти позицию и где будет можно мне подкрепить себя и посылать партии по Можайской дороге. Я постараюсь остаться в Подольске три или четыре дня. Изложив будущие мои операции, предоставляю вам действовать по вашему усмотрению и с искусством, коего вы неоднократно являли опыты. Первым вашим движением, на которое должно быть обращено все внимание ваше, будет занятие снова Клинской или Тверской дороги, оставя на Ярославской — один из ваших казачьих полков, под командою расторопного офицера, который ответствовать будет за все ложные тревоги, могущие дойти до великой княгини. Сей самый пост ежедневно должен доносить в Ярославль и стараться сохранить сообщение с казачьим постом, который я учрежу в Покрове, по Владимирской дороге; сей пост сноситься будет с другим, учреждённым при Георгиевске, откуда будут мною учреждены другие до армии. Я предоставляю вашему превосходительству делать донесения ваши Государю Императору, дабы успокоить его в ложных известиях, которые могут доходить до Петербурга. Изюмский гусарский полк остается у вас».

Приведённое письмо князя Кутузова к барону Винценгероде может служить точным доказательством, что, решившись оставить Москву, фельдмаршал составил полный план будущих своих действий. На другой день барон Винценгероде получил это письмо и немедленно при донесении государю, от 4-го сентября, из Тарасовки послал с него список:

«Сейчас я получил приложенное при сём письмо от главнокомандующего, который одобряет все мои распоряжения и предписывает, между тем, стараться достичь до Петербургской дороги, чтó я немедленно исполню. Итак, повеления Вашего Величества найдут меня на Тверской дороге. По прибытии же моём на сию дорогу, я каждый день доставлять буду к вам рапорты о положении дел».

Генерал Ермолов свидетельствует, что многие присваивали себе соображение о фланговом движении с Рязанской дороги на Калужскую; а кн. Кутузов «желал отнести это любимцу своему Толю». Современники, писавшие о 1812 годе, доказывают справедливость первого замечания Ермолова; что же касается до второго, то нет причин, сколько нам кажется, и его отвергать. Если доходили до кн. Кутузова притязания всех этих господ присвоить себе эту мысль, то он мог указать и на Толя, который действительно с Поклонной горы предлагал отступить на Калужскую дорогу. Сказания современников имели влияние и на позднейших писателей, особенно иностранцев. Желание приписать эту мысль тому или другому лицу вытекало собственно из другого главнейшего желания – лишить кн. Кутузова дальновидности полководца и славы, несомненно соединённых с этим искусным движением, оказавшим такое решительное влияние на весь дальнейший ход войны.

Поэтому мнения разделяются на две группы: одни приписывают эту мысль Беннигсену или Толю, а другие – случайным обстоятельствам, вовсе не входившим в соображения кн. Кутузова. Вольцоген, прусский офицер, наперсник Барклая, в это время флигель-адъютант и полковник русской службы, говорит: «справедливо показание русских писателей, что когда Кутузов 16-го сентября (нового стиля) из Жилина, находящегося между Панками и Кулаковым отправил полковника Мишо с известием в Петербург о причинах оставления Москвы, окружавшие его лица решительно ничего не знали о дальнейших его планах; он оставлял их в совершенном неведении, как можно предполагать потому, что сам он не имел никаких планов. Впоследствии русские начали выдавать это фланговое движение за учёный стратегический маневр, и воспользовавшись этим, кн. Кутузов счастливую случайность представил плодом своих мудрых соображений. Но сколько мне известно – то сила обстоятельств и случай были причинами этого соображения – с целию движения, важного по своим последствиям».

Вольцогену, как доказывают его слова, известно было очень немного. Издавая свои воспоминания о 1812 годе спустя почти 40 лет после совершившихся событий, он мог бы узнать о содержании того донесения, которое кн. Кутузов отправил императору с полковником Мишо, и следовательно о дальнейших планах фельдмаршала; но он остался в том же неведении, в каком находился во время самых происшествий.

Между тем он был близким и доверенным человеком Барклая де Толли, потому его показание о том, что никто из окружавших кн. Кутузова лиц, т. е. весь штаб, не знали о его предположениях, имеет очень важное значение.

Впрочем, мысль об отступлении на Тульскую и Калужскую дорогу в то время казалась так естественна и необходима, что был бы тщетный труд доискиваться, кому она могла придти в голову. Подобные попытки объясняются не положительным желанием открыть первого виновника и воздать ему должную честь, но, к сожалению лишь, отрицательным желанием лишить этой чести кн. Кутузова и выставить его слепым и бессознательным орудием случая или посторонних внушений. «Кутузов ни на что не может решиться, – писал императору гр. Ростопчин, – оставив Москву, он двинулся по дороге к Коломне, потом перешёл на Тульскую и теперь не может решиться перейти на Калужскую, чтобы перерезать сообщение неприятелю с Смоленском и воспользоваться запасами продовольствия, заготовленными в Калуге и Орле»*. Уже после Бородинской битвы в штабах наших армий шла речь об отступлении к Калуге. Таким движением полагали отвлечь неприятеля от Москвы и спасти эту столицу. «Я позволил себе, – говорит ген. Ермолов, – некоторые предположения, о которых не сообщал никому, в той уверенности, что по недостатку опытности в предмете, требующем обширных соображений, могли они подвергаться большим погрешностям. Я думал, что армия наша от Можайска могла бы взять направление на Калугу и оставить Москву. Неприятель не осмелился бы занять её слабым отрядом и не решился бы отделить больших сил в присутствии нашей армии, за которой должен был следовать непременно. Конечно бы не обратился к Москве со всею армиею, оставя там её и сообщение подверженными опасности»**. То предположение, которое не решился никому из скромности сообщить ген. Ермолов, очень громко высказывал Толь. После Бородинского сражения, по свидетельству Клаузевица, полковник Толь не раз выражал мысль, что надо изменить путь отступления и, оставив Москву,

* Письмо 8-го сентября 1812 г.

** Записки А. П. Ермолова о 1812 г., Т. I, с. 206.

направиться к югу, к Калуге. Клаузевиц «с особенным жаром защищал эту мысль потому особенно, что в его понятиях давно уже образовался особый взгляд, что войну в России надо так вести, чтобы, постоянно отступая, привесть снова неприятеля к границам государства»*. Но он понимал однако же, что эта игривая мысль (spielende Idee), как он её называет, не возбуждает сочувствия, и что Толь советует изменить направление отступления для того, чтобы сблизиться с плодородными южными губерниями и прикрыть их от неприятеля, удобнее притянуть к войскам подкрепления и угрожать неприятельскому флангу. Весьма естественно, что и под Москвою, когда решено было отступление, он предлагал совершить его на Калужскую дорогу и думал, что его следовало бы начать еще от с. Мамонова и вероятно повторял свою мысль и после, когда войска уже отступали по Рязанской дороге. Это обстоятельство может объяснить свидетельство Ермолова будто бы «кн. Кутузов желал отнести это своему любимцу Толю»**, т. е. мысль о движении на Калужскую дорогу. Очень может быть, узнав, что её присваивают себе те, которым она и в голову не приходила, князь указал на Толя, который выражал её прежде других.

Сам Барклай, предлагавший отступить на Владимирскую дорогу, впоследствии однако же желал и свои стратегические соображения связать с этою мыслью. В письме к императору в сентябре месяце, он уверяет, что непременно дал бы сражение при Царёво-Займище, и если бы пришлось после снова отступать, то «никогда неприятель не занял бы Москвы, потому что я направил бы моё отступление не на Москву, а на Калугу, сосредоточив все ополчения в Москве. Моё распоряжение о провианте, заготовленном в Калуге, Орле и Туле, который, по счастию и в настоящее время предохраняет нас от голода, рассчитано было в виду этого движения. Направив движение на Калугу и имея сзади подкрепления, которые ежечасно могли подойти ко мне, я бы начал действительное наступление на неприятеля»***. Как в этом письме движение на Калужскую дорогу он называет самым благоразумным и самым смелым, так и в записке о действиях первой армии, которую он впоследствии представил императору, он говорит, что «сие движение есть важнейшее, приличнейшее к обстоятельствам из всех, совершённых со времени прибытия князя. Сие действие доставило нам возможность довершить войну совершенным истреблением неприятеля. Удостоверение столь для меня успокоительное, что было в состоянии облегчить

---

* Клаузевиц. Denckwürdigkeiten.

** Записки А. П. Ермолова о 1812 г., Т. I, с. 216.

*** Письмо Барклая де Толли из Калуги 24 сентября 1812 года.

болезненное моё состояние, изнурявшее меня с самого Бородина»*. Будучи чужд тем соображениям, по которым совершилось это знаменитое фланговое движение, Барклай мог, конечно, радоваться так искренно, что эта радость даже облегчила его недуг, но вместе с тем он попытался связать его с общим планом военных действий, т. е. тем планом, которому будто бы он сам следовал. После оставления Москвы, когда войска еще тянулись по Рязанской дороге, полковник Кроссар обедал у гр. Строганова вместе с кн. Дмитрием Владимировичем Голицыным, гр. Остерманом, генералом Бородиным, кн. Меншиковым, адъютантом гр. Строганова, и капитаном Неклюдовым, адъютантом кн. Д. В. Голицына. Обед не был так весел, как бывают обыкновенно обеды военных на походе; всех тяготила мысль, что Москвою обладает Наполеон. «Поверьте, Бонапарт далеко не может считаться обладателем Москвы, — с резким убеждением заметил Кроссар, — мы можем в 24 часа принудить его оставить Москву и стать в победоносное положение». Конечно подобное замечание обратило на себя внимание всех. «Сделаем ещё три перехода, в том направлении, по которому мы идём, затем вдруг обратимся направо и пойдем в тыл Бонапарту, перпендикулярно его флангу». Затем развернув карту, он указал на Боровск, говоря: «вот куда мы должны прийти». Карта пошла по рукам; гр. Строганов два раза принимался её рассматривать говоря: «это счастливая мысль». То же повторили и другие. «Но зачем идти до Боровска, — заметил кн. Меншиков; — можно остановиться ранее». — «Хорошо, князь, — заметил Кроссар, — остановимся». Увлечённые мыслью Кроссара более и более, русские офицеры начали просить его сообщить эту мысль Беннигсену. После некоторых отговорок он согласился, но, «отворив дверь в комнату, где находился Беннигсен, — говорит Кроссар, — я увидал, что он что-то пишет, и пошёл назад. Когда я вышел, мне встретился флигель-адъютант кн. Сергей Голицын, состоявший при Беннигсене в это время; с ним был какой-то генерал, начальник пионеров, которого имени не припомню». Кайсаров рассказал ему, с какою целью шёл к генералу; они также одобрили его мысль и просили сообщить ему. «Вам известно теперь, какое я предлагал движение, вы можете всегда его сообщить ген. Беннигсену. На том дело и осталось, — говорит Кроссар, — я пошёл к Барклаю де Толли. Мой приход к нему имел вид простого посещения из вежливости; но, разговаривая с ним о военных происшествиях, я незаметно довёл речь к тому, что рассказал ему о предполагаемом мною движении, которое получило уже значение потому, что его

---

* Чтения в Имп. Обществе истории и древностей Российских. 1858, кн. IV, отдел 2, с. 28.

одобрили. Барклай хладнокровно взял карту, открыл, рассматривал её несколько времени и снова сложил, не произнесши ни одного слова, ни одобрив, ни похулив моё предложение. Я ушёл от него. Вскоре потом я видел, что он шёл к фельдмаршалу. Говорил ли он ему о моём предложении или нет – я никогда не узнал. Точно также я не знал, говорил ли о нём Беннигсену кн. Голицын»*. Барклай де Толли, погружённый в соображения о превратности своей судьбы, не обратил внимания на это предположение и не говорил о нём кн. Кутузову; иначе, он не умолчал бы об этом в своих письмах к императору и оправдательных записках о своих действиях, которые ему представлял.

Император, получив известие об оставлении Москвы от гр. Ростопчина и отправляя в армию генерал-адъютанта кн. Волконского, сказал ему: «Не понимаю, зачем фельдмаршал пошёл на Рязанскую дорогу; ему следовало идти на Калужскую. Тотчас поезжай к нему; узнай, что́ побудило его взять это направление, расспроси об армии и о дальнейших его намерениях»**. Даже невоенный человек, хотя носивший мундир в это время, гр. Ростопчин, не предполагал возможности иного пути отступления наших войск, как на Калужскую дорогу. Ещё утром, 30-го августа, разговаривая с С. Н. Глинкой о возможности оставления Москвы без боя, он с уверенностью определял путь отступления армии. Когда Глинка, указывая на карту, заметил, что «сдача Москвы отделит её от полуденных наших губерний. Где же армия к обороне их займёт позицию?» Граф отвечал: «на старой Калужской дороге, где и моё село Вороново, я сожгу его»***.

Если мысль отступления на Калугу была так естественна, что входила в соображение весьма многих лиц, то почему же эта мысль могла миновать самую умную и опытную в военных соображениях голову – старого вождя русских войск? Но мысль может иметь свои достоинства, однако же её значение определяется способом её исполнения на деле, если оно последует успешно. Эта мысль выражалась в двух видах: одни предполагали, что после Бородинского сражения наши войска должны были отступать не на Москву, но на Калугу, другие предлагали это направление подойдя уже к Москве, но не проходя через город. Что касается до такого предположения, то сохранились свидетельства современников, что кн. Кутузов выражался решительно против него. Когда после Бородинского сражения оно сделалось ему известно, он

* Mémoires militaires historiques par B. Crossard. T. 18, c. 369–373.

** А.И. Михайловский-Данилевский. Полное собр. сочинений. Т. IV, Ч. XXXVII, с. 529.

*** С. Н. Глинка. Записки о 1812 годе, с. 54.

отвечал коротко: «пусть идёт неприятель на Москву!»* В отношении же ко второму предложению не может быть и сомнения в том, как отнёсся к нему кн. Кутузов: он повёл войска на Рязанскую дорогу и всех привёл в недоумение.

Эта мысль исключительно принадлежит князю Кутузову; мы можем утверждать решительно уже потому, что никто не пытался её себе присвоить. Между тем, в этом движении и заключается вся особенность в способе исполнения довольно общей мысли в это время о фланговом движении русских войск на перерез сообщений неприятеля. Скрывая тщательно свои предположения от своего штаба, князь Кутузов объяснил, однако же, императору цель предпринятого им движения на Рязанскую дорогу; он называет его фальшивым движением, предпринятым для того именно, чтобы скрыть действительное, ввести в заблуждение неприятеля, — конечно, для того, чтобы дать возможность войскам совершить беспрепятственно трудный марш, оградив их от нападения противника. Этой цели князь Кутузов достиг вполне.

Неприятельский авангард, обманувшись ложным движением на Коломну, потерял из виду наши войска, и Наполеон был в тревоге от неведения о направлении наших войск в продолжение двенадцати дней, со времени вступления в Москву (до 14-го сент.)**. Между тем в это время фланговое движение было совершено и войска находились при Красной Пахре.

Предполагая весьма не долго оставаться на Рязанской дороге, князь Кутузов не сделал распоряжения о передвижении туда продовольствия, которое после Бородинского сражения было направлено им на Калужскую дорогу. Но фланговое движение было несколько замедлено при выступлении из Москвы большим количеством жителей, оставлявших столицы, и их обозами, а потом — дурными просёлочными дорогами. «Впрочем, ещё у Подольска, — говорит один из участников похода, — хлеба, мяса, водки и овса у нас было достаточно. Перед Москвою нам вволю всего надавали, только для лошадей трудно было найти сена. В Подольском казначействе, к нашей большой отраде, осталась какая-то тяжёлая казна медных денег, с которою в настоящей опасности не знали, что делать, а потому заблагорассудили раздать её войскам. От каждого полка и артиллерийской роты потребовали команды для принятия денег, сколько приходилось кому по расчёту, в том числе и ко мне в роту принесли, что следовало, пята-

---

* Записки кн. А. Б. Голицына о 1812 годе.

** Chambray. Expédition de Russie, Ч. 2, кн. 2, с. 149 и 150; Fain. Manuscrit de 1812, Т. II, Ч. VI, кн. 4, с. 109 и след.

ками. На походе от самой Вильны мы поистратились деньжонками и задолжали маркитантам; ропота же никакого не имели и даже думали, что, потерявши Москву, вовсе не будем получать жалованья, а потому этот скудный дар был нам весьма кстати»*. Замедление флангового движения произвело, однако же, то, что продовольствие, наконец, стало уменьшаться, и фельдмаршал принуждён был поручить корпусным и дивизионным начальникам** «согласить полки на покупку их попечением провианта на четыре дня, по утверждённым ценам». Но это затруднение продолжалось не долго: войска уже находились на Калужской дороге, и огромные запасы, собранные в Калуге, без сомнения, не замедлили к ним приблизиться.

По мере того, как развивалось и приводилось в исполнение фланговое движение, дух войск, взволнованных и огорчённых оставлением Москвы, начал мало-помалу успокаиваться, и глубокое доверие к фельдмаршалу, которое постоянно питали к нему войска, восстановилось снова. «Куда нас ведут!.. Куда нас завёл!..» — слышались возгласы войск, проходивших мимо самого князя Кутузова, оставлявших Москву. «Между офицерами множество было предположений и догадок; но никто не попадал на настоящую цель Кутузова»***. Тревожному состоянию духа войск придал особое направление — пожар Москвы.

В первый вечер по выходе из Москвы войска услыхали громовой грохот и увидали пожар. Взорваны были барки с комиссариатскими запасами под Симоновым монастырём, и загорелся винный двор за Москвою-рекою. Быстро оглянулись наши воины на Москву и грустно говорили: «горит Матушка-Москва, горит!».

«Объятый тяжкою, гробовою скорбью, — пишет С. Н. Глинка, — я ринулся на землю с лошади, и ручьи горячих слёз смешались с прахом и пылью». Из Панков было видно зарево пожара; но это было только начало. На другой день, 3-го сентября, «уже большая часть горизонта над городом означалась пламенем: огненные волны восходили до небес, а черный, густой дым по небосклону расстилался до нас. Тогда мы все невольно содрогнулись от удивления и ужаса»****. Но это чувство скоро перешло в негодование: думали, что французы жгут Москву! «Вот тебе и златоверхая Москва! красуйся, матушка, русская столица», — говорили солдаты с большою досадою*****. Когда войска перепра-

---

* Записки артиллериста о 1812 г., Ч. 1, гл. VI, с. 175 и 176.

** Дополнение к приказу князя Кутузова от 10-го сентября.

*** Записки С. Н. Глинки о 1812 годе, с. 72 и 75.

**** Записки С. Н. Глинки о 1812 годе, Ч. 1, с. 74.

***** Записки артиллериста, с. 172.

вились через Москву-реку у Боровского перевоза и расположились на крутом её берегу, с Мячьковского кургана открылся перед глазами их во всём объёме московский пожар. «Я видел сгорающую Москву, — говорит один из свидетелей происшествия, — она, казалось, погружена была в огненное море. Огромная ярко-багровая туча дыма висела над нею»*. В виду этого зрелища, лишь только войска расположились на бивуаках, «раздался ужасный взрыв порохового погреба в городе. Этот удар потряс все окрестности, и эхо страшного грохота передало его во все концы»**.

Не понимая ещё значения флангового движения, волнуясь жаждою отмщения врагу за истребление Москвы, войска тревожила мысль, как бы император не заключил мира с Наполеоном. Действительно, в армии ходили слухи, что идут переговоры о мире, что наше правительство уступает ему все губернии до Днепра и Смоленск, что даст даже вспомогательное войско, для завоевания английских владений в Индии. Волнение было так сильно, что некоторые думали, что фельдмаршал обратил на него внимание и принял меры. Поводом к этим слухам послужило следующее обстоятельство.

В то время, когда войска стягивались на Калужскую дорогу, а главная квартира находилась уже в Красной Пахре, Барклай де Толли обратился с просьбою к фельдмаршалу представить Государю список лиц, которые отличились в сражениях, бывших до оставления Смоленска и после — до того времени, когда главное начальство над войсками принял на себя князь Кутузов. Очевидно, Барклай желал показать, что подчиняется военной дисциплине, сознаёт свой долг повиновения старшему и исполняет его.

Без сомнения, Кутузов понял эту, вынужденную обстоятельствами, покорность власти и, не желая раздражать и так уже болезненно напряжённого самолюбия Барклая, он предоставил ему самому не только сделать это представление Государю от своего имени, но и, по праву главнокомандующего, самому награждать нижних чинов как производством в унтер-офицеры, так и знаками военного ордена.

Этот учтивый поступок фельдмаршала имел, однако же, такие последствия, как увидим далее, которых он, без сомнения, и предвидеть не мог, несмотря на всю прозорливость.

«Единственно повинуясь настоятельным приказаниям фельдмаршала князя Кутузова, имею счастие представить Вашему Императорскому Величеству список лиц, отличившихся во многих сражениях, до

---

* Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера, с. 25.

** Записки артиллериста, Ч. 1, с. 175.

прибытия к войскам его светлости», — писал императору Барклай де Толли*, а также, конечно, исполняя приказания фельдмаршала, объехал войска и роздал награды нижним чинам. Он останавливался перед каждым полком и говорил речи. Содержание одной из таких речей передаёт современник в следующих словах: «Храбрые воины, верные сыны России! я вижу уныние на лицах ваших, выражающих печаль сердца, слышу патриотический глас негодования. Настоящее событие, конечно, прискорбно для каждого русского, но оно ещё не есть конец начатого дела; часто среди крайностей требуются великие жертвы, для спасительных последствий. Вспомните, как государь Петр I-й находился в подобных нашим обстоятельствах, вспомните, как он завёл врага своего под Полтаву и там погубил его. Мы, с помощью Божиею и вашим мужеством, надеемся то же сделать, если только с терпением и кротостию предадитесь воле предводителей своих, которые ведут вас для спасения отечества и для собственной вашей славы. Правда, столица наша превращена в пепел; но знайте, что из пепла сего возрождается гибель врагу и всей его силе; скоро почувствует он истребление. Уже войска его изнурены нуждою и трудами дальнего похода, войска до половины вами побиты, потеряли устройство и бодрость; они представляют не более как толпу бродяг, алчущих добычи и пропитания. Скоро увидите вы перед глазами своими погибель нового Карла XII; скоро он побежит от вас быстрее молнии, но не вынесет костей своих из царства Русского и прах его развеется под стопами вашими!»

Теми ли именно словами говорил свою речь перед каждым полком Барклай де Толли, или нет — конечно, нельзя сказать утвердительно, но, вероятно, её смысл передан верно. Естественно, что она должна была произвести впечатление, убедив окончательно в том, что уже смутно начинали понимать войска, приближаясь к цели предпринятого фельдмаршалом движения. Уже то обстоятельство, что с этими словами, для успокоения сынов России, огорчённых потерею столицы, явился тот, на кого более всех обращалось негодование, как на производителя бесконечной ретирады и причину несметных потерь, — и вот он решился предстать сам пред войсками с спокойным челом, уверенный в правоте своей, «должно было особенно подействовать на войска». Кто знает русского солдата, тот знает также, что одно доброе слово начальника внушает к нему доверие и возвышает упадший его дух. Но это обстоятельство, важное, без сомнения, для войск, было ещё важнее для самого Барклая. Тот же современник-свидетель, который сохранил в своих записках об этом времени его речь, замечает: «таким

* Письмо Барклая де Толли 11-го сентября 1812 г. из Красной Пахры.

образом говорил почтенный вождь перед каждым полком и примирился с воинами. Речь его ещё более возымела действия, когда он в каждом полку по нескольку отличных рядовых произвёл в унтер-офицеры и роздал по нескольку знаков отличия военного ордена св. Георгия за храбрость. В одном Елецком полку он произвёл 20 человек в унтер-офицеры. После этого все ободрились. Старые усачи припоминали предание отцов своих, как, подлинно, швед был разбит наголову под Полтавою, и надеялись, что с Наполеоном Карловичем то же может случиться, если сами постоим грудью до последней капли крови и предадимся совершенно во власть начальников. Уже не стали горевать о Москве, говоря, что царь-де нам из каждого города может поставить столицу, так же как Петр Великий из болота вывел Петербург. К вечеру во всех полках заиграла музыка духовая и роговая, везде запели песни, и воинское веселие опять разлилось по-старому. Тихая погода, приятное зарево заходящего солнца по чистому небосклону, отголоски музыки, повторяемые эхом из леса, который закрывал перед нами дым курящейся под пеплом Москвы, утешительные беседы, утешительная надежда на будущее, полная доверенность к распоряжениям фельдмаршала, — всё это вместе романически услаждало сердце каждого воина. В продолжение целого похода я не имел столь приятных ощущений», — заключает своё описание очевидец, которого рассказами мы воспользовались*.

По мере приближения к Старой Калужской дороге значение флангового движения более и более уяснялось войском. «Тут уже все стали разуметь, что это идут в тыл неприятелю; каждый удваивал шаги, желая застать его врасплох, и солдаты сожалели, что переходы были небольшие»**.

Во время флангового движения, с самого выхода из Москвы, князь Кутузов не терял спокойствия духа, как свидетельствуют те, которые видели его в то время. «Я видел его важное и спокойное лицо, — говорит один из них, — казалось, он был в полном уверении о предстоящем перевороте судьбы неприятеля и ожидал только успеха, долженствовавшего увенчать его мудрые предприятия для спасения отечества»***. Его бессменный ординарец, князь Голицын, посланный им к Милорадовичу, возвращаясь нашёл уже войска на походе к Подольску. На привале князь Кутузов сидел и пил чай, окружённый мужиками, с которыми разговаривал; он давал им наставления, а когда они с ужа-

* Записки артиллериста, Ч. I, с. 178–181.

** Записки артиллериста, Ч. 1, гл. VI, с. 184.

*** Записки А. П. Ермолова, с. 174.

сом говорили о пылающей Москве, он ударил себя по шапке и сказал: «жалко, это правда, но погодите я ему голову-то проломаю»*. Кутузов на другой день собрал усталых и, не дожидаясь более одних суток, перешёл в Красную Пахру, на Старую Калужскую дорогу, где и начинается целый ряд достопамятных событий сей кампании.

Князя Кутузова некоторые упрекают за остановку у Подольска. Но он промедлил день у Панков для того, чтобы обезопасить участь выходцев московских, а у Подольска – для того, чтобы собрать усталых и отсталых. Цель флангового движения он считал уже достигнутою и переход на Старую Калужскую дорогу был уже не длинён**.

Тайна, с которою совершилось это движение, обеспечила его успех. Эту тайну князь Кутузов не сохранил, однако же, перед императором и в донесении, посланном с полковником Мишо, объяснил своё намерение совершить фланговое движение. Конечно, он знал, что когда его донесение будет получено в Петербурге, то фланговое движение будет уже приведено в исполнение и слух о его намерении не распространится преждевременно. Но почему же никто из высших лиц окружавших его штабов не знал о его предположениях, почему от них он сохранил это в строгой тайне?

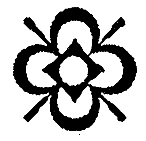
На этот вопрос, предварительно, мы ответим словами начальника штаба первой армии генерала Ермолова, который говорит: «я не переставал признавать главную квартиру врагом всякой тайны»***. Окончательным ответом на этот вопрос будет следующая глава.

---

* Записки князя А. Б. Голицына.

** Записки А. П. Ермолова о 1812 г., Т. 1, с. 216.

*** Записки А. П. Ермолова о 1812 г., с. 220.

Глава 2

Едва наши войска окончили знаменитое фланговое движение и стали при Тарутине, чтобы по слову вождя не двигаться уже ни шагу на запад, как главнокомандующий Барклай де Толли оставил армию и недолго спустя после его отъезда последовал за ним и генерал Беннигсен.

Чтó заставило оставить армию генерала Барклая, оказавшего такие заслуги России, блистательным образом его действий во время Бородинской битвы и деятельным участием во время отступления наших войск и особенно в их переходе по Москве? Без сомнения, не болезнь, хотя он и был в это время нездоров, но это нездоровье или лучше сказать утомление после стольких трудов и подвигов, перенесённых им с высоким самоотвержением, в то время было таково, что оно им заявлено только в прошении об отпуске, а затем о нём и помину не было.

«При самом отъезде из лагеря я слышал замечательные слова, от Барклая, – говорит один из его адъютантов, бар. Левенштерн*. – Обыкновенно сосредоточенный в себе, говоривший краткими словами и привыкший к коротким военным приказаниям, человек вдруг разговорился с одушевлением».

– В настоящее время, – говорил Барклай, – всё против меня, и я должен покориться моей судьбе; но я предвижу более благоприятное время в будущем; когда сообразят все, что произошло, тогда воздадут мне справедливость. Я взвёз экипаж на гору, с её вершины он уже покатится сам собою при незначительном пособии. Лучшая часть моей роли остаётся на долю князя, и я готов бы принять в ней участие, оставаясь простым начальником моего егерского полка, если бы только это было возможно. Но я вижу, что моё здесь присутствие производит несогласия и раздоры и может возбудить их в войсках. Моё дело сделано; вот мой памятник – хорошо поддержанное, всем снабжённое и готовое к бою войско; а перед ним неприятель с расстроенными силами, неуверенный в самом себе и который может сделаться игрушкой нашей воли. Прощайте, любезный Левенштерн, я рад, что при этом случае могу вам объявить, что по моему представлению, за Бородинское сражение вы произведены в подполковники.

---

* Denkwüdigkeite eines Livländers, Ч. I, с. 246 и 247.

В этих словах выражалась действительная причина, вынудившая Барклая удалиться из Тарутинского лагеря.

Неудача первоначального плана военных действий, послужившего поводом к необходимости соединить обе западные армии, уже ставила лично Барклая де Толли в затруднительное положение. Хотя главноначальство над обеими армиями и принадлежало ему, однако же кн. Багратион был также главнокомандующим, его армия составляла отдельное целое с своим особым штабом. Он был старше Барклая по службе, имел бóльшую известность, как военный человек, и совершенно иначе смотрел на способ военных действий. Все эти обстоятельства делали для него весьма тяжёлою его подчинённость Барклаю, хотя он и делал это во имя долга.

Но ещё тяжелее должна быть такая вынужденная обстоятельствами подчинённость кн. Багратиона для самого Барклая. Она не могла не стеснять свободы его действий, а различные взгляды их обоих на способ ведения войны поселяли между ними рознь, которая разжигалась и усиливалась штабами обеих армий, одушевляемых соперничеством друг с другом, а иногда и враждою.

С назначением кн. Кутузова главнокомандующим всеми армиями, положение Барклая сделалось ещё затруднительнее. Он терял первенствующее значение в отношении второй армии и становился в одинаковое положение с кн. Багратионом, хотя отдельное управление первою армиею с её особым штабом и оставалось при нём. Если бы князь Кутузов нашёл при армии одного главнокомандующего Барклая, то он самою силою обстоятельств был бы поставлен в положение его помощника и ближайшего советника, с которым, без сомнения, для него легче было бы примириться, а умному и опытному кн. Кутузову представился бы удобный случай с пользою для общего дела воспользоваться службою Барклая; но рядом с ним был другой главнокомандующий, кн. Багратион, которого положение не изменялось от назначения нового главнокомандующего, а даже улучшалось: он подчинялся не Барклаю, но кн. Кутузову, старшему в отношении к нему и никак не менее его пользовавшемуся известностью, и при том главнокомандующему всеми армиями, а не одною первою западною. Следовательно в какой мере выигрывало положение кн. Багратиона, в той мере ухудшилось положение Барклая; сверх того непосредственно его отношение к кн. Кутузову стеснялось и ограничивалось новым лицом, по самому своему положению и личным качествам ставшим между ними, — начальником штаба кн. Кутузова, генералом Беннигсеном, который считал себя достойным и способным иметь не второстепенное, но первенствующее значение. Таким образом сила обстоятельств

поставила Барклая почти в то же положение, в котором находились начальники отдельных отрядов и даже корпусные командиры. Какою бы силою самоотвержения он ни обладал, едва ли можно сомневаться в том, что подобное положение было крайне тяжело для него.

Получив известие о назначении главнокомандующим кн. Кутузова, накануне его прибытия в Гжатск, Барклай писал к Государю: «Каждый верный подданный и ревностный слуга своего монарха и отечества должен исполниться чувствами истинной радости, получив известие о назначении главнокомандующего всеми армиями, облечённого властью направлять их действия к одной общей цели. Благоволите, Государь, принять выражения этих чувств радости, которыми и я проникнут. Искренно желаю, чтобы успех соответствовал намерению Вашего Величества. Что касается до меня, то я ничего другого не желаю, как доказать пожертвованием моей жизни всю мою готовность служить отечеству в каком бы то ни было звании и какие бы обязанности на меня возложены ни были. Умоляю Ваше Величество не думать, чтобы моё донесение было вызвано испуганным самолюбием, потому что в настоящих обстоятельствах было бы изменою не чувствовать всей опасности, которая угрожает отечеству, и не видать необходимости всё принесть ему в жертву. Вы удостоили меня высокой доверенности, и это даёт мне смелость говорить Вам с полною откровенностию. В качестве главнокомандующего, подчинённого кн. Кутузову, я знаю мои обязанности и в точности их исполню.

Однако же, мне еще неизвестно, в каких я буду находиться с ним отношениях в качестве военного министра. Может быть, Государь, мне позволено будет приписать благорасположение Вашего Величества, ещё продолжающимся, к тому, кто прежде пользовался полною Вашею доверенностию, что Вы оставили нерешённым этот вопрос и не вверили управление военным министерством другому лицу. Я позволю себе настоятельно умолять Ваше Величество не останавливать ни на минуту Вашего внимания на этом обстоятельстве, имея в виду единственно пользу службы. Вам известны мои взгляды в этом отношении ещё до начала войны. Они с тех пор не изменились; напротив, при настоящих обстоятельствах они сделались ещё твёрже. Примите, Государь, эти выражения, как доказательства полной доверенности и беспредельной преданности к священной особе своего Государя со стороны покорного подданного, который единственно желает с пользою служить своему монарху.

В настоящее время я не хочу говорить, к каким бы последствиям вскоре привели военные действия тех войск, которые мне были вверены. Успех послужит доказательством, мог ли я делать что-нибудь

лучшее для спасения отечества. Если бы мною руководило слепое и безумное самолюбие, то Ваше Величество получили бы множество донесений о сражениях, а неприятель, между тем, был бы под стенами Москвы и не было бы достаточно сил противостоять ему»*.

Это письмо очень ясно выражает тревожное состояние духа, в котором находился и не мог не находиться в это время генерал Барклай. Без сомнения, более всего его волновала мысль, не лишится ли он доверенности и расположения императора, которыми до этого времени пользовался в полной мере.

Его самолюбие было и не могло не быть оскорблено. Степень этого оскорбления показывает именно то обстоятельство, что он не мог скрыть, и выразил его в приведённом письме, придираясь к званию своему, как военного министра, хотя знал, что носил это звание лишь по имени, и не управлял и не мог управлять министерством.

Быть может, в то время, когда он писал это письмо, ему уже были известны предположения того комитета, который предложил Государю назначить кн. Кутузов главнокомандующим всеми армиями, предоставив единственно ему все права, с этим званием соединённые, на основании «Уложения о большой действующей армии». В докладе этого комитета, представленном императору, сказано: «военному же министру Барклай де Толли полагают предоставить на волю остаться при действующих армиях под командою кн. Кутузова, но в таком случае сложить ему звание и управление военного министерства. В противном случае предоставить его воле сдать командование первою западною армиею, кому от князя Кутузова приказано будет, а ему возвратиться по должности военного министра в Петербург». В заключении же доклада выражена мысль, что как в том, так и в другом случае — «следует уволить его от звания военного министра и поручить полное управление сим министерством управляющему уже и ныне департаментами оного генерал-лейтенанту князю Горчакову». Предложение комитета о назначении князя Кутузова было принято императором и немедленно исполнено; но увольнение Барклая от должности военного министра состоялось гораздо позднее, когда император получил от него приведённое выше письмо**. Очевидно император хотел поступить в этом случае согласно с желанием самого Барклая, поэтому в рескрипте

* Письмо Барклая из глав. квартиры 16-го ав. 1812 года.

** Журнал чрезвычайного комитета был 5-го августа. Рескрипт князю Кутузову, указ о нём Сенату и отношения к Барклаю, князю Багратиону, Тормасову и Чичагову — 8-го августа; рескрипт же Барклаю об увольнении от должности военного министра и указ Сенату — 24 августа.

сказано: «вследствие рапорта вашего от 16-го августа, нахожу ваши военные занятии при армии столь важными и многотрудными, что полагаю исполнение должности военного министра невозможным по совершенному недостатку времени, а равно по отдалению, в котором вы находитесь от меня».

Но если Барклаю не были известны предложения на его счёт чрезвычайного комитета, то из рескрипта ему он видел о назначении Кутузова главнокомандующим, и в котором предписывалось ему с первою армиею состоять в точной его команде. Из этого он мог понять, что желание Государя состоит в том, чтобы он оставался при армии. Этот рескрипт оканчивался следующими словами: «я уверен, что любовь ваша к отечеству и усердие к службе откроют вам и при сём случае путь к новым заслугам, которые мне весьма приятно будет отличать подлежащими наградами».

При таком положении вещей генералу Барклаю ничего не оставалось, как выносить действительно тяжелое положение, которое волею и неволею должны были ему напоминать окружавшие прежде лица: их отношения к нему, без сомнения, изменились. До какой степени ему казалось его положение тяжелым, что смерть он считал единственным выходом из него, и действительно искал её при Бородине. Оставался же он в армии не по своему убеждению, но вследствие давления внешней силы – воли Государя. Подобное состояние духа могло возбудить храбрость и пренебрежение к опасностям, но едва ли способствовало распорядительности во время больших кровопролитных сражений.

После оставления Москвы и отступления войск к Тарутину, значительные потери в войсках, особенно во второй армии после сражения при Бородине, выбытие за ранами её главнокомандующего и начальника штаба послужило поводом князю Кутузову упростить многосложное управление двумя армиями, на самом деле находившимися в полном соединении и считавшимися разделёнными только потому, что каждая имела свой штаб с отдельным начальником и своего главнокомандующего. Приказом от 16-го сентября Кутузов соединил обе армии, оставив главнокомандующим Барклая де Толли и начальником штаба генерала Ермолова. Какое же значение мог иметь, так сказать, второстепенный главнокомандующий, не облечённый никакою властью и не имевший никаких обязанностей? Какое значение мог иметь его штаб с особым начальником, когда при князе Кутузове начальником штаба был генерал бар. Беннигсен, да сверх того назначен был дежурным генералом генерал Коновницын, которого обязанности смешивались с обязанностями начальников штабов? Генерал Ермолов немедленно понял своё положение и несколько раз просил уволить его от занимае-

мой им только по имени должности. Но князь Кутузов не отвечал на эти просьбы, и весьма естественно потому, что, уничтожая должность начальника штаба первой армии, он тем самым лишал Барклая последней принадлежности звания главнокомандующего, низводя его в ряды всех других подчинённых ему генералов, и с тем вместе не желал дать предлога Барклаю говорить впоследствии, что его удалили из армии. Между тем за это-то звание и держался Барклай и, за последовавшей только переменой, решился оставить армию.

В сущности новые распоряжения князя Кутузова весьма мало изменяли его положение, но это была последняя капля, по выражению одного из современников, переполнившая и так уже полный до краёв сосуд. Положение Барклая так было исключительно и так тяжело, что едва ли беспристрастное потомство могло бы строго осуждать его поступок; но удаление его из армии сопровождалось некоторыми особенными обстоятельствами.

22-го сентября он подал прошение кн. Кутузову об отпуске и немедленно его получил, как сам извещает в тот же день императора. Он говорил, что оставляет войска по случаю расстроенного здоровья, едет в Калугу, где будет лечиться, и потом в Тулу, где остановится в ожидании «высочайших о нем распоряжений». Но к этому прошению он присовокупил следующее письмо к князю*: «С сердцем, исполненным горести, я был принуждён, как по причине расстроенного здоровья, так и по обстоятельствам, которые буду иметь честь объяснить, усердно просить вашу светлость избавить меня от командования армиею. Решимость оставить армию, с которой я желал жить и умереть, мне стоит многих сожалений. Но я считал это своею обязанностию для пользы службы моему Государю и для личного моего успокоения просить, как милости, позволения удалиться. Во время решительное, когда грозная опасность отечества вынуждает отстранить всякие личности, вы позволите мне, князь, говорить вам со всею искренностию и обратить ваше внимание на всё дурное, которое незаметно вкралось в армию или без вашего соизволенья, или не могло быть вами замечено. Управление армиею, так хорошо установленное, в настоящее время не существует. Ваша светлость начальствуете и даёте приказания, но генерал Беннигсен, и все те, которые вас окружают, также дают приказания и отделяют по своему произволу отряды войск, так что тот, кто носит название главнокомандующего, и его штаб не имеют об этом никаких сведений до такой степени, что в последнее время я должен был за получением сведений о различных войсках, которые были

* Письмо Барклая от 21-го сентября 1812 года в Тарутинском лагере.

отделены от первой армии, обратиться к вашему дежурному генералу, но и он сам ничего не знал. Чтобы узнать, где находятся казаки этой армии, отнеслись к генералу Платову, но и он ничего не знал. На этих днях мне был прислан приказ отделить часть кавалерии для подкрепления ариергарда и при этом забыли, что вся кавалерия, не исключая кирасир, уже была отделена, о чем меня даже и не уведомили. Квартирмейстерская часть совершенно расстроена, потому что нет генерала-квартирмейстера, сегодня это Толь, завтра Нейдгардт, на другой день М. Хоментовский и прочие исправляют эту должность, и все офицеры этой части, которые были распределены между главною квартирою и различными корпусами и каждый из них имел своё назначение, составляют теперь свиту ген. Беннигсена, который употребляет их так, что недавно никто не знал, по какой идти дороге и где остановиться. Обе армии, зная только, что надо следовать большою дорогою, шли без порядка; экипажи, артиллерия, кавалерия, пехота, часто изломанные мосты останавливали движение, о починке которых не прилагалось никаких стараний. Приходя, после утомительного перехода, на назначенное место, войска бродили остаток дня вправо и влево, не зная, где остановиться, и наконец останавливались по сторонам большой дороги в колоннах, без биваков и продовольствия; я сам за несколько дней тому назад не имел при себе никого из квартирмейстерского корпуса, который мог бы дать мне сведения о переходах и стоянках.

Корпус путей сообщения, образованный при армии для наблюдения за дорогами и мостами, и который, под начальством полковника Манфреда, прекрасно исполнял свои обязанности, отделён от армии; генерал Беннигсен отдал его под начальство генерала Ивашева, присоединив к нему и всех пионеров обеих армий, 500 человек конных и 2000 пеших ополченцев и, несмотря на то, по пути нет ни мостов, ни приготовленных дорог, а старые офицеры этого корпуса или уволены, или разосланы, так что я ничего об этом не знаю, хотя они и принадлежат к армии. Две трети армии со всею кавалериею, хотя она так расстроена, что не может более служить, находятся в ариергарде и исключены из всякой зависимости от главнокомандующего армиею, потому что они получают приказания только от генерала Беннигсена и ему представляют донесения, и я должен иногда выпрашивать, так сказать, как милостыни, сведений о том, что́ делается в ариергарде.

Три раза в один день отдаются приказания атаковать неприятельские аванпосты и три раза отменяются. Наконец приводятся бесполезно в исполнение около вечера без цели и основания, потому что ночь заставляет прекратить действия. Подобные поступки заставляют опасаться, что армия потеряет всякое доверие к своим начальникам и даже храбрость.

Вот, князь, верная картина армии, положение того, кто после заслуг, оказанных отечеству, находится в несчастном состоянии подпасть ответственности и страдать за все дурные последствия, которые он предвидел и не имел никакой власти предупредить их.

При этих обстоятельствах, которые ещё усиливает враждебная партия своим смертельным ядом, когда величайшее несчастие может последовать для армии, пользы службы требуют, по крайней мере с моей стороны, не ронять достоинства главнокомандующего. Моя честь, моё имя вынуждают меня, как честного человека, на этот решительный шаг. Армия, которая находится не под начальством одного, но многих, не может не приблизиться к совершенному разложению.

Все эти обстоятельства в совокупности расстроили моё здоровье и сделали меня неспособным продолжать службу».

Переустройство армии, после потерь, понесённых ею в Бородинском сражении, постоянно составляло предмет внимательных забот не только кн. Кутузова, но и самого императора, принимавшего неутомимое участие во всём ходе дел. Предлагая различные меры в этом отношении кн. Кутузову, он предусматривал необходимость соединения двух западных армий в одну. Увольняя генерала Тормасова, по желанию адмирала Чичагова, от начальства вверенною ему армиею, он писал к нему, что по случаю раны, полученной кн. Багратионом «в значительной победе, одержанной над императором Наполеоном генералом-фельдмаршалом кн. Кутузовым под Бородиным», он считает перемещение его в 2-ю армию необходимым*. В то же время император писал кн. Кутузову, что «приближение храброй молдавской армии по соединении с третьею западною и важность настоящих обстоятельств заставляет меня обратить внимание на необходимость, чтобы один начальник ими руководствовал. Из двух, по искренности с вами, признаю способнее адмирала Чичагова по решительности его характера. Но не хочу я огорчать генерала Тормасова и потому нахожу приличнее вызвать его к армиям, вами предводительствуемым, как бы по случаю раны кн. Багратиона. По приезде генерала Тормасова от вас будет зависеть употребить его по вашему усмотрению, и убыль, происшедшая в достопамятном сражении под Бородином во второй армии, может вам служить предлогом уже не разделять сих двух армий на двое, а почитать за одну. Тогда генералу Тормасову можете вверить резервы или другую часть по вашему усмотрению»**.

* Два рескрипта императора кн. Кутузову от 1-го сент. 1812 г. Рескрипт императора Тормасову от 1-го сент. 1812 г.

** Рескрипт кн. Кутузову 1-го сент. 1812 г.

Тяжёлое положение, в котором находился Барклай, видевший повсюду личных своих завистников и недоброжелателей, всеми способами старающихся его унизить и оклеветать, еще могло бы объяснить и оправдать его письмо к кн. Кутузову, который, читая его, конечно не мог не понять его значения, но не мог, однако же, и не заметить доли правды особенно в отношении к образу действий барона Беннигсена. Но это письмо есть только выписка им того донесения, которое в то же время Барклай отправил к императору. «Я не нахожу выражений, – писал он Государю, – чтобы описать ту глубокую скорбь, которая точит моё сердце, когда я нахожусь вынужденным оставить армию, с которой я хотел и жить, и умереть. Если бы не болезненное моё состояние, то усталость и нравственные тревоги должны меня принудить к этому. Настоящие обстоятельства и способ управления этою храброю армиею ставят меня в невозможность с пользою действовать для службы, одним словом делают меня совершенно бесполезным для армии. Эти только обстоятельства могут оправдать мой поступок в глазах всякого беспристрастного судьи.

После того, что́ я перенёс, Государь, и что́ делается в армии, которой я называюсь главнокомандующим, не будучи им на самом деле, потому что дюжина лиц ею командует, – моё единственное желание состоит в том, чтобы получить окончательную отставку от службы. Я умоляю Ваше Величество сделать мне это благодеяние, как единственную милость, которую прошу себе. Если Вы когда-нибудь сочтёте полезным воспользоваться моею службою, то благоволите дать мне назначение не в этой армии, которая при настоящем состоянии дел находится не под моим начальством, но под начальством неопытных лиц, причисленных к свите двух слабых стариков, которые не знают другого высшего блага, как только удовлетворение своего самолюбия, из которых один, довольный тем, что достиг крайней цели своих желаний, проводит время в совершенном бездействии, и которым руководят все молодые люди, его окружающие; другой – разбойник, которого присутствие втайне тяготит первого, производит только зло своею нерешимостию и путаницею, которую водворяет во всех частях управления войсками. Впрочем, оба весьма довольны тем, что видят во мне лицо, на которое можно свалить ответственность за все могущие последовать несчастия».

В письме к кн. Кутузову в бедственном, по его мнению, состоянии армии Барклай не прямо его обвиняет, но говорит, что она пришла в это положение независимо от него, и он лишь не замечает этого. Вся вина сваливается по преимуществу на б. Беннигсена. В приведённых же словах из донесения Государю он уже прямо и Кутузова, и Бенниг-

сена одинаково считает неспособными начальствовать армиями и строго осуждает все их распоряжения. «Напомнив с успехом самое благоразумное и самое смелое движение на Калужскую дорогу, – говорит он далее в том же донесении, – пропустили самое благоприятное время нанести неприятелю чувствительный удар, который, может быть, заставил бы его оставить Москву, т. е. действовать на линию его сообщений с Смоленском. Туда отправили генерала Дорохова, который в несколько дней сделал очень много, но отозвав его назад – вследствие тревоги, которую произвели движения неприятеля на левом нашем фланге, совершенно потеряли из виду эту важную задачу. Я предлагал немедленно отправить туда генерала Орлова-Денисова с многими казацкими полками, но на моё предложение и не обратили внимания. Наконец, после многих настояний с моей стороны, 19-го сентября послали туда полковника кн. Вадбольского с четырьмя эскадронами гусаров и пятьюстами казаков; но это ни к чему не привело, потому, во 1-х, что мы находимся теперь в 80 верстах от дороги в Можайск, а на такое пространство чрезвычайно трудно распространять действия, особенно когда неприятель уже принял предосторожности; а во 2-х, полковник Вадбольский неспособен на то, чтобы ему можно было поручить такую экспедицию. Он один из весьма храбрых офицеров, но он неспособен начальствовать в таком предприятии, которое требует большого уменья и сметливости.

В то время, когда нам следовало начать наступательные действия, мы продолжали своё отступление, имея перед собой лишь неприятельский авангард.

Мы удаляемся на такое расстояние, что теряем из виду главные силы неприятеля; он забавляет нас только своим авангардом, выигрывая время, чтобы усилить и устроить свои войска. Он получит даже возможность устроить части своей армии по квартирам. Но чтó меня особенно беспокоит – это то, что неприятель может прогнать генерала Винценгероде и двинуть сильную колонну до Твери, где он найдёт большие магазины, или, чтобы прикрыть свои сообщения с Смоленском, он овладеет Московскою дорогою чрез Боровск и Калугу и принудит нас к дальнейшему отступлению. По крайней мере он сделает слишком затруднительным прямое сообщение с адмиралом Чичаговым, чтó я считаю предметом крайней важности».

Донося, что по три раза в день даются и отменяются приказания напасть на неприятельские аванпосты, Барклай де Толли заключает: «Все эти действия доказывают, что начальство над войсками очень плохо. Я не считаю нужным упоминать о Бородинском сражении, чтобы доказать эту истину. Что касается до меня, то я выставлен

лжецом перед войсками, которые питали всегда ко мне величайшее доверие. Когда мы повернули уже наш поход с Рязанской дороги, чтобы перейти на Калужскую, обрадованный, что наконец решились на это движение, я говорил речь войскам, я обещал им, что неприятель в непродолжительном времени будет поставлен в совершенную необходимость или сражаться до последней крайности, или искать своего спасения в быстром отступлении; я предупреждал их, чтобы они приготовлялись к битвам и блестящим успехам. Несмотря на всё это, они даже не видят перед собою неприятеля, перед которым отступают. Таково, Государь, верное описание положения ваших войск и того, кто ими до сих пор командовал, и который, оказав заслуги государству, находится в несчастной необходимости сделаться ответственным лицом и страдать за все дурные последствия, которые он предвидит и которых не имеет власти предупредить. Я избегал генерального сражения до известного времени, по началам зрело рассчитанным, и я строго держался этих начал, смеясь над всем, что́ говорилось против моих соображений, и, наконец, я дал бы сражение, но перед Гжатском – при Царёве-Займище. Я убеждён, что побил бы неприятеля, потому что сражение было бы дано в порядке и командовал бы только один. Мои резервы оставались бы нетронутыми до последней минуты, и если бы даже испытал неудачу, то никогда бы неприятель не занял Москвы, потому что я направил бы моё отступление не на Москву, а на Калугу, сосредоточив все ополчения в Москве.

Простите, Государь, что осмеливаюсь беспокоить Вас этими подробностями. Добросовестно исполнив мои обязанности в отношении к обожаемому монарху и любимому отечеству, я бы считал себя несчастливым, если б мнение обо мне помрачилось в глазах моего Государя, потому что это было бы одно из величайших несчастий, которому мог подвергнуться человек честный и с правилами. Ваше Величество можете быть уверенным, что, представляя Вам чистую истину, я не могу, в настоящем моём положении, иметь иного желания, как быть Вам ещё раз полезным и спасти, если возможно, моё доброе имя по совести. Примите, Государь, глубочайшее почитание со стороны того, кто, будучи даже не вместе, не перестаёт Вам говорить со всею откровенностью, и который до последнего дыхания жизни сохранит воспоминание того благорасположения, которым некогда его Вы делали счастливым, точно так же, как и безграничной к Вам преданности»*.

Устраняясь от всякой оценки военных соображений, вовсе не входящую в задачу нашего сочинения, не можем, однако же, не заме-

* Письмо Барклая к императору из Калуги, 24-го сентября 1812 г.

тить того разлада между лицами, которые должны были или могли принимать в них участие. Этот разлад выразился в том, что каждое удачное соображение, каждое удачное действие многие желали приписать себе. Мысль о знаменитом фланговом движении, совершённом фельдмаршалом от Москвы на Калужскую дорогу, одни приписывали Беннигсену, другие Толю. Барклай де Толли не мог прямо себе приписывать этой мысли уже потому, что в военном совете, в Филях, предлагал отступление «на Владимир, с целью сохранить сообщение с Петербургом, где находилась царская фамилия». Но тем не менее он выражается так неопределенно, что заставляет предполагать, что если не ему принадлежит самая мысль, то несомненно успешное её исполнение зависело много от него. В приведённом письме к императору он называет это движение самым благоразумным и самым смелым. В записке о действиях первой армии, представленной им впоследствии Государю, он говорил: «Сие движение есть важнейшие и приличнейшее, по обстоятельствам, из всех совершенных со времени прибытия князя. Сие действие доставило нам возможность довершить войну совершенным истреблением неприятеля.»

Но Барклай де Толли не принимал уже участия в великих последствиях этого движения. «Тем не менее, – говорит он далее, – удостоверение (т.е., что с Рязанской дороги решено было перейти на Калужскую) столь для меня успокоительное, что было в состоянии облегчить болезненное состояние, изнурявшее меня с самого Бородина. Невзирая на унижения, ежедневно меня угнетавшие, невзирая даже на обидную, ничего незначащую должность, исполняемую мною в армии, я единственно помышлял о непременном уничтожении неприятеля. Я предложил князю занять позицию на Калужской дороге, – не говорю о старой, но о так называемой новой дороге. Сей позиции надлежало быть сильно окопанной для отражения всей неприятельской силы с двумя третями армии; прочая часть оной отрядилась бы влево, для пресечения неприятелю всякого сообщения с Смоленском и Витебском. Князь одобрил сию мысль».

В высшей степени учтиво обходившийся со всеми князь Кутузов, образованнейший человек своего времени и чрезвычайно благодушный, усиливал эти качества своего характера к тем, которые, как Барклай де Толли, поставлены были силою обстоятельств и своим собственным непониманием их значения в тяжёлое положение, конечно, не мог не одобрить мысли, подходящей к его собственной, для того, чтобы сказать ласковое слово своему советнику. Это согласие князя Кутузова и поворот движения войск с Рязанской дороги на Калужскую успокоительно подействовали на Барклая, как он говорит, давая

понять своё участие если не во всём этом движении, то хотя в повороте войск с Рязанской дороги на Калужскую, то есть именно в самом важном обстоятельстве. Вероятность этого участия подтверждает его рассказ, в письме к императору, о том, что и задолго до того он имел уже в виду отступление на Калугу.

Может быть, это предположение и принадлежало Барклаю, но в это время он считал Красную Пахру пределом отступления. Он предлагал избрать место на правом берегу этой реки, укрепиться в нём с частью войск в значительных силах и действовать наступательно на сообщения неприятеля с Смоленском и Витебском. Вообще Барклай, которого главнейше упрекали за постоянное отступление, после назначения князя Кутузова принял, кажется, за правило советовать наступательные действия. Он порицал отступление от Царёво-Займища к Бородину; советовал возобновить бой на другой день Бородинского сражения и потом, укрепившись у Красной Пахры и усиленно действуя на сообщения неприятеля, вызвать Наполеона на нападение; так-было и случилось.

Со дня вступления в Москву по 14-е сентября Наполеон не знал, где находится наша армия. Приняв все меры к тому, чтобы собрать о ней верные сведения, он получил, наконец, известие от Мюрата, что наша армия укрепляется у Красной Пахры. Узнав об этом, он поручил своему авангарду, усилив его несколькими отрядами, действовать против князя Кутузова и в то же время распустить слух, что и сам он, со всеми своими силами, выступает против него из Москвы. Этот слух дошёл до нашей главной квартиры. Можно было, конечно, рассуждать о том, верен или неверен этот слух, но во всяком случае следовало принять меры предосторожности. В это время князь Кутузов сделал распоряжение о сосредоточении всех сил и, отозвав с Можайской дороги отряд Дорохова, приблизил его к главной армии, на что указывает Барклай де Толли, как на одну из многих его ошибок, и затем пригласил на совещание некоторых из своих сотрудников. На этом-то совещании Барклай осторожно предлагал оставаться в занимаемой позиции, пока не разъяснятся обстоятельства, потому что он заподазривал верность этого известия, что сам Наполеон идёт со всею армиею; Беннигсен, напротив, советовал действовать смелее, оставить защиту течения Пахры и старой Калужской дороги арьергарду, а со всеми войсками двинуться вперёд, к Подольску – против неприятеля. Оба совета, в сущности были одинаковы и привели бы к одним и тем же последствиям, хотя оба генерала были совершенно не согласны между собою в военных соображениях и жарко спорили друг с другом. Укрепившись у Красной Пахры в таком близком расстоянии от Москвы отдельными,

но сильными отрядами, прерывая сообщения французов с Смоленском, наша армия естественно вызывала бы Наполеона действовать наступательно с тем, чтобы отбросить её за Оку, как он и намеревался поступить в этом случае. Оставляя при Красной Пахре один арьергард и двинувшись вперёд со всем войском, главнокомандующий ещё более вызывал Наполеона на решительный бой и сверх того, в случае неудачного исхода сражения, мог быть отброшен от Калужской дороги. Без сомнения, князь Кутузов не мог согласиться ни с тем, ни с другим предложением, совершенно не согласным с его видами. В это время ему донесено было о новой, более выгодной, позиции – при Тарутине, и он немедленно сделал распоряжение об отступлении, которое так раздражило Барклая и Беннигсена.

Свое раздражение Барклай объясняет тем, между прочим, обстоятельством, что он обещал войскам начало наступательных действий, и последовавшее распоряжение об отступлении выказывало его лжецом перед ними. Об этой речи к войскам генерала Барклая говорит только один из современников-писателей, свидетель этого происшествия*; она была произнесена перед каждым полком в то время, когда войска соединялись у Красной Пахры, где уже находилась главная квартира. Конечно, в этой речи он говорил и не мог говорить иначе, как в общих выражениях, обещая, что по достижении Красной Пахры немедленно прекратится отступление и начнётся наступление на неприятеля, а потому распоряжение об отступлении на несколько вёрст к Тарутину могло служить как бы опровержением его слов и представить почтенного генерала лжецом в глазах войск. Такой вывод, который сделал один только Барклай, указывает, в каком расстроенном и тревожном состояния духа он находился. Князь Кутузов, предоставляя ему право, присвоенное званию главнокомандующего, – производство нижних чинов в унтер-офицеры и награждение орденами св. Георгия, конечно не думал унижать его значение в глазах войск. Но Барклай не понимал этого точно так же, как не понимал своего отношения к войскам.

Свидетель происшествия, о котором идёт речь, говорит: для «успокоения сынов России, огорчённых потерею столицы, тот, на кого более обращалось это негодование, как на производителя бесконечного отступления и причину несметных потерь, решил сам явиться перед войсками с спокойным челом, уверенный в своей правоте». Передавая речь Барклая и рассказывая о наградах, розданных им нижним чинам, тот же свидетель говорит: «Так почтенный вождь примирился с воинами». Такое впечатление произвело это происшествие на войска,

* Записки артиллериста, Ч. 1-я, с. 178–181.

которые уже были свидетелями храбрости обвиняемого ими военачальника при Бородине и распорядительности во время отступления через Москву. И кому же был этим обязан Барклай? Конечно, князю Кутузову; но волнуемый оскорблённым честолюбием, он не имел способности понять своё положение, не имел силы воли примириться с ним и приписывал недоброжелательству окружавших его лиц то, что зависело от самого положения сложившихся обстоятельств, в которых он находился, и без сомнения весьма затруднительных. Когда войска остановились у Красной Пахры, в главную квартиру (11-го сентября) прибыл снова английский военный агент, генерал сэр Роберт Вильсон.

Получив приказание императора уведомлять его непосредственно обо всём, что делается в войсках князя Кутузова, Вильсон остался при её главной квартире. Как англичанин, вероятно в более близких отношениях он должен был находиться к генералу Беннигсену, который хотя и был немец, но по рождению – гановерец и следовательно английский подданный; находясь почти всю жизнь в русской службе, он, однако же, не оставлял никогда своего прежнего подданства и не принимал русского. Хотя Вильсон и желал, может быть, самостоятельно смотреть на происшествия, но близкие и постоянные отношения к Беннигсену, естественно, производили то, что в некоторых случаях он подчинялся его влиянию. В первые уже дни после приезда в главную квартиру он писал императору: «Мне хотелось бы умолчать перед Вашим Величеством о некоторых несогласиях и доселе продолжающихся между начальниками; Вам уже, конечно, известно, что по летам и состоянию здоровья князя Кутузова от него нельзя ожидать деятельного начальства, что генерал Беннигсен ищет главной команды, и что генерал Барклай недоволен тем, что находится под командою; но я надеюсь, что недалёк тот день, когда Москва возвратится Вашему Величеству, и что Вам может представиться благоприятный случай лично сделать новые распоряжения без всякой неудобности для службы Вашего Величества. Между тем генерал Беннигсен, просивший уже отпуска, ныне решает оставаться, получивши власть распоряжаться наступательными действиями; а как и генерал Барклай, по собственному его отзыву, почитает себя способным служить только на поле сражения, то планы генерала Беннигсена не могут иметь никакой остановки с сей стороны на будущее время. Я употреблю всё возможное старание, чтобы содействовать примирению или, по крайней мере, к удалению явной вражды. Но Ваше Величество вероятно знаете, что в этом случае можно доставить только временное облегчение, и что глубоко растравленная язва не подаёт надежды к прочному спокойствию».

Глава 3

Успешные действия русских войск так тесно были связаны с выгодами и видами Англии в это время, что не может подлежать сомнению, что её агент усердно хлопотал о том, чтобы устранить всё то, что бы могло препятствовать успеху действий. Что же могло быть вреднее и опаснее ссор и розни между главными военачальниками? Но примиряя их между собою, сэр Роберт Вильсон понимал, что не может достигнуть этой цели. «К крайнему сожалению, — писал он в то же время к английскому посланнику в Петербурге лорду Каткарту, — согласие не существует, да и не может существовать между начальниками. Борьба за главное начальство есть неискоренимая причина раздора. Князь Кутузов, по мнению всех в армии, стал слишком дряхл, но он мало склонен оставить команду, да если бы то случилось, то генерал Барклай не может остаться в армии под начальством генерала Беннигсена, так как пример несогласия вредит и теперь пользе службы Государю, а тогда сие зло ещё умножится. Успешные наступательные действия загладят может быть это зло на некоторое время и решат спор о первенстве, т. е. сила обстоятельств выставит вперёд генерала Беннигсена и устранит других»*. Беннигсен ищет главного начальства, князь Кутузов не думает от него отказываться, генерал Барклай не хочет быть под начальством! Задача трудная, которую, конечно, может решить или воля Государя Императора, или сила обстоятельств.

Генерал Барклай, добровольно удалившись из армии, первый начал её разрешение. «Хотя армия теряет в лице генерала Барклая, — писал Роберт Вильсон императору, — офицера весьма храброго, но я утешаюсь мыслию, что общая польза здешней армии от того не потерпит, что он её оставил. Напротив, от этого прекратится вредное соперничество, и я надеюсь, что генерал Беннигсен подаст теперь пример строгой подчиненности, представляя только фельдмаршалу Кутузову и Вашему Величеству о тех неудовольствиях, которые могут ему встретиться от возражений против его планов». В письме к лорду Каткарту, выражая то же мнение о Барклае, Вильсон прибавляет: «я не намерен входить в рассуждения о достоинствах или недостатках главных начальников армии, но отъезд того или другого не мог

---

* Письмо Вильсона лорду Каткарту, 16-го (28-го) сентября 1812 г.

не иметь хорошего последствия. Если генерал Беннигсен сдержит данное мне обещание, то я смело могу сказать, что присутствие его здесь будет очень выгодно».

Сэр Роберт Вильсон в то время воплощал в себе общий характер политики сент-джемского кабинета, которую очень верно определил в письмах к императору Бернадот, наследный принц Шведский. Она желала все враждебные Наполеону державы превратить в своё орудие и руководить их действиями исключительно в свою пользу. Так и генерал Вильсон всеми способами старался выдвинуть вперёд английского подданного (Беннигсена) и вручить ему главное начальство над русскими войсками. Нельзя сомневаться в том, что он действительно старался всеми способами укротить строптивое самолюбие и самоуверенность Беннигсена и направил его действия таким образом, чтобы представить с глазах Государя всю его способность быть главнокомандующим, а по дряхлости — всю неспособность князя Кутузова.

Но способен ли был генерал Беннигсен поступать по мудрому совету своего защитника, и мог ли хладнокровно и спокойно сдержать данное ему обещание? Был ли так дряхл князь Кутузов, чтобы с его опытностью и умом не заметить ловушки и попасться в неё?

Последовавшие события отвечают определённо на эти вопросы. Случайно и неожиданно барон Беннигсен сделался главнокомандующим русскими войсками в 1806 и 1807 годах, но эта кампания окончилась Тильзитским миром и убедила наши войска в «несоразмерности дарований Беннигсена с гением Наполеона»*, и по заключении этого мира император уволил его в отставку, для поправления здоровья (Беннигсен страдал падучей болезнью**). Но он сам считал себя достойным соперником Бонапарта и хвастался победами над ним при Пултуске и Прейсиш-Эйлау***.

При свидании императоров в Тильзите, Наполеон сказал Беннигсену: «вы были злы под Эйлау», — выражая этим изречением упорство и ярость, с каким дрались войска наши в этом сражении, и заключил разговор с ним словами: «я всегда любовался вашим дарованием, а ещё более вашею осторожностию». — Самолюбие почтенного старца-воина приняло эту полу-эпиграмму за полный мадригал, ибо, по мнению великих полководцев, осторожность почитается последнею военною добродетелью, предприимчивость и отважность первыми. «Бенниг-

* Сочинения Д. В. Давыдова, Ч. II, с. 241.

** Сочинения А.И. Михайловского-Данилевского.

*** Сочинения Д. В. Давыдова, Ч. II, с. 253 и 254.

сен рассказывал мне несколько раз этот разговор с Наполеоном и каждый раз с новым одушевлением», — прибавляет Д. В. Давыдов.

До назначения главнокомандующим князя Кутузова, барон Беннигсен не имел никакого особого назначения в действующих войсках. Он находился при главной квартире императора в Вильне, потом после отступления войск и по взятии неприятелем Смоленска, он отправился в Петербург. На пути он встретился с князем Кутузовым, ехавшим принять начальство над войсками, который объявил ему высочайшее повеление состоять при нём начальником штаба. Получив вслед затем и рескрипт императора, он отвечал: «Лестные выражения о моей преданности августейшей особе вашей и привязанности к отечеству наполнили мою душу чувствами благодарности. Конечно, какой бы ни было угодно вам предназначить мне круг деятельности, когда дело идёт о службе моему Государю и отечеству, должны смолкнуть всякие честолюбивые желания. Все мои стремления я сочту исполненными, если мои слабые дарования будут способствовать успехам вашего оружия и славе вашего царствования»*. Неудовлетворённое самолюбие, несмотря на выражение покорности верховной воле, невольно выражается и в этих строках. Зная недоверие войск к главнокомандующему первою армиею, понимая невозможность необходимого, однако же, единства и правильности в военных действиях, при двух главнокомандующих с двумя отдельными штабами, и предвидя неизбежные перемены в этом отношении, Беннигсен поэтому и спешил в Петербург с тем, чтобы объяснить положение дел и предстать перед лицом императора готовым кандидатом для общего начальства над армиями. Но он опоздал.

Эта случайная, конечно, причина совпадала со взглядами императора на Беннигсена, как человека и главнокомандующего. Вероятно, он не облёк бы его этим званием в такое важное время, какое переживала Россия; но, неохотно назначая и князя Кутузова, он счёл полезным воспользоваться опытностью и познаниями генерала Беннигсена, назначил его начальником штаба фельдмаршала.

Покоряясь воле императора, Беннигсен однако же искал главного начальства над войсками, как выражается сэр Роберт Вильсон. Перелагая высказанную в этих словах мысль на почву действительной жизни, кажется действия генерала Беннигсена могут быть объяснены тем, что он употребил все средства, с тою целью, чтобы выказать на деле князя Кутузова неспособным начальствовать русскими войсками и — занять его место. «Странно, — говорит издатель воспоминаний о

* Письмо барона Беннигсена. 20-го августа 1812 г.

1812 годе гр. Толя, вообще гораздо более благосклонный к Беннигсену, нежели к Кутузову,— что во время Бородинского сражения Беннигсен как будто исчез и его влияние не было заметно. Из некоторых показаний можно прийти к тому заключению, что он преимущественно находился невдалеке от фельдмаршала, у Горок, довольно смело появлялся он там и сям, но едва ли был под неприятельским огнём; также тщетно будем искать показаний во всех русских известиях о его советах, которые он давал, или о каких-либо предложенных или исполненных им мерах, но зато, вслед за окончанием битвы, он деятельно выступил с тою целью, чтобы управление ходом дел забрать в свои руки». Он сравнивал Бородинское сражение с Прейсиш-Эйлау, называя последнее произведённым в порядке, а первое беспорядочным. Это мнение, очевидно под его влиянием, повторяет и сэр Роберт Вильсон в письме к императору. «Кажется,— писал он,— Бородинское сражение нельзя назвать правильным, как бывшие при Прейсиш-Эйлау и Пултуске».

Мы не позволим себе оценивать военные действия и распоряжения ходом сражений, но не можем не заметить, что если распоряжается ими не один главнокомандующий, а подчинённые ему лица позволяют делать распоряжения, силою своей власти и не доводя даже до сведения главнокомандующего, то едва ли и может быть соблюдён порядок боя. А именно так и действовал в этом случае Беннигсен, и весь успех сражения приписывал себе*. Мы говорили уже о действиях Беннигсена перед оставлением Москвы; он избрал место для сражения под столицею, признанное всеми негодным; он не защищал его пригодности на военном совете в Филях, но сделал предложение действовать наступательно, тогда как по недостатку времени не представлялось уже никакой возможности привести в исполнение его предложение и которое не обещало успеха. В случае неуспеха, который входил в соображения и генерала Беннигсена, он предполагал отступить на Калужскую дорогу. В этом последнем и весьма вероятном случае последствия могли быть те же, к которым привели и распоряжения князя Кутузова, но с некоторою разницею. Князь Кутузов провёл через Москву и выиграл время спокойно, соединив в Тарутине 108.000 армию, ещё способную противостоять неприятелю. Но, если бы он дал сражение под Москвою, то, вследствие понесённых потерь, отступил бы, если б ему позволил неприятель, с такими ничтожными силами, что не мог бы и предпринять с ними никаких военных действий и не мог бы перервать его сообщение с Смоленском. Самоуверенность Беннигсена

* По свидетельству графа Толя, Бернарди. Ч. II, стр. 42 и 43.

могла увлекать его за пределы благоразумия, но едва ли он поддался этому увлечению в такой мере, если б ответственность лежала всецело на нём, а не на главнокомандующем, и даже едва ли сам, если и не в ту минуту, как подавал свой голос в военном совете в Филях, то немедленно вслед за тем, не пошёл бы против неприятеля по неисполнимости своих предложений. Несмотря на то, с полковником Мишо, посланным с донесениями к императору об оставлении Москвы, он отправил письмо к графу Аракчееву. «Я полагаю, – писал он, – что сдача Москвы произвела впечатление в Петербурге. Первого сентября в семь часов вечера был собран военный совет, на котором решено отдать Москву, что́ немедленно и исполнено. Генерал Барклай усерднее всех поддерживал это мнение, уверяя, что сам Государь одобрит его. Время покажет нам, в какой мере справедливо его уверение. Я очень бы желал довести до сведения монарха, что я никак не соглашался на такое предложение, объясняя причины моего противоречия и указывая на те вредные последствия, которые я предвидел. Когда мнение Барклая было принято, я оставил совет. Кажется, князь Кутузов ныне убедился, что он сделал большую ошибку, и советуется со мною насчёт дальнейших действий. Надеюсь, что наше положение скоро поправится».

Это письмо свидетельствует, что генерал Беннигсен желал довести до сведения императора, что, оставив Москву без боя в добычу неприятеля, князь Кутузов сделал большую ошибку, которая поправится лишь потому, что Беннигсену не будут мешать приводить в исполнение его предначертания, т. е., что на деле он будет главнокомандующим, смиренно ожидая, чтобы в воздание его заслуг, наконец, он был действительно облечён в это звание, которым так неосторожно его обошли и тем подвергли крайней опасности Россию. Но граф Аракчеев имел к светлейшему вождю большое доверие, которое ускользнуло от внимания не только Беннигсена и Барклая, но и весьма многих других русских людей, кроме самого императора.

Едва только началось фланговое движение и войска поворотили от Боровского перевоза на Рязанской дороге, на Калужскую, как Беннигсен требовал наступательных действий. Его настояния были так назойливы и усилены, что вывели из терпения спокойного и мягкого в речах и обхождении князя Кутузова. Как бы соглашаясь остановить отступление и укрепляться в этой местности, он сказал Беннигсену: «Вы начальствуете над войсками, я здесь только волонтёр» и, поручая ему обозрение позиции, велел всем своим адъютантам и штабу следовать на ним.

Беннигсен, конечно, не ожидал такого оборота дел: он порицал распоряжения фельдмаршала, давал свои советы, но не желал принять

на себя ответственности за действия, которые могли последовать, как исполнение его советов. Несколько смущенный необычною для него многочисленною и блестящею свитою, он употребил три часа времени для тщательного обозрения местности. К концу этого обзора, свита начала замечать особенное движение мускулов его лица и подёргиванье в губах, обличавших внутреннее волнение. Возвратившись назад, он объявил фельдмаршалу, что позиция нехороша, что дать на ней сражение нельзя, прибавив с досадою: «на стороне этих проклятых французов всегда бывает удобство местности».

— В таком случае я снова принимаю на себя главное начальство,— спокойно отвечал князь Кутузов. Затем, обратясь к свите, сказал,— господа, прошу вас по-прежнему находиться при мне, а потом обратился к дежурному генералу Коновницыну,— Пётр Петрович, напишите диспозицию для отступления*.

Это происшествие, без сомнения, оставило неприятное впечатление на душе Беннигсена и оскорбило его самолюбие особенно потому, что совершилось при множестве свидетелей. Выражением этого впечатления было новое столкновение с фельдмаршалом в тот же самый день, как главная квартира достигла Тарутина. Обозрев эту местность, Беннигсен явился к князю Кутузову и начал доказывать её неудобства, по которым невозможно принять на ней сражение. Разговор начался хладнокровно, но потом перешёл в спор, и упорство Беннигсена вышло из границ и вывело из терпения князя Кутузова.

— Вы находили, что ваша позиция при Фридланде была хороша для вас,— заметил князь Кутузов,— а я нахожу, что эта позиция хороша, и мы на ней останемся, потому что я на ней командую и я отвечаю за всё**.

Устраняя все личности, сущность разногласий между фельдмаршалом, Барклаем и Беннигсеном может быть выражена так: в это время князь Кутузов не хотел угрожающим положением вызывать неприятеля на решительные действия, а тем более начать выступление против него. Мы устраняем пока вопрос: был ли он прав или нет в этом случае, хотя последствия совершенно оправдали его план действий, но, конечно, должны полагать, что его порицали, предлагая противное мнение, думали, что и время благоприятно и наши войска достаточно сильны для того, чтобы действовать таким образом. Это предположение может ввести в недоумение только в отношении генерала Барклая, который такими мрачными красками описал состояние наших войск не только князю Кутузову, но и самому императору. Что же касается до

* Бернарди — Denkwürdigkeiten aus dem Leben der gr. Toll, Том II, с. 192 и 193.

** Записки о войне 1812 года князя А.Б. Голицына.

бар. Беннигсена, то он давал советы в тех единственно видах, чтобы сложить с себя всякую ответственность в том случае, если бы князь Кутузов вздумал им последовать и потерпел неудачу, а в случае успеха присвоить себе всю заслугу.

На чью же сторону должно было склоняться наиболее сочувствия войск, одушевлённых после оставления Москвы единственно желанием отмстить дерзкому врагу? Не говоря уже о лицах близких к Барклаю и Беннигсену, но и бóльшая часть офицеров, с самоотвержением и храбростью готовых драться за спасение отечества, слыша уверения опытных предводителей, сетовали на мнимую медленность и нерешительность фельдмаршала. Только глубокое доверие войск к давно знаменитому вождю могло предотвратить опасное волнение и ограничить борьбу мнений штабными толками и сплетнями. Но тем не менее фельдмаршал не мог не знать, что войска стремились сразиться с неприятелем; что слухи о предложениях Барклая и Беннигсена не оставались тайною, известною лишь немногим начальствующим лицам, но разносились по всей армии. Такое положение дел не могло не иметь влияния на решения главнокомандующего, оно мешало свободе его действий и внесло колебания и нерешительность, если не в отношении к общему плану, но к отдельным действиям.

Такое настроение духа старого фельдмаршала замечают и все современники, а за ними и последовавшие писатели в распоряжениях, предшествовавших Тарутинскому сражению и непосредственно за ними последовавших. Сэр Роберт Вильсон, поздравляя императора с победою при Тарутине, как началом наступательных действий, доносил: «я желал бы иметь возможность ограничить мои замечания только похвалою войскам, участвовавшим в этом деле и тому неограниченному усердию, которым все здесь одушевлены; но мой долг вынуждает меня донести Вашему Величеству, что несогласия между фельдмаршалом и генералом Беннигсеном, по случаю вчерашних происшествий, достигло высочайшей степени огорчения. Беннигсен жалуется, что фельдмаршал не подкрепил его и не позволил преследовать неприятеля, таким образом, как было возможно с большею пользою для Вашего Величества. Я должен сказать, что хотя и много сделано, но успех мог быть гораздо значительнее, потому что нападение было сделано неожиданно для неприятеля, ротные атаки в тыл его левого крыла и в центр привели его в крайнее смятение и не должны были дать ему ни минуты к сопротивлению. Но он отступил довольно далеко, чтобы обеспечить свои сообщения. План был превосходный, но исполнение недовольно быстрое или недовольно

сильное для приобретения всех блестящих трофеев, как возможно было ожидать.

Я находился в корпусе Багговута, который один только был в настоящем деле и с казаками, а потому могу судить о последствиях; не знаю о причинах, побудивших фельдмаршала к такой осторожности.

Но никакое объяснение не может примирить возникшего несогласия, и я должен просить Ваше Величество, чтобы Вы благоволили прекратить, как можно поспешнее, пример раздора, несовместного с общим порядком, и который должен очень повредить службе Вашего Величества»*.

Не одни сэр Роберт Вильсон и барон Беннигсен негодовали на Кутузова, что он оставил преследование разбитого авангарда французской армии, но и многие из русских генералов. Но их негодование не выходило из пределов подчинённости фельдмаршалу, необходимой в военном деле и особенно в боевое время, и учтивости, всегда и повсюду необходимой. Между тем, генерал Беннигсен по окончании Тарутинского сражения не только неучтиво отозвался на поздравление фельдмаршала с победою и не слез даже с лошади, по случаю будто бы полученной им контузии, но даже на другой день в донесении о сражении, позволил себе написать следующие строки: «Поспешаю донесть вашей светлости о вчерашнем сражении, которое я имел честь начать, продолжать и окончить», а затем далее: «я желал бы, чтобы обстоятельства вам позволили быть там, как был я, свидетелем порядка и мужества, с каковыми вверенные мне войска совершили различные атаки, в коих они покрыли себя славою и честью».

Без сомнения начальнику штаба было дерзко и неприлично в официальном донесении приписывать себе весь успех сражения и насмешливо бросать упрёк в бездействии своему начальнику; но это было возможно объяснить негодованием горячего и прямого по характеру человека, если б с этим не соединялись иные виды. Несколько дней спустя генерал Беннигсен написал следующее письмо императору: «День 6-го октября имел великие успехи, которые я и предполагал. Неприятель оставил Москву; он находится в полном отступлении, и я спешу с глубочайшим чувством повергнуть к стопам Вашего Величества мои покорные поздравления по этому случаю. Какие бы ни употребил Наполеон хитрости военного искусства, теперь только вследствие наших ошибок мог бы спастись хотя бы один человек из его армии. Я постоянно опасался, чтобы для своего отступления он не избрал направления к Двине или на Полоцк, где, присоединив к великой

---

* Донесение Вильсона императору 10-го октября 1812 года.

армии все корпуса, действовавшие на север, мог ещё собрать значительные и даже грозные силы, если мы с своей стороны не будем преследовать его с надлежащею быстротою всею первою армиею. Намерения Наполеона должны объясниться завтра или послезавтра, пойдёт ли он по этому направлению или обратится на Смоленскую дорогу. Но во всяком случае его отступление так же неизбежно, как и совершенное разрушение его армии, если мы не будем упускать удобных случаев, которые должны ещё встретиться для окончательного истребления его армии. Какое бы было счастье, Государь, если б в такие прекрасные случаи, которые нас ожидают, случаи единственные, которые могли бы нас вознаградить за столькие тяжёлые мгновения, мы имели бы счастье увидеть Ваше Императорское Величество во главе ваших храбрых войск. К этому личному желанию я присоединяю одно соображение, к которому вынуждают меня чувства истины и чести, что для пользы вашей империи, Государь, вы должны как можно приблизиться к театру военных действий, потому что обстоятельства таковы, что, если только ваши войска будут действовать с надлежащею силою, эта одна кампания решит как участь войны, так и всей Европы»*.

Весь успех Тарутинского сражения Беннигсен приписывал себе, так же, как и прежде Бородинского; но полагал, что в обоих случаях успех был бы гораздо действительнее, если бы фельдмаршал более следовал его советам и не мешал ему распоряжаться.

В последнем сражении он прямо обвинил кн. Кутузова в том, что не подкрепил его в время и, остановив преследование, умышленно желал лишить его заслуженной славы. «Я не могу и вообразить, какие могли быть последствия этого прекрасного и блистательного дня, если б меня поддержали, – писал Беннигсен своей жене за шесть дней перед приведённым письмом к императору и стало быть три дня спустя после Тарутинского сражения, – и если б я мог продолжать далее это дело, но здесь меня преследует неудача, худшая даже, нежели при Пултуске. В виду всего войска Кутузов не позволяет никому поспешить мне на помощь, так он выразился. Милорадович, который начальствовал над левым крылом, горел желанием двинуться вперёд и помочь мне, он запретил, и чтобы лишить его возможность что-либо предпринять, он два раза во время сражения призывает его к себе, – за пять вёрст назад. Из этого ты можешь понять, на каком расстоянии от поля сражения находился наш старик. Его трусость превышает всякую возможность. Уже при Бородине он достаточно её обнаружил и покрыл себя презрением и насмешками всей армии

* Письмо барона Беннигсена 16-го октября 1812 года. Полотняные заводы.

Поэтому-то я в одном из моих предшествовавших писем сказал, что надо желать, чтобы Государь сам приехал к армии или, по крайней мере, находился поближе к ней, иначе я не отвечаю ни за что, потому что Кутузов не окончит этой войны. Вообрази себе моё положение, каждый раз как следует сделать один шаг против неприятеля, мне приходится ссориться с ним до такой степени, что я принуждён слушать грубости этого человека. По истине никакая сдержанность и никакое хладнокровие этого долго выдержать не может. Какое прекрасное время для меня удалиться из армии, после этой победы и полученной мною контузии, — говорит Беннигсен в конце этого письма, но желая выразить свою беспредельную преданность, прибавляет: — зная, что моё удаление могло бы быть неприятно императору, я страдаю и терплю» — конечно не теряя надежды, что его положение переменится, т. е. или он на место Кутузова, как неспособного будет назначен главнокомандующим, или сам Государь приедет к войскам. Поэтому, вызывая на решительную меру, он заканчивает угрозою, что рано или поздно ему придётся оставить армию. «Но всякое зло имеет свой конец, потому что в этом положении мне невозможно долго оставаться»*.

Частные письма, посылаемые в Петербург из действующей армии, особенно от лиц, занимавших такие важные должности, как Беннигсен, без сомнения не укрывались от внимания правительства и немедленно делались известными в обществе, которое с жадностью ловило всякое известие, приходившее из действующей армии, и разносило его по городу. Это обстоятельство было известно таким лицам, как Беннигсен и они пользовались им. Поэтому приведённое нами его письмо к жене служит только объяснением того, что не было выражено им прямо в письме императору, но только подразумевалось. Война приняла благоприятный оборот, что предвидел Беннигсен и чему он способствовал; она может окончиться блистательно, но только при одном условии — если не князь Кутузов будет начальствовать войсками.

Барон Беннигсен конечно знал, что его донесения о действиях фельдмаршала подкреплялись частными известиями из действующей армии, сообщаемыми как императору, так и лорду Каткарту, сэром Робертом Вильсоном, с которым он находился в близких отношениях. После сражения при Малом Ярославце он порицал отступление князя Кутузова и писал лорду Каткарту: «если Наполеон достигнет до Немана, с неразгромленными корпусами и с теми подкреплениями, которые он соберёт по дороге или получит из Германии, то весьма нам будет трудно вытеснить его из польских провинций. Вся кровь,

---

* Письмо Беннигсена супруге от 10 октября 1812 года.

там пролитая, все затруднения, которые Россия там испытать может, падут на голову фельдмаршала Кутузова. Генерал Беннигсен с честью может оправдаться. Его совет, который спас государство, движением на Калужскую дорогу, мог бы спасти вселенную, если б ему последовали. Его совет и теперь бы мог улучшить наши ожидания; но он не имеет ни влияния, ни власти в управлении»*. Подобные соображения он писал не для личного только сведения английского посланника в Петербурге, но напротив просил его сообщить их императору. «Если вы можете способствовать удалению фельдмаршала Кутузова, то этим окажете великую услугу России и Европе. До тех пор, пока он будет командовать, мы не встретимся с неприятелем. Он желает только видеть неприятеля оставляющего Россию, утомлённого, но не уничтоженного. То, что уже сделано, исполнено без его ведома, то, что должно сделать, надо предпринять также без его повелений»**. Последние строки красноречиво говорят, какой дух распространяли в армии некоторые из влиятельных членов главного штаба и с какими препятствиями предстояло бороться престарелому русскому вождю, побеждать рознь и давать единство венным действиям.

Подкреплённый такими сообщениями сэра Роберта Вильсона, Беннигсен надеялся на скорую развязку затеянной им интриги против фельдмаршала; но Государь молчал. Наградив за Тарутинское сражение как Кутузова, так и Беннигсена, он показал, что ценит заслуги обоих. Рескрипт князю Кутузову, который не мог остаться тайною для Беннигсена, показывал даже искренние чувства императора к фельдмаршалу. «Победа, вами одержанная над Мюратом, обрадовала меня несказанно, я льщу себя надеждою, что сие есть начало, долженствующее иметь за собою ещё дальнейшие последствия. Слава России нераздельна с вашею собственною и – с спасением Европы***».

Истинно ли император оценивал заслуги фельдмаршала, или щадил его, уступая мнению о нём всей России, – дело не в этом; но этот рескрипт ясно говорил, что Государь не намерен сменить князя Кутузова. Генерал Беннигсен понял это и желал оправдаться в глазах императора, придав другой оборот делу: «Без сомнения, – писал он императору, – что Ваше Величество извещены о том недостатке согласия, который царствует с некоторого времени между фельдмаршалом и мною. Я ссылаюсь на свидетельство всей армии,

* Письмо Вильсона Каткарту 19 (31) октября 1812 года.

** Письмо Вильсона Каткарту 23 октября (4 ноября) 1812 года.

*** Рескрипт князю Кутузову 18 октября 1812 года.

что не я тому причиною, ссылаюсь даже на совесть самого князя, которому я предлагал услугу во всяком роде службы; даже с казаками. Никогда, Государь, как Вам известно, я не домогался главного начальства над войсками, я убеждён в необходимости, чтобы русское имя стояло в главе войск и что достаточно для приобретения славы строгого исполнения обязанностей, возлагаемых любовью к Государю, государству и военной службою. Те же самые обязанности побуждают меня, Государь, не скрывать перед Вами, что несогласия и неприятности всякого рода, которые я испытываю, происходят от поведения полковника Толя, который считает себя оскорблённым, когда ему приходится действовать по моим указаниям. Однажды я советовал ему сообразоваться с военными законами и через меня представлять князю распоряжения о движении войск. Он осмелился мне отвечать, что в таком случае он вовсе не будет в них вмешиваться. Я жаловался фельдмаршалу; но из этого ничего не вышло. Мне бы пришлось написать слишком длинный рассказ, если бы я желал перечислить все случаи, когда этот офицер забывал свои обязанности в отношении ко мне. Полковник Толь обладает конечно навыком, который дают офицеру продолжительные занятия в главном штабе, но от него нельзя требовать ничего более, как направлять движение нескольких колонн. По недостатку опытности, его познания недалеко зашли, и я могу уверить Ваше Величество, что этот офицер не имеет точных понятий о значении позиций и о порядке сражений. Поэтому одному ему мы обязаны плохим успехом Бородинского сражения и теми огромными потерями, которые мы в нём понесли. Его мнения восторжествовали над моими, и мне оставалось только предупредить лишь более гибельные последствия. Я также не позволил себе скрыть от Вашего Величества, что несмотря на блестящие одержанные нами успехи, Наполеон не был разбит как это было возможно и как следовало. Не подумайте, Государь, что это моё личное мнение. Я стар, Государь, а состояние моего здоровья в последние дни мне свидетельствует, что может быть моё поприще деятельности непродолжительно.

Такое положение и желание оправдать те милости, которыми Вы меня осыпали, побуждают меня обратить Ваше внимание на опасность назначать на такое важное место, как генерал-квартирмейстер большой армии, офицера, не имеющего опытности, потому что уроки, которые даёт ему неприятель, слишком дорого обходятся Государю и государству, как нам доказала эта война. Несмотря на то будьте уверены, Государь, что если сделают один шаг к примирению со мною, то я в ответ сделаю десять. Человек, который посвятил Вам свою жизнь,

желает только служить Вам, чтó и докажет при всяких обстоятельствах»*.

Вражда Беннигсена к Толю может быть объяснена, как личным характером, так и положением в штабе действующей армии. Толь, несмотря на все свои достоинства, ум, познания и ревность к службе, которым отдают похвалу все его современники, был однако же заносчив, дерзок, иногда до грубости. Позволяя себе дерзко говорить с главнокомандующими и принцем Евгением Вюртембергским, которых уважал в известной степени, он, вероятно, не удерживался перед Беннигсеном, которого уважать не мог, будучи искренно предан князю Кутузову. Толь воспитывался в сухопутном кадетском корпусе в то время, когда Кутузов был в нём начальником и давал там уроки тактики. Он был одним из лучших и любимых его учеников; а потом сделался домашним человеком. Когда князь Кутузов отправился в 1812 году из Петербурга принять начальство над войсками и расспрашивал о составе штабов, то выразил особенное удовольствие, узнав, что встретит Толя в должности генерал-квартирмейстера первой армии.

Отступление к Тарутину особенно было неприятно барону Беннигсену, так как эту позицию открыл и указал на неё князю Кутузову полковник Толь. Барон Беннигсен направил всё своё негодование на Толя; он желал объяснить и оправдать свой образ действий в отношении главнокомандующему, не убедившись достаточно, что только русское имя может и должно стоять во главе русской армии; а потому желал прекратить ссору и свои интриги. Но, во всяком случае, примирение было уже поздно. Когда он написал приведённое выше письмо, в руках князя Кутузова уже находился, собственноручный, написанный императором, ровно месяц тому назад, следующий рескрипт: «Князь Михаил Илларионович! Доходят до меня сведения, что вы имеете справедливый повод быть недовольным поведением генерала Беннигсена. Если сии слухи основательны, то объявите ему, чтобы он отъехал от армии и ожидал во Владимире от меня нового назначения». Этот рескрипт от 9-го октября князь Кутузов, вероятно, получил около половины этого месяца и не воспользовался им немедленно, а оставил до 15-го ноября без исполнения.

В продолжение этого времени Беннигсен успел отправить императору новую жалобу на князя Кутузова: «Никогда я еще не испытывал более тяжёлого чувства, — писал он, — как теперь, принимаясь за перо. Удостойте меня минутою внимания. Я всё переносил, пока дело не достигло до опасной гласности и пока оно могло ещё быть исправ-

* Письмо Беннигсена Государю от 9 ноября 1812 года.

лено: насмешки, унижение до оскорбления, как Вашему Величеству сделается со́-временем известно, потому что пользы службы вам были всегда и будут единственным двигателем моих действий. Возвращаюсь к моему предмету. Сильный нервный припадок уложил меня в постель. Фельдмаршал выразил мне величайшую внимательность. Я с радостию усматривал возможность сближения, забыл прошлое и лишь только я мог выйти из своей квартиры, поспешил отправиться к нему, чтобы засвидетельствовать мою признательность. Никогда, Государь, Вы не обходитесь так унизительно с лакеем, как обошёлся со мною фельдмаршал; он даже не отвечал на мой поклон и это при многих генералах. Извините меня, Государь. Из этого унизительного положения, вовсе не заслуженного мною, я заключаю, Ваше Величество, какую я могу приносить пользу при таком обращении со мною. Не подумайте, однако же, чтобы я оставил армию без Вашего дозволения; но я надеюсь, что Вы поспешите меня отозвать, если не окажется никакого способа к примирению. Ваше присутствие в храбрых ваших войсках могло бы водворить всеобщее согласие и придать решительность действиям. Не попускайте себя обманывать, Государь, совесть моя заставляет меня это сказать. Весьма вероятно, что армии Чичагова придётся выдержать очень трудное сражение, потому что отсюда не преследовали неприятеля, как следовало, с надлежащею силою и мужеством. Меня ужасает, что при таких обстоятельствах я вынужден беспокоить Вас моею личною просьбою, в которой прошу мне не отказать. Я прибегаю к этому средству, потому что во всё продолжение войны я исполнял правила военной дисциплины, мои обязанности и руководился чувствами неизменной привязанности и преданности к священной особе Вашей»*.

Доведя разлад с фельдмаршалом до последней крайности барон Беннигсен как будто испугался необходимых последствий, но не тех, которых он ожидал. Вместо того, чтобы сменить князя Кутузова, он понял, что ему самому придётся удалиться от армии, так же как удалился Барклай. Но он был самолюбив и желал славы; присваивая себе все бывшие, ещё неоконченные успехи над неприятелем, он, без сомнения, хотел удалиться только не в то время, когда всё предвещало окончательное торжество. Это письмо было писано из Копыла, 14-го ноября, когда уже остатки великой армии в беспорядке бежали к Березине и где по общему плану войны им должен быть нанесён последний и решительный удар. Своё желание оставаться при армии он прикрывал в этом письме необходимостью, намекая в нём на то, что его советы

* Письмо барона Беннигсена императору от 14-го ноября 1812 г.

заставят фельдмаршала действовать быстрее и решительнее, и тем облегчат Чичагову окончательно довершить поражение неприятеля. Поэтому он желал примириться с ним и с этою целью призывал Государя в армию.

Простое участие к больному со стороны князя Кутузова он принял за первый шаг, с его стороны, к примирению, хотел им воспользоваться и пришёл в негодование, потерпев неудачу.

Написав это письмо, он просил дать ему особого курьера для отправления к Государю. Но ему его не назначили, и он счёл нужным и об этом обстоятельстве уведомить императора, и в том же письме приписал: «Отказ в подорожной для моего курьера, замедлил отправление этого письма. С каждым днём, Государь, события предвещают всё более и более блестящее будущее. Ваше присутствие в губерниях, в которые мы входим, и где Вы заставили обожать Вас (т. е. литовских) гораздо более, нежели целая армия расположат к Вам всех, успокоит умы и откроет без выстрела путь к возможным предприятиям за границами Вашей Империи, которых требуют обстоятельства. Время покажет, Государь, что я верно понимал обстоятельства и людей».

Но в тот же день, как он отправил это письмо, получил от фельдмаршала следующее предписание:

«По причине болезненных ваших припадков, извольте, ваше высокопревосходительство, с получения сего отправиться в Калугу, где ожидать дальнейшего вашего назначения от его императорского величества»*.

Препровождая в подлиннике это предписание к Государю, барон Беннигсен вместе с тем писал: «Имею честь представить Вашему Величеству предписание, которое я получил от фельдмаршала. Я был удивлён, Государь, и ничего другого не могу предположить, как желание удалить человека, всегда действовавшего впереди войск, в то время, когда военные действия приходят к концу. Но что бы ни было я повинуюсь потому, что знаю обязанности службы. Если бы в этом отношении моя служба заслуживала какого-либо упрёка, я прошу Ваше Величество судить меня. Однако же, Государь, есть пределы власти фельдмаршала, и однажды выйдя из её предназначения, я нахожусь исключительно в Вашей власти, потому что Вы изволили меня назначить состоять при его лице. Поэтому я еду на Оршу и Великие Луки (т. е. вопреки предписанию фельдмаршала ехать в Калугу). Но я не позволю себе явиться в Вашу столицу, не получив на это приказания Вашего»**.

---

* Предписание барону Беннигсену 15-го ноября 1812 г. село Круглое.

** Письмо Барона Беннигсена императору из с. Круглого, 16-го ноября 1812 г.

Письмо императора фельдмаршал мог получить только в то время, когда великая армия Наполеона, встретив отпор при Малом Ярославце, двинулась на большую Смоленскую дорогу, а князь Кутузов предпринял фланговое преследование неприятеля, приведшее его в совершенное расстройство. Достигнув цели своих желаний и видя неминуемую гибель Наполеоновых войск, фельдмаршал, вероятно, уже не обращал более внимания на интриги Беннигсена и ограничивался только тем, что не советовался с ним и даже уклонялся от сообщения и личных свиданий. По своему добродушию и с мягкой учтивостью в обхождении с людьми, он, может быть, и не воспользовался бы вовсе позволением Государя, и оставил бы его в покое, если бы барон Беннигсен мог оставаться в таком положении при своём беспокойном характере. Но он постоянно высказывал своё неудовольствие, говорил: «что он простой зритель происшествий»*. Лишь стоит ему подать какой-нибудь хороший совет, чтобы он был исполнен совершенно иначе. Он составил вокруг себя кружок, около которого соединились все желающие, чтобы фельдмаршал преследовал неприятеля быстрее и действовал с большею силою. Князь Кутузов не хотел действовать решительно в отношении своего начальника штаба и думал воспользоваться для этого его болезнью и предложил ему, не желает ли он, до восстановления сил, получить отпуск, чтó, без сомнения, сделало бы его удаление из армии более благовидным. Но Беннигсен не понял или не хотел понять поступка фельдмаршала и тем вынудил его действовать решительнее. «Беннигсена почти не пускаю к себе, скоро отправлю», – писал он своей супруге, в последних числах октября; и лишь только он оправился после болезненного припадка, – исполнил своё намерение.

«Беннигсен удалился из армии, – писал Р. Вильсон, – по повелению фельдмаршала. Раздоры были предосудительны для службы. Фельдмаршал упорствовал в то время, когда Беннигсен объявил своё желание к примирению для пользы службы.

Теперь императору предстоит выразить своё мнение о соперниках.

Я не думаю, чтобы Беннигсен, будучи главнокомандующим, последовал тому своему совету, который он давал будучи подкомандующим; но я уверен, что если бы он имел власть фельдмаршала, Бонапарт теперь лишился бы всей своей деятельности в здешнем свете»**.

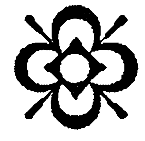
Приведённые слова благорасположенного к барону Беннигсену человека, кажется, объясняют вполне, что он не мог быть терпим в

* Записки А. П. Ермолова, ч. I, с. 243–249.

** Письмо Р. Вильсона жене, 19-го ноября (1-го декабря) 1812 г.

армии как начальник штаба, тем более, как соперник фельдмаршала, который даёт ему такие советы, которым сам никогда бы не последовал, если б занял его место...

Таковы были отношения двух наиболее видных и влиятельных вождей русских войск, выдвинутых правительством для противодействия нашествию всего Запада Европы, предводимого гениальнейшим из полководцев, к старому и заслуженному фельдмаршалу, которому вверила, во время грозной опасности, свою судьбу вся Россия в лице своих сынов.

Глава 4

Значение лица в общественной жизни народа, в среду которого ещё поверхностно проникло образование, и который привык к правительственной опеке,— определяется не столько его личными достоинствами и даже заслугами, сколько служебным положением. Такое положение Барклая и Беннигсена естественно не оставляло их одинокими соперниками и недоброжелателями князя Кутузова; но около них приютились ещё многие и тем содействовали их влиянию только на войска, потому именно, что Россия и не знала об этих кознях. Одни связывались с ним только личными отношениями и, с удалением своих покровителей из армии, сами удалились вместе с ними, как Вольцоген и Закревский; другие, не соединившие личных отношений с общим делом спасения отечества, конечно, не оставили армии, несмотря на двусмысленное положение, в которое были поставлены своим служебным значением. Самым видным лицом, из числа последних, был начальник штаба первой армии генерал Ермолов.

Он пользовался особым расположением и даже доверием Государя, дружбою великого князя Константина и уважением войск за свои военные дарования, храбрость и распорядительность. Он был самолюбив, что весьма естественно, и это самолюбие, при его благородстве, возвышенных понятиях, побуждали его к блистательным подвигам; но то двусмысленное положение, в которое он был поставлен, вводило его в искушение.

Такое положение, начавшееся с самого назначения его начальником штаба при Барклае и поставившее его в странное положение к князю Багратиону, не только не изменилось к лучшему с назначением главнокомандующим всеми войсками князя Кутузова, но ещё ухудшилось. Соединение армий в одну, последовавшее во время отступления от Москвы на Калужскую дорогу, было только последним выражением давно уже совершившего почти на самом деле предначертания, и, конечно, лишило прежнего значения, как главнокомандующего первою армиею, так и его начальника штаба.

А. П. Ермолов был слишком умён, чтобы не понять своего положения, и несколько раз просил его уволить от занимаемой должности. Но уволить от должности, к исполнению которой он был назначен самим императором, князь Кутузов не считал возможным своею властью

и, конечно, желал воспользоваться его дарованиями. Он постоянно обходился с ним с особенною ласкою; но эта ласка представлялась только хитростью недовольному своим положением Ермолову. С желанием устранить влияние Беннигсена, обязанности начальника штаба, силою обстоятельств, сосредоточивались, в собственном смысле, у дежурного генерала Коновницына, и Ермолов превращался в его сотрудника и даже помощника. «Генерал-лейтенант Коновницын,— говорит Ермолов*,— в новой своей должности встретившись с делами, совершенно ему незнакомыми, затрудняющими его, нашёл облегчение в том, что препровождал их ко мне огромными кучами, чтобы под ними подписывал я приличествующие разрешения. Некоторое время я это исполнял из уважения к нему, невзирая на чрезмерную ограниченность его способностей. Никогда самолюбие его не воспрещало ему разделить его труды со мною, и он думал продолжать мои занятия, для него весьма выгодные; я объяснил ему, что не нахожу удовольствия изыскивать зависимости, когда могу её избавиться. Не скрывал в то же время сожаления, что должности его обширной и многосложной он исправлять не в состоянии». Уважение Ермолова к Коновницыну превратилось в недоброжелательство к нему, лишь только он по своему новому положению должен был исполнять почти те же обязанности, как и Ермолов. Говоря про Коновницына, что — «он справедливо приобрёл известность отлично храброго и твёрдого в опасности офицера», что он «человек очень умный», он почти вслед за тем называет его «с чрезмерно ограниченными способностями». Такое противоречие, сохранившееся в записках Ермолова, которые так долго и так много раз он переделывал и переписывал, невольно обличает то неправильное положение, в которое был поставлен Ермолов. Все современники отдают справедливость как благородному характеру, так и военным доблестям Коновницына, соединённым с замечательною скромностью. «Этот человек великих заслуг, характера достойного уважения и замечательный, по неустрашимой храбрости, и хладнокровию»,— писал о нём граф Воронцов в частном письме к своему отцу в Лондон**. Между тем Ермолов усматривает в нём только хитрость, как и в князе Кутузове. «До сего времени,— говорит он,— делал я доклады фельдмаршалу и приказания его отдаваемы были мною; но при новом порядке вещей, одни только чрезвычайные случаи объяснял я лично ему и заметил, на сколько много переменилось его прежнее особенно

* Записки о 1812 г. Ермолова, Ч. I, с. 223.

** Письмо 9-го января 1813 г. Помечено рукою Аракчеева: Калиш 16-го марта. — Ср. Левенштерна Denkwürdigkeiten etc. Часть I, с. 259.

благосклонное ко мне расположение. Пронырством не искал я обратить его к себе милости и воспользовался возможностию переехать жить в маленькую деревню, ближайшую от главной квартиры; к фельдмаршалу являлся не иначе, как по приказанию, с Коновницыным видался не редко, но чаще переписывался, отталкивая его поручения, которые я не имел обязанности исполнять, и в переписке со мною он, конечно, не выигрывал. Без ошибки могу предположить, что он вредил мне втайне». Едва ли однако же, не ошибался в этом случае Ермолов, но он был уверен в том, что Коновницын восстановил против него князя Кутузова и поссорил его с Толем, «в дружбе которого до того времени он не имел причины сомневаться». «Природа мало создаёт людей, – прибавляет Ермолов, – у которых наружность всегда спокойная, неразгадываемая. Коновницын имеет лицо ко всякого рода впечатления одинаково составленное, на котором является равнодушие, улыбка уловляющей простоты, располагающая к откровенности. Одного не может он покорить – чувства завистливости: оно обнаруживается бледностию, покрывающее лицо его!»*.

Это нелестное для Коновницына описание не оправдывается ни сказаниями современников, ни обстоятельствами того времени. Из рассказов самого Ермолова ясно, что он не хотел заниматься делами совокупно с Коновницыным, отталкивая их от себя, переехал нарочно за несколько вёрст от главной квартиры и насмехался над ним как в разговорах, так на письме. Могло ли это быть приятно Коновницыну и мог ли он равнодушно относиться к подобному поведению с ним? По отъезде Барклая из армии фельдмаршал объявил в приказе, что его обязанности, как главнокомандующего первою армию, принимает на себя. В чьём непосредственном распоряжении оставался начальник штаба этой армии? Без сомнения Коновницын не мог лично по своей воле пересылать дела и сноситься с Ермоловым, как начальником штаба первой армии, но делал это по приказанию фельдмаршала, как состоявший при нём дежурный генерал, – что очень ясно видел из переписки с ним и сам Ермолов. Если к Ермолову несколько переменилось прежнее благосклонное отношение фельдмаршала, то потому, что он постоянно отклонял от себя участие в делах, которого очевидно желал князь Кутузов. Беннигсен ещё находился при армии и был начальником его штаба; поэтому не удалив его нельзя было прямо возложить его обязанности на Ермолова. Между тем после удаления из армии Барклая и принятия фельдмаршалом его обязанностей на себя, он очень мог упразднить должность начальника штаба первой армии и

* Записки Ермолова, Ч. 1, с. 224 и 225.

дать другое Ермолову назначение, как дал он графу Сен-При, бывшему начальнику штаба второй армии. Не давая же ему другого назначения, едва ли он не имел в виду заменить им со временем Беннигсена.

Но действительное положение дел ускользнуло от внимания лиц, поставленных в ложное и неловкое положение, к числу которых принадлежал Ермолов. Он стал на сторону недоброжелателей князя Кутузова, начал хвалить Барклая и Беннигсена в ущерб фельдмаршалу и приписывал им все успехи, какие были одержаны в это время. Ермолов не упоминает однако же в своих записках об одном обстоятельстве, довольно важном, которое было прямым последствием его враждебных отношений к генералу Коновницыну.

4-го октября Ермолов приехал в главную квартиру, где увидал его Коновницын и предупредил, что на другой день фельдмаршал предполагает сделать нападение на авангарды Мюрата, что дислокация составлена и он немедленно её получит для приведения в действие. Отталкивая от себя дела, сообщаемые ему Коновницыным, Ермолов отвечал, что ему некогда дожидаться, что он должен ехать к Кикину, который устраивает сегодня обед, и действительно – немедленно уехал из главной квартиры. Вслед почти за ним послан был к нему с дислокациею офицер кирасирского полка Павлов; но ни его, ни Кикина он отыскать не мог и передал пакет его правителю канцелярии полковнику Эйхену, который не счёл себя вправе его распечатать. Поэтому части войск, предназначенные к наступательным действиям, не получили предписаний*.

Вечером в 8-м часу сам фельдмаршал приехал из Леташевки в Тарутино, чтобы распорядиться наступательными действиями. «Но к удивлению моему, – говорит он, – узнал от корпусных гг. начальников там собравшихся, что никто из них приказа даже и в 8-мь часов вечера не получал, кроме тех войск, к коим сам барон Беннигсен прибыл,

---

* Bernhardi. Denkwürdigkeiten aus dem Leben der gr. Toll, Ч. II, с. 216 и 217. Он говорит, что Павлов отыскал его в одной из деревень за левым крылом лагеря поздно вечером, когда уже не было возможности сделать необходимые распоряжения. Но князь Голицын говорит, что Ермолов обедал у Шепелева, который с первой бригадой гвардейских кирасир стоял на правом фланге и, не отыскав его, Павлов передал пакет Эйхену (Записки князя А.Б. Голицына); точно также Бернарди говорит, что в Тарутино приехал фельдмаршал рано утром 5-го (17-го) октября (с. 217), князь же Голицын пишет, что вечером 4-го, и это подтверждает и приказ самого князя Кутузова Ермолову. (Записки. Т. I, с. 255). Все эти разноречия в подробностях не изменяют главного обстоятельства, что приказ не был получен войсками вовремя. Левенштерн. Denw rdigkeiten etc. Ч. 1, с. 253.

и им его объявил, а именно второму и четвёртому корпусам. К тому же начальствующие кавалериею генерал-лейтенанты Уваров и князь Голицын объявили, что, не получая заранее приказания, много кавалерии послали за фуражем, что и с артиллерию было, и я, ехавши в Тарутино, повстречал артиллерийских лошадей, ведённых на водопой». — Это обстоятельство привело фельдмаршала в такое раздражение, в каком, говорит состоявший бессменным ординарцем князь Голицын, «никогда его не видел. Всё оборвалось на бедном Эйхене, который без вины сделался виноват»*. Но без сомнения князь Кутузов скоро узнал, кто был действительно виноват. Мы привели выше начало из приказа генералу Ермолову, подписанного в самый день Тарутинского сражения. Этот приказ заключался так: «сии причины к прискорбию моему понудили отложить намерение наше атаковать сего числа неприятеля, что должно было быть произведено на рассвете, и всё сие произошло от того, что приказ весьма поздно доставлен к войскам. Ваше превосходительство разделяете со мною всю важность такого случая, и я не могу оставить без расследования причины сего. Каковое упущение вам исследовать предписываю и буду ожидать немедленно вашего о сём донесения»**.

Удачный, хотя и не в той мере как мог ожидать фельдмаршал, исход Тарутинского сражения, несколько его успокоил, но тем не менее не дозволил преследовать отступающего Мюрата. Несмотря на усиленные просьбы окружавших его генералов, он сказал: «коль скоро мы не успели вчера живым схватить и сегодня прийти вовремя (ибо некоторые корпуса опоздали, делая переход ночью), на те места, которые были назначены, то преследование не принесет пользы, и потому ненужно: это только отдалит нас от позиции и от операционной нашей линии»***.

К каким последствиям привело порученное фельдмаршалом Ермолову исследование? Без сомнения, фельдмаршал узнал настоящего виновника! Некоторые из современников говорят, что он извинился перед Эйхеном и хотел немедленно удалить Ермолова; но что именно Коновницын успел смягчить его справедливое раздражение против человека, к которому прежде он питал особое расположение. Тем не менее Кутузов обходился с Ермоловым по-прежнему ласково, но не употреблял его по штабу.

Штабы армии составляют интеллигенцию войска, как бы цвет

---

* Записки князя Голицына о войне в 1812 году.

** Приказ князя Кутузова октября 5-го дня 1812 г. № 22.

*** Bernhardi там же с. 217; Записки кн. Голицына о войне 1812 г.

военной образованности: к ним примыкают все влиятельные лица в войсках, они дают направление взглядам и суждениям о ходе дел. Но мало того, что штабные руководят современными мнениями, они имеют влияние на взгляды последующих поколений. Кто же как не более образованные лица войск, записывая события, оставляют потомкам свои воспоминания, которые и служат им, как показания очевидцев и участников, лучшими источниками для науки, истории. Характер штабов тех войск, которыми должен был предводительствовать князь Кутузов, кажется с достаточною ясностью выступает из тех условий, которые мы изложили и объясняет целый ряд противоречащих мнений и суждений об одних и тех же происшествиях, и о всей вообще кампании 1812 года. Наибольшая часть из них сходятся в одном – в желании порицать все действия князя Кутузова. К этой части штаба присоединился граф Ростопчин. При выезде из оставленной Москвы и после неловкого для обоих свидания с князем Кутузовым у Яузского моста 2-го сентября вечером, граф Ростопчин присоединился к свите Барклая де Толли. Как ни тяжело ему было находиться в каких бы он ни было отношениях к князю Кутузову, которого он возненавидел с этого времени, но он считал своею обязанностью как генерал-губернатор Москвы быть при войсках, пока они будут находиться в пределах Московской губернии.

«Граф Ростопчин, – говорит Вольцоген, – присоединился к нам. В некотором расстоянии от Коломенской дороги мы заметили большой обоз подвод, сопровождаемых солдатами, а когда они приблизились к нам, я заметил, что это были московские пожарные трубы. Удивлённый, я спросил графа, с какою целию он велел вывезть их.

– Я имел на это очень основательные причины, – отвечал он и поспешил прибавить: – но что касается до меня лично, то я вывез из Москвы только лошадь, на которой сижу и платье, в котором одет.

Писатель-иностранец насмешливо замечает, что, отъехав в дурном расположении духа от князя Кутузова и присоединившись к Барклаю, граф Ростопчин по-видимому уже не считал его немцем или иностранцем, к которому должен относиться с недоверием истинный русский сын православной церкви»*.

Неудачная насмешка; не ко всякому немцу или иностранцу, особенно русскому подданному, даже и в это время, относится с недоверием и русский народ, а тем более граф Ростопчин; он действительно относился прежде с недоверием к воинским дарованиям Барклая и не считал его способным быть главнокомандующим русскими войсками, но

* Шницлер. Rostopchine et Kortousof. T. III, c. 172–173.

не поддавался влиянию молвы, обвинявшей его в измене. В этом случае он действительно относился несколько недоверчиво к Вольцогену, в обществе которого ему пришлось теперь находиться однако довольно долго. У него был повод присоединиться к свите Барклая, так как его сын находился при нём в качестве адъютанта. Но, конечно, другая причина привела его именно к этому сопернику Кутузова. Возненавидев фельдмаршала, граф Ростопчин как истинно преданный человек императору Павлу, питал глубокое отвращение и к Беннигсену; к тому же кроме Барклая, которого честность и благородство никогда не подвергались сомнению, он в то время к другому и не мог примкнуть. Этот поступок был только продолжением тех откровенных бесед, которые он вёл с ним на Поклонной горе, перед военным советом в Филях, и которые его сблизили с ним в общем нерасположении к князю Кутузову. Это сближение не прекратилось и впоследствии, когда, оставив главную квартиру, граф Ростопчин жил во Владимире, и Барклай де Толли, удаляясь от армии, посетил его там. Он намеревался пробыть у него не более часу, но, увлечённый его беседою, – говорит А. Булгаков, – пробыл у него от 8 часов утра до 9 пополудни. Оба сии знаменитые мужа имели свои доли забот, свои доли огорчений, своих недоброжелателей, и эти обстоятельства немало способствовали к сближению их и к утверждению между ними искренней приязни. Ростопчин всегда отдавал должную справедливость достоинствам Барклая де Толли, и в то время, когда почти вся Россия единогласно обвиняла его за отступление от границы империи до Можайска без боя.

В то время, как в огорчённом отечестве нашем многие даже осмеливались подозревать преданность его к России, Ростопчин всегда защищал его*. Действительно, граф Ростопчин постоянно защищал Барклая как человека, но с этого времени начал защищать его и как главнокомандующего, хотя и не безусловно, как это доказывают письма его к императору, писанные после оставления им Москвы и до приезда его во Владимир. Эти письма составляют дополнение и пояснение тех известий, которые сообщаемы были Государю Барклаем, Беннигсеном и Вильсоном и которые мы привели. Они сходны с ними по направлению и содержанию и отличаются лишь ещё большею жизнью и резкостью и ещё отчётливее изображают общий характер главной квартиры действующих войск.

«Оставление Москвы поразило всех, – писал Ростопчин Государю, через несколько дней после выезда из Москвы. – Солдаты упали

---

* Разговор Неаполитанского короля Мюрата с графом Милорадовичем. Статья А. Булгакова. «Москвитянин» 1843 г. Т. I, с. 511.

духом и потеряли надежду. Действительно странно, что после такого постыдного отступления в продолжение трёх месяцев, неприятель, доведённый до крайности и потерпевший поражение во всех сражениях, которые ему давали, сделался обладателем Вашей столицы. Надо опасаться двух слухов, распространённых в войсках. Один, что Кутузов, оставляя Москву неприятелю, исполнял только Ваши повеления; другой, что Вы с намерением попускаете Бонапарта проникать в Ваши владения, чтобы провозгласить в них свободу от Вашего имени. Генералы ожесточены, офицеры громко говорят, что стыдно носить мундир, солдаты не составляют более армии, но шайку разбойников и грабят в виду своих начальников. В это самое время, в 50-ти верстах отсюда страна разорена совершенно и гвардия одинаково действует с другими. Расстреливать невозможно, потому что нельзя предавать смерти по нескольку тысяч в день. Всё превратилось в интригу. Беннигсен желает быть главнокомандующим, он уверяет, что только один противился оставлению Москвы, и хочет написать об этом сочинение. Он в тесных связях с Паниным, который ездил повидаться с ним в армию, и с Зубовым в Петербург. Пообдумайте, Государь, ещё есть время. Эти три человека никогда Вам не простят обманутой надежды — управлять империею и Вами. Барклай настаивал, чтобы оставили Москву на жертву неприятелю, и тем хотел, может быть, заставить забыть потерю Смоленска. Князь Кутузов не существует более, его никто не видит, он всё лежит, много спит, солдаты его презирают и ненавидят. Он ни на что не решается. Его весьма занимает молоденькая девушка, переодетая казачком. Оставив Москву он направился по Коломенской дороге, затем перешёл на Тульскую и теперь не может решиться двинуть войска на Калужскую, чтобы перерезать сообщения неприятеля с Смоленском и воспользоваться продовольствием, заготовленным в Калуге и Орле. Он даже рассчитывает дать сражение, на что никогда не решится. Он оправдывает это тем, что надо сохранить армию. Но если она должна отступать постоянно, то он потеряет её очень скоро. Я убеждён, что Бонапарт ускользнёт от него в то самое время, когда он наименее будет того ожидать; двинувшись на Тверь, где есть магазины, он произведёт тревогу в Петербурге, двинувшись на Поречье он достигнет Белоруссии, не встретив никакого препятствия. Он может остановиться там на зимние квартиры, возвратиться в Париж, овладев Смоленском и разрушив Москву, приготовиться к новой кампании на будущий год. Беспорядок, господствующий в Ваших войсках, превосходит всякое вероятие. Они загромождены багажем, есть даже солдаты, у которых имеются подводы с проводниками крестьянами для добычи, награбленной в своём же отечестве. Не знают, где находятся

генералы; однажды по диспозиции князю Дмитрию Голицыну назначено было вести колонну кавалерии и только на другой день заметили, что он находится в 40 верстах в арьергарде с Милорадовичем. Кайсаров и Кудашев делают всё и от них зависит Ваша судьба и Вашей империи. Так как господствует мнение, что Кутузов действует по вашим предписаниям, и взятие Москвы без боя поразило всех ужасом, то необходимо для предупреждения восстания, чтобы этот старый, выживший из ума и пошлый куртизан был отозван и наказан, или последуют неисчислимые несчастия. Вчера даже в имении Мамонова, недалеко отсюда, явились мародёры; их выгнали, а двое крестьян проповедывали бунт, говоря, что они теперь принадлежат не графу Мамонову, не Вам, потому что Бонапарт в Москве, и следовательно он государь. Ради Бога, не лишайте меня Вашей доверенности; я довольно сделал, чтобы её заслужить, и я Вам верный слуга. Назначьте немедленно людей с именем, известных, дайте им полномочие сообразно с чрезвычайными обстоятельствами и пошлите их по всем губерниям для наблюдения за спокойствием и для поддержания порядка. Бонапарт нашёл только развалины и пепел, он захочет отомстить за это и употребит всё, чтобы этого достигнуть. Как бы ни окончилась война, Вам придётся кормить до трёх миллионов человек, у которых ничего нет и которые не успели произвесть озимые посевы. Бросьте Вы эти несчастные финансовые системы, внушённые Вашим врагом, и прикажите сделать выпуск ассигнаций. Это единственное средство выйти из затруднений. Я нахожусь при армии, нося смерть в душе, вижу её в расстройстве, крестьян разорёнными, сообщения прерванными, нет предводителя и некем его заменить. Вот уже в другой раз общественное мнение обманулось в своём выборе. Каменский – сумасшедший, а Кутузов – старая баба сплетница, потерявший голову и воображающий сделать что-нибудь, ничего не делая»*.

Граф Ростопчин, приехав в главную квартиру, сразу понял, что в ней интрига широко свила своё гнездо и всех запутывает своими сетями; но как эта интрига главнейшим образом была направлена на князя Кутузова, против которого он был раздражён, то он безотчётно подчинился не только её влиянию, но сделался одним из ревностных её орудий. Оставление Москвы, с которою, по его воззрению, неразрывно соединялось существование России и его личное значение, до такой степени потрясло его, что всё представлялось ему в мрачном виде и только предвещало бедствия. Каждый частный случай, иногда

* Письмо графа Ростопчина 8-го сентября 1812 г., из деревни Кутузовой, по Тульской дороге, в 34 верстах от Москвы.

ничтожный беспорядок, он возводил в общее правило и рисовал картину гораздо мрачнее даже той, которую начертило опечаленное воображение Барклая. Не считая нужным опровергать подробно показания графа Ростопчина о расстройстве армии и упадке её духа, потому что они исключительно принадлежат ему и ничем не подтверждаются, мы считаем однако нужным привести несколько выдержек из писем его поклонника, человека находившегося в одном с ним обществе в это время, — сэра Роберта Вильсона.

Прибыв в армию в то время, когда она совершала фланговое движение с Рязанской дороги на Калужскую, он писал Государю: «Занявшись отправлением депеш к английскому послу в Константинополь, с целью предупредить действие ложных разглашений неприятеля, я не мог обозреть, как бы мне хотелось, состояние армии Вашего Величества; но с особенным удовольствием могу Вас уверить, что дух, её оживляющий, и ежедневное приращение сил делают её способною ко всякому сражению с неприятелем, между тем как неприятельская переписка и разговоры с пленными, почти ежедневно приводимыми, служат для меня неоспоримым доказательством, как обмануты их надежды по занятии Москвы и до какой степени увеличилось их затруднительное положение, чрез ослабление сил от потери в сражениях, болезней и деятельности наших отдельных отрядов, ныне окружающих город и совершенно перервавших их сообщения с Польшею... Теперь нет ни одного офицера, ни солдата, которые бы не радовались тому, что неприятель занял Москву, будучи уверены в том, что пожертвование этим городом будет иметь последствием избавление вселенной от тиранской власти, столь долго продолжавшейся... По коммисариату порядок чрезвычайный и пища солдатская как нельзя быть лучше. Памятуя, что было прежде (т. е. когда командовал армиею в 1807 году Г. Беннигсен), ныне не могу довольно похвалить артельных котлов... Сделанное мною объявление о твёрдой решимости Вашего Величества продолжать войну дотоле, пока хоть один вооружённый неприятель останется в Ваших владениях, принято было в армии с таким удовольствием, что одержанная победа, без потери друга или товарища, не произвела бы такого общего удовольствия. Самые изгнанники из Москвы, несмотря на свои бедствия и горести, проливали слёзы радости, услышавши о постоянном попечении Вашим о славе Российской империи»*.

Несколько дней спустя, когда ещё продолжалось фланговое движение, и Вильсон мог больше ознакомиться с состоянием войск, он писал

* Письмо Р. Вильсона императору 13-го (25-го) сентября 1812 г. Красная Пахра.

императору: «С особенным удовольствием могу уверить Ваше Величество, что армия неослабно оживлена воинским духом в высочайшей степени, что подкрепления к ней подходят в большом количестве, что она изобилует хлебом, мясом и водкою»*. То же самое писал сэр Р. Вильсон и к лорду Каткарту. «Дух армии весьма хорош, все с нетерпением желают действовать наступательно»**.

Сравнивая эти показания с теми, которые изложены в письме к императору графа Ростопчина, могло бы невольно возникнуть сомнение, относятся ли они к одной и той же армии и к одному ли и тому же времени. Но подобное сомнение невозможно и потому остаётся только пожалеть о болезненном состоянии графа Ростопчина, в котором он действительно находился в это время. В письмах Р. Вильсона не находится даже помину о дезертирах из русской армии, а между тем они действительно были. Дезертирство началось в довольно значительных размерах, особенно после отступления наших войск от Смоленска. Оно было прекращено мерами, принятыми князем Кутузовым, по прибытии его к войскам, и особенно тем новым духом, который оживил армию с этого времени. Но после оставления Москвы, хотя признаки побегов обнаружились снова, но очевидно в таких незначительных размерах и так скоро прекратились, что даже сэр Роберт Вильсон, находившийся постоянно в той сфере, куда стекались и где повторялись все слухи, которые хотя сколько-нибудь могли быть употреблены ко вреду фельдмаршала, не говорит о них ни слова ни в донесениях императору, ни в письмах к лорду Каткарду, ни в последующих своих сочинениях.

Между тем Вильсон указывает в письмах императору на другие замеченные им беспорядки в войсках. «С грустью я считаю долгом сообщить Вашему Величеству, что то же нерадение, которое от Смоленска подвергало Вашу армию опасности, продолжается и до сих пор. Когда я смотрю на это собранное ополчение, построенное в ордер баталии, то не сомневаюсь в победе, но когда вижу его на походе, то смущаюсь духом и трепещу о его безопасности. Необходимо нужно, чтобы Вы изволили предписать и строго подтвердить, чтобы при каждом предпринимаемом движении войск, составлялись бы особые отряды пионеров, которые должны находиться при каждом мосту. Такие отряды могли бы составляться из пионеров разных корпусов, по мере того как они подходят; но необходимо, чтобы было сделано об этом распоряжение и строго исполнялось».

---

* Его письмо императору 15-го (27-го) сентября.

** Письмо Р. Вильсона лорду Каткарту 16-го (28-го) сентября.

Приведённая выписка из писем с. Р. Вильсона, писанных одно через шесть дней после другого, уже показывает, до какой степени беспорядок, на который он указывает, был случайным и кратковременным. Указывая императору на такой беспорядок, мог ли он умолчать о дезертирах, если бы они были в значительном числе и притом грабили свою страну. Не знать об этом обстоятельстве он не мог: он получал сведения из тех же источников, как и граф Ростопчин. Все эти сведения сосредоточивались в кружках барона Беннигсена и Барклай де Толли, в которых вращались и Р. Вильсон и граф Ростопчин. Есть известия, весьма, впрочем, вероятные, что при переходе войск через Москву, в ней затерялось некоторое количество солдат. Может быть побудительная причина заключалась и в желании схватить на ходу что-нибудь из имущества, оставленного на жертву неприятеля, то и в этом явлении не было ничего особенного, а тем более ужасного. Но если при этом обратить внимание на то, что многие лавочники и торговцы сами зазывали солдат, предлагали им свои товары, чтобы только они не доставались неприятелю – то это явление представляется весьма естественным и не может быть названо грабежом. Притом же за нашими войсками по пятам шёл неприятель, а потому очень вероятно показание некоторых из современников, что довольно значительное число солдат осталось в Москве в то время, когда она была занята неприятелем. Без сомнения, большая часть из них, в первые же дни занятия Москвы, вышла из столицы, как выходили многие из её обывателей.

Граф Ростопчин с болезненно настроенным воображением, придавал огромные размеры этим частным и неважным явлениям, предусматривал возможность междоусобной войны и политического возмущения и советовал императору принять чрезвычайные меры «для наблюдения повсюду за спокойствием и для наблюдения за порядком». Как бы болезненно ни отозвалось на душе графа Ростопчина оставление Москвы, он не мог бы прийти к подобным мнениям и подозрениям, если бы и прежде, когда был здоров и душою и телом, он не питал таких же подозрений. Во время своего начальства в Москве, он не только постоянно опасался, что Наполеон может возбудить народ к восстанию, объявив его свободным от крепостной зависимости, но и преследовал лиц совершенно невинных, воображаемый им заговор мартинистов. Не открыв, конечно, не существовавшего заговора и принеся за эти неудачи кровавую жертву в лице Верещагина, он вообразил новый заговор, без сомнения так же не существовавший, как и первый. Не временное и случайное настроение духа, вследствие чрезвычайного происшествия, как оставление Москвы на жертву неприятелю, послужило поводом к тому, что он решился сообщить императору

подобные известия, но таково было постоянное направление мыслей у графа Ростопчина, а в это время только усиленное и раздражённое ещё более современными обстоятельствами. Как в Москве он беспрестанно наблюдал за направлением умов, собирал даже выходки и слова каких-нибудь бродяг в отдалённых харчевнях, сказанных под пьяную руку, принимал их за признаки наперёд составленных им понятий о настроении народа, так и в это время разговор двух крестьян из деревни графа Мамонова может быть и действительно происходил, но не имел ровно никакого значения, а Ростопчин возвёл его в признак возможного и вероятного бунта. На таком болезненном явлении, конечно, не должно бы и останавливаться истории, если бы это не была хроническая болезнь нашей администрации; если бы это писал не московский генерал-губернатор и не к императору.

Что такое настроение духа графа Ростопчина было не временным и случайным, подтверждают это и последующие его письма к Государю. Несколько дней спустя из Красной Пахры он писал ему: «После моего последнего донесения ничего не случилось нового. Та же нерешительность и ничтожность главного начальника войск. Вчера хотели сделать нападение на корпус в 600 человек неприятелей, находившийся в 13-ти верстах отсюда. Были в тот же день даны приказания, а в 6 часов вечера отменены. Около трёх дней у войск почти нет продовольствия, потому что запасы, собранные в Калуге, были направлены без ведома Ланского сначала на Владимир, потом на Рязань, а затем опять на Калугу. Эти распоряжения были сделаны 29-го, что служит доказательством, что князь Кутузов тогда уже решился оставить Москву. Я в отчаянии от того, что он так предательски действовал в отношении меня; потому что, будучи лишён возможности сохранить город, я бы сжёг его, чтобы не дать повода Бонапарту хвастаться, что он его взял, ограбил, а потом сжёг. Я бы отнял у них добычу всей их кампании, а пепел столицы показал бы им, что все сокровища мира были для них потеряны; я заставил бы их понять, с каким народом они имеют дело». Если бы князь Кутузов и действительно с ним поступил предательски, как выражается граф Ростопчин, и скрыл от него своё решение оставить Москву без боя, то приведённые строки совершенно оправдывают его образ действий. Предупреди он его об этом решении — и русские войска очутились бы между наступающею неприятельскою армиею и пылающею столицею. Мог ли бы тогда так удачно совершить князь Кутузов отступление на Калужскую дорогу? Не преследовал ли бы его неприятель со всеми силами? Успели ли бы русские войска преобразоваться и устроиться так, как они устроились в продолжительную стоянку в тарутинском лагере? Мог ли бы тогда Наполеон питать надежду,

что война окончена, что он заключит мир и в этом ожидании мог ли бы он оставаться в бездействии так долго? Трудно, конечно, предположить, какой оборот могла принять война в этом случае; но несомненно то, что все предположения фельдмаршала и императора были бы совершенно разрушены. Такой образ действий мог доказать только глубокую способность князя Кутузова понимать людей, незнакомых ему лично, как граф Ростопчин, по немногим их словам и действиям. Конечно, поползновение сжечь Москву со стороны графа Ростопчина было ему известно из письма его к князю Багратиону, о котором слух прошёл по войскам; и он понял, что московский главнокомандующий способен решиться на эту меру, вовсе не принимая в соображение, какое она может оказать влияние на ход военных действий.

Едва ли можно сомневаться в том, что в какой мере князь Кутузов желал предупредить возможность сожжения Москвы, пока ещё её не занял неприятель, в такой же он радовался и гордился впоследствии, когда её пламя объяло Наполеона с его войсками и лишило их той добычи и удобной стоянки, которых они с нетерпением ожидали.

Это обстоятельство подтверждает и сам граф Ростопчин в том же самом письме, говоря далее: «Перехваченные письма с одним французским курьером на Можайской дороге доказывают, что неприятель потерял 30 тысяч при Бородине и 300 офицеров и генералов, выбывших из строя; они жалуются, что найденная ими добыча в Москве была незначительна, что у них только и есть продовольствия на десять дней, что они никакой уже не имеют надежды на мир, что русские хуже готов и тому подобных их знаменитых предков, что с ними ничего не поделаешь, если они будут повиноваться своим сумасбродам и поджигателям, как Ростопчин и ему подобные.

Вот уже дня четыре Кайсаров подписывает все бумаги, подделывая подпись Кутузова, чтобы с ним никто не мог видеться. Он только ест и спит целый день. Беннигсен относится о нём презрительно. Барклая он не принимает; что касается до меня, то я видел его только один раз, в день оставления Москвы. Следует обратить внимание, что 31 (августа) велел поместить в дневном приказе, что 2-го (сентября) он будет в Москве, и назначил полки, которые должны составлять его гвардию. Здесь всё разглашается, что бы ни делалось, так что самому неважному шпиону очень легко узнать всё. Демидов, который находится при Беннигсене и его кормит, выпросил у французов охранную стражу для своего дома в Москве, который не был ни ограблен, ни сожжён, и он обещал даже своё покровительство другим и получает из Москвы письма; но как здесь ни на что не обращают внимания, то и оставляют в покое эту переписку.

Ушаков привёл из Калуги 6.000 прекрасного войска и 1.200 конницы. Лобанов прибудет сюда через шесть дней с восмью полками. Ополчение шести губерний восходит до 80.000 человек. В Тульском ополчении находятся два великолепных конных полка, по 1.200 человек каждый, составленных генерал-майором князем Щербатовым, и сверх того тульское дворянство для поддержания этой конницы, по желанию князя Кутузова, пожертвовало ещё 1.500 лошадей.

Неприятель должен здесь погибнуть, но не Кутузов выроет ему могилу. Надейтесь, Государь, на Бога, Ваше дело правое, это дело отечества, но чтобы не было мира, это было бы смертельный приговор для нас, и для Вас».

Ближе присмотревшись к тому состоянию войск, в каком они находились в это время, Ростопчин не говорит уже более о беспорядках, угрожающих гибелью России; но усматривает возможность погибели французов, и, оставаясь верным в своей ненависти к Кутузову, полагает, что не ему суждено вырыть им могилу. Полученное Ростопчиным в это время письмо от императора успокоило его ещё более. Незадолго до получения от него известия о сдаче Москвы, он писал ему: «Я верно получил все ваши письма, включительно с письмом от 29 августа. Я не могу вам достаточно выразить моё удовольствие к тому способу, как вы исполняете ваши обязанности, я радуюсь более, нежели когда-нибудь, что мой выбор пал на вас при назначении главнокомандующего в Москву. Вы оказываете мне существенные заслуги, которые никогда забыты не будут. Вы можете себе представить, что я испытываю; но моя вера в Божественное Провидение, храбрость моих войск и мирное направление нашего достойного уважения народа меня подкрепляют. – С непреклонной решимостию и с Божиею помощию, мы победим это чудовище, которое приводит в отчаяние всю Европу. Сообщайте мне обо всём, что делается»*.

Одобрение вообще его образа действий императором, который, впрочем, не знал ещё в это время о многом случившемся в последние дни, перед оставлением Москвы, например об участи Верещагина, конечно успокоило Ростопчина и убедило ещё более, что он действовал как следовало при тогдашних обстоятельствах. Но это убеждение, которое, впрочем, никогда его не покидало, ещё более укрепило его ненависть к Кутузову, которого он считал главною причиною, воспрепятствовавшею ему блистательно завершить свой подвиг служения отечеству в это время, т. е. сжечь Москву прежде, нежели прошли через неё наши войска. На письмо императора граф Ростоп-

* Письмо императора графу Ростопчину 5-го сентября 1812 года.

чин отвечал: «Государь! я имел счастие получить письмо Вашего Императорского Величества от 5 числа этого месяца. Чувство грусти, угнетающее меня в виду несчастий, которыми наказывает нас Провидение, не препятствует мне однако же ощущать радость, убедившись, что моя служба заслужила Ваше одобрение. Признательность монарха составляет самую лучшую награду для верноподданного, преданного своему Государю. Князь Кутузов продолжает ничего не делать и мешает другим делать что-нибудь. Войско Вашего Величества, состоящее из 100 тысяч человек, продолжает позорно отступать перед небольшим отрядом фуражиров. Вчера Милорадовичу дан был приказ атаковать, так называемую, неприятельскую армию, которая едва состоит из 8.000 человек, большею частию конницы и с 5 пушками. Этот корпус отбросили, и Милорадович, подвинувшись на 6 верст, расположил свои передовые ведеты на другом берегу Пахры. Взяли несколько пленных, в числе которых Потоцкого, адъютанта Понятовского, сына сенатора Ивана. Сегодня утром приказано было корпусу Остермана напасть на Мюрата, который находится против него с ничтожными силами. Я не знаю, чем это кончится, но уже дано приказание обозам отойти к Наре, за 26 верст отсюда, куда мы двинемся вероятно завтра.

Неприятель посылает отряды во все стороны, чтобы достать продовольствие, и производит тревогу. Они говорят и пишут, что им нечего есть, что они страдают уже от холода и приходят в ужас от мысли о том, чего они должны ожидать ещё в будущем? Они рассчитывали на мир, и сердятся, что их ожидание не сбылось.

Дух народа продолжает быть очень хорош; мои здешние крестьяне переловили и привели сюда до 50 мародёров, а перебили ещё более. Небогатый купец, которого неприятели хотели употребить как шпиона и оставили в залог его жену и детей в Москве, сам явился в нашу главную квартиру, рассказал всё, что знал, и отдал деньги, которые дали ему французы, обещав ещё 1.000 золотых дукатов, если он хорошо исполнит их поручение. Двое из ополченцев, взятые в плен французами и через три дня отпущенные на свободу, также явились к своему генералу и отдали по 50 рублей, которые получены ими от французов. Но с другой стороны, я опасаюсь, чтобы эти добрые люди не пришли в отчаяние от разбойничества наших войск, которые грабят всё и употребляют всякие для того способы. Мне уже донесли, что жители двух деревень, занятых французами, возвратились в свои дома. Злоупотребления, допускаемые в наших войсках доходят до такой степени, что здешний священник не хотел служить обедню 15 числа потому, что два дня тому назад в то время, когда он отправлял богослужение, до 20 солдат явились грабить церковь. Если дойдёт до того,

а я этого ожидаю, что наши крестьяне начнут драться с солдатами, то надо будет ожидать возмущения, которое неминуемо распространится по соседним губерниям, где раненые, беглецы и вновь образуемые полки непременно примут участие.

Беннигсен всё грозит оставить армию и употребляет все способы, чтобы добиться главного начальства. Он ежедневно требует, чтобы действовали наступательно, и постоянно находит препятствие в том, что не оказывается хорошей позиции. Он спит также очень много и впадает в детство.

Барклай очень нездоров, он простудился, кашляет, страдает грудью и горлом, которое у него опухло. Он не знает, где находится какой корпус войск. Беннигсен, Кайсаров, Кудашев распоряжаются по своему усмотрению, и Милорадович и Остерман находятся впереди, чтобы останавливать предполагаемые 15 тысяч неприятельских войск. Ничего не знают, ни о движениях французов, ни о их числе, но страх заставляет видеть повсюду всю их армию и распоряжение о последнем отступлении сделано для того, чтобы избежать столкновения с 2.000 человек, которые будто бы обходили правое крыло.

15-го, Милорадович с шестью другими генералами мог быть взят в плен неприятелем в то время, когда он пил чай в доме фельдмаршала Салтыкова. Едва они имели время, сломя голову, добраться до отряда войск, расположенного в версте оттуда, по берегу глубокого оврага, где некоторые чуть не завязли в грязи. Это неожиданное происшествие едва не удалось одному неприятельскому офицеру, начальнику двух эскадронов. Он отрядил 30 человек, которые вошли в сад и надеялись захватить наших генералов так, что этого никто бы и не заметил.

Я весьма опасаюсь, что медленность в военных действиях и преступное равнодушие князя Кутузова к тому, что может последовать, даст возможность Наполеону оставаться в Москве и разместить свои войска в её окрестностях, которые, конечно, перейдут в его распоряжение, если мы всё будет отступать. Тогда он попробует возмутить народ, поражённый оставлением Москвы, которую он считал недоступною. Он не может очнуться от изумления, как можно было оставить неприятелю столицу без сопротивления большими силами. Это происшествие составляет предмет распри между генералами, из которых только двое говорили, как следовало хорошим русским, тогда как другие, или по глупости, или по равнодушию, или по трусости, все считали этот город не имеющим большой важности и подкрепляли своё мнение идеями новой философии. Если, по несчастию Вашему, жестокому врагу удастся поколебать верность Ваших подданных, Вы увидите, Государь, что мартинисты тогда обнаружат свои замыслы,

которые послужат хорошим пособием к осуществлению замыслов Бонапарта, и если у Вас недостанет решимости, то русский престол будет отнят у Вас и Вашего рода. Награждайте и наказывайте: те, которые Вам преданы, не имеют нужды в плате за их службу, но другие должны бояться — розги, а виновные — эшафота.

Здесь есть должность, которую желает занять Пален, но этот человек очень опасен. Его ненависть предпочтёт Вашу погибель спасению отечества. Мне не нравится покровительство, которое Беннигсен оказывает полякам, а злодей подобно Бонапарту нуждается в изменниках.

Князь Волконский приехал сюда вчера и, как я понимаю, чтобы глупо польстить князю Кутузову, сказал ему, что оставление Москвы не очень приняли к сердцу. Пустые люди, которые окружают фельдмаршала, повторяют эти слова, и таким образом всё падает на Вас и подтверждает те предположения, что будто бы Вы дали приказание не защищать столицы. Этот князь Волконский, сколько мне кажется, не может сообщить Вам верного понятия о том ужасном состоянии, в каком находятся войска. У него есть свой доверенный человек — полковник Толь, имеющий здесь важное значение и преданный фельдмаршалу, который уже его представил Вам к награждению чином генерал-майора.

Так как по всему видно, что мы ещё будем отступать, а граница Московской губернии находится уже в 17-ти верстах отсюда, то я оставлю армию и отправлюсь в Ярославль, где находится моя жена, и там буду ожидать Ваших приказаний, всегда готовый служить Вам в каком бы назначении ни было.

У меня 109.600 рублей из особенной суммы, которая была в моём непосредственном распоряжении и которая осталась. Приехав в Ярославль, я её отправлю к Калинину*, который испросит Ваших повелений о её назначении»**.

В то время, когда писал это письмо граф Ростопчин, наши войска совершали отступательное движение, и в тот день (19-го сентября) главная квартира достигла села Спас-Купли, а на другой день подошла к Тарутину, которое уже находилось в пределах Калужской губернии. Граф Ростопчин, остававшийся в это время в Воронове, догнал армию, но с тем, чтобы немедленно её оставить. Покидая войска, он написал ещё следующее письмо к императору:

«После отправления моего последнего письма, мы сделали ещё два перехода по направлению к Калуге, и теперь находимся в 77 верстах

* Петербургский почт-директор.

** Письмо графа Ростопчина императору 19-го сентября 1812 г.

от Москвы. Постоянно преследуемые корпусом французских войск, о котором то говорят, что он состоит из 8.000 человек, то из 15.000, а иногда превращают его и в целую французскую армию. Я почти уверен, что Кутузов оставит и Калугу и расположится на другом берегу Оки, будто бы на том основании, что там он устроит войска, даст им отдохнуть, а потом можно будет действовать наступательно. По общему мнению неприятель только потешается над нами и подвигается в это время к Боровску, оттуда уже никто не воспрепятствует ему идти далее, соединиться с войсками, которые действуют против Чичагова, и расположиться на зимние квартиры в Волыни и Подолии.

Наши войска состоят из 30.000 пехоты, 8.000 конницы, 7.000 казаков и около 25.000 ополчения. Солдаты истомлены движениями, отступлениями и особенно голодом. Число больных ежедневно доходит до 400 человек, которые пешком волочатся за войсками.

Жители, сначала испуганные приближением неприятеля, покинули свои жилища, но видя, что и свои их грабят и обольщают коварными внушениями ратников, которых большая часть уже возвратилась в свои дома, они последовали их примеру и говорят, что они свободны, а другие даже, что они уже подданные Наполеона. Сегодня утром, в одну из моих деревень, собралось до 50 ратников, и застрелили офицера.

Один егерский офицер, дезертировавший ещё до Можайска, собрал ратников и мародёров, и с своею дружиною, состоящею от 60 до 70 человек, проник до Касимова, разграбляя все деревни. Генерал Левицкий, который с своим отрядом находился невдалеке, послал туда двух офицеров с командою в 70 человек. Офицер-дезертир, Томченко, вступил с ними в бой и, потеряв 13 человек, с остальными был взят. В Калужской губернии шайка мародёров, французов, русских и крестьян ограбили две деревни и убили помещиков. Каверин донёс об этом князю Кутузову, но два дня прошло без ответа, и князь выслал от себя Фукса, говоря, что хочет спать.

Мне хотелось узнать образ мыслей Платова; я стоял рядом с ним, а как он тщеславен, болтун и немного пьянюга, – то я убедился, что это человек опасный, и не следует раздражать его при настоящих обстоятельствах. По злобе Кутузов его преследует, а у него бродят дурные замыслы в голове; говорит о том, что хотел Наполеон предложить ему и казакам, что если для русских дело кончится плохо, то он знает, что́ делать, что казаки пойдут за ним, и тому подобное.

Когда в прошлом месяце Ваше Величество сделали мне честь, сообщив Ваше намерение вновь посетить Москву, я осмеливался Вам представить причины, по которым следовало отсрочить эту поездку. Теперь, когда Москва оставлена, разорена и ограблена; когда вся

Московская губерния во власти Бонапарта; когда эти события произвели такое впечатление на губернии, что Курская прислала депутатов к Кутузову узнать, находится ли она в безопасности; когда крестьяне колеблются и не знают, оставаться или возвратиться в свои жилища, занятые французами; когда войска уменьшаются с каждым днём; когда все поражены ужасом и пришли в отчаяние; когда Ваша власть находится в руках таких пустых людей, как Кайсаров и Кудашев; когда нужна сила, быстрота, решительные средства и насильственные меры; когда нужен глаз, голос и воля господина, — то необходимо, Государь, чтобы Вы решились прибыть в армию, восстановить порядок и возбудить мужество. Все успехи будут Вам принадлежать, и Вы потрудитесь для спасения отечества и Вашей собственной славы. Но если судьба обрекла Вашу империю на падение, Вы должны погибнуть с нею и сражаться в среде Ваших верных подданных, решившихся умереть на Ваших глазах, на поле чести, на котором и Вы сами должны победить или погибнуть вместе с ними»*.

Приведённые донесения Государю — Барклая, Беннигсена, Вильсона и графа Ростопчина, отличаются как общими всем им свойствами, так и особенными, принадлежащими каждому из них. Общие свойства выражают настроение, взгляды и мнения, существовавшие в это время в самой влиятельной среде главной квартиры; особенные принадлежат каждому из этих лиц, согласно личных их свойств. Хотя они согласовались в некоторых общих чувствах и воззрениях, но это было случайное соединение, вследствие событий того времени. В сущности же между ними ничего не было общего. Барклай презирал Беннигсена, и только случайно сблизился с Ростопчиным, с которым до того времени не был ни в каких отношениях. Граф Ростопчин, не признававший в нём способностей полководца, примкнул к нему в это время только потому, что не к кому было присоединиться и кроме того при Барклае состоял его сын адъютантом. Беннигсена он ненавидел; англичан тоже недолюбливал, и сойтись искренно не мог с сэром Вильсоном, а в отношении к остальным постоянным членам главной квартиры он считал себя слишком высокопоставленным, чтобы сблизиться с кем-либо из них. А между тем среди этих высокопоставленных лиц существовала в сущности глубокая рознь, несмотря на их сближение для общей цели и общей ненависти к князю Кутузову. Беннигсен ненавидел его за то, что он занял место, которое он один считал себя в праве занимать, как человек, который, померившись уже на деле силами с Наполеоном под Пултуском, Прейсиш-Эйлау, направлял всю свою деятельность только

* Письмо графа Ростопчина императору Александру 21-го сентября 1812 года.

к тому, чтобы поправить эту случайную несправедливость, выжить из армии Кутузова и занять его место. Барклай, облечённый верховною властью званием главнокомандующего первою армиею, а потом подготовивший себе много обстоятельств и для главного начальства над второю, никак не мог понять, что с назначением князя Кутузова его положение должно измениться, хотя об этом изменении и не было объявлено особым указом. Он признавал, конечно, Кутузова главнокомандующим всеми русскими армиями в это время, сознавая правильным общее теоретическое понятие о необходимости единства в военных действиях, но главное начальство над первою армиею и слившуюся с ней второю хотел удержать за собою, т.е., не оспаривая главного начальства князя Кутузова над теми армиями, которые находились в тысячах вёрст от него, он сам желал начальствовать над войсками, которые были налицо. Конечно, подобное отношение к делу, при тогдашних грозных для России обстоятельствах, присутствие этих лиц в главной квартире делалось совершенно невозможным. Сила вещей должна была удалить их из армии — и удалила!..

Пребывание в главной квартире графа Ростопчина было совершенно случайным. Он мог бы находиться при ней единственно по распоряжению князя Кутузова. На основании постановлений о действующей армии, главнокомандующему подчиняются все власти не только тех губерний, в которые переносятся военные действия, но и смежных с ними. Подобного распоряжения со стороны фельдмаршала не было, и граф Ростопчин сам считал нужным сопутствовать главной квартире, пока она не миновала границ Московской губернии. Князь Кутузов не принимал его к себе и как бы не признавал его присутствия в главной квартире. Подобное отношение к нему фельдмаршала, отличавшегося вообще вежливым и ласковым обращением, действительно возбуждает вопрос: какие были тому причины? и приводит нас к тому же заключению, которое мы уже высказали, что он сердился на графа Ростопчина, обещавшего ему приготовить, сверх ополчения, вольную Московскую дружину из жителей города, а может быть и окрестных селений, в 80 тысяч человек. Если это было так, и князь Кутузов рассчитывал на эту дружину, то, без сомнения, подойдя к Москве и убедившись, что подобной дружины вовсе не существует, он должен был изменить свои соображения и дать иное направление своим действиям. Такое обстоятельство могло вывести престарелого вождя из обычного ему способа относиться к людям и выказать прямо презрение к человеку, которому удалось обмануть того, кого и «Рибас не обманет», по свидетельству Суворова, и который надеялся, что и Наполеону обмануть его не удастся, как гласит предание. Если же не принять

в соображение такого предположения, то способ отношений князя Кутузова к графу Ростопчину представится совершенно непонятным как во время оставления Москвы, так и в бытность его при главной квартире. Присоединившись к ней, граф Ростопчин вошёл в среду лиц, враждебно расположенных к фельдмаршалу и, конечно, не щадил его в своих разговорах. Князя Кутузова это бы не удивило и не заставило бы нарушить так резко обычный свой образ отношений к своим порицателям. Подобные речи велись постоянно в кружках людей, соединявшихся вокруг Барклая и Беннигсена. Но, без сомнения, подобное положение было невыносимо для такого гордого и самоуверенного человека, каким был граф Ростопчин. Ещё менее может быть сомнение, что обладавший таким ловким умом, как он, мог бы выйти из него с некоторым достоинством, если б не чувствовал вины за собою, хотя, без сомнения, не сознавал её даже перед самим собою. Он действительно пытался выйти из этого положения и вышел, но — крайне неловко и грубо.

Не удовольствовавшись своими отзывами о князе Кутузове и о его действиях, он в своих донесениях к императору и лично обращался к нему, пытаясь перервать то отчуждение, в которое фельдмаршал поставил его к себе.

Через два дня после оставления Москвы, когда войска находились ещё на Рязанской дороге, а главная квартира фельдмаршала была в селе Куликове, граф Ростопчин писал ему: «Бывшему Московскому гарнизонному полку приказано было всех арестантов, находившихся в разных местах, присланных в Москву из губернских и прочих городов, выпроводить из бывшей столицы; которые оным полком и выпровождены; почему и прошу покорнейше вашу светлость приказать кому следует тех арестантов принять от бывшего Московского гарнизонного полка, тем более, что как эти арестанты, так равно и бывший Московский гарнизонный полк, стоят третий день без провианта»*.

Это письмо получил фельдмаршал в то время, когда делал распоряжение о фланговом движении на Калужскую дорогу и, без сомнения, должен был заботиться об обеспечении продовольствием всех войск во всё время этого движения, пока не войдёт в прямое сообщение с Тулою и Калугою, где было сосредоточено продовольствие. Об арестантах, конвоируемых Московскою гарнизонною командою, и об их положении он, вероятно, и не знал. Арестанты были выпровожены из Москвы по распоряжению графа Ростопчина.

---

* Письмо графа Ростопчина князю Кутузову 4-го сентября 1812 г. Записки А.П. Ермолова о 1812 г., Ч. I приложения, с. 224.

Кто же должен был позаботиться об обеспечении их продовольствием, как не он или исполнители его распоряжений? Если подобная неосмотрительность с их стороны и могла быть оправдана обстоятельствами того времени, быстро следовавшими одно за другим, сильно поражавшими всех и каждого, то возможно ли оправдать, что это обстоятельство сам же граф Ростопчин в виде укора представляет князю Кутузову? Только расстроенным до болезни состоянием духа московского генерал-губернатора может быть объяснено подобное обращение к фельдмаршалу. Но оно не было одиноким. Спустя несколько дней он повторил то же самое в более резком тоне.

Движение русских войск из Москвы по Рязанской дороге, сопровождаемое многочисленными жителями, оставлявшими столицу, и ранеными, конечно привело в страх и волнение все города и селения, находившиеся на ней, до самой Рязани. Все ожидали, что вслед за выходцами из Москвы нагрянет и неприятель. «Сентября 6-го, – говорит один из современников, – приехав в Коломну, я увидел, что весь город был в тревоге от молвы, будто бы к нему приближается неприятель. Казалось, что и камни улиц собирались бежать. Обгоняли, толкали друг друга. Спрашиваем, где такая-то артиллерийская рота? никто не останавливается, никто не слушает. У всех одна мысль: спасаться и спасать жизнь. Печально скитаясь из улицы в улицу, знаю, что моё семейство здесь, и не знаю, как найти»*.

Вместе с большею частью жителей удалились из Коломны и все городские власти. Известившись об этом в то время, когда уже наша армия перешла на Калужскую дорогу, и предполагая, что Коломне уже не угрожает особенная опасность, князь Кутузов предложил графу Ростопчину позаботиться восстановлением порядка, суда и управления. На это предложение граф Ростопчин отвечал: «Отношение вашей светлости от 13-го сентября, за № 30, о возвращении коломенских чиновников к их должностям, получил я 16-го сентября того же месяца, на которое спешу уведомить вас, милостивый государь, что как Московская губерния находится теперь в самовольном военном положении и жители оной так, как и должностные чиновники, более нежели на 50 вёрст в окрестностях Москвы, опасаясь быть ограбленными от неприятеля, а более того и от своих, раненых, больных, и низших воинских чинов – всюду шатающихся единственно для разорения соотечественников, которые, оставив свои жилища, разбежались в неизвестные места; а потому к удовлетворению требования вашей

---

* С. Н. Глинка. Записки о 1812 годе, с. 82 и 93. Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера, изд. 1870 г., с. 28 и 29.

светлости я не могу приступить, тем более, что высочайше вверенная мне столица скоропостижно отдана вами злодею, а Московская губерния, находясь ныне в военном положении, состоит в непосредственном вашем распоряжении, что́ видно из сего: по повелению вашему разосланные от главного дежурства коммисионеры по Московской губернии собрали с каждой души печёным хлебом по два пуда; сено всё без остатка забрано, а скот весь описан на продовольствие армии, о чём я только вчерашнего числа узнал посторонним образом, хотя более полумесяца нахожусь при главной квартире, где наравне с армиею лишён чести видеть лицо вашей светлости. Но пребывание моё при оной я имею не по собственной воле, а по возложенным на меня Его Императорского Величества разным поручениям; и как скоро исполню оные, то поеду в местопребывание Государя императора, удаляясь от тех несчастных мест, где спасение войск и отечества зависит от подписи вашей»*.

Как бы опасаясь, чтобы это отношение не было скрыто самим князем Кутузовым, или не затерялось в бумагах его канцелярии и не осталось бы неизвестным правительству, Ростопчин списал с него копию и послал сам при особом письме к министру полиции. В этом письме он говорит: «Из приложенной при сем копии с письма моего к главнокомандующему армиями вы усмотрите, что я в настоящем положении малых остатков Московской губернии ни в какие распоряжения более входить не могу и остаюсь зрителем престрашных беспорядков, продолжение коих может произвесть погибель России.

Серпухов занят неприятелями, и если он разошлёт отряды на Калужскую дорогу для наведения ещё далее страха, то войска наши останутся вовсе без продовольствия, в коем от замешательства в распоряжениях крайне нуждаются. Ополчения, надзор коих вверен мне, давно готовы, и с московским простираются до 110.000 человек, вооружённых и с трёхмесячным провиантом. Его светлость имеет об оном сведения и прямо делает свои распоряжения.

Московская губерния в то время, когда четыре её уезда заняты или разогнаны были неприятелем, доставила по наряду для отправления в армию и отвоза в безопасные места казённых вещей до 63.000 подвод, из коих 12.300 не возвращались из армии обратно»**.

Таким образом граф Ростопчин уклонился от всякого содействия фельдмаршалу в управлении даже тех частей Московской губернии, которые не были ещё заняты неприятелем, и оставался при главной

* Отношение Ростопчина к князю Кутузову от 17-го сентября 1812 г. за № 547.

** Письмо графа Ростопчина министру полиции от 17-го сентября 1812 г., № 546.

квартире простым, по его словам, «зрителем происшествий». Но в такое-то именно время и не следовало бы ему оставаться простым зрителем, тем более, что и самый закон обязывал его повиноваться главнокомандующему войсками, а не давать ему наставления и не уклоняться от исполнения его предписаний!.. Но этот закон, которому повиновались все начальники губерний, как тех, в которых происходили военные действия, так и смежных с ними, граф Ростопчин считал писанным не для себя. В своих записках он не без намерения указывает на название московских генерал-губернаторов главнокомандующими, вследствие чего он считал себя в праве не подчиняться князю Кутузову, вопреки прямому смыслу закона. Написав предварительно приведённое нами письмо к князю Кутузову, граф Ростопчин удалился во Владимир.

Получив известие о сдаче Москвы, император Александр 7-го сентября послал в армию одного из доверенных лиц своей свиты, князя П. М. Волконского узнать о причинах такой решимости фельдмаршала и вообще для доставления ему подробных сведений о состоянии армии. Князь Волконский прибыл к войскам в то время, когда они выступали из Красной Пахры (15-го сентября); он действительно мог поверить, справедливы или ложны показания Барклая и графа Ростопчина о состоянии войск и вообще об их действиях, или, согласно их уверению, царит полная бездеятельность фельдмаршала. Не находясь ни с кем в особенно близких отношениях из коноводов интриги, свившей в главной квартире своё гнездо и как вполне преданный человек императору, он, без сомнения, мог передать ему свои беспристрастные наблюдения. Отпуская его из Петербурга, из всех лиц главной квартиры Государь указал ему только на одного Ермолова, поручив расспросить его о причинах сдачи Москвы, но Ермолов, давно поставленный в двусмысленное положение, уклонялся от откровенного с ним разговора. Вовсе не в том положении находился генерал-квартирмейстер Толь, который служил под его начальством, был ему известен по своим познаниям и способностям и мог с ним говорить откровенно. Поэтому гр. Ростопчин, желая заподозрить в глазах Государя те известия, которые мог сообщить ему князь Волконский, счёл нужным объяснить их неправильность влиянием на него именно Толя. Впрочем, положение дел в главной квартире было таково, что не трудно было его понять всякому беспристрастному человеку и без посторонних влияний. Князь Волконский хорошо понял и, без сомнения, передал всю суть императору. Он не скрывал своего мнения и в главной квартире. Уезжая в Петербург, он сказал Вильсону, что «невозможно князю Кутузову и Беннигсену быть вместе; но трудно определить, кому из них дать преимущество:

фельдмаршал, без сомнения, имел весьма много здравого смысла, но не способен к деятельному начальству, а генерал Беннигсен имеет более военных способностей, но не имеет твёрдости характера и слишком наклонен признавать французское правительство законным и твёрдым». Так передавал Вильсон слова князя Волконского лорду Каткарту*.

Если бы император поверил предостережениям графа Ростопчина в отношении к известиям, которые мог сообщить ему князь Волконский, то это могло бы иметь влияние на ход событий, а ещё, без сомнения, большее влияние имело бы на них, когда, полагаясь на известия графа Ростопчина, он заподозрил бы честного Платова способным к измене отечеству. Но в то время, когда граф Ростопчин поселился близ квартиры Платова и ловил его речи, сказанные под влиянием перцовки, на той же квартире поселился сэр Роберт Вильсон, который также постоянно извещал императора о совершавшихся событиях. В то же самое время, как и граф Ростопчин, он писал императору и лорду Каткарту о Платове: «Мы живём на одной квартире с генералом Платовым. Я надеялся, что ему будет дан отряд из четырёх тысяч казаков и четыре эскадрона гусаров с шестью лёгкими пушками и может быть несколько егерей. В таком случае я намерен был послужить с ним несколько времени, в твёрдом убеждении, что буду свидетелем многих отличных дел и полезных для Вашего Величества предприятий. Но я нахожу его, после 42-х летней и отличной службы, — чему, в продолжение двух наитруднейших кампаний, я был очевидным свидетелем, — ныне без всякой команды и удалённым от тех, которые уважают его как отца и как начальника. Он сильно чувствует своё унижение, а я должен признаться Вашему Величеству, что разделяю его чувства и надеюсь, что будет повелено поручить ему по крайней мере тех казаков, которые следуют на подкрепление здешней армии с присовокуплением Атаманского полка»**.

Во время отступления от Бородина фельдмаршал поручил начальство над арьергардом атаману Платову, но был недоволен его распоряжениями. Он недостаточно задерживал напор неприятеля и тем заставил поспешнее отступить нашу армию, вынужденную оставить в Можайске значительное число раненых. Уволив его от начальства князь Кутузов усилил арьергард и поручил его генералу Милорадовичу. С тех пор Платов действительно не имел отдельного начальства, и по

* Письмо Р. Вильсона лорду Каткарту из Тарутинского лагеря 24-го сентября (6-го октября) 1812 года.

** Письмо Вильсона – императору от 15-го (27-го) сентября 1812 года.

своему характеру, стремившемуся к военной деятельности, так и по званию атамана донских войск, конечно тяготился своим положением, но оно было случайным и временным. Если фельдмаршал и имел повод сердиться на него, если он и не считал его способным руководить действиями всего арьергарда, то он знал его храбрость, его любовь к отечеству, преданность к нему донцев и без сомнения не имел в виду ни удалить его из армии, как прежде Барклай, ни оставить в унизительном положении бездеятельного зрителя происшествий. Доказательством могут служить следующие строки из письма Вильсона, написанные к императору, спустя только шесть дней после того, из которого мы привели выдержку. «Князь Кутузов, – писал он, – согласился дать генералу Платову приличную команду. Эта мера восстановила здоровье атамана, которое действительно страдало от огорчения, и я надеюсь доставить для службы Вашего Величества блистательные и важные последствия; но осмеливаюсь утруждать Вас просьбою выказать генералу Платову такое внимание с Вашей стороны, чтобы он убедился в Всемилостивейшем Вашем благоволении к нему и войску Донскому. Я знаю его привязанность к Вашему Величеству и знаю, что на него сильно подействует уверенность в Вашей благосклонности»*.

Очевидно, положение Платова было случайностью, и негодование на него фельдмаршала, если оно и было, то до такой степени незначительно, что сэру Вильсону не много стоило труда устроить их отношения. Действительно, он сам замечает в одном из своих писем, что между фельдмаршалом и генералом Платовым было незначительное недоразумение, которое ему удалось поправить**. Кажется, всё недоразумение состояло только в том, что князь Кутузов, предпринимая переустройство войск, имел в виду составить особые отряды лёгкой кавалерии из тех казачьих полков, которые должны были прийти с Дона, для преследования неприятеля, когда он вынужден будет отступать, и поручить над ними начальство атаману Платову. Так он и поступил впоследствии, а в это время решился составить для атамана отдельный отряд на время, для того только, чтобы он не считал себя удалённым от дел и не сокрушался о таком положении. Уже это обстоятельство свидетельствует, что князь Кутузов верно ценил людей и знал кого и как употребить.

Припоминая этот длинный ряд известий, которые приходили к императору из главного штаба действующих войск, нельзя не заметить, что все они попадались под руку вестникам только случайно и

---

* Письмо Вильсона – императору 21-го сентября (3-го октября) 1812 г.

** Письмо Вильсона – лорду Каткарту 22-го сентября (4-го октября) 1812 года.

получали значение лишь для главной цели, к которой все они были направлены. Эта цель заключалась в том, чтобы показать, что князь Кутузов не способен предводительствовать русскими войсками. С значительною смелостью стремясь к этой цели, противники фельдмаршала рассчитывали, конечно, не только на благодушие Государя, кротко выслушивавшего разные мнения, но, конечно, знали личный взгляд императора на князя Кутузова. Граф Ростопчин прямо говорит, что общественное мнение, с которым, конечно, в таких трудных обстоятельствах не мог не согласиться император, ошиблось, указав на Кутузова так же, как оно ошиблось, указав на престарелого графа Каменского в 1806 году, что он должен быть не просто удалён, но, как преступник, предан суду и наказан. До подобного исступления, сопровождавшегося такими известиями, как о девке, переодетой казачком, потом, что Кайсаров подделывает подписи на бумагах под руку князя Кутузова, действительно, никто не доходил из его товарищей по ремеслу. Пользуясь каждым случаем, чтобы своё мнение о фельдмаршале сделать известным в правительственных сферах Петербурга, он выражал его и в письме, написанном в то время к управлявшему военным министерством князю Горчакову. По оставлении уже Москвы, он получил его отношение, в котором просил его распорядиться заготовлением запасов для действующих войск на пути их движения. Это отношение ещё было писано 28 августа, когда в Петербурге не было известно о Бородинском сражении. С тех пор обстоятельства так изменились, что это отношение едва ли и нуждалось в ответе. Но граф Ростопчин счёл нужным ответить на него, чтобы повторить, что московская губерния находится «в самовольном военном положении», и к официальному ответу приложил следующее частное письмо: «С сим фельдъегерем пишу к вам, почтенный князь Алексей Иванович, с сердцем сокрушённым и до отчаяния доведённым всеми несчастными происшествиями, коим потомки не поверят, но о коих история вероятно не умолчит. Столица отечества предоставлена Кутузову, а он спит, ест, ничего не делает и столь равнодушно взирает на бедственное положение армии, что ни мало не принимает мер для перемены оного. Войска в летних панталонах, без обуви и в разодранных шинелях. Провианта часто недостает, и Милорадовичев корпус шесть дней не имел хлеба. Дух у солдат упал, они и многие офицеры грабят за 50 вёрст от армии. Наказывать всех невозможно. Замешательство в доставлении провианта, коего много в Калуге и Орле, произошли от того, что князь Кутузов с 29-го августа не решился куда он, оставя Москву злодею, пойдёт с армиею, и переменял несколько раз места, следовательно и направление провианта к оным, о чём даже и генерал-интендант

не имел сведений. Беспорядок в войсках так велик, что он верно Бонапарту кажется невероятным, а то бы он давно мог истребить нас на всяком походе. Четыре дня шеститысячный корпус, преследующий наш ариергард от самой Москвы, заставил отступать или занимать позиции и вчера 90 тысяч человек стояли в ружьё с пяти часов утра до четырёх пополудни и корпуса французского ни истребить, ни прогнать не смели; а третьего дня в Красной Пахре, в доме графа Николая Ивановича (Салтыкова), среди дня два эскадрона неприятельские взяли было Милорадовича и шесть генералов, кои тут расположились ночевать, за версту от двадцатитысячного ариергарда. Французы были в саду, и ординарец вбежал в горницу, едва дав время убежать нашему генералитету стремглав. Серпухов занят отрядом неприятельским, и если он явится на Калужской дороге, то мы будем без провианта. И это всё делается в то время, когда неприятель сам в отчаянном положении и едва может кормить свою гвардию, а остальное всё пущено на грабёж. Они страшно боятся зимы и что не будет мира. Но мы, быв превосходнее числом, не смеем атаковать и пятимся назад. Заметьте, что сон Кутузов, есть от слабости, а остаток рассудка его не здесь, а ползает по передним в Петербурге. Суворова нет, а Россия погибает, — подумайте о том, что к вам пишет вам преданный граф Ростопчин»*.

Старость, слабость, и дряхлость князя Кутузова — вот благовидный и правдоподобный предлог, за который хватались все его недоброжелатели, худо им прикрывая иные свои виды. Несомненные исторические свидетельства обличают виды Барклая и Беннигсена, остаётся некоторое недоразумение насчёт других. Граф Ростопчин объясняет сам причину своего негодования на князя Кутузова, что будто бы он действовал с ним лукаво, обманул его, сдав неожиданно без боя Москву. Граф Ростопчин мог очень искренно иметь такое убеждение; но мы представили выше соображения о всех уцелевших об этом свидетельствах и, основываясь на них, не можем придавать значения подобному обвинению, и полагаем, что за ним бессознательно, конечно, для самого графа Ростопчина, скрывалась совершенно иная причина. В приведённой уже нами одной из выписок из его записок о 1812 годе, борьбу Наполеона с Россиею он выражает в общей формуле: Наполеон и Москва. Конечно Москву он признавал средоточием России, её сердцем, которого биение совершалось однако же в это время под руководством её начальника, по правилам, им предписанным и строго до жестокости соблюдаемым. Поэтому в конце концов его

* Отношение помечено 15 сентября 1812 года. Село Воронцово, № 542, а письмо написано оттуда же 18 сентября.

формула собственно выражалась так: Наполеон и граф Ростопчин!.. Дальнейший наш рассказ, надеемся, подтвердит ещё более это соображение.

Между тем с оставлением Москвы, силою обстоятельств её генерал-губернатор оказался на заднем плане подведомственной ему губернии, по его насмешливому выражению, в самовольном военном положении, т. е. без всякого руководства со стороны начальства, или полиции и перед лицом Наполеона стал князь Кутузов. Конечно и граф Ростопчин чувствовал так же, как и Барклай и Беннигсен, что он не по праву, а в силу неразумных обстоятельств, занял его место и не в качестве конечно главнокомандующего действующими войсками, но как исторического лица. Это соперники князя Кутузова. Но какие же виды на соперничество могли быть, например, у сэра Роберта Вильсона?

Сэр Роберт Вильсон, страстный воин, жаждущий сражений, понятно не мог сочувствовать постоянному отступлению наших войск. Пылавший ненавистью истого британца к французам вообще, а к Наполеону в особенности, он стремился всеми силами души поскорее принять участие в погибели «самозванца, деспота, злодея вселенной», как он величал Наполеона. Это чувство несомненно разделяли и русские в это время. Но сэр Роберт Вильсон, как агент английского правительства, имел в виду только Англию и, пользуясь совпадением её выгод с выгодами России, смотрел на силы России только как на орудие, единственно уцелевшее на континенте Европы, которое может успешно действовать – в пользу Великобритании. Этому взгляду конечно мог подчиниться барон Беннигсен, как не русский даже подданный, к которому Вильсон и питал особое расположение. Но не может подлежать никакому сомнению, что такому взгляду не мог подчиниться князь Кутузов, как русский человек. Виды английской политики едва ли сколько-нибудь обращали на себя его внимание в это время; спасение России было единственною его мыслью, он дорожил её честью и славою и, без сомнения, никогда бы не допустил сделать из себя простое орудие для действия в пользу Англии.

Сохранились предания, что князь Кутузов много раз выражал этот взгляд, выведенный из терпения назойливым англичанином, осаждавшим его постоянно своими советами. Это подтверждает и сам Вильсон. После сражения при Малоярославце, когда он постоянно требовал, чтобы князь Кутузов не отступал, но сделал нападение на войска Наполеона, он отвечал ему: «Предпочитаю лучше пропустить неприятеля по Золотому мосту (pont d'or), как вы называете, нежели получить удар в затылок (coup de collier). При том повторю, что уже говорил вам прежде, я нисколько не полагаю, чтобы совершенное истребление импера-

тора Наполеона и его войск было таким благодеянием для вселенной. Наследство его достанется не России или какой-либо из держав материка, но той державе, которая и теперь уже господствует на морях и которой преобладание тогда сделается невыносимым...» Так говорит он в сочинении, написанном им о войне 1812 года, уже впоследствии; но и в современных письмах из действующей армии к лорду Каткарту, он постоянно убеждает его содействовать смене Кутузова «для пользы России и Европы».

«Я повторяю об удалении фельдмаршала и твержу о сём потому более, что вижу нерасположение его к союзу с Англиею и сочувствие в пользу Франции». Этого одного повода было достаточно для сэра Роберта Вильсона, чтобы порицать все действия князя Кутузова.

Все лица, которых свидетельства мы привели, выражая свои мысли и взгляды, вовсе не считали их только своими личными, но были уверены, что их разделяют в войсках все – от прапорщика до генерала. В этом самообольщении была однако же и доля правды. С тех пор как русские войска стали твёрдою ногою в Тарутинском лагере, почувствовали свою силу и бессилие неприятеля, они одушевлены были единственным желанием отомстить врагам. Поэтому всякая мысль о наступательных действиях находила в них сочувствие, а эта-то мысль и служила основанием всех нападений на старого фельдмаршала. Но несмотря на то, каждый из противников, невольно чувствовал, что между ними – нет ничего общего; что между ними господствует совершенная рознь и никто из них не найдёт опоры ни в войсках, ни в народе. Поэтому каждый из них желал найти иную, твёрдую опору и призывал императора приехать к войскам и принять главное начальство над ними. Вслед за тем то же желание выражает и Вильсон: «В здешней армии многие желают видеть Ваше Величество, – писал он по приезде в главную квартиру при Красной Пахре. – Я осмеливаюсь представить, что если бы возможно было предпринять путешествие, то Ваше присутствие на несколько часов в армии, будет принято офицерами и солдатами в виде особого благоволения Вашего к их подвигам и доверенности к их храбрости на погибель неприятеля. Во всяком случае я прошу Ваше Величество издать какой-нибудь приказ с изъявлениями Вашего удовольствия к поведению войск и непременной уверенности в окончательном усилии к истреблению врага, невзирая на потерю Москвы»*. Но Р. Вильсон призывал императора не для того, чтобы он принял начальство над войсками, но для того только, чтобы поощрить и ещё более воодушевить войско. «Я надеюсь, – писал он, –

* Письмо Вильсона императору 13-го (25-го) сентября 1812 г.

после сражения при Малоярославце, что Ваше Величество вскоре лично изволите увидать храбрые ваши войска и наградить их за знаменитые подвиги, ими совершённые, столь желанным, высоким Вашим посещением. Сей день будет для всех торжественный»*. Только после удаления из армии барона Беннигсена, его желание, чтобы император прибыл к войскам, получает другое направление. «Нам всего нужнее мужественное предводительство, деятельное начальство, — писал он Каткарту. — Я желал бы видеть императора, облечённого в броню, и чтобы все его распоряжения имели вид совершенно военный. Если же это не случится, то мало надежды на блистательные подвиги до будущей весны, когда нужно будет предпринять новые, сильные действия, чтобы принудить неприятеля к отступлению».

Во всё время движения войск по Калужской дороге к Тарутину, главная квартира находилась не в дальнем расстоянии от села Воронова, в котором гр. Ростопчин мирно со своей семьёю прожил более 10 лет, которое он любил, устраивал и украшал, с которым соединено было столько забот и трудов, и столько приятных воспоминаний. Он предложил лорду Терконелю и сэру Р. Вильсону поселиться в его доме, в то время, когда главная квартира наших войск находилась при р. Мочи, но в то же время заявил, что если войска будут отступать далее к Калуге, то он сожжёт его, чтобы он не доставался в добычу неприятелям. Это намерение он имел и прежде, предполагая, что наши войска, по оставлении Москвы, займут позицию на старой Калужской дороге. Ещё 30-го августа он говорил С. Н. Глинке: «Там моё село Вороново, — я сожгу его».

В тот самый день (19-го сентября), как наши войска оставили позицию при р. Моче, и начали дальнейшее отступление мимо Воронова до Спас-Купли, и вслед за ними через несколько дней должен был отступить и авангард Милорадовича — в Воронове у гр. Ростопчина находились генерал Вильсон, лорд Терконель и Беннигсен.

Угрожаемые близким нашествием неприятеля, крестьяне села Воронова и других окрестных деревень, принадлежавших гр. Ростопчину, явились к нему все поголовно, в числе 1.720 человек и просили позволения переселиться со всеми своими семействами в другие отдалённые его имения, а некоторые даже желали присоединиться к войскам и сражаться с неприятелем. Конечно, этот случай гр. Ростопчин объяснял личными его отношениями к своим крепостным крестьянам, а не счёл признаком общего настроения народа, который, в виду опасности, угрожавшей отечеству, забыл о тяготах крепостных

* Письмо Вильсона Государю из-под Малоярославца 13-го (25-го) октября 1812 г.

отношений и не мог увлечься мыслью о свободе, которую сулили бы ему враги России. Гр. Ростопчин, без сомнения, согласился на желание крестьян и представил таким образом первое действие начатого им представления для своих зрителей, которым потом долго не давал заснуть неумолкаемыми жалобами. Ростопчин сердился на князя Кутузова за то, что тот обманул его, не уведомивши заблаговременно о своём намерении оставить Москву неприятелю, а тем лишил его возможности правильно и в порядке произвести сожжение Москвы и явить тем пример не римской, но гораздо бóльшей русской доблести. Он говорил, что никогда этого не забудет и никогда не простит Кутузову. «Но то, что он помешал мне исполнить в Москве, я исполню здесь и сожгу этот дом. Сожалею только, что он не лучше ещё, и не богаче, чем есть». Напрасны были все просьбы и убеждения со стороны гостей графа Ростопчина: они не поколебали его решения.

На другой день, лишь только рассвело, старосты и выборные от крестьян явились к графу Ростопчину объявить, что они приготовились оставить свои жилища. Простившись с ним, они двинулись в путь и не было слышно жалоб. «Дай, Господи, победить врага России и Государя, и благослови, Господи, нашего господина», вот какие слышались слова из толпы!.. По свидетельству очевидца иностранца, генерала Вильсона, зрелище этого переселения, произвело на него сильное впечатление, под влиянием которого он писал лорду Каткарту: «Никогда не видал я трогательнее этой процессии; что за страна эта Россия. Какие патриотические добродетели! Какой благородный дух! Стыдно, очень стыдно доктору Клерку, что он оклеветал такой народ»*.

Проводив крестьян, граф Ростопчин прибил к дверям церкви следующее объявление, написанное на трёх языках: «Восемь лет я украшал это село, где жил счастливо с моим семейством. Обыватели этого имения, в числе 1720 человек при вашем приближении оставляют свои жилища, и я предаю огню мой дом, чтобы он не был осквернён вашим присутствием. Французы! В Москве я оставил вам два мои дома, с имуществом на полмиллиона рублей, здесь вы найдёте только пепел». Граф Ростопчин пригласил зрителей в дом, и когда они вошли вместе с ним, то при входе каждому из них был подан зажжённый факел. Войдя с ними на несколько ступеней вверх в первый этаж дома, граф Ростопчин ввёл их в роскошно убранную спальню. Здесь его решимость как бы несколько поколебалась: «Это моя брачная кровать, у меня недостаёт духу её поджечь, вы должны мне помочь», — сказал он, обращаясь к Р. Вильсону. Он замедлил привести в исполнение желание графа, и, по

* Письмо Р. Вильсона – лорду Каткарту 19-го сентября (1-го октября) 1812 г.

его словам, исполнил только тогда, когда уже были подожжены горючие материалы, приготовленные заранее как по всем комнатам, так и в надворных строениях. Проходя по всем комнатам и поджигая их, граф Ростопчин снова несколько смутился, войдя в рабочий кабинет своей супруги, и, «казалось, хотел остановиться, но твёрдость его взяла верх и он собственною своею рукою зажёг горючие вещества, приготовленные уже прежде». Вороновский дом был великолепно устроен, снабжён дорогим имуществом и большим собранием художественных произведений, так что, по свидетельству англичан, зрителей пожара, едва ли и в Англии нашлось бы много таких домов...

Точно также были роскошно устроены и все надворные строения, и особенно отличались размерами и изяществом конюшни графа, страстного охотника до лошадей и содержавшего в Воронове конный завод. Над ними по обеим сторонам фасада возвышались конные группы, копии с известных древних групп, находящихся в Риме на Капитолии.

В несколько часов все здания были объяты пламенем, и треск разрушавшихся стен, падающих кровель, который сопровождался громом орудий вблизи происходившего сражения нашего арьергарда с авангардом неприятельским. Но мало-помалу начал замолкать гром орудий, и когда пожар был ещё во всей силе,— «мы получили известие, — говорит Вильсон, — что неприятель отступил. Но граф не показал ни малейшего сожаления, а напротив того, разговаривал со мною очень равнодушно, смотря, как падали колоссальные статуи, представляющие людей и лошадей». «Я находился с ним, — говорит другой свидетель англичанин, — когда он помогал своим служителям таскать всякие зажигательные вещества в комнаты, и в короткое время весь дом, один из великолепнейших, которые я когда-либо видел, сожжён был до основания. Граф стоял и смотрел, как посторонний зритель, и казалось, менее был тронут, нежели все присутствовавшие»*.

Наконец, когда с фронтоном конюшни упали конные группы, граф Ростопчин сказал: «Теперь у меня легко на душе», и вместе со своими гостями удалился в главную квартиру.

«20-го сентября,— говорит очевидец-свидетель,— в 5 часов утра, наш корпус проходил мимо пылающего дома графа Ростопчина в Воронове. Генералы и офицеры остановились перед этим необыкновенным явлением и говорили о том, что сам граф своею рукою зажёг дом, где было его любимое местопребывание, где он вкушал семейное счастие.

* Письмо лорда Терконеля — герцогу Йорскому 20-го сентября (2-го октября) 1812

Я видел этого знаменитого патриота: с мрачною думою смотрел он на пламень, обнимающий прекрасные колоннады и пожирающий окаменелых стражей их, – центавров. Глядя на предстоящее, казалось он углублялся в прошедшее и воображал последние радости, с которыми незадолго расстался под кровом своего мирного приюта. Так загоралось сердце его мщением, и горесть положила печать на угрюмое чело»*.

Пожар Воронова, без сомнения, произвёл сильное впечатление на всех тех, которые были свидетелями этого происшествия; но всего более он поразил англичан. Русские уже были знакомы в это время с теми чувствами, которые вызывали русский народ на подобные пожертвования; но иностранцам он представлялся выходящим из пределов возможности. «Будучи свидетелями этого подвига, – говорит Р. Вильсон, – мы с лордом Тортонелем были поражены его величием. Эта жертва ужасным образом доказывает неприятелю, что в русском государстве души не унижаются при наступлении опасностей, но что любовь русских к своему отечеству увеличивается и воспламеняется от них... Зажигатель Эфесского храма доставил себе постыдное бессмертие, разрушение Воронова должно остаться вечным памятником русского патриотизма». Но и англичане не придавали этому подвигу графа Ростопчина исключительного личного значения, считая «поступок графа прекрасным, исполненным с чувством, достоинством и осмысленным философским духом». Сэр Роберт Вильсон, замечая, что поводом к нему служил чистый патриотизм, прибавляет: «Нет ни одной деревни, как бы она бедна ни была, где бы крестьяне не разделяли одинаковых чувств с владельцем села Воронова»**.

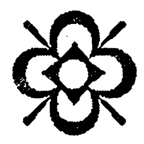
Ту же самую мысль повторяет и его товарищ, лорд Терконель, рассказывая о сожжении Воронова в своём донесении принцу-регенту: «Во всех деревнях, которые проходил неприятель, он мог видеть, что крестьяне, оживляемые равным духом с московскими жителями, сами зажигали дома свои, чтобы они не достались неприятелю. Я сам был свидетелем сцены, которую никогда не забуду и которую не могу не рассказать Вашему Королевскому Величеству; полагаю, что она может показаться Вам любопытной и послужить доказательством, что русское дворянство ни в каком случае не станет упрашивать императора о заключении мира, невзирая ни на истребление своих домов, ни на разорение своего имущества».

---

* Записки артиллериста, Ч. 1, гл. VI, с. 192 и 193.

** Письмо Вильсона – II. 19-го сентября (1-го октября) 1812 г. из Боровска.

Без сомнения, сущность этого подвига принадлежит графу Ростопчину, как русскому человеку, исполненному любви к отечеству; но в способах его приведения в исполнение нельзя не заметить особенностей его личного характера, личной страсти к театральным представлениям, которая так глубоко вкоренилась в нём, что высказалась во всей полноте даже в это, столь тяжёлое для него время. Хотя иностранные писатели ставят высоко этот поступок, но вместе с тем хотят набросить на него некоторую тень, говоря: «Впрочем, наши армии не пощадили бы этого дома в своём справедливом негодовании на графа Ростопчина». Но не это соображение руководило действием владельца села Воронова. Если бы он истреблял свой дом со всеми заведениями потому только, что неприятели непременно бы его также сожгли и разрушили, то, чтó бы помешало ему вывезти из него всё имущество, когда в тот же самый день выехали из Воронова все его крестьяне со своим имуществом, в числе 1720 человек.

Глава 5

Наши войска перешли р. Нару и заняли позицию, названную Тарутинскою, по селу этого имени, лежащему на половине пути между Москвою и Калугой, на старой Калужской дороге. Осмотрев местность, князь Кутузов сказал: «Теперь ни шагу назад» и действительно, стоянка наших войск при Тарутине была последнею на пути отступления*. «В день осмотра позиции, – говорит один из свидетелей-очевидцев, – которая вполне удовлетворила предначертанному Кутузовым плану кампании, старик был очень весел и в первый раз заговорил о важности предстоящей зимней кампании. Он подозвал Толя и Коновницына и тут же отдал приказ, чтобы написать губернаторам о заготовлении полушубков для всей армии. Он сидел на скамейке, пил чай и диктовал подробности этого распоряжения, и много говорил о будущей зимней кампании и о том, как надобно беречь людей»**.

Решившись остановиться в избранной позиции, все его мысли заняты были приготовлениями к будущим действиям против неприятеля. В это время приехал бар. Беннигсен. Конечно он не мог сочувственно отнестись к позиции, в избрании которой сильное участие принимал Толь, которого он ненавидел и презирал. Беннигсен начал доказывать фельдмаршалу, что в этой позиции нельзя принять сражения, потому что левый её фланг, примыкавший к лесам, был чрезвычайно слаб. Всё сражение сосредоточилось бы на этом фланге, а в случае успеха неприятеля он проберётся к Малоярославцу и откроет себе свободный путь к отступлению, куда пожелает. Беннигсен был совершенно в этом прав, по свидетельству всех военных людей наш левый фланг был слишком слаб, но к сожалению во всей средней полосе России было весьма трудно найти боевую позицию, которая, по природным свойствам, представлялась бы вполне надёжною.

Левый фланг Бородинской позиции был также слаб, но тем не менее Беннигсен приписывал её выбор себе. Находясь в таком раздражённом состоянии, что даже не принимал в расчёт никаких иных соображений и упираясь только на слабость левого фланга Тарутинской позиции, он упорно настаивал на том, что войска не должны в ней оставаться. Разговор продолжался долго, говорит кн. Голицын, сперва рассуждали

---

* А.И. Михайловский-Данилевский. Полн. собр. сочинений, Т. V, с. 15.

** Записки кн. А.Б. Голицына.

хладнокровно, но потом Кутузов, разгорячившись и не имея что возразить на представления барона Беннигсена, сказал ему:

– Ваша позиция при Фридланде была хороша для вас, ну, а я доволен этой позициею, и мы на ней останемся, потому что я начальствую и отвечаю за всё.

Кн. Кутузов сам подробно объяснил причины, заставившие его остановиться при Тарутине. Встретившись впоследствии с маркизом Паулуччи, в Полоцке он говорил ему:

– Кроме расчёта времени, которое должен был стараться выигрывать всевозможными способами, я не должен был и думать отступить за Калугу; куда бы это нас завело! При том это всегда оставалось в нашей власти, если бы неприятель пошёл на нас. Мне нужно было остановиться на месте, чтобы переустроить войска и не слишком беспокоить Наполеона. Эта позиция была не хуже всякой другой. Впрочем, я был почти уверен, что Наполеон не решится напасть в ней на нас, потому что для него гораздо выгоднее было маневрировать, нежели дать сражение. Никто не мог предвидеть, чтобы он так долго мог оставаться в Москве и что он изберёт для своего отступления большую Смоленскую дорогу. Каждый день, проведённый нами в этой позиции, был золотым днем для меня и для войск и мы хорошо им воспользовались.

Главная квартира расположилась в небольшой деревне Леташовке в трёх верстах от Тарутина, по направлению к Калуге. Её помещение было крайне тесно и неудобно, потому что в Леташовке не было ни помещичьей усадьбы, ни церкви. Фельдмаршал поселился в простой крестьянской избе с тремя окнами. Эта изба состояла из одной комнаты, в углу которой у дверей помещалась большая печь и от неё шла тёсовая перегородка до противоположной стены. За этой перегородкой устроена была кровать фельдмаршала; лицевая же комната составляла его кабинет, приёмную и столовую. Неподалеку от квартиры кн. Кутузова поместился в курной избе ген. Коновницын, где готовили кушанье; там же производились все работы канцелярии главного штаба.

Такие же избы занимали Толь и, конечно, все другие высшие чины главной квартиры. Только помещение бар. Беннигсена было несколько просторнее; у него был хороший повар; его походная кухня была снабжена достаточным количеством запасов. Он держал открытый стол и его посещали очень многие.

Комендант главной квартиры полковник Ставраков на дворе той же избы, которую занимал Коновницын, занимал овечий сарай без окон и без всякого устройства. В нём не было ни стола, ни стула и только земляной пол был устлан соломою. Но над воротами красовалась

сделанная на доске надпись: «Тайная канцелярия главной квартиры»; этот сарай был обширен сравнительно с помещениями в избах и потому составлял приют и убежище всем офицерам, являвшимся в главную квартиру с донесениями или для получения приказаний. Каждый вечер там собирались молодые офицеры, состоявшие в свите фельдмаршала; пили чай при свете сальной свечи и гадательно толковали о предстоящих военных действиях. Подобные разговоры велись, конечно, и в других избах Леташовки, занятых высшими лицами главного штаба. «Толь, – говорит его биограф, – был убеждён, что Наполеон скоро должен будет решиться на отступление, с уверенностию смотрел на будущее и ожидал важных последствий. В этом смысле он выражал свои взгляды ежедневно в маленькой комнатке избы, занимаемой Коновницыным в присутствии офицеров тайной канцелярии. Он был уверен, что Наполеон скоро оставит Москву и тогда надо будет отбросить его на Можайскую дорогу, чтобы он принуждён был отступить по этой опустошенной местности. Тогда, преследуя его частию войск, главные силы армии должны следовать параллельною дорогою. На Вязьму указывал Толь, как на такой пункт, где надо предупредить неприятеля и преградить ему путь. Он указывал также и на другие пункты, где можно было повторить то же действие, если бы неприятелю удалось прорваться у Вязьмы. При этом он чертил мелом на столе, как должны двигаться войска. Молодым офицерам речи Толя казались слишком смелыми и мечтательными; но какое же в их глазах он после получил значение, когда большая часть его соображений осуществилась на самом деле»*.

Быть может, юным слушателям Толя его предположения и казались смелыми, но оставляя в стороне все приписанные ему подробности о том, как следует преследовать отступающего неприятеля, должно заметить, что не он только один, но вообще все были уверены, что неприятель в крайне затруднительном положении, и что Наполеон должен будет скоро оставить Москву и решиться на отступление, и что фельдмаршал ему готовит незавидную участь. «Наижесточайшие враги Бонапарта, в числе которых я надеюсь быть не из последних, – писал императору Р. Вильсон, – не могут не пожелать ему иного положения для приготовления его погибели. Теперь нет ни одного офицера, ни солдата, которые не радовались бы тому, что он занял Москву, потому что все уверены в том, что пожертвование этим городом должно произвесть избавление вселенной от тиранской власти, столь долго продолжавшейся». Это письмо было писано из Красной Пахры**. И с тех пор

* Bernhardi. Denkwürd. aus dem Leben des gr. Toll. Ч. II, ст. 207–208.

** Письмо Вильсона к императору 13 (25) сентября из Красной Пахры.

множество приводимых в лагерь пленных не могли не убедить русские войска в том отчаянном положении, в котором находится неприятель, и не возбудить в них надежды на скорый успех. Бернарди постоянно желает унизить значение кн. Кутузова и всё то, что считает необходимым одобрить в его действиях, приписывает влиянию на него Толя. Нет никакого сомнения, что деятельность Толя в 1812 году заслуживает ещё большей признательности за то, что сам никогда не присваивал себе заслуг фельдмаршала, хотя усердный его поклонник и биограф оказал ему после его смерти такую услугу, от которой он сам торжественно отказался при жизни. Когда в 1824 году вышло в Париже сочинение о кампании 1812 г. ген. Бутурлина, на него появилось много критик и в одной из них сказано: «всё, что было сделано хорошего во время командования русскими войсками кн. Кутузовым, принадлежит начальнику его штаба Толю»*. В ответ на эту статью ген. Толь написал письмо к ген. Бутурлину, прося его обнародовать. В этом письме он говорит: «моя честь, прямодушие свойственное всякому хорошему человеку; сердечная признательность к покойному фельдмаршалу, которую считаю священным долгом сохранить и после его кончины, налагают на меня обязанность устранить от себя похвалы, которые не основаны на истине и вытекают лишь из плодовитого воображения сочинителя статьи.

Имев счастие служить во время достопамятной войны 1812 года под начальством фельдмаршала в качестве генерал-квартирмейстера, я считаю позволительным гордиться тем, что разделял с ним тягости и труды этой славной кампании, был его главным сотрудником и первым исполнителем всех мер, которые он предпринимал для уничтожения неприятеля, и пользовался в высшей степени его уважением и доверенностию. Все эти заслуги достаточно почётны для меня, и я не уступлю никому, но вместе с тем было бы бесчестно для меня сохранить молчание, когда дошло до моего сведения суждение иностранца, который искажает истину и бросает ложный свет на заслуги великого человека. Я считаю долгом объявить, что все действия кн. Кутузова и мои во всё продолжение этой кампании хотя и стремились к одной и той же цели, но тем не менее отличались существенно одни от других, соответственно тем обязанностям службы, которые были на нас возложены. Он, следуя с твёрдостию и постоянством тем наставлениям, которые получил от августейшего нашего Государя, и начальствуя над всеми русскими войсками, сам почерпал из глубины своего обширного и опытного ума общие планы для военных действий, которые должны были привести к совершенному истреблению неприятеля, и сам опре-

* Эта статья помещена в «Journal de Paris» марта 25 по н. ст. 1824 г. № 85.

делял время и место для успешного приведения их в действие. Я же, ограничиваясь кругом моих обязанностей, обрабатывал его мысли, составлял подробные диспозиции, необходимые для всяких вообще военных действий. Он сосредоточивал в себе все пружины наших военных сил, управляя действиями таким образом, чтобы наносить наиболее гибельные удары неприятелю; а я только направлял эти силы к тем точкам, на которые он указывал своим умом.

Он, главный двигатель войск, возбуждал во всех слоях терпение, самоотвержение, неустрашимость и уверенность в успехе; а я сам получал от него направление и новую ревность к точному исполнению тех предписаний, которые от него получал. Он достоин той славы, которую воздают ему его соотечественники и товарищи по оружию, называя его славным именем спасителя отечества, а моим именем хотят только прикрыть себя завистники его славы и ослабить блеск его лучей. Могу ли? должен ли я это стерпеть?

Конечно, мнение о Кутузове безымянного сочинителя статьи, по поводу которой пишу, не может иметь той силы, чтобы поколебать общее мнение о заслугах фельдмаршала; но для своего собственного успокоения, я считаю долгом повторить, что решительно отрицаю, что относится до меня и что я поступлю точно так же в отношении ко всякому сочинению, написанному в то же духе». Бернарди считает Толя правдивым и честным человеком, поэтому-то мы и верим свидетельству гр. Толя, а не личным воззрениям его биографа.

Находясь в таком положении к фельдмаршалу бар. Толь едва ли не более всех мог знать о предположениях и распоряжениях кн. Кутузова, а потому его свидетельство о заслугах фельдмаршала получает весьма важное значение. Зная общие виды фельдмаршала, сочувствуя им конечно и проникнутый ими, он естественно мог в своих вечерних беседах в избе у Коновницына нападать на такие мысли и соображения, которые и совершились впоследствии по предначертаниям кн. Кутузова. Но Толь в это время был слишком молод и неопытен для того, чтобы руководить общим ходом военных действий и давать наставления фельдмаршалу. Он был искренне ему предан; и настолько умён, что понимал мудрость его соображений, настолько честен, чтобы не присваивать себе чужих заслуг и был верным исполнителем предначертаний кн. Кутузова. В этом и состоит великая заслуга Толя пред Россиею, которая за то, конечно, должна быть к нему весьма признательна.

Сентября 7-го наши войска подошли к Красной Пахре, 20-го вступили в Тарутинский лагерь и выступили из него 11-го октября. В продолжение этих трёх недель, главнейшей заботою фельдмаршала было доставить покой войскам, изнурённым утомительным, длинным

почти от самых границ империи продолжительным отступлением.

Эти войска, по выражению Кутузова, составляли остатки первоначальной армии, но закалённые в бою могли дать прочную основу для новой армии. «Главная забота моя, – доносил императору кн. Кутузов, – есть укомплектование войска».

Извещая о постепенно подходивших отрядах, он особенно был доволен приходившими конными полками и пожертвованиями лошадей. «Сии прибывающие лошади, – писал он, – и конница весьма мне вовремя, ибо многие части кавалерии от беспрестанных действий чрезвычайно ослабели. Теперь же, достигнув предполагаемой точки операции, для действия в тылу неприятеля, кавалерия весьма нужна. Войска Донского атаман Платов уверяет меня, что у него много в скором времени казаков прибыть должны; их голову полагает он уже в Воронеже».

Подкрепления начали подходить к войскам, лишь только они перешли на Калужскую дорогу. «Все прибывшие подкрепления, – доносил императору сэр Р. Вильсон, – которые я видел, составлены из прекраснейших людей, очень хорошо одеты и окапированы. Сии ежедневно подходящие подкрепления умножают и нравственные и физические силы нашего величества». Так писал он из Красной Пахры и затем повторяет и в последующих письмах из Мочи и Тарутинского лагеря, что «подкрепления приходят ежедневно в великом множестве», люди хорошо вооружены, лошади в лучшем состоянии*. Но что касается до вооружения, то хорошо вооружены были только отряды из резервов; ополчение почти вовсе не имело ружей и принуждено было довольствоваться топорами и пиками, хотя генерал Барклай и уверял, что в продолжение 1810 и 1811 годов он успел пополнить арсеналы оружием и учредить новые парки с военными снарядами и другими потребностями всякого рода**. Но оружия недоставало и для регулярных войск, поэтому приобретение его составляло одну из забот князя Кутузова. После Тарутинского сражения генерал Милорадович писал к графу Остерману: «прикажите сколько можно собрать ружей на месте сражения и оные доставить в главную квартиру. Его светлость приказал за каждое ружье выдавать по 5-ти рублей»***. «Наши подкрепления, – писал сэр Роберт Вильсон к лорду Каткарту, – подходят каждый день. Вчера наша армия состояла из 103 тысяч человек, но до 15-ти тысяч не имеют ещё ружей. Тула выставляет по 2000 в неделю,

---

* Письма Вильсона от 13-го (25-го) сентября из Красной Пахры; 15-го (27-го) сентября из Мочи. 27-го сентября (9-го октября) из Тарутина и др.

** Оправдательная записка, поданная Барклаем де Толли Государю в 1813 году.

*** Ф. Н. Глинка. Подвиги ген. Милорадовича, с. 34.

и я видел ополчение, которое с своими пиками выходит на сражение с такою же уверенностию, как хорошо вооружённые войска, и возвращается с добычею, взятою у убитых, раненых и взятых ими в плен неприятелей. До сих пор ещё не было ни одного примера, чтобы они уходили с постов своих и многие действуют в передних линиях пехоты».

Не только вооружение ополченцев не соответствовало их мужеству, но и для регулярных войск недоставало ружей, поэтому оружие было предметом не только забот фельдмаршала, но и общих забот в Тарутинском лагере. — «В здешней армии, — продолжает тот же англичанин, — очень желают иметь английское оружие и это желание до такой степени обще и так часто повторяется, что я вынужден уведомить о том ваше сиятельство и надеюсь, если привезено из Англии оружие, что вы не откажетесь ходатайствовать, чтобы прислано было сюда некоторое его количество»*. Товарищ его лорд Терконель, уведомляя герцога Йоркского о многочисленности ополчений, прибавляет, «но в них мало будет пользы, пока не привезётся оружие из Англии. Я надеюсь, что лорд Каткарт объяснил, как необходима эта мера, о которой все русские офицеры постоянно говорят сэру Роберту Вильсону и мне»**. Но оружие не только не могло прийти вовремя из Англии, но и Тульский оружейный завод не мог успеть приготовить достаточное количество. Поэтому приходилось собирать неприятельские ружья после сражений и отбирать от пленных.

Каждое новое подкрепление, прибавляя силу нашим войскам поднимало и бодрость их духа, но в особенности самым радостным событием в Тарутинском лагере было прибытие казачьих полков с Дона. Предписание атамана Платова о поголовном вооружении донцев, посланное им из Москвы 22-го августа, получено было 27-го в Новочеркасске, и 29-го сентября уже пять полков пришли в Тарутинский лагерь, и вслед за ними ещё 21 полк. По получению предписания атамана «весь тихий Дон взволновался, по свидетельству современника, все от старого до молодого летят на ратное поле защищать Россию, отмстить врагу конечным его поражением или самим умереть. Во всех станицах раздался единодушный голос, умрём за веру, за царя и отечество, не отдадим тихого Дона врагам на поругание».

Со всех станиц стекались сотнями, всех занимала одна мысль — спасение отечества, все горели нетерпением скорее быть на поле

* Письмо Вильсона к лорду Каткарту 27-го сентября (9-го октября) из Тарутина.

** Письмо лорда Терконеля к герцогу Йоркскому 20-го сентября (2-го октября) 1812 года.

битвы и смерти. Атаман Платов отменил из постановления войскового правления 23-го июля о поголовном ополчении наряд на службу 17 и 18-летних выростков, потому что они по молодости лет своих составлять будут один только счёт, и при том надобно, чтобы они оставались в домах сколько для отбытия во внутренности войска повинностей, столько и для надзора за имуществом. Но все донские старики, даже «прослужившие отечеству более сорока лет, покрытые ранами, отличённые честью и славою на своей родине», вступили в ополчение, так же быстро собравшись как и достигши места своего назначения. После длинного утомительного похода они не искали отдыха, но просили их немедленно по прибытии в Тарутинский лагерь назначать для действий против неприятеля.

«Назначение 3-х полков, под командою генерала Грекова, — писал генерал Милорадович Платову, 6-го октября, — сейчас явившихся с Дона в дело против неприятеля, доказывает, сколь много ваше высокопревосходительство заботитесь об общей пользе, из усердия к службе и отечеству. Я приемлю с благодарностию начальство над сими полками; отличная служба почтенного донского войска ведёт всегда служащих с ними к чести и славе»*.

Это бородатое войско, как называет Вильсон, состоявшее из стариков и юношей, где часто дед находился рядом со своими внучатами, не могло не произвести впечатления на армию. Вся ратная жизнь Дона устремилась с родных пепелищ на новые труды, на бой и на смерть. Светлейший самым приятным образом изумился такому неожиданному появлению столь значительного подкрепления. Он встретил донцев со слезами радости, обнял перед ними с чувством искренней признательности знаменитого вождя их и принёс моление Всевышнему, дабы благословил оружие россиян новыми успехами. Все войско веселилось, друг друга ободряя говорили: «как нам не постоять за себя и не прогнать врага — и старики донские поднялись. Стыдно нам будет, если отстанем, их Бог принёс, он нам поможет». Атаман Платов сказал им речь, на которую они отвечали: «готовы умереть, где ты нам прикажешь. Отомстим злодеям, за кровь наших братьев умрём и далее врага не пустим»**. Едва ли несправедливо рассуждали те из современников, которые полагали, что князь Кутузов знал, что к войскам при-

* Ф. Н. Глинка. Подвиги гр. Милорадовича, с. 28–29.

** Н. Смирный. «Жизнь и подвиги гр. М.И. Платова», Ч. I, с. 191–196. О себе г. Смирный сказал: я был один из близких свидетелей его деяний, наблюдал его мысли и чувствования. В течение последней достославной с французами войны, по высочайшему повелению, я состоял при Платове по дипломатической части.

будет донское ополчение, но молчал об этом. Молчать он мог не только потому, чтобы внезапным появлением этого ополчения произвести впечатление на войска и ещё более ободрить их, но потому, что вызов его состоялся без ведома Государя. Притом переход по 60 вёрст в сутки от берегов Дона до берегов Нары даже для донцев-стариков и донских лошадей, мог считаться едва ли вероятным; поэтому узнав, что передовые полки этого ополчения уже достигли Воронежа, он сообщил об этом Государю, а потом постепенно его извещал об их прибытии в лагерь, и что неприятель должен скоро оставить Москву и начать отступление. В этом были уверены все и каждый в Тарутинском лагере в это время. Что же касается князя Кутузова, то он предвидел это гораздо прежде и вероятно не без его ведома и согласия атаман решился вызвать донское ополчение. Мог ли не радоваться фельдмаршал их прибытию вовремя, зная какую пользу может принести лёгкая конница в преследовании отступающего врага. Последствия оправдали его предусмотрительность, казаки оказали незабвенные услуги России в преследовании великой армии Наполеона и принудили ее не отступать, но бежать.

Каждый день стоянки в Тарутинском лагере давал возможность не только увеличить состав войск, но устроить их вновь. «Армия теперь так сильна, – писал сэр Роберт Вильсон к лорду Каткарту, – что фельдмаршал отослал назад 15 тысяч пехоты во Владимир»*. Действительно армия стала вдвое сильнее против того, как была при вступлении в Тарутинский лагерь; вместо 40 тысяч строевого войска в ней считалось уже 97 тысяч, в числе которых состояло только 5 с небольшим тысяч плохо вооружённых ополченцев; при этом-то устроенном ядре войск состояло слишком ещё 20 тысяч казаков.

«Мы жили спокойно в Тарутинском лагере, – говорит современник, – не занимаясь французами. Нас укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили тулупами, сапогами, удовольствовали сухарями, а лошадей овсом и сеном вволю. Тут выдали нам третное жалованье и сверх того нижние чины за Бородинское сражение награждены были по пяти рублей ассигнациями. Откуда что взялось! Из южной России везли к Тарутинскому лагерю по всем дорогам разные припасы. Среди биваков открылись у нас лавки с разными потребностями для военных людей, завелась торговля и тут подлинно все загуляли»**. На месте где было село Тарутино А. Н. Нарышкиной и в его

* Письма из главной квартиры 24-го сентября (6-го октября), 25-го сентября (7-го октября) 1812 г. Письма лорда Терконеля к гр. Орловой 26-го сентября (8-го октября).

** Записки артиллериста, Ч. I, гл. VII, ст. 196.

окрестностях явился новый город, которого гражданами были солдаты, а домами – шалаши и землянки. «В этом городе есть улицы, площади и рынки. На сих последних изобилие русских краёв выставляет все дары свои. Здесь, сверх необходимых жизненных припасов можно покупать арбузы, виноград и даже ананасы, тогда как французы едят одну пареную рожь и, как говорят, даже конское мясо. На площадях и рынках Тарутинских, солдаты продают отнятые у французов вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки водят лошадей, маркитанты торгуют вином и водкою. Здесь между покупщиками, продающими и меняющими в шумной толпе отдохнувших от трудов воинов, среди их песен и музыки забылись на минуту и военное время, и то, что Россия уже за Нарою» *. На рынках Тарутинских появился и особый род продавцов, – это пленные неприятели. «Многие из них имели у себя разные вещи бронзовые, серебряные, награбленные ими в Москве, как то: перстеньки, серги и проч. Они торговали ими, и добрые солдаты после выменивали на хлеб и сухари или покупали на деньги то, что могли бы отнять у грабителей как им не принадлежащее» **.

Но были недостатки в лесе и соломе для устройства шалашей. К октябрю месяцу, когда началось уже ненастье и даже небольшие морозы, их устраивали теплее, рыли даже землянки, а в офицерских шалашах появились камины; бивачные костры горели повсюду. Заботы об армии простирались до того, что были устроены бани для солдат, не говоря уже об изобилии продовольствия и тёплой одежды. Роберт Вильсон в письмах к императору и лорду Каткарту постоянно повторяет, что войска изобилуют хлебом, мясом, водкою. «Только сена нельзя достать ближе, как за двадцать или за тридцать вёрст» ***. «В армии большое изобилие продовольствия и способы, какими обладает эта страна в отношении к подвозам и передвижению, превосходят всё, что я мог представлять себе в этом отношении», – писал лорд Терконель ****. Кроме отдыха и прибытия постоянных подкреплений, дух войск ободрялся и возвышался постоянно известиями о том, что в то время, когда наши силы умножаются и устраиваются, силы неприятеля расстраиваются и уменьшаются ежедневно; когда наши войска снабжаются всем в изобилии – неприятели нуждаются в продовольствии

---

* Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера, ст. 39, письмо 30 сентября.

** Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера, ст. 186.

*** Письма Вильсона к императору 15-го (27-го) и 27-го сентября (9-го октября); к лорду Каткарту 16-го (28-го) сентября.

**** Письма лорда Терконеля к Л.М. в Лондон 25-го сентября (7-го октября) Тарутино.

и принуждены есть пареную рожь и конину. Живым свидетельством такого положения противника были пленные. Их приводили в лагерь ежедневно и в значительном количестве с первых дней вступления войск на Калужскую дорогу.

«Пленных продолжают приводить в большом числе, – писал сэр Роберт Вильсон к лорду Каткарту; – они единогласно рассказывают о состоянии их армий, говорят, что ошиблись в своих ожиданиях при вступлении в Москву, и об общем неудовольствии и что вовсе не исполняется обещание скорого мира». Впоследствии однако же, когда с развитием партизанских действий и народной войны число пленных достигло огромных размеров, они становились уже в тягость нашей главной квартире. «Потери неприятеля пленными, – писал лорд Терконель в Англию, – превосходят всякое понятие и в таком количестве, что получаемые неприятелем подкрепления едва ли могут заменить столь значительные ежедневные потери, – и я никогда не поверил бы, чтобы его войска могли её вынесть. Прислано было более двух тысяч пленных в то время, когда я был в Красной Пахре; а теперь приводят каждый день почти каждый час сотнями казаки, которые вместе с крестьянами воюют ныне по-испански и принялись за средства весьма жестокие, хотя и не очень мучительные – бить до смерти. Они так озлоблены против неприятеля, который и здесь, как в Испании, оставил по себе следы опустошения, грабительства и осквернения, что не удивляюсь их жестокости, но напротив удивляюсь их терпению. Чтобы дать тебе понятие об успехах разных отрядов, скажу, что один отряд из 1500 человек под начальством Дорохова собрал до двух тысяч человек пленных, другой из 150 человек взял около 600; но находя это число тягостным, казаки большую часть из них перебили. Я видел сейчас офицера явившимся с донесениями к генералу Беннигсену, что он с отрядом из 150 человек взял в плен одного полковника, двух офицеров и около двухсот рядовых и шесть двенадцати фунтовых орудий в 12 верстах от Москвы и в виду трёх полков кавалерии, а сегодня вечером получено донесение о 600 пленных, взятых на Коломенской дороге. Из многих других я упоминаю об этих случаях, чтобы показать ежедневное уменьшение французских войск, которые если русские генералы будут действовать с твёрдостию, деятельностью и осторожностию, то должны, по моему мнению, не только быть разбиты, но истреблены совершенно».

В этих строках выразилась хладнокровная ненависть британца к Наполеону, не обращавшего внимания на человеческое существо тех, которые покорялись его могучей суровой воле и смотревшего на них точно так же, как и сам Наполеон, как на пушечное мясо. Такой

взгляд конечно был несогласен с чувством русских людей. Вообще с пленными обходились хорошо. «Пленных, — говорит современник, — содержали за лагерем безоружных, но в присвоенной каждому одежде. Любопытно было видеть их в разнообразных мундирах: голубой гусар стоял возле малинового улана, длинный кирасир в рыцарском шишаке величался подле тощего итальянского стрелка, гвардейский артиллерист в куньей шапке глядел с презрением на малорослого вестфальца, француз с голландцем, испанец с поляком, баварец с итальянцем представляли странную смесь европейских народов в одной толпе. Они сами дивились своему стечению. Многие сами не понимали друг друга, как при вавилонском столпотворении и только некоторые слова господствовавшего народа давали разуметь, что все они сподвижники одного гения-истребителя. В полдень раздавали им суточную порцию пропитания. Иные, будучи ещё неголодны, принимали нехотя этот скудный дар, иные с униженною гордостию, чувствуя своё бедствие, покорялись необходимости. Одни, проголодавшись, тут же, по естественному побуждению для сохранения жизни, языком вбирали в рот и глотали сухую муку, другие завертывали её в тряпки, как драгоценность или пекли в горячей золе лепёшки. Пленные, имея на себе мундиры, воображали ещё свое воинское бытие, но принимая горсть муки, как дар от неприятеля для продолжения жизни, со стыдом видели ничтожною существенность».

Но постоянное умножение числа пленных затрудняло и главную квартиру. Один «отважный Фигнер доставлял почти ежедневно в её лагерь по 200 и 300 человек», так что стали там затрудняться в их помещении и советовали ему истреблять злодеев. В одной из своих записок к нему, Ермолов употребил выражение, «смерть врагам, переступившим рубеж России». Фигнер на это отвечал ему: «я не стану обременять пленными». Но не все партизаны следовали этому правилу. Съехавшись с отрядом полковника Д. В. Давыдова Фигнер его спросил:

— Разве ты не расстреливаешь пленных?

— Никогда! Вели хоть тайно расспросить о том моих казаков.

— Ну так походим вместе, — продолжал Фигнер, — и ты верно бросишь эти предрассудки?

— Если солдатская честь и сострадание к несчастью суть предрассудки, то я с ними умру, — заключил разговор Д. В. Давыдов*.

Сведения, сообщенные пленными, поверялись и дополнялись другими более верными, которые приносились из Москвы нашими выходцами. Весьма естественно, что в обоих штабах враждебных

* Сочинения Д. В. Давыдова, Ч. I, с. 76–77 и его письма.

войск хотелось знать, в каком положении находятся противники. Как неудачны были попытки Наполеона разузнать о положении наших войск, так, напротив, удавались они нашим военноначальникам. В этом отношении довольно загадочною личностью представляется артиллерийский капитан Фигнер, получивший громкую известность своею храбростью и отчаянною смелостью, как предводитель партизанского отряда. А. П. Ермолов пользовался вообще почётною известностью в войсках, но его особенно, как артиллерийского генерала, высоко ценили артиллеристы. Фигнер был один из его обожателей и пользовался его благосклонностью. «Вскоре по оставлении Москвы,— говорит Ермолов,— докладывал я князю Кутузову, что артиллерии капитан Фигнер предлагает доставить сведения о состоянии французской армии и буде есть какие чрезвычайные приготовления в Москве. Князь дал полное соизволение. В штабе армии приказал я дать ему подорожную в Казань». Но ещё в то время когда наши войска находились под Москвой и вопрос об её оставлении без боя не был ещё решён окончательно, Фигнер, по свидетельству его товарища и помощника по службе, находился в каком-то восторженном состоянии духа. Поутру 1-го сентября он ездил в Москву, молился там в церкви, потом, по его словам, объехал избранную под Москвою позицию для сражения, заметил слабые её стороны и составил об этом записку. Когда его товарищ рассказывал ему свой странный сон, что в эту ночь будто бы он, очутясь в неприятельском лагере, хотел убить Наполеона, но убил вместо него Мюрата,— он усмехнулся и заметил, что и сам видел подобный сон. Затем он переписал свою записку, обрился, приоделся и отправился, чтобы представить её фельдмаршалу. Возвратившись вечером он с удовольствием рассказывал о своём свидании с князем Кутузовым.

После первого перехода от Москвы, когда главная квартира достигла с. Панков, по докладу Ермолова, фельдмаршал позволил Фигнеру собрать сведения о состоянии неприятельских войск и их намерениях. Как весьма ловкий и смелый человек, говоривший свободно почти на всех европейских языках, он, конечно, мог доставить весьма важные и верные сведения о неприятелях. Фигнер пробыл в Москве более двух недель и возвратился к войскам, когда они вступили уже в Тарутинский лагерь. «Князь Кутузов вместо всяких приветствий, поцеловал его, и эту награду Фигнер почитал за величайший знак отличия»*.

Около того же времени на аванпостах нашего авангарда явился московский купец 3-й гильдии Пётр Жданов и, будучи представлен гене-

---

* Записки А. П. Ермолова, ст. 208.

ралу Милорадовичу, сообщил ему следующие сведения. Он был старожил московский, имел свой дом и жил в нём с женою и двумя малолетними дочерьми. Его дом несколько раз грабили неприятельские солдаты и наконец сожгли. Несчастное семейство укрывалось несколько времени в саду между кустов, потом выбралось за заставу и со многими другими, укрывавшимися от буйства и насилия злобных разбойников, проводили дни в овинах, подвалах и погребах. На рассвете Жданов было вышел из своего убежища, но немедленно попался в руки неприятелям, которые увели его с собою в горевший со всех сторон город и требовали, чтобы он указывал богатые дома для их грабежа. Он притворился больным, его избили до бесчувствия. Без сознания пролежав в этом состоянии до вечера, он опомнился наконец, и не видя никого вокруг себя побрёл туда, где оставил жену и детей, но там он не нашёл никого и ничего, дымились только остатки сгоревших построек... В отчаянии, считая жену и детей погибшими, он вышел за город, прошёл уже с. Алексеевское и пойман был неприятельским отрядом и возвращён в Москву.

Бродя по пепелищам Москвы вместе с другими несчастными жертвами войны, он услыхал, что у маршала Даву даются некоторым особые пропускные виды на выход из Москвы и что этою выдачею заведует особый чиновник, знающий русский язык; он отправился на Девичье поле к дому г-жи Нарышкиной, где помещался герцог Экмюльский, и нашёл там уже значительную толпу народа.

Вскоре вышел к народу чиновник маршала и объявил: «кто имеет жену и детей, того отпущу и билет дам вольный». Все молчали, всякий боялся сказать, что имеет жену. Но когда Жданов объявил, что имеет жену и детей, тогда этот чиновник взял его за руку, ввёл в дом, подробно расспросил, кто он и о его житье-бытье, заставил его перекреститься перед образом в знак того, что он исполнит возлагаемое на него поручение, и затем сказал: «сходи в главную русскую армию до Калуги и разведай нужное для нас, а что именно — о том дадим тебе письменное наставление выучить наизусть». За это он обещал ему отыскать его жену и детей и обезопасить их существование, дать ему 1000 червонцев (12 тыс. рублей) и любой, какой сам выберет, дом в Москве.

Когда Жданов изъявил согласие, этот чиновник представил его маршалу, потом дал ему письменное наставление, чтобы он выучил наизусть и дал провожатого, с которым он пошёл отыскивать свою жену и детей, и нашёл их в погребе своего сожжённого дома в пустых кадках дрожащими, бледными и полумертвыми. Жданов выучил наизусть данную ему бумагу, пересказал свой урок чиновнику маршала и был отправлен к французскому авангарду, а его жена и дети были устроены в одном из уцелевших от пожара домов.

Сопровождавшие его французские солдаты указали ему вдали огни и, сказав: «там русские», оставили его одного и возвратились назад.

Дойдя до огней Жданов очутился на аванпостах нашего авангарда и был немедленно представлен Милорадовичу, которому и рассказал, с какими поручениями прислали его неприятели в нашу армию. Обласкав его и поблагодарив за честный поступок, Милорадович немедленно отправил его в главную квартиру, где генерал Коновницын и отобрал от него подробные сведения.

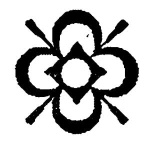
Заученное Ждановым наставление и переданное довольно подробно, послужило весьма важным свидетельством и подтверждением всех его показаний о том состоянии, в каком находится неприятель в Москве. Это наставление показывало виды и желания неприятеля. Он хотел знать количество и состав нашей армии, пополнены ли полки после Бородинского сражения, подходят ли к армии подкрепления? Что говорит народ о мире? Жданову поручено было разглашать, что в Москве весь хлеб остался цел и что французы намерены там зимовать. Но если бы он и не дойдя до Калуги узнал, что наша армия идёт на Смоленскую дорогу, то с этим известием немедленно должен был поспешить обратно в Москву. Конечно, узнать содержание этого наставления, данного Жданову из канцелярии маршала Даву, без сомнения было очень важно для нашей главной квартиры, и вероятно она воспользовалась им. В наших войсках в то время действительно ходили слухи, что фельдмаршал разными путями поручал сообщать неприятелю известия, вводившие его в заблуждение. «Как хитро были пускаемы в неприятельскую армию слухи, — говорит один из участников в событиях этого времени, — будто наши войска находятся в самом жалком положении, терпят во всём крайний недостаток; будто лишь в первых рядах остались старые солдаты, а прочие все рекруты и ратники; будто потеря Москвы расстроила дисциплину в войсках. Для вероятия таких слухов, фельдмаршал явно поссорился с атаманом казаков Платовым... Вскоре за этими слухами начали попадать в руки французов наши курьеры с мнимыми донесениями фельдмаршала Государю, что русские войска находились в бедственном положении и вовсе не имели духа сражаться; что фельдмаршал не смеет дать решительной битвы, а потому представляет Его Императорскому Величеству единственное средство к спасению ускорить заключение мира с какими бы то ни было пожертвованиями, полагая что и неприятель, находясь сам в очень невыгодном положении, ограничит свои требования»*.

---

* Записки артиллериста, Ч. 1, гл. VII, с. 198–201. Записки С.П. Глинки о 1812 г., с. 181–182.

В какой степени верны были эти слухи и какими способами сообщались неприятелю подобные известия, вводившие его в заблуждение, определить невозможно; но что в сущности они были справедливы, доказывается тем, что такие известия разглашались в Москве между французскими войсками и приходили большею частью из авангарда Мюрата*.

* Napoléon en 1812 par C-te R. Soltyk, гл. XI, с. 331.

Глава 6

Не только внимание всей России с тревожным ожиданием спасения отечества было обращено на Тарутинский лагерь, но и привлекало внимание самого Наполеона. Если даже самоуверенность завоевателя и отклоняла мысль об опасности, которая грозит ему оттуда в военном отношении, то после неудачи войти в переговоры о мире, непосредственно с русским императором, он понимал, конечно, что мог начать их единственно чрез посредство только князя Кутузова. Решившись сделать первый шаг, обращаясь к императору Александру, он мог уже, раз победив свою гордость, сделать и второй – обратиться к его главнокомандующему. Так поступил повелитель всей Западной Европы!

На третий день после вступления русских войск в Тарутинский лагерь, князь Кутузов, отдавая окончательные поручения князю Волконскому, которого немедленно собирался отпустить обратно в Петербург, получил следующее письмо маршала Бертье к неаполитанскому королю: «Император, намереваясь послать одного из своих генерал-адъютантов к главнокомандующему Кутузову, желает знать день, час и место, где и когда он пожелает его принять»*.

– Чего хочет от меня Наполеон, – сказал, прочитав это письмо фельдмаршал, и, предугадывая значение этого посольства и соображая, как им лучше воспользоваться, спросил: – который теперь час?

– 10 часов, – отвечал князь Волконский.

– Я спросил об этом для того, – продолжал князь Кутузов, отвлекая внимание своего собеседника от гнездившихся в его голове соображений, что должно выиграть время и сколь возможно долее держать французов в бездействии. Обыкновенно они атакуют не ранее полудня, отобедав. Надо известить, что я сам приеду на передовые посты для переговоров, а между тем пройдёт день**.

Едва ли можно предполагать, что в предложении Наполеона князь Кутузов усматривал обман и опасался внезапного нападения францу-

---

* Письмо Бертье к Мюрату 4-го октября н. ст. 1812 года. Смотри Chambroy. «Histoire de l'expédition en Russie», Vol. 3, приложение к втор. изданию документы, с. 418–419.

** А.И. Михайловский-Данилевский. «История Отечеств. войны», Т. V, полное собр. соч., гл. IV, с. 55, со слов князя Волконского.

зов; но предвидя значение неожиданной попытки Наполеона завязать переговоры, он желал обдумать, как воспользоваться этим случаем и какие принять к тому меры.

Слух, что приедет посол Наполеона для переговоров с фельдмаршалом, немедленно распространился по лагерю и произвёл тревогу. Всем и каждому была противна мысль о мире или о перемирии с врагом отечества, к которому все и каждый воодушевлены были только чувством мщения, но это общее всем чувство выражалось различно. Войска, питавшие глубокое доверие к фельдмаршалу, видели в этой попытке к миру слабость неприятеля и почувствовали свою силу; люди, преданные князю Кутузову, были уверены, что он ловко воспользуется этим обстоятельством для пользы отечества. Умышленные и неумышленные враги фельдмаршала, которыми орудовали первые без их собственного сознания, выражали вообще все сильное негодование. Им казалось, что не следовало входить ни в какие сношения с Наполеоном, что согласие князя Кутузова принять его уполномоченного обнаруживало слабость характера престарелого вождя, унижало достоинство России, угрожало законным видам Европы. Они собрались в квартире Беннигсена и решили действовать в этом случае чрез сэра Роберта Вильсона, который желал во что бы то ни стало отклонить фельдмаршала от этого намерения: горячился, уговаривал других содействовать ему в его предприятии и прямо заявлял, что если состоится это свидание, то выгоды Англии требуют, чтобы он в таком случае присутствовал при нём.

– Успокойтесь, господа,– сказал князь Кутузов окружавшим его офицерам и генералам, – Наполеон может меня разбить, но обмануть никогда.

Накануне приезда Лористона в Тарутинский лагерь, сэр Роберт Вильсон отправился из главной квартиры в наш авангард. На другой день рано утром на всех рысях прискакал к нему казак с запискою от Беннигсена, в которой он просил его как от себя, так и от лица многих генералов немедленно возвратиться в главную квартиру, извещая, что фельдмаршал согласился на свидание с Лористоном сегодняшнею ночью за нашими аванпостами. Известив о своём отъезде начальника авангарда Милорадовича, Вильсон явился в квартиру Беннигсена, который ожидал его вместе с несколькими другими генералами. Они рассказали ему, что фельдмаршал согласился на свидание даже за несколько вёрст от наших войск и дал об этом письменное извещение; вероятно, при этих переговорах будет присутствовать сам Наполеон, что можно предполагать по тому, что Лористон будто бы уведомил, что при нём будет находиться один из его приятелей.

Эти нелепые слухи волновали генералов; они говорили даже, что фельдмаршал, оставляя свой стан и отправляясь к неприятелю для переговоров, тем самым слагает с себя свою власть и они могут отказать ему в повиновении. Таким образом генерал Беннигсен поощрял почти явное восстание против фельдмаршала. Они просили генерала Вильсона отправиться к фельдмаршалу и отклонить его от этого намерения.

Представитель английского правительства в нашем военном стане и притом облечённый доверием императора, как считал себя сэр Роберт Вильсон, получив дозволение писать к нему непосредственно, принял это предложение. Полагая, что он поставлен наставником и руководителем наших военачальников и представителем европейских интересов, конечно, с точки зрения Англии, что практикуется и доселе со стороны её агентов, он явился к князю Кутузову.

— Вероятно, вы привезли мне известия из авангарда? — спокойно спросил его фельдмаршал.

Но когда английский генерал объяснил цель своего посещения, князь Кутузов изменился в лице и сказал ему, что он главнокомандующий войсками и знает, что́ может быть вредно или полезно вверенному ему делу. Он объявил ему, что непременно исполнит своё намерение и советовал ему увлекаться на этот раз более преданностью к русскому императору, чем уже известным своим негодованием к Наполеону*. Сэр Роберт Вильсон вышел от Кутузова в высшей степени раздражённым и громко порицал его намерения. Потом, когда сэру Роберту Вильсону удалось уговорить герцога Вюртембергского и принца Ольденбургского вместе с ним отправиться к фельдмаршалу и снова просить его отказаться от своего намерения, князь Кутузов, встретив сильное противоборство своему мнению, как часто встречали и все его предположения со стороны тех лиц, которые считали себя вправе и призванными к тому, чтобы противоречить и спорить с ним, обещал послать для свидания с уполномоченным Наполеона князя Волконского.

---

* Это обстоятельство изложено Вильсоном в его повествовании о войне 1812 г. (Geheim Geschichte, с. 158–165), и только это одно обстоятельство я почерпываю из этого сочинения, хотя о нём не упоминается ни в его современных письмах к императору и лорду Каткарту. Но он мог умолчать о нём в своих письмах, потому что дело шло о таких действиях Беннигсена, которых, без сомнения, не потерпел бы император. Он не хотел поставить его в неприятное положение, будучи его другом, почитателем его военных дарований, предлагавшим сменить Кутузова и заместить Беннигсеном. Что же касается до дневника, то он только тем отличается от современных писем Вильсона, что заключает в себе много пропусков.

Возвратившись в свою квартиру после этого свидания, Вильсон немедленно написал письмо к императору и лорду Каткарту. «Имею честь донести Вашему Величеству, — писал он к Государю, — что фельдмаршал князь Кутузов сообщил мне сегодня поутру о своём намерении иметь свидание с Бонапартовым генерал-адъютантом на передовых постах. Я счёл долгом сделать ему самые твердые и решительные представления против такого намерения, которое не соответствовало бы достоинству Вашего Величества и непременно оказало бы вредное влияние, совершенно несогласное с выгодами Вашего Величества, потому что оно ободрило бы неприятеля, возбудило бы неудовольствие в войсках и недоверие в иностранных государствах.

Я представил фельдмаршалу, что такое нарушение этикета легко может быть истолковано в худую сторону и притом не принесёт никакой пользы и может показаться для многих остатком Вашей личной дружбы к Наполеону. Его королевское величество герцог Вюртембергский и принц Ольденбургский поддерживали моё мнение, и наконец фельдмаршал согласился на наше предложение послать князя Волконского, который присутствовал при нашем разговоре и теперь поехал на встречу генерала Лористона».

Возможность свидания князя Кутузова с генералом Лористоном так озабочивала сэра Роберта Вильсона, что вслед за письмом к императору он в тот же день написал об этом и к лорду Каткарту, в выражениях более резких, добавив при том, что такое нарушение этикета может показаться остатком личной дружбы Государя к Наполеону, и свои опасения, что может быть фельдмаршал и не разделяет тех чувств в отношении к Бонапарту и значению этой войны, которыми преисполнен император. Его лета и состояние его здоровья не делают его способным к производству строгой кампании, а его дряхлость всегда более или менее будет склонять его к желанию мира.

В этих словах выразилась настоящая причина, почему предстоящее свидание князя Кутузова с Лористоном так волновало и озабочивало английского агента. Он догадывался, что князь Кутузов прежде всего русский человек и не может быть слепым орудием английской политики; что он может мыслить согласно с нею только в той мере, в какой она согласовалась с выгодами России.

Но в чем же заключалось бы нарушение этикета, если бы фельдмаршал выехал на свои аванпосты для свидания с Лористоном? Выбор места свидания зависел вполне от него, а предмет переговоров не был никому известен. Почему в этом случае князь Кутузов явился бы не в качестве главнокомандующего, а как бы полномочным лицом от императора, и его свидание с Лористоном могло бы иметь вид остатка той

личной дружбы, которую император выражал некогда в отношении к Наполеону.

Притом главнокомандующим враждебными армиями и в самый разгар войны могут представляться случаи входить в переговоры между собою, что и совершается по обстоятельствам очень часто. Конечно, фельдмаршал, зная, что войска только недавно прибыли в Тарутинский лагерь, который он не успел ещё привести в надлежащее оборонительное положение, не желал в таком виде показать его французскому генералу. Но действительно ли он решился иметь свидание с Лористоном на аванпостах, утверждать вполне нельзя.

После же разговора с Вильсоном и его товарищами фельдмаршал поручил князю Волконскому ехать на передовые посты, вызвать генерала Лористона, спросить его, с какою целью он прислан, и если имеет письмо от Наполеона, то взять и привезти его.

Очевидно, князь Кутузов, давая такое поручение, желал показать, будто бы он уступает требованию генерала Вильсона и его сообщников, которые предполагали, что тем самым и окончатся все попытки начать переговоры.

Фельдмаршал, без сомнения, хорошо понимал, что генерал-адъютант французского императора, присланный для личных с ним переговоров, не согласится исполнить подобного требования. Достаточно опытный царедворец князь Волконский тоже не мог этого не понять.

— Но что прикажете делать,— сказал он князю Кутузову,— если Лористон не захочет объяснить мне своего поручения и не отдаст письма?

— В таком случае,— отвечал фельдмаршал,— скажи, что пошлёшь ко мне за приказаниями; но только вели адъютанту ехать как можно тише.

Так и случилось; конечно, генерал Лористон, выехав немедленно по вызову князя Волконского на аванпосты, отвечал на его предложение отказом и объявил, что он послан императором Наполеоном для переговоров лично с фельдмаршалом, поэтому не может ни объяснить ему своего поручения, ни передать письма императора к князю Кутузову. Выслушав этот ответ, князь Волконский, исполняя приказание фельдмаршала, объявил, что он пошлёт к нему своего адъютанта, и просил подождать дальнейших распоряжений. Генерал Лористон согласился.

Хотя он был сам по себе честный и добрый человек, но как все клевреты Наполеона до такой степени был заражён гордостью своего повелителя и так был убеждён в своём превосходстве над всеми, в

качестве французов и верных слуг Наполеона, что подобный поступок сговорчивости и уступчивости Лористона служил явным доказательством бедственного положения французов.

Отправив к фельдмаршалу своего адъютанта Нащокина, князь Волконский поручил ему пустить вскачь свою лошадь, пока не уедет из виду французов, а потом ехать шагом и как можно тише. Князь Кутузов, задержав Нащокина настолько, чтобы Лористон мог приехать в Тарутино уже ночью, поручил ему передать князю Волконскому, чтобы он заявил французскому уполномоченному, что фельдмаршал готов его принять в своей главной квартире.

Отправив адъютанта к князю Кутузову, князь Волконский предложил Лористону отправиться каждому в свой авангард.

Но в это время от передовой цепи французов подъехал Мюрат, а от нашей – Беннигсен и Милорадович. Вероятно, барону Беннигсену, так громко осуждавшему недавно фельдмаршала, за согласие на свидание с уполномоченным Наполеона, захотелось и самому заявить о своём присутствии в русских войсках. Что же касается до Милорадовича, то ему не раз уже приходилось встречаться на аванпостах с неаполитанским королём. Подъехав к нему, как к старому знакомому, Мюрат сказал:

– Долго ли ещё будет продолжаться война?

– Не мы начали войну, – отвечал Милорадович.

– Я нахожу, что ваш климат суров для неаполитанского короля, – заметил Мюрат.

Известие, что Беннигсен ездил на аванпосты, чтобы показать себя Лористону и Мюрату, крайне взволновало его постоянного защитника и поклонника генерала Вильсона.

К приготовленному уже письму к лорду Каткарту, в 8 часов вечера, в тот же день он приписал: «Я к сожалению должен сообщить, что генерал Беннигсен поехал на передовые посты и объявил желание видеть Мюрата, если он близко находится. Мюрат появился и, после взаимных учтивостей, выражал надежду на переговоры, которые могут положить конец войне. Эти добровольные свидания и вежливость генерала Беннигсена произвели неприятное впечатление».

«Между тем, – говорит один из современников-очевидцев, – приказано было переместить войска и некоторые полки, для того чтобы скрыть от неприятеля настоящее их расположение и размещением их по обширности места дать вид многочислия. Приказано было к вечеру во всех полках развесть огни, варить кашицу с мясом, петь песни и играть музыке. Таким образом по всему лагерю открылась у нас иллюминация и шумное веселье; радость всех была непринужденна, когда

услышали, что в этот вечер приедет к фельдмаршалу посланник просить мира. Тогда мы уже совершенно были уверены, что наша берёт и скоро погоним французов из России»*.

Князь Кутузов, носивший всегда военный сюртук, в первый раз надел мундир и так как у него не оказалось новых эполет, то взял их у Коновницына.

Выйдя из избы, он сказал обратясь к окружавшим его офицерам:

– Господа! может быть с Лористоном приедут французские офицеры, то прошу вас ни о чём другом не говорить с ними, как о дожде и о погоде.

В половине одиннадцатого часа пополудни приехал в Тарутино Лористон, на дрожках вместе с князем Волконским, без всякой свиты. В простой крестьянской избе его принял фельдмаршал в присутствии нескольких генералов, в числе которых находился и Вильсон.

После первых приветствий он дал знать, чтобы все удалились и, обращаясь к английскому агенту, сказал:

– Прощайте, генерал Вильсон (general Wilson je vous souhaite le bon soir).

Потерпев неудачу в исполнении своего намерения присутствовать при переговорах фельдмаршала с генералом Лористоном, раздражённый англичанин вышел из избы и приблизился к небольшой кучке офицеров, которых собрало тревожное любопытство около этой избы. В числе их находился барон Кроссар. Случайно он первый оказался вблизи Вильсона и должен был выслушать его желчный рассказ, как выпроводил его от себя князь Кутузов.

– Я слушал,– говорит он,– выражения его неудовольствия, его обвинения Кутузова и подозрения, которые его волновали. В моём положении** я не мог позволить себе выражать так же громко мои порицания; но и я, поддакивая английскому генералу, оскорблял Кутузова подозрением, конечно, не в измене своему государю, но в слабости, робости, готового пожертвовать Россиею, и следовательно Европою, уступая весьма великодушным чувствам. Я считал его ниже положения дел. Какое оскорбление! Какое заблуждение! До какой степени было преступно это наше заблуждение. Гений Кутузова был гораздо выше тех затруднений, которыми он был окружён***.

Благородное сознание честного человека избавляет его от упрёка истории, но в то же время клеймит позором мелочности и увлеченья

* Записки артиллериста, Ч. I, с. 218.

** Кроссар только недавно приехал в армию.

*** Mémoires militaires et historiques par Baron de Crossard, Vol. V, chap. XLV, c. 4.

страстью тех современников, которые даже и впоследствии не успели отрезвиться и одуматься, а особенно тех ещё потомков, которые, после многих лет принимаясь за дело историка, или задним числом увлекаются страстью, или неспособны добросовестно относиться к историческим данным.

В маленькой избе, в одно окно, был поставлен простой крестьянский стол, с двумя на нём свечами, и по обеим сторонам два таких же стула, на которых сели один против другого князь Кутузов и генерал Лористон. Стол был поставлен перед маленьким оконцем избы, и всё, что там происходило, было видно кучке офицеров, зорко наблюдавших за движениями разговаривавших. Слов не слыхали и слышать не могли по отдалённости; но по движениям того или другого из собеседников, догадывались не о содержании, конечно, речей, но о тех чувствах, которые их одушевляли.

«Когда генерал Лористон,— говорит барон Кроссар,— объяснил цель своего посольства, нам было ясно видно, что Кутузов слушал его спокойно; но с первых же слов его ответа мы заметили, что генерал Лористон сделал движение, которое показывало, что он с удивлением отрицает обращённое к нему обвинение. Вообще все последовавшие затем движения показались нам со стороны Кутузова, как упрёки, а со стороны Лористона оправдания, которым он, по-видимому, желал придать важность. Наконец, это свидание окончилось скорее нежели предполагали».

Действительно, после получаса времени князь Кутузов пригласил князя Волконского, и затем через четверть часа с ним вышел из избы и генерал Лористон и немедленно отправился к своим передовым постам. Хотя при переговорах с обеих сторон была соблюдена в высшей степени учтивость и не было заметно никакой раздражительности, однако при отъезде офицеры приметили, по некоторым движениям, что Лористон был смущён, а некоторым показалось, что даже он ворчал про себя, как недовольный. Они заключали по этому, что ему не удалось достигнуть цели своего посольства — и не ошиблись.

В чём состоял разговор нашего фельдмаршала с уполномоченным Наполеона?

Главным источником и историческим свидетельством, на основании которого можно отвечать на этот вопрос, должно служить донесение о нём императору. Вот оно: «я ещё одни сутки должен был задержать генерал-адъютанта князя Волконского, получив сегодняшнего утра чрез парламентера письмо, которым означено, что император Наполеон желает с важными поручениями отправить ко мне своего генерал-адъютанта. Князь Волконский донесёт Вашему Величеству

обо всех пересылках, которые по сему случаю были, и наконец к вечеру прибыл ко мне Лористон, бывший в С.-Петербурге посол, который распространился о пожарах бывших в Москве, не виня французов, но малое число русских оставшихся в Москве; предлагал размен пленных, в котором ему от меня было отказано, а более всего распространялся об образе варварской войны, которую мы с ними ведём. Сие относительно не к армии, а к жителям нашим, которые нападают на французов по-одиночке или в малом числе ходящих, поджигают сами дома свои и хлеб с полей собранный, – с предложением неслыханным, такие поступки унять.

Я уверял его, что ежели бы я и желал переменить образ мыслей в народе, то не мог бы успеть для того, что они войну сию почитают равно как бы нашествие татар, и я не в состоянии переменить их воспитание. Наконец, дошёл до истинного предмета его послания, т. е. говорить стал о мире, что дружба, существовавшая между Вашим Императорским Величеством и императором Наполеоном, разорвалась несчастливым образом, по обстоятельствам совсем посторонним и что теперь мог бы ещё быть удобный случай оную восстановить. Эта война необыкновенная, ужасная, говорил он, должна ли вечно продолжаться? Государь, мой повелитель, искренно желает положить конец несогласиям между двумя народами, великими и великодушными, и положить его навсегда. Я ответствовал ему, что я никакого наставления на сие не имею, и что при отправлении меня к армии название мира ни разу не упомянуто. Впрочем, все сии слова, от него мною слышанные, происходят ли они, как его собственные рассуждения, или имеют источник свыше, что я сего разговора ни в котором случае и передать Государю своему не желаю. Меня бы прокляло потомство, если бы узнало, что я подал первый повод к какому бы то ни было примирению. Таково теперь общее настроение нашего народа. При сём случае подал он мне письмо императора Наполеона, с коего при сём список прилагается, и просил меня испросить у Вашего Величества согласия ему, Лористону, по сему предмету прибыть в Петербург и предложил, в ожидании сего ответа, перемирие, в котором я ему отказал. При сём случае рассчитывал с нетерпением время, когда на сие ответ придти может. Сие требование его обещал ему исполнить, т. е. донести о желании сём императора Наполеона Вашему Императорскому Величеству»*.

Император Наполеон, заняв Москву, провозгласил себя победителем, и вся Европа ему верила; он был уверен, что русский император

* Донесения князя Кутузова императору из Тарутина, сентября 23-го дня 1812 г.

будет умолять его о заключении мира. Конечно тяжело было покориться жестокой необходимости и самому предложить мир в письме к императору. Ещё тяжелее было ему, не получив ответа на своё письмо, писать к русскому главнокомандующему, и вероятно, Лористону поручено было, только в крайнем случае, передать его письмо князю Кутузову. Приведённое донесение Государю даёт повод к такому предположению. Из него видно, что Лористон, уже после многих разговоров, передал это письмо князю Кутузову. Но если ему не хотелось или было тяжело немедленно, приехав на свидание, передать его, то без сомнения князю Кутузову нужно было убедиться в его существовании и получить это письмо. С этою целью, конечно, выслушав наконец заявления Лористона о желании его государя окончить войну и заключить мир, он объявил решительно, что такого заявления не позволит себе даже довести до сведения русского государя.

Только после такого ответа со стороны князя Кутузова Лористон передал ему следующее письмо Наполеона.

«Князь Кутузов! Я посылаю к вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных предметах. Я желал бы, чтобы ваша светлость верила тому, что он вам скажет и особенно, когда выразит вам чувства уважения и особенного внимания, которые издавна я к вам питаю. За сим молю Бога, чтобы он сохранил вас, князь Кутузов, под своим покровом»*.

Прочитав это письмо, когда Лористон стал просить его о том, чтобы он исходатайствовал ему дозволение императора Александра приехать в Петербург для личных переговоров, князь Кутузов согласился исполнить его желание, прибавив, что счастливый случай даст ему самый верный способ:

— Князь Волконский, — сказал он, — которого вы видели и который пользуется полным доверием Государя, завтра едет в Петербург, и я с ним отправлю мое донесение.

— Не лучше ли послать курьера, — заметил Лористон, — он доедет скорее.

Но князь Кутузов отклонил это предложение и велел пригласить к себе князя Волконского. Когда он вошёл, фельдмаршал, обращаясь к Лористону, сказал:

— Государь запретил мне даже произносить слова: мир и перемирие. Спросите у князя Волконского, он прислан сюда подтвердить мне сию монаршую волю, — и, передав Волконскому сущность перего-

* Письмо Наполеона помечено: à Moscou le 3 octobre 1812 г., на пакете подпись: à M. le prince Koutouzow généralissime de l'armée russe.

воров с французским уполномоченным, сказал, что с ним пошлёт своё донесение Государю о желании императора Наполеона, объявленном ему генералом Лористоном.

Получив отказ об отправлении курьера, Лористон предложил князю Волконскому для сокращения пути ехать через Москву. Конечно и это странное предложение было также отклонено, но оно самым очевидным образом обличало, как и всё общее поведение Лористона во время свидания, то безвыходное положение непобедимого Наполеона с его великою армиею, при котором единственным спасением могло быть заключение мира, на каких бы то ни было условиях. Французский уполномоченный, щадя гордость своего повелителя, долго не передавал его письма, которое по своему содержанию есть верющая грамота на полномочие говорить от лица Наполеона. Князь Кутузов беседует с ним, как со старым знакомым, почтенным лицом Франции, но когда речь дошла до того, какое значение может иметь эта беседа, то он прямо заявляет, что не придает ей никакого государственного и политического характера, а потому и не донесёт о ней своему государю.

Представитель гордого завоевателя, вместо того, чтобы немедленно прервать переговоры, смиренно представляет князю Кутузову письмо Наполеона. Получив же его согласие на представление о том государю, рассчитывает дни, когда может быть получен ответ, просит послать фельдъегеря, который доедет скорее, а затем предлагает князю Волконскому, для сокращения пути, ехать через Москву!

Князь Кутузов вполне достиг своей цели; он, конечно, понимал, что, заняв Москву, Наполеон поставил своё войско в безвыходное положение, но ему нужно было подтверждение справедливости его взгляда со стороны самих неприятелей; ему нужно было так сказать собственное сознание подсудимого, и он получил всё это в письме Наполеона, в образе действий и речах его уполномоченного. Он вполне сознавал, что Наполеону далее уже идти было невозможно, оставалось только отступать. Отступление на Смоленск, по той же самой дороге, по которой он пришёл, опустошенной на большие пространства и обеим её сторонам, было бы самым для него невыгодным, ужасным, грозившим большими опасностями и потерями для войск. Но именно поэтому все соображения русского военноначальника и должны были состоять в том, чтобы заставить его отступать по этой дороге. С этою целью и совершено было боковое движение с Рязанской дороги на Калужскую.

Но мог ли предполагать князь Кутузов, на третий день после того, как русские войска остановились лагерем в Тарутине, когда они ещё не успели отдохнуть после утомительного отступления почти от самых

границ, когда убыль не была ещё пополнена, подкрепления ещё не прибыли, когда войско не было устроено — выдержать напор доведённого до отчаяния неприятеля, предводимого Наполеоном?

Не задаваясь желанием отгадать то, какие могли бы произойти последствия, если бы оно совершилось на самом деле, а потому не отвечая на этот вопрос ни положительно, ни отрицательно, нельзя не заметить, что он должен был остановить на себе внимание фельдмаршала. Он не только не должен был вызывать опасности, но напротив, если не отклонить её совершенно, то отсрочить, приняв все способы для того, чтобы противодействовать неприятелю с полною надеждою на успех. Для этого нужно было усилить и устроить войско, что, конечно, требовало времени. Выиграть время, усыпить Наполеона в Москве, как выражался сам князь Кутузов — вот к какой цели направлены были все его помыслы и действия.

Поэтому он отклонял беспрерывные настояния непрошенных советников действовать наступательно; поэтому он поддерживал надежду Лористона на возможность мирных переговоров и тем заставил ожидать ответа из Петербурга на предложения Наполеона. Нужно ли говорить о том, что князю Кутузову, как представителю общего настроения русского народа в это время, не могла приходить в голову мысль о мире с Наполеоном, — и оправдывать его от таких нелепых подозрений.

Два месяца спустя после свидания с Лористоном, князь Кутузов говорил в Копыле одному из пленных французских генералов, «что всего более удивляется тому, как легко удались ему те хитрости, которыми он старался задержать Наполеона в Москве. А вместе с тем, прибавил он, как мне были смешны все его притязания на мир тогда, когда он, очевидно, не имел уже достаточных сил продолжать войну»*.

Свидание князя Кутузова с Лористоном составляет одно из важных событий в истории 1812 года, а потому всякая подробность их разговора обращает на себя особое внимание. Донесение фельдмаршала императору по самой своей краткости свидетельствует, что оно не могло обнимать всех подробностей разговора, продолжавшегося полчаса, а может быть он и не желал утомлять внимание императора всеми подробностями, изложив только одни главные основания, и кроме того, вероятно, не имел и времени. Его донесение написано немедленно после разговора, под свежим впечатлением, прежде нежели память могла собрать и привести в порядок с последовательностью его течение, и к тому же оно было написано наскоро, чтобы не задержать долее

* Письма о войне в России 1812 г. Пюисбюска, генерал-провиантмейстера французских войск. Письма из Копыса 30-го ноября (11-го декабря) 1812 г., с. 143 и 144.

князя Волконского, который, исполняя волю Государя, торопился возвратиться в Петербург.

Лористон уехал из Тарутина в половине 12-го часа ночи; а на рассвете следующего дня князь Волконский собирался выехать, и действительно отправился из главной квартиры рано утром, везя с собою донесение фельдмаршала Государю об этом свидании.

Рассказы князя Волконского имеют важное значение в отношении конца разговора, при котором он сам присутствовал, а что говорилось до него, он мог узнать только по рассказам самого фельдмаршала. Но князь Кутузов не ему одному вынужден был положением дел рассказывать содержание своего разговора с уполномоченным Наполеона, чтобы успокоить недовольных, и особенно генерала Вильсона, и тем предотвратить ложные слухи, которые могли распространяться в лагере и далее.

Если он не знал, что Вильсон имел право прямо писать императору, то, конечно, хорошо ему было известно, что он переписывается со своим посланником в Петербурге, лордом Каткартом, который всегда может сообщить его известия Государю.

Когда уехал Лористон, генерал Вильсон вместе с герцогом Вюртембергским и принцем Ольденбургским вошли к фельдмаршалу. Он рассказал им сущность своего разговора с Лористоном, но благоразумно умолчал о том, что обещал ему сообщить предложения Наполеона императору, и тем поддержал надежду на мир и дал повод ожидать ответа из Петербурга. Но вместе с тем сообщил им некоторые подробности, о которых не упоминает в донесении Государю.

Генерал Лористон, писал Вильсон лорду Каткарту, уверял фельдмаршала, что Москва сожжена не французами, что такой поступок так несообразен с французским характером, что если бы мы даже взяли Лондон, говорил он, то не сожгли бы и этого города.

Фельдмаршал, не признавая в этом деле виновными французов, сказал, что это было последствием общего мнения русских, которые уважают Москву, но готовы пожертвовать и ею, как всяким другим городом империи. Этот ответ важен потому, что показывает, как князь Кутузов не ошибался и в этом случае, когда ошибалось даже общественное мнение в России в это время.

«Фельдмаршал уверил нас, что потом весь этот разговор был о вещах весьма не важных; по всему видно, что главный предмет посылки Лористона состоял в том, чтобы договориться о перемирии, и может быть, разведать о его полномочиях, намерениях и желаниях, а также о состоянии позиции. Я уверен, что вы согласитесь со мною, хотя это происшествие и смягчается от перемены первоначального

намерения фельдмаршала принять Лористона на форпостах; но тем не менее не может произойти ничего доброго, а произойдёт впредь, как от этого, так и будущих подобных свиданий. Поэтому необходимо нужно, чтобы Его Императорское Величество объявило свою волю, чтобы сообщение с неприятелем производилось не иначе, как письменно, и для поддержания императорского достоинства, чтобы его королевское высочество герцог Вюртембергский имел сведения о всех подобных сношениях», т.е. чтобы главнокомандующий всех русских войск отдан был под надзор подчинённого ему генерала.

«Я писал уже вам, – продолжает Вильсон, – о неосторожности генерала Беннигсена, который имел свидание с маршалом Мюратом: но князь Волконский, присутствовавший при этом свидании по приглашению Беннигсена, уверяет, что он не слыхал, чтобы маршал Мюрат изъявил желание о мире. Он сказал только, что здешний климат не годится для неаполитанского короля и разве только эти слова можно считать за намёк о том. Я думаю, что генерал Беннигсен теперь уже понимает свою ошибку, однако же, судя по разговору, который я имел с ним в присутствии лорда Терконеля, желательно, чтобы император дал ему ясно понять, что он один предоставляет себе определить то время, когда будет прилично приступить к перемирию или к иным переговорам с неприятелем».

Последние слова показывают, что и Беннигсена, английского подданного, стесняла эта опека, которую присвоил себе над русскими полководцами Роберт Вильсон, несмотря на то, что Беннигсен старался ладить с ним, пользуясь им как орудием, чтобы свергнуть князя Кутузова и самому занять его место.

«Сверх того, – писал сэр Роберт Вильсон лорду Каткарту, два дня спустя после свидания с Лористоном, – фельдмаршал говорил, что забыл упомянуть в своём донесении Государю, что Лористон, убеждая его заключить перемирие, сказал: «Не думайте, что наши дела в отчаянном положении, наши армии почти равны (à peu près égales), правда, что вы ближе к своим подкреплениям и продовольствию, но и мы получаем подкрепления. Может, дошли до вас неприятные для нас известия о положении наших дел в Испании».

– Да, – отвечал фельдмаршал, – мне сообщил их сэр Роберт Вильсон, которого вы сейчас видели здесь. «Генерал Вильсон может иметь свои причины преувеличивать эти известия», отвечал Лористон, но вслед за тем сказал: «действительно мы имели там неудачи, которыми обязаны глупостям Мармона. Мадрид на время занят англичанами, но наши дела в Испании скоро поправятся, туда идут уже большие корпуса войск»»*.

---

* Письмо Вильсона к лорду Каткарту из Тарутина 24-го сентября (6-го октября)

В нашем лагере не знали ещё о взятии Мадрида англичанами. Генерал Лористон первый сообщил это известие, проговорившись князю Кутузову, и потом оставил нашим офицерам нумер газеты, в котором оно было помещено*.

Кроме известий Вильсона, нельзя не остановить внимания на рассказе о свидании князя Кутузова с Лористоном, записанном в журнале первой армии. «Главнокомандующий чувствовал,— сказано в нём,— что в разговоре сём нужно будет дать всю надежду на мир, и тем ещё более усыпить Наполеона в Москве. После некоторых приветствий Лористон в речах своих изложил миролюбивое расположение императора Наполеона, сколь много уважает он императора Александра и народ российский. Что Россия и Франция должны быть между собой во всегдашнем мире, в доказательство чего император Наполеон готов пожертвовать не только всеми завоеваниями, но согласен даже на присоединение герцогства Варшавского к России, если бы со стороны правительства нашего были взяты меры для продовольствия французской армии на обратный её марш за Неман.

«Фельдмаршал князь Кутузов, выслушав предложение Лористона, отвечал: «император Наполеон, конечно, не сомневается в миролюбивом характере Государя моего, который, ещё за несколько дней до вступления войск ваших в наши границы, истощил все средства, чтобы отклонить императора Наполеона от предстоящей войны, но государь ваш чаял покорить Россию, как покорил Германию. Вы в Москве, но далеко еще до покорения России!.. Я предупреждаю вас, что не имею полномочия заключить мир, что могу только поспешить отправлением курьера к Государю моему и ожидать его повелений. Впрочем, я почти уверен, что на предложения, вами сделанные, государь ваш получит удовлетворительный ответ». После сего генерал Лористон просил прекращения военных действий до получения ответа из Петербурга, на что фельдмаршал отвечал, что не имея и на то полномочия, он военных действий прекратить не может. Потом, после некоторых разговоров насчёт жестокости войны, Лористон дал почувствовать, что столь продолжительная война должна быть гибельна для обеих сторон. Ваша правда, отвечал фельдмаршал, но несчастия сии нераздельны с войною, которая в самом существе лишь теперь только начинается».

Этот журнал писан в то время полковником, а впоследствии графом Толем, человеком не только по служебному положению, как

1812 года. Private Diary, V. 1, с. 185, Narrativ.

* Письмо лорда Терконеля к лорду М. 25-го сентября (7 октября) из Тарутина.

генерал-квартирмейстер войска, но и по личным отношениям близким князю Кутузову.

Конечно, такое происшествие, как приезд уполномоченного Наполеона в стан русских войск, был предметом толков и разговоров, которые могли преувеличивать и изменять известия, вышедшие из первоначального источника и сообщать даже вместо них свои предположения, они даже могли войти в частные записки современников, но не в журнал, который вёл граф Толь. В нём выражена существенная причина, которая заставила князя Кутузова принять Лористона и войти с ним в переговоры, несмотря на упорные возражения со стороны Вильсона, которого поддерживали принцы Вюртембергский и Ольденбургский и многие влиятельные лица в главной квартире. Князь Кутузов сначала сохранял побудившую его причину к свиданию в тайне, и в то время могли её знать только самые близкие к нему люди, на скромность которых он мог полагаться, каким и был граф Толь.

Придавая же значение его показаниям – нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что князь Кутузов в своём донесении Государю об этих переговорах умолчал, что Лористон предлагал мир на условии не только отказаться от всех завоеваний в России, но и соглашался на присоединение к ней Варшавского герцогства; т. е. предлагал России большее вознаграждение, нежели какое она получила после Венского договора в 1815 году.

Это умолчание служит также доказательством того, до какой степени была далека от князя Кутузова в это время мысль о заключении мира с Наполеоном.

Может быть он не упомянул в своём донесении о предложении Лористона и потому, что знал о существовании в Петербурге многих влиятельных людей, которые хотели во что бы то ни стало заключить мир с Наполеоном.

Но в какой мере была чужда князю Кутузову и всей России тогда мысль о мире, в такой же степени она составляла общее желание неприятеля и единственную его надежду на спасение. Пленные единогласно говорили, что император Наполеон обещал своим войскам заключить немедленно мир после занятия Москвы. При каждой встрече французских генералов с нашими на аванпостах, они также выражали это желание. Мюрат говорил Беннигсену, что наш климат непригоден для неаполитанского короля. Дня через два после того, съехавшись с Милорадовичем, он выразил яснее свою мысль и, доказывая необходимость мира, прибавил:

– Лично я желаю мира, потому что, как король, я должен не драться, а управлять государством.

— Сколько вы желаете мира,— отвечал Милорадович,— столько мы желаем продолжения войны. Впрочем, если бы кто у нас и пожелал теперь заключить мир, то русские этого не захотят и, правду сказать — я разделяю их мнение.

— Надо искоренять народные предрассудки,— заметил Мюрат.

— Нет,— отвечал Милорадович,— против таких предрассудков действовать страшно.

Стоя в виду одного против другого, авангарды обеих армий часто давали случаи съезжаться их предводителям и говорить между собою.

— Я желал бы посмотреть на хорошую кавалерийскую атаку,— сказал Милорадович Мюрату; — мои офицеры и солдаты только того и желают на таком открытом поле. Но ваша кавалерия никогда не показывается без прикрытия пехотой и артиллерией.

Мюрат — молчал, а Милорадович продолжал.

— Право, не хорошо, что такое множество ваших мёртвых остается не зарытыми, а ранеными наполнен лес. Я дам вам позволение прислать сюда людей, чтобы собрать их.

«Нет человека,— писал сэр Роберт Вильсон, сообщая приведённые известия лорду Каткарту,— способнее вести разговоры с этими людьми, как Милорадович. Питомец Суворова, сподвижник незабвенного Багратиона, его находчивость, громкий, одушевлённый голос, живость движений, даёт ему превосходство над Мюратом, а отличная храбрость и неограниченное доверие к нему войск заставляют и самого неприятеля иметь к нему уважение».

Генерал барон Корф также встретился на передовых постах с генералом Армандом, который завёл с ним речь.

— Мы, право, очень устали от этой войны,— говорил он,— дайте нам подорожную и уйдем!..

— Нет, генерал,— отвечал ему Корф,— вы пожаловали к нам не званые, а потому и уходить вам приходится по французскому обычаю, не откланявшись!

— Шутки в сторону,— продолжал французский генерал,— не грустно ли, что два народа, уважающие один другого, ведут такую истребительную войну! Мы просим извинения в том, что были зачинщиками и охотно соглашаемся помириться с вами на прежних границах.

— Мы верим, что в это последнее время вы научились уважать нас,— отвечал барон Корф,— но мы сомневаемся, чтобы и на будущее время вы сохранили это уважение к нам, если мы допустим вас уйти с оружием в руках.

— Parbleu! Должно быть, нечего нам и говорить более с вами о мире,

нам не удастся о нём договориться, – заключил разговор французский генерал.

Между тем положение французского авангарда день ото дня становилось всё более и более затруднительным. Его сообщения с Москвою постоянно перерезывались нашими летучими отрядами. Недостаток продовольствия увеличивался: люди уже давно питались кониною, лошади изнурялись и падали сотнями от совершенного недостатка в корме; фуражиры не могли даже на незначительные пространства удаляться от лагеря: их били, ловили и брали в плен казаки вместе с партизанскими отрядами, которые со всех сторон как кольцом окружили неприятельские авангарды.

Мюрат, съехавшись с Милорадовичем, жаловался, что его бедным людям не дают возможности добыть немножко корму для лошадей и для себя, и просил дозволения фуражировать его кавалерии по правой и левой сторонам лагеря.

– Зачем вы хотите лишить нас удовольствия ловить ваших лучших кавалеристов, как кур? (comme des poules) – отвечал Милорадович.

– О, если так, – с досадою продолжал Мюрат, – то и я приму надлежащие меры и выведу по флангам колонны, с пехотою и артиллериею.

– Того-то я только и желаю, – заметил Милорадович; – мои войска нетерпеливо этого ожидают.

«Мюрат поскакал прочь, – писал Вильсон лорду Каткарту, – но вместо того, чтобы выслать колонны, для прикрытия фуражиров, наши казаки прошлой ночью взяли в плен 43-х кирасиров, а нынешним утром – 53-х, и так продолжалось ежедневно до Тарутинского сражения».

Известия, полученные императором Александром I из донесения князя Кутузова и устного рапорта князя Волконского, как очевидца-свидетеля всего совершившегося, который вместе донёс также и о хорошем состоянии армии, конечно, должны были произвести приятное на него впечатление. Он понял, конечно, что должен начаться поворот в военных действиях, если гордый неприятель принуждён просить мира, что он должен предпринять отступление, и предначертанный им план военных действий может быть приведён в исполнение, обещающее блистательный успех. Но к удовольствию должно было примешаться и чувство грусти и досады, возбуждённое донесениями Вильсона. Конечно, Государь хорошо знал, что фельдмаршал не поддастся обману; что он не думает о мире при таком уже благоприятном положении дел; но его не могли не озабочивать волнения в армии, подозрения о возможности заключения мира. Он верил, что фельдмаршал действует робко и с недостаточною уверенностью.

В тот же или на другой день, как возвратился князь Волконский в Петербург, император назначил свидание сенатору графу Огинскому, с которым он часто виделся в это время, по случаю заботившего его вопроса о Польше и поляках.

«Войдя в кабинет императора, я нашёл его, — говорит Огинский, — гораздо более оживлённым, нежели при свиданиях в предшедшие дни.

— Ну вот видите, — сказал он, — что Наполеон старается уже завести мирные переговоры с нами. Лористон был прислан в лагерь Кутузова; но мне досадно, что фельдмаршал имел с ним разговор... Кутузов слишком умён (est trop fin) для того, чтобы позволить себя обмануть уверениями, что Наполеон питает особенную ко мне дружбу, но я не желаю, чтобы могли даже предполагать, что мы можем войти в какие-нибудь соглашения. В таком положении, в каком мы теперь находимся, нельзя и думать ни о каком соглашении, пока неприятель не будет выгнан за границы России... Я уверен, что с помощию Божию мы принудим его к отступлению, и если мои проекты удадутся, то Наполеону трудно будет добраться до Франции, а если и удастся, то с величайшими пожертвованиями... Мой план решён... Кутузов будет действовать сообразно движениям неприятеля из Москвы; я послал повеление Витгенштейну и Штейнгелю начать наступательные действия. В настоящее время Чичагов уже в Волыни с войсками, которые сражались против турок, и он принял под своё начальство все войска, назначенные действовать против Шварценберга. Заставив его отступить, что непременно должно случиться, он оставит для наблюдения над ним корпус, а сам пойдёт на Минск, где, по моему предположению, через три недели у него будет до 80 тысяч войск. Я надеюсь, если Богу будет угодно, мы заставим очистить не только русские области, но и Белоруссию и Литву. Поэтому-то я и пригласил вас к себе, чтобы предупредить вас, что я имею намерение обнародовать воззвание к полякам, подданным империи».

Эти слова показывают настроение духа императора, которое произвело в нём полученное от князя Кутузова известие. Он с уверенностью уже говорил об исходе кампании и делал новые распоряжения, которые намеревался предпринять после изгнания неприятелей из русских областей. Но несмотря на то, уступая сообщениям англичан, он счёл нужным ответить фельдмаршалу следующим, несколько суровым, собственноручным рескриптом:

«Из донесения вашего с князем Волконским я известился о бывшем свидании вашем с французским генералом Лористоном. При самом отправлении вашем к вверенным вам армиям, из личных моих объяснений с вами известно вам было твёрдое и постоянное желание моё удаляться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений

с неприятелем. Ныне же после сего происшествия, должен с тою же решимостью повторить вам, дабы сие принятое мной правило было во всём его пространстве строго и непоколебимо вами исполняемо. Равным образом, с крайним неудовольствием узнал я, что генерал Беннигсен имел свидание с королем неаполитанским и ещё без всякой к тому побудительной причины. Поставя ему на вид сей несовместный поступок, требую от вас деятельного и строгого надзора, дабы и прочие генералы не имели никогда никаких свиданий, а тем паче подобных переговоров с неприятелем, стараясь всевозможно оных избегать. Все сведения, от меня к вам доходящие, и все предначертания мои, в указах на имя ваше изъясняемые, одним словом всё, убеждает вас в твёрдой моей решимости, что в настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность отмстить за оскорблённое отечество. Пребываю вам всегда благосклонный»*.

Но ещё накануне дня, когда был написан рескрипт и гораздо прежде, нежели мог получить его фельдмаршал, полковник французской армии Бертеми (Berthemy) привёз ему следующее письмо от князя Невшательского:

«Генералу Лористону поручено было войти в соглашение о том, чтобы придать войне более согласный с установленными правилами характер и принять меры к устранению тех бедствий, которые влечёт за собою такого рода война. Действительно, опустошение своей собственной страны столько же вредно для России, сколько грустно смущает императора; поэтому вы поймёте, князь, с каким нетерпением я ожидаю окончательных решений вашего правительства в этом отношении»**.

Появление в русском стане нового парламентёра с письмом к фельдмаршалу снова встревожило его недоброжелателей. В тот же день генерал Вильсон уведомил лорда Каткарта, что «фельдмаршал Кутузов, несмотря на все представления и весьма сильные со стороны генерала Беннигсена, допустил к себе адъютанта Мюрата, приезжавшего под предлогом отыскания тела генерала Дери и разведывания об обстоятельствах его смерти. Но я узнал от весьма верного и знающего человека, что этот офицер привёз к фельдмаршалу письмо от Бертье, в котором Бонапарт выражает желание узнать, получен ли ответ от императора на предложение о перемене способа вести войну.

Фельдмаршал отвечал, что не было ещё физической возможно-

---

* Рескрипт императора князю Кутузову. Спб. октября 9-го дня 1812 г.

** Письмо Бертье 8-го (20-го) октября. Fain. Manuscrite de 1812, Ч. 2, с. 221.

сти получить ответ; но что он решительно может уверить, что никто не посмеет предложить народу, так сильно раздражённому, о каких бы то ни было изменениях в способе войны с неприятелем.

Эта переписка содержится в глубокой тайне; я знаю, что фельдмаршал не смеет, боясь свою жизнь подвергнуть опасности, начать какие-либо переговоры, и уверен, что император счёл бы того изменником, который бы позволил себе предложить ему об этом; но подобные сношения производят неприятное впечатление и вредны как в отношении к внутренним и военным делам, так и внешней политики до такой степени, что могут повлечь за собою гибельные последствия. Все вообще раздражены ими и самые рассудительные наиболее встревожены.

Не подлежит сомнению, что фельдмаршал расположен ухаживать за неприятелями, французские комплименты ему очень нравятся и он уважает этих хищников, пришедших с тем, чтобы отторгнуть от России Польшу, произвесть революцию в самой России и взбунтовать донцов, как народ, к которому они питают особенное уважение и которого расположение желают снискать ласкою.

Признаюсь, я до такой степени раздражён таким образом действий, что решился просить вас, милорд, если фельдмаршал сохранит начальство над этою армиею, а Государь не запретит входить в такие личные сношения, уволить меня по крайней мере от всякой переписки до тех пор, пока я не получу другого назначения от правительства его величества»*.

Английский генерал решительно поставил вопрос: «или я — или князь Кутузов». Но он не дождался, конечно, смены фельдмаршала, и дальнейший ход происшествий доказал верность соображений князя Кутузова и, кажется, заставил даже самого Вильсона отказаться от нелепых подозрений, которые он имел неосторожность выразить в этом письме, сгоряча написанном.

Он не повторяет их уже в своём дневнике при рассказе об этом происшествии. Генералу Вильсону не удалось присутствовать, как он желал, и при этом свидании князя Кутузова с французским посланным, как и при свидании с графом Лористоном. Это раздражило его, и те волнения и неприятные впечатления, которые он сам испытывал, он приписывает и другим. Конечно, не без умысла фельдмаршал не пригласил его присутствовать при этом свидании; но оно не было ни для кого тайной и никого не смущало. Фельдмаршал даже пригласил присутствовать на нём Анстета, нашего чиновника министерства

---

* Письмо лорду Каткарту, секретно, в 9 часов вечера, из Тарутина 8-го (20-го) октября 1812 г.

иностранных дел, находившегося при главной квартире для дипломатической переписки, которому и поручил написать ответ на письмо маршала Бертье. Вот этот ответ:

«Полковник Бертеми, которого я принял в моей главной квартире, передал мне письмо вашей светлости. Предмет новых запросов, как вам известно, представлен мною на благоусмотрение императора через генерал-адъютанта князя Волконского. Ответа мне физически не было ещё возможности получить, принимая в соображение отдалённость Петербурга и дурные дороги в это время года. Поэтому мне остаётся только обратить ваше внимание на то, что я говорил уже генералу Лористону. Впрочем, я могу повторить ту истину, значение которой вы, конечно, поймёте во всём её объёме, что трудно, если бы даже и было желание, остановить народ, раздражённый тем, что совершается в его глазах, народ, который в продолжение трёхсот лет не видел неприятеля в своей земле, который готов на все жертвы на спасение отечества и который не знает принятых обычаев в обыкновенных войнах.

Что же касается до войск, которыми я предводительствую, то я уверен, князь, что все должны сознаться, что их действия согласны с теми началами, которые должны одушевлять народ храбрый, честный и великодушный. Я никогда не руководствовался иными началами во всё время моей продолжительной военной службы и льщу себя надеждою, что неприятели, с которыми я сражался, всегда отдавали справедливость образу моих действий»*.

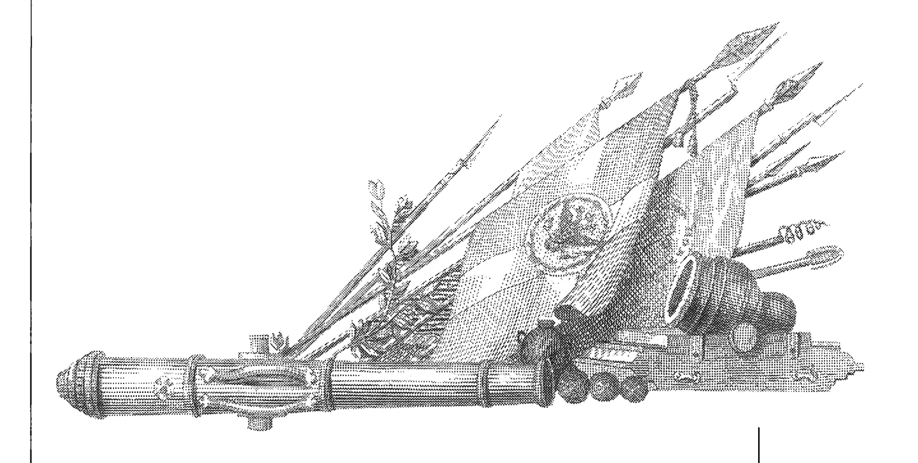
Это письмо было последнее... Наполеон уже оставил Москву, его войска отступали. Полковник Бертеми был послан только с целью узнать, находятся ли ещё русские войска в Тарутинском лагере и по возможности скрыть хотя на несколько времени отступление от русского главнокомандующего, чтобы направить свою армию на Калугу и оттуда через Ельну — на Смоленск.

---

* Письмо из Тарутина 9-го (21-го) октября 1812 г. (F a i n. Manuscrite de 1812, Ч. II, с. 222–223).

Часть II

От Малоярославца до Березины. 1812 г.

Глава 1

Сражение при Малоярославце и первые дни отступления великой армии Наполеона.

С 6-го по 19-е октября 1812 г.

Возвратившись после Тарутинского сражения (6-го окт.) в главную квартиру фельдмаршала, «первый, кого я встретил, был князь Кудашев»,— говорит один из иностранных офицеров, находившийся в наших войсках и пользовавшийся доверенностью кн. Кутузова, полковник Кроссар. Увлекаясь успешным началом наступательных действий, к которым так долго готовились, начала которых с таким нетерпением ожидали, сказал ему Кроссар: «теперь, не теряя ни минуты времени, надо двинуть войска в Боровск». Кн. Кудашев, близкий фельдмаршалу человек, знавший более других его предположения, отвечал: «мы не пойдём туда со всею армиею; но отправим сильный корпус в эту сторону»*.

Весть о поражении Мюрата вывела из бездействия Наполеона; немедленно он отдал приказ об отступлении и на другой день (7-го окт.) сам оставил Москву и вывел свои войска. В то время, когда его войска были в полном движении, в Тарутинском лагере господствовало, по-видимому, совершенное спокойствие. Утром во всех корпусах служили благодарственные молебны за дарованную победу; фельдмаршал с своею свитою слушал молебен при гвардейских войсках, перед иконою Смоленской Богоматери. После полудня встречали последние три казачьих полка, прибывшие с Дону в дополнение 42-х полков, уже находившихся при армии кн. Кутузова. После поражения авангарда, Наполеон не мог уже оставаться в бездействии и ему не предстояло иного действия как отступление. Этот вопрос фельдмаршал считал решённым, но для него ещё не был в это время решён весьма важный вопрос: какое направление изберёт французский император для своего отступления? Цель кн. Кутузова заключалась в том, чтобы принудить противника к отступлению по разорённой и не представлявшей никаких средств для существования дороге на Можайск к Смоленску, по которой он пришёл в Москву. Цель Наполеона, конечно, была иная: он намеревался открыть новую, неопустошённую дорогу — на Калу-

---

* Baron de Crossard. Mémoires milit. et historiques, T. V, c. 46.

гу. Но на Калугу шли две дороги от Москвы, расходясь под острым углом, старая и новая. Первая короче и, следовательно, давала способ скорее достигнуть цели; но она вела прямо на укреплённый Тарутинский лагерь. Если бы, после поражения неприятельского авангарда, кн. Кутузов продолжал наступательные действия, то, без сомнения, вынудил бы своего противника, потерявшего (инициативу) свободу действия, принять сражение. Поэтому Наполеон и двинул свои войска по старой Калужской дороге. Но сам он не думал вызывать противника на решительный бой и брать приступом укреплённый Тарутинский лагерь, зная расстроенное состояние своих войск. Это вполне подтверждают его дальнейшие действия. Лишь только он убедился, что кн. Кутузов возвратил войска в Тарутинский лагерь, как повернул свои со старой Калужской дороги на новую, обличив действительную цель своих действий – обойдя русские войска без решительного сражения, выйти на новую, неопустошённую дорогу. Но пока эта цель не обнаружилась вполне, как же мог действовать русский главнокомандующий?

Очевидно, ему предстояло быть готовым как на одной, так и на другой дороге встретить неприятеля, который мог, делая ложные движения на одной из них и тем отвлекая внимание противника, быстро перейти на другую и беспрепятственно, или преодолев сопротивление незначительных партизанских отрядов, двинуться на Калугу. В этих видах и были соображены предварительные меры, предпринятые князем Кутузовым. Вечером на другой день после Тарутинской битвы (7-го окт.), он получил донесение генерала Дорохова, – находившегося около с. Фоминского на новой Калужской дороге с незначительным партизанским отрядом, составлявшим одно из звеньев той цепи, которою князь Кутузов окружал неприятеля, находившегося в Москве, с тою целью, чтобы они действовали вместе с восставшими против врага крестьянами, – в котором он извещал о появлении значительного неприятельского отряда, а именно дивизии Бруссье с лёгкою конницею Орнано.

В подкрепление кн. Кутузов послал ему два пехотных полка. Через день (9-го) Дорохов, донося о своих действиях, предполагал, что движение этого отряда могло быть предварительным всей неприятельской армии*. Это замечание совпадало с соображениями главнокомандующего, который накануне уже сделал распоряжение о том, чтобы к с. Фоминскому двинулась дивизия гвардейской конницы с ротою конной артиллерии и весь шестой корпус Дохтурова, которому подчинены были отряды Дорохова и партизан Фигнера и Сеславина.

---

* Донесение Дорохова 7-го и 9-го окт. Воен. журнал г. Толя.

«Его светлость желает,— писал ему А. П. Ермолов,— чтобы предприятие сие покрыто было непроницаемою тайною» и поручал ему к 4-м часам утра приготовить войска к походу, прибавив: «я получил повеление в звании моём находиться под начальством вашим»*.

Эти войска выступили в назначенное время из Тарутинского лагеря, а, между тем, авангард, находясь на р. Чернишне, зорко следил за Мюратом, стоявшим у Воронова. Его движение по направлению к новой Калужской дороге окончательно объяснило бы намерения Наполеона. Но, сверх того, в тот же день (10-го окт.) кн. Кутузов предписал Милорадовичу, для вернейшего удостоверения в положении неприятеля, сделать ложное нападение на Вороново. Чтобы скорее получить от него известие, ему поручено было устроить летучую почту, поставить по 6-ти казаков в Леташевке, Тарутине, Чернишне и Спас-Купле**.

Для войск Дохтурова труден был перевод от Тарутина до Аристова. Шёл мелкий осенний дождь, когда они выступили, а несколько бывших перед тем дождливых дней испортили и так плохие просёлочные дороги. Батарейную артиллерию беспрестанно вытаскивали из грязи, что, конечно, замедлило движение. По совету Ермолова, её оставили на пути, под небольшим прикрытием, потому что при войсках было достаточное количество лёгкой артиллерии. К вечеру корпус подошёл и остановился у самого с. Аристова; а некоторые конные отряды подвинуты были вперёд для сообщения с отрядом Дорохова, который находился невдалеке от большой дороги в Боровск, у села Катова. Г. Дохтуров предполагал остановиться у Аристова на несколько часов «для варения каши,— как доносил он князю Кутузову,— ночью же продолжаю я марш до села Деднева», в полуверсте от которого находился отряд г. Дорохова. Но вскоре приехал сам Дорохов, узнав о приближении корпуса Дохтурова, и объяснил, что он должен был отступить от с. Катова, потому что на Боровской дороге, около села Митяева, усмотрено до 2.000 неприятельской пехоты, а в Катове сосредоточено от восьми до десяти батальонов и кавалерия. Сверх того, около Фоминского и за Нарою он заметил значительные неприятельские силы; но количество их определить трудно, по причине лесистой местности. На левой стороне Нары находились партизаны Сеславин и Фигнер, получившие ещё из Тарутина приказания разведывать о неприятеле. Дохтуров остановился при Аристове, ожидая от них более определённых сведений. «Если точно не узнаю,— писал он фельдмаршалу,— о

---

* Донесение Ермолова к Дорохову 9-го окт. 1812; Записки Ермолова, Т. 1, прилож., с. 369–370.

** Предписание 10-го окт., Леташевка.

силах неприятеля, в Фоминском стоящих и которые уже сверх 8 или 9 тысяч, примеченных г. Дороховым, тогда по точному воли вашей светлости смыслу, не вдаваясь в сражение, могущее много стоить и между тем не верное, воздержусь от атаки»*. Вслед за отправлением этого донесения, приехал Сеславин и донёс, что, скрываясь в лесу, верстах в четырех близ Фоминского, он видел как мимо его прошёл Наполеон и его свита с гвардиею и другими войсками. Пропустив их, ему удалось захватить и несколько пленных, и одного из них «расторопного гвардейского унтер-офицера привёл с собою». Этот унтер-офицер дал следующее показание: «четыре уже дня, как мы оставили Москву. Тяжёлая артиллерия и кавалерия, утратившая лошадей, и все излишние тяжести отправлены по Можайской дороге, под прикрытием польских войск кн. Понятовского. Завтра главная квартира императора будет в Боровске. Далее войска направляются на Малоярославец». Опытный генерал, доказавший свою доблесть и самоотвержение при защите Смоленска, понимал всю важность предстоявших ему действий. Получив сведения от Дорохова, он немедленно, в 7 часов пополудни (вечером), отправил донесение о них к фельдмаршалу, объяснив, что ожидает более точных сведений от партизан, отправленных на левую сторону Нары. Не более как через два часа, выслушав донесение Сеславина и сняв допросы с пленного, он вновь отправил донесение к кн. Кутузову, в 9 часов пополудни. Это донесение, сознавая всю его важность, он поручил своему дежурному штаб-офицеру Бологовскому доставить фельдмаршалу. Понимая смысл приказания своего начальника, Бологовский взял с собою запасных лошадей, чтобы ускорить до последней степени своей переезд от Аристова до Тарутина, осеннею ночью и по дурным просёлочным дорогам. Сообщая эти известия, Дохтуров писал кн. Кутузову: «Я остановил корпус в Аристове и далее не пойду; ибо вблизи большие неприятельские силы не дают возможности атаковать. Кавалерию всю подвину я вперёд для наблюдения за неприятелем, не выпуская его из вида. На Боровскую дорогу пошлю сильнейшие партии узнать о количестве и роде войск, туда следующих, что довольно может обнаружить намерения неприятеля»**. Сведения, доставленные Дохтуровым, дополнились донесением Дорохова г. Коновницыну, в котором он извещал, что два его полка оттеснены сильнейшим неприятелем, занявшим уже Боровск, к которому тянутся от Фоминского значительные его силы. Это подтверждалось и показа-

---

* Донесение Дохтурова 10-го окт., из Аристова, в 7 часов пополудни.

** Донесение Дохтурова кн. Кутузову из Аристова, 10-го окт., в 9 1/2 часов пополудни.

нием, снятым с одного дворового человека, явившегося к г. Дохтурову прямо из Боровска*.

С такими известиями приехал в Леташевку майор Бологовский «в ночь с 10-го на 11-е число», как замечено в дневнике г. Толя, и, вероятно, по расчёту времени, которое он должен употребить на поездку, в начале 1-го часа ночи. Все спали в главной квартире; по обыкновению, он вошёл в избу Коновницына, которой двери никогда не запирались и всякий приезжий с военными известиями имел право его будить. Но в это время Коновницын был нездоров и поручил поручику Щербинину читать получаемые известия и будить его лишь в том случае, если они будут важны. Прочитав донесения, Щербинин немедленно его разбудил, и, познакомившись с их содержанием, Коновницын послал за генер. Толем и вместе с ним отправился в избу к фельдмаршалу. Выслушав донесения, кн. Кутузов позвал Бологовского.

— «Расскажи, мой друг, что такое за событие, о котором ты привёз мне весть? Неужели в самом деле Наполеон оставил Москву и отступает? Говори скорее, не томи сердца, оно дрожит».

Письменные известия ему хотелось дополнить и оживить подробным рассказом очевидца-свидетеля. Выслушав его, кн. Кутузов заплакал и, обратясь к иконе Спасителя, сказал:

— «Боже Создатель мой! Наконец Ты внял молитве нашей, и с этой минуты Россия спасена!»**

Давно предвиденное, трепетно ожидаемое, великое событие, на котором рассчитаны все последующие действия, раз совершившись, как будто поражает неожиданностью и возбуждает желание удостовериться в нём более и более, разведав всевозможные подробности.

В то же время дежурный генерал получил следующую записку от Ермолова: «Г. генерал-лейтенанту Коновницыну имею честь донести, что, усмотря из донесений г. Дохтурова его светлости, нужно, думаю, сколько возможно скорее отправить г. Платова между Подольском и Красною Пахрою. Оттуда удобно можно наблюдать движение неприятеля, если он отступает, и преследовать его с выгодою, и послать партию на Москву, и удостовериться в показании пленных об оставлении Москвы. Г. Милорадовичу со всею кавалериею нужно не одною ограничивать себя демонстрациею. Я думаю, что неприятель всеми силами пойдёт на Боровск для сокращения своей линии и соединения с приспевающими к нему сикурсами. Надобно будет переменить позицию армии. Надобно быть на Калужской дороге, на Боровск иду-

---

* Донесение Дорохова 10-го окт.

** Записки сенат. Бологовского, рукоп.

щей. Конечно, Москвы не удержит неприятель, но это ещё не значит отступление. Прошу показать бумагу мою его светлости и благоволить уведомить, какие будут сделаны распоряжения. Я полагаю, что корпус г. Дохтурова нужно здесь на несколько оставить. Это не мало будет развлекать силы неприятеля»*.

Это письмо, из которого видно, что Ермолов движения Наполеона к Боровску ещё не считал отступлением, могло если не смутить фельдмаршала, то замедлить оставление большой армиею Тарутинского лагеря. Но он более придавал веры известиям, сообщённым г. Дохтуровым, и немедленно предписал войскам приготовиться к выступлению в поход. Атаману Платову предписано было «немедля ни мало» выступить на Спасское к Малоярославцу с 15-ю казачьими полками и ротою конной артиллерии и «следовать на Боровскую дорогу к г. Малоярославцу, откуда тотчас послать отряд к Боровску. Сим движением прикроете вы первоначально Калужскую или Боровскую дорогу, на которой неприятель в силах показался и на которую и вся армия ныне делает движение. Полковнику Ефремову с тремя казачьими полками прикажите форсированным маршем идти к вам на соединение, равно идущим вновь к прибывшим полкам. Двум же полкам, находящимся у г. Дохтурова, приказано будет идти к вам на соединение». Сосредоточивая бóльшую часть казачьих полков под начальством атамана, кн. Кутузов подготовлял значительную силу для преследования неприятеля. В селе Спасском предписано было генералу Ивашеву устроить понтонные мосты на р. Протве и исправить дорогу от Тарутина, чтобы войска беспрепятственно могли по ней следовать к Малоярославцу. Предупреждая ген. Дохтурова о движении Платова, фельдмаршал предписал ему немедленно идти к Малоярославцу, а четыре казачьих полка усиленным маршем отправить по направлению на дорогу к Боровску и ожидать прибытия Платова. «Идя фланговым маршем,— писал ему Коновницын,— вы положением вашим, до прибытия главной армии, будете прикрывать оную».

Калуга имела чрезвычайно важное значение для нашей действующей армии, находившейся в Тарутинском лагере. В ней сосредоточивались все боевые и продовольственные запасы для войск, через неё проходили почти все подкрепления к ним. В это время, по свидетельству губернатора сенатора Каверина, в ней «стёкшиеся к армии транспорты расположены были по той стороне реки Оки вёрст на шесть или ещё больше в великом множестве». Находясь в постоянных сношениях с

* Без обозначения места и числа, с пометою рукою Коновницына: «11-го октября».

Калугою, кн. Кутузов поручил генералу Коновницыну уведомить сенатора Каверина о движении войск из Тарутинского лагеря к Малоярославцу. «Сейчас получено известие, что неприятель с частию своих сил взял направление к Боровску. Для узнания его дальнейших намерений приняты все нужные меры. Несколько казачьих полков, под личным начальством самого атамана, наблюдают все его движения и отряжены к Малоярославцу для прикрытия новой Калужской дороги, куда переходит и вся армия. Извещая о сём в. п-во, я уверен, что вы сделаете заблаговременно все нужные по сему распоряжения. Впрочем, предоставляю себе право доставить вам все сведения о неприятеле по мере того, как они до меня доходить будут». Но распоряжений в отношении городов Калужской губернии, которым угрожал неприятель, Каверин не имел и времени сделать. Это повеление фельдмаршала встретилось на пути с его донесением к нему от того же (11-го окт.) числа, в котором он писал: «Сейчас прибыл ко мне из Боровска тамошний земский исправник и донёс, что Боровск заняли неприятельские войска и, по его словам, примерно в числе десяти тысяч человек, что подтвердил вслед за ним прибывший городничий. Для подробнейшего о том сведения, я долгом поставил с сим объявлением отправить к вашей светлости исправника, как очевидца происшествия». Это известие было чрезвычайно важно: оно доказывало, что соображения Ермолова были неверны и что Дохтурову следовало ускорить движение к Малоярославцу. Между тем, он встретил неожиданное препятствие на пути. «По повелению вашей светлости,— писал он карандашом, на клочке дрянной бумаги, князю Кутузову,— из Аристова я следую к Малоярославцу, но, прибыв к Спасскому, нашёл, что Протва от спущенных мельниц так сделалась глубока, что без мосту ни артиллерии, ни пехоты переправить не можно. Строится мост и как поспеет, тотчас перейду. Сие может быть часа через два. О кавалерии же моей я давно известия не имею». Это донесение Дохтурова получено кн. Кутузовым вслед за донесением Калужского губернатора о занятии неприятелем Боровска.

«На донесение ваше, сейчас полученное, его светлость приказал вас известить,— отвечал ему немедленно Коновницын,— что по обстоятельствам вашему корпусу необходимо до рассвета прибыть в Малоярославец. Главнокомандующий уверен, что вы употребите все возможные способы для скорейшего построения мостов. Равномерно о кавалерии вашей желает иметь скорое известие».

Вся эта переписка происходила в один день, 11-го октября, в который 16 письменных приказов было отдано главнокомандующим, не считая словесных распоряжений о приготовлении войск к походу.

Собираясь приступить к решительным действиям, от которых зависела судьба похода, князь Кутузов, всеми способами подготовляя успех, желал иметь положительные сведения о движении неприятельских войск за Вороновым. Может быть, в этом случае имели влияние и соображения Ермолова, сообщённые им генералу Коновницыну. Поэтому, Милорадовичу предписано было сделать усиленную разведку (рекогносцировку), чтобы открыть действительное направление неприятельских войск по старой Калужской дороге. Если же он удостоверится, что авангард Мюрата начнёт фланговое движение вверх по Наре для соединения с Наполеоном, то должен был следовать за главною армиею к Малоярославцу, оставив для наблюдения за ним по старой Калужской дороге казаков и часть кавалерии. С тою же целью партизанскому отряду кн. Кудашева предписано перейти с Тульской дороги на старую Калужскую, «где остаётся часть авангарда для прикрытия обозов главной армии».

Известия Милорадовича не заставили себя долго ожидать. Исполняя данное ему предписание, он немедленно предпринял движение на Вороново, утром 11-го окт. Но барон Корф, не доходя ещё до этого села, получил от начальника передового отряда, ген. Карпова, донесение, что на рассвете неприятель оставил занимаемую им позицию и казаки заняли село. Разведав о движении неприятеля, Милорадович доносил, что он двинулся по направлению к новой Калужской дороге. Получив это известие, кн. Кутузов «около полудня» двинул всю армию из лагеря на Леташевку, где была его квартира, и с. Спасское, а к вечеру потянулись за ней обозы*. В продолжение всей ночи, осенней и тёмной, по просёлочным, хотя по возможности исправленным дорогам, двигались войска и «на рассвете» подошли на расстояние пяти вёрст от Малоярославца. Здесь фельдмаршал, остановив для отдыха войска, послал Коновницына узнать и донести ему о ходе продолжавшегося сражения при этом городе.

Битва при Малоярославце началась с рассветом**. Генерал Дохтуров, получив в 11 часов утра (11-го октября) повеление фельдмаршала, немедленно выступил и «около 11-ти часов вечера», пришёл в Спасское. «Мы нашли воду в речке (Протве) очень высокою, и тотчас начали устраивать мосты. Ни понтонов, ни инженеров не было; но

---

* Прилож. к журналу Толя: описание сражения при Малоярославце.

** Она подробно описана у наших военных историков: Бутурлина, Михайловского-Данилевского и Богдановича; но есть и отдельные описания и исследования, Вл.С. Глинки: Малоярославец в 1812 г. СПб. 1842 г.; И.П. Липранди: Материалы для Отечественной войны 1812 г. СПб. 1867 г., с. 25 и след.

сметливость русского человека заменила тех и других. Тотчас, под руководством офицеров генерального штаба, начали разбирать близ лежащие избы; стали сколачивать брёвна деревянными гвоздями, как кто умел; из пакли, находившейся между брёвнами, скручивали верёвки, некоторую часть которых принесли крестьяне, и – работа закипела. Часа через два первые плоты были спущены и прикреплены к берегу. В это время, т.е. около одиннадцати часов вечера, пришёл Платов с казаками. Он нашёл возможность в версте левее переправиться через речку и идти к Малоярославцу. Впереди с правой стороны видны были огни неприятеля, но невозможно было определить – на каком расстоянии от Малоярославца. Около двух часов пополуночи можно было по одиночке кое-как перебираться на противоположный берег. Дохтуров приказал полковнику Глебову с его 6-м егерским полком, вместе с 33-м полковника Бистрома, перейти на ту сторону, а мне вести их в Малоярославец. Расположив полки в городе, мне, как исправлявшему должность обер-квартирмейстера, приказано было осмотреть позицию перед ним по дороге в Калугу для расположения войск и поспешить им на встречу», – говорит участник в походе*. По пути их обгоняли казаки Платова, а встречались жители города, оставлявшие свои дома, и заявляли также, что французов там ещё нет. Перед самым рассветом они подошли к городу.

В нашем отечестве почти все реки, не только большие, но даже их притоки, протекают между совершенно противоположными берегами: горным или возвышенным, – потому что действительных гор во всей Европейской России не имеется, – и низменным. Эта противоположность речных берегов до такой степени резко выступает на вид, что даже самая почва по обеим сторонам не только большой реки, но даже речки, бывает совершенно различна. Бóльшая часть не только губернских, но уездных старых городов и особенно монастырей находятся на горных берегах, естественно, потому что их не затопляет разлив весенних вод, но, вместе с тем, по такому положению они представляются весьма красивыми, конечно, по преимуществу – издали и притом с лугового берега. Таков и Малоярославец. Он стоит на горном берегу одного из притоков Москвы-реки, на р. Луже. Протекая разнообразными изгибами, она образует как бы треугольник, в остром конце которого на другом, горном, берегу расположен город. В этот треугольник, низменный и частью болотистый, должны были стягиваться неприятельские войска, назначенные для его занятия. Противоположный берег окружает весь этот треугольник высотами,

* И.П. Липранди. Материалы, стр. 26 и след.

господствующими повсюду над другим берегом. Их должны были занять русские войска, предназначенные защищать город. Неприятелю предстояло или взять его приступом или обойти. В первом случае, предстоявшая битва сосредоточилась бы на незначительном пространстве и войска Дохтурова могли противодействовать сильнейшему неприятелю, по крайней мере, несколько времени. С целью предупредить обход города с одной стороны, фельдмаршал отправил атамана Платова; а в случае обхода с другой, они бы встретили всю русскую армию, двигавшуюся из Тарутинского лагеря.

Кто же прежде занял Малоярославец – французы или Дохтуров? Писатели французы уверяют, что два батальона дивизии Дельсона заняли город и в 5 часов утра их атаковали войска Дохтурова и прогнали. Таково было начало битвы при Малоярославце*. Так думали и в нашей главной квартире. В журнале генерал-квартирмейстера Толя записано: «корпус г. Дохтурова, несмотря на все усилия предупредить неприятеля при этом городе, нашёл его уже занятым неприятельским авангардом, под командою генерала Дельсона». В журнале военных действий, который фельдмаршал посылал постоянно императору, сказано, что Дохтуров, «приблизясь к Малоярлославцу, нашёл часть сил неприятельских в нём»**.

Между тем очевидец, пришедший с первыми двумя полками в город, рассказывает: «я ехал вместе с шефами обоих егерских полков, в голове колонны. Всё наше внимание было устремлено на неприятельские огни, находившиеся у нас в правой стороне. Мы въехали в город и при громком разговоре выехали на площадку. Здесь внезапно последовал на нас залп, как некоторые полагали, ружей изо ста. Мы, ехавшие впереди, бросились назад, к голове 6-го егерского полка, у которого ружья были в полунагалищах и не заряжены. Между тем, неприятель перестал стрелять. Немедленно Глебов повёл свой полк, и мы прошли весь город до самого моста, который тотчас и велено разбирать. Ни с той, ни с другой стороны выстрелов не было»; но немного спустя, когда ещё не совсем рассвело, у «моста началась сильная ружейная перестрелка»***. Залп, сделанный на наших офицеров, свидетельствует, что прежде наших войск в городе уже был неприятель, но в незначительном количестве. То же говорил и Дохтуров в подробном донесении князю Кутузову о Малоярославецком сражении. «Узнав, что неприятель с

---

* F a i n. Manuscrit, T. II, c. 243; M. C h a m b r a y. Expédition de Russie, T. II, c. 326, 329.

** Известия о воен. действиях в 1812 г. СПб. 1813 г., с. 174.

*** Л и п р а н д и. Материалы, с. 27 и 28.

малою частию находится в городе, — писал он, — я, чтобы не дать ему усилиться более и уничтожить при самом начале сие покушение, остановился с полками в трёх верстах, отрядил 33-й егерский полк, приказав ударить на неприятеля и немедленно истребить его, назначив 6-й егерский полк ему в подкрепление. Сие было исполнено с успехом, а неприятель вытеснен из города до самой нижней части оного, где удержался только в крепких и укрытых местах»*. Но он немедленно был подкреплён дивизиею Дельсона. Это обстоятельство, без сомнения, и подало повод утверждать, что город был уже занят французами, когда подошли к нему полки Дохтурова; но на самом деле едва ли они не подходили в одно и то же время с французскими. Таково свидетельство самого Дохтурова, сохранившееся в рассказе полковника Кроссара. Когда князь Кутузов подошёл к Малоярославцу, — говорит он, — к нему подъехал Дохтуров и, рассказывая про ход битвы, сказал: «в то самое время, когда мои передовые войска входили в город с одной стороны, с другой входил неприятель»**. Это подтверждает и один француз, участник в событиях. «Едва два баталиона из авангарда вице-короля вошли в Малоярославец, как неожиданно их атаковали два русские полка»***.

В то время, когда Дохтуров намеревался от Аристова двинуться к Спасскому, по предложению Ермолова, он послал конницу барона Меллера-Закомельского с конно-артиллерийскою ротою и казачьими полками к Боровску, произвести обозрение и потом возвратиться к его корпусу. С конницею отправился и Ермолов. «Туманно было утро, — говорит он, — и не рано начали проясняться предметы. Мы увидели Боровск, окрестности его, занятые войсками и артиллерию в больших силах, часть пехоты, вышедшую из города по почтовой дороге, по р. Протве во многих местах конные пикеты, которые тотчас сбиты, но, подкреплённые скрытыми в лесу резервами, усилили перестрелку. Барон Меллер, хотя и не желал по краткости дня завязать дело, принуждён был, однако же, послать часть войск и половину конно-артиллерийской роты. Проскакавши с версту молодым березняком, ещё сохранившим лист, представилось нам не вдалеке почтовая из Боровска дорога, а на ней бивуак армии италиянского вице-короля и французский корпус маршала Даву. Не теряя времени, возвратились мы на левый берег р. Протвы, послав несколько казаков к Малоярославцу, чтобы узнать, чтó там происходит, и ночью отыскать нас на воз-

* Донесение Дохтурова кн. Кутузову 14-го октября 1812 г.

** B. Crossard. Mémoires militaires et histor., T. V, c. 48.

*** B. Dennié. Itinéraire de l'emp. Napoléon, c. 108.

вратном пути к генералу Дохтурову»*. Дойдя до Спасского и устраивая мосты для переправы, Дохтуров беспокоился, не имея известий от своей конницы, писал об этом кн. Кутузову, и, получив от него повеление доставить о ней сведения, послал её отыскивать и получил донесение Ермолова, который сообщал ему, что «отряд Дорохова и корпус барона Меллера-Закомельского теперь в селении Пяткине, на правом берегу Протвы. Казаки имели перестрелку близ дороги, из Боровска идущей, в шести верстах от Малоярославца, и неприятельские форпосты отступили; но было поздно и нельзя осмотреть неприятеля. Одна партия осмотрела лагерь при самом городе. Неприятель зажёг его; но бóльшая часть города, от Калуги лежащая, слышно, не занята, ибо успели истребить переправу. В 10 или 11 часов мы выступаем в Спасское на соединение с вами и потом, если прикажите, то ночью же и до города, чтó, думаю я, необходимо нужно и самому корпусу тоже».

Ближе узнав положение дел, Ермолов изменил свой взгляд и понял необходимость спешить к Малоярославцу; но главнокомандующий это давно понял и, понуждаемый им, туда спешил уже Дохтуров. Получив известия от полков, вступивших в Малоярославец, и донесение Ермолова, Дохтуров послал в подкрепление двум полкам полковника Вуича, с двумя егерскими полками 25-й дивизии и ротою лёгкой артиллерии. Битва началась на рассвете и «в сие время,— доносил потом кн. Кутузову Дохтуров, – со всею колонною и со всею кавалериею, в сём месте к ней присоединившеюся, я прибыл к городу и расположился около оного, стараясь сколь возможно воспользоваться всеми выгодами, способствовавшими к непременному предположению удержать дорогу Калужскую, несмотря ни на какие усилия неприятеля и на не весьма удобную позицию, которую ваша светлость сами изволили видеть»**.

На пространстве небольшого уездного городка завязался упорный бой; сила нападений и стойкость защиты как со стороны французов, так с нашей, были одинаковы; город несколько раз переходил из рук в руки. На незначительном пространстве и нельзя было ввести в дело больших сил; во всяком случае, вице-король итальянский мог располагать гораздо бóльшими силами, нежели начальник одного из корпусов русской армии; а между тем Дохтуров упорно сражался против бóльших сил неприятеля с шести часов утра до двух пополудни. Только местоположение, которого все выгоды были на стороне наших войск, дало возможность Дохтурову так долго отражать нападения постоян-

---

* А.П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 231.

** Донесение кн. Кутузову 14-го октября 1812 г.

но прибывавших сил неприятеля. Но его войска, которые почти все уже были введены в дело, кроме кавалерии, которая и не могла быть употреблена, и одного батальона Псковского мушкетёрского полка, уже начинали утомляться и успех перешёл бы окончательно на сторону неприятеля, если бы в это время не приехал Коновницын.

Выступив из Тарутинского лагеря, наши войска шли всю ночь «в грустном раздумьи». Тёмная, осенняя ночь усиливала уныние, — войска полагали, что они отступают. Но перейдя Протву и приближаясь к Малоярославцу, услыхали гром орудий, всё более и более усиливавшийся по мере их приближения к городу. Уныние сменилось желанием скорее достигнуть поля битвы. Впереди шёл корпус Раевского, за ним Бороздина и при них находился князь Кутузов. Не доходя пяти вёрст до Малоярославца, он велел сделать привал и сам сел посреди колонн на обычную свою скамейку. Порываясь на битву, Раевский продолжал движение и почти подошёл к городу, когда, заметив это, фельдмаршал велел ему остановиться. Генер. Ермолов говорит, что два раза безуспешно посылал просить подкреплений. Раевский свидетельствует, что Ермолов подъезжал к его корпусу и, узнав, что он не может идти вперёд без повеления князя Кутузова, объявил, что едет к нему с просьбою о подкреплении войск, действовавших в Малоярославце. Но Ермолов не упоминает об этой поездке. Вероятно, вследствие его настояний, кн. Кутузов послал Коновницына удостовериться в положении дел. Коновницын, убедясь в необходимости усилить войска, сам принял участие в бое, отправив барона Левенштерна донести фельдмаршалу о ходе битвы и просить подкреплений*. Кн. Кутузов немедленно послал усиленным ходом корпус генерала Раевского, который восстановил равновесие боя и в четвёртый раз вырвал город из рук неприятеля. Но с тем же упорством и мужеством, как наши отстаивали его, нападал и неприятель.

Князь Евгений Богарне, вице-король Италии, распоряжался боем в этот день, лучший из всей его боевой жизни, как назвал его Наполеон на другой день, обнимая своего пасынка**. Хотя известие, привезённое полковником Бартеми о том, что русское войско спокойно остаётся в Тарутинском лагере, и послужило поводом к тому, что Наполеон повернул свои войска на новую Калужскую дорогу и надеялся, обойдя кн. Кутузова, без большого сражения овладеть Калугою, — но на такую

---

* А.П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 233–234; письмо Раевского к Жомини, рукоп.; Михайловский-Данилевский: Полн. собр. соч., Т. V, с. 194 и след. Левенштерн: Denkwürdigkeiten eines Livländers, изд. Шмитта, Т. I, ст. 257.

** Fain. Manuscrit, T. II, c. 251–252; Labaume. Relation, c. 264.

случайность он решился потеряв свободу действий (инициативу); но не мог рассчитывать с уверенностью, тем более, что в этом случае требовалась невозможная по обстоятельствам для его войск быстрота движений. Они двигались медленно; просёлочные дороги и ненастная погода, в свой черёд, усиливали медленность, не говоря уже о том, что расстроенные войска, обременённые огромным обозом с добычею и несоразмерною с их числом артиллерию, и не могли двигаться скоро.

В таком положении, естественно, он не мог забыть о существовании русской армии и не опасаться, чтобы она не двинулась ему во фланг или наперерез пути в новом его направлении. В том смысле он беседовал 11-го октября с князем Евгением Богарне, с которым он более, нежели с кем-либо из своих боевых служителей, мог говорить откровенно, конечно, в той мере, в какой позволяли его природные свойства и вынуждало тяжкое положение*. Вице-король, который в продолжение двух дней постоянно видел в этой стороне отряды казаков Дохтурова, посланных им сторожить дорогу к Боровску, по приказанию фельдмаршала, и потом его лёгкую конницу, конечно, должен был опасаться этого движения со стороны наших войск. Отправив к Малоярославцу дивизию Дельсона, он поручил ему быть готовым немедленно возвратиться к Боровску по первому его требованию**. В виду такого приказания, Дельсон, который мог ранее Дохтурова занять город, не вошёл в Малоярославец, а расположился за речкою Лужею и распорядился устроить мост. В город он послал лишь незначительный отряд, способный известить о приближении неприятеля, а не вступать с ним в бой. Получив от него известие о вступлении в город передовых полков Дохтурова, Дельсон ввёл в дело свои войска. В упорном бою Дельсон был убит в то время, как подошёл вице-король. Поручив начальство над его войсками генералу Гюльельмино, он послал ему в подкрепление дивизию Бруссье, а дивизия Пино и итальянская гвардия оставались в резерве, готовые их поддерживать. После полудня к месту боя приехал Наполеон. Остановившись на возвышенности, за которою идёт низменная долина р. Лужи до самого Малоярославца, он мог наблюдать за ходом дела. Придвинув корпус Даву и гвардию, он указывал места, где строить батареи и велел навести второй мост на р. Луже. Эти распоряжения и самое значение для него Малоярославца показывают, что он хотел овладеть им во что бы то ни стало до прибытия армии кн. Кутузова***.

* Там же, с. 242 и след.

** Fain. Manuscrit, T. II, с. 243; Labaume. Relation, с. 254.

*** М. Шамбре. Expédition de Russie, T. II, с. 329 и след.; Fain. Manuscrit de 1812, T. II, с. 242 и след.; Labaume. Relation de la campagne de Russie, с. 255 и след.

Отправив ускоренным ходом к Малоярославцу корпус Раевского в помощь Дохтурову, фельдмаршал сам повёл вслед за ним все свои войска. Между тем Раевскому снова удалось прогнать неприятеля из города; но подкреплённый итальянскими войсками, дивизиею Пино, ни разу не принимавшею участия в сражениях, и итальянскою гвардиею, желавшею отличиться в глазах вице-короля, над которым парил орлиный взор Наполеона, они принуждены были его очистить. Пользуясь успехом, неприятель вышел за город на Калужскую дорогу; но, встреченный картечью наших батарей, немедленно отступил в черту города, который остался в его руках. В это время, около пяти часов пополудни, на маленькой лошади, почти без свиты, подъехал к Малоярославцу кн. Кутузов.

— «Это передовое дело, — поспешил ему сообщить полковник Кроссар, понимавший общий план действий фельдмаршала, — неприятель хочет прорвать выход (un defilé) и не успеет в этом».

— «Эти господа, — с недовольным видом отвечал ему кн. Кутузов, — завязали генеральное сражение, чего я не желал».

Но Кроссар объяснял, что неприятель стремится проложить себе путь, и, указывая на местоположение, которое должны были занять войска, говорил, что в двух или трёх местах нужно бы возвести полевые укрепления.

— «Оставайтесь при мне, — сказал ему кн. Кутузов; — как бы я ни был молчалив — не отъезжайте», — и продолжал приближаться к Малоярославцу.

Не только ядра, но и пули неприятеля достигали до него. Генералы Тормасов и Ланской обращали его внимание на опасность. Испуганная невдалеке упавшей гранатой, его лошадь шарахнулась в сторону и выбила бы его из седла, если б адъютант его Монтрезор не схватил её под уздцы. Он продолжал осматривать позицию и следить за битвой. Указывая на некоторые места, он спросил барона Кроссара:

— «Там, конечно, вы полагаете, надо воздвигнуть укрепления?»

Получив утвердительный ответ, он немедленно велел подозвать к себе генерала Фёрстера и настоятельно поручил ему воздвигнуть их в продолжение ночи, так чтобы к утру они совершенно были готовы.

Делая распоряжения, чтобы занять позицию в расстоянии около одной версты от города, он должен был, для безопасности своих войск, выгнать из него неприятеля. Хотя, по свидетельству одного из своих адъютантов, он будто бы выражал мысль, что вице-король непременно отступит, однако же, с целью овладеть городом и обеспечить позицию, которую решился занять, он ввёл в дело корпус Бороздина. Это «новое с нашей стороны подкрепление поражает и в седьмой раз

вытесняет неприятеля, который, после невероятных усилий, должен был уступить мужеству наших войск. Невозможно себе вообразить ужаснейшего вида, какой представлял Малоярославец. Пожар, начавшийся с полудня, оставил по себе одни следы бывших домов, груды тел сделали улицы совершенно непроходимыми и, не смотря на то, этот пункт до утра был необходимо нужен для российской армии». Приведённые строки из военного журнала генерал-квартирмейстера Толя свидетельствуют, что к концу боя город остался за нами; а между тем все французские писатели, участники в происшествиях, утверждают, что в конце битвы им удалось овладеть Малоярославцем и удержаться в нём. И они совершенно правы: к утру следующего дня город был в их власти. Когда войска Бороздина снова потеснили итальянцев, вице-король выдвинул всю свою гвардию, император Наполеон прислал ему две дивизии из корпуса Даву, которые, перейдя мосты по р. Луже, стали на флангах итальянской армии и удержали свои места. Мосты остались во власти неприятеля и, конечно, часть города. Перестрелка, хотя и незначительная, продолжалась почти всю ночь, а перед рассветом вышли из города войска Бороздина и неприятель его занял. В наших войсках полагали даже, что очищение Малоярославца войсками Бороздина случилось по какому-то недоразумению*. Но это было не так: они оставили город, когда и следовало его оставить, по связи с общим расположением русских войск и потому, конечно, по приказанию фельдмаршала.

«13-го числа до рассвета, главнокомандующий, в ожидании сразиться с неприятелем, расположил армию, отступя две с половиною версты назад, в весьма выгодной позиции. Войска, занимавшие Малоярославец, получили повеление войти в позицию», — записал генерал Толь**.

В то время, когда фельдмаршал послал на бой корпус Бороздина, подходил к Малоярославцу Милорадович, сделав переход в 50 вёрст. Такого скорого прихода авангарда не ожидал фельдмаршал и назвал Милорадовича крылатым. Он обнял его, говоря:

— «Ты ходишь скорее, чем летают ангелы».

Таким образом, к вечеру 12-го октября, сосредоточились все его войска. Всех занимала мысль о завтрашнем дне.

— «Сей день, — записал в военном журнале Толь, — есть один из знаменитейших в войне 1812 г.; ибо потерянное сражение при Малоярославце повлекло бы за собою пагубнейшие следствия и открыло бы

---

* А.И. Михайловский-Данилевский. Собр. сочин., T.V.

** Прилож. к Журналу воен. действий: описание сражения при Малоярославце.

путь неприятелю чрез богатейшие наши губернии». Какое значение придавал этому дню современник, участник в событиях, такое же потом придавал и замечательный наш военный писатель, спустя много лет. «По моему мнению, – говорит Н. А. Окунев, – самая Бородинская битва не была так нужна для Наполеона, как битва при Малоярославце. Правда, что первая открыла ему вход в Москву, но не принесла ничего, кроме бесплодного трофея и гибельных последствий, между тем как спасение всей его армии зависело от последней»*.

Не одни русские смотрели так на дело при Малоярославце: такой же был взгляд и неприятелей. Маршал Сен-Сир говорит, «что все усилия французских войск при Малоярославце остались без последствий; русские сохранили свои позиции и обладание Калужскою дорогою». Полагая, что Наполеон мог поправить положение дел, преследуя потом наши войска до Гончарова, прибавляет: «но для этого надо было дать сражение; но мне кажется очевидным, что он этого не хотел. Занять без боя Малоярославец – была основная мысль его отступления. Кажется, в это время только он понял всю силу тех бедствий, которым подвергал свою армию»**.

С грустью указывает гр. Сегюр своим боевым товарищам на это место битвы, «где остановилось завоевание вселенной, где исчезли плоды 20-ти летних побед и началось страшное разрушение» всего, что думал создать Наполеон***.

Обе стороны могли себе приписывать победу, потому что битва 12-го октября не была решительною. Её значение должны были определить последующие за нею действия.

Какие же предположения обдумывались в простой избе небольшой деревни Городни, куда после сражения прибыл Наполеон, и на бивуаке под открытым небом, где провёл ночь престарелый наш фельдмаршал, в то время, когда продолжался бой и ещё не определилось удержат ли наши войска напор неприятеля пределами Малоярославца?

Князь Кутузов выстроил всю армию в боевом порядке не в дальнем расстоянии от Малоярославца с тою целью, чтобы встретить неприятеля, если он прорвётся через город. Поэтому, приблизясь к месту сражения, он с неудовольствием сказал Кроссару, что, вместо передового дела (une affaire de poste), как предполагал, он видит, что его генералы завязали генеральное сражение, разумея не упорные

---

* Рассуждение о больших военных действиях в 1812 г., русск. перевод. СПб. 1833 г., с. 217.

** Mémoires, Paris, 1831, T. III, c. 279 и след.

*** Histoire de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 133.

свалки в улицах маленького городка, но на позиции, только что занимаемой войсками и не исследованной, если бы неприятель прорвался чрез город. Он решился однако же принять на ней сражение; выслушав соображения Кроссара и поверив их собственным обозрением, немедленно велел строить полевые укрепления. Но принять на такой позиции сражение могло вынудить только то обстоятельство, если бы наши войска не удержались в Малоярославце; поэтому, желая устранить его, он двинул на бой корпус Бороздина и послал Коновницына, сказав ему:

– «Ты знаешь, как я тебя берегу и всегда прошу не бросаться в огонь: но теперь прошу тебя очистить город»*.

Высокие боевые качества генерала Коновницына понимал, конечно, фельдмаршал; их знала вся армия и ценила по достоинству, не исключая и тех, которые напрашивались в его враги очень усердно, но безуспешно, встретив препону в столь же высоких его нравственных качествах. Поручение, данное кн. Кутузовым Коновницыну, показывает какое он придавал значение тому, чтобы преградить неприятелю путь за пределы города. К ночи затих бой, неприятель был отодвинут к стороне города, подходившей к р. Луже. Кн. Кутузов приехал к приготовленному ему бивуаку и ходил молча взад и вперёд под открытым небом, в осеннюю ночь, лунную и тёплую, как будто весною, освещённый заревом горевшего Малоярославца. Он приказал позвать к себе полковника Кроссара, и лишь только он явился, фельдмаршал поручил ему найти сзади новую и более удобную позицию для сражения. Умный и опытный офицер главного штаба сразу понял весь смысл этого приказания. Позиция, которую он сам советовал укреплять, предполагая возможным принять на ней решительное сражение, по мнению кн. Кутузова, оказывалась негодною. Он принял бы на ней сражение в виду особых обстоятельств, т. е. если бы неприятель, прорвавшись через Малоярославец, вынудил его к сражению; но устранив эти обстоятельства, он не мог не подумать о перемене позиции; удерживать её не следовало, потому что она была слишком узка: коннице, которою так была сильна армия кн. Кутузова, не было простора для действий. Впереди, менее чем в версте, находились обгорелые развалины города, которого улицы были завалены убитыми и ранеными, а за ним крутые скаты берега Лужи, противоположная сторона которой была во власти неприятеля. В тылу, менее чем на версту, находился глубокий овраг перед селом Нямцевым, в котором протекал ручей Корижа, впадающий в Лужу, – овраг, труд-

* А.И. Михайловский-Данилевский. Собр. сочинений, Т. V, с. 196.

ный для перехода по крутизне скатов и по узкой и длинной плотине в том месте, где идёт чрез него большая дорога в Калугу. «Размышляя о занятой позиции, — говорит барон Кроссар, — фельдмаршал заметил, что, прилегая к лесам, она представляла слишком мало пространства, чтобы действовать его силами и что особенно конница была бы стеснена в движениях. Князь Кутузов рассчитывал на конницу, которая как числом, так и достоинством, превосходила неприятельскую, совершенно истощённую. Сверх того, он понимал, что как ни трудно было бы неприятелю взять эту позицию, однако же возможно. Чтобы скорее овладеть дорогою в Калугу, он, по всей вероятности, сосредоточил бы нападения на левую сторону, а она-то и была слаба»*. Не все однако же так скоро поняли, как барон Кроссар, значение распоряжений Кутузова. Те, которые постоянно требовали наступательных действий, не были ими довольны. Генерал-квартирмейстер Толь, явившись к фельдмаршалу, с свойственным ему жаром и откровенностью, к которой давало ему право особенное к нему расположение кн. Кутузова, стал отказываться писать диспозиции об отступлении войск на новое место. Толь говорил, что, по его мнению, диспозиция может состоять только в том, чтобы идти вперёд, прогнать неприятеля за Лужу и потом преследовать. Кн. Кутузов спокойно выслушивал горячие речи своего любимца, который был тоже ему предан, хладнокровно опровергал его доводы, как вошёл генерал Беннигсен.

— «Желаю вам успеха, фельдмаршал, для довершения дела, начатого под Эйлау», — сказал он.

Кн. Кутузов, конечно, понявший смысл приветствия, полного насмешки и самохвальства, не обратил на это внимания, но воспользовался, чтобы прекратить спор с Толем. Обратясь к нему с улыбкою, он сказал:

— «Видите, опытный генерал говорит, что завтра нападёт на меня неприятель, а вы хотите, чтобы я действовал как заносчивый гусар. Нет, нет, — я должен приготовиться чтобы встретить неприятеля», — и, положив руку на плечо Толя, прибавил: «поди, милый, и напиши то, что я тебе говорил».

Более всех суетился сэр Роберт Вильсон. Он не стеснялся постоянно давать советы фельдмаршалу и упорно настаивать на своих мнениях. Он считал опасным переводить значительное войско через Нямцевский овраг, ночью, по единственной и довольно длинной плотине на большой дороге, предполагал, что неминуемо последуют беспорядки и замешательства, чем может воспользоваться неприятель.

---

* B. Crossard. Mémoires. T. V. c. 53 и след.

Его нападение в это время причинило бы великие бедствия русским войскам и, во всяком случае, погиб бы её арьергард. Долго защищая принятое им решение, фельдмаршал наконец был выведен из терпения назойливым англичанином.

— «Ваши соображения меня не убеждают,— сказал он.— Я лучше желаю построить золотой мост, pont d'or, как вы называете, моему неприятелю, нежели поставить себя в такое положение, чтобы получить coup de collier. Сверх того, я опять повторяю то, что уже несколько раз вам говорил, что я вовсе не убеждён, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение Наполеона и его войска. Наследство после него не попадёт в руки России или какой-нибудь иной из континентальных держав, но достанется той державе, которая уже завладела морями, и тогда её владычество будет невыносимо».

Нам, русским, нельзя не благодарить англичанина, сохранившего на память потомству приведённые слова кн. Кутузова*. В то время, когда иностранцы, враги Наполеона, окружавшие русского Государя в это время, обращали всё внимание на Англию и желали, чтобы она руководила делами континентальной Европы**, он один выразил совершенно верный взгляд на политику Великобритании.

В ту же ночь кн. Кутузов, озабочиваясь о дороге на Медынь, приказал сильному отряду, под начальством полковника Иловайского, следовать к этому городу и занять его; а генералу Платову с 20-ю казачьими и одним егерским полками, переправясь через Лужу выше Малоярославца, стараться напасть на правое крыло неприятеля и открыть настоящее направление его дальнейших движений***. Утомлённый трудами и заботами этого великого дня, решившего судьбы России и Наполеона, кн. Кутузов, «исполнив долг главнокомандующего, под шумом ещё гремевшего боя, почти под ядрами, спокойно заснул на бурке, под открытым небом. Я видел его», — говорит один из очевидцев-свидетелей, приехав к нему от Милорадовича за приказанием, вместе с другими, почтительно ожидавшими его пробуждения. «Ему шёл тяжкий 70-й год (68-й). Сделав главное своё дело он смело мог положиться на своих сотрудников. Эта сцена осталась у меня в свежей памяти, — никем не описанная»****.

---

* Narrative of evonts during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, London 1860, 2-е изд., с. 234.

** Письма Барона Штейна, Pertz, das Leben des Freih. v. Stein, T. III, с. 210.

*** Журнал воен. действий ген. Толя.

**** Записки гр. П. Хр. Граббе, «Русск. Архив» 1873 г., № 3, с. 417.

Иного рода зрелище, в сравнении с бивуаком и ставкою под открытым небом кн. Кутузова, представляла в то же время курная изба в деревне Городне, на 10-й версте по дороге от Малоярославца к Боровску. В ней занял квартиру император Наполеон, прибыв вечером после сражения под Малоярославцем. Он позвал к себе Бертье, Мюрата и Бессиера. Посадив их вокруг стола, на котором была разложена карта России, он говорил:

– «Прибытие кн. Кутузова изменило положение дел; неприятель принимает боевое положение, мы нападём на него, сражение неизбежно. Должны ли мы дать сражение при настоящем положении дел? Наша главная цель заключается не в том, чтобы занять Калугу, но достигнуть Смоленска. Нам следовало прежде всего обеспечить себе путь и мы этого достигли. Дорога на Вязьму нам открыта. Конечно, изменяя направление в движениях войск, можно открыть менее истощённую дорогу; но это – второстепенная выгода. Можно ли приобресть её ценою сражения?»

Говоря без перерыва, он, казалось, по меткому замечанию Фэна, выражал свои мысли вслух, а не предлагал вопросы для совещаний. Действительно, он вдруг прервал речь, схватываясь руками за голову, опёрся локтями на стол, устремил взгляд на карту и оставался в неподвижном положении. Его собеседники с удивлением переглянулись между собою, молчаливо ожидая, чтó последует. Но более часа прошло в ожидании, как вдруг Наполеон встал и отпустил их по квартирам, не выразив своего решения и не выслушав их мнений*. Но вслед за тем, в ту же ночь, он отдал приказания: Даву поручил составлять авангард, предваряя, что на другой день утром (13-го октября) он приблизится к нему со всею гвардиею; Нею, который с двумя дивизиями находился в с. Фоминском, – придвинуться на дорогу между Боровском и Малоярославцем, оставив в Боровске дивизию Клапареда для охраны парков и обозов. Маршалу Виктору он поручил начальнику своего штаба написать, тайнописью, что, оставаясь без известий от него, он не знает положения дел. Но если обстоятельства не вынудили его на какое-либо движение, то чтобы он с дивизиею Жерара и бригадою лёгкой кавалерии шёл немедленно на Ельну и оттуда занял бы дорогу на Калугу, чтобы встретить армию и соединиться с ней**. Эти распоряжения и составляют последствия долгой думы, в которую он был

* Fain. Manuscrit, T. II, c. 247 и след.; M. Chambray. Histoire de l'expedition, T. II, c. 334.

** M. Chambray. Histoire de l'expedition, T. II, c. 335 и прилож. к T. III; приказы, отданные Наполеоном в Фоминском и Боровске, 23-го и 24-го октября н.с.

погружён в присутствии своих маршалов. Он сам так поставил вопрос, что, кажется, не сомневался в их ответе, но с ним не могла примириться его гордость. Поэтому, не выслушав мнений ни одного из них, он сделал немедленно после их ухода такие распоряжения, которые явно выражали намерение – дать сражение на другой день.

В ночь с 12-го на 13-е октября в главных квартирах обеих воюющих сторон приняты были важные решения: Наполеон силою хотел прорваться в Калугу и в этом смысле сделал распоряжения; кн. Кутузов решился преградить ему путь и переводил войска за Нямцевский овраг, чтобы с этою целью занять новую, более выгодную позицию. Тот же ярый противник этой меры, сэр Роберт Вильсон, свидетельствует, что в то время, как начался переход наших войск через Нямцевский овраг «к счастию и непонятно почему, замокли неприятельские выстрелы и их войска не выступали из города. Время длилось, ариергарда не тревожили, две гранаты, пущенные неприятелем, только возбудили осторожность, так что Уваров (которого он обрекал на гибель и уверяет, что и он разделял его мнение) спокойно перешёл на новую позицию. Непонятное бездействие со стороны неприятеля и, действительно, покровительство Провидения, благоприятствовали спасению русских войск»*, говорит он, никак не подозревая ничтожества своих военных соображений. То, чего он не понимал, было очень ясно. Опытный начальник, очевидно, не предпринял бы подобного перевода значительных войск в виду сильного неприятеля. Но войска были двинуты ночью, и приходили на рассвете на новую позицию, когда главные силы неприятеля отступили за Лужу. По мере отступления войск за Нямцевский овраг, их место постепенно занимал авангард Милорадовича, совершенно достаточный для того, чтобы встретить и отразить частное и случайное нападение.

Озабоченный действительно затруднительным передвижением войск на новую позицию, кн. Кутузов, в эту же ночь, дал предписание Платову немедленно произвести поиск на левый берег Лужи, чтобы получить более верные сведения о положении неприятеля, и донёс Государю о бывшем сражении; он писал:

– «Завтра, полагаю, должно быть генеральное сражение, без которого я ни под каким видом Наполеона в Калугу не пущу**».

Хотя кн. Кутузов не имел прямых известий об оставлении неприятелем Москвы, однако же все обстоятельства убеждали его в этом. Потому в то же время он уведомил гр. Витгенштейна и Чичагова отно-

---

* Sir Robert Wilson's narrative, с. 234–235.

** Донесение от 13-го октября.

шениями одинакового содержания. Последнему он писал: «Неприятель, кажется, совсем оставил Москву и, с намерением отступить изобильными нашими провинциями, потянулся со всеми силами по новой Калужской дороге к Боровску. При всех хитрых и свойственных ему движениях, намерение его было предупреждено, и 11-го и на 12-е число в ночи ген. Дохтуров с корпусом приблизился к Малоярославцу, нашёл часть неприятельских войск в нём и в 5 часов утра завязалось дело, которое в последствии, с приближением всех наших войск, сделалось довольно значущим сражением и продолжалось по одиннадцатый час ночи. Предмет сражения был город, который восемь раз занимаем нами и столько же уступаем был сильному стремлению неприятеля; при последнем ударе наших стрелков, он остался за нами. Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сражению, без коего в Калугу я ни под каким видом его не допущу»*.

На другой день (13-го октября), в два часа пополуночи, Наполеон послал своего ординарца узнать о положении наших войск, а на рассвете сам отправился к Малоярославцу; кроме свиты, его сопровождали три взвода конницы. Проехав несколько вёрст, они внезапно поражены были шумом свалки и окружены казаками. Эти казаки принадлежали к тем трём значительным отрядам, которые Платов отправил для поиска на левый берег Лужи. В 4 часа переправившись через реку, они направились к большой дороге; прикрываемые лесом, подошли близко к ней и, наблюдая бивачные огни неприятеля, находившиеся на другой стороне дороги, заметили, что по ней двигается от Боровска к Малоярославцу неприятельская артиллерия. Казаки немедленно напали и захватили до 40 орудий; но завидев обоз, бросились его грабить и одна из партий напала на взводы конницы, сопровождавшие Наполеона. Партия была незначительна и скоро отражена; но он подвергался крайней опасности. Казакам удалось забрать и провести только 11 орудий и одно знамя; но за то в обозе им досталось несколько бочонков золота**. Наполеон не продолжал пути в Малоярославец и возвратился в Городню. Хотя он показывал вид, что не придаёт значения этому происшествию, посмеялся даже над ген. Раппом***, которого в свалке сшибли с лошади и порядочно помяли, но едва ли оно не произвело на него, так дорожившего своей особой, весьма сильного впечатления. Попасть на пику или на аркан

* Отношение Чичагову и такое же Вингенштейну от 13-го октября.

** Журнал воен. действий кн. Кутузова, «Северная Почта» 1812 г., № 86, приложение.

*** Rapp. Mémoires, c. 226.

казака, конечно, ему и на мысль никогда не приходило до этого происшествия, которого последствия и оказались немедленно. Между тем казаки показывались повсюду. В то же время ген. Кутейников сделал набег у Боровска и отбил обоз с церковным серебром и бумагами. «Эта конница, в сущности неопасная,— писал Наполеон маршалу Жюно на другой день после происшествия,— однако же очень утомляет»*. В 10 часов утра император Наполеон вновь поехал к Малоярославцу и до 5-ти часов пополудни осматривал поле сражения и позицию, занятую войсками кн. Кутузова за Нямцевским оврагом, куда утром благополучно, несмотря на зловещие предсказания сэра Роберта Вильсона, перешёл и авангард Милорадовича,— и после осмотра, продолжавшегося с лишком шесть часов, возвратился в Городню. Целый день прошёл в бездействии, совершенно несогласно с его предписаниями движений войск, которые он дал накануне. Мнение маршалов, по крайней мере большинства, было ему известно; несмотря на то, он снова собрал их в своей избе и на этот раз, предложив вопрос, выслушал их соображения. Кроме заносчивого Мюрата, никто не советовал давать сражения. Маршал Бессиер находил позицию кн. Кутузова неприступною; с ним соглашался и князь Евгений. Если бы даже удалось выиграть сражение,— говорили они,— то невозможно было бы воспользоваться победою при недостатке конницы. Притом, потеря в людях была бы значительна и ещё более ослабила бы войска. Множество раненых, если не бросить их на произвол судьбы, потребовали значительных перевозочных средств и стеснили бы движения войск. Все были согласны, что, не теряя времени, следует отступать; но по какому пути? Маршал Даву предлагал всё-таки идти на Калугу, но через Медынь и Юхнов.

— «А вы что скажете, Мутон?» — спросил Наполеон, взяв его за ухо.

— «Я полагаю,— отвечал решительно граф Лобау,— что следует немедленно отступать за Неман и притом по самой краткой дороге, чтобы скорее оставить страну, где и так слишком пробыли долго».

Император Наполеон не объявил своего решения и на другой день (14-го октября), утром, поехал снова к Малоярославцу с гвардиею и двумя корпусами конницы. Что же значило это грозное движение?

Едва ли возможно сомневаться в том, что император Наполеон не желал вступить в битву со всею русскою армиею. Его войска ожидали сражения и готовились к нему на другой день после битвы в Малоярославце. Между тем целый день прошёл в бездействии и на следующий не было сделано им никаких распоряжений. Он вёл с собою войска для

---

* Приказ, отд. в Боровске, 16-го октября н. ст.; М. Шамбре. Expdition de Russie, Т. III, прилож., с. 444.

того только, чтобы не подвергнуться снова опасности от наезда казаков, а цель движения состояла в том, чтобы удостовериться — сохраняют ли наши войска ту грозную позицию, которую накануне он тщательно изучил. В этом могли, кажется, его убедить известия, которые, по его же распоряжению, часто привозили его ординарцы. В последствии, задним числом, французские писатели придумали, что будто бы во время этого движения император Наполеон получил известия об отступлении кн. Кутузова. Конечно, как и в большей части случаев, повод к тому подал сам Наполеон теми ложными сведениями, которые он в этот же день поручил своему начальнику штаба сообщить маршалу Жюно, «что, отразив нашу армию от Малоярославца, он шёл напасть на неё в занятой ею позиции за этим городам; но она отступила. Маршал Даву её преследует; но морозы и нужда избавиться от множества раненых послужили поводом к тому, что император решился идти на Можайск и оттуда на Вязьму»*.

Но утром 14-го октября наши войска оставались на занятой ими позиции и только в ночь начали отступление к Дечину, после того уже, когда император Наполеон отдал приказание к отступлению на Можайск и сам находился в Боровске**.

Едва ли также возможно сомневаться и в том, что он хотел избежать отступления по истощённой дороге от Можайска к Смоленску и что предложение маршала Даву идти на Медынь и Юхнов в Калугу соответствовало и его желаниям. Но он получил в это время известие, что корпус Понятовского, которому он предписал сделать движение из Вереи по дороге к Медыни, встретил русские войска; его авангард был разбит, потерял пять пушек и много пленных. Такого известия достаточно было для того, чтобы убедить императора Наполеона***, что кн. Кутузов принял меры для охраны этой дороги и если бы он двинулся по ней, то, конечно, встретил бы всю его армию под Медынью, как встретил её под Малоярославцем. Потому, не доехав даже до возвышенности, с которой он наблюдал за битвою в Малоярославце, за которою уже начинается луговой берег Лужи, он остановился, и на бивуаке сделал все распоряжения об отступлении войск на Можайск. В порядке движения войск самым важным было то, что он сам вместе с гвардиею должен был идти в авангарде.

Предоставив попечение о войсках своим маршалам, он отступал не как главнокомандующий, а как император, и притом такого каче-

---

* Приказ, дан. в Боровске 26-го окт. н. ст.; Шамбре. Т. III, прил., с. 446.

** Воен. журнал ген. Толя.

*** Тьер. Hist. de l'empire, книга XXVII.

ства, который был готов всем пожертвовать для личной безопасности. «С этого времени он думал только о Париже, — говорит гр. Сегюр, — точно также как, выезжая из Парижа, он только и думал о Москве»*. В тот же день он провёл ночь в Боровске, а на другой (15/27), по пути в Верею, получил уведомление от маршала Мортье, что он, совершив злобный подвиг разрушения Кремля, оставил Москву, идёт на соединение с ним и ведёт с собою двух русских пленных.

Вечером в тот же день, как были взяты в плен барон Винценгероде и Нарышкин, корпус Мортье выступил из Кремля. Их посадили в карету, окружённую жандармами, которая должна была ехать посреди колонны молодой гвардии. Но истощённые лошади с трудом тащили карету; их заставили идти пешком.

«Нет нужды, — писал Нарышкин, — говорить о том тяжёлом чувстве, которое испытывало моё чисто русское сердце, проходя Москву, с которой соединялось столько исторических славных воспоминаний. Сходя с лестницы, которая когда-то была обрызгана кровью одного из моих предков за его преданность престолу, я увидал её, загрязнённую присутствием неприятеля, покрытую кусками лошадиного мяса и на нижних ступенях валялись целые конские трупы. Ужасная ночь, которой я никогда не забуду». Корпус Мортье утратил также дисциплину, как и все другие войска. Кроме нескольких полков молодой гвардии, он состоял из разнородных частей, испанцев, португальцев и немцев и спешенной кавалерии и представлял нестройную толпу, подвигавшуюся в беспорядке, которую надо было беспрерывно останавливать, чтобы привести в какой-нибудь порядок. «Во время одной из таких остановок, — говорит Нарышкин, — мы услышали выстрел из пушки, который был условленным знаком, чтобы подорвать Кремль. Действительно, вскоре за ним последовали взрывы». Некоторые из французских офицеров оказывали особенное внимание нашим пленным, которых имена сохранила их благодарная память. На пятый день они достигли Вереи, где должны были присоединиться к великой армии. «Когда мы прошли город, — продолжает Нарышкин, — к нам подъехал адъютант, велел спешиться двум жандармам и лошадей их предложил нам, говоря, что нас требует император. Мы исполнили приказание. Наполеон обозревал окрестности Вереи, расспрашивая одного несчастного проводника, которого нашли в городе. Когда мы подъехали, он обернул к нам голову и продолжал обозрение. Наконец он сошёл с лошади и за ним вся свита: Бертье, Мюрат, Коленкур, Лористон, Рапп и другие, и стали в нескольких шагах от него, также как и эскадрон, который их

* Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 143.

сопровождал. Нас заставили слезть с лошадей и с жандармами повели к Наполеону. Тогда началась ужасная встреча, какой не помнят старые французские офицеры, чтобы кому-либо делал Наполеон». Подобные дерзкие выходки часто случались с Наполеоном, способным раздражаться и не умевшим умерять раздражение, а в это время, сознавая гибельное положение, он был раздражён ещё более.

— «Вы служите русскому императору?» — спросил он барона Винценгероде. На утвердительный ответ он запальчиво спросил: — «а кто вам позволил?» — и, не дожидаясь ответа, продолжал: — «негодяй! я встречаю вас повсюду, зачем вы приезжали в Москву? подсматривать как шпион?» — Нет, государь, — отвечал Винценгероде, — я верил чести ваших войск. — «А что вам за дело до моих войск? негодяй, посмотрите в каком положении Москва! 50 таких негодяев (misérables), как вы, привели её в такое положение. Вы побудили императора Александра воевать со мною вместе с Австриею. Это сказал мне Коленкур. Вы устроили истребление моих солдат по дорогам. О, ваша судьба решена. Жандармы, возьмите его, расстреляйте и избавьте меня от него! Со мной не равен бой. Через шесть недель я буду в Петербурге. Расстрелять его сейчас»...«Эти ужасные ругательства, — замечает Нарышкин, — выражавшие бешенство человека, понятно, поразили Винценгероде; но он соблюдал спокойствие и, казалось, постепенно возвышался над тем, кто осыпал его ими». Силу этого спокойствия почувствовало чуткое самолюбие Наполеона: «Или, — продолжал он, — отдать его под суд. Если вы саксонец или баварец, то вы мой подданный, я вам государь, — тогда его расстрелять; если же он не мой подданный, — то это иное дело».

На угрозу расстрелять Винценгероде спокойно отвечал:

— «Я 25 лет ожидаю, что французская пуля поразит меня, я решился на это. Моя жена и дети находятся в безопасности. Император Александр не оставит их». Повторив, что его непременно велит расстрелять, если он окажется саксонцем или баварцем, Наполеон обратился к Нарышкину:

— «Вы — Нарышкин, сын обер-камергера. Что касается до вас, то вы храбрый офицер, вы исполняете свой долг; но зачем вы служите при таких негодяях? Вы должны служить с русскими», — и дал знак, чтобы их увели.

Винценгероде был подвергнут допросу. Рапп, Нарбонн, Бертье, один за другим его допрашивали. Но как он был пруссак и, следовательно, не принадлежал к Рейнскому союзу, то, конечно, допрос должен бы немедленно окончиться; но домогались узнать не его ли партия поймала какого-то курьера с важными депешами. Нарышкина разлучили с

Винценгероде и, чтобы более выказать различия между ними, император Наполеон пригласил его к своему столу. Потом обоих отправили в Мец, в качестве военнопленных*.

В стане кн. Кутузова не знали, конечно, какой опасности подвергался Наполеон от наезда казаков и не могли принимать в расчёт этого обстоятельства при соображениях о дальнейших действиях. Но самая простая и естественная мысль, на которой останавливалось внимание, была та, что император Наполеон употребит все способы, чтобы избегнуть отступления по дороге от Можайска к Смоленску, уже в силу того правила военной науки, которое он сам провозглашал, что не следует делать того, чего желает неприятель. Бездействие такого быстрого на решения противника, как Наполеон, в продолжение целых суток, давало повод предполагать, что, удерживая свой авангард перед нашими войсками, расположенными на высотах за Нямцевским оврагом, он прикрывает только иной путь отступления. Какой же иной мог быть путь, как не на Медынь и Юхнов к Ельне или Мстиславлю? Донесение полковника Иловайского о нанесённом им поражении авангарду корпуса Понятовского близь Медыни подкрепило предположение фельдмаршала**, точно также как и записка Бертье к Сансону, заключавшая поручение разведать дороги чрез Малоярославец и Медынь к Вязьме, захваченная в обозе, отбитом г. Кутейниковым***. Октября 14-го он «положил со всею армиею перейти боковым маршем на дорогу, ведущую из Медыни в Калугу. Ночью с 14-го на 15-е октября вся армия двинулась по новой Калужской дороге и, сделав большой привал при деревне Дечине, продолжала двумя колоннами движение и на рассвете остановилась при Полотняных заводах»****. Во время остановки при Дечине, кн. Кутузов предписал дивизии генерала Паскевича, усилив её драгунским полком и батарейною и конною артиллериею. В предписании ему фельдмаршал объяснил цель его движения: «Предмет назначения вашего заключается в том, чтобы иметь сию дорогу во власти нашей и воспрепятствовать покушениям неприятеля, который был бы в равных силах с вами и имеющего намерение по сей дороге идти в Калугу, для чего давайте, как можно чаще, известия о неприяте-

* Рукоп. записка Нарышкина в письме к Данилевскому. Сравн. Fain. Manuscrit, T. II, c. 257; Rapp. Mémoires, c. 228 и след.; Dennié. Itinéraire, c. 118; Segur. Hist. de Nap. et la grande armée, T. II, c. 153 и след.

** Донесение Иловайского из Медыни от 13-го октября.

*** Подлинная в Учён. архиве главн. штаба; донесение кн. Кутузова императору 16-го сентября, от Полотняных заводов.

**** Военный журнал ген. Толя.

ле. Если силы Наполеона оставят Калужскую дорогу, в таком случае наша армия перейдёт к Полотняным заводам»*. Едва двинулся в поход генерал Паскевич, как через несколько часов фельдмаршал получил донесение Милорадовича, который писал, что неприятель отступил от Малоярославца к Боровску, и что он занял город, послав отряд для наблюдения за его движениями. Вместе с этим донесением кн. Кутузов получил следующую записку от Ермолова: «Его светлости имею честь донести, что оба корпуса, в авангарде находящиеся, теперь при самом городе на сей стороне реки. Неприятеля преследуют четыре кавалерийские полка, четыре орудия и все казачьи полки авангарда. Теперь, если смею предложить моё мнение, то обоим корпусам пехоты тотчас идти в Медынь, при них одному корпусу кавалерии, всем по большой почтовой дороге, хотя гораздо бы лучше идти несколько лежащею внутри дорогою. При Малоярославце оставить одну бригаду пехоты, дабы какая-нибудь партия, желая присоединиться, не могла показаться около города. Бригада сия будет составлять ариергард обоих корпусов. Армии, думаю, тотчас идти к Медыни, 26-й дивизии (ген. Паскевича) подвинуться тотчас к самому городу и ему приказать казачьим из Медыни полкам открыть связь с двумя идущими корпусами. Армии следовать поспешнее. Генерала Платова войска не приметили отступления войск неприятельских и недавно ещё присылали спросить генерала Милорадовича. Генер. Платову, именем вашей светлости, пошлю я сию минуту бумагу, чтобы, умножив число полков в Медыни, с бо́льшею частию своих войск шёл за неприятелем и наблюдал его, между тем, и по дороге от Вереи к Медыни. Медынь для неприятеля тоже, что и Малоярославец,— пункты, прикрывающие фланговое отступление. Пожалуйте повеление, корпуса ожидают, чтобы идти в Медынь. Прошу покорнейше об ускорении, буде сие согласно с волею вашей светлости». Соображения Ермолова совпадали с принятыми уже решениями кн. Кутузова и оправдывались другими известиями, полученными в тот же день.

Калужский губернатор Каверин сообщил фельдмаршалу донесение кордонного начальника майора Лопатина из Медыни, который ему писал, что 12-го октября, в 3 часа пополудни, он получил известие, что неприятель в большом количестве по дороге от Вереи вступил в Медынский уезд к селу Егорьевскому, где для прикрытия этой дороги находился казачий отряд капитана Александрина. В 7-м часу он известил казачьего полковника Быхалова, находившегося в Медыни, что неприятель прошёл это село и село Кременское и находится уже

---

* Приказ Паскевичу от 14-го октября, Дечино.

не далее, как в семи верстах от города. Быхалов объявил всем жителям Медыни, что он более удерживать неприятеля не может и чтобы все из города выезжали и спасались*.

Вместе с известием об отступлении неприятеля к Боровску, в главную квартиру приходили донесения от передовых отрядов,— «что неприятель идёт разными путями, тянется от Боровска, тянется от Вереи на Медынь, откуда неизвестно ещё куда сии части примут движение»**. Генер. Платов доносил, что неприятельский обоз из 4.000 повозок идёт по дороге из Вереи на Медынь; но полагал, что этот «обоз и прикрытие примут направо к стороне Гжатска»***. Партизан кн. Кудашев доносил, что партия, отправленная им к Боровску, заметила, что почти вся неприятельская армия «тянется вправо от себя к Медыни»****. Вслед за тем, Паскевич, уведомляя, что прошёл Медынь и стоит в 4-х верстах впереди города, сообщил следующее известие: «неприятель в Егорьевском. От пленного, взятого казаками, узнали, что перед нами Понятовский с двумя польскими дивизиями и тремя французскими полками. Он также говорит, что слух носится, что они хотят идти через Медынь в Калугу»*****.

Из Боровска неприятель мог отступать как на Можайск, так и на Медынь. Все известия указывали на последнее направление. Намереваясь преградить ему и это направление и вынудить к отступлению на Можайск и оттуда к Смоленску, фельдмаршал сделал следующие распоряжения. 17 приказов написано было в кратковременную стоянку в Дечине. Милорадовичу предписано было с авангардом идти на Медынскую дорогу к деревне Улановской, оставив перед Малоярославцем одну бригаду пехоты и три казачьих полка, с полуротой конной артиллерии, под начальством генерала Карпова. Сообщая об этом предписании Ермолову, кн. Кутузов извещал его, что «вся армия немедленно переходит на Медынскую дорогу к Полотняным заводам», но в это время он получил следующее от него уведомление: «Его светлости имею честь донести, что хотя предлагал я движение двух корпусов пехоты прямо от Малоярославца на Медынь, но последние полученные известия, что неприятель от Малоярославца выходит в 25-ти верстах на дорогу, к Медыни идущую, заставляют из предосторожности

* Донесения Лопатина из Медыни, 12-го октября, пополудни в 10-м часу, и Каверина из Калуги. 13-го октября 1812 г.

** Донесения графа Орлова-Денисова и Кайсарова от 14-го октября.

*** Донесение от 15-го октября из деревни Зайцево.

**** Донесение от 15-го октября из-под Малоярославца.

***** Донесение Паскевича от 16-го октября, в час пополуночи.

взять внутреннюю дорогу, отойдя по Калужской дороге семь вёрст, и потом фланговым маршем на Медынскую дорогу в село Адамовское. Излишняя дорога, нерешительность некоторое время в определении пути войскам авангарда произошли от генерала Платова, не дававшего о неприятеле сведения и не усмотревшего которым путём он отступил. Дабы не потерять времени и быть к Адамовскому, то уже, не ожидая повелений вашей светлости, корпуса выступают. Армии нужна скорость. Генерала Паскевича подвинуть вперёд Адамовского. Генералу Платову именем вашим приказал идти Медынскою большою дорогою, чем он прикроет движение авангарда»*.

По распоряжению князя Кутузова, летучий корпус генерала Платова оставлен был между Малоярославцем и Боровском с «непременным повелением открыть настоящее направление, которое возьмёт неприятельская армия. С этою же целию предписано действовать партизанам кн. Кудашеву, Фигнеру и Сеславину, находившимся на флангах и в тылу неприятельской армии»**.

Ложные движения неприятеля к Медыни для того, чтобы скрыть действительное отступление к Можайску, совершенно удались. В нашей главной квартире были уверены, что он пытается открыть путь на Медынь, и более всех – Ермолов. Получив его депеши, фельдмаршал писал генералу Платову: «Будучи извещён в 6 часов сего утра об отступлении неприятеля, я сделал сообразные тому движения и армия, делая марш, левым флангом переходит к Полотняным заводам. Я весьма сожалею, что казаки ваши теперь только вас о том известили, тем более, что отряд ваш действует в тылу неприятельском и им гораздо удобнее заблаговременно усматривать движения неприятельские»***.

Бегство жителей Боровска, Малоярославца и Медыни, которые, спасая жизнь и имущество, стекались в Калугу, меры предосторожности, принятые гражданскими и военными начальниками, взволновали город. Октября 11-го, узнав, что неприятель подошёл к Малоярославцу, жители Калуги «все до единого перебрались на правый берег Оки, на которой наведены были два моста и приготовлены лодки и суда. Начальствующие заботились о переправе за реку хлебных запасов и военных снарядов. 600 человек работали день и ночь. Были приготовлены уже горючие вещества, чтобы сжечь оставшееся ещё значительное количество запасов. Раненых и больных отправили в Белев и Одоев. Весь день жители, от старцев и до грудных младенцев, разложив

* 3 часа пополудни, без числа, но помета получения: 15-го октября.

** Военный журнал генерала Толя.

*** Отношение кн. Кутузова от 15-го октября, Дечино.

огни, по причине наступившего холода, на возвышенных берегах Оки, стояли толпами вокруг костров, не зная, чт последует с их городом и ожидали последнего удара», говорит свидетель-современник*. Водворилось некоторое спокойствие, когда узнали об исходе сражения при Малоярославце; но приближение наших войск к Калуге возбудило тревогу. Хотя, по поручению кн. Кутузова, дежурный генерал Коновницын, уведомляя сенатора Каверина об отступлении неприятеля от Малоярославца, и писал, «что Калуга совершенно обеспечена»**; но тем не менее, узнав о тревоге калужан, сам главнокомандующий через два дня после того написал градскому голове следующее письмо:

«Именем моим, поручаю вам успокоить купеческое и мещанское сословия, которые, как я слышал, пустыми слухами приведены в волнение и опасность. Уверьте их, что я ищу дать врагу сражение, но никак не ретируюсь, и что цель моя не в том состоит, чтобы выгнать неприятеля из пределов наших, но чтоб, призвав в помощь Всемогущего Бога, изрыть им могилы в недрах России. Уповайте на Бога, молите его о поддержании сил и храбрости нашего воинства; исполняйте ваши обязанности и будьте покойны. Вы есте и будете защищены: в том удостоверяет вас всегда доброжелательный и усердный Кн. Гол. Кутузов»***.

Но перейдя к Полотняным заводам, кн. Кутузов достигал и другой, более отдалённой, но тем не менее важной цели по стратегическим соображениям. «Каждый усмотреть может, – пишет в своём дневнике генерал Толь, – что в сём положении российская армия находилось на кратчайшем пути через Юхнов к Вязьме и потому могла удобно отрезать неприятелю отступление к сему городу». Из Полотняных заводов кн. Кутузов доносил императору (16-го октября), что «13-го числа неприятель остался на левом берегу Лужи, а армия наша заняла высоты правого берега сей реки. Между тем лёгкие наши войска, простиравшиеся до дороги, ведущей к Медыни, по которой неприятель мог ещё пробраться к Калуге, стали единогласно уведомлять, что корпуса его стремятся по сей дороге. Сие тем вероятнее сделалось, что на оной были уже сражения между нашими лёгкими войсками и неприятельскими отрядами.

Очевидно было и то, что неприятельское намерение клонилось к тому, чтобы всеми способами обойти нас в Калуге, и потому армия, оставя сильный авангард, под командою генерала Малорадовича, 14-го

* Зельницкий. Описание происшествий 1812 г. в Калужской губ. М. 1815 г., с. 94–95.

** Отношение от 14-го октября, из Дечина.

*** Письмо от 16-го октября, из Полотняных заводов.

числа пошла к селу Дечину. Сего числа неприятель целый день оставался в виду нашего авангарда без всякого действия. В ночи с 14-го на 15-е неприятель отступил к Боровску. Лёгкие наши войска настигли его на 6-й версте от Малоярославца и провожали до самого Боровска. Дошедшие известия о движении неприятеля от Вереи до Боровска к Медыни побудили меня заранее отрядить 26-ю дивизию на Медынскую дорогу, и с армиею сделать фланговое движение на сию дорогу, и потому от села Дечина выступила она в ночи с 15-го на 16-е число и перешла к Полотняным заводам; авангард же, оставя бригаду пехоты с тремя казачьими полками в Малоярославце, перешёл к Медыни, куда и генерал-майор Паскевич с 26-ю дивизиею от Полотняных заводов двинулся к нему же на соединение. Войсковой атаман Платов, исключая всех отдельных партий, с 15-ю полками наблюдает по близости движения неприятельские, имея сильные партии к стороне Вереи.

Сейчас полученными известиями подтверждается, что неприятель находится около Вереи и Боровска, что больных и обозы свои отправляет назад по Смоленской дороге. Из сего хотя и заключить должно, что неприятель, не успев в своём предприятии на Калугу, возьмёт направление чрез Можайск на Смоленск, но, не взирая на то, остаюсь я ещё на некоторое время на Медынской дороге. А чтобы совершенно затруднить отступный его марш, усилены партизаны, с сей стороны действующие, да сверх сих назначается летучий корпус, состоящий из новоприбывших полтавских казаков, перемешанных с донскими казаками, с двумя полками пехоты, под командою генерал-адъютанта Ожаровского, для действия прямо на Смоленск». В конце этого донесения кн. Кутузов собственной рукою приписал: «Москва, конечно, от неприятеля оставлена, но никто ещё из моих посланных не возвратился, а потому ещё и не доношу официально»*.

Фельдмаршал должен был остаться на некоторое время в Полотняных заводах по следующей весьма важной причине при соображениях о дальнейших действиях наших войск против отступавшего неприятеля. «Главная армия, — записал в своём дневнике ген. Толь, — имела дневку 15-го и 16-го чисел, дабы присоединить к себе артиллерийские парки и провиантские фуры, отделившиеся от неё при Тарутине в то время, когда она предприняла боковой марш к Малоярославцу».

В продолжении этих трёх дней, когда всё внимание русского военачальника сосредоточивалось на том, чтобы пресечь Наполеону путь на Медынь и оттуда на Калугу или Юхнов, как пресёк ему путь через Малоярославец, цель Наполеона заключалась в том, чтобы отступать

---

* Донесение 16-го октября, от Полотняных заводов.

как можно скорее на Можайск. К её достижению клонились все его распоряжения и ложными движениями отдельных отрядов на Медынь он только прикрывал действительный путь отступления его войск. От своих боевых сотрудников он не мог её скрывать более; но желал скрыть от Европы. Он хотел убедить, что его отступление не вынуждено неприятелем, а добровольное, что он намеревался напасть на армию кн. Кутузова, но она отступила и маршал Даву её преследует, что он победоносно идёт для сближения с своими флангами, чтобы занять зимние квартиры.

Но таково ли было состояние его войск, чтобы он мог думать о новых битвах?

Что касается до их числа, то оно было достаточно для того, чтобы силою проложить себе дорогу; но мог ли решиться на это император Наполеон, понимая качества своих войск в это время? Они утратили дисциплину ещё в Москве и много стоило забот ему и его маршалам, чтобы сколько-нибудь водворить её снова, в некоторых частях войск. Желание сохранить добычу и с нею возвратиться на родину могло возбудить мужество и храбрость этих войск, что и показала битва при Малоярославце. Если б она окончилась совершенною победою и Наполеону удалось бы открыть путь на Калугу, то, может быть, она продолжилась бы и далее, но – ненадолго. Не мог же такой полководец, как Наполеон, как некоторые из тех, о них же речь будет впереди, полагать, что, в продолжение месяца устраивая и увеличивая свои войска в Тарутинском лагере, встретив и отразив его при Малоярославце, опытный наш военачальник немедленно открыл бы ему путь на Калугу и отступил бы за Оку! Утратив дисциплину, французские войска не представляли уже надёжной боевой силы, которая могла бы выдержать упорную борьбу. Но доверие к своему непобедимому вождю, который, по мнению не только солдат, но и большинства высших чинов, способен победоносно вывести их из всякого затруднительного положения, – поддерживали дух и вселяли некоторую бодрость. Это настроение продолжалось до тех пор, пока они думали, что идут вперёд, с оружием в руках, пролагая себе путь в отечество, чрез богатые, неопустошённые местности и сохраняя награбленную ими добычу. Но поворот от Малоярославца, чрез Боровск и Верею, на Можайск, на опустошённую дорогу к Смоленску был верно почувствован смышлёными французскими солдатами. «Это отступление уронило дух солдат, беспокойство постоянно возрастало, тем более, что небо перестало нам благоприятствовать. Мелкий и холодный дождь, начавшийся с 14-го (26-го) после полудня, так испортил дороги, что лошади падали

от изнеможения и уже оказывались отсталые», — говорит барон Денье* и его показание подтверждали другие очевидцы и участники в походе.

«Солдаты шли с опущенными глазами, как бы от стыда и унижения»**. Дороги конечно испортились от часто перепадавших дождей; но по таким же дорогам следовали и русские войска и не считали бедствием этого обстоятельства; холода ещё не начинались. Участники в событиях говорят, что «во всё время отступления, погода была превосходная (superbe) и только, когда приближались к Смоленску, начались морозы с 25-го окт.»***. Когда войска, двигаясь к Можайску, проходили Верею «этот день (15-го окт.), — говорит М. Шамбре, — был замечателен тем, что начались холода. Ночью термометр упал до 4-х градусов ниже точки замерзания. Мы вступали, так сказать, в область зимы. Впрочем, погода была очень хороша, солнце ещё сохраняло силу, чувствовали себя бодрее, пока находились в движении; но ночи была жестоки»****. Но если войскам Наполеона трудно было переносить и незначительные морозы, то во всяком случае — от того беспорядка, который господствовал в великой армии. Действительная зима началась по свидетельству самих же французов, участников в событиях, только две недели (25-го — 26-го окт.) спустя после сражения в Малоярославце. Морозы, хотя и лёгкие, скрепили однако же почву, улучшили дороги и потому должны были оказать большую помощь скорейшему отступлению. Но это обстоятельство, весьма важное для всякого устроенного и правильно отступавшего войска, не оказало никакой пользы для великой армии. Кроме того, что в ней была утрачена дисциплина, что она была поражена унынием, она не имела конницы, необходимой соразмерно её количеству, для того чтобы считаться боевою силою, достаточною для противодействия русской армии, располагавшей значительным количеством конницы регулярной и особенно казаков. Притом лошади в великой армии не были подкованы на шипы. Хотя после оставления Москвы и движения до Малоярославца находили подножный корм, но, истощённые после долгой стоянки в Москве и в авангарде при Чернишне, лошади не могли поправиться. Число конницы едва достигало до 15 тыс., да и та не могла отправлять с успехом деятельной службы. Маршал Даву после трёх переходов конницы Груши, присоединённой к арьергарду и охранявшей его тыл, должен был, по её неспособности к движениям, удалить вперёд своего корпуса. Многочисленную артиллерию, которую никак не хотел

---

* Itinéraire de Napoléon, c. 114; М. Шамбре. Histoire de l'expedition, T. II, c. 341.

** C-te Segur. Histoire de Napoléon, et de la grande armée, T. II, c. 143.

*** M-me Fusil. L'incendie de Moscou et retraite de Napoléon, c. 24.

**** Histoire de l'expedition, T. II, c. 354.

убавить Наполеон, несмотря на представления маршалов, едва тащили измученные лошади. Чтобы поспевать за движениями войск, надобно прибавлять или переменять лошадей. «Во время перехода от Боровска к Верее, – говорит один из участников в отступлении, – император два раза останавливался на дороге и смотрел проходившие в большом беспорядке обозы. Он мог убедиться, что у нас много было бесполезных экипажей»*. Он мог убедиться в этом и в первый день по выходе из Москвы, когда сам едва мог пробираться между обозами, в несколько рядов тянувшимися по широкой Калужской дороге. Но принудить войска бросить хотя бы часть награбленной ими в Москве добычи или продовольствия, добытого ими самими, он не решался, чтоб не возбудить войска к прямому неповиновению. Ограничившись приказанием маршалу Даву жечь излишние экипажи, он отправился в авангард и не обращал никакого внимания на то положение, в каком находились войска, шедшие за его главною квартирою, окружённою гвардиею. В отношении к продовольствию его войска находились в изобилии и скудости в одно и то же время. Авангард Мюрата нуждался в продовольствии с первых дней отступления. «Войска, отступая, жгли всё на своём пути. Каждый вечер мы видели со всех сторон зарева пожаров. Не было никаких средств, кроме тех, которыми запаслись в Москве; но мы, которые принадлежали к авангарду и стояли у Винкова**, откуда мы могли их добыть, чтобы не умирать с голоду?.. Эгоизм начал овладевать всеми. Каждый тщательно скрывал продовольствие, которое удавалось ему достать. Не было товарищества, не было доверия. Уныние изображалось на всех лицах». Когда войска авангарда (9-го окт.) сошлись с молодою и старою гвардиею, вышедшею из Москвы, они были поражены как её внешним видом, так и богатством добычи и продовольствием, которым она была снабжена. «Гордо и красиво, бодро и здорово, двигалась она в сомкнутых колоннах, – говорит очевидец, – хорошо одетая и снабжённая достаточным продовольствием. У каждого было по три – четыре белых хлеба и по фляжке вина. За ними следовали такие обозы, каких не видывали с тех пор как ведутся войны». Это было в то время, когда, по обещанию своего непобедимого вождя, гвардия думала победоносно открыть себе путь в неопустошённые войною области России чрез Калугу. «Между нами, – продолжает тот же очевидец, – возвращавшимися из несчастного лагеря, после поражения, было много таких, которые завидывали своим богатым собратьям по оружию. Грустно было смотреть, когда кто-нибудь из наших, чрезвычайно нуждавшихся, людей обращался к

* Gl. Paixhans. Retraite de Moscou, c. 36.

** Mémoires du colonel Combe, c. 142.

ним с просьбою уделить хлеба и вина или даже продать за деньги, как они жестокосердно и грубо обходились с ними»*. Недостаток в продовольствии ощущался даже и в войсках, вышедших из Москвы; в некоторых частях, заготовленное ими продовольствие «было распределено не равномерно, как вообще военная добыча грабежом. У одного полка был скот и не было хлеба, у другого была мука и не было мяса. Даже в одном и том же полку замечалась такая неравномерность. Некоторые роты умирали с голоду, тогда как другие находились в изобилии. Начальники приказывали делиться, но эгоизм употреблял все способы, чтобы обмануть их деятельность и избавиться от их власти. Впрочем, чтобы сохранить продовольствие, следовало сохранять лошадей для перевозки его, а от недостатка корма они падали в значительном количестве ежедневно. Солдаты, удалявшиеся от дороги, чтобы найти фураж и продовольствие, попадались в руки казаков. Дорога была покрыта взорванными зарядными ящиками, пушками и оставленными повозками, которых не могли тащить изнурённые лошади».

«С первых дней это отступление походило на бегство»**, — говорит один из самых добросовестных очевидцев-свидетелей, герцог Фезензак.— В беспорядочном войске, утратившем дисциплину, не могло и быть правильного и равномерного распределения продовольствия, тем более, что самые распоряжения Наполеона способствовали к тому. Конечно, он не мог обобрать всё продовольствие, добытое солдатами грабежом, и расходовать его равномерно; но и те запасы, которые приготовлены были им в Москве, в особых магазинах, были розданы войскам при её оставлении несвоевременно и неравномерно. Он берёг их в складах на случай отступления; но вызванный к внезапному отступлению после известия о Тарутинском сражении, он велел раздавать их в то время, когда уже был объявлен поход. Естественно, что при таких условиях некоторые из полков и рот получили значительное количество продовольствия, другие менее, а некоторые и ровно ничего. Когда начал отступление корпус маршала Нея, по свидетельству того же очевидца, «Симонов монастырь был в огне: там жгли запасы продовольствия, которых не могли увезти с собою, и, по недостатку распоряжений, в это время полковые начальники не были об этом предварены. Оставалось довольно места в фургонах, а перед нашими глазами горели запасы, которые, быть может, спасли бы нашу жизнь»***. В общей сложности, запасов продовольствия, вывезенных великою армиею из Москвы,

---

* Roos. Ein Jhar aus mein Leben, с. 168–169, 172–173.

** Duc de Fezenzac. Souvenirs militaires, с. 280–281.

*** Там же, стр. 277.

быть может, и было бы достаточно на всё время движения до Смоленска, особенно приняв в соображение, что оттуда подходили транспорты с продовольствием навстречу войскам и были, хотя и незначительные, запасы в Колоцком монастыре, Вязьме и Дорогобуже. Но последствием их беспорядочного распределения и потребления в войсках, утративших значение стройной боевой силы, и постоянно увеличивавшейся убыли перевозочных средств, было то, что продовольствие войск не могло быть обеспечено. Воинственный дух, возбуждённый в войсках по выходе из Москвы и выразившийся в упорном бое в Малоярославце, быстро падал. Участь раненых способствовала этому упадку. Несмотря на все заботы маршала Даву, бóльшая часть раненых при Малоярославце были брошены на произвол судьбы. «Кто же захочет драться для спасения других в ожидании собственной погибели,— говорит один из участников в происшествиях.— Между тем, было много экипажей, но Наполеон, находясь в авангарде, ничего не видал; офицеры, не желая расстаться с награбленною добычею, не давали места раненым; усталые лошади тянули бесполезные орудия, а усталые солдаты в отчаянии ложились на дороге, ожидая казаков»*. В Колоцком монастыре находилось ещё несколько тысяч больных и раненых. Несмотря на распоряжения императора Наполеона, по недостатку перевозочных средств, они не были отправлены в Смоленск. Узнав об этом приближении 17-го окт. к этому монастырю, он приказал на каждый проходивший экипаж, начиная с своих, разместить раненых, причём поручил переносить их Виртембергской бригаде, состоявшей уже из 200 чел. «Человеколюбие, или самолюбие, или желание уберечь своих опытных солдат внушило ему эту меру? — говорит Шамбре,— я не знаю. Но её последствия были вредны для войск и гибельны для этих несчастных, потому что не было средств для их существования и они не могли вынесть затруднений и лишений походной жизни. Надо было ожидать, что многие из них будут оставлены». Так и случилось в действительности: «их оставили на попечение,— говорит другой свидетель происшествия,— грубым кучерам, гордым камердинерам, невежественным маркитантам и возгордившимся солдатским жёнам, которые желали как можно скорее от них избавиться», поневоле исполняя приказание, принявши их как лишнюю кладь на свои обременённые добычею возы, которые едва тянули истощённые клячи. «Во время ночлегов и даже на походе, когда этим несчастным надо было выходить из экипажей, они их бросали,— продолжает тот же свидетель.— На следующее утро видели многих из них: они лежали на дороге и умоляли о помощи».

---

* Alfr. Assolant. 1812, Campagne de Russie, c. 213.

«Этот день (18-го октября) был весьма грустный, — говорит третий участник в событиях. — Множество раненых, которых разместили по экипажам, были брошены. Одни лежали на земле, другие оставались в повозках, из которых выпряжены были лошади и унесена лучшая поклажа. Эти бедные и несчастные умоляли нас, простирая руки о помощи. Раздирающим душу голосом они напоминали нам, что они также французы, что ранены подле нас и просили не оставлять их». Когда главная квартира Наполеона достигла Гжатска, и там оказалось множество раненых.

«Повсюду раненые, всё раненые! — восклицает четвёртый участник в событиях, — и управление армиею не имеет возможности оказать им помощь, не имея никаких перевозочных средств. Воспользовались экипажами некоторых офицеров, но их было недостаточно. Уныние овладело уже многими и с каждым днём уменьшало наши и так недостаточные средства»*. При таком настроении войска, беспорядок усиливался с каждым переходом. Спешенные кавалеристы, снабжённые оружием, которым не умели действовать, первые побросали ружья. Их пример подействовал на других и толпы безоружных увеличивались постоянно и затрудняли движение войск**. Ничтожное препятствие, встреченное на пути, ручей, в котором прибыла вода, овраг или плотина, останавливали движение, скопляли толпы людей и многочисленные обозы, и производили беспорядок, выходивший из всяких пределов возможности. Император сам испытал это при переходе через Колочу, между Можайском и Колоцким монастырём. «Это не более как незначительный ручей, — говорит гр. Сегюр, — достаточно было двух брёвен, столько же козел и нескольких досок, чтобы устроить переправу. Но беспорядок и беспечность были таковы, что император должен был остановиться. Потопили несколько пушек, которые хотели перевезти вброд. Казалось, каждый корпус шёл как хотел и не существовало главного штаба. Никакого общего распоряжения, никакой связи, которая бы соединяла всех в одно целое»***. Поле Бородинского сражения, покрытое тысячами трупов людей и лошадей, объеденных собаками и волками, над которыми носились тучи воронов, производило сильное впечатление на проходившие мимо него войска. Истребление огнём военных запасов, находившихся в Колоцком монастыре,

---

* B. Fain. Manuscrit, T. II, c. 259; Paixhaus. Retraite, c. 38; Chambray. Hist. de l'expedition, T. II, c. 356; C. Segur. Histoire de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 163–164; B. Peyrusse. Mémorial, c. 114; Denié. Itinéraire de Napoléon, c. 121.

** Roos. Ein Jahr aus mein Leben, c. 181.

*** C. Segur. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 158–159.

взрывы зарядных ящиков в присутствии самого императора, конечно, не возбуждали бодрости солдат, а ещё менее жестокие меры, принятые в отношении к русским пленным.

Упорно не признавая бедственного положения, в котором находилась великая армия, Наполеон, как бы в победоносном шествии, вёл вслед за своею главною квартирою толпу русских пленных, простиравшуюся до 2.000 человек разного звания. «Много было купцов и крестьян; французы, ссылаясь на их бороды, говорили мне, что это казаки. Тут были и дворовые люди и даже лакеи в ливреях, которые, по мнению провожавших нас, были также переодетыми солдатами»,— говорит один из пленных. «На одном из переходов, идя рядом с французским офицером,— продолжает он,— в нескольких шагах за нами раздался ружейный выстрел, на который я не обратил внимания, полагая, что причиною тому неосторожность какого-нибудь конвойного солдата. Вслед за выстрелом, подошёл к офицеру унтер-офицер, донёс, что пристрелил одного из пленных, и возвратился на своё место. Я не верил ушам своим и просил офицера объяснить мне слышанное мною.

— Я имею письменное повеление,— сказал он мне с вежливостью,— пристреливать пленных, которые, по усталости или другой причине, отстали от хвоста колонны более 50 шагов. На это дано конвойным предписание однажды навсегда. Что же касается до офицеров,— прибавил он,— как число их не слишком значительно, то велено мне, их пристреливши, хоронить.

Последние слова, кажется, были им сказаны из какой-то странной учтивости и некоторым образом лично мне в утешение. Я отвечал ему, что, судя о товарищах моих по себе, я не думаю, чтобы кто-нибудь стал настаивать на исполнении той части его обязанности, которая относилась до похорон, и объявил ему от имени всех, что мы избавляем его от сего лишнего труда».

На вопрос нашего пленного, чтó могло быть причиною такого жестокого повеления и как можно требовать от голодных людей, чтобы они шли не отставая один от другого? офицер отвечал: «эта мера принята для того, чтобы отставшие пленные, отдохнув, не стали тревожить нас». Баденским гренадёрам, оберегавшим императорский обоз и кухню до самой Березины, приказано было и сопровождать пленных и они усердно исполняли жестокий приказ. При дальнейшем движении усталых и голодных пленных, чаще и чаще раздавались выстрелы. «Иногда,— продолжает В.А. Перовский,— мы слышали их до 15-ти и более. Конвой переменялся почти через день; но образ обхождения с нами был всегда одинаков. Сменяющийся офицер давал нужные на то наставления своему преемнику и мы не замечали даже

смены наших спутников... Несчастный пленный, чувствуя, что силы его покидают, отставал понемногу, прощаясь с товарищами; все проходили мимо его, один конвойный солдат оставался при нём, пристреливал его и потом догонял колонну, заряжая ружьё. Мне случилось раз видеть старого солдата, упавшего на дороге от усталости. Оставшийся конвойный, чтобы пристрелить его, три раза прикладывал дуло своего ружья к его голове, три раза спускал курок, ружьё осекалось. Наконец он ушёл и прислал другого, у которого ружьё было исправнее. Иногда пленные, предчувствуя свою участь, завидя вдали на дороге церковь, старались дотащиться до ней, становились по нескольку рядом у дверей на паперти, молились и их застреливали»*. Баденцы рассказывали потом, что жестокий приказ был дан самим императором и что многие из его штаба не одобряли его**. Кто же иной и мог дать такой приказ в присутствии самого императора Наполеона при войсках? но исполнители однако же отличались не меньшею жестокостью и бесчеловечием. Иначе относились к таким поступкам французские войска.

«Мы были поражены, — говорит один из участников в походе, — в продолжении пути ужасным зрелищем, — пристреливанием тех русских пленных, которые не могли следовать с другими. Когда несчастный падал от изнеможения, ему простреливали голову и бросали между трупами, которыми давно покрыта была вся дорога от Смоленска к Москве»***. Описывая дорогу, покрытую взорванными остатками зарядных ящиков, оставленными повозками, пушками, палыми лошадьми, другой участник в событиях, полковой командир в корпусе маршала Нея, упоминая о поджогах сёл и деревень, говорит: «зрелище такого разрушения не было так ужасно, как иное, бывшее перед нашими глазами. Перед нами шла колонна русских пленных, охраняемая войсками Рейнского союза. Им едва давали по куску конской кожи на пропитание и солдаты убивали каждого, который не мог идти. Мы находили на дороге их трупы с простреленными головами. Я должен отдать справедливость солдатам моего полка, которые были возмущены подобными действиями. Впрочем, они понимали, какому жестокому мщению при виде этого варварства могут подвергнуться те из них, которые попадут в руки неприятелю»****. В свите Наполеона многие восставали против такой жестокой и бесполезной меры; но в его присутствии никто не смел выразить своего мнения. Только Коленкур громко говорил:

---

* Записки гр. В.А. Перовского, «Русс. Архив» 1865 г., изд. 2-е, с. 1050 и след.

** Roos. Ein Jahr aus mein Leben, с. 187.

*** Paixhaus. Retraite de Moscou, с. 49.

**** Fezenzac. Souvenirs militaires, с. 281–282.

— «Какая ужасная жестокость! вот просвещение, которое мы вносим в Россию! какое впечатление это произведёт на неприятеля? не оставляем ли мы в его руках множество раненых и пленных? Не имеет ли он возможность воздать нам ужасным мщением?»*

Наполеон, по свидетельству гр. Сегюра, хранил мрачное молчание; но потом, будто бы, прекратились подобные действия.

Войскам арьергарда, утром 14-го октября, попался в плен русский субалтерн-офицер. Снимая с него допрос, маршал Даву узнал, что наши войска направляются на Медынь к Вязьме, т. е. по той дороге, которую он предлагал Наполеону для отступления. С донесением об этом допросе он отправил и самого офицера в главную квартиру императора, которую встретил у Можайска. Там его подвергнул новому допросу сам император.

«Сначала он спрашивал его небрежно; но заметив, что пленный знает дороги, названия местностей, расстояния, и узнав от него, что русские войска идут на Медынь и Вязьму, он сосредоточил внимание. Не предполагает ли Кутузов его предупредить там так же, как под Малоярославцем, отрезать ему отступление к Смоленску, как отрезал отступление к Калуге и отбросить его в пустыню, без продовольствия, без убежища, посреди всеобщего восстания? Но первым его движением было презрение к этому известию»**. Он поручил однако же князю Невшательскому написать маршалу Даву: «пленник, которого вы прислали, не знает о движении неприятеля, потому что он отделился от него вечером 13-го октября, а 14-го, в 11 часов утра, был взят в плен, т. е. три часа спустя после того, как неприятельские аванпосты могли узнать о нашем отступлении. Если неприятель идёт на Смоленск, тем лучше; все наши средства соединены и мы нападём на его тыл с армиею более сильною, нежели какую могли противопоставить ему восемь дней тому назад. Но дурно, однако же, что распространяются такие слухи, что об этом рассказывают адъютанты. Это даёт армии ложные понятия о силах неприятеля. Вероятно, ваш переводчик ошибся и не понял ответов пленника. Без сомнения, субалтерн-офицер и не мог иметь об этом сведений»***.

Русский офицер, вечером 13-го октября, когда наш главнокомандующий уже делал распоряжения о движении на другой день войск, с целью отрезать неприятелю путь отступления на Медынь, мог знать об

---

* C. S e g u r. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 165.

** Там же, с. 157.

*** Приказ маршала Бертье из главной квартиры при Можайске 17-го (29-го) октября, в 2 ч. утра; Ш а м б р е. Т. II, с. 477.

этом; но если не знал, то выразил самое естественное при тогдашних обстоятельствах соображение. Оно не могло не останавливать внимание и самого Наполеона, если только, по замечанию одного из его боевых сотрудников, «он не привык не предполагать в своих противниках той сметливости, которую он сам бы выказал на их месте»*. Если он, по-видимому, не придавал значения этому известию и даже выражал желания, чтобы русские войска направились к Смоленску, то потому только, что не желал, чтобы это известие распространилось в войсках. Достигнуть Смоленска и, затем, покойных зимних квартир, достаточно снабжённых продовольствием, составляло единственное желание войск и несколько поддерживало их дух. «Нельзя не удивляться, — говорит М. Шамбре, — что Наполеон выражает желание, чтобы неприятель двинулся к Смоленску и, следовательно, предупредил бы его на этом пути. Конечно, он скрывал свои взгляды, но можно ли было выразить такую мысль в письме к маршалу, тогда как во всей армии не нашлось бы такого тупого офицера, который мог бы разделять это желание»**. Но маршалы Наполеона должны были повиноваться ему, а не рассуждать. Распространяя это мнение, он надеялся поддержать в войсках ещё не утраченную ими веру в его непобедимость и способность успешно выйти из самых затруднительных обстоятельств. Что же касается до его собственного взгляда, то он выразился немедленно по получении этого известия в сделанных им распоряжениях. Они состояли в том, чтобы ускорить отступление, которое с этого времени и превратилось в совершенное бегство.

Он опасался, напротив, что кн. Кутузов встретит его под Вязьмою, куда он имел возможность придти прежде него. В виду этого обстоятельства, он ускорял отступление своих войск и тем усиливал ещё более их расстройство. Маршал Даву, начальствуя над арьергардом, полагал, что, для обеспечения отступления всей армии и не жертвуя своими войсками, он должен отражать постоянные нападения на него наших передовых войск, не дававших ему покоя. Он был прав с точки зрения военачальника, заботившегося не только о вверенных его непосредственному начальству войсках, но и вообще о чести великой армии. Но он ошибался в том, что считал возможным правильно отступать, тогда как обстоятельства побуждали бежать, не понимал желаний императора Наполеона — спасти единственно самого себя при общем крушении, желаний, которых он, конечно, никому не высказывал, но которые обличаются его действиями. Но маршал Даву иначе понимал

---

* C. Segur. Там же, с. 157.

** М. Шамбре. Hist. de l'expedition, T. II, с. 447.

свои обязанности. В Вязьме на место Даву он назначил начальником арьергарда маршала Нея. «Наши движения казались ему слишком медленными», — говорит один из участников похода. После первого перехода из Силеева, Наполеон поручил начальнику штаба отдать следующий приказ: «напишите герцогу Ельхингельскому, что как только он примет начальство над арьергардом, то шёл бы с ним как можно скорее, потому что тратится время без движений. Даву задерживает вице-короля Италиянского и кн. Понятовского при каждом нападении казаков»*. Не защита от нападений неприятеля, но быстрое движение к Смоленску составляло цель, к которой направлены были распоряжения императора Наполеона, каких бы жертв ни стоило такое отступление, сколько бы трудов и изнурений оно ни причинило его войскам. Не одна недогадливость маршала Даву, что обстоятельства сложились так, что нечего было и думать о каких бы то ни было правилах военного искусства, была причиною того, что он шёл медленнее, нежели желал император Наполеон; но и его распоряжения затрудняли движение маршала. Выступив во главе авангарда из Боровска к Можайску, император Наполеон, не довольствуясь взрывом Кремля, который он считал удачным, поручил жечь все сёла и деревни, как встречавшиеся на пути, так и в недальнем расстоянии от дороги, по которой он следовал. С этою целью он составил особый отряд, вооружённый факелами, который должен был жечь всякое жильё в ущерб мирным жителям**. Арьергард Даву встречал пустыню, лишённую всяких средств продовольствия и всякого убежища. «Честь имею просить вашу светлость, — писал он маршалу Бертье, — дать приказ тем войскам, которые идут впереди ариергарда, чтобы они не беспокоились жечь деревни, чем уничтожаются все средства, в которых так сильно нуждается ариергард. Эту обязанность жечь деревни следует возложить на ариергард, а войска императора извлекли бы из этого пользу»***. Это отношение, обличавшее некоторую самостоятельность маршала, конечно, было неприятно Наполеону и способствовало его смене и поручению маршалу Нею вести арьергард. Он, конечно, лучше мог понять тайную мысль своего повелителя, как и доказал впоследствии. Но оно не осталось без последствий, отряд зажигателей не был устроен, впрочем, может быть, и потому, что казаки, окружавшие великую армию, не дали бы этому отряду зажигателей безнаказанно совершать свои подвиги.

---

* B. Fain. Manuscrit, T. II, c. 260 и 278.

** Буржуа. Tableau de la campagne de Moscou par le témoin oculaire, c. 95 и 185.

*** M. Шамбре. Hist. de l'expedition, T. III, прилож., с. 448–449; Отношение Даву к Бертье из Вереи 28-го окт. н. ст.

Император Наполеон опередил свои войска на несколько переходов и пришёл в Вязьму 19-го (31-го) октября, между тем как его арьергард находился в это время у с. Гриднева, между Гжатью и Можайском. Ещё продолжалась прекрасная осенняя погода. Термометр показывал от 3-х до 5-ти градусов тепла, солнце ещё грело и только на утренних зорях легко морозило. Такая погода могла бы только облегчать движение правильно отступавшей и благоустроенной армии; но не в таком положении были войска Наполеона. Им было тяжело переносить и лёгкие осенние холода, которые едва ли не первый почувствовал их предводитель и поспешил принять меры. «Холод в тот день, когда он прибыл в Вязьму, — говорит маркиз Шамбре*, — усилился; но погода ещё стояла прекрасная и солнце не утратило силы. Но заметили, что Наполеон, в первый раз после выступления из Москвы, уже ехал в карете и также в первый раз оделся в польское платье: соболью шубу, покрытую зелёным бархатом и украшенную золотыми шнурами, меховую шапку и сапоги. Это платье он носил во всё время отступления и когда усиливался холод, то ехал в карете. На бивуаках пехота старой гвардии строилась в каре вокруг главной квартиры, которая по возможности помещалась в уцелевших немногих домах и избах. Очевидно, он вовсе не думал разделять труды и лишения своих солдат, как это делали многие из завоевателей в подобных обстоятельствах». Заботясь о самом себе, он не только бросил на произвол судьбы свои войска, исключая лишь остатка старой гвардии, оберегавшей его особу; запрещено было однако же авангарду жечь: эта обязанность возложена была на маршала Даву. «Едва ли какое-нибудь предписание, — говорит с удивлением герцог Фезензак, — которым император изливал свою месть на строения, исполнялось с такою точностию и даже добросовестностию»**.

В таком положении находилась великая армия, через десять дней после выхода из Москвы и через пять после сражения в Малоярославце. Мог ли Наполеон думать о сражениях с русскими войсками, которые, по сознанию самих неприятелей, находились в ином положении, хотя и не превышали её количеством.

---

* М. Шамбре. Histoire de l'expedition en Russie, T. II, c. 357.

** Souvenirs militaires, c. 281.

Глава 2

Вязьма и Красный.

С 15-го октября по 6-ое ноября 1812 г.

В главной квартире фельдмаршала кн. Кутузова не знали, конечно, в каком положении оказалась великая армия с первых дней отступления. Битва в Малоярославце, где с великим мужеством и храбростью дрались неприятели, могла дать иное понятие об её боевом значении, что́, в свой черёд, должно было войти в соображения кн. Кутузова о дальнейших, ещё весьма продолжительных военных действиях, пока, по слову русского Государя, не «останется ни одного вооружённого неприятеля в пределах отечества». Преградив путь неприятелю на Калугу чрез Малоярославец, он заботился о том, чтобы преградить ему путь на Медынь и таким образом принудить к отступлению по опустошённой дороге от Можайска на Смоленск. С этою целью, во время дневки большой армии при Полотняных заводах (14-го и 15-го октября), передовые войска были расположены так: авангард, под начальством Милорадовича, шёл по Медынской дороге и приблизился к с. Егорьевскому. С дороги, из с. Адамовского, Ермолов доносил фельдмаршалу «что, по последнему извещению от ген. Платова, он будет находиться в с. Серединском. Я именем вашей светлости одобрил сие направление; ибо в пункте сём он открывает всё неприятеля движение и готов в скорости напасть на фланги его по дорогам от Боровска на Верею и от Кременского на Верею. Я приказал наблюдать сию последнюю дорогу, дабы авангард беспечно мог следовать за неприятелем. Правый наш фланг будет совершенно безопасен; казаками будет открываемо влево направление к Юхнову. Все казачьи полки, бывшие в авангарде, присоединяются к г. Платову. Собственно в распоряжении авангарда оставляется пять полков. Неприятель, кажется, принимает решительно движение отступательное. Через несколько часов ваша светлость получить изволите достоверные донесения. Именем вашим подвигну я авангард весь в подкрепление г. Платову». Кн. Кутузов, зная порывы своих боевых сотрудников к решительным действиям, постоянно предписывал им не увлекаться и действовать осторожно. Потому, в заключение Ермолов прибавляет: «прошу вашу светлость быть уверенным, что ничего неосмотрительного и

слишком дерзкого предпринято не будет»*. Без сомнения, г. Ермолову известно было в это время, что неприятель решительно отступает, но он выражает свою мысль в виде предположения потому, что ещё не было известно отступит ли он на Медынь или на Можайск. В этот день (16-го октября) генерал Карпов, вытеснив, около 10-ти часов утра, неприятельский арьергард из Боровска, двинулся к с. Егорьевскому на соединение с авангардом. Дивизия г. Паскевича находилась у Медыни в 4-х верстах от города. Граф Орлов-Денисов с 6-ю казачьими полками, 6-ю орудиями Донской конной артиллерии – за селом Егорьевским на Медынской дороге. Атаман Платов с 13-ю полками и ротою артиллерии приблизился к с. Серединскому, где получил следующее предписание фельдмаршала. «Его светлость поручил мне доложить вам, – писал ему г. Коновницын, – чтобы вы как можно более старались открыть положение неприятельских сил, в Боровске и Верее расположенных, равно и настоящее их марша направление. Положение ваше при с. Серединском даёт вам удобный случай на сие открытие»**.

Между тем как передовые наши войска расположены были не в дальнем расстоянии одни от других, так что удобно могли сосредоточиться для действия общими силами против неприятеля и удержать его напор до прибытия большой армии, партизанские отряды находились не далеко от них и могли, с своей стороны, как собирать сведения о неприятеле, так и тревожить его постоянными набегами. Отряды кн. Кудашева и Кайсарова наблюдали дорогу от Боровска к Верее, находясь не в дальнем расстоянии по обеим её сторонам. Отряды Фигнера и Сеславина – между Медынскою и Смоленскою дорогами, в селе Курове. Полковник Давыдов действовал с своим отрядом между Гжатью и Вязьмою***. Сверх того был составлен новый отряд под начальством ген.-ад. Ожаровского. «Главный предмет ваш, – предписывал ему кн. Кутузов, – нападать на малые неприятельские отряды и транспорты, идущие по Смоленской дороге; уничтожать учреждённые на сём пути магазины, а по селениям фураж, и тем отклонять все способы продовольствия для неприятельской кавалерии и артиллерии. В особенности доставайте верные сведения о неприятеле, старайтесь перехватывать его курьеров. По мере приближения нашей армии к Смоленску, перемените и вы направление ваших действий, т. е. к сторо-

* Рапорт, 16-го октября 1812 г. в 12 ч., 15 вёрст от с. Адамовского, вышедши из Малоярославца.

** Предписание 16-го октября от Полотняных заводов.

*** Военный журнал ген. Толя.

не Могилёва и Орши. Отряжайте нарочные партии для истребления мостов, по коим неприятель идти должен, чтобы всячески затруднить марш его, словом сказать, употребите все способы, кои ко вреду ему послужить могут»*.

Заявление ген. Ермолова главнокомандующему, что «через несколько часов» он получит «достоверное донесение» о движении неприятеля, не осуществилось на деле. Сам же Ермолов на другой день писал ему «что по последним известиям, от жителей полученным, неприятель находится в шести верстах за Егорьевским, в селении Марьино. Авангард из с. Улановского выступает прямою дорогою через село Одуевское, оставя Кременское в левой стороне, сокращая таким образом путь 10-ю верстами и избегая большой почтовой дороги, где мосты в чрезвычайно худом состоянии. Сегодня марш будет столько велик, сколько позволят обстоятельства. Таково есть намерение Милорадовича. 26-я дивизия, по воле вашей светлости присоединённая к авангарду, идёт к Егорьевскому прямо из Медыни, в тесной связи с прочими авангарда войсками. Если бы неприятель не успел совершить фланговое движение от Боровска через Верею на Борисов и далее, то пост у Марьина он будет удерживать упорно; г. Милорадович намеревается действовать с осмотрительностью. Войска Донские доставят сведение и, сверх того, собственно от авангарда употреблённые к собранию верных сведений средства определят действия его, о чём вашей светлости всегда подробно донесено будет. Сегодня решительно объяснится направление его. Весьма правдоподобно, что неприятель, скрыв движение тяжестей и обозов своих по Смоленской дороге, заслонит их движением своим, имея удобность двигаться по местам, отовсюду открытым до самого Смоленска»**. Так доносил Ермолов фельдмаршалу в то время, когда войска Понятовского, угрожая Медыни, отходили от неё далее и далее к Гжатску, а император Наполеон уже достиг этого города (17-го (29-го) октября). Известия, полученные кн. Кутузовым от передовых наших войск, послужили поводом к тому, что большая наша армия двинулась (17-го окт.) к Медыни. Но этому городу уже не предстояло опасности; в этом убедились и гражданские власти Калужской губернии. Кн. Кутузов в Медыни нашёл все гражданские власти, как то: городничего, дворянского предводителя и прочих чиновников; притом совершенный порядок, «приличествующий благоустроенному городу», как писал он в то же время сенатору Каверину, одобряя его распоряжения и благодаря за

* Предписание от 17-го октября, из с. Адамовского.

** Донесение 17-го октября; ср. донесение главнокомандующему от того же числа Милорадовича.

них*. Но мысль о том, что Наполеон решится отступать по опустошённой дороге от Можайска до Смоленска, угрожавшей верною гибелью его войскам, если бы он думал о их спасении, была далека от соображений наших военачальников. Кн. Кутузов, придавая, вероятно, значение соображению генер. Ермолова, что Наполеон, отправив все тягости и обозы по этой дороге, будет прикрывать их фланговым движением по местности, если не совсем, то гораздо менее опустошённой, двинул свои войска (18-го окт.) по направлению к Можайску, к с. Кременскому. Только таким предположением и может быть объяснено это движение; но в этот же день известия из передовых наших войск вдруг изменились. Наши партизаны ещё 16-го числа извещали о движении неприятеля на Можайск. Кайсаров доносил г. Коновницыну: «оказывается, и, кажется, справедливое предположение, что будет идти на Можайск»**. На другой день граф Орлов-Денисов положительно извещал об этом направлении неприятеля; но это могло быть движение тех отрядов, которые прикрывали обозы, о движении которых на Смоленскую дорогу уже знали в нашей главной квартире***. Но, во время этого движения от Медыни к Можайску (18-го октября), кн. Кутузов получил одно за другим три донесения от генер. Ермолова, изменявшие весь порядок военных движений.

«Его светлости имею честь покорнейше донесть, что неприятель с такою день и ночь отходит поспешностию, что кроме как малым числом казаков самый ариергард его не преследован. Авангард же, обманутый ложными известиями и не получа никаких сведений от казаков, на левом фланге против Малоярославца бывших, сделал излишний марш и неприятеля разве с трудом догнать может. Именем вашей светлости писал я вчера г. Платову, чтобы он старался непременно охватить левый фланг неприятеля между Гжатском и Можайском: ибо таким образом можно наиболее нанесть вреда неприятелю и беспокоить во всё продолжение его пути. Я писал ему, что ваша светлость ожидаете, что войско Донское отступление неприятелю сделает ему пагубным». При таком назначении ген. Платов «может и должен, — по выражению Ермолова, — действовать особенными направлениями от авангарда», поэтому пять казачьих полков, присоединённые от авангарда к Платову, были вновь к нему причислены, а г. Милорадович от с. Егорьевского фланговым маршем двинулся на Колоцкий монастырь.

---

* Письмо кн. Кутузова к Каверину 21-го октября из с. Спасского; Зеленицкого, Описание происшествий 1812 г. в Калужской губернии, с. 151, 154.

** Донесение 16-го октября из с. Сатина, в 5 часов пополудни.

*** Донесение от 17-го октября.

«По расчислению,— писал фельдмаршалу Ермолов,— будем в одно время с ариергардом неприятельским». Вслед за этим донесением, он прислал второе, в тот же день, в котором писал, что «по известиям, сию минуту полученным, неприятель сегодня ночью вышел из Можайска к Колоцкому монастырю, до коего ему 22 версты, нам же до того места 35, следовательно, мы его никак уже на том пункте не застанем. И так, авангард идёт от Егорьевского, по направлению к Гжатску, чрез Сосновское, Губино, Семёновское и далее. Если, приблизясь к Гжатску, найдёт авангард большие неприятельские силы, то, пропустя его колонны, нападёт на ариергард и за ним последует. Если уже успеют пройти его силы, то по крайней мере не уйдёт его ариергард и отступление ему будет стоить дорого. Скорость, с каковою идёт неприятель, так велика, что без изнурения людей догнать его невозможно, и по сей самой причине неприятель сам не может долгое время двигаться одинаковою скоростию и в последствии времени не трудно будет его преследовать». В третьем донесении, от того же 18-го октября, Ермолов писал, что «авангард, двигаясь от Егорьевского фланговым маршем, сегодня в 20-ти верстах от него на ночлеге. Генер. Платов ночует в Ельне, неподалёку от Колоцкого монастыря. Граф Орлов-Денисов пошёл на Гжатск. Завтра авангард продолжает своё движение и, приближаясь к Гжатску, составит подкрепление г. Платову. Неприятель, по известиям, сожигает свои обозы, теряет много людей отсталыми. Подкрепя войска Донские, можно ожидать, что неприятель оставит и часть артиллерии, и тогда даже, как авангард не будет вступать в значущие дела. Г. Иловайский с 10-ю полками уже находится во фланге неприятеля. Если вам угодно будет предписать, чтобы часть войск Донских, спереди неприятеля, истребляла сделанные им заготовления на пути и сожигала мосты, то нет сомнения, что отступление его будет самое бедственное. Преследование авангардом необходимо нужно, по мнению моему, ибо есть единственное средство к ускорению отступления неприятеля». Излагая мнения о действиях наших передовых войск и отчасти направляя их движения, г. Ермолов предлагал советы и о том, как должна действовать большая армия. «Убеждаю вашу светлость,— писал он в первом донесении этого дня,— дать армии направление к Вязьме; опасности ни малейшей нет; с авангардом легко она соединится. Продовольствие из Серпейска, Мосальска и Мещевска самое удобнейшее и, если движение сие заставит неприятеля оставить Смоленскую дорогу, тогда выгоды, от сего приобретённые, неисчислимы: неприятель отброшен на Сычевку, Духовщину, Поречье; операционная линия через Смоленск, Борисов, Минск — нарушена; Могилёв должен быть брошен: Белоруссия, наиболее ему благоприятствующая,

устрашена». Мы не остановимся пока на предположении генер. Ермолова отбросить неприятеля с Смоленской дороги и потому, что оно, кажется, не долго занимало и его самого. В третьем донесении того же дня, он уже не говорит о нём, а предлагает другие соображения. Уведомляя, что авангард идёт к Гжатску, он пишет: «движение армии к Вязьме и далее не менее нужно, потому что неприятель может, близясь к Белоруссии, следовательно, заняв с способами Смоленск, дать отдохнуть своим войскам, и, часть отделя, усилить корпус, противу гр. Витгенштейна действующий, и одержать над ним значительный успех, в чём следующая по пятам наша армия, конечно, воспрепятствует, отвлечёт силы и умедлит движение их, дав время прочим нашим войскам действовать с ощутительною выгодою»*. Эта последняя мысль совершенно совпадала со взглядом кн. Кутузова, который выразился в его распоряжениях, сделанных как до получения этих донесений Ермолова, так и после.

Приведённые известия получены были фельдмаршалом в то время, когда его войска двигались к селу Кременскому, т. е. совершали совершенно излишний переход, введённые в заблуждение известиями из авангарда, который сам, в свой черёд, сделал такой же лишний переход, но основании известий казаков. Поражённые беспорядочным отступлением неприятеля, взрывавшим зарядные ящики, бросавшим обозы, и увлечённые лёгким приобретением богатой добычи, казаки упустили из виду действительное направление отступавшей армии Наполеона и тем замедлили её преследование. Г. Милорадович не без основания негодовал на атамана Платова и просил Ермолова отправиться к нему. В 3-м донесении от 18-го октября Ермолов писал: «я осмеливаюсь испрашивать позволение вашей светлости быть некоторое время при войсках г. Платова, чтó, думаю, будет по обстоятельствам с некоторою пользою». Фельдмаршал поручил Коновницыну отвечать, что разрешает «на короткое время» и что г. Платову и гр. Орлову-Денисову, а также и всем партизанам даны уже прежде приказания, которые дать советовал г. Ермолов, чтобы они «послали отряды, которые бы, предупреждая неприятеля, сожигали мосты и вообще все средства, которые могли бы способствовать неприятелю»**. Конечно, фельдмаршалу были неприятны полученные известия; но ему ничего

---

* Все три донесения – собственноручные, от 18-го октября, без обозначения часов дня, писаны на марше от с. Егорьевска к Гжатску. Журн. военных действий за подписью кн. Кутузова (Известия о военн. действиях, с. 193–194).

** Отношение Коновницына к Ермолову 19-го октября, в 12 ч. пополудни; Записки Ермолова, Т. 1, прилож., с. 257.

не оставалось более, как продолжать движение к с. Кременскому, где сходятся две дороги, одна на Можайск, другая на Вязьму, а оттуда поворотить войска на последнюю дорогу. Он ускорил ход войск, которые в этот день прошли 40 вёрст*. «При нынешних обстоятельствах,— писал он г. Платову,— непременно нужно, чтобы ваше высокопревосходительство как можно чаще доставляли сведения о неприятеле: ибо, не имея скорых и верных известий, армия сделала один марш совершенно не в том направлении, как бы ей надлежало, отчего весьма пагубные последствия произойти могут. Я надеюсь, что сей отступной марш неприятелю сделается вреден и что вы наиболее к тому содействовать можете. Почему вы не оставите почитать главным предметом разрушение переправ, через которые неприятель идти должен, а для того отделите нужную партию, которая бы старалась, упреждая неприятеля полумаршем, сим способом остановить его марш» **. В тот же день (19-го октября), по приказанию кн. Кутузова, дежурный генерал писал атаману: «его светлость не получал от вас уже целые сутки никакого известия, почему приказал убедительно просить, чтобы вы как можно чаще о себе извещали, ибо, не имея беспрерывного сообщения с вами, легко можно армии следовать в противном направлении с вами. Честь имею вам донесть, что завтра армия продолжает марш в направлении к Вязьме. Главная квартира будет в деревне Селенки». С тех пор как г. Ермолов приехал к Платову, начались частые от него известия, но за то прекратились из авангарда. Из деревни Дубровы (21-го октября), по приказанию кн. Кутузова, г. Коновницын писал г. Милорадовичу: «третий день уже нет от вас известий» и убедительно просил уведомить, извещая, что армия находится в Дуброве и завтра пойдёт к Быкову, в 4-х верстах от Вязьмы. Когда армия, выступив из Полотняных заводов, двигалась к Медыни и с. Кременскому, «переходы были не слишком велики, но трудны,— по свидетельству участника в событиях.— Часто шёл дождь с порывистыми ветрами и повсюду была грязь, что́, конечно, особенно затрудняло движение артиллерии и военного обоза. Они отставали и приходили на стоянки гораздо позднее пехоты. Сено находили повсюду, но овса вовсе не было и радовались когда находили немолоченные особенно овсяные снопы.» *** Замедления в движении обозов, как с продовольствием, так и военными запасами,— говорит князь Голицын, бывший ординарцем князя Кутузова,— «заставило

* Воен. журнал гр. Сен-При, Le 18 Octobre dépasse Medine et s'arréte à Kremenskoe, marche de 40 verstes.

** Письмо кн. Кутузова к атаману Платову от 19-го октября, из Кременского.

*** Митаревский. Воспоминания о войне 1812 г. М. 1871 г., с. 139 и след.

нас идти к Вязьме медленно. Подойдя к ней, Кутузов остановился, поджидая воловых фур с провиантом. Это его так заботило, что, в своём нетерпении, он каждый час посылал ординарцев на встречу подвод и сам рассчитывал часы прихода их к армии. Одна эта заботливость его достаточно доказывает, сколько он сам старался нигде не терять времени»*. Притом он не знал, что г. Милорадович предполагал напасть на французов именно в этот день (22-го октября)**. Его донесение об этом он получил уже приближаясь к Вязьме и немедленно отправил ему в подкрепление 40 батальонов кирасир с артиллериею, под начальством г. Уварова. Он знал, что у Вязьмы происходит сражение «на последнем переходе от Дубровы, – говорит один из участников в движении, – когда уже слышны были весь день пушечные выстрелы, становившиеся, по мере приближения к Вязьме, сильнее и сильнее. Мы однако же двигались обыкновенным порядком и днём отдыхали. Говорили, что генерал Милорадович напал на французов и, так как выстрелы все подавались вперёд, то заключали из этого, что успех на нашей стороне. В вечеру над Вязьмой начали обозначиться дымные тучи, а потом и зарево. Когда поздно уже остановились не далеко от города (у Быкова), то пожар так усилился, что нас почти освещало»***. Фельдмаршал не спешил, надеясь на свой авангард, которого силы были достаточны для того, чтобы справиться с арьергардом беспорядочно отступавших неприятелей. Ещё за два дня перед тем, князь Кутузов доносил императору, что, получив достоверные сведения об отступлении неприятеля к Можайску, он «направил армию прямым путём на Вязьму, а отряд Милорадовича усилен так, что он составляет почти половину армии и следует параллельно между мною и Можайскою дорогою»****. Авангард состоял из двух пехотных корпусов (2-го и

---

* Рукописная записка князя Александра Борисовича Голицына.

** B. Crossard. Mémoires, T. V, c. 74; Михайловский-Данилевский, Собр. сочинений, T. V, с. 230–231.

*** Митаревский. Воспоминания о 1812 г., с. 141.

**** Донесение от 20-го октября, из деревни Силенки. Все писатели почти одинаково определяют число войск Милорадовича; но их спутывает определение числа казаков. Г. Бутурлин определяет число войск в 25 тысяч без казаков (т. II, с. 193); Вильсон – 25, с казаками (Narrative of events etc., с. 243); принц Евгений Вюртембергский – 24 с казаками (Erinnerungen, с. 132); М. Шамбре – 19 тыс. пехоты, 6 тыс. конницы и 8 тыс. казаков, без тех, которые были у Платова (Hist. de l'expedition, T. II, с. 370); г. Богданович – у Милорадовича пехоты 14 тыс., конницы 3.500, т.е. 17 тыс.; у Платова – дивизия Паскевича 4 тыс. пехоты, в казачьих полках 3 тыс., всего 7 тыс. Ошибка очевидна: в авангард Милорадовича не сочтены 5 казачьих полков, которые

4-го) и 26-й дивизии с Нежинским драгунским полком, двух корпусов конницы (2-го и 4-го) с артиллериею, принадлежавшею к этим войскам, и пяти казачьих полков. Он шёл от Егорьевского к Гжатску на подкрепление ген. Платову, который ночевал в этот день (18-го октября) в деревне Ельне, близ Колоцкого монастыря, и на рассвете следующего дня напал на арьергард неприятеля. Желая вознаградить потерянное время и загладить оплошность своих казаков, он быстрыми переходами нагнал неприятеля и с яростью ударил на него. «Я его преследую с флангов, на каждом с бригадою казаков и с орудиями,— доносил он фельдмаршалу,— сам же давлю его казаками и пушками в тыл». Маршал Даву несколько раз занимал позицию, надеясь остановить напор казаков; но, угрожаемый обходом с тыла и опасаясь быть отрезанным, принуждён был отступать.

Остановка на возвышенности близ Колоцкого монастыря стоила Даву многих потерь людьми; 20 пушек и 2 знамя достались победителям. Препровождая их фельдмаршалу, Платов писал, что «сражение продолжается» и действительно оно не прекращалось до самой Вязьмы. И день и ночь нападая и с тылу и флангов, казаки не давали покоя неприятелю. «Неприятель преследуем столь живо, что после вчерашнего донесения,— писал он на другой день фельдмаршалу,— теперь могу донести, что он бежит так, как никогда никакая армия ретироваться не может. Он бросает по дороге все свои тяжести, больных, раненых и никакое перо историка не в состоянии изобразить картины ужаса, который он оставляет по большой дороге. По истине сказать, что нет десяти шагов, где бы не лежал умирающий, мёртвый или лошадь. В сии два дня он поднял на воздух в виду нашем более ста ящиков; такое же число принужден был оставить на месте за быстрым нашим преследованием»*. Но быстрое преследование, необходимое в это время, чтобы вознаградить упущенное время, могло бы скоро прекратиться или сопровождаться такими же бедствиями, как бегство неприятельских войск, если бы над простою отвагою и заносчивою храбростью, хотя бы возбуждаемыми высокими чувствами любви к отечеству, не бодрствовали предусмотрительные соображения военачальника. Вместе с этим донесением г. Платов отправил письмо к г. Коновницыну, в котором писал: «вынужденным

состояли при нём; а у Платова было не 3 тыс. казаков, но 20 полков и 5 рот 20-го егерского (Военный журнал г. Толя). С 15-ю он выступил из Тарутина и присоединил к себе потом другие полки, как отряд Карпова. Поэтому, сила нашего авангарда если не превышала, то во всяком случае равнялась силам неприятеля, которых было до 37.500, по свидетельству М. Шамбре, Hist. de l'exped., T. II, c. 371.

* Донесение генер. Платова от 19-го и 20-го октября, на марше.

нахожусь обратиться к вам с представлением его светлости о том, что уже несколько дней войска мои не имеют хлеба; вина и совсем не было, до сих пор питались кое-как мясом, но и сие к концу пришло. Я продолжаю быстрое моё движение по земле, обнажённой от всяких средств и, следуя за неприятелем, после завтра могу быть у Вязьмы. Дай Бог, чтоб от неприятельских магазинов я мог там найти помощь; иначе не знаю как и быть. Дружески прошу вас выслать мне к тому пункту продовольствие, так же и ящики с зарядами для артиллерии, ибо я сегодня уже французскими стрелял, большею частию не по калибру моих орудий. Пленных столько, что отдаю поселянам»*. Вечером в этот день (20-го октября), приблизясь к неприятельскому арьергарду, располагавшему ночевать при Гжатске, он приказал полковнику Кайсарову напасть на него с одним егерским полком и конною артиллериею. Неприятель отступил и он всю ночь преследовал его до Царёва-Займища, где оказался большой вагенбург, прикрытый пехотою. Несмотря на усталость своих войск, пользуясь замешательством неприятеля, Кайсаров снова напал на него, взял обоз с богатою добычею, одну пушку, и обратил неприятеля в бегство**.

Генер. Милорадович с войсками авангарда, впереди которого шёл граф Орлов-Денисов с пятью казачьими полками, «видя невозможность предупредить неприятеля в Гжатске, через село Никольское пошёл к Воронцову, куда только что к вечеру прибыть мог» (20-го октября). Фельдмаршал, узнав, что император Наполеон с передовыми войсками уже прошёл Вязьму, а его армия растянулась на пространстве от Колоцкого монастыря до этого города, предписал ему ускорить движение, идти на село Спасское и нападать на отступавшие неприятельские корпуса порознь и оттуда отправить дивизию г. Паскевича на соединение с г. Платовым. Кавалерийские генералы Корф и Васильчиков, опередив войска авангарда и заметив беспорядочное движение неприятеля по большой дороге, советовали г. Милорадовичу напасть у Царёва-Займища на корпус Даву. Барон Корф, который до начала войны стоял с дивизиею в Вязьме, хорошо зная местность, полагал возможным скрытно от неприятеля приблизить войска и напасть неожиданно на него. Милорадович согласился; передовым войскам было предписано, чтобы место их ночлега было скрытно и запрещено разводить огни на бивуаке. Но начальник 4-й дивизии принц Евгений Вюртембергский не только не скрыл от неприятеля своих войск, но подошёл к самой большой дороге и завязал перестрел-

---

* Письмо от 20-го октября на походе к Гжатску.

** Донесение генер. Платова от 21-го октября.

ку. Горячность ли «любимого войсками, неустрашимого, но мало способного к соображениям несколько сложным», как свидетельствует г. Ермолов, или действительно он не получал приказа начальника авангарда, как он сам говорит, – но во всяком случае неприятель, в первый раз увидавший, что не одни казаки, но и пехота находится подле него, не остановился на ночлег и двинулся далее*. На другой день (22-го октября) авангард продолжал движение к Вязьме. В то время когда Платов и Милорадович приближались к Вязьме, тем находились партизаны Фигнер, Сеславин и отряд графа Орлова-Денисова, которые постоянно делали набеги на неприятеля, отбивали обозы, забирали пленных и непрерывно его тревожили. Граф Орлов-Денисов под самою Вязьмою напал на отступавшие отряды французов, отнял одну пушку, 40 повозок с добычею и канцеляриею, а полковник Давыдов постоянно тревожил войска Наполеона на половине дороги между Вязьмою и Дорогобужем.

Тогда как наши передовые войска собирались в достаточном числе, чтобы действовать против трёх значительно потерпевших корпусов, маршала Даву, вице-короля итальянского и князя Понятовского, император Наполеон находился уже за несколько переходов впереди на пути к Дорогобужу. Прибыв в Вязьму 19-го октября (31-го), к вечеру на другой день он дал отдых своим войскам, а сам оставался в ней почти двое суток. В продолжении 15-ти дней, прошедших после оставления Москвы, он не имел никаких известий, ни с своих флангов, ни из Вильны и даже Смоленска. Они ожидали его в Вязьме. Там он узнал, что корпус маршала Виктора давно оставил Смоленск и в это время уже соединился с корпусами Сен-Сира и Удино, что это движение вызвано победами графа Витгенштейна, который взял Полоцк и принудил к отступлению за Двину его войска и таким образом разобщил их от корпуса маршала Макдональда и разорвал операционную линию по Двине. Поэтому на корпус Виктора, который по его предположению мог подкрепить его армию, по достижении Смоленска, он рассчитывать уже не мог. Сводную же дивизию Бараге-д'Илье он сам двинул на Юхнов по направлению к Калуге и в это время не знал, где она находится.

Известия с другого фланга, о действиях князя Шварценберга и Ренье, не только не могли успокоить, но, напротив, возбудили его подозрения, и не без причины. Дунайская армия двигалась на Пружаны и

---

* Записки Ермолова, Т. I, с. 239; Erinnerungen v. Ger. Eugen v. Württenberg, с. 129; приказ был дан, но адъютант принца, Гельдорф, по собственному его свидетельству, не счёл нужным его показать ему. Gelldorff. Aus dem Leben d. Prinz Eugen v. Württenberg, T. II, с. 93.

Слоним, отрезывая сообщения князя Шварценберга с армиею Наполеона и угрожая Минску, также как движения графа Витгенштейна угрожали Витебску. Между тем, в обоих этих городах были заготовлены большие запасы для продовольствия войск. Устроив главное основание для военных действий (главный операционный базис) на р. Висле, император Наполеон сосредоточил огромные боевые и для продовольствия войск запасы в Данциге, Грауденце, Модлине и Варшаве. Но, по мере движения войск в глубь России, необходимо было учредить промежуточные магазины по пути движения войск вперёд. Такие магазины и были в Ковно, Вильне, Витебске, Минске и Смоленске. Склад в последнем городе был крайним и ближайшим, из которого войска Наполеона могли получать продовольствие. На него и было обращено его внимание. Из Вязьмы он писал к смоленскому губернатору, чтобы он к 5-му ноября (24-го октября) прислал ведомость в Дорогобуж о количестве заготовленных продовольственных запасов, артиллерии с упряжью и без упряжи и всякого рода военных запасов и в то же время дал бы знать от его имени в Витебск, чтобы там как можно более пекли хлебов, и в Могилёв, чтобы оттуда направили в Смоленск как можно более продовольствия*.

Истощаемые постоянно запасы в это время не могли пополняться. «День и ночь пекут хлебы»,— говорит обер-провиантмейстер Наполеона в Смоленске. — «Я желал бы приготовить как можно более продовольствия ко времени прихода моих несчастных соотечественников. Я требую, понуждаю тех, кому это поручено; но уже многие из моих подчинённых бежали, только штыками удерживаю остальных. В окрестностях я заготовил большое количество скота, который теперь должен был вогнать в город: неприятельские отряды у нас отогнали уже много стад; даже наши стражи, которых мы давали для охраны помещичьих усадеб, принуждены были войти в Смоленск. Из окрестностей ничего к нам не доходит, даже два наши обоза, в 200 лошадей и 65 нагруженных повозок, были захвачены». Туда уже доходили слухи о бедственном положении приближавшихся войск и возбудили ужас. Все, кто мог, спасались из города, раненые спешили в Вильну и далее к границе. Наступавшие холода были причиною пожаров. «Наши жгут дома, чтобы согреться, — говорит тот же свидетель-очевидец, — не проходит ночи, чтобы у нас не было пожаров. Чтобы сохранить запасы, я перевёл их в каменные дома»**. Если император Наполеон и действительно

---

* Lettre du major général au général Charpantier из Вязьмы, 1-го ноября н. ст. F a i n. Manuscrit de 1812, T. II, c. 336.

** P u i s b u s q u e. Lettres sur la guerre de Russie en 1812. Ed. 1817; письмо из Смоленска (30-го ноября), c. 116–118.

намеревался удержаться в Смоленске и потом занять зимние квартиры за Днепром, а не распускал этот слух, что́, конечно, вероятнее, для того только, чтобы ободрить свои войска, которому они верили и смотрели на этот город как на обетованную землю, где должны прекратиться все их бедствия, – то это предположение разрушалось силою самых обстоятельств. После двухдневного пребывания, пополудни 21-го октября (2-го ноября), Наполеон выступил из Вязьмы, предписав Нею сменить маршала Даву и идти в арьергарде. Когда его войска прибыли в Семлево, «вечером, – говорит один из его спутников, – уже были слышны перестрелка и пушечные выстрелы, а на другой день они значительно усилились», когда войска продолжали движение к Славкову*. Шло сражение при Вязьме. Остановив движение войск, император Наполеон не поспешил к месту битвы, как бы поступил в иное время, не дал предписания – кому из трёх маршалов поручает главное начальство, а спокойно оставался в Славкове, ожидая известия об исходе сражения**.

Рано утром войска атамана Платова и конница авангарда окружили корпус Даву, уже сильно пострадавший от постоянных набегов казаков. Он мог быть или совершенно уничтожен, или должен был сдаться в плен. Но пехота авангарда, которая не могла поспеть за быстрым движением конницы, ещё не подошла; а между тем вице-король Италии, узнав об опасном положении Даву, возвратившись от Вязьмы, куда уже подходил его корпус, к Федоровскому, вместе с корпусом князя Понятовского, занял позицию по большой дороге за нашею конницею и выдвинул батареи. Оказавшись между двух огней, по распоряжению Милорадовича она была отодвинута с большой дороги. Маршал Даву мог продолжать отступление; но, сильно поражаемый с фланга, претерпел такие потери, что не мог продолжать боя и укрылся за корпуса вице-короля и Понятовского. Между тем подошла пехота авангарда и Милорадович немедленно напал на вице-короля и Понятовского, на подкрепление которым и маршал Ней прислал одну дивизию из своего корпуса, который стоял близ Вязьмы у с. Крапивны. После первых часов упорного боя, маршалы съехались и с общего согласия решили отступать. Милорадович усилил нападение и вогнал неприятеля в Вязьму. В это время показались и кирасиры, присланные князем Кутузовым, и пособили довершить поражение неприятеля. Вязьма была вырвана из его рук; боевая доблесть генер. Милорадовича выказалась в полном блеске в этот день. Неприятель отступил за несколько вёрст и провёл ночь в обширном лесу, через который идёт большая дорога.

---

* B. Peyrusse. Mémorial etc., c. 115.

** M. Шамбре. Histoire de l'expedition de Russie, T. II, c. 373.

В этом лесу, к довершению бедствий, их ожидало страшное зрелище: в нём были брошены все раненые, отправленные из Москвы. Лошади падали от недостатка корма или не могли идти далее, проводники ушли и оставили их без всякой помощи. «Этот лес, — говорит один из очевидцев-свидетелей, — был для них больницею и — гробом», а «наш приход — смертным приговором», — прибавляет другой. «Что за ночь! эта была самая ужасная с тех пор, как мы оставили Москву», — говорит один из спутников Наполеона. «Маршал Ней прикрывал отступление, — говорит другой, — и стоял за глубоким оврагом от неприятеля, но и ночью подвергался нападениям; нас часто будили ядра, пущенные в лес, производившие ужасный треск, и вынуждали браться за оружие»*. Не только этих раненых, но и тех, которые получили раны в сражении при Вязьме, по недостатку перевозочных средств, французы бросили на поле битвы или в этом лесу. Самый решительный из маршалов Наполеона, никогда не боявшийся опасности и готовый на отчаянные действия, Ней с этого дня убедился вполне, что великая армия не существует более, утратив всякое боевое значение. На другой же день после сражения, утром, он не скрывал гибельных его последствий, и донёс императору Наполеону, хотя и приписывал их недостатку единства в действиях. «Если бы распоряжения были лучше, то последствия не были так неблагоприятны, — писал он. — Но всего прискорбнее то, что в этот день мои войска увидали то расстроенное состояние, в котором находится первый корпус (Даву). Такие гибельные примеры действуют разрушительно на дух войск. Несмотря на моё нежелание осуждать распоряжения моих сотоварищей, я должен, однако же, сказать вам правду, что я могу отвечать за отступление только в том случае, если один буду распоряжаться. Первый и четвёртый корпуса отступили, я занимаю теснину (défilé) в лесу за Вязьмою и выступлю до рассвета; но необходимо, чтобы отряды отступали правильно один за другим, иначе я ни за что не отвечаю. Я не думаю, что против нас была вся неприятельская армия. Конницы и артиллерии было очень много; но пехоты, я полагаю, не более 20 тысяч»**.

По личным ли счетам с его боевыми товарищами или по тягости скоро помириться, после стольких лет блестящих военных подвигов, с тем бедственным положением войск, в котором они находились и которое впервые увидал маршал Ней, находясь перед тем в сравнительно лучшем положении, когда шёл вслед за Наполеоном, — но он ошибался,

---

* Labaume. Rélation etc., c. 293; M. Шамбре. Hist. de l'expedition etc., T. II, c. 372; Duc de Fezenzac. Souvenirs milit., c. 286.

** M. Шамбре. Histoire de l'éxpedition etc., T. II, c. 374–375.

точно также как Даву, предполагая возможным установить порядок для беспорядочного бегства совершенно разлагавшейся армии. Но ещё более его заблуждался император Наполеон, если только действительно он думал принять сражение в Славкове. Когда шло дело под Вязьмою, он поручил начальнику своего штаба составить следующий приказ всем начальникам войск: «Если неприятельская пехота будет следовать за движениями армии, то его величество намерен напасть на неё, опрокинуть и частию взять в плен. С этою целию он избрал позицию по средине между Славковым и Дорогобужем. Завтра с рассветом император будет на ней с гвардиею. Император разместит войска таким образом, чтобы их прикрывал ариергард маршала Нея и они могли бы со всею артиллериею двинуться на неприятеля, тогда как он будет предполагать, что перед ним находится один ариергард». С этою целью предписывалось каждому маршалу отправить все обозы наперёд к Дорогобужу, собрать разбежавшихся солдат и вообще приготовить войска к сражению. Но в конце приказа было сказано: «император ожидает донесений о вчерашних происшествиях, чтобы принять решение (pour fixer son opinion). Как могло случиться, что неприятельский корпус, который покусился перерезать сообщения между французскими дивизиями, не был взят в плен?»* Известия, постоянно приходившие к нему о сражении при Вязьме, послужили ответом на этот заносчивый вопрос. Ней уже двигался к Славкову, когда узнал о намерении императора Наполеона дать сражение. Он поспешил к нему, объяснил ему положение дел, и сказал: «вы хотите драться, а у вас уже нет более войск»**. Приказ не был разослан маршалам и бегство войск продолжалось ещё в большем беспорядке, потому что с этого времени наступила действительная зима.

Тревожны и суетливы были действия императора Наполеона в роковое для него время. Выражая намерение встретить с оружием в руках преследовавшие его наши войска, он немедленно отказывался от этого предположения, понимая положение своих войск – вводил в заблуждение своих военачальников, действовавших на флангах, герцога Бассано, находившегося в Вильне, и губернаторов в Смоленске, Минске и Витебске, уверяя, что движение его войск не вынуждено неприятелем, а совершенно свободное (volontaire), и скрывая действительное положение своих войск. Известия, приходившие с флангов, усиливали

---

* Приказ, данный в Славкове 4-го ноября н. ст.: подлинный напечатан у г. Давыдова. Сочинения, Т. I, с. 151–153.; М. Шамбре. Hist. de l'éxpedition etc., Т. II, с. 375.

** Denniée. Itinéraire de l'emp. Napoléon, с. 123–124.

его тревогу, и, наконец, довершило известие из Парижа о возмущении генер. Мале, полученное им в Махилевне, за Дорогобужем. «Императора особенно поразило не то обстоятельство, — говорит один из спутников его в это время, — что в его отсутствие обнаружился заговор, но что после 12-ти лет правления, после женитьбы, после рождения у него сына, слух о его смерти мог служить поводом к возмущению. «А Наполеон II-й, — говорил он, — об нём и не подумали». Это забвение, которое сильно его поразило, было для него неожиданным»*.

Спокойны и величавы были действия кн. Кутузова. Во время движения к Вязьме, в дер. Силенках (20-го октября), он получил донесение генер. Иловайского о плене Винценгероде и Нарышкина и о том, что его полки немедленно вступили в Москву. Назначив на место Винценгероде гр. Сен-При, он предписал ему преследовать с фланга отступавшего неприятеля, следуя к Духовщине, а начальнику Владимирского ополчения кн. Голицыну поручил занять Москву, для водворения порядка как в ней, так и в её окрестностях**; и в тот же день выдал следующий приказ войскам: «неприятель с самого его вступления в Москву, жестоко обманутый в своей надежде найти там изобилие и самый мир, должен был претерпевать всякого рода недостатки. Утомлённый далёкими походами; изнуренный до крайности скудным продовольствием; тревожимый и истребляемый повсюду партиями нашими, кои пресекли у него последние средства доставить себе пропитание посредством сбора от земли запасов; потеряв без сражения многие тысячи людей, побитых или взятых в плен нашими отдельными отрядами и земскими ополчениями; не усматривая впереди ничего другого, как продолжение ужасной, неудачной для него войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию; видя в каждом жителе воина, общую непреклонность на все его обольщения, решимость всех сословий грудью стоять за любезное отечество; претерпев 6-го числа октября, при учинённой на него атаке, сильное поражение, и постигнув, наконец, всю суетность дерзкой мысли: одним занятием Москвы поколебать всю Россию, — предпринял он поспешное отступление вспять, бросив на месте бóльшую часть больных своих, — и Москва очищена. К прежним, известным уже учиненным французами в сей столице неистовствам, кои посеяли между российским и их народом семена вечного мщения, надлежало им подорвать минами некоторые места в Кремле; но, благодарение Богу! — собор и святые храмы остались при сём случае невредимы.

---

* Fain. Manuscrit de 1812, T. II, c. 284–285.

** Военный журнал Толя; журнал гр. Сен-При.

Теперь мы преследуем силы его, когда в то же время другие наши армии снова заняли край Литовский и будут содействовать нам к конечному истреблению врага, дерзнувшего угрожать России. В бегстве своём оставляет он обозы, взрывает на воздух ящики с снарядами, и покидает даже сокровища, из храмов Божиих похищенные. Уже император Наполеон слышит ропот в рядах своего воинства, уже начались там побеги, голод и непорядки всякого рода. Уже слышен нам глас всеавгустейшего монарха, который взывает: «Потушите кровию неприятельскою пожар московский!» — Воины! потщимся исполнить сие, и Россия будет вами довольна, и прочный мир водворится в неизменимых её пределах. Бог поможет нам в том, добрые русские солдаты!»*

На другой день после сражения под Вязьмою, во время дневки в с. Быкове, кн. Кутузов сделал следующие распоряжения: г. Платову приказал продолжать преследование неприятеля и теснить как возможно сильнее; авангарду г. Милорадовича со всею пехотою и двумя кавалерийскими полками выступить вслед за Платовым, и бóльшую часть своей конницы, с её конною артиллериею, по недостатку фуража на большой дороге, направить влево на полумарше от этой дороги, чтобы она, угрожая левому флангу неприятеля, могла между тем находить себе продовольствие по деревням. Дивизия г. Паскевича была присоединена к корпусу г. Раевского; графу Ожаровскому и партизану Давыдову велено было приблизиться к Смоленску, наблюдая путь неприятеля. Платов дошёл в этот день до с. Полякова, по дороге к Дорогобужу, постоянно преследуя неприятеля всеми своими силами с тыла, а его фланги — отрядами в два полка, с правой и левой сторон дороги. Сверх того, ему предписывалось, по возможности, предупреждать неприятеля своими отрядами и затруднять его движения истребляя мосты и переправы. Исключительно с этою целью послан был вперёд отряд г. Орлова-Денисова. «Такой род преследования, — писал кн. Кутузов, — приведёт неприятеля в крайнее положение и лишит его большей части артиллерии и обозов»**. Постоянно преследуя и ослабляя действиями передовых своих войск неприятеля, цель фельдмаршала заключалась в том, чтобы не допустить его свернуть, с большой Смоленский дороги, на какой-либо новый путь. Ещё приближаясь к Вязьме, он опасался, чтобы Наполеон от этого города или от Дорогобужа не направился бы на Ельню и Мстислав к Могилёву. Поэтому начальнику Калужского ополчения г. Шепелеву, у которого была незначительная часть регулярных войск и два Донских казачьих полка, он предписал со всем опол-

* Приказ 20-го октября.

** Все предписания от 23-го октября, из Быкова; журнал г. Толя.

чением двинуться из окрестностей Калуги и Рославля к Ельне; а графу Гудовичу – немедленно соединить всё Черниговское ополчение между Мглином и Суражем и оставаться там впредь до повеления. Только что составленный в Юхнове летучий отряд, под начальством гр. Ожаровского, был оправлен к Ельне. После дневки большой армии в Быкове, где подошли к ней продовольственные и артиллерийские запасы из Юхнова и Мосальска, заблаговременно туда свезённые из Калуги и Брянска, кн. Кутузов двинул войска по дороге к Ельне, угрожая с левого фланга неприятелю и находясь, по возможности, на одной высоте с авангардом г. Милорадовича, и дошёл в этот день (24-го октября) до деревни Красной, а корпус г. Раевского, который в виде авангарда должен был следовать в небольшом переходе впереди армии, остановился в дер. Староселья по дороге от Юхнова в Дорогобуж.

Но постоянно приходили известия из передовых наших войск об отступлении неприятеля к Дорогобужу и далее к Смоленску. Притом в это время в нашей главной квартире, как свидетельствует г. Толь, полагали, что маршал Виктор с 35-ти тысячным корпусом от Орши идёт в Смоленск на соединение с Наполеоном. Кн. Кутузов получил в это время донесение гр. Витгенштейна, от 8-го октября, когда ещё против него действовали Удино и Сен-Сир и корпус Виктора не подошёл к ним на помощь. Поэтому он продолжал движение на Ельну, и – «с тою целию, – по словам г. Толя, – чтобы потом продолжать движение к с. Красному, и таким образом, обойдя Смоленск, стать на операционной линии неприятеля, дабы, по прибытии 9-го корпуса маршала Виктора, разбить армию Наполеона. На успех этого фельдмаршал надеялся потому, что неприятельским войскам следовало два раза переходить Днепр: первый раз при Пневе, а в другой – при Смоленске, что́ должно было весьма замедлить её движения. Также фельдмаршал предполагал, что Наполеон, не зная о движении наших войск чрез Ельню на Красное, без сомнения, захочет дать некоторое отдохновение своим войскам при Смоленске, где по известиям наших партизанов, были значительные запасы фуража, продовольствия, вина и мяса, и тем самым даст нам возможность привести в действие предположенный план. Не малая выгода в этом направлении представлялась нашим войскам и потому, что по ней они имели возможность найти для себя продовольствие»*.

Ещё из Полотяных заводов кн. Кутузов доносил Государю, что намерен фланговым движением преследовать неприятеля, и писал гр. Витгенштейну и адмиралу Чичагову: «думаю нанести Наполеону величай-

---

* Военный журнал Толя.

ший вред параллельным преследованием, и, наконец, действовать на его операционном пути»*. В это время, сообщая им о сражении при Вязьме, он определённо выражает им цель своих движений и желание, чтобы их действия сообразовались с общим планом, присланным из Петербурга с Чернышевым и им утверждённым. Продолжая параллельное преследование, писал он адмиралу Чичагову, «я приобретаю разные выгоды: 1) кратчайшим путём достигаю Орши, если неприятель на неё станет отступать. Если же Наполеон обратится на Могилёв, то пресеку ему туда совершенно путь; 2) прикрываю край, откуда к армии приходят запасы». Сообщая адмиралу о движении своих войск, он говорит: «Сколь бы полезно было, если б и вы, оставив против австрийцев обсервационный корпус, как можно поспешнее, с другою частию войск обратились к направлению через Минск на Борисов». Направляя таким образом Дунайскую армию, в то же время он писал графу Витгенштейну: «с особенным удовольствием читал я рапорт ваш от 8-го сего октября. После сего удачного сражения, вижу, что действия ваши сообразны будут общему плану, мною утвержденному, направляясь чрез Леппель на Борисов, буде неприятель в сём направлении отступать будет. Когда же вы достигнете сего пункта, полагаю, достаточно будет корпуса графа Штейнгеля – следовать за Сен-Сиром и наблюдать его движение; а вам, соображаясь с моими движениями, сближаться к Днепру. К какому же пункту главные неприятельские силы сближаться будут, можете вы узнать заранее от ваших партизанов, и тогда, соглашаясь с ним, отрезывать Наполеону отступной марш. Если же Сен-Сир отступать станет на соединение главной своей армии, что́, вероятно, чрез Сенно к Орше произведено будет в таком случае, заняв отрядом, в выгодном месте, большую дорогу, из Докшицы к Бешенковичам идущую, сильно преследовать неприятеля и не упуская его из виду, дабы тем лишить его средств форсированными маршами соединиться и с превосходными силами напасть на одну из наших армий. Я, с моей стороны, не перестаю идти за бегущим неприятелем, который почти нигде не останавливается. Все мои партизаны предупреждают его на марше, затрудняя всячески отступное неприятельское движение, нанося ему притом величайший вред»**.

Главная армия продолжала движение на Гаврюково, и 25 октября прошла к Белому Холму. «Около этого времени, – записал в своём военном журнале г. Толь, – началась зима,*** и хотя морозы были ещё

* Отношения к гр. Витгенштейну от 16-го октября; к ад. Чичагову от 17-го.

** Предписания гр. Витгенштейну от 22-го октября и адм. Чичагову от 23-го октября из Быкова.

*** Сведения о морозах собраны в статье Д.В. Давыдова, Сочинения, Т. I, с.

не велики, однако же главнокомандующий, для сбережения войск, приказал располагать их по корпусам в кантонир-квартирах. Чрез предусмотрительность дежурного генерала Коновницына, армия наша снабжена была не только хлебом, вином и мясом, но и в своё время полушубками, а кавалерийские и артиллерийские лошади — подковами. Последняя предосторожность немало способствовала к сильному поражению неприятеля, потому, что под конец ничто так сильно не устрашало его, как казаки, подкрепляемые обыкновенно регулярною конницею и конною артиллериею. Усиленные переходы, которые она делала, весьма часто чрез едва проходимые места, и беспрестанные нападения на неприятеля изнуряли его до такой степени, что сотнями от усталости и голоду умирали на дороге». Донские войска атамана Платова постоянно нападали на неприятеля и отбивали орудия, обозы, и забирали пленных. Дойдя до с. Семлева, авангарду Милорадовича было предписано преследовать неприятеля с тылу, а г. Платову повернуть направо. Повернув с с. Рыбки, он к вечеру достиг д. Ставково, а передовой его отряд из 4-х полков, под начальством полковника Андреянова, перейдя вброд на правый берег Днепра, открыл, при дер. Бизюково, по дороге из Дорогобужа к Духовщине, неприятеля из 1.500 пехоты и 6 эскадронов конницы. Скрытно пробравшись лощинами, он напал на его правый фланг, взял несколько пленных, пять артиллерийских ящиков и одно знамя. Это был авангард корпуса итальянского вице-короля, которого от Дорогобужа император Наполеон послал на Духовщину. Г. Милорадович преследовал арьергард неприятеля. Маршал Ней пытался задержать его движение, чтобы обеспечить переправу войск при Пневе через Днепр, останавливался в боевом порядке, — но постоянно должен был уступать напору нашего авангарда. Милорадович одержал над ним победу при Болдином монастыре, в 15-ти верстах от Дорогобужа, потом при переправе через реку Осьму, и, наконец, выгнал его из Дорогобужа. На другой день (26-го октября), он получил от главнокомандующего следующее предписание: «по случаю приближения главной армии к Днепру, найдено мною, что ближайший и выгоднейший путь, который она избрать может, есть: от окрестностей Дорогобужа, перерезав дорогу, ведущую от Ельни в Дорогобуж, потом вышедши на дорогу из Ельни в Смоленск и пройдя некоторое по оной пространство, оставя Смоленск вправо, продолжать движение прямо на г. Красной и далее к Орше на операционную линию неприятеля. Избрав сей путь,

1–20, и в соч. И. П. Липранди: Некоторые замечания о причинах гибели наполеоновых войск. СПб. 1855 г., с. 79 и след.

мы имеем следующие выгоды: во 1-х, кратчайшим путём достигнуть Орши, переправясь только один раз через Днепр при сём городе, тогда как неприятелю по прямейшему пути переправляться три раза через оную реку, при Соловьеве (Пневе), Смоленске и Орше. Во 2-х, прикрываем мы сим маршем край, из которого весь запас для нашей армии доходить будет. Вследствие сего вы можете ещё, со вверенным вам авангардом, преследовать неприятеля, не доходя до с. Михалева (в 18-ти верстах от Соловьевой переправы), и оттуда, фланговым маршем влево, стараться в два марша присоединиться к армии. Корпус г. Раевского с 1-й кавалерийской дивизиею, составляя ныне авангард, 3, 5, 6 и 8-го корпусов, будучи усилен 8-м корпусом и кавалериею вверенного вам авангарда, поступит вновь в вашу команду. Ген. гр. Орлову-Денисову предписано также присоединиться к новому авангарду и состоять в команде вашей. Г. Платову, идущему вправо от большой дороги, предписано с остальными у него казачьими полками преследовать бегущего по правому берегу Днепра неприятеля; но ему вы отделите в подкрепление 4-й кавалерийской дивизии драгунский полк»*. Этим распоряжением авангард, действовавший отдельно от главной армии, вновь присоединялся к ней и подкреплялся корпусом г. Раевского, составлявшим временно её авангард. Приближая к себе авангард для дальнейших действия наперерез пути Наполеону от Смоленска к Орше, кн. Кутузов не считал уже нужным употреблять его значительных сил, чтобы преследовать последние остатки неприятельских войск, поспешно и в беспорядке бежавших к Смоленску.

С этою целью поручено было г. Милорадовичу составить отдельный отряд, который бы преследовал неприятеля по Смоленской дороге. Такой отряд, под начальством ген. Юрковского, составленный из казаков и двух полков регулярной конницы, напал на неприятеля при с. Усвятье, который, бросив пушки, побежал к Смоленску. На другой день (27-го октября), застигнутый метелью, он, не дойдя 5-ти вёрст до Соловьевой переправы, ночевал в лесу, а затем (28-го октября) получил предписание Милорадовича присоединиться к авангарду, оставив для преследования неприятеля полковника Карпенкова с тремя полками при 4-х орудиях. Между тем, гр. Орлов-Денисов, посланный фельдмаршалом к Соловьевой переправе, нашёл, что он уже перешёл Днепр и преследовал его далее, к Смоленску.

При взятии Дорогобужа авангардом, освобождены были два наших пленных офицера, которые также показали о движении войск князя Евгения на Духовщину. Вследствие этого известия, г. Милора-

---

* Предписание от 26-го октября, из Белого Холма.

дович послал на эту дорогу полковника Васильчикова с двумя полками конницы. Но отряд Андреянова, настигший уже войска вице-короля итальянского, известил Платова о их движении, который ускоренным ходом двинулся против него со всеми своими полками, разрезал его колонны на две части, из которых одна была отброшена к Дорогобужу, другая к Духовщине. Ночь прекратила сражение и помогла вице-королю соединить снова свои войска и двинуться на другой день к Улховой слободе, где предстояла ему переправа через р. Вопь. Хотя Платов в следующий день простоял до 9-ти часов утра в дер. Маркове (27-го октября), разослав повсюду партии, чтобы разведать куда двинулись главные силы неприятеля и ожидая встретить ту его часть, которая была отброшена к Дорогобужу, однако же он успел настигнуть неприятеля во время начатой им переправы. В то время, когда уже приближались его полки, мост, построенный по распоряжению кн. Евгения, подломился под тяжестью артиллерии, а берега Вопи были круты и по ней шёл ещё лёд. Это обстоятельство, сопровождаемое одновременно нападением казаков, произвело такое расстройство в его войсках, что он потерпел полное поражение, потерял бóльшую часть людей, весь обоз и почти всю артиллерию. Перешедшие на другой берег Вопи, остатки неприятельских войск, принуждённые ещё выдержать нападение отряда Иловайского у Духовщины и потерпеть значительные потери, не представляли уже боевой силы. Платов, зная, что преследование неприятеля авангардом Милорадовича окончится у Соловьевой переправы, отправил одну часть своих войск для преследования неприятеля к Духовщине, с другою пошёл наблюдать дорогу, идущую от Соловьевой переправы к Смоленску*.

В то время, когда армия кн. Кутузова продолжала движение к Ельне, этот город был занят небольшим неприятельским отрядом. Калужское ополчение, приблизясь к нему 2-го октября, выгнало неприятеля и заняло город; но недалеко от него находилась сводная дивизия г. Бараге д'Илье, направленная императором Наполеоном из Смоленска к Калуге, и не получавшая других предписаний. Наши партизаны: Давыдов, Сеславин и Фигнер, соединившись с гр. Орловым-Денисовым, воспользовавшись длинным протяжением неприятеля от села Ляхова до Долгомостья, прервали его сообщения, одну часть, под начальством Бараге д'Илье, разбили и заставили отступить к Смоленску, другую,

* Военный журнал Толя; донесение атамана Платова фельдмаршалу от 27-го октября из д. Манторова, и донесение кн. Кутузова Государю из Ельни, от 28-го октября.

под начальством Ожеро, принудили сдаться с 60-ю офицерами и 2.000 солдат*.

От самой Вязьмы и до Днепра действия наших передовых войск заключались в непрерывных нападениях на бежавшего неприятеля, которые сопровождались постоянным успехом. Неприятель не думал уже о сражениях и не мог думать, доведённый до крайней степени расстройства. В первый день отступления от Вязьмы, — свидетельствует один из полковых командиров корпуса маршала Нея, — «четвёртый и первый корпус проходили мимо нас в величайшем беспорядке. Я не мог и предполагать, чтобы они так пострадали и пришли в такое разложение. Почти одна только италиянская гвардия шла в хорошем порядке, все остальные потеряли бодрость и изнемогали от усталости. Огромное количество отсталых и большею частию без оружия. Многие из них провели ночь вместе с нами в лесу под Вязьмою. Я употреблял все способы, чтобы побудить их идти вперёд, не дожидаясь ариергарда. Для них было очень важно уйти на несколько часов вперёд, и притом мы не могли допустить, чтобы они смешивались с нашими рядами и затрудняли бы движения. Их собственная выгода согласовалась в этом случае с требованиями службы; но усталость и лень препятствовали им послушаться наших советов. Но лишь только начал ариергард движение на другой день, как они присоединились к нам. Больные и раненые остались у костров и умоляли нас не оставлять их. Мы не имели никаких перевозочных средств и должны были показывать вид, что не слышим их воплей, не имея возможности им помочь»**. Октября 23-го (4-го ноября) пошёл снег, но небольшой и продолжавшийся недолго; на другой день он пошёл сильнее, а на третий падал в огромном количестве, сопровождаемый сильным ветром. «Мы приближались к Дорогобужу, отстоящему от Смоленска 56 вёрст. Мысль, что в три дня достигнем этого города, возбуждала всеобщую радость; но вдруг изменилась погода. Солнце скрылось за густыми облаками, сырой туман наполнил воздух и потом сильными хлопьями начал падать снег, день исчез, и небо и земля слились вместе. Порывистый ветер с яростию свистал по лесам, пригибая к земле деревья и, наконец, земля превратилась в белую бесприютную пустыню. В это ужасное время, солдаты, удручённые ветром и снегом, не могли различать большой дороги, падали в канавы, которые шли по обеим её сторонам, и они служили им гробом. Другие спешили идти вперёд, но плохо обутые, плохо одетые,

---

* Военный журнал Толя; донесение фельдмаршала Государю от 31-го октября, из Лобкова; Д. В. Давыдов. Сочинения, Т. I, с. 80 и след.

** Fezenzac. Souvenirs milit., с. 235–236.

голодные, дрожавшие от холода, не помогали им и не обращали никакого внимания на падавших от изнеможения их товарищей», — говорит Лабом*. В ужасной борьбе с грозной смертью слышались трогательные прощания с товарищами, воспоминания о родине и своих близких, вместе с упрёками тому, чьё безграничное самолюбие погубило их. Множество падали от изнеможения и замерзали. Скоро снег покрывал их трупы и по всей дороге образовались возвышения в виде могил, как на кладбище. «Снег скрыл небо и, казалось, оно спустилось на землю, чтобы белым саваном покрыть великую армию», — говорит гр. Сегюр**. С этого дня войска не только потеряли военную силу, но и внешний вид. Солдаты не повиновались офицерам, офицеры удалялись от генералов, полки рассыпались и двигались как хотели, одни искали пищи и расходились по сторонам, где попадались казакам и вооружённым крестьянам. Конина уже составляла почти единственную пищу, лошади, изнурённые голодом, не подкованные на шипы, не могли тащить артиллерии и обозов и падали сотнями. Едва падала лошадь, её растерзывали на куски и жарили мясо на огне. Одни начальники сохраняли свои обозы и в изобилии имели продовольствие. Каждый привал и ночлег, после того как оставляли его войска, походил на место сражения; вокруг догоравших костров лежало множество замёрзших трупов людей и лошадей. «Стаи воронов поднимались над нами с зловещим криком и целые стада собак следовали за нами, с самой Москвы питаясь нашими кровавыми останками», — говорит Лабом. Переход через каждый обрыв, незначительную речку, мост или плотину усиливал бедствия. Люди, обозы и артиллерия скоплялись в одном месте, задерживая одни других, и оставляли на месте множество жертв как людьми, так и разбитыми возами и артиллериею. При переходе через Днепр у Соловьевой переправы, была ужасная давка на мосту; дорога к нему на несколько вёрст была покрыта брошенными экипажами и зарядными ящиками. Нею надо было очистить дорогу прежде нежели начать переправу; но и его войска, сопровождаемые множеством отсталых, произвели такой же беспорядок. «Это не отступление, — говорил он, — а бегство», как и было действительно. Едва кто из солдат падал от изнеможения, другие бросались раздевать его, чтобы прикрыть его одеждою самих себя и защитить от холода, и отнимали провизию, если находили у них, и таким образом ускоряли их смерть. Но они обирали не только умирающих и мёртвых, но и живых. На роздыхах и ночлегах, из-под голов сонных их товарищей безнаказанно крали их имущество,

* Labaume. Rélation etc., с. 299 и след.

** C-te Segur. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 180.

уводили лошадей под свои повозки. Иногда доходило и до рукопашных схваток. Вестфальцев, которые шли во главе армии и сохраняли ещё часть продовольствия в своём обозе, ограбили солдаты гвардии. Ужасные бедствия заглушили в них человеческие чувства*; этим бедствиям подвергались и множество семейств, следовавших с великою армиею из Москвы, множество женщин и детей. «Я не берусь описывать происшествий этого ужасного похода, – говорит одна из них, – это сделают другие. Я опишу только 12 дней, которые были для меня постоянным предсмертным страданием, в продолжении которых смерть являлась во всевозможных видах. При начале дня я говорила: без сомнения, я не доживу до вечера; но какою смертью мне придётся умереть – я не знаю. Мы были недалеко от Смоленска. Офицер, с которым я ехала, велел кучеру прибыть туда к вечеру. Это был поляк, вялый и неловкий. Он бросил лошадей и всю ночь пропадал, под предлогом, что искал для них корма. Когда мы хотели ехать, лошади не могли двинуться с места. Две из них пали, а на остальных трёх нельзя было ехать. Мы находились при въезде на мост, на котором теснились люди и обозы, и простояли всю ночь. Утром он привёл двух лошадей. Я была уверена, что он их украл; но в это время, это было делом обыкновенным. Крали взаимно друг у друга всё, в чём нуждались, с совершенною безопасностью. Опасно было когда поймают на месте преступления, вора поколотили бы непременно. Только и слышалось в продолжение дня: ах, Боже мой, у меня украли или плащ, или мешок, или хлеб, или лошадь, и это говорили все, начиная с генерала и до солдата»**.

В таком положении находились неприятельские войска, подходя к Смоленску, как описывают сами французы, участники в событиях. Не без цели мы привели только их свидетельства, которые вполне подтверждаются показаниями и наших соотечественников-очевидцев, как в их записках, так и современных донесениях в главную квартиру. Наши войска были поражены, видя те бедствия, которые испытывали неприятели. От Вязьмы к Дорогобужу, – говорит один из очевидцев, – «мы шли большою Смоленскою дорогою и с ужасом видели на ней беспрерывное кладбище или как бы действие опустошительной чумы: на каждой версте лежали по нескольку десятков лошадей и трупы погибших французов; между ними или опрокинутые фуры, или взорванные пороховые ящики. Видели, как у многих околевших

---

* Бедствия великой армии, с бо́льшими или меньшими подробностями, одинаково описывают: гр.Сегюр, М. Шамбре, Фезензак, Лабом, Пексан, Нейрюсс, Роос и другие.

** M-me Fusil. L'incendie de Moscou. с. 26–27.

лошадей вырезано было мясо, видели, о ужас! в брюхе одной такой лошади француза, схватившегося обеими руками за печёнку, и, видно, хотевшего есть её; но лютый мороз окаменил его в этом положении. Иные несчастные, оставшиеся на дороге, хотя и были живы, но от сильного изнурения и голода потеряли употребление языка и только слабым движением рук обнаруживали в себе остаток жизни. В таком положении нашли мы на дороге сидевшего под деревом, белокурого, в тонком синем мундире, под трёхъугольною шляпою, офицера. Его глаза были полуоткрыты, голова склонилась на сторону, смертная бледность покрывала прекрасное лицо. Он не отвечал на наши вопросы и, казалось, потерял уже зрение, только правая рука его двигалась к сердцу. Вдруг его глаза сделались неподвижны — и он угас перед нами... Такие ужасы производили неприятное впечатление. Хотя французы были наши враги и разорители, однако же мщение не могло заглушить в нас чувства человечества в такой степени, чтобы мы не сострадали их бедствиям. Многие солдаты отходили от этих предметов ужаса с сожалением и, будучи тронуты свирепостию войны, проклинали виновника оной, Наполеона»*.

Хотя у наших передовых войск часто продовольствие бывало не изобильно, но они охотно делились сухарями с несчастными неприятелями, постоянно со всех сторон стекавшимися к их кострам на стоянках. На одну из таких стоянок, после сражения при Вязьме, прибежала русская женщина, московская мещанка, с криками: «батюшки родимые, спасите!» У неё на руках был грудной ребёнок, сын французского полковника, убитого под Вязьмою; мать его попалась вместе с обозом казакам и неизвестно куда пропала. Она была кормилицею их ребёнка и нежно ласкала его. «Да ведь он французёнок, — шутя заметил офицер, — что тебе жалеть его?» — Я жила у них как у родных, можно ли мне не любить их бедного сиротки, — отвечала она, и ласкала его, обливаясь слезами и повторяя: «бедный, бедный сиротка». Между тем, как доносил г. Милорадович фельдмаршалу, преследуя неприятеля, «находили в церквах убитых неприятелями младенцев»**.

Император Наполеон предписывал Нею отступать как можно медленнее, чтобы дать возможность другим войскам спокойно достигнуть Смоленска. Но при непрерывном преследовании нашего авангарда и казаков Платова и расстройстве войск великой армии, он не мог исполнить приказаний Наполеона. Из Семлева он уже доносил ему, что отсталые от разных полков армии чрезвычайно затрудняют ему про-

---

* Записки артиллериста, Т. I, с. 252–253, 257–264.

** Донесение Милорадовича фельдмаршалу 20-го октября.

тиводействовать нападениям наших передовых отрядов. После оставления Дорогобужа, где Наполеон намеревался продержаться долее, он послал к нему своего адъютанта, полковника д'Альбиньяка, с тем, чтобы он подробно представил ему положение войск; но лишь только он начал описывать ему те бедствия, которые они испытывают, Наполеон остановил его, говоря: «полковник, я не спрашиваю вас об этих подробностях», и повторил приказание, чтобы Ней удерживал напор наших войск и потом направил лишь к нему обоз с продовольствием, только что пришедший из Смоленска*. С тех пор однако же, как после победы при Дорогобуже наш авангард пошёл на соединение с большою армиею, а генер. Платов с большею частью своих полков на Духовщину, преследуя вице-короля итальянского, небольшие наши отряды не могли слишком теснить его и он действительно отступал настолько медленно, что дал возможность Наполеону прибыть в Смоленск 28-го октября (9-го ноября), а передовым войскам маршала Жюно – пройти город ещё двумя днями ранее и расположиться в нескольких верстах от него по дороге к Мстиславлю, когда он находился ещё на походе к Соловьевой переправе. Император Наполеон, конечно, знал, по крайней мере приблизительно, какое количество запасов продовольствия он найдёт в Смоленских складах. Ближайшие к Москве, они снабжали все туда следовавшие отряды и корпус маршала Виктора, во время его пребывания у Смоленска, посылали обозы к Москве и до Можайска и к Калуге до Ельни. Они быстро истощались, а пополнялись вновь медленно; восставшие крестьяне захватывали обозы по дорогам, а в последнее время – наши партизанские отряды и казаки. Витебск, откуда они могли быть пополнены, был взят войсками гр. Витгенштейна, магазины в с. Клементанове, по дороге к Ельне, содержавшие такое же количество запасов, как и Смоленские, были взяты, а частью сожжены отрядом гр. Орлова-Денисова**. Теми запасами, которыми в Смоленске мог располагать император Наполеон, его армия могла бы пробиваться не более семи – восьми дней. Мысль оставаться в Смоленске, если только она была у него, становилась невозможною по этому обстоятельству и по тем известиям, которые он постоянно получал с своих флангов. Русские войска могли совершенно преградить ему путь отступления. Поэтому, войдя в Смоленск с гвардиею, он велел запереть ворота крепости и предписал снабдить её продовольствием

* М. Шамбре. Hist. de l'expédition etc., T. II, c. 377 и след.; Fezenzac. Souvenirs milit., c. 289–290; C-te Segur. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 190–192.

** Puisbusque. Lettres sur la guerre de Russie, письмо 7-го ноября (26-го октября), с. 119; письмо С.Р. Вильсона к лорду Каткарту из Красного, 5-го (17-го) ноября.

на 15 дней и боевыми припасами. День и ночь раздавали их гвардейским полкам, когда огромные толпы безоружных и отсталых ломились силою в город. «Вчера Наполеон с гвардиею прибыл в Смоленск,— писал во Францию его генерал-провиантмейстер из Смоленска; — от Московской заставы до средины города, где был отведён ему дом, он шёл пешком. Возвышение к городу покрыто ледяною корою, так что экипажам трудно было въехать. Нет ни железа, ни углей, ни кузнецов, чтобы подковать лошадей на шипы; они стали так слабы, что которая упадёт — не встаёт уже более. Сегодня более 16° мороза. Солдаты, приходящие из Москвы, укутаны в мужские и женские шубы, в шёлковые и шерстяные материи разных цветов; головы и ноги обёрнуты лоскутьями. Их лица изнуренные, закопчённые дымом бивуаков, красные и свирепые глаза, всклоченные волосы делают их похожими на шайку преступников, вырвавшихся из тюрьмы. Те, которые падают от усталости, голода и холода, умирают на месте. Это не производит никакого впечатления на их товарищей, они проходят мимо, не заботясь о том, чтобы помочь им. Бедность, лишения и беспрестанное зрелище разрушений окаменили их сердца. Солдат без участия смотрит на умирающего своего сотоварища и даже друга. Одна мысль, кажется, охватила всех, которая может быть выражена так: он счастлив, он не страдает более. Каждый ожидал того же, рассчитывая по своим силам сколько ещё дней ему придётся прожить»*. Хотя император Наполеон тщательно скрывал неутешительные известия, приходившие с флангов, но слухи о них распространялись в войсках. Они надеялись, кроме продовольствия, найти в Смоленске и подкрепление в 35-ти тысячном корпусе маршала Виктора. Его отсутствие указывало на положение дел на левом фланге. Поражение Бараге д'Илье, пришедшего в Смоленск с остатком своей дивизии, появление остатков Итальянского корпуса, после потерь, понесённых при переправе через Вопь, известие о взятии Витебска — усиливали уныние**. Безоружные отряды войск, подходившие к Смоленску, которых не пускали в стены города, в первую же ночь воспользовались не только стадами быков, приготовленными для продовольствия армии, но взяли и убили 215 лошадей из артиллерийских конюшен, бывших в предместье. «Кто нёс хлеб или что-либо съестное — не был безопасен, у него отнимут его добычу или его убьют». Наконец, они проломали ворота, силою ворвались в город и, не смотря на то, что против них действовали оружием, начали грабить

* Puisbusque. Lettres sur la guerre de Russie, письмо 10-го ноября н. ст., с. 121–124.

** Labaume. Rélation de la campagne de Russie, с. 335 и след.

магазины. Весть об этом быстро разнеслась по войскам и те, которые не получали ещё своей дачи, все, как офицеры, так и солдаты, бросились на добычу. Начались драки и убийства. «Ужасы и плачевные зрелища возобновились повсюду вокруг нас, — говорит тот же свидетель-очевидец, — одни грабят других, крадут друг у друга и безнаказанно. Многие, истощённые голодом, съедают в один день запасы, данные им на неделю, и если не умирают, то приходят в совершенное расслабление. Раздача вина, которое могло бы оказать большую помощь при отступлении, становится пагубною. Нет более ни порядка, на расчёта, ни благоразумия, бóльшая часть этой толпы действует так, как будто им оставалось жить один день». Офицеры итальянские и немецкие, содержавшие караул у винного погреба, разломали двери и перепились с своими товарищами, перессорились и передрались. Солдаты последовали их примеру. Их уняли оружием, и они помёрзли по улицам. Все жаловались на неравномерное распределение между войсками продовольствия. «Всех можно бы спасти от ужасов голода, — говорит тот же свидетель, — но нам повелевают снабдить на две недели одну гвардию; в таком случае для 1-го и 4-го корпусов останется по кусочку хлеба на человека и то не долее как дня на два. Оставляют до 5.000 раненых и больных в крепости. Верховный распорядитель запасов (Наполеон) распределил их неравномерно войскам. С большим трудом выпросили у него для раненых несколько мешков муки»*. Но этого ещё мало. Под стены Смоленской крепости, где оставляли раненых и больных, уже подготовляли подкопы, наполняли их порохом, и Наполеон строго предписывал маршалу Нею, который должен был последним оставить Смоленск, взорвать башни и стены крепости.

Жалкие остатки войск великой армии постепенно подходили к Смоленску в продолжении семи дней. Нужно было некоторое время, чтобы дать отдых истомлённым войскам, привести в некоторый прядок расстроенные корпуса и полки и пополнить, по возможности, остатками дивизии Бараге д'Илье и другими запасными отрядами.

Постепенное вступление неприятельских отрядов в Смоленск условливало и такой же порядок отступления оттуда и неравномерное распределение продовольствия.

Послав наперёд по дороге к Орше отряд Клапареда с обозом главной квартиры и отряд генер. Себастиани, составленный из спешенной конницы, Наполеон выступил с гвардиею из Смоленска 2-го (14-го) ноября. На другой день должен был оставить город вице-король Итальянский, за ним через день маршал Даву и, наконец, Ней 5-го (17-го)

* Puisbusque. Письмо от 12-го ноября н. ст., с. 131–134.

ноября, взорвав наперёд древние укрепления Смоленска*. Некоторые из французских писателей упрекают Наполеона, что он не сосредоточил всех своих сил и не выступил с ними против нашей армии. Но этот упрёк вытекает из того, что они смотрят на войска Наполеона, даже в это время, как на боевую силу. Но его взгляд был совершенно иной, который разделяли и его маршалы. Выступая из Москвы, он считал необходимым избегать сражений, зная расстроенное состояние своих войск. Если он не решился с бою проложить себе путь на Калугу и должен был отступать по опустошённой Смоленской дороге, то едва ли мог решиться на сражение после выхода из Смоленска. Князь Евгений, ещё до переправы через Вопь, писал к начальнику штаба армии: «в ночь я отправлю сильный отряд для разведки к Духовщине, куда надеюсь прибыть завтра, если неприятель не представит мне сильного сопротивления, потому что, я не могу скрыть от вас, в эти три дня страданий; дух солдат так упал, что я считаю их неспособными ни к какому усилию. Множество людей померло от холода и голода, другие с отчаяния сдавались неприятелю»**. В таком же положении находились и все прочие корпуса. Начальник штаба Наполеона, маршал Бертье, за день до вступления в Смоленск, осмотрев на марше все корпуса и описав ему бедственное их положение, заключил: «такое положение, усиливаясь постоянно, даёт повод опасаться, что, если не будут приняты немедленные меры против него, у нас не будет войск, способных для битвы (on ne soit plus maitre des troupes daus un combat)»***. Стоянка в Смоленске, при тех обстоятельствах, на которые мы указали, не могла поправить положения войск, а скорее уронила ещё более их значение, как боевой силы.

В продолжении этого времени большая армия кн. Кутузова прибыла к Ельне 27-го октября, где поместилась главная квартира. Поджидая приближения авангарда Милорадовича, войскам дана была дневка. Намереваясь начать боковое движение к Красному, наперерез пути неприятелю, фельдмаршал дал следующий приказ войскам: «после таковых чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остаётся только быстро его преследовать, и тогда, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костьми его. И так, мы будем преследовать неутомимо.

---

* М. Шамбре. Hist. de l'expédition etc., Т. II, с. 428 и след.

** Письмо Евг. Богарне к маршалу Бертье, 7-го ноября (26-го октября); «Северная Почта» 1812 г., № 89.

*** 9-го ноября (28-го октября), в 30-ти верстах от Смоленска Подлинный хранится в Уч. архиве главного штаба, напечатан у Данилевского. Сочин., Т. V, с. 250.

Настают зима, вьюги и морозы; но вам-ли бояться их, дети севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов: она есть надёжная стена отечества, о которую всё сокрушается. Вы будете уметь переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твёрдостию и терпением; старые служивые дадут пример молодым. Пусть всякий помнит Суворова, который научал сносить холод и голод, когда дело шло о победе и славе русского народа. Идём вперёд! С нами Бог! пред нами разбитый неприятель; за нами да будет тишина и спокойствие»*. Только что получив известие от Платова о поражении вице-короля Итальянского, при переправе через Вопь, об отражении дивизии Бараге д'Илье и о сдаче бригады Ожеро, фельдмаршал мог говорить войскам о чрезвычайных успехах. Уведомляя императора о деле при Вопи, поздравляя с новою победою, он писал: «совершенное разбитие 4-го корпуса французского под командою вице-короля Италиянского: одних пленных 3.000, множество убитых, 64 пушки со всею упряжью и зарядными ящиками. Казаки делают чудеса: истребляют не только пехотные колонны, но нападают быстро и на артиллерию. Есть надежда, что малые остатки сего корпуса истреблены будут ещё до Духовщины.

Несколько дней тому назад, как все французы, в плене приводимые, неотступно просят о принятии их в российскую службу; и вчерашнего числа италиянской гвардии 15 офицеров приступили с тою же просьбою, говоря, что нет выше чести, как носить мундир российский»**. Донося о победе гр. Орлова-Денисова, вместе с партизанами, он писал Государю, что эта «победа тем более знаменита», что в первый раз, в продолжение этой кампании, сдался отряд в полном его составе, со всеми штаб и обер-офицерами. Отправив Смоленское ополчение назад в Дорогобуж, через день (29-го октября) кн. Кутузов подвинул войска по дороге к Красному до с. Бортунина, а авангард Милорадовича дошёл до Ляхова. Продолжая движение через с. Лобково, наша армия 1-го ноября достигла с. Щелканова и оказалась на одной высоте с Смоленском, по дороге, идущей от этого города в Мстиславль. Войска Наполеона только что сосредоточились в Смоленске и, конечно, в нашей главной квартире не могли наперёд знать, каким порядком они будут отступать далее. Передвижения располагавшихся по мере прихода неприятельских войск вокруг Смоленска, о которых приходили известия от наших передовых отрядов, возбудили в главной квартире предположение, что неприятель будет выступать в трёх

* Приказ 29-го октября, данный в Ельне.

** Донесение 28-го октября, из Ельны.

колоннах: через Касплю на Витебск, чрез Любавичи на Бабиновичи и на Красный и Оршу. Но кн. Кутузов не придавал значения этим известиям. «Сии известия,— писал он гр. Витгенштейну,— требуют подтверждения. Между тем, я продолжаю марш на Красный и если неприятель разделится на три части, то, без сомнения, та, которая пойдёт через Красный на Оршу, понесёт сильный урон от меня и чрез то подаст мне способы, переправясь при Орше или другом каком месте чрез Днепр, обратиться по направлению чрез Смольяны на Сенно, или Леппель. Полагаю, что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиною и Двиною, и потому содействие ваше при сём случае необходимо, ибо отдалённость адмирала Чичагова так велика, что он более имеет удобства расстроить Виленскую конфедерацию, нежели участвовать в поражении главной неприятельской армии»*.

Это предписание помечено 1-м ноября, когда большая армия приблизилась к селу Щелканову, между тем ещё 30-го октября предписано было партизанским отрядам Давыдова, Фигнера и Сеславина идти к Орше и Дубровне, переправиться через Днепр, собрать сведения о движении маршала Виктора, если возможно, открыть сообщение с гр. Витгенштейном и с тою же целью отряду генерал-адъютанта Кутузова идти к Бабиновичам. Отряды гр. Ожаровского и вслед за ним гр. Орлова-Денисова были отправлены вперёд к Красному. Последний, подходя к селу Пронину, узнал, что по окрестным селениям расположены артиллерийские и кавалерийские депо неприятеля, напал на них и взял 1.300 пленных, 400 повозок с провиантом, вином и фуражом, более тысячи запасных лошадей, назначенных для артиллерии и 200 голов рогатого скота. Такая добыча весьма была полезна для наших войск, часто нуждавшихся в продовольствии, потому что обозы отставали от них. Продолжая движение к Красному, гр. Орлов-Денисов узнал, что в деревне Червонной расположилась на ночлег дивизия корпуса князя Понятовского под начальством г. Зайончека. Этот корпус был так расстроен и убавился в числе, что император Наполеон отправил его из Смоленска на Могилёв, где он должен был присоединить составленные вновь польские полки. Гр. Орлов-Денисов напал на дивизию Зайончека (31-го октября) и отбросил её к Красному**.

---

* Отношение к гр. Витгенштейну от 1-го ноября.

** Военный журнал Толя; донесения фельдмаршалу гр. Орлова-Денисова из деревни Козлово, 28-го октября, и его же 30-го октября; донесения Фигнера и Сеславина, 29-го октября.

Извещая фельдмаршала о своих действиях, он доносил, что все взятые им пленные согласно говорят, что неприятель отступает к Красному, и просил подкрепить свой отряд. Фельдмаршал поручил дежурному генералу отвечать, что немедленно идёт весь авангард г. Милорадовича, а за ним последует вся армия*. Действительно, 2-го ноября армия находилась уже у села Волкова, главная квартира в с. Юрове, Милорадович у деревни Княгининой, а корпус графа Остерман-Толстого у Кобызева, где встретился с неприятелем и, немедленно ударив на него, взял в плен 875 солдат и 10 офицеров. В тот же день отряд графа Ожаровского, приблизясь на рассвете к Красному и узнав, что он занят дивизиею Зайончека, выгнал его оттуда, захватив весь его обоз, и удерживался в городе пока постепенно подходившие к нему войска неприятеля не оказались в значительном количестве. Оставив город, он отошёл на три версты от него в деревню Кутьково. К вечеру прибыл сам Наполеон с гвардиею. На другой день Милорадович с авангардом, доведённым до 16-ти тысячи человек, продолжал движение к большой дороге, направляясь к селу Ржавки. Князь Кудашев, шедший с своим отрядом впереди, вскоре известил, что неприятель проходит через это село и уведомил г. Милорадовича, который ускорив движение войск, прибыл к 4-м часам пополудни к большой дороге и приказал корпусу князя Долгорукова напасть на него. Неприятель, составлявший хвост той колонны, с которой шёл к Красному сам Наполеон, увидав наступление наших войск, спешил без боя удалиться по большой дороге. Но кн. Долгорукий перерезал его и заставил одну часть обратиться к Смоленску. Дивизия конницы барона Меллера-Закомельского, с 5-м егерским полком г. Гогеля, её преследовали, отбили 4 пушки и взяли в плен 500 человек гвардейских солдат. Генерал Раевский двинулся против той части войск, которая поспешно отступала к Красному. Его егеря (5-го полка) и выставленные им сильные батареи против моста, по которому должен был проходить неприятель, причинили ему большие потери и заставили бросить весь обоз и до 30-ти орудий. Наступившая ночь прекратила сражение. Г. Милорадович отвёл войска за четыре версты от большой дороги, к деревне Угрюмовой, оставив на ней для наблюдения отряд генерала Юрковского, составленный из казаков. С поля сражения Ермолов, находившийся при Милорадовиче, писал фельдмаршалу: «Его светлости имею честь всепокорнейше донести, что ныне бегущего в расстройстве неприятеля авангард генерала Милорадовича атаковал на большой от Смоленска дороге, при селении Ржавке. Сопротивление было самое слабое; всё бежит

* Повеление фельдмаршала 31 октября, из села Лобкова.

в ужасе и страхе: взято несколько пушек; одна колонна, атакованная генерал-адъютантом бароном Меллером-Закомельским, сдалась; взято много чиновников; пленные говорят, что в Смоленске осталось 25 тысяч человек с маршалом Даву. Это всё должно быть истреблено и принадлежать нам. Сегодня одними батареями неприятель сбит с большой дороги и должен был идти в поле совершенно рассеянный, где довольно одной холодной ночи, и без преследования, для его гибели.

Если гвардия неприятельская ещё в Красном, то нет сомнения, что, узнав о сегодничном происшествии, она там не останется. Ваша светлость довершите поражение, если завтра прибудет армия наша к Красному и верстах в двух остановится в позиции от большой дороги. Неприятелю нет другого пути к отступлению, как на Красное, или правым берегом Днепра. На Мстиславль, на Горки, невозможно. Сегодничное движение отъемлет у них всю надежду, и без совершенной гибели предпринять того невозможно. Не откажите, ваша светлость, сего на Красное движения. Завтра успех будет совершенный. От нас зависит не подвергаться опасности»*. Неприятелю, который был встречен нашим авангардом и составлял хвост колонны Наполеона, конечно, ничего не оставалось другого, как бежать или к Красному, или к Смоленску. Но не так отступали колонны, в которых находился сам Наполеон. Ещё утром в этот день, отряды графа Орлова-Денисова и Давыдова напали близ д. Мерлина на передовые отряды неприятеля и разбили их; но около полудни подошла старая гвардия. «Увидя шумные наши толпы, — говорит Д. В. Давыдов, — неприятель взял ружьё под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько мы ни покушались оторвать хотя одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми усилиями нашими, оставались невредимы»**.

На другой день (4-го ноября), во всё продолжение утра, неприятель не показывался на большой дороге; но в три часа пополудни казаки Юрковского известили, что показались густые колонны. Это шёл от Смоленска к Красному корпус вице-короля Итальянского.

Выступив из Смоленска 3-го ноября, он переночевал в Лубне. В продолжение этого движения, по рассказу одного из его спутников, их поражало ужасное зрелище. У самого города было брошено множество орудий с зарядными ящиками и потом вся дорога была ими покрыта. Целые упряжки падали от усталости. Повсюду валялись мёртвые лошади и люди. При малейшей возвышенности или рве, было разбросано множество оружия, касок, кирас, ящиков и чемоданов,

---

* Донесение 3-го ноября 1812 г.

** Д. В. Давыдов. Соч., Т. I, с. 89.

уже раскрытых. «Эти ужасы не возбуждали сострадания. Наша злоба, бессильная против неприятеля, обратилось на самих себя. Желали спасти только добычу, награбленную в Москве, не обращая внимания на своих несчастных товарищей. Отовсюду слышались стоны умирающих и мольбы тех, которых бросали на дороге. Но никто не обращал на них внимания и если кто-нибудь приближался к ним, то для того только, чтобы ограбить или найти какой-нибудь остаток продовольствия»*. Хотя морозы упали до шести градусов, но чтобы предохранить себя от стужи, войска вице-короля разобрали для костров все избы Лубны и удалось только сохранить от разрушения несколько сараев для него самого и его штаба. На другой день, продолжая движение к Красному между сёлами Мерлино и Микулино, этот корпус неприятельской армии встретил войска нашего авангарда, готовые силою оружия преградить ему дальнейший путь отступления. Корпуса князя Долгорукова и Раевского, дивизии принца Евгения Вюртембергского и Паскевича остановили его движение. Вице-король должен был бóльшую часть пушек оставить на дороге, по невозможности тащить их за собою на совершенно истомлённых лошадях и в это время у него оставалось не более 17-ти, тогда как одни батареи принца Евгения громили их войска из 44-х орудий. Неприятель остановился, поражаемый нашими стрелками и орудиями. Но наступала уже ночь. Князь Кудашев был послан с предложением о сдаче; но вице-король отверг предложение, начав уже движение в обход за большою дорогою к Красному, скрываемое от наших войск темнотою ночи, положившей предел сражению, начавшемуся около четырёх часов пополудни. Потери неприятеля были велики: кроме убитых и раненых, он потерял последние 17 пушек и 1.500 человек пленными; но без сомнения, если бы оно могло продолжаться более, то гибель всего корпуса вице-короля была бы неизбежна.

Император Наполеон с нетерпением ожидал прибытия вице-короля, но вместе с тем его тревожило пребывание отряда графа Ожаровского в 3-х верстах от Красного. Немедленно, в ночь на 4-е ноября, он послал гвардейскую дивизию генерала Роге (Raguet) окружить его в деревне Кутькове. Но казаки дали знать о приближении этой дивизии. Граф Ожаровский подкрепил казаков егерями 19-го полка и они, отступая, повели его на батарею, которой выстрелы расстроили неприятеля, а потом атака Мариупольского гусарского полка. Но другие колонны неприятеля обходили Кутьково. Граф Ожаровский должен был отступить к деревне Палкиной. Избавившись от близкого соседства отряда наших войск, «узнали от пленных о приближении

* Labaume. Rélation etc., c. 345–346.

Кутузова. Вчера его главная квартира была в Юрове, в 25-ти верстах от нас, – говорит один из секретарей Наполеона, – через несколько часов он будет перед нами. Надо успеть уйти вперёд, чтобы он нас не окружил; но вице-король, маршалы Даву и Ней ещё позади. Император Наполеон решился поджидать их. Весь день 4-го ноября он остаётся в Красном»*. Положение императора Наполеона было действительно почти безвыходное. Поджидать подходившие из Смоленска войска было опасно: наша большая армия могла обойти его и отрезать ему путь отступления к Орше. Бросить их на произвол судьбы ещё опаснее. Если не судьба войск, которых гибель была неизбежна и что́, конечно, очень хорошо он понимал, то судьба маршалов и особенно его пасынка вице-короля Итальянского, должна была его озабочивать. Притом движение к Орше с таким незначительным войском, которое находилось при нём, могло подвергнуть опасности лично его самого. Если не пехота наша, то во всяком случае конница и особенно казаки могли его достигнуть и, преследуя неутомимо, уничтожить постепенно его колонну. Приготовив войска на случай сражения, два раза, – по свидетельству одного из его спутников, – «император Наполеон отправлялся за реку Лосмину, чтобы получить какие-нибудь известия о вице-короле и два раза возвращался, не получив никаких»**. Перед Красным, по направлению к Смоленску, протекает небольшая речка Лосмина, но в широком и глубоком овраге, с крутыми берегами. Через неё был перекинут довольно длинный и узкий мост. Гром наших пушек, поражавших войска вице-короля, был слышен в Красном в последние часы этого дня и усиливал тревогу Наполеона. Только ночью подошёл вице-король с остатком своего корпуса, не более как в числе 3.500 человек, потеряв всю артиллерию и обозы.

В это время князь Кутузов, предписав генер. Милорадовичу приблизиться к большой армии, подошёл с нею к Красному и остановился с главною квартирою в пяти верстах от города, в деревне Шилово. Войска были подвинуты ещё ближе к городу и расположены в следующем порядке: 3-й корпус и 2-я кирасирская дивизия у деревни Новоселки. За ними в резерве находились 5-й корпус и 1-я кирасирская дивизия. Генерал Милорадович находился у деревни Микулиной и сильными отрядами занимал большую дорогу к Смоленску. Для поддержания связи между ним и большою армиею, расположен был у деревни Шуматки отряд Бороздина, бывший графа Орлова-Денисова. Деревни Еснева, Ксентова, Данщина, Шилеево и Сидоровское были заняты отрядами

* Fain. Manuscrit de 1812, T. II, c. 303.

** Denniée. Itenéraire de l'emp. Napoléon, c. 136.

наших войск. Когда войска заняли предназначенные для них места, князь Кутузов, вместе с генералом Коновницыным и генер. Толем, выехал вперёд для обозрения позиции, занятой неприятелем перед Красным*.

Решившись ожидать прибытия в Красное маршалов Даву и Нея, император Наполеон, в виду готовившейся к нападению армии князя Кутузова, выстроил и свои войска в боевой порядок. Старая гвардия с 30-ю орудиями и конница Латур-Мобура были поставлены по дороге в Смоленск на возвышенном берегу Лосмины, перед оврагом. С их правого фланга, отклоняясь к деревне Воскресенское и занимая Уварово, стояла молодая гвардия и все остальные войска. Все силы Наполеона простирались только до 16-ти тысяч. Очевидно, он не мог желать сражения и померяться силою с противником, располагавшим несравненно бóльшим количеством войск, и при том не расстроенных, с огромною артиллериею и многочисленною конницею. Он рассчитывал только на то, что князь Кутузов, видя его готовым принять сражение, приблизит к себе авангард Милорадовича, который таким образом откроет дорогу маршалу Даву и даст ему возможность достигнуть Красного и потом вместе с ним продолжать отступление к Орше.

Обозрев позицию неприятельских войск, кн. Кутузов собрал вечером в своей квартире всех корпусных командиров, где им была дана следующая диспозиция: «Завтра, 5-го числа, всем войскам к 8-ти часам пополуночи быть готовыми к действию и построиться на лагерном месте в полковых колоннах справа. Поелику главный предмет атаки состоит в том, чтобы отрезать неприятелю путь к Лядам и отбросить его к Днепру, то и назначается важнейшая часть войск, под командою ген.-от-инфантерии Тормасова, и состоящая из 6, 8 и 5-го пехотных корпусов с 1-ю кирасирскою дивизиею, обойти неприятельскую позицию левым нашим флангом. Пред сими корпусами идёт в авангарде ген.-майор барон Розен с полками: одним казачьим, л.-гв. Егерским и Финляндским, Его и Её Величеств кирасирами и ротою лёгкой гвардейской артиллерии. В таком порядке, все помянутые войска следуют через дер. Зуньково, Сидоровичи, Кутьково, Сорокино, Путятину, Доброе,— к большой почтовой дороге, идущей из Красного в Оршу. 3-й пехотный корпус и 2-я кирасирская дивизия, под командою ген.-лейт. кн. Голицына, начинают движение своё полтора часа после выступления колонны ген. Тормасова и двинутся прямо из позиции своей, чрез д. Уварово к Красному. Главный авангард, под командою генерала Милорадовича, состоящий из 2-го и 7-го

* Военный журнал Толя.

пехотных и 1-го и 2-го кавалерийских корпусов, соединённо с отрядом ген.-майора Бороздина, выходит на большую Смоленскую дорогу и атакует во время марша корпус Даву, идущий к Красному. Генерал-адъютант гр. Ожаровский, с вверенным ему летучим отрядом, в самое то время, как начнётся дело, действует прямо на деревню Синяки. Артиллерия, при корпусах находящаяся, следует при оных. Резервная же артиллерия, находящаяся в одном марше назади, имеет следовать к дер. Новоселкам, куда прибыв, во время действия находиться будет в непосредственном распоряжении г. главнокомандующего»*. Эта диспозиция не оставляет никакого сомнения в том, каковы были предположения главнокомандующего, и так ясна и определённа, что едва ли может давать повод к каким-либо гаданиям и предположениям. Но как они были приведены в исполнение? На другой день рано утром, император Наполеон вышел из Красного, пешком, опираясь на палку, потому что неподкованные на шипы лошади скользили и падали, и сам поставил свои войска в боевой порядок**. Исполняя предписание кн. Кутузова, в 8 часов утра, генер. Тормасов повёл свои войска от деревень Зуньково и Сидоровичи по направлению к Доброму, находящемуся у большой дороги из Красного на Оршу. Генер. Милорадовичу кн. Кутузов писал: «сегодня предполагается атака на неприятеля, при Красном расположенного. Три корпуса, отряды бар. Розена и гр. Ожаровского, отрезывают неприятелю отступной путь, остановятся за Красным, поперег дороги, между тем третий корпус действует прямо на Красное и через него сохраняется сообщение с вами. Вы, по приближении неприятеля, не тревожьте его на марше, но как он вас минет, дабы, поставив его между нашим и вашим огнями, заставить сдаться». В то же время он предписывал гр. Остерману двинуться к большой дороге на Корытню, «дабы показать неприятелю, что мы его под Смоленском остановить намерены, между тем, не препятствуйте ему идти на Красное, тем более тесните его с тыла, дабы прогнать его к нам; а затем готовим мы ему новое движение и отрежем ему отступной марш»***.

3-й корпус и 2-я кирасирская дивизия, под начальством кн. Голицына, должны были занять д. Уварово и действовать против неприятельской гвардии.

Маршал Даву, выступив накануне из Смоленска, имел ночлег в Корытне; но пока его войска отдыхали, неутомимый маршал, слыша

* Военный журнал Толя.

** B. Peyrusse. Mémorial etc., c. 120.

*** Предписания Милорадовичу и Остерману от 5-го ноября, из Шилова.

впереди гром орудий, громивших вице-короля, отправился вперёд и наехал на дивизию Бруссье, оставленную на жертву вице-короля, чтобы прикрыть своё ночное отступление просёлком к Красному. Узнав о предстоящей опасности, он возвратился назад, до рассвета двинул свои войска и, присоединив к себе дивизию Бруссье, подвигался вперёд. Его колонны начали появляться перед Лосминским оврагом около 9-ти часов пополуночи, осыпаемые картечью многочисленных орудий нашего авангарда; они несли огромные потери, не будучи в состоянии отвечать нашей канонаде по неимению пушек, которые – по распоряжению Наполеона – были отправлены вперёд. Приближаясь к Красному, они примыкали к войскам, стоявшим на Смоленской дороге перед Лосминским оврагом. В одно время с приближением корпуса Даву, началась битва при дер. Уваровой, которая была занята французами. Несмотря на перерезанную оврагами местность, представлявшую значительные затруднения для наших войск – сосредоточивать их в значительных массах многочисленность нашей артиллерии и конницы давала большой перевес нашим силам в сравнении с неприятелем. Упорный бой окончился быстрым отступлением неприятеля. Фельдмаршал доносил императору, что «сам Наполеон был свидетелем сего жестокого поражения его войск, почему, не ожидая конца сражения, со свитою своею ускакал к местечку Лядам»*.

Император Наполеон и не имел намерения вступать в решительное сражение с нашею армиею, зная её превосходство над теми незначительными силами, которыми мог располагать в это время. Сила обстоятельств, т.е. движение на него войск кн. Кутузова, вынудила его упорно действовать против них с тою единственною целью, чтобы дать время соединиться с ним корпусам маршалов Даву и Нея и продолжать с ними движение на Оршу. Поэтому, дождавшись присоединения корпуса Даву, он поручил ему защиту Красного, а сам поспешил к Лядам. Но почему же он бросил маршала Нея на произвол грозной судьбы, неминуемо его ожидавшей?

Войска, вверенные начальству генер. Тормасова с целью отрезать путь отступления неприятелю к Орше за Красное, у д. Доброе выступали в поход с 8-ми часов утра и до 10-го. Они двигались медленно по просёлочным дорогам и их предупредил отряд гр. Ожаровского; но в след за ним подошёл и авангард Тормасова, под начальством барона Розена**.

---

* Донесение 6-го ноября, от Красного.

** Записки о походах 1812 и 1813 гг. СПб. 1834 г. Ч. I, с. 50–51.

Император Наполеон ещё накануне отправил маршала Жюно и обозы по дороге к Орше; на другой день на рассвете пошли за ним остатки корпуса вице-короля, которые, от усталости и понесённых ими потерь, совершенно утратили боевое значение и не могли принести никакой помощи в предположенном сражении*. Встречая на пути отставшие или брошенные повозки, окружённые многочисленным безоружным и отсталыми, они столкнулись с отрядом гр. Ожаровского, за которым следовал авангард бар. Розена; а войска Тормасова приближались к с. Сорокину.

Известие, полученное императором Наполеоном ещё в самый разгар сражения, о появлении наших войск на пути его отступления к Орше, заставило его, заботясь уже только о собственном спасении, оставить маршала Даву под Красным и быстро отступить с гвардиею к Лядам**. Оставляя перед Красным маршала Даву, он предписывал ему держаться до прибытия Нея, а в тоже время отступать вслед за маршалом Мортье, которого вёл за собою. Приказ двусмысленный и неисполнимый, который может быть объяснён единственно желанием свалить на других вину оставления Нея на произвол судьбы***. Передовые войска Наполеона, с которыми сам он следовал, прошли уже дер. Доброе в то время, когда приблизился к Сорокину бар. Розен; к ней подходила шедшая позади всех дивизия Фридерикса. Деревня была загромождена обозами и пушками и уже зажжена с одного конца. После непродолжительного сопротивления, эта дивизия положила оружие. В Добром взяты были обозы, в которых найден был фургон с награбленным в Москве церковным серебром, нашли также много топографических карт и маршальский жезл Даву.

В то время когда бар. Розен действовал против дивизии Фридерикса и к вечеру подался вперёд за Доброе по дороге к Лядам, войска кн. Кутузова прогнали войска маршала Даву и заняли Красное. Сражение продолжалось целый день. «Следствием его, – доносил фельдмаршал Государю, – было рассеяние всего корпуса Даву, бежавшего в беспорядке и расстройстве по лесам, простирающимся на пять вёрст, полагая найти тем своё спасение; но лёгкие наши отряды гр. Ожаровского и гр. Бороздина довершали их поражение». Бегство неприятеля было так торопливо и беспорядочно, что маршал Мортье, теснимый войсками Даву, очутился на другой день впереди Наполеона, находившегося

---

* Граф Сегюр. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. I, c. 263–164.

** М. Шамбре. Hist. de l'éxpedition, T. II, c. 449.

*** Тьер. Hist. de l'empire, кн. XXVII.

в Лядах, тогда как должен был прикрывать его главную квартиру со стороны Красного*.

«Из бумаг тайной канцелярии императора Наполеона, доставшейся в наши руки,— записал в военном журнале генер. Толь,— найдена была диспозиция выступления неприятельских войск из Смоленска, из которой главнокомандующий усмотрел, что ариергард неприятельский, состоящий из 3-го и 5-го корпусов под начальством маршала Нея, должен 6-го числа приблизиться к Красному». В виду этого, фельдмаршал, предполагая, что «остальные люди всех прочих корпусов неприятельских присоединятся к Нею и тем усилят его значительно», счёл нужным усилить авангард Милорадовича, ослабленный постоянными сражениями, присоединив к нему 3-й пехотный корпус и 2-ю кирасирскую дивизию кн. Голицына, а гр. Остерману предписал поспешно следовать к деревне Толстикам и поддерживать постоянные сношения с г. Милорадовичем. Отряд казаков послан был к Сырокоренью на Днепр, где находилась удобная переправа и река ранее покрывалась льдом, а генер. Милорадовичу и кн. Голицыну, в виду того, что неприятель, опасаясь встретиться с большою нашею армиею, может повернуть влево, приказано было: «удвоя осторожность, посылать сколь можно чаще патрули во все стороны, дабы открыть его настоящее направление и успеть его предупредить. В деревне Сырокоренье удобная переправа через Днепр и потому не угодно ли иметь Сырокоренье более в виду». Главная квартира фельдмаршала находилась в селе Добром, генер. Тормасову на рассвете 6-го ноября велено было продолжать движение к Лядам**.

Ожидая приближения корпуса Нея, Милорадович на рассвете 6-го ноября, расположил войска в боевом порядке, лицом к Смоленску. Впереди, у самого оврага речки Лосмины, стоял отряд генер. Юрковского. Около трёх часов пополудни, его казаки известили о появлении неприятеля, но в каких силах — не возможно было определить по случаю густого тумана. Несмотря на то, Милорадович немедленно двинул войска, чтобы напасть спереди на неприятеля и обойти его с левого крыла. Туман скрывал и близость наших войск от маршала Нея и, сбив передовые посты, он почти наткнулся на наши батареи. В этот день, также как и в предшествующие, многочисленная наша артиллерия громила неприятеля. Войска, одушевлённые успехами прежних действий против всех корпусов неприятельских войск, сильно действовали, чтобы поразить последний из них, почти

---

* Граф Сегюр. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, с. 269–270.

** Предписания от 6-го ноября, из Доброго.

на границах древней России. Несмотря на то, что отчаянное положение возбуждало мужество неприятеля, усиливаемое присутствием неустрашимого вождя, как Ней, ему не удалось прорвать наши линии и достигнуть Красного. Начинало уже вечереть, когда генер. Милорадович послал майора Ренненкампфа требовать сдачи; но маршал Ней не только отверг предложение, но и задержал парламентёра, придираясь к тому, что сделано было несколько выстрелов, когда он приехал к нему. Ночь прекратила сражение. Ней отброшен был по дороге к Смоленску. ««Плохо наше положение», — сказал он тихо одному из своих офицеров. — Что же вы будете делать? — спросил в свой черёд офицер. — «Перейду за Днепр». — А где дорога? — «Найдём». — А если Днепр не замёрз? — «Замёрзнет». Из этого разговора поняли, что он намерен приблизиться к Орше следуя правым берегом Днепра»*. Предприятие невозможное, если б он намеревался спасать весь свое корпус; но он этого и не думал, он бросил его, всех раненых, обозы и пушки; спасая самого себя, переправил у Сырокоренья через Днепр весьма незначительный отряд, из которого привёл в Оршу от 800 до 900 человек. Французские писатели упрекают, как наши современные донесения военачальников, так и показания последующих писателей в том, что они преувеличивают число пленных**. Упрёк, быть может, справедливый; но причина подобных ошибок, совершенно неизбежных, заключалась в том положении, в каком находились войска императора Наполеона. Каждый отряд, который ещё мог защищаться с оружием в руках от нападений, был постоянно окружён толпами, гораздо его многочисленнее, так называемых безоружных и отсталых. Но из них некоторые сохраняли оружие, не для боя, а чтобы защищать награбленную ими добычу или доставать продовольствие по окрестностям. Они пытались даже и защищаться, но, конечно, неудачно. После сражения 5-го ноября, одна из таких колонн появилось ночью под Красным, другая за Красным, перед войсками г. Тормасова, и обе были разогнаны или взяты в плен без особых усилий***. Возможно ли было разбирать кто взят в плен с боя с оружием в руках или бросив оружие во время боя, или прежде? Не было и времени считать всех пленных. Рвавшиеся на сражения войска отказывались их сопровождать внутрь России, или бросали по пути, указывая только направление, куда они должны идти. Армия

---

* Fezenzac. Souvenirs milit., c. 312–322.

** Тьер. Hist. de l'empire, кн. XXVII.

*** Crossard. Mémoires milit. et polit., T. V, c. 95; Записки о походах 1812 и 1813 г., с. 53 и след.

Наполеона так бежала, что не было и времени считать пленных и, конечно, число их указывалось приблизительно; но можно наверное сказать, что эти числа были бы несравненно крупнее, если б имели в виду считать безоружных и отсталых. Это смешение солдат, которые дрались, и безоружных и отсталых вводило в заблуждение иногда и наших военачальников. «Чтобы объяснить почему Милорадович не сильнее преследовал Нея, я должен заметить, – говорит принц Евгений Вюртембергкий, – что ни он и никто из нас не знали наверное с каким количеством войск он выступил из Смоленска. По слухам предполагали, что с 15-ю тысячами. Из них после сражения у нас в плену было 11, а другие, казалось, были побиты»*. Поэтому у Сыроконенья, на которое кн. Кутузов обращал внимание наших генералов, Ней встретил только отряды казаков Иловайского, посланного туда им самим.

Поражением маршала Нея окончился целый ряд сражений, начавшихся с 3-го ноября**. Вечером 6-го ноября, получив донесение от Милорадовича о последнем сражении, кн. Кутузов подъехал на коне, окружённый свитою, к бивуакам гвардейского корпуса. За ним семь конно-гвардейцев везли отбитые неприятельские орлы. «Здравствуйте, молодцы Семёновцы, – громко сказал кн. Кутузов, – поздравляю вас с новою победою, вот и гостинцы вам везу», и указал на французские знамёна. «Эй, кирасиры, нагните орлы пониже, пусть кланяются молодцам! Матвей Иванович Платов доносит мне, что взято 112 пушек и... сколько генералов?» – обратился он к Опперману. – 15, – поспешил отвечать генерал Опперман. – «Слышите ли, мои друзья, 15, – продолжал светлейший, – т.е. 15 генералов; ну, если бы у нас взяли столько же, сколько бы осталось? Пушки можно сосчитать на месте, да и то не верится, а в Питере скажут: хвастают!» Очевидцы свидетельствуют какой восторг возбудили в войсках приведённые речи престарелого вождя; они знали, как о них заботился он и вполне были ему преданы. Подъехав к палатке ген. Лаврова, фельдмаршал и окружавшие его генералы сошли с коней и сели пить чай. Кирасиры, вёзшие французские знамёна, также спешились и стали вокруг, «составив из знамён навес в

---

* Erinnerungen aus dem Feldzuge des J. 1812, с. 167.

** Кроме наших военных писателей: гг. Бутурлина, Данилевского и Богдановича, о битвах при Красном см. Записки Ермолова, Т. I, с. 251 и след.; принца Евгения Вюртембергского, Erinnerungen, с. 153 и след; Воен. журнал г. Толя; письмо Раевского к Жомини; Fain. Manuscrit de 1812, T. II, с. 300 и след.; Сегюр. Hist. de N. et de la grande armée, T. II, с. 247 и след.; М. Шамбре. Hist. de l'éxpedition, T. II, с. 437 и след.; Fezenzac. Souvenirs, с. 307 и след.; Labaume. Rélation, с. 348 и след.

роде шатра». Один из офицеров Семёновского полка начал читать надписи на знамёнах и прочёл между прочими: Аустерлиц. «Что, — спросил Кутузов, — Аустерлиц? — Да, жарко было под Аустерлицем, но я умываю мои руки перед всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой. Вот хотя бы и теперь, к слову сказать, вчера я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков за Бородинское сражение дал бриллиантовые кресты. Говорят, бриллианты принадлежат кабинету и я нарушаю предоставленное мне право. Правда, но и в этом я без вины виноват. Если по совести разобрать, то теперь каждый, не только старый солдат, но и новичок ратник, столько заслужили, что осыпь их алмазами — они всё ещё не будут достаточно награждены. Ну, да что и говорить, истинная награда не в крестах и алмазах, а в совести нашей». И потом рассказал, как он гордился получив георгиевскую звезду за взятие Измаила и потом представлялся императрице. «Иду я себе, — говорил он, — думаю: у меня Георгий на груди, дохожу до кабинета, отворяются двери и — что со мною сталось и теперь не опомнюсь: я забыл про Георгия и что я Кутузов, я ничего не видал, кроме небесных голубых очей, кроме царского взора Екатерины. Вот была награда». Он замолчал и всё кругом молчало.

Один из Семёновских офицеров сказал: Это напоминает сцену из трагедии «Дмитрий Донской», другой закричал: ура, спасителю отечества! и это ура повторило всё войско. «Этот неожиданный возглас тронул каждого из присутствовавших, — говорит очевидец, — а Кутузова, конечно, более всех. Он вдруг встал на скамейку и закричал: «довольно, довольно, друзья, эта честь не мне, а русскому солдату», и, бросив вверх фуражку закричал: «ура, доброму русскому солдату».

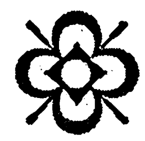
Когда затихли возгласы, он продолжал за чашкою чая беседу, обращаясь к Лаврову, о Наполеоне и потом прочёл новую басню Крылова, только что полученную им из Петербурга, «Волк на псарне». Вместо овчарни попав на псарню и почуяв беду, волк попробовал вступить в переговоры:

...к чему весь этот шум?
Я ваш старинный сват и кум!
Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры!
Забудем прошлое, уставим общий лад,
А я не только впредь не трону ваших стад,
Но сам за них я грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что... Послушай-ка, сосед,
Тут ловчий перервал в ответ:
Ты сер, а я, приятель, сед...

Читая этот стих, кн. Кутузов снял фуражку и указал на свои седины. Громкое ура раздалось в войсках, понявших смысл басни, когда он дочитал её до конца»*.

---

* Записки И.С. Жиркевича, «Русская Старина» изд. 1874 г., Т. X, с. 659–661. «Эта сцена не совсем верно описана Данилевским, (Т. V, с. 243 и след.), говорит Жиркевич, со слов Ваксмута, бывшего в моей полуроте подпоручиком и находившегося тут же со мной. Здесь сцена эта описана с историческою верностию». О басне см. примечания Кеневича, Сборник Императорской академии наук, Т. VI, с. 106 и след.

Глава 3

Мнения современников о действиях кн. Кутузова.

Изложив ход военных действий, увенчавшихся успехом, можно бы не входить в оценку того или другого распоряжения нашего главнокомандующего. Нет ни одного полководца, как бы велик он признан ни был современниками и потомками, который бы не делал ошибок, и защищать в этом отношении кн. Кутузова не представлялось бы нужды. Он мог ошибаться, как ошибались все полководцы и лучшею для него защитою могла быть вся боевая его жизнь. Ошибки всегда возможны для полководца по свойству той области, в которой он действует, т.е. войны. Недаром, говоря о военном деле, употребляют выражения: военное ремесло, военная наука, военное искусство. Понятия, которые так резко различаются в других сферах жизни, сливаются в одно — в деле войны. При всевозможном старании как можно более сторон военного дела подчинить строгому расчёту, без сомнения весьма важному для успеха в военных действиях, есть однако же такое в них свойство, которое ускользает от расчёта и требует особых дарований от полководца. Наука переходит в этом случае в область искусства, а это зависит от того, что перед одним полководцем стоит другой, обладающий точно такими же способами и такою же свободною волею. Возможность ошибок со стороны этих полководцев ставит их совершенно в одинаковое положение. Каждый может сделать ошибку; но каждый должен или уметь её поправить, или, заметив ошибку противника, уметь ею воспользоваться, — вот в чём состоит военное искусство, которое оценивается — общим успехом целой кампании. Едва ли может быть поставлен и вопрос о том, успешно ли кончилась кампания, которую вела одна из наших армий, под начальством кн. Кутузова, от Бородина и до Красного. Поэтому напрасен был бы труд оправдывать каждое действие нашего главнокомандующего. Сколько ошибок находят в действиях Наполеона даже его соотечественники и поклонники, и тем не менее никто ещё не дерзал отрицать его военные дарования.

Но рядом с ходом совершавшихся событий, рядом с каждым действием, в одно и тоже время, шёл горячий спор о их достоинстве. Оценка, хвала и порицание распоряжений кн. Кутузова начались прежде, нежели последствия оправдали их как успешные, или осудили как неудачные. Эта оценка составляет сама историческое явление,

современное совершавшимся событиям, и потому должна обратить на себя внимание при их изложении, как весьма знаменательный признак времени. Она заслуживает исследования и потому, что следы её остаются до сих пор в сочинениях об этих событиях, давно уже совершившихся, к которым следовало бы относиться с беспристрастием и хладнокровием. Напротив, порицания действий кн. Кутузова в последствии выражались ещё в бóльших размерах. Начну с более важного. В 1817 г. в Англии появилось сочинение сэра Роберта Вильсона о политическом и военном могуществе России, в котором, делая обзор похода 1812 г., он говорит: «после сражения в Малоярославце, столь славного для князя Евгения и италиянской армии, и нисколько неуронившего чести тех русских войск, которые в нём участвовали (ибо большая армия, которая находилась только в трёх милях с 10-ти часов утра, не давала им помощи до 4-х часов пополудни), после этого сражения, если бы на другой день Бонапарт послал вперёд свой авангард, вместо того, чтобы перейти на Московско-Смоленскую дорогу, то вся русская армия, исполняя уже данное приказание, отступила бы за Оку, оставя богатую страну, так что Бонапарт мог совершенно безопасно отступать в Польшу, по какому угодно направлению»*. То же самое показание он повторил в Повествовании о событиях, совершившихся во время вторжения Наполеона-Бонапарта в Россию, окончательно приготовленным им в 1825 году, но изданным после его смерти, в 1860 г. «Звезда Наполеона перестала ему благоприятствовать,— писал он.— Если бы после отступления ариергарда (за Нямцевский овраг, конечно) хотя бы незначительный разведочный отряд показался на берегу оврага, если бы произведена была хотя ничтожная демонстрация, обличавшая наступательные действия,—то Наполеон открыл бы своему войску путь на Калугу или Медынь по плодоносной стране до самого Днепра, потому что Кутузов решился отступить за Оку и наперёд уже отдал приказы отступать туда в том случае, если неприятель приблизится к его новой позиции»**. Эту речь ведёт английский генерал о той позиции за Нямцевским оврагом, которую французские маршалы нашли неприступною, с чем согласился и сам Наполеон, и крепости которой будто бы не понимал кн. Кутузов. Последние строки поставлены даже во вносных знаках (« »), как будто заимствованные из действительно существовавшего приказа кн. Кутузова. Едва ли нужно говорить о том, что такого приказа быть не могло в то время, к которому приурочивает его

* Sir Robert Wilson. Tableau de la puissance milit. et politique de la Russie. Paris, 1817, c. 23.

** Narrative of events durivg the invasion of Russia, 1812, 3 изд., c. 235–336.

Вильсон, т.е. к ночи с 12-го на 13-е октября, когда кн. Кутузов отдал приказ о переходе войск за Нямцевский овраг и об укреплении избранной на противоположном его берегу позиции. Никакой главнокомандующий не отдаёт приказов преждевременно и не оглашает своих дальнейших намерений, которые могут ещё измениться при перемене обстоятельств. Кн. Кутузов наименее был способен к такому неблагоразумию, как доказывает вся его боевая деятельность. И мог ли подобный приказ исчезнуть без следа и могли ли не знать о нём его боевые сотрудники. Между тем, кроме сэра Р. Вильсона, о нём никто не упоминает. Что такого приказа не существовало могут служить доказательством донесения самого английского генерала императору Александру и лорду Каткарту, современные происшествиям. На другой день после сражения в Малоярославце, когда кн. Кутузов писал Государю, что намерен принять сражение, чтобы не пропустить неприятеля в Калугу, сэр Р. Вильсон написал императору следующие строки: «Я пользуюсь минутою времени, чтобы поздравить Ваше Величество с освобождением Москвы и со вчерашним сражением в г. Малоярославце, которое хотя было кровопролитно, но доставило весьма важные выгоды, вероятно, расстроило неприятеля и нанесло ему весьма тяжёлые потери. Я думаю, что он должен теперь отступать тем же разорённым краем, чрез который пришёл сюда»*. Обещая при первом удобном случае сообщить Государю «о всех обстоятельствах, сопровождавших последние движения» войск, он на другой же день, в обширном донесении изложил подробно движения корпуса Дохтурова и битву при Малоярославце, и потом говорит: «сегодня неприятель остался спокоен; но думаю, что он маневрирует с целию выдти на Медынскую дорогу»**, т.е. он думал в то время совершенно то же, что и кн. Кутузов, которого все распоряжения клонились к тому, чтобы закрыть неприятелю дорогу на Медынь, так же как он закрыл ему дорогу чрез Малоярославец. Поэтому намерение будто бы кн. Кутузова отступать за Оку следует отнести к личным соображениям генерала Вильсона. При этом он додумался долго спустя после совершившихся событий до такого соображения, которое не обличает военных познаний и дарований английского агента, которого, впрочем, его правительство употребляло преимущественно для тайных политических сношений и наблюдений. Возможно ли предполагать, чтобы опытный фельдмаршал пожертвовал, единственно из опасения принять сражение с самим Наполеоном, главною целью, к которой клонились его соображения, и спокойно

* Письмо от 25-го октября (т.е. 13-го) «на третьей версте по Калужской дороге».

** Письмо от 26-го октября.

пропустил бы неприятеля грабить ещё не опустошённые местности России, спасти свою армию соединившись с корпусами, действовавшими на флангах и, может быть, победоносно окончить кампанию? Это было бы самоубийством со стороны кн. Кутузова, как в политическом, так и военном отношении, невозможным для него, если припомнить всю его боевую деятельность в продолжение многолетней его жизни. Не говоря уже о его любви к России, к которой он относился не так, как сэр Роберт Вильсон, его решимость дать сражение при Бородине, при обстоятельствах гораздо менее благоприятных, может служить доказательством, что подобная мысль не могла прийти ему в голову, а приведённые свидетельства доказывают, что и не приходила, а всецело принадлежит изобретательности английского генерала.

Даже французы писатели и участники в происшествиях наиболее беспристрастные, готовые, конечно, воспользоваться всяким обстоятельством, чтобы унизить фельдмаршала, которого действия причинили им столько бедствий, с недоверием относятся к известию г. Вильсона*, а другие и вовсе не упоминают о нём, как не заслуживающем внимания, обличавшем лишь слабость военных дарований Вильсона и внушённое ненавистью к кн. Кутузову**. Генерал Вильсон мало сдерживал свои порывы негодования против кн. Кутузова в донесениях к императору, а в письмах к своему посланнику при нашем дворе говорил ещё более развязно и резко. Но и в этих письмах нет ни слова о намерении кн. Кутузова отступать за Оку. Упоминая о переходе войск через Нямцевский овраг, который в последствии он выставил таким опасным, он писал: «Мы шли в порядке, а его трудно было сохранить при ночном переходе и эта трудность увеличивалась ещё более самою местностью». Описывая новую позицию, он выражается так: «Мы как будто оседлали Калужскую дорогу, по которой, как говорят, неприятель хочет пробиться», но полагает, что ему придётся отступать к Можайску***. Но вдруг, на другой же день, совершенно изменяются речи Вильсона. «В официальном письме, милорд,— писал он лорду Каткарту,— я говорил вам только истину, однакож не всю истину. После победы над Мюратом, фельдмаршал, чтобы не обеспокоить лично себя двинувшись со всею армиею, послал Дохтурова совершать невозможное. Я не сомневаюсь, да и все были уверены, что ещё один лишний шаг мог бы погубить этот корпус, имевший с собою 80 орудий, и Бонапарту

* М. Шамбре. Hist. de l'éxpéd., T. II, c. 348.

** Тьер.

*** Письмо к лорду Каткарту от 13-го (25-го) окт., «позиция в 3-х верстах от Малоярославца по Калужской дороге».

удалось бы отмстить нам. Фельдмаршал Кутузов знал, что Бонапарте со всеми, полагаю я, своими силами, гвардиею и корпусом Даву, идёт на Малоярославец; но вместо того, чтобы ускорить приближение своей армии, он без всякой нужды остался 14 часов в лагере своём в пяти верстах от нас, хотя мог слышать оттуда всякий ружейный выстрел, а от пушечной пальбы верно и дом его трясся, потому что даже земля от того дрожала. Он оставался на месте, не имея ни малейшего любопытства быть зрителем происходивших действий. Когда же наконец, по неоднократным и убедительным нашим требованиям, получили мы вспоможение и наконец он сам прибыл около 5-ти часов вечера, то он оказывал такую личную осторожность, что она сделалась предметом всеобщего замечания. Я уже прежде слышал, что один он во время Бородинского сражения не был в огне. Осторожность его оказалась также и в деле против Мюрата; однакож я никак не думал, что в таком случае он окажет столь мало желания судить о происходившем деле по собственному наблюдению, какое оказал вчера. В следующее утро, при рассвете, без малейшей причины вздумал он самым решительным образом ретироваться в виду и даже под пушками неприятеля.

Глубокие рытвины, худые мосты, по обыкновению, были на пути нашем. Колонны рассеивались, волы падали, лошади не везли, люди не могли проходить и последовало смешение языков, заставившее самого смелого из нас дрожать о последствиях такого беспорядка. Но всевидящий Бог русский ослепил неприятеля и снова вывел нас из неминуемой гибели. Когда всё пришло в порядок, то всё опять ободрилось и мы почувствовали, что несчастье с нами случиться не может. Москва освобождена. Вы окажете тем, милорд, услугу общей пользе и пользе императора, если будете прилагать старание о назначении нового предводителя. Беннигсен, — Аннибал в сравнении с Кутузовым. Во время сражение он внушает к себе почтение. Я должен также сказать, что все последние его советы преисполнены твёрдости и благоразумия. Ему также обязаны мы движением на Калужскую дорогу после падения Москвы, — движение, которым спасена Империя. Человек, лишённый твёрдости и бодрости, может ли предводительствовать российскою армиею, не ослабевая и не уничтожая надлежащее уважение к начальству?

Фельдмаршал сказал барону Анстеду, что «он ничего не желает кроме того, чтоб видеть неприятеля, оставляющего Россию». Теперь ли строить золотые мосты? (faire des ponts d'or)? Неприятель без продовольствия, без всяких средств тащит свою артиллерию, без конницы, без амуниции, окружённый тучами лёгкой конницы, имеющий против себя 12.000 ч., между тем, как другая армия из 70 т. отрезывает все его

коммуникации; такой неприятель, говорю я, ещё кажется страшным этому слабому старику. Даже потерянное нами сражение погубило бы теперь Бонапарта»*. Сэр Роберт Вильсон был прав, выражая эту последнюю мысль, что при тогдашнем положении великой армии самая победа была бы для ней гибельна. Нечаянно он совпадал в этом случае с мнением самих французов, участников в событиях, но какую же пользу принесло бы нам поражение?

Как представитель самостоятельной державы в нашем военном стане, генерал Вильсон не только желал поддерживать это значение, но и руководить военными действиями. Отличавшийся если не храбростью, которой нигде не выказал, но некоторого рода смелостью, он не обладал однако же военными дарованиями полководца и в этом отношении подчинялся влиянию барона Беннигсена, также английского подданного, соперника кн. Кутузова. Только этим влиянием и возможно объяснить противоречия в приведённых его письмах. Преследуя виды своего отечества, он единственно желал погибели Наполеона, хотя бы ценою поражений русских, и на Россию смотрел как на орудие для достижения своих целей, точно так же как смотрели на неё немецкие патриоты, когда войска должны были перейти русские границы. Но взгляд Кутузова, как русского военачальника, естественно был совершенно иной и ещё естественнее, что он, как русский человек, прямо выражал его, давая чувствовать своему неугомонному советнику, что очень хорошо понимает своекорыстные виды английской политики. В тяжёлых обстоятельствах, в которых находилась Россия в это время, естественно все его помыслы клонились единственно к спасению отечества, а не всей вселенной, как толковал сэр Роберт Вильсон, прикрывая громким выражением выгоды Англии. Это различие во взглядах и постоянное отклонение советов Вильсона о военных действиях возбудило в нём ненависть к кн. Кутузову, которою ловко пользовался Беннигсен, зная, что он сообщает всё не только своему посланнику, но и самому императору. «Офицеры и войска Вашего Величества дерутся с чрезвычайною неустрашимостию; но я считаю своим долгом, как в отношении к ним, так и к Вам, Государь, с прискорбием заявить, что они достойны иметь и нуждаются в лучшем предводителе. Бездействие фельдмаршала, — писал он Государю после сражения под Малоярославцем, — после победы над Мюратом, когда следовало двинуться со всею армиею влево, медленность его в присылке подкреплений генералу Дохтурову, личное бездействие по прибытии на место сражения до 5-ти часов вечера, хотя он целый

---

* Письмо к лорду Каткарту от 14-го (26-го) окт. «Горки, в 40 верст. от Калуги».

день пробыл в 5-ти верстах от него, личная осторожность во всех сражениях, нерешительность в принятии мер,— подвергают войска Вашего Величества гибельному беспорядку, то вследствие медленности, то вследствие поспешности без всякого повода. Лета фельдмаршала и телесная дряхлость могут несколько извинять его. Но нельзя не сожалеть о такой слабости, которая побуждает говорить его, что он не имеет другого желания, как то, чтобы выгнать неприятеля из России, тогда как от него зависит избавление от ига целого света. Такая телесная и душевная слабость делают его неспособным исполнять обязанность, которая на него возложена, лишают начальство уважения и предвещают несчастия в то время, когда можно быть уверенным в успехе. Мне известны недостатки генерала Беннигсена; но личный его пример побуждает всех к решительным действиям, он обладает военными познаниями и его советы в последнее время послужили к пользе и славе оружия Вашего Величества. Я смею надеяться, что Вы не заподозрите во мне какого-нибудь личного предупреждения или пристрастия. Я имею в виду единственно пользы службы Вашей и думаю, что поступил бы бесчестно, если б не выражал откровенно моего взгляда. Время и подробные сведения о действиях, я надеюсь, убедят Ваше Величество, что хотя и смело, но верно я доставляю вам истинные, достойные Вашего Величества сведения». Генерал Беннигсен, всеми способами стараясь вовлечь кн. Кутузова в неудачные предприятия, чтобы потом занять его место, постоянно проповедовал о необходимости решительных наступательных действий. Увлекаясь его мнениями, сэр Роберт Вильсон в том же письме говорил Государю: «если бы у фельдмаршала было не более 12-ти тысяч войска, то и тогда бы, при настоящих обстоятельствах, я стал бы ему советовать ежедневно вызывать на сражение неприятеля. При хороших распоряжениях не много было бы потерь и, продолжая постоянно охоту, можно бы загонять зверя, прежде, нежели бы он успел достигнуть своего убежища»*. С подобными советами он действительно обращался часто к кн. Кутузову, настаивая на них с упорством и уверенностью в своих военных дарованиях. В письмах лорду Каткарту он выражает сожаление, что у него нет отряда англичан в 10 или 12 тысяч, говоря, что тогда он соединился бы с казаками, которыми он постоянно восхищался, и заставил бы русского главнокомандующего действовать решительно. Чтобы показать свои военные заслуги, он писал английскому посланнику при нашем дворе, сообщая о сражении при Малоярославце: «вы, может быть, осудите меня, что я хочу похвастаться перед вами; но я полагаю, что вам будет

* Письмо императору, от 25-го октября.

однако же приятно, что ваши агенты не остаются бесполезными зрителями. Я был так счастлив, что мне удалось поставить два орудия так, что они привели в расстройство неприятельские колонны в начале сражения, когда всякая минута была дорога, потому что корпус Дохтурова был в совершенном беспорядке, имея с собою 80 пушек и более 300 подвод, зарядных ящиков и пр., и не зная даже в точности – где Калужская дорога (!). Если бы неприятелю удалось овладеть городом в это время, то он начал бы пальбу из оврагов, садов, домов и причинил бы нам значительный вред. Я тотчас велел палить картечью из обоих орудий; неприятель побежал, находившиеся в городе войска ободрились и порядок был восстановлен»*.

Современники не заметили знаменитого подвига английского генерала, который даже считал себя способным начальствовать над русскими войсками, – он сам сохранил память о нём для потомков, описав его в письме к лорду Каткарту. Но с особенною скромностью он прибавлял: «я прошу вас, любезный милорд, никому не говорить об этом обстоятельстве, потому что я не желаю выхвалять себя на счёт людей, которых дружбою я пользуюсь и которые благосклонно принимают мои предложения и исполняют мои советы». В письмах к английскому посланнику он ещё резче выражается о неспособности Кутузова и просит его: «если вы можете способствовать удалению фельдмаршала Кутузова, то тем окажете великую услугу России и Европе. Пока он будет начальствовать, мы никогда не сойдёмся с неприятелем. Он желает только, чтобы неприятель оставил пределы России, утомлённый, но не уничтоженный. Всё, что до сих пор сделано, исполнено без его ведома и приказания; то, что остаётся сделать, так же следует предпринять без его повеления»**. В письме из Орши он говорит: «по письму ко мне молодого Воронцова, я уверен, что если бы он имел главное начальство над войсками, то война с Бонапарте окончилась бы в этом году. Я не скрою и своего самолюбия: я мог бы быть хорошим главнокомандующим в последнее время и хотя я не имел власти и не мог поэтому истребить неприятеля, но горжусь и тем, что содействовал остановить его под Малоярославцем и не допустить его в те области, где он мог бы найти продовольствие. Устроенная мною батарея была весьма важна»***.

Как бы удивился один из самых молодых генералов в то время, благовоспитанный и скромный гр. М.С. Воронцов, что приласканный

* Письмо 14-го (26-го) октября.

** Письмо от 23 окт. (4-го ноября) из Вязьмы.

*** Письмо от 18-го ноября ст. стиля, из Орши.

им англичанин оказывал ему такую услугу и ставил его наряду с самим собою в отношении к военному искусству. Увлекаясь ненавистью к кн. Кутузову, Вильсон забывал, что писал за день перед тем, что Нямцевский овраг был перейдён войсками ночью и в возможном порядке, и говорил уже вопреки истине, что этот переход совершён утром, в виду и даже под пушками неприятеля, забывая, что по мере того, как отступала большая армия, её позицию занимал авангард Милорадовича, который скрывая её движения и мог защитить её. Едва ли нужно останавливаться на том обвинении, что кн. Кутузов медленно выступал из Тарутинского лагеря и так же медленно двигался к Малоярославцу. Значение военных движений, предпринимаемых с определённою целью, определяются успехом. Если фельдмаршал достиг своей цели и привёл войска вóвремя, как и было в действительности, то вопрос о том, почему он шёл медленно, когда мог идти скорее, едва ли имеет большое значение. Но нельзя не остановиться на обвинении кн. Кутузова в такой личной осторожности, что он даже не подъезжал под выстрелы. Конечно, главнокомандующему не подобало бросаться в огонь; но осмотреть поле сражения, разместить войска на позиции хотя бы то под выстрелами, когда это нужно — он должен. Но так и поступил кн. Кутузов под Малоярославцем, как доказывают приведённые нами свидетельства очевидцев, как русских, так и иностранцев. Между тем генерал Вильсон писал впоследствии: «хотя с самого рассвета фельдмаршал находился в пяти верстах от сражения, но до 5-ти часов вечера он даже не полюбопытствовал взглянуть на него; когда же приехал, то, оставаясь позади, сел, как некогда Канут на берегу моря, и сказал ядрам: не долетайте ближе трёхсот шагов от меня, и ядра повиновались ему, не так как непокорные волны»*. В другом сочинении, не довольствуясь этою выходкою, он прибавил следующий рассказ: «когда Кутузов прибыл к полю сражения, ко мне подъехал принц Ольденбургский и спросил видел ли я фельдмаршала? я указал на дерево вдали, говоря: он должен быть в той стороне. Нет, отвечал принц, этого быть не может, потому что я видел как туда пролетела граната»**.

Не все, конечно, но большая часть иностранцев, которые наполняли штаб нашей армии в это время, ютились вокруг Барклая де Толли, а после его отъезда, вокруг Беннигсена, с которым в особенной дружбе состоял сэр Р. Вильсон. Поддаваясь их влиянию, они, конечно, и разделяли их мнения за неимением своих, и, подражая им, громко высказывали порицания нашему старому полководцу, даже в виде непри-

* Private diary etc., с. 203–204.

** Narrative of events etc., с. 231.

личных насмешек, но, конечно, из видов «пользы для службы Его Величеству», т.е. русскому Государю, как постоянно выражался Вильсон в своих доносах императору. Но к ним примыкали и некоторые из русских, увлекаемые, впрочем, естественным желанием поскорее отмстить неприятелю за причинённые им бедствия, и также упрекали фельдмаршала в излишней, по их мнению, осторожности и медленности в действиях. В числе их находились и такие, которые силою обстоятельств поставлены были в положение, не удовлетворявшее их самолюбию. Народная память желала бы исключить их из этой среды, в которую влечёт их неумолимая историческая правда. А.П. Ермолов постоянно осыпал упрёками действия кн. Кутузова; он знал и ценил его ум и военные достоинства и потому не мог подступить к нему с этой стороны. «Совсем другого человека видел я в Кутузове, которому удивлялся в знаменитое отступление его из Баварии, – говорит он. – Лета, тяжёлые раны и потерпённые оскорбления ощутительно ослабили душевные его силы. Прежняя предприимчивость, многократными опытами оправданная, дала место робкой осторожности. Легко неискусною лестью могли достигнуть его доверенности, столько же легко лишиться её действием сторонних внушений! Люди приближённые, короче изучившие его характер, могут даже направлять его волю. От чего нередко происходило, что предприятия, при самом начале их, или уже приводимые в исполнение, уничтожались новыми распоряжениями. Между окружающими его, не свидетельствующими собою строгой разборчивости Кутузова, были лица с весьма посредственными способностями, но хитростью и происками делались надобными и получали значение. Интриги были бесконечные, пролазы возвышались быстро; полного их падения не замечаемо было»*. Ни турецкая война, блистательно завершённая кн. Кутузовым в этом же 1812 г., ни его деятельность по составлению ополчения в Петербурге, ни его распоряжения от Царёва-Займища до флангового марша от Москвы к Тарутину, не показывали однако же ослабления умственных сил. Могли ли вдруг они ослабеть во время стоянки в укреплённом лагере, где его распоряжениями войска были приведены в такое положение, что они могли с успехом действовать против неприятеля в средоточии России до её границ и сохранив ещё возможность идти далее. Приближёнными людьми к нему были Коновницын, краса русского войска – по свидетельству всех современников – по благородству, хладнокровию и храбрости в сражениях; Толь, которого дарования и познания как офицера главного штаба признаются даже людьми не легко выносившими

* Записки Ермолова, Т. I, с. 222–225.

его горячую заносчивость*; Кудашев, Кайсаров; но они редко бывали в главной квартире и успешно действовали как партизаны. Но этих-то людей и подозревал ген. Ермолов и полагал, что они способствовали тому, что «много переменилось прежнее особенно благосклонное расположение» к нему кн. Кутузова. Его ласковые слова и отношения к нему он считал лукавством, которым он скрывал нерасположение к нему.

Причина подобных подозрений заключалась в том ложном положении, в котором действительно находился ген. Ермолов, носивший звание начальника штаба не существовавшей уже тогда первой армии, потому что обе армии были соединены в один состав. Но, получив дозволение императора соединить обе армии, кн. Кутузов не получал никаких распоряжений о том, в каких отношениях будут находиться к нему как главнокомандующие, так и начальники их штабов. Кн. Багратион и гр. Сен-При выбыли из армии вследствие ран, полученных в сражении при Бородине. Но Барклай де Толли и Ермолов оставались. Кн. Кутузов, не желая оскорблять Барклая и не имея повелений императора, оставил за армиею название первой и начальство над нею вверил ему, образовав в тоже время отдельный сильный арьергард под начальством ген. Милорадовича. Но очевидно – или он становился только его помощником и исполнителем его приказаний, или сам кн. Кутузов – простым зрителем распоряжений и действий Барклая де Толли. Стать в такое положение главнокомандующему всеми армиями очевидно было и невозможно; а новым положением, которое силою самых обстоятельств создавалось для Барклая де Толли, он был недоволен и удалился из армии. А. П. Ермолов понял своё положение. «Мне известно было намерение его удалиться, – говорит он, – а потому не задолго перед отъездом его подал я рапорт, что, чувствуя себя неспособным к отправлению моей должности, прошу возвратить меня в армию. Представленный в подлиннике рапорт мой фельдмаршалом оставлен без ответа». Кн. Кутузов не мог не знать, что генерал Ермолов был назначен самим Государем, даже против желания Барклая де Толли, который считал его в числе своих врагов и не доверял ему, и облечён был особым правом писать лично к Нему, когда сочтёт нужным, и потому, вероятно, не считал возможным сложить без Высочайшего Повеления с него это звание, хотя бы и по собственному его желанию. Но, судя по действиям в отношении к нему кн. Кутузова, возможно предполагать, что он руководствовался в этом случае и другими соображениями. Если уменьшилось, как пошагает ген. Ермолов, лично

* Пр. Евгения Вюртембергского, Erinnerungen etc., с. 112.

к нему благорасположение кн. Кутузова, то с полною уверенностью можно сказать, что не уменьшилось уважение к его военным дарованиям и познаниям. «После производства кн. Кутузова генерал-фельдмаршалом за Бородинское сражение, — говорит ген. Ермолов, — нашёл он нужным иметь при себе дежурного генерала с намерением, как угадывать легко, не допускать близкого участия в делах барона Беннигсена, к которому отношения его были очень неприязненны; но звание, последним носимое, необходимо его к нему приближало»*. Хотя г. Коновницын назначен был дежурным генералом 8-го сентября, а рескрипт Государя о звании генерал-фельдмаршала кн. Кутузов получил 11-го, т. е. три дня спустя, но тем не менее предложение ген. Ермолова — с какою целью кн. Кутузов назначил при себе дежурного генерала — весьма вероятно. Отношения Беннигсена, к которому на помощь скоро приехал в главную квартиру сэр Роберт Вильсон, не были тайною даже для молодых прапорщиков. Так, один из них, состоявший в артиллерии 6-го корпуса, говорит: «при армии находился какой-то англичанин, высокого роста, с большим красным носом и с таким же красным угреватым лицом. Говорили, что это английский коммисар Вильсон. Этот англичанин, как стало в последствии известно, интриговал против фельдмаршала и, вместе с генералом Беннигсеном, при всяком случае осуждал его за осторожность и медленность действий. Им, как иностранцам, видно не жаль было русской крови, за то их и не любили»**. Когда войска совершали фланговое движение на Калужскую дорогу и достигли с. Мочи, в присутствии прибывшего с поручением от Государя — узнать о причинах, побудивших оставить Москву генерал-адъютанта кн. П. М. Волконского, эта вражда достигла до того, что кн. Кутузов вынужден был поставить вопрос в том виде, что он, или барон Беннигсен, но кто-нибудь один должен начальствовать. С этим вопросом кн. Волконский отправился в Петербург. Но решение его долго заставило себя ожидать и пришло только после сражений при Красном. Во всё продолжение этого неопределённого времени он должен был оставлять за Беннигсеном должность начальника штаба, потому что сам император дал ему это назначение. Но естественно он старался устранить его влияние. Все дела сосредоточивались у дежурного генерала, которому поручено было совещаться с Ермоловым и более важные посылать к нему. Но Ермолов уклонился от этих занятий. После этого, говорит он, «уменьшившиеся мои занятия заставили меня повторить рапорт мой об удалении меня от должности, — но без

* Записки А. П. Ермолова, Т. I, с. 223.

** Митаревский. Воспоминания о войне 1812 г., с. 123.

успеха». Напротив, с полным успехом, хотя за ним и оставалось название начальника штаба первой армии, но после сражения при Тарутине он постоянно находился в войсках и во многих случаях действовал блистательно. Из отношений к нему фельдмаршала можно, кажется, предполагать, что он желал заместить им Беннигсена и потому старался привлечь его к занятиям начальника штаба. Но это действительно ложное положение, созданное обстоятельствами, ген. Ермолов приписывал ему и осыпал упрёками и заподозрил его личный характер даже и в последствии говоря: «он уважал меня до смерти, хотя делал мне много вреда»*. Трудно совместить два понятия, выраженные словами уважал и вредил. Соперничества между фельдмаршалом и молодым генералом быть не могло и он не приводит никаких свидетельств о том, чтобы кн. Кутузов вредил ему; но что касается того, что он уважал его военные дарования, то это доказывается несомненно распоряжениями кн. Кутузова. После того как Ермолов отказался от занятий по штабу, он употреблял его в самых важных военных операциях. Так, он отправил его с ген. Дохтуровым на новую Калужскую дорогу к Боровску и к Малоярославцу и потом в авангард к Милорадовичу, при котором он находился до сражения при Вязьме. Недоброжелатели кн. Кутузова говорили, что он до такой степени подчинён влиянию окружавших его лиц, что они его именем отдают приказы. Но не сохранилось ни одного приказа, отданного кем-либо кроме дежурного генерала, который докладывал ему все получаемые донесения. Одно лицо, именно из его недоброжелателей, составляет исключение, – ген. Ермолов и то на некоторое время. Посылая его в авангард к г. Милорадовичу после движения большой армии к Полотняным заводам, он дал ему право давать его именем приказы передовым отрядам. Пока не определился ещё тот путь, по которому будет отступать неприятель, следовало действовать быстро, не теряя времени на переписку. Но это именно обстоятельство свидетельствует о том, как ценил фельдмаршал военные способности г. Ермолова. В последствии, смотря как он вёл войска в атаку, он сказал: «Вот орёл; но я ещё ему полёта не даю» и потом прибавил: «он хочет быть главнокомандующим (il vise au commandement des armées)». Описав сражение в Малоярославце, ген. Ермолов говорит, что когда войска кн. Кутузова подошли к городу – «не надлежало приступить к устроению редутов, которые казались всем неуместными, и не только не умножать в бóльшем количестве свежие войска для удержания за собою города, напротив, позволено было вывести те,

* Письмо к Казадаеву в конце 1813 г.; Военный Сборник 1870 г., статья Н. Ф. Дубровина.

которых необходима была упорная защита до прибытия армии. Это сократило бы потерю не одной тысячи человек и доказывается тем, что Наполеон, имевши во власти город, видевши удаление армии нашей, ничего предпринять не решился, и ясно видно было, что не существовало ни малейших приготовлений к наступательным действиям»*. В пылу сражения, продолжавшегося с раннего утра до позднего вечера, в котором сам Ермолов принимал блистательное участие, распоряжаясь действиями внутри самого города, он, может быть, и не заметил движений армии и не отдал себе потом отчёта в стратегических соображениях, руководивших ими, или в последствии, когда он составлял свои записки, долго спустя после совершившихся событий, память изменила ему; но выраженное им замечание может быть объяснено только тем, что он смешал в одну две позиции, которые занимала армия Кутузова: первую во время боя в Малоярославце и вторую на другой день с утра. Занимая первую позицию между городом и Нямцевским оврагом, переводить через который войска в виду неприятеля было невозможно, кн. Кутузов должен был, во что бы то ни стало, удерживать город, решиться на бóльшие несколько потери, чтобы не подвергнуть опасности всю армию, и приступить даже к устройству редутов, чтобы показать неприятелю, что он намерен удерживать эту позицию. Совершенно в ином виде представился вопрос на другой день, когда наша армия заняла почти неприступную позицию за Нямцевским оврагом. Тогда действительно не представлялось никакой пользы удерживать город, который притом почти весь был истреблён пожаром**. Но точно так и поступил кн. Кутузов. Когда постепенно в продолжение ночи армия переходила за Нямцевский овраг и её место занимал авангард Милорадовича, он отозвал полки Бороздина из Малоярославца.

Упрекали кн. Кутузова и до сих пор продолжают упрекать некоторые писатели, будто бы он, отодвинул войска от Малоярославца к Дечину и Гончарову по Калужской дороге, открывал своему противнику дорогу на Медынь. Едва ли это обвинение не основано на недоразумении со стороны одних и на недоброжелательстве других, изыскивавших все способы порицать вообще все его действия. Для неприятеля представлялись две дороги на Медынь и оттуда в Калугу. Одна за Нямцевским оврагом сходилась с дорогою от Малоярославца в Калугу; другая шла от Вереи прямо на Медынь. Наша большая армия, нахо-

* А.П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 234.

** Из 200 дворов осталось только 20. Зельницкий, Описание происшествий в Калуж. губ. в 1812 г., с. 98.

дясь на позиции за Нямцевским оврагом, прикрывала первую дорогу и вместе с тем дорогу на Калугу; но за то открывала другую. Чтобы выйти на неё, неприятелю не нужно было доходить до Вереи, но поворотить движение войск от Боровска на Егорьевское или Кременское, находившееся на половине этой дороги от Вереи к Медыни. Чтобы двинуться по первой дороге, неприятель, заняв Малоярославец, расположил корпус маршала Даву на той позиции, которую занимала армия кн. Кутузова в день сражения перед городом; по замечанию Ермолова, «не достаточно было целого дня, чтобы продвинуть через город всю армию с её артиллериею», и прибавим: с её обозами, беспримерными по их многочисленности в военных летописях. Но совершив это затруднение, если не вовсе невозможное передвижение, великой армии предстояло перейти Нямцевский овраг по единственной, не широкой, но длинной плотине и не беспрепятственно. На позиции за Нямцевским оврагом, которую французы нашли неприступною, стоял значительный авангард русской армии под начальством Милорадовича, который, конечно, не упустил бы случая, почти безвредно для его войск, причинить огромные потери неприятелю. Он занимал возвышенный берег оврага, который господствовал над его широкою глубиною; каждый выстрел его батарей производил бы убыль в людях и беспорядок в движении неприятеля, который не мог бы ему отвечать. Условия местности, сильный авангард нашей армии и личные качества его предводителя, если бы не остановили, то во всяком случае замедлили бы настолько движение вперёд неприятеля, что наша большая армия от Дечина, отстоящего 20 вёрст от Малоярославца и 2½ верстами менее от своего авангарда, могла прийти на помощь, даже предположив сугубую медленность её движений. Распоряжения кн. Кутузова совершенно обеспечили опасность, которая могла угрожать с этой стороны. Но оставалась другая, по которой мог повести Наполеон свои войска на Калугу и, может быть, повёл бы, если б посланные для разведки этой дороги передовые войска из корпуса кн. Понятовского не были разбиты, – дорога от Вереи, на которую можно было перейти из Боровска. Появление войск Понятовского и известия, получаемые от передовых наших отрядов, прямо указывали на возможность такого движения, которое должен был преградить кн. Кутузов. Все его распоряжения и клонились к этой цели. Движением к Дечину и Гончарову и потом к Полотняным заводам на дорогу, ведущую из Медыни в Калугу, когда ещё не вполне означалось направление неприятеля, он прикрывал Калугу и мог отрезать ему отступление на Медынь и оттуда так же или на Калугу, или на Юхнов и Смоленск, потому что расстояние от этих сёл до Медыни короче, нежели от Малоярославца. Постоянно

приходившие известия из передовых наших войск и особенно частые донесения ген. Ермолова, военным соображениям которого фельдмаршал особенно давал веру, о движении неприятеля на Медынь, послужили поводом к тому, что фельдмаршал двинул всю армию не только к Медыни, но потом по направлению к Можайску до с. Кременского. В военном журнале ген. Толь говорит: «всякий читатель, посмотрев на карту, удивится, почему фельдмаршал кн. Кутузов главными силами столь медленно следовал за Наполеоном. На то имел он следующие причины: во-первых, преследовать неприятеля по той же дороге, по которой он отступал, лишив её совершенно продовольствия, отняло бы у него возможность быстро следовать за неприятелем, а потому фельдмаршал полагал, что для преследования неприятеля совершенно достаточно партизанов и летучего отряда ген. Платова, состоявшего из 20-ти казачьих полков и 5-ти рот 20-го егерского полка с Донскою конною артиллериею. Во-вторых, фельдмаршал, сделав боковое движение на Медынскую дорогу, наперёд должен был присоединить к себе парки и обозы с продовольствием, а для сего позиция у Полотняных заводов была удобнейшею. С нею он мог всегда предупредить Наполеона при Вязьме». Таковы были действительно предположения кн. Кутузова, как доказывают все его соображения. Поэтому он отклонил предложения своих молодых боевых сотрудников, в числе которых был сам Толь, Ермолов и, вероятно, многие другие, а самым рьяным советником сэр Роберт Вильсон, — действовать после сражения при Малоярославце наступательно на неприятеля. Один из недавних критиков похода 1812 года говорит: «военная наука в отношении к преследованию отступающего неприятеля излагает различные способы, которые, как всем известные, мы излагать не будем; но отдаёт преимущество фланговому преследованию, потому что этот способ, давая возможность преследующему войску перерезывать линию отступления неприятеля, обеспечивает наибольший успех»*. Точно такой же взгляд выражен и одним из современников и участников этого похода, полковником в то время в наших войсках, бароном Кроссаром. «Бонапарт, — говорит он, — отказавшись от намерения проложить себе путь на Калугу и решившись отступать по опустошённой дороге на Можайск к Смоленску, обрекал погибели свои войска. На эту именно дорогу кн. Кутузов и желал его отбросить, и таким способом вернее достигал цели разрушить войска неприятеля, нежели те, которые с меньшею уверенностию и умственными способностями, нежели он

---

* Cornaro. Strategische Betrachtungen über den Krieg im J. 1812. Wien, 1870, с. 83 и след.

(avec moins de genie que Koutousoff), вызывали его на сражение, которого успех всегда неизвестен. В последствии действия кн. Кутузова увенчались успехом и сделались образцом, который надо изучать желающим достигнуть военной славы»*. Если достоинства флангового преследования неприятеля заключаются в том что преследующая армия может перерезывать ему путь и вынуждать к сражениям, которых он избегает, что доказывает уже самое отступление, — то очевидно следовало принудить его к сражениям, прежде нежели он достигнет той цели, к которой направлено его движение. Такою первою целью был Смоленск, не потому только, что неприятельские войска смотрели на него как на предел их бедствиям, но потому, что и сам император Наполеон рассчитывал привести там в порядок остатки своих войск и подкрепить их свежими. В Смоленске и не далеко от него, по дороге к Ельне в с. Климентинове и Витебске, были заготовлены запасы военные и продовольствия, там могли они присоединить корпус (9-й) маршала Виктора (до 30-ти тысяч) и дивизию Бараге д'Илье (до 15-ти тысяч). В это время, ещё сам император Наполеон не знал о движении маршала Виктора на помощь Сен-Сиру и Удино. Отбросив неприятеля на Можайскую дорогу к Смоленску, представлялся ряд местностей, где бы возможно было преградить дорогу неприятелю: Можайск, Гжатск и Вязьма. Но ложные известия, которые получались от передовых отрядов и из авангарда, послужившие поводом к тому, что армия кн. Кутузова сделала несколько излишних переходов, были причиною, что у первых двух городов была упущена возможность преградить путь неприятелю и вынудить его на сражение. Едва казаки Платова могли настигнуть у Колоцкого монастыря арьергард неприятельской армии, под начальством маршала Даву. Авангард Милорадовича не подоспел даже к Гжатску и должен был двигаться усиленными переходами к Вязьме.

Мысль о том, что император Наполеон употребит все способы, чтобы проложить новый путь для отступления, в нашей главной квартире в то время представлялась самою естественною. Не успев прорваться через Малоярославец, полагали, что он пойдёт на Медынь. Точно также никто не знал, что неприятельское войско до такой степени утратило боевое значение, что император Наполеон не считал возможным вступать в сражения и не только был принуждён отступать по Можайской дороге, но бежать при первом известии о том, что наша армия намерена двинуться к Вязьме. В то время, когда кн. Кутузов двинул войска к Вязьме, арьергард неприятеля проходил

* Crossard. Mémoires milit. et historiques, T. V, c. 61.

уже Гжатск, а император Наполеон с передовыми войсками был уже в Вязьме. «Фельдмаршал, — как записал в военном журнале г. Толь, — видя невозможность предупредить неприятеля при Гжатске, решился продолжать своё движение к Вязьме с тою целию, чтобы разделить французскую армию, растянувшуюся на марше от Гжатска до Вязьмы». Обстоятельства сложились так, что фельдмаршал не имел намерения перерезать путь всей армии своего противника, но нанести поражение некоторым её частям, которые возможно было отрезать от его армии. Но и это намерение не осуществилось на деле. Войска г. Милорадовича и атамана Платова могли только отрезать арьергард маршала Даву, если бы успели вóвремя сосредоточить свои силы. Но несмотря на ускоренные движения, они не могли этого достигнуть; а если бы даже и удалось им сосредоточить все свои войска, то едва ли могли отрезать и уничтожить корпус Даву, потому что он уже подходил к Вязьме, куда приблизился вице-король итальянский и кн. Понятовский, а маршал Ней там поджидал арьергард Даву, чтобы пропустить его вперёд и принять на себя его обязанности. Их войска, без сомнения, поспешили бы ему на помощь. Так и случилось; но тем не менее им удалось одержать блестящую победу, стоившую многих потерь неприятелю и окончательно расстроившую его войска, как это прямо выразил маршал Ней императору Наполеону. Кн. Кутузова упрекают в том, что он медленно вёл войска к Вязьме и потому не успел отрезать четырёх корпусов неприятельских; но их не мог отрезать и авангард и лёгкие войска Платова, которые, конечно, могли быстрее совершать движения, нежели большая армия с её обозами. Дурные дороги представляли не малое препятствие для более скорого движения; но — едва ли оно и входило в расчёты фельдмаршала. Он не желал утомлять войска, оставлять позади обозы, когда передовые войска нуждались в продовольствии и зарядах, зная уже, что невозможно перерезать путь всем неприятельским силам. Нанести удар только тем, которые не успеют ещё миновать Вязьму, он мог вполне предоставить авангарду Милорадовича с помощью Платова и летучих отрядов. По исчислению самих французов, их войска, дравшиеся при Вязьме, простирались до 37-ми тысяч, и против них действовал наш авангард, вместе с Платовым в составе не менее 40 тысяч, не считая партизанских отрядов Сеславина и Фигнера. В добавление к ним кн. Кутузов послал кирасир г. Уварова. Если количеством наши войска и незначительно превышали неприятеля, то их нравственная сила стояла значительно выше совершенно расстроенного его войска. «Нельзя ставить в упрёк фельдмаршалу Кутузову, — говорит один из наших военных писателей, — что он не участвовал в сражении при Вязьме. Иначе и не могло

быть. Стратегическая ошибка его при Малоярославце поставила его в невозможность благовременно прибыть к месту сражения. Поэтому в битве под Вязьмою раскрывается весь вред окольного перехода русской армии чрез Полотняные заводы. Без этого медленного и невыгодного движения, фельдмаршал Кутузов мог бы достаточно подкрепить г. Милорадовича. Простой переход вперёд по дороге от Юхнова к Вязьме выводил его на сообщения неприятеля. Оставив большую дорогу между Быковым и Скобелевым, он мог перевести свои действующие колонны левым берегом р. Вязьмы и, став параллельно большой дороге между Вятковым и Чертовым, защищать переход через Вязьму»*. Может быть, так бы и поступил главнокомандующий при иных обстоятельствах. Но в то время обстоятельства сложились так, что, обманутый ложными известиями от передовых войск и весьма естественным предположением, что император Наполеон, прежде нежели решиться отступать по опустошённой дороге на Можайск и Смоленск, попытается проложить себе новый путь на Медынь, он действительно сделал несколько лишних переходов и подошёл к Вязьме уже вечером, когда окончилось сражение, успев однако же послать две кирасирские дивизии в подкрепление авангарду, которых одно прибытие на поле битвы было бы достаточно для того, чтобы поражённый неприятель не пытался удерживаться в Вязьме**. Такие ошибки возможны в деле войны, достоинство главнокомандующего от них страдать не может; но оно пострадало бы если б он не принял мер исправить случайную ошибку. «Хотя победа при Вязьме бесспорно осталась за русскими», по свидетельству барона Кроссара, бывшего в наших войсках, но, тем не менее, фельдмаршал предпринял движение на Ельну, чтобы то, что не удалось при Вязьме, привести в исполнение под Красным, т. е. перерезать путь отступления Наполеону. Это движение имело и другое значение: оно препятствовало Наполеону, если бы он захотел, оставив опустошённую дорогу, двинуться на Ельню и Мстиславль к Могилёву.

После сражения нашего авангарда с неприятельским арьергардом при Дорогобуже, где маршал Ней тщетно пытался остановить, по крайней мере, на один день преследование и, понеся значительные потери, должен был немедленно отступать, кн. Кутузов считал излишним преследовать неприятеля значительными силами и потому приблизил к своим войскам авангард Милорадовича. Неприятель бежал без оглядки, наши лёгкие отряды и значительное количество казаков были совершенно достаточны для того, чтобы, нападая постоянно со

---

* Окунев. Рассуждение о больших воен. действиях 1812 г., с. 239.

** Crossard. Mémoires milit. et polit., T. V, c. 76.

всех сторон, во всякое время дня и ночи, способствовать ей быстро разлагаться и уничтожаться при пособии голода и морозов. Отражение дивизии Бараге д'Илье, взятие в плен бригады Ожеро и участь корпуса вице-короля Итальянского при р. Вопь, совершенно оправдали его предположения. Убедившись, что неприятельские войска следовали прямо по Смоленской дороге, фельдмаршал заключил, – как записано в военном журнале г. Толя, – что дальнейшее их движение будет через Соловьеву переправу к Смоленску, на соединение с маршалом Виктором, о котором имелись известия, что он, направляясь к Смоленску, приближается к Орше. Поэтому, фельдмаршал предположил «от Ельни продолжать движение к г. Красному и, таким образом, обойдя Смоленск, стать на операционной линии неприятеля, чтобы до прибытия корпуса Виктора стараться разбить войска Наполеона. На успех этого предприятия фельдмаршал надеялся потому, что войскам неприятеля надо было два раза переходить Днепр, при Пневе и при Смоленске, что́ должно было весьма замедлить их движение. Точно также он полагал, что Наполеон, не зная о движении нашей армии чрез Ельну на Красное, без сомнения, захочет дать некоторый отдых своим войскам при Смоленске, где имелись значительные запасы продовольствия. Не малая выгода ещё представлялась в этом направлении для нашей армии от того, что она могла находить себе продовольствие». Движение к Красному совершилось с полным успехом. Наша большая армия подошла к окрестности этого города, когда находился там сам Наполеон с гвардиею, поджидая приближения корпусов вице-короля, Даву и Нея от Смоленска, хотя сэр Роберт Вильсон и писал лорду Каткарту, что: «нужно более желать, нежели надеяться, что неприятель останется в Смоленске до тех пор, пока здешняя армия достигнет до этого города»*. В медленности и нерешительности действий упрекали кн. Кутузова и в сражении при Красном. «Когда обе армии сошлись на поле битвы под Красным, одна вся в совокупности, другая в растянутой колонне, трудно оправдать вялость, с которою фельдмаршал кн. Кутузов действовал в этом сражении. Взаимное положение противников было таково, что Наполеон без всякой надежды на успех мог всё потерять, а фельдмаршал Кутузов, напротив, безопасный от всякой потери, мог всё выиграть. Его положение, если бы он действовал решительнее левым крылом своим через Сорокино на Доброе, заставило бы Наполеона стать лицом к неприятелю в параллельном боевом порядке к большой дороге. Одна победа могла спасти французскую армию от совершенной

* Письмо из Ельни, 28-го октября (9-го ноября).

гибели, потому что в противном случае она была бы отброшена к Днепру. Удаление разных корпусов друг от друга и потому невозможность ввести их в дело совокупно, служили ручательством в том, что Наполеон был бы разбит при таком нападении», говорит один из наших военных писателей*. Не подлежит сомнению, что войска г. Тормасова, которые должны были двинуться через Сорокино к Доброму на левом нашем крыле, не только действовали нерешительно и медленно, но и вовсе не принимали участия в деле, не подоспев вóвремя в назначенное им место, и действовал только его авангард, под начальством бар. Розена, и отряд гр. Ожаровского. Современные хулители действий старого фельдмаршала, конечно, и в этом случае обвиняли его, и это мнение так распространилось, что даже г. Михайловский-Данилевский, вовсе не разделявший их взглядов, повторяет его, стараясь, конечно неудачно, оправдать фельдмаршала. Описывая дело при Красном (5-го ноября), «обратимся к Тормасову, — говорит он, — долженствовавшему с большею частию армии зайти в тыл французов у Доброго. Этого не случилось. Когда он начал своё движение, кн. Кутузов узнал от одного Красненского жителя и от пленных, что в Красном находится сам Наполеон. Фельдмаршал велел Тормасову остановиться, потому что диспозицию к маршу на Доброе, в обход неприятеля, дал накануне только, в том предположении, что не малая часть французских войск, собравшихся под Красным, вероятно, отойдёт ночью к Лядам, но коль скоро удостоверился в противном, отменил намерение стать на пути отступления всей неприятельской армии. Расстройство её не было у нас в точности известно. Мы видели кучи отсталых, безоружных, которые тянулись за войсками, падали от изнурения, шатались по сторонам, но у нас не знали, как велико число находившихся под знамёнами, способных обороняться. Тайна всей слабости Наполеона ещё не была и не могла быть вполне раскрыта, и потому кн. Кутузов не хотел случайностям боя предоставить то, до чего мог достигнуть вернейшим способом — повременив немного. Он предпочёл: не вдаваясь в генеральное сражение, бить французов по частям и пожинать верные плоды своих соображений, рассчитывая, что каждый день отступления неприятелей, по причине голода, зимы и беспрестанных на них нападений, был для Наполеона истинным поражением, влача за собою множество отсталых людей и брошенных пушек и обозов. Война приняла совершенно новый, необыкновенный поворот и не походила ни на одну из войн минувших времён»**. Из всех распоряжений фельдмарша-

---

* Окунев. Рассуждение о больш. воен. действиях 1812 г., с. 242–243.

** Сочинения, Т. V, с. 262–264.

ла ясно видно, что он намерен был действовать решительно на неприятеля, чтобы перерезать ему путь под Красным. В то время, когда составлена была диспозиция предположенного на другой день сражения, из донесения гр. Ожаровского и от него даже лично, он знал, что сам Наполеон находится в Красном. Мог ли он предполагать, что он в продолжение ночи уйдёт из него с незначительною частью своих войск и бо́льшую часть из них, т.е. приближавшиеся от Смоленска корпуса вице-короля, Даву, Понятовского и Нея, бросить на жертву неприятелю? Едва ли, не имея никаких прямых доказательств, возможно допустить такое соображение со стороны опытного фельдмаршала. Расстройство неприятельских войск ему также было очень хорошо известно. Все боевые его сотрудники, имевшие с ними дело, доносили ему о нём и, желая подвинуть его на более решительные действия, скорее могли преувеличивать это расстройство, нежели уменьшать. Хотя и совершенно справедливо, что фельдмаршал щадил русскую кровь, не желал преждевременно вызывать на решительный бой неприятеля, к отчаянной защите, в том безвыходном положении, в каком он находился. «С редкою мудростию (dans sa rare prudence), по выражению Тьера, он не последовал примеру неблагоразумных советников, которые напали бы на дикого кабана, не утомив наперёд продолжительным преследованием и нанесёнными ему ранами». Но под Красным положение неприятеля было иное. Постоянные нападения наших передовых войск, продолжительное бегство по опустошенной дороге, голод и холод – до такой степени расстроили уже прежде утратившие дисциплину его войска, что не представляется никакого повода, вопреки ясным и точным предписаниям фельдмаршала, предполагать, что он имел намерение пропустить мимо себя неприятеля, нанеся ему только наибольший вред, а не перерезать путь его отступлению. Однако же, приказание, данное фельдмаршалом Тормасову – приостановиться – возбуждает сомнение. Но вопрос заключается в том: давал ли кн. Кутузов такое приказание? В журнале исходящих бумаг, ведённом дежурным генералом Коновницыным, где тщательно записывались все распоряжения, как лично подписанные самим фельдмаршалом, так и от его имени отдаваемые дежурным генералам, нет и следов подобного приказа. Приказание такой важности едва ли могло быть сделано на словах, но, допуская даже такое предположение, надо чем-нибудь его подкрепить, как, например, показанием самого г. Тормасова, или, по крайней мере, того офицера, который ему объявил его. Но и таких указаний, после тщательных поисков, открыть не удалось и едва ли они имеются, иначе на них сослался бы г. Михайловский-Данилевский и те, которые повторяют его мнения.

Между тем, имеются указания, которые приводят к совершенно другим заключениям. Офицер, находившийся в войсках Тормасова во время этого движения, говорит: «авангард Тормасова, к коему в ночь 4-го числа послан был из Шипова сочинитель этой книги с повелением атаковать неприятеля, имел предписание выступить на рассвете 5-го числа из деревни Сидоровки и за ним должна была следовать вся колонна. И так, в одиннадцатом часу утра, половина нашей армии, состоявшая из отборных войск, могла прибыть на Оршанскую дорогу и ударить в тыл неприятеля. Но, по новому повелению Кутузова, мы выступили не прежде десятого часа утра»*. В этом рассказе, написанном долго спустя после происшествий, естественно могла утратиться последовательность событий, точно так же как разные слухи, ходившие даже в то время в войсках, могли иметь на него влияние. По диспозиции, если она действительно была прислана с сочинителем, из воспоминаний которого приведены эти строки, войска Тормасова должны были выступить в 8 часов утра, т. е. на рассвете. Его авангард выступил в назначенное время, иначе он не мог бы — «пройдя около 11-ти час. деревню Путятину, начать видимо угрожать тылу неприятельской армии, что и побудило Наполеона в сопровождении конных гвардейских егерей и части пешей гвардии, искать своего спасения, оставив на жертву прочие войска своей армии», как записал в военном журнале г. Толь. Главная колонна Тормасова, которая шла вслед за своим авангардом, действительно могла выступить часом позднее, без всякого особенного приказания кн. Кутузова. Медленное её движение объясняется, по свидетельству военного журнала г. Толя, тем, что следуя по просёлочным дорогам, «она встретила на своём марше много затруднений, должна была строить мосты и делать дорогу удобопроходимою». Это подтверждает и сочинитель записок, которого свидетельство мы привели, говоря: «по причине узкой просёлочной дороги, мы шли шестирядною колонною, левым флангом, в некоторых местах почти по колено в снегу». Фельдмаршал не замедлил, но, напротив, желал ускорить движение. Тот же свидетель говорит: «далее встретили полковника Шульгина, адъютанта фельдмаршала, посланного к нам с повелением поспешить в дело. Пройдя дефиле у дер. Панкино, артиллерия и кавалерия пустились рысью, пехота беглым шагом»; но уже было поздно**. Не без некоторого ударения,

* Записки о походах 1812 и 1813 годов, с. 50 и след.

** В доказательство, что кн. Кутузов, узнав из показаний пленных, что имп. Наполеон находится в Красном, остановил движение ген. Тормасова, приводят следующую записку Коновницына к партизану Сеславину: «По повелению его светлости

по-видимому, г. Толь, описывая расположение войск после сражения, говорит: «прочие войска Тормасова (кроме авангарда барона Розена), не имевшие никакого участия в сём деле, расположились бивуаком за дер. Доброе». Вероятно, в нашей главной квартире упрекали г. Тормасова за медленное движение; но в виду тех препятствий, которые он встречал на пути, возможно предполагать, что эти обвинения были такие же, как и обвинения фельдмаршала в медленности и нерешительности. Если принимать в соображение единственно число вёрст, которые предстояло пройти, наиболее кратким путём преследуя неприятеля, и количество переходов и дневок, то можно осудить полководца за медленные движения, тогда как на деле, он совершал движения самые ускоренные – по возможности. Эта возможность зависит от многих обстоятельств, которых теория не может предвидеть, и очень часто не принимает в соображение. Неизвестность намерений неприятеля, которые иногда обнаруживаются позднее, нежели как бы нужно было, чтобы противодействовать ему с наибольшим успехом, время года, погода, состояние дорог, местность, по которой они проходят, наличные запасы продовольствия и боевых запасов, – все эти обстоятельства имеют весьма важное влияние на движение войск. Для примера можно указать на медленное движение г. Тормасова под Красным. Оно совершалось в зимний день, когда после сильных морозов сделалась оттепель, шёл снег и туман покры-

имеете вы употребить все способы схватить верного языка, от которого узнать, что́ в Красном находится и когда что́ выступило; ибо без сего фельдмаршал не предполагает неприятеля атаковать». В ответ на это Сеславин писал «Бог вам судья, ваше пр-во; в Красном то же бедствие, та же нерешительность, что и в Вязьме. Третий день как Смоленск неприятелем оставлен; они вышли оттуда 2-го ноября, отдыхали в Красном и гвардия с Наполеоном пришла сегодня в Ляды. По показанию пленных, Наполеон, ехавши по дороге, был атакован казаками, но уплёлся невредим. Из Лядов завтра назначен поход по большой дороге к Орше...» Первое письмо Коновницына помечено: 4-е ноября, из д. Шилово, без обозначения часов дня. Ответ Сеславина, тоже без числа, но был получен 5-го ноября. По содержанию ответа очевидно, что он был написан тогда, когда Наполеон пришёл уже с гвардиею в Ляды, следовательно, спустя несколько часов пополудни, т. е. когда сражение под Красным близилось к окончанию. Стало быть, оно началось совершенно независимо от известий, полученных от Сеславина, и выражение, употреблённое Коновницыным: «без сего фельдмаршал не предполагает атаковать» – употреблено для того только, чтобы побудить Сеславина скорее и вернее доставлять известия. Иначе, если бы в главной квартире ожидали этих известий, то 5-го ноября с раннего утра не было бы начато сражение, а потому не было бы и повода останавливать движение колонны Тормасова.

вал окрестности, по просёлочной дороге, по которой нельзя было идти иначе как узкою и, следовательно, продолжительною колонною, а сходя с неё – по колени в снегу, по местности пересечённой глубокими оврагами, когда приходилось пролагать дороги и строить мосты. Этих обстоятельств совершенно достаточно для того, чтобы объяснить почему он двигался медленно, не прибегая к подозрениям, что его движение было замедлено какими либо неправильными распоряжениями. Число вёрст переходов и дневки зависят от состояния дорог; едва пролазная грязь от дождей, которые осенью надолго портят дороги, по которым следовала наша армия от Малоярославца до Вязьмы, утомляла войска и требовала небольших переходов и дневок. Вообще зимний поход утомительнее похода в хорошее время года и, следовательно, не может совершаться так же быстро. Скорость движения войск должна быть соображаема с движением артиллерии и, ещё более, обозов с продовольствием и военными запасами. Начало нашествия Наполеона на Россию может служить поразительным примером, когда, достигнув лишь до Витебска, он потерял целую треть своего войска, не вступая ещё в бой, единственно от недостатка продовольствия, потому что обозы не могли с такою же скоростью двигаться, как войска, и далеко оставались назади. Не только наши передовые войска, но и большая армия нуждалась иногда в продовольствии. Сэр Роберт Вильсон, наиболее всех укорявший кн. Кутузова в медленности движений, в письме к лорду Каткарту говорит: «Весь нынешний день войска оставались без пищи, и я опасаюсь, что то же будет и завтра, потому что фуры с продовольствием остались в весьма дальнем расстоянии; но войска переносят нужду с удивительным мужеством»*. Сообщая это известие, он пользуется случаем упрекнуть кн. Кутузова в нераспорядительности именно во время того движения, которое он особенно порицает за медленность. Это письмо писано в Силенках, во время движения к Вязьме. Впрочем, при другом случае он писал, тоже укоряя в медленности кн. Кутузова, что «победа заменяет продовольствие»**. Но кн. Кутузов, конечно, иначе смотрел на это и постоянно заботился о продовольствии войск. Те, которые упрекают его в медленных движениях, хотя и говорят, что этот поход вовсе не походил на все другие, однако же не останавливаются на этом важном обстоятельстве при суждениях о нашем полководце. Если бы император Наполеон отступал так, как, например, кн. Кутузов от Браунау до Кремса в 1805 г. в аустерлицкую кампанию, или

* Письмо из д. Силенки 30-го окт. (11-го ноября); ср. его же Private diary, с. 209.

** Донесение императору из Красного, от 7-го (19-го) ноября.

г. Моро в кампанию 1796 г. от Дуная до Рейна, то, без сомнения, возможно бы рассуждать о медленности или скорости его преследования. Но он бежал, его надо было догонять, для быстроты бегства он не останавливался ни перед какими жертвами. Неужели преследовавшие его наши войска должны были также и даже быстрее бежать и подвергаться таким же бедствиям, как и его великая армия? «Не без некоторого основания упрекают большую армию за медленное движение»,— говорит иностранец, участник в происшествиях, бывший начальником штаба в армии гр. Витгенштейна. «Но следует заметить, что хотя кн. Кутузов мог идти скорее, он не мог шаг за шагом преследовать неприятеля, потому что необходимым последствием его быстрого движения было бы совершенное расстройство войск. Впрочем, суждение было бы совершенно ложно, если бы вздумали сравнивать движения войск обыкновенных кампаний, с движениями большой армии после шести месяцев утомительной кампании, по опустошённой местности, в такое время года, когда войска должны стоять на зимних квартирах даже в странах с лучшим климатом. Одно затруднение в обеспечении продовольствия войск должно было придать совершенно особенное свойство движениям войск и некоторого рода медленность»*.

При таких условиях и при таком способе отступления неприятеля, или, лучше сказать, бегстве, как должен был преследовать наш главнокомандующий своего противника? Очевидно — лёгкими отрядами и преимущественно конницею. Мы имели уже случай изложить соображения о том, что поголовное ополчение Донских казаков было делом кн. Кутузова, задолго предвидевшего отступление неприятеля и ту пользу, которую в этом случае могут оказать Донские войска. Хотя бы и жажда лёгкой добычи усиливала их действие, — но в продолжение этого преследования они были таковы, что превзошли даже ожидания фельдмаршала. Они не только по пятам преследовали неприятеля, но окружали его с флангов и часто предупреждали на пути. Большой нашей армии предстоял такой способ действий, чтобы, щадя войска, избрать кратчайший путь, прийти на путь отступления неприятеля и перерезать ему дорогу. Так и поступил фельдмаршал, приняв фланговое преследование и преградив путь при Красном. Но сверх того, обходя неприятеля с фланга, преследуя с тыла казаками и лёгкими партизанскими отрядами, которые всеми способами должны были замедлять его бегство, он двинул против него значительный авангард,

---

* Д'Овре (D'Auvray). Précis de la campagne du l-er corps de l'arm e d'occident pendant l'année 1812. Рукоп.

который мог наносить ему ещё больший вред. Сражения при Вязьме и Дорогобуже оправдали предположения фельдмаршала. Но противники кн. Кутузова не считали нужным обращать внимание на общий его план преследования неприятеля, потому что полагали, что кампания должна была окончиться одним решительным сражением и упрекали, что, один за другим, он упускал удобные к тому случаи. В последствии, сэр Роберт Вильсон, извещая лорда Каткарта о переправе чрез Березину, писал: «теперь-то фельдмаршал пожалеет о пропущенных им случаях одержать полную победу над неприятелем при Малоярославце, при Вязьме и при Красном»*. Увлекаемый мыслью, что одним ударом можно было поразить Наполеона, он так мало обращал внимания на распоряжения фельдмаршала, что уверял, будто бы все успехи наших войск были одержаны вопреки его приказаниям. «То, что уже сделали войска, было исполнено без его ведома или распоряжения, то, что остаётся ещё сделать, следует предпринять без его повеления»**. Едва ли кому либо, кроме английского генерала, мог казаться возможным подобный способ военных действий в такую беспримерную по затруднениям кампанию и с таким противником как Наполеон, в каком бы положении он ни находился. В позднейшем сочинении о походе 1812 г. он последовательно описывает сражение при Красном, говоря, что «с наступлением дня (5-го ноября), увидали неприятеля построенным в боевом порядке, и проходили часы за часами, а приказы, отданные кн. Кутузовым, не приводились в исполнение», что кн. Голицын, поощрённый Беннигсеном, своевольно начал сражение, что это раздражило кн. Кутузова, и вызвало даже неприличный отзыв о Беннигсене, что только в 2 ч. пополудни он дал повеление Тормасову и барону Розену двинуться к Доброму***. Трудно представить себе, чтобы свидетелю-очевидцу происшествий через 10–13 лет так изменила память, если бы тому не способствовала особенная его ненависть к нашему военачальнику. Между тем, в его рассказе всё неверно и, кажется, потому, что он смешал происшествия этого дня, бывшие до полудня, с теми распоряжениями кн. Кутузова, которые были после сражения под Красным, когда город уже был в наших руках. Справедливость этого предположения доказывают современные донесения императору и письма к лорду Каткарту самого сэра Роберта Вильсона. «С истинным удовольствием имею счастие поздравить Ваше Величество с знаменитыми успехами, наконец достойно увенчавшими заслуги здешней армии. 17-го мы с

* Письмо из Орши, от 18-го ноября ст. стиля, сравн. Private diary, с. 238.

** Письмо из Вязьмы, от 23-го окт. (4-го ноября).

*** Narrative of events during the invasion of Russia, с. 272–273.

сокрушённым сердцем видели как Бонапарт с изнеможёнными своими силами отступил чрез Красное, с малою сравнительно потерею, хотя, по всем обстоятельствам, для него не было б возможности совершить сего отступления, если б вó-время дано было приказание атаковать его. Но происшествия вчерашнего дня и сегодняшнего, вследствие которых целые колонны неприятельские принуждены были положить оружие, представляют такое поприще торжества как в настоящем, так и на будущее время для пользы Вашего Величества, что я решился никогда не помышлять о том, что могло быть сделано, но превозносить только с гордостию настоящие подвиги сей знаменитой армии. Вчерашнее сражение навсегда останется достопамятным. Это было сражение героев и самые побеждённые покрылись славою. О подробностях я пишу к лорду Каткарту, который, без сомнения, представит их Вашему Величеству. Я хотел изложить Вашему Величеству некоторые замечания касательно необычайной медленности в нашем движении к Красному, недеятельности 16-го, хотя мы отдыхали накануне и прошли только 15 вёрст, и о затруднении, оказанном фельдмаршалом 17-го в исполнении какого-либо плана нападения на неприятеля; но я изорвал моё письмо в надежде, что будущее время, при помощи Провидения, загладит прошедшее. Неприятель однако же в дороге и каждый час дорог, одного корпуса с лишком достаточно для истребления войск Нея; кто погонится за маленькою птицею, когда сокол вспорхнул с гнезда? Куда бы ни пошёл неприятель, чрез Дубровку на Минск или к Лепелю, его не должно упускать из виду и теснить беспрестанно. Победа заменяет продовольствие»*. Описывая сражение против маршала Нея (6-го ноября), он говорит в письме к лорду Каткарту: «Мало было сражений, приносящих такую славу победителям и побеждённым, как вчерашнее; это, по истине было сражение героев. Нет возможности подробно перечислить всего того, что взято у неприятеля; но теперь находится уже в плену 17 генералов и включая 112 пушек, оставленных неприятелем на Смоленской дороге, более 400 артиллерийских орудий. С начала кампании более 82.000 человек пленных проведены в разные губернии, а количество взятых повозок, ящиков, всякого имущества – превосходит всякие потери, испытанные когда-либо какою-нибудь армиею. В Смоленске истреблено 600 пороховых ящиков»**. В этих письмах нет и речи о том, что фельдмаршал задержал движение Тормасова и Розена во время сражения при Красном, и в 2 часа пополудни данное им предписание, о котором говорит сэр Роберт Вильсон,

* Донесение императору из Красного, 7-го (19-го) ноября.

** Письмо от 7-го (19-го) ноября, из с. Доброго.

может относиться к тому, которое он послал с Шульгиным, чтобы Тормасов ускорил движение. Весьма вероятно, что в это уже время сэр Роберт Вильсон счёл нужным по-прежнему побуждать фельдмаршала быстрее преследовать неприятеля, и ещё вероятнее, что кн. Кутузов сказал ему: «Вы слышали мой ответ при Малоярославце»*.

Нерешительность кн. Кутузова ценители и судьи его действий объясняли страхом перед Наполеоном. Можно бы не останавливаться над этим объяснением, основанном единственно на предположениях, без всяких доказательств, если б его выражали только иностранные писатели. Грозный облик непобедимого полководца носился над всею Европою, и действительно внушал панический страх особенно в это время, когда его могущество достигло высшей степени и не признавало никаких границ для своих действий. Естественно писателям-французам повторять подобное предположение, потому что оно льстит их самолюбию и помогает приписывать по преимуществу нашим морозам бедствия великой армии. Ещё естественнее писателям-немцам, потому что под влиянием панического страха, внушённого Наполеоном, преимущественно находилась Германия. Но тоже повторяют и некоторые из наших писателей. В таком ли положении в отношении к Наполеону находилась Россия в это время, чтобы и в неё могло проникнуть это чувство страха? Все свидетельства современников указывают противоположное настроение как войска, так и всего народа. Если никто не позволяет себе подозревать это чувство в Барклае де Толли, постоянно отступавшем перед сильнейшим в сравнении с его войсками неприятелем, то какое же представляется основание подозревать его в князе Кутузове, решившимся дать сражение Наполеону при Бородине, при обстоятельствах гораздо менее благоприятным, нежели под Малоярославцем, Вязьмою или Красным? Между сражением под Бородиным и преследованием неприятеля прошло два месяца, в продолжение которых преклонные лета фельдмаршала не могли оказать такое влияние, чтобы ослабить его телесные и умственные силы, как иные предполагают. Порицатели действий кн. Кутузова постоянно имеют в виду какой-нибудь один день, один случай, которым не воспользовался кн. Кутузов в той мере, в какой следовало бы — по их мнению, и никто из них не высказывает соображений о всём походе. Между тем, едва ли может быть сомнение, что фельдмаршал имел его в виду и с ним сообразовал свои действия. По этому общему плану действий последний удар неприятелю готовился — при Березине, куда направлял император войска Витгенштейна и Чичагова, чтобы встретить неприятеля; а большая армия должна была, обессили-

* Narrative of events, etc., c. 273.

вая постепенным преследованием, лишить его возможности прийти к Березине в таких силах, чтобы, соединившись с какими-либо из своих корпусов, действовавших на флангах, он мог ещё достаточно оказаться сильным, чтобы преодолеть предположенную ему преграду. Достиг ли этой цели кн. Кутузов? Не говоря уже о расстройстве, изнеможении и потерь почти всей конницы и артиллерии, обращая внимание только на количество войск, основываясь исключительно на показаниях самих французов, что от более нежели ста тысяч войск, с которыми император Наполеон выступил из Москвы, в Смоленске у него осталось только 42 тысячи. В той колонне, с которою он сам выступил из Смоленска, было 16 тысяч, с вице-королём 5 тыс., с маршалами Даву 7.500 и Неем 8.300. После сражения при Красном от этого количества войск в Орше оказалось не более 24 тыс.* Но и это число едва ли не преувеличено. Ней привёл в Оршу до 1.200 человек, вице-король до 3.500, корпус Даву потерпел значительные потери и он едва ли мог привести туда более половины своего войска. Менее пострадала гвардия; но, во всяком случае, в сражении 5-го ноября она понесла значительные потери, если принять в соображение действие нашей многочисленной артиллерии, которой у Наполеона уже почти не было. В Орше у Наполеона едва ли оставалось более 20 тыс. совершенно расстроенного и неспособного к бою войска. Кн. Кутузов достиг своей цели. «За десятерых французов я не отдам одного русского», говорил он своим горячившимся боевым сотрудникам. «Неприятели скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придём на границу?» Ему известен был взгляд императора и он знал, что война не ограничится пределами империи. «В одной из деревень между Красным и Оршею, после Леташевки, я в первый раз увидался с Кутузовым, — говорит принц Евгений Вюртембергский. — Он принял меня ласково, но не обошлось и без порицаний: «наши молодые горячие головы негодуют на старика, что я удерживаю их порывы. Они не обращают внимания на обстоятельства, которые делают гораздо более, нежели сколько могло бы сделать наше оружие. Не придти же нам на границу как толпе бродяг»»**. Принц Евгений Вюртембергский сам принадлежал к числу этих горячих голов. Он постоянно находился с своею дивизиею в авангарде Милорадовича; отличаясь храбростью, сделался любимцем войск. Милорадович, сам храбрый из храбрых, не только ценил его, но и баловал, снисходительно относясь к его порывам. «Этот молодой человек, — ему был 24-й год, — имеет такую власть над моим сердцем, как девица», говорил он, и называл его Орле-

---

* М. Шамбре. Hist. de l'éxpedition, T. II, c. 435.

** Pr. Eugen v. Würtemberg. Erinnerungen, c. 171–172.

анскою девою, прибавляя: «я только Дюнуа, ваш спутник и покорнейший слуга, одним словом, рыцарь и в этом состоит всё моё самолюбие»*.

Кн. Кутузов был доволен победами при Красном и, кажется, имел на это право. «Так окончились битвы под Красным,— говорит барон Кроссар,— которые можно назвать последними для той армии, которая одна должна была действовать, под начальством Кутузова, против Бонапарта. Его войска были совершенно расстроены и потеряли значение армии. Казакам и партизанам предстояло забирать разрозненные толпы, истощённые и которые не могли уже сопротивляться. Так почему же, спросят теперь, Кутузов, зная положение противника, не окончил войны одним ударом, перерезав дорогу Бонапарту? Под Красным он почти опередил его; одним усиленным движением он стал бы ему поперёк дороги. Наполеону предстояло прорваться, но как он мог это сделать с своими изнурёнными солдатами? Так рассуждают те, которые имеют притязание на дальновидность... Представится ещё случай отвечать на этот частный упрёк; но нельзя отказать Кутузову в той славе, которую он приобрёл, доведя неприятельскую армию до совершенного разрушения и принудив её бежать перед собою, тогда как в то же время, не подвергая себя потерям, пополнил свои войска, приучил к войне и увеличил их количество»**.

Но самый успех кампании не изменил мнения о нём его противников. С упорною ненавистью истого британца относился сэр Роберт Вильсон к нашему старому фельдмаршалу, понимавшему и конечные цели политики Англии и знание военного дела её агента, и часто ему повторявшему не без иронии пущенное им самим в ход выражение, что отступающему неприятелю надо строить золотой мост. Но к русским войскам и особенно к казакам он относился иначе. Отдавая полную справедливость их доблестям, он восхищался и действиями начальников отдельных частей и отрядов. Но кто же руководил ими, кто придавал единство отдельным действиям и направлял их к одной цели? Решение этого вопроса нисколько не затрудняло сэра Роберта Вильсона. Никто,— отвечает он,— всё, что сделано хорошего, было сделано помимо приказаний фельдмаршала и даже против его воли. Но, что казалось ему так легко разрешить, другим, не менее его желавшим осуждать кн. Кутузова, но более знакомым с военным делом, представлялось затруднительнее. Они придумали другой выход из этой трудной задачи. Все распоряжения фельдмаршала,— говорят они,—

---

* Gellsdorf. Aus dem Leben des Pr. Eugen v. Würtemberg, T. II, c. 89–90; Ермолов. Записки, T. I, c. 239.

** Mémoires milit. et polit., T.V, c. 104–105.

увенчавшиеся успехом, сделаны им под влиянием окружавших его лиц и особенно указывают в этом случае на генерал-квартирмейстера Толя. Генерал Водонкур, бывший у нас в плену и снабжённый адмиралом Чичаговым некоторыми сведениями, пустил в ход это мнение. В разборе на сочинение Д. П. Бутурлина прямо было выражено, что «всё, что было лучшего сделано при кн. Кутузове, принадлежит начальнику его штаба Толю»*. Ген. Толь, прочитав эту статью, написал письмо к Бутурлину, находившемуся в это время в Париже, прося придать ему возможно большую гласность. Немедленно оно было напечатано**. «Личная честь, – говорил он в этом письме, – прямота, свойственная порядочному человеку, и чувство благодарности к памяти покойного фельдмаршала, которое я почитаю священным сердечным долгом сохранять и за пределами гроба, возлагают на меня обязанность отвергнуть похвалу, которая, не будучи основана на истине, изобретена плодовитым воображением автора статьи. Имев счастие служить в достопамятную войну 1812 года, в должности генерал-квартирмейстера, под начальством фельдмаршала, я, конечно, могу похвалиться тем, что разделял с ним труды и занятия сей славной войны, что был его главным сотрудником и первым орудием во всём том, что он обдумывал для погубления неприятеля и, наконец, что я пользовался в высшей степени его уважением и доверием. Честь эта, конечно, не малая, и я не уступлю её никому; но, с другой стороны, было бы недостойно меня хранить молчание, как скоро до меня дошло суждение иностранца, оскорбляющее истину и выставляющее в неблагоприятном свете заслуги великого человека. Итак, я должен объявить, что действия князя Кутузова и мои в эту войну, хотя и направленные к одной цели, не менее того, разнились существенно и зависели от обязанностей, которые мы несли каждый по службе. Он, с твёрдостию и постоянством следуя наставлениям, получаемым от Августейшего Нашего Государя, и предводительствуя всеми нашими армиями, при свете обширного и опытного ума своего, придумывал общие планы действий, долженствовавших неминуемо привести неприятеля к погибели, и назначал время и место для исполнения сих планов. Я же ограничивался кругом, мне принадлежавшим, довольствовался разработкою его мыслей и составлял подробные распределения, необходимые для всякого военного действия. Соединяя в себе все пружины нашей воинской силы, он руководил ею так, чтобы она наносила неприятелю наиболее гибельные удары; а я только направлял эту силу к тем местам, которые были указываемы его мудро-

* Journal de Paris, 25 марта н. ст. 1824 г.

** Journal de débats, 24 января н. ст. 1825 г.

стью. Будучи первым двигателем всего в армии, он поддерживал во всех чинах терпение, самоотвержение, неустрашимость и веру в успех; я, в свою очередь, заимствовал от него воодушевление и наполнялся усердием для верного исполнения приказаний, которые он мне отдавал.

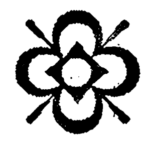
Сограждане и сослуживцы по всей справедливости назвали его спасителем отечества, и вот, завистники его славы думают прикрыться моим именем, дабы ослабить её сияние. Могу ли, должен ли я это стерпеть?

Конечно, мнение безымянного автора упомянутой статьи о Кутузове не может иметь достаточно веса, чтобы поколебать то, которое составилось вообще о заслугах сего великого генерала; но, для моего собственного удовлетворения, я должен повторить, что отвергаю решительно во всём до меня относящемся суждения, выраженные в этой статье; и так же точно поступлю я, если кто-либо станет писать в подобном смысле»*.

Сражениями при Красном окончились самостоятельные действия одной армии кн. Кутузова почти на границах древней России, из которой был уже изгнан неприятель. Теперь предстояли ей уже совокупные действия с армиями Дунайскою и гр. Витгенштейна. Разобщённые с самого начала кампании, наши армии сходились к одному поприщу действий и название главнокомандующего всеми армиями из простого титула получало действительное значение.

---

* Без сомнения, он это сделал бы в отношении к Бернарди, бывшему учителем в его доме и злоупотребившим его военным журналом, которым мы пользовались, как одним из самых важных источников, и, может быть, изустными его рассказами; но это сочинение вышло после смерти графа Толя. Прикрываясь его именем, он в своём сочинении (Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Grafen von Toll, Leipzig, 1854, T. 4) проводит тот же взгляд, от которого при жизни так торжественно он отрёкся и назвал клеветою завистников кн. Кутузова. Ср. «Русский Архив» 1873 г., кн. 3, с. 411 и след.

Глава 4

Движение Наполеона от Красного до Борисова и кн. Кутузова до Копыса.

С 5-го по 14 ноября 1812 г

После сражений под Красным, совершенно расстроенная великая армия бежала далее по направлению к Орше. Главная квартира императора Наполеона 5-го ноября находилась в Лядах. С тех пор как, встретив отпор при Малоярославце, французские войска вынуждены были отступать по опустошённой ими Можайской дороге на Смоленск, император Наполеон, как бы не желая видеть бедственное положение своих войск, увеличивавшееся с каждым переходом вперёд, находился постоянно в авангарде. Но, достигнув Смоленска и потом в сражениях под Красным, он не мог уже отвернуться от них и, увидав их положение, должен был принять некоторые меры, чтобы облегчить их участь. В Лядах, где в первый раз после оставления Москвы они встретили некоторое количество жителей, призвав начальника своего главного штаба, он поручил ему сделать следующие распоряжения. «Мы приходим в страну, – говорил он, – где войска могут остановиться и должны быть приведены в порядок. Не следует допускать, чтобы беспорядочно расхищали средства продовольствия, которые мы здесь найдём. В Дубровне, где мы будем завтра, есть магазин, польский комендант и под-префект; в Орше у нас 90 тыс. рационов и много водки; мы найдём также муку в Толочине; 200 т. рационов нас ожидают в Борисове. Надо устроить повсюду правильную раздачу продовольствия, – это лучший способ собрать людей, которые разбрелись в одиночку; а за это надо прежде всего взяться, чтобы остановить грабёж и насилия. Генералы Жомини и Алорна уже отправлены вперёд, чтобы водворить порядок при переходе через Днепр; но у них слишком незначителен отряд жандармов. Река покрыта льдом, можно и без моста перейти повсюду. Пошлите маршала Жюно с вестфальцами. Особенно поручите удерживать разбредшихся солдат в дефилеях Орши; чтобы их распределить по корпусам, надо, чтобы правильно выдавали провиант и, наконец, чтобы устроили какую-нибудь полицию в городе»*. Бес-

* B. Fain. Manuscrit de 1812. T. II. c. 314–315.

прекословно повинуясь воле императора, маршал Бертье отдал все его распоряжения в приказе маршалу Жюно, поручив разбредшихся солдат, промышлявших грабежом, судить военным судом и расстреливать. «Настало время показать пример (faire des exemples),— писал он.— Мы приближаемся к местности где войска должны остановиться и надо с умеренностью пользоваться средствами продовольствия»*. Но подобные примеры едва ли могли оказать какое-нибудь влияние на солдат, подвергавшихся стольким бедствиям и лишениям и совершенно равнодушно относившихся к жизни и смерти. «При движении из Красного нас поражало ужасное зрелище. В Лядах люди тесно столпились, не было никакого порядка»,— говорит очевидец, главный казначей армии Наполеона. «Все солдаты перемешались одни с другими. Офицеры, чтобы не употреблять напрасных усилий, не давали приказаний. Не существовало и следов дисциплины. Трудно было требовать чего-нибудь от солдата, которому ничего не давали и для которого грабёж и разрушение сделались необходимою потребностью. Мы выехали под охраною дивизии Клапареда и провели ужасный день, холод был невыносим. Поздно прибыли в Дубровну. Это местечко сохранилось лучше всех, которые мы проходили от Москвы. Мы нашли там мёду и муки и могли на наши бумажные рубли (фальшивые, конечно) приобресть разной провизии. На мгновение мы позабыли о наших бедствиях. Я поместился у одного еврея, который очень хорошо меня принял – за деньги»**. При таком положении трудно было и приступать к правильной раздаче продовольствия, хотя только эта мера и могла бы водворить некоторый порядок в войсках. Думал ли действительно император Наполеон остановить войска на зимних квартирах в Литовских губерниях, или он выражал эту мысль, чтобы ободрить их и сосредоточить,— но во всяком случае он скоро должен был от неё отказаться. 5-го ноября он провёл ночь в Лядах, следующий день в Дубровне и 7-го прибыл в Оршу***. Постоянное преследование также не давало возможности думать ни о переустройстве войск, ни об остановке их движений. В Лядах, через несколько часов после прибытия главной квартиры, забили тревогу, около 4-х часов утра. Тревога оказалась напрасною, но был повод к тревоге. Маршалы Даву и Мортье составляли арьергард; но в то время узнали, что Мортье был отброшен за Ляды. Наполеон призвал его, но, уступая силе обстоя-

* Приказ 17-го ноября н. ст., Ляды; F a i n. Manusc. T. II, c. 349–350; M. C h a m b r e y. Hist. de l'éxpedition, T. III, прилож, c. 457–458.

** B. P e y r u s s e. Mémorial, c. 121–122.

*** B. D e n n i é e. Itinéraire de l'emp. Napoléon, c. 141.

тельств, уже снисходительно упрекал его в том, что оставил императора между собою и неприятелем*. По свидетельству очевидцев, он «казался сильно смущён беспорядком, господствовавшим в войсках, и бедственным их положением. Сама старая гвардия устала бороться с беспримерными трудностями, упала духом и потеряла воинственный вид, которым гордилась. Император это заметил»**. «Совершенное отсутствие продовольствия, ужасные страдания как солдат, так и офицеров на бивуаках, усталость от переходов по замёрзшей почве, одним словом, всё способствовало к быстрому разложению армии», постоянно преследуемой нашими войсками. Исчезали целые полки и отряды; «говорили, что вестфальцы сожгли свои знамёна, потому что некому их было охранять. Виртембергцы совершенно исчезли». Не многие из офицеров сохранили лошадей. В Красном Наполеон образовал из них особый отряд под названием священного эскадрона (escadron sacr), но он так же скоро расстроился, как и был образован***.

Выступив из Дубровны, Наполеон шёл пешком, опираясь на палку. Его окружали остатки старой гвардии. Остановившись посреди них, он сказал речь. Офицерам поручал наблюдать за дисциплиною, солдатам говорил, что, в таких затруднительных обстоятельствах, от них зависит спасение армии. «Гренадёры моей гвардии! вы видите расстройство армии, многие солдаты побросали своё оружие. Если вы последуете их примеру, то всё погибло. Необходимо, чтобы не только офицеры поддерживали строгую дисциплину, но и солдаты бдительно наблюдали друг за другом и наказывали тех, которые оставляют их ряды». Солдаты хотя и роптали на Наполеона, но его обаяние ещё было так сильно, что эта речь произвела оживление, хотя и не надолго****. В Дубровне он отдал приказ Минскому губернатору, в котором извещал, что он пошлёт маршала Удино на Борисов, чтобы обеспечить Минск*****; но на пути к Орше он получил одно за другим известия о неуспешных действиях маршала Виктора, минского гарнизона, потере Минска и тревоге, возбуждённой в Вильне действиями гр. Витгенштейна. Исчезла надежда на собранные запасы продовольствия и на возможность

* Гр. Сегюр. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 269.

** B. Peyrusse. Mémorial etc., c. 269.

*** Peixhans. Retraite de Moscou, Metz, 1868, c. 61; B. Denniée. Itinéraire de l'emp. Napoléon, c. 140.

**** M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. II, c. 455; B. Peyrusse. Mémorial etc., c. 122; B. Denniée. Itinéraire de l'emp. Napoléon, c. 143, примеч.; Гр. Сегюр. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 275.

***** Приказ 18-го ноября н. ст.; M. Chambrey. T. III, прилож. c. 458.

остановить отступление войск. В грозной ясности возникал вопрос о существовании, о том, как бы спасти остатки великой армии и перейти Березину. В виду такой опасности воспрянул гений Наполеона. Великому военачальнику и следовало спасать императора. «Довольно я был императором, — сказал он, — настало время сделаться генералом» (j'ai assez fait l'empereur, il est temps que je fasse le général).

Маршал Удино уже шёл к Борисову. В ответ на его извещение об этом движении, маршал Бертье писал ему: «император с удовольствием усмотрел, что вы сегодня (10-го ноября) будете в Борисове. Он надеется, что Минский губернатор понял необходимость сохранить береговое укрепление, обеспечивающее переправу через Березину. Генерал Домбровский, вероятно защитит этот важный пункт от нечаянного нападения. Если бы неприятель овладел береговым укреплением (tête de pont) и сжёг мост, так что через него нельзя было бы перейти, то это было бы величайшим несчастием и генерал Домбровский был бы виноват, что не дал надлежащее направление своему отряду. Необходимо, чтобы вы удостоверились на местах найдётся ли где-нибудь возможность переправиться через Березину, в противном случае надо будет идти на Лепель. Но император надеется, что Минский губернатор не сдал мостового укрепления кавалерии и что генерал Домбровский мог вóвремя прибыть, а потом и ваш корпус». Конечно, известие о Борисове, которое он ожидал от Удино, было чрезвычайной важности для императора Наполеона, и потому он поручал ему оставлять сзади себя в разных местах офицеров, чтобы посредством их оно могло прийти к нему как можно скорее. Отступление на Лепель, на соединение с маршалом Виктором, и к нижней Березине он мог предпринять только в том случае, если б не представилось возможности перейти Березину в Борисове. Поэтому на другой день, достигнув Бобра, он поручил уведомить об этом маршала Виктора и о приближении к Борисову маршала Удино и предписывал ему перерезать дорогу на Лепель со стороны м. Барана, чтобы Витгенштейн не мог двинуться против этого маршала. Если же он двинул бы в этом направлении один из отрядов, то, чтобы он со всею силою напал на него*. Не оставляя надежды водворить хотя бы некоторый порядок в войсках, чтобы провести к Березине, по возможности, большее число и спасти от верной гибели, в Орше, где его войска должны были пробыть несколько времени, не переправляясь за Днепр по одному узкому мосту, он издал приказ, который велел читать с барабанным боем во всех сторонах небольшого городка.

---

* Приказы Бертье от 22-го ноября из Коханова и 23-го ноября н. ст. маршалу Виктору из Бобра; B. F a i n. Manuscrit de 1812, T. II, c. 352–354.

«Весьма многие из вас,— говорил он солдатам,— оставили свои знамёна и бродят в одиночку. Они нарушают свои обязанности, честь и безопасность армии, расходясь по разным направлениям и попадаясь в руки неприятеля. Такой беспорядок должен прекратиться. Император приказывает им собраться в Орше». Определено было в каком месте каждый из них должен присоединиться к своему корпусу, под угрозою военного суда и строгого наказания; но, по свидетельству самих французов, войска находились уже в таком расстройстве, что никакие строгие меры не могли водворить порядок*. Вместе с тем, чтобы облегчить движение войск, он приказал сжечь все излишние обозы и экипажи и безусловно запретил солдатам иметь подводы с поклажею и лошадей. Множество повозок и карет было действительно сожжено**; но жажду корысти не убили никакие бедствия, и значительные обозы, с награбленным в Москве имуществом, достигли до Березины.

Первое известие о том, что Борисов уже взят русскими войсками, император Наполеон получил на пути из Коханова к Толочину (12-го ноября). Он шёл пешком, несколько в стороне от него шёл начальник его штаба. К нему подошёл офицер, прибывший с известиями от маршала Удино, и передавал их ему. Наполеон остановился и несколько раз повторил вопрос: чтó он говорит? Князь Невшательсткий поручил офицеру повторить своё донесение императору.

— «Маршал поручил мне донести, что русская армия Чичагова пришла к Березине и заняла все переправы»,— говорил офицер.

— «Неправда, этого быть не может»,— воскликнул Наполеон.

Офицер продолжал:

— «Два неприятельские отряда заняли мост и перешли уже на левый берег; на реке лёд слаб и переходить по нём невозможно».

— «Неправда,— с гневом закричал Наполеон,— он лжёт!»

— Я исполнил только поручение маршала, который приказал мне сообщить это известие.

Все надежды императора Наполеона сосредоточивались на том, чтобы, пройдя мимо окружающих его русских, избегая сражений, перевести свои войска через Березину при Борисове. Выслушивая донесение, которое окончательно их разрушало, он не выдержал того спокойствия, которое старался сохранить перед своими соратниками. «Отступив назад, он опёрся на палку, заскрипел зубами, бросил гнев-

---

* M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. II, c. 459; гр. Солтык. Napoléon en 1812, c. 432.

** Приказы 19-го ноября н. ст., Орша; M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. II, c. 456–459; Denniée. Itinéraire de l'emp. Napoléon, c. 144–145.

ный взгляд на небо и, как бы угрожая, поднял вверх правую руку, сказав такое слово, в котором заключалось ужасное богохульство». Современник и участник в событиях — француз не решился даже написать этого слова, передавая слова свидетеля-очевидца*. Встревоженный этим известием, он заметил генерала Дода, который только приехал от маршала Виктора, к которому он его посылал объяснить своё предположение о переходе Березины при Борисове. С ужасным выражением лица, лишь только Дод подошёл к нему, он сказал: «они там!» (ils y sont).

Достигнув Толочина, император Наполеон вошёл в дом, велел разложить на столе карту России и разговаривал с генералом Додом о способах выйти из этого почти безвыходного положения. Генерал знал течение Березины с её болотистыми на значительное пространство берегами и советовал императору отказаться от намерения переправиться через неё при Борисове, потому что русские сожгут мост, если не будут в состоянии его защитить, а ниже Борисова местность покрыта лесами и перерезана болотами. Препятствия составляли бы не только мосты на речках, которые, вероятно, уничтожил бы неприятель, но особенно мосты и гати на болотах, гораздо более длинные и трудные для перехода. Между тем, как в окрестностях Лепеля, где Березина соединяется с Улою, перейти её гораздо легче: она течёт по песку и не глубока. Он советовал ему принять это направление, соединиться с Виктором и Удино, разбить Витгенштейна и через Глубокое направиться к Вильне.

Это предложение совершенно не согласовалось ни с намерениями Наполеона, ни со сделанными уже им распоряжениями в отношении к корпусу Удино. Путь на Борисов был короче, между тем, отступая к Лепелю и на Глубокое к Вильне, он принуждён был сделать большой обход. Русские могли предупредить его в Вильно и он не мог бы соединиться с Шварценбергом. Сделав эти замечания своему собеседнику, он, казалось, не слушал его рассуждений и внимательно рассматривал, следя пальцем по карте, течение Березины и Днепра. «Вдруг его взгляд остановился на одной точке. «Полтава, Полтава!» — воскликнул он и, повторяя эти слова, быстро ходил по комнате, забыв о присутствии Дода. Поражённый этим чрезвычайным зрелищем, генерал молча, с грустью и удивлением смотрел на нового Карла XII, в сто раз более великого, нежели прежний и — увы, во сто раз более несчастного, понявшего наконец свою действительную судьбу», — говорит Тьер.

В это время вошли Мюрат, князь Евгений, Бертье и генерал Жомини. Обратясь к последнему, император Наполеон сказал: «Кто никогда

---

* Puisbusque. Lettres sur la guerre de Russie en 1812, c. 211–214.

не испытал неудач, тот испытает их в таких же размерах, как и удачи!» и потом спросил его мнение. Признавая невозможным перейти Березину под Борисовым и весьма затруднительным обход, предположенный генералом Додом, для войск изнурённых, он, зная несколько местность, полагал, что возможно перейти эту реку несколько ниже Борисова и выйти на дорогу к Сморгони, самую кратчайшую по направлению к Вильне и которая при том пролегает по местностям, менее опустошённым войною. Это предложение совершенно совпадало с намерениями Наполеона и он остановился на нём, хотя казалось, что, погружённый в себя, он также мало слушал соображения Жомини, как и Дода, и потом начал осыпать упрёками своих боевых товарищей, говоря, что если б они не упали духом, то он напал бы на Витгенштейна, взял бы его в плен со всем войском и тогда, возвратясь с ними в Польшу, Европа признала бы его ещё победителем. Подобные вспышки увлечения, не соответствовавшие действительным обстоятельствам, соединялись у императора Наполеона с холодным и строгим расчётом. Этот расчёт указал ему, что способ, предложенный генералом Жомини, был единственный, который мог вывести его из безвыходного положения. Случай немедленно и неожиданно подкрепил эти соображения.

После взятия Полоцка графом Витгенштейном, генерал Вреде, отделившись от маршалов Удино и Сен-Сира, увёл с собою и дивизию генерала Корбино, составленную из полков этих корпусов, в Глубокое. Выступив оттуда (4-го ноября) он отпустил эту дивизию, которая подвигалась на соединение с маршалом Удино. Следуя на Зембин, ген. Корбино оказался между русскими отрядами, посланными Чичаговым, и, удачно избежав встречи с ними, подходил к Борисову. Но узнав, что он занят русскими, пробираясь вниз по берегу Березины, узнал от крестьянина, что против деревни Студянки можно перейти вброд эту реку. Он действительно перешёл её, потеряв не много людей, увлечённых льдинами и достиг Бобра, где встретил маршала Удино, подвигавшегося к Борисову. Удино немедленно послал самого Корбино уведомить императора об этом счастливом открытии. Присоединение дивизии, в которой было 700 всадников хорошо сохранившейся конницы, было тоже значительным пособием для великой армии, потерявшей почти всех лошадей*.

Император Наполеон получил это известие в Толочине и немедленно предписал маршалу овладеть этим бродом, поручив генералу Корбино, которого отправил к нему назад в тот же день, передать ему подробные наставления. По распоряжению императора Напо-

---

* В. Fain. Manuscrit de 1812. T. II. c. 361 и след.

леона, мосты были сожжены в Орше, несмотря на просьбы генерала Эбле, которому удалось лишь сохранить необходимые средства для постройки моста на козлах*. Такой мост и возможно было построить при Студянке. Маршал Удино скрытно от русских должен был заготовить в этом месте весь необходимый для постройки лес, показывая вид и распуская слухи, что приготовляется перейти реку при Борисове, чтобы обмануть Чичагова и отклонить его внимание от действительного места, где приготовлялась переправа. На пути в Бобр император Наполеон получил известие о победе, одержанной маршалом Удино над войсками адмирала, и занятии им Борисова. Узнав, что на противоположном берегу находится вся Дунайская армия, он требовал подкреплений. В то же время, считая невозможным возобновить сожжённый мост в Борисове, он, во исполнение повелений императора, послал отряд к Студянке; но для того, чтобы успешнее производились приготовления к переправе, считал нужным, чтобы сам император прибыл к Березине. Отправив посланного маршалом офицера немедленно назад, он поручил ему отвечать Удино, что он ошибается в отношении силы Дунайской армии, чтобы спешил приготовлениями к переправе, а он не может оставить войск при таких обстоятельствах. Действительно, наступал роковой час для великой армии. 12-го ноября, когда главная квартира императора Наполеона прибыла в Бобр, слышалась пушечная пальба с правой стороны армии: авангард Витгенштейна дрался у Батур с дивизиею Дендельса, находившеюся в авангарде маршала Виктора. С этой стороны приближались войска Витгенштейна, а в тыл и с левого фланга приближались передовые отряды кн. Кутузова, под начальством Платова и Ермолова. Между тем за Березиной находилась вся армия адмирала, которая в непродолжительное время могла сосредоточить значительные силы против того места, где предполагал французский император устроить мосты и совершить переправу. «Казалось невозможным, чтобы предприятие Наполеона увенчалось успехом и всё заставляло предполагать, что судьба этого необычайного человека и его армии завершится на берегах Березины ужаснейшим бедствием», — говорит маркиз Шамбре. «Всё зависело от устройства мостов», — замечает знаменитый историк Наполеона**. На этот предмет и было обращено всё его внимание. После оттепели вновь наступившие морозы облегчали предприятие, скрепив болота по берегам Березины. Из Бобра он отправил генералов Эбле и Шасслу со всеми

* B. Denniée. Itinéraire de l'emp. Napoléon, c. 145.

** M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. III, c. 40–41; Тьер. Hist. de l'émpire, кн. XXVII.

понтонными командами и уцелевшими материалами для постройки мостов к Борисову, рассчитывая, что Партуно подготовил лес, и на другой день (13-го ноября) можно уже не только приступить, но окончить наведение мостов. Вслед за ними на следующий день он сам к вечеру прибыл в Борисов.

В то время, когда император Наполеон приближался к роковой преграде его отступлению, кн. Кутузов, после битв под Красным, продолжал преследование неприятеля; 7-го ноября главная квартира была перенесена в с. Доброе, авангард г. Милорадовича оставался ещё под Красным. Отряд барона Розена, преследуя отступавшего неприятеля, прибыл в Ляды. В это время А. П. Ермолов предложил фельдмаршалу усилить его отряд и отдать под его начальство. «С особенною благосклонностию, — говорит Ермолов, — он меня выслушал, изъявил соизволение и немедленно была сделана перемена в составе отряда. По собственному его назначению, поступили лейб-гвардии Егерский и Финляндский полки, кирасирские полки Его и Её Величества, гвардейская пешая артиллерия и батарейная рота конной артиллерии. Присоединённые баталионы пехоты, в числе 12-ти, имели при себе полевые орудия» *. Такой значительный отряд, под начальством одного из лучших генералов, предназначался кн. Кутузовым для преследования с тылу беспорядочно отступавшего и расстроенного многочисленными потерями при Красном неприятеля. По приказанию фельдмаршала, он должен был соображать свои движения так, «чтобы всегда быть в готовности служить подкреплением отряду графа Платова» **. Зная, что генерал Ермолов принадлежал к числу коноводов тех лиц, которые упрекали его в медленности, и опасаясь, чтобы решительность действий не расстроила общих соображений в связи с другими отрядами, кн. Кутузов, отпуская его, говорил: «голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понесть потерю в людях». «Видев состояние неприятельских войск, которые гонит кто хочет, — говорит Ермолов, — я отвечал ему: в мой расчёт не входит отличиться подобно графу Ожаровскому». Но Кутузов во всяком случае запретил ему переходить Днепр, но переправить часть пехоты в том лишь случае, если гр. Платов сочтёт это необходимым. «Ручаясь за точность исполнения, — говорит Ермолов, — я перекрестился, но должен признаться, что тогда же решился поступать иначе» ***, — к сожалению, следует прибавить, потому что подобный образ действий подчинённых генералов

* А. П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 255.

** Воен. журнал генер. Толя.

*** А. П. Ермолов. Записки.

может разрушать самые мудрые предначертания главнокомандующего. Наши партизаны находились впереди. Сеславин ещё 4-го ноября был в с. Боев на одной высоте с Лядами, Фигнер и Давыдов подвигались в том же направлении, беспрерывно нападали на неприятеля и перехватывали его курьеров*. Их донесения о движении неприятеля имели весьма важное значение для нашей главной квартиры и особенно Сеславина, находившегося впереди всех. По приказанию фельдмаршала, г. Коновницын часто сносился с ним и просил о доставлении известий. Неизвестность, переправится ли Наполеон у Дубровны через Днепр или пойдёт на Оршу, была причиною, что кн. Кутузов, после дела при Красном, велел авангарду барона Розена двинуться за неприятелем только до Ляд; но донесения Сеславина о том, что неприятель идёт по большой дороге на Оршу, были поводом к тому, что кн. Кутузов охотно принял предложение Ермолова, усилил авангард Розена, отдал его под его начальство и приказал безостановочно преследовать, соображая свои действия с г. Платовым.

Когда маршал Ней оставил Смоленск, г. Платов занял его и, оставив в нём Егерский полк с сотнею казаков, послал вслед за неприятелем отряд под начальством ген. Денисова, сам двинулся по правому берегу Днепра через Катань к Дубровне. Войдя в связь с отрядом ген.-ад. Голенищева-Кутузова, по соображению фельдмаршала, он мог «наносить великой вред неприятелю, который бы покусился идти на Сенно»**. На пути г. Платов встретил часть корпуса Нея, переправившегося после поражения на правый берег Днепра у Сырокоренья, и преследовал его до самой Орши. Из окрестностей Доброго (8-го ноября) главные силы армии кн. Кутузов двинул по направлению к Копысу «в надежде перейти там без всякого затруднения через Днепр, и, находясь на кратчайшей линии к Борисову, найти себе лучшее продовольствие», как записал Толь в военном журнале. Таким образом, это движение было соображено с предположением нанести решительный удар неприятелю при переправе через Березину. Подвигаясь от Ельни к Красному, фельдмаршал, долго не получая известия от адм. Чичагова, терял надежду, что Дунайская армия во́время подойдёт к Борисову, и в этом смысле писал к г. Витгенштейну. Без сомнения, это обстоятельство могло иметь влияние на дальнейшие движения главной армии; но в д. Шилове (4-го ноября) он получил донесение адмирала, в котором он уведомлял, что к 7-му ноября он надеется быть в Минске. Это известие обрадовало кн. Кутузова: известив о

* Воен. журнал г. Толя. Д. В. Давыдов. Сочин., Т. I, с. 92.

** Воен. журнал за подписью кн. Кутузова. Известия о воен. действиях, с. 239.

нём немедленно гр. Витгенштейна и поручив ему сблизиться с Дунайскою армиею, он писал Государю: «получив донесение от адмирала Чичагова, имею счастие представить оное Вашему Императорскому Величеству. Из него усмотреть изволите, что армия, им командуемая, 7-го ноября должна прибыть в Минск. Сие движение обещает самые счастливые последствия, ибо от Минска остаётся два марша до Борисова, где предполагалось общее соединение наших сил. С данного по сему предписания гр. Витгенштейну прилагаю при сём копию. Ген.-ад. Кутузову предписал я действовать чрез Духовщину на Бабиновичи, между тем как ген. Платов с казаками будет преследовать неприятеля и содержать непрерывное сообщение с гр. Витгенштейном, словом: следует параллельно неприятелю. Летучие отряды находятся: гр. Ожаровского, Давыдова и Сеславина, первый – между Красным и Лядами, прочие отправлены к самой Орше. Сим средством, беспокоя неприятеля со всех сторон и упреждая его, затрудняют его марш. С помощию Всевышнего стараюсь нанести ему величайший вред»*. После сражений при Красном, сообщая о поражениях неприятеля, главнокомандующий писал адм. Чичагову: «расстройство, в которое он был приведён, почти невероятно. Сам Наполеон ускакал с свитою своею, оставя войска свои на жертву воинам нашим. Поспешайте, ваше высокопревосходительство, к общему содействию и тогда гибель Наполеона неизбежна. Весьма необходимо открыть скорое сношение между вашею и главною армиею через Копысь, Цесержин, Улеу, что на Березине, и далее на Минск». Извещая в то же время гр. Витгенштейна, он призывал и его к общему действию. «По сим обстоятельствам, – писал он, – содействие всех наших сил может нанесть неизбежную гибель Наполеону»**.

В селе Добром фельдмаршал получил рескрипт императора, в котором он обращал особенное его внимание на положение войск гр. Витгенштейна.

Император постоянно следил за военными действиями всех армий, но, без сомнения, наибóльшее его внимание было обращено на армию гр. Витгенштейна, от которой зависела судьба Петербурга. Действуя отдельно, без связи с большою армиею, вдалеке от неё, он скорее мог доставлять известия о своих действиях в Петербург и оттуда получать наставления и подкрепления, нежели из Тарутина. С полным успехом гр. Витгенштейн выполнил своё назначение. Отбросив неприятеля за Двину, взяв Полоцк, он достиг первона-

* Донесения от 4-го ноября, из д. Шилова.

** Предписания гр. Витгенштейну и адм. Чичагову от 6-го ноября, с. Доброе.

чальной цели, к которой направлены были его действия – защитил Петербург. Но вместе с тем он вынудил своими действиями идти против него корпус маршала Виктора, – последний, на который рассчитывал Наполеон или для помощи одному из своих корпусов, действовавших на флангах, или для подкрепления великой армии. Вызвав его против себя в то время, когда великая армия наиболее нуждалась в помощи Виктора, Витгенштейн, из частного круга своих действий, выходил на обширное поприще общих действий всех наших армий против главных сил неприятеля, должен был войти в связь с ними и действовать совокупно. Успешно отразив нападения неприятеля, гр. Витгенштейн до 9-го ноября находился на крепкой позиции при Чашниках, не приступая к наступательным действиям, вероятно, не считая себя достаточно сильным, потому что просил подкреплений у императора, и опасаясь действий со стороны Макдональда*. От 25-го октября император писал ему: «Усматривая из последнего донесения вашего, что неприятель, быв вытеснен из позиций своих при Уле, отступает на Сенно и ваша кавалерия его преследует, я поспешаю известить вас, что по последним сведениям, от фельдмаршала князя Кутузова мне доставленным, французская армия в движениях своих берёт направление опять к Можайску и на Смоленскую дорогу. Сие заставляет думать, что и остатки разбитых вами корпусов неприятельских со вновь прибывшим корпусом Виктора, имеют в предмете соединение с главными силами, от Москвы идущими. Хотя, без сомнения, вы не упустите ничего к истреблению неприятеля, тем не менее однако же нужно вам употребить все меры и на то, чтобы сколь возможно не допустить упомянутого соединения, что в особенности я поручаю вашему попечению». Как бы ни ослабела неприятельская армия от тяжкого отступления, но на пути она получила бы значительные подкрепления, присоединив к себе войска, действовавшие в её флангах. Постоянные упрёки, которыми в своих донесениях императору и лорду Каткарту английский агент сэр Роберт Вильсон осыпал кн. Кутузова за медленность в движениях и нерешительность в действиях, возбуждали опасения императора, что большая армия Наполеона не будет не только уничтожена, но и обессилена до такой степени, чтобы соединением с разбитыми несколько раз его корпусами, действовавшими против гр. Витгенштейна, не могла усилиться и избежать той участи, которая приготовлялась ей в его соображениях при переправе через Березину. В приведённом письме к гр. Витгенштейну он предполагал, что, отступая от него, маршал Виктор

* Донесение его Государю от 20-го октября.

имеет в виду соединиться с большою армиею Наполеона. Новые, полученные им вслед за тем известия от кн. Кутузова возбудили в нём подозрение, что и сам Наполеон из Смоленска может двинуться на соединение с маршалом Виктором. «Я поспешаю доставить вам сии сведения, – писал император гр. Витгенштейну, – для принятия надлежащих с вашей стороны мер к истреблению замыслов неприятеля, если бы, переменяя план отступления, вздумал он обратиться на корпус, вам вверенный, чего нельзя сделать не присоединя к корпусу Виктора знатной части ретирующейся армии от Смоленска. Направление Виктора на Сенно даёт некоторую возможность это предполагать. Потому, кажется мне, необходимо нужно вам иметь ныне в виду замечания мои, изъяснённые в указе 25-го октября, о препятствовании разбитым неприятельским корпусам соединиться с ретирующеюся армиею. Если бы, впрочем, и не было в плане неприятеля сделать на корпус, вам вверенный, нападение, то всё полезно бы вам было так расположить себя, чтоб затруднить сколь возможно ретираду неприятельской армии, истощённой и недостатком продовольствия и холодом, а тем самым дать время преследующей оную большой армии нашей достигнуть неприятеля и нанести ему решительный удар»*. Давая такие приказания гр. Витгенштейну, император уведомлял его в то же время, что он принял меры для того, чтобы «обеспечить его от корпуса Макдональда». Сообщая маркизу Паулуччи, занявшему по смене Эссена место Рижского генерал-губернатора**, об отступлении главных сил неприятеля на Смоленск, император в тот же день, как и к Витгенштейну, писал ему: «Ведая благоразумие ваше, я уверен, что всякое движение неприятеля, в окрестностях Риги находящегося, вам совершенно известно. Если бы ретирующийся неприятель, пройдя Смоленск, вздумал сделать нападение на корпус гр. Витгенштейна и для содействия корпус Макдональда стал бы подвигаться к Полоцку, то вы сами почувствуете сколь нужно будет, чтобы стараться оному мешать, атакуя его в тыл при отступлении от Митавы». Хотя император и дозволил уже в это время гр. Витгенштейну войти в предложенную им переписку с генералом Йорком, с целью отклонить пруссаков от содействия Наполеону, но, конечно, не мог быть уверенным в успехе этой попытки. Гр. Витгенштейн, пользуясь прежними сношениями с Йорком, решился обратиться к нему с подобным предложением; но наперёд испрашивал разрешения императора и препроводил к нему и самое письмо, которое намеревался отправить прусскому

* Рескрипт Государя от 29-го окт. С.-Петербург.

** Назначен рескриптом императора от 17-го октября.

генералу. «Рассмотрев представленный вами проект письма вашего к прусскому генералу, — отвечал ему Государь, — я с полною признательностию соизволяю на отправление оного к нему, приемля попечение ваше новым доказательством известного всякому уже усердия вашего к отечеству и неограниченной ко мне приверженности. Позволяя таким образом намерение ваше привести в исполнение, мне остаётся желать, чтобы и в новом предприятии сём успели вы столько же, сколько счастливыми успехами сопровождаются военные ваши предприятия»*. Император также принял меры, чтобы исполнить желание гр. Витгенштейна и усилить его армию казачьими полками. По дошедшим в Петербург сведениям, будто бы неприятель отрядил из Смоленска партию в Торопец, Белый и Сычевку, вероятно «для сбора в сём пространстве лошадей, в которых он, по перехваченным его бумагам, имеет большой недостаток», писал Государь кн. Волконскому, поручая составить отряд из 3-х уральских казачьих полков, следовавших из Новгорода к армии гр. Витгенштейна, отряда подполковника Дибича, бывшего в Бельском уезде, и внутренних ополчений Сычевского, Бельского и Торопецкого уездов. С этим отрядом он поручал ему действовать против неприятеля в этих уездах**. Но это известие не оправдалось и потому Государь предписал ему из трёх казачьих полков оставить у себя один, а два отправить к графу Витгенштейну. В виду же общих движений воюющих армий, он приказывал ему — «следовать ныне с отрядом своим из Осташкова через Белый к Поречью. Тверскому же ополчению, — писал ему Государь, — предписано мною перейти в Сычевку, через что учредится лучшая связь, и вы с отрядом, вам вверенным, откроете сношения как с корпусом гр. Витгенштейна, так и с отрядами, от большой нашей армии посланными». Потом начальнику Тверского ополчения Тыртову поручал император вместо Сычевки идти в Белой, ожидать потом дальнейшего назначения от генерал-адъютанта Кутузова, принявшего начальство над тем корпусом, который был прежде под командою барона Винценгероде***. Выступив из Москвы 22-го октября, в 14 дней генерал-адъютант Кутузов достиг Бабиновичей и вошёл в сообщение с армиею гр. Витгенштейна; 30-го октября его передовые отряды уже были между Дорогобужем и Духовщиною. К 1-му ноября он надеялся соединиться с ними. Предписывая ему распорядиться Тверским ополчением, Государь в то же время писал, чтобы он «предписал сле-

---

* Донесение гр. Витгенштейна от 22-го окт.; рескрипт Государя от 26-го октября.

** Рескрипт императора кн. Волконскому от 15-го октября.

*** Рескрипты императора кн. Волконскому от 28-го окт. и 20-го ген.-лейт. Тыртову.

довать туда же запасным баталионам Жемчужникова», находящимся в Твери*.

Таким образом император усиливал и обеспечивал всеми способами армию гр. Витгенштейна в виду той мысли, что Наполеон, соединившись с корпусом Виктора, может двинуться против него, и уступая его постоянным в виду этой опасности просьбам о подкреплениях. «Теперь надо предполагать, – писал ему Государь, – что армия Чичагова гораздо уже сблизилась с местом, вами занимаемым. Возобновляя мнение моё о принятии предосторожностей на случай, если неприятель, переменяя план ретирады, вздумает обратиться на ваш корпус, повторяю и ныне, что вам с своей стороны необходимо нужно иметь в виду важный предмет сей и в случае какой-либо опасности ближе и удобнее, кажется, сделано быть может пособие, по требованию вашему, от преследующей неприятеля большой армии фельдмаршала кн. Кутузова, о чём я ещё ему сегодня повторяю. С другой стороны, приближающаяся армия адмирала Чичагова окажет вам не малое содействие; Рижский же корпус слишком удалён от вас и не может доставить вам иного пособия, как только удерживать движение Макдональда, быв обязан пещись о сохранении крепости Рижской и всего сего края, о чём я уже вам изъяснил в рескрипте от 29-го октября»**.

После сражений под Красным, где корпуса Наполеоновой армии понесли такие потери, что были почти совершенно разрушены, исключая остатков гвардии, которая сравнительно с ними потерпела менее, в то время когда главная квартира кн. Кутузова перешла в деревню Доброе, он получил следующий рескрипт императора:

«Князь Михаил Ларионович!

Получил я донесения ваши до 24-го октября. С крайним сетованием вижу я, что надежда изгладить общую скорбь о потере Москвы, пресечением врагу обратного пути, совершенно исчезла. Непонятное бездействие ваше после счастливого сражения 6-го числа под Тарутиным, чем упущены те выгоды, кои оно предвещало, и ненужное и пагубное отступление ваше после сражения под Малоярославцем до Гончарова, уничтожили все преимущества положения вашего, ибо вы имели всю удобность ускорить неприятеля в его отступлении под Вязьмою и тем отрезать по крайней мере путь трём корпусам, Давуста, Нея и вице-короля, сражавшимся под сим городом. Имев столь превосходную лёгкую кавалерию, вы не имели довольно отрядов на Смоленской

---

* Рескрипт ген.-лейт. Кутузову от 29-го окт.; донесения Кутузова от 30-го окт. и 9-го ноября.

** Рескрипт императора 30-го октября.

дороге, чтобы быть извещену о настоящих движениях неприятеля; ибо в противном случае вы бы уведомлены были, что 17-го числа Наполеон с гвардиею своею уже прошёл Гжатск. Ныне сими упущениями вы подвергли корпус гр. Витгенштейна очевидной опасности, ибо Наполеон, оставя перед вами вышеупомянутые три корпуса, которые вы единственно преследуете, будет в возможности с гвардиею своею усилить бывший корпус Сен-Сира и напасть превосходными силами на гр. Витгенштейна.

Обращая всё ваше внимание на сие столь справедливое опасение, я напоминаю вам, что все несчастия, из того проистечь могущие, останутся на личной вашей ответственности. Пребываю вам всегда благосклонный»*.

Хотя главные обвинители кн. Кутузова, которые осыпали его упрёками за медленность в действиях и даже в совершенном бездействии в своих письмах к императору, гр. Ростопчин и Барклай де Толли, удалились из главной квартиры, но оставался ещё барон Беннигсен и постоянный ходатай за него – сэр Роберт Вильсон. Сам Беннигсен, не имея на то полномочия, не писал к Государю; но Вильсон пользовался каждым случаем и почти еженедельно извещал Государя и лорда Каткарта о военных действиях, осыпая похвалами наши войска и укоризнами кн. Кутузова, как доказывают приведённые уже нами выдержки из его писем и донесений. Сверх того, весьма естественное желание поскорее отмстить неприятелю, причинившему столько бедствий отечеству, увлекало некоторых из молодых или заносчивых храбростью офицеров. Они также полагали, что настало время действовать наступательно с особенною силою против неприятеля, поставившего себя в безвыходное положение, сетовали на кажущуюся медленность и нерешимость фельдмаршала, а некоторые, как генерал Ермолов, весьма резко осуждали его. Конечно, подобные известия в частных их письмах доходили до Петербурга и не могли не тревожить императора. Под влиянием таких впечатлений и был написан им рескрипт фельдмаршалу.

Князь Кутузов отвечал Государю следующим донесением: «Всемилостивейший Государь! Из донесения моего сего числа Вы усмотреть изволите, чтó сделано при Красном, к которому направлялись все неприятельские силы. Всё сие не сделано прежде по Смоленской дороге по многим причинам. С самой той минуты, как неприятель, после разбития 6-го числа прошлого месяца, решился оставить Москву, должно было думать закрыть комуникации наши с Калугою и воспре-

* Рескрипт 30-го октября 1812 г. С.-Петербург.

пятствовать ему вход в оную, через которую намерен он был пройти в Орловскую губернию и потом в Малороссию, дабы не терпеть тех недостатков, каковые довели теперь его армию до такового бедственного состояния; что он имел сие намерение, подтвердили мне многие из пленных генералов, и потому должно было заставить его идти по Смоленской дороге, на которой (как нам известно было) он не приготовлял никакого пропитания; сии причины понудили меня, оставя Малоярославец, перейти на дорогу, выходящую от Боровска чрез Медынь к Калуге, где уже находился неприятельский корпус; от сего моего движения, неприятель должен был, оставя своё намерение, идти через Верею на Смоленскую дорогу; я же шёл через Медынь к Боровску, чтоб сблизиться и, в случае если нужно, соединиться с моим авангардом. Генерал Милорадович имел при себе 2-й и 4-й корпуса и достаточное число кавалерии и, будучи обманут ложным известием, принял было близко к Медыни по Боровской дороге; но узнав о марше неприятеля от Боровска уже к Верее, направился вслед за оным, но потерял однако же целый марш и вышел по следам неприятеля на Смоленскую дорогу; главная же армия боковою дорогою направилась к Вязьме. Случилось, что я близко трёх дней не мог получить от авангарда сведения, потому что неприятель бегущий рассыпался по сторонам дороги и, наконец, пришло ложное известие, будто бы генерал Милорадович, после сражения с неприятелем, не доходя до Вязьмы, должен был отступить; сии обстоятельства остановили меня на восемь часов и армия не могла приблизиться к Вязьме; сделав в этот день сорок вёрст маршу, прибыла не ранее как за полночь, – а могли поспеть только сорок эскадронов кирасир с конною артиллериею, под командою генерал-адъютанта Уварова, которые способствовали к разбитию неприятеля под Вязьмою генералом Милорадовичем; неприятель не мог держаться и в городе, где он был форсирован и часть его перебита; он того вечера, прошед Вязьму, не смел остановиться, и удалился по Смоленской дороге, прежде нежели армия к оной приблизиться могла.

Вот причины, которые воспрепятствовали нанести неприятелю таковой чувствительный удар при Вязьме, какой нанесён ему при Красном; притом сказать должно, что при Вязьме не был ещё он в таковом расстройстве, имел ещё почти всю артиллерию и тех знатных потерь в людях ещё сделано им не было, которые он понёс ретирадою до Смоленска. Ошибки, от ложных известий иногда происходящие, неизбежны; предприятия в военных операциях основываются не всегда на очевидности, но иногда на догадках и на слухах; ложные известия, о коих упомянул я выше, произошли от самих казаков, но и они впали в сие недоразумение невинным образом.

От Вязьмы предпринял я диагональный марш чрез Ельню к Красному, где и настиг неприятеля»*.

Без сомнения, тяжело было старому фельдмаршалу читать рескрипт императора; но он понял, конечно, возможность его сомнений и опасений и рассчитывал на то, что их рассеют его донесения о действиях при Красном, которые император должен был получить в скором времени. Справедливость этих донесений могло подтвердить ему и письмо постоянного хулителя действий кн. Кутузова, сэра Роберта Вильсона, отправленное в то же время, в котором он отказывался уже писать о том как следовало бы русскому полководцу действовать — по его мнению, но «решился с гордостию превозносить действительные подвиги этой знаменитой армии». Расчёт кн. Кутузова был совершенно верен. Взгляд императора на военные движения большой армии, после получения известий о сражениях при Красном, совершенно изменился и, без сомнения, он понял значение донесений сэра Роберта Вильсона и оценил распоряжения кн. Кутузова, который действительно не следовал советам английского агента и не соображал вместе с ним планов военных действий. Император не думал уничтожить армию Наполеона ни при Вязьме, ни при Красном, но обессилить и утомить её, готовя ей окончательный удар при переправе через Березину. Перемену взглядов Государя доказывает и следующий рескрипт, полученный кн. Кутузовым уже в Копысе: «Доходят да меня сведения, что вы имеете справедливый повод быть недовольным поведением генерала Беннигсена. Если сии слухи основательны, то объявите ему, чтобы он отъехал от армии и ожидал во Владимире от меня нового назначения»**. Наименование светлейшего князя Кутузова Смоленским, последовавшее вслед затем, доказало это и перед всею Россией***.

---

* Донесение кн. Кутузова 7-го ноября, из с. Доброго.

** Рескрипт 9-го октября 1812 г. С.-Петербург. Замечательно, что этот рескрипт, собственноручный, помечен 9-го октября и только месяц спустя был отправлен к фельдмаршалу и получен им в Копысе. Если это не описка Государя, то очевидно, что этот рескрипт был написан на основании тех известий, которые привёз кн. П. М. Волконский из Тарутина об отношении Беннигсена к кн. Кутузову; но известие о Тарутинском сражении, за которое был награждён Беннигсен, остановило его отсылку. Кн. Кутузов отвечал Государю из Копыса, 15-го ноября: «По случаю болезненных припадков ген. Беннигсена и разным другим обстоятельствам, предписал я ему отправиться в Калугу и ожидать там дальнейшего назначения от Вашего Величества, о чём счастие имею донесть».

*** Указ сенату 6-го декабря, хотя 13-го ноября был торжественный молебен, после которого объявлена эта награда. «Северная Почта» 1812 г., № 92.

В это время отношения между бароном Беннигсеном и фельдмаршалом дошли до того, что кн. Кутузов намеревался уже отделаться от него удалив его из армии, и не принимал его. Но он ничего не писал об этом Государю, считая, конечно, неуместным обращать его внимание в такое важное в политическом отношении время на личные вопросы. В частных письмах однако же он не скрывал их. «Беннигсена к себе не пускаю и скоро отправлю», писал он своей супруге. Хотя некоторые из этих писем и были известны петербургскому обществу, а именно то, из которого заимствованы эти строки*, но император достаточно знал об этих отношениях из писем Вильсона, как непосредственно к нему писанных, так и к лорду Каткарту. Находя опору в Беннигсене, обладавшем военными познаниями и опытностью, он давал полный ход своей воинственной отваге и заносчивости; барон Беннигсен, с своей стороны, увлекаясь этими качествами своего друга, в качестве начальника штаба, настойчиво предлагал свои советы кн. Кутузову. Но с тех пор, как он перестал слушать эти советы и принимать его, Беннигсен изменил свой образ действий.

«Беннигсен унимается, видя, что и без него можно обойтись», приписывал кн. Кудашев в одном из писем кн. Кутузова к его супруге, прибавляя однако же: «но всё бы лучше его услать. Если увидите кн. Петра Михайловича (Волконского), вспомните ему Беннигсена в те три дня, когда велено было ему атаковать во время его пребывания в армии»**. «Беннигсен, по повелению фельдмаршала, удалился из армии, — писал Вильсон к лорду Каткарту. — Раздоры были предосудительны для службы; фельдмаршал упорствовал. В это время однако же Беннигсен для пользы службы выразил своё желание примириться. Теперь императору предстоит выразить своё мнение о достоинствах соперников. Я не говорю, чтобы Беннигсен, будучи главнокомандующим, последовал тому своему совету, который он давал как подчинённый; но имей он власть фельдмаршала, я уверен, что Бонапарт не существовал бы более»***. Эти слова достаточно обличают свойства советов Беннигсена, если бы он сам не последовал им, будучи на месте кн. Кутузова, и доказывают почему они раздражали опытного и умного главнокомандующего, которого трудно было обмануть, даже Беннигсену. Но вместе с этими качествами кн. Кутузов обладал необыкновенною любезностью в обхождении со всеми его окружающими. Получив разрешение императора, он, воспользовавшись болезнью Беннигсена,

---

* Письмо кн. Кутузова к его супруге от 30-го октября; гр. Местр. Correspond. diplomatique, T. I, c. 253–254.

** Письмо от 28-го окт. из Ельни.

*** Письмо к лорду Каткарту из Орши от 18-го ноября (1 дек.).

уже выздоравливавшего в это время, хотел устроить так его удаление, чтобы не воспользоваться данною ему властью; но Беннигсен этого не понял и вынудил его действовать решительно.

«Я забыл в последнем письме рассказать тебе случай, по которому ты можешь судить об характере фельдмаршала Кутузова, — писал Беннигсен к своей супруге. — На третий день моей болезни, при встрече с кн. Сергеем Голицыным, он спросил его: каков Леонтий Леонтьевич? На его ответ, что я чувствую себя уже гораздо лучше, он сказал: если он хочет уехать, чтобы отдохнуть и поправить своё здоровье, то я могу это для него устроить без вмешательства Петербурга. Я, признаюсь, поверил и принял за чистые деньги это заявление; но когда он заметил, что не может прилично отделаться от меня, он прислал мне, безо всякого повода, приказ оставить армию и, опасаясь, чтобы я не изобличил все его лживые донесения императору, он вздумал сослать меня в Калугу. Как нравится тебе этот человек?»*

Преследуя великую армию Наполеона в её бегстве, князь обращал внимание на возможность опасного положения для войск графа Витгенштейна, если б Наполеон двинулся на Сенно; но получив рескрипт и зная уже, что неприятель отступает на Оршу и войскам гр. Витгенштейна не может угрожать особенная опасность, он немедленно отвечал императору: «Всеподданнейше смею уверить, что неприятель со всеми силами своими не в состоянии нанесть вреда гр. Витгенштейну. Армия неприятельская лишена способов отделиться от меня — я всегда по следам за нею. Генерал Платов в соединении с отрядом генерал-адъютанта Кутузова беспрестанно угрожают неприятелю с правого фланга. Все сии причины довольно сильны развлечь неприятеля и особливо в теперешних его обстоятельствах. В случае если бы неприятелю скрытными движениями удалось выиграть над нами несколько маршей и тогда, соединясь со всеми своими силами, угрожать нападением на гр. Витгенштейна, тогда он, переправясь за Двину, на несколько дней совсем уже обеспечит себя и между тем даст способы сблизиться главной армии с ним. К тому же и адмирал Чичагов к 9-му или 10-му числу может быть к Борисову: ибо он 7-го в Минске. Вообще можно сказать, что Наполеон не имеет в виду соединиться с силами своими для нападения на гр. Витгенштейна: для совершения такового намерения он взял бы прямейший тракт чрез Любавичи, Бабиновичи на Сенно»**. В то же время он дал новое приказание генералу Платову. Хотя фельдмаршал и был уверен, что Наполеон будет отступать

* Письмо из Витебска от 24-го ноября.

** Донесение кн. Кутузову Государю 7-го ноября из с. Доброго.

на Оршу, но «крайнее положение Наполеона может побудить его на отчаянные меры, – писал кн. Кутузов к генералу Платову. – Дабы очистить себе путь в Литву и для того, если переправится он в Дубровне, то конечно в том намерении, чтобы идти на Сенно и, соединясь там с маршалом Сен-Сиром, напасть в превосходных силах на гр. Витгенштейна». Фельдмаршал, конечно, знал, что остатки Наполеоновской армии не могли подкрепить Сен-Сира и что даже в этом случае едва ли неприятель оказался бы в превосходных силах перед Витгенштейном; но писал это для того, чтобы побудить к бóльшей деятельности атамана, указывая ему на важность возлагаемого на него поручения. «Держась постоянно вправо от неприятеля, не имея более нужды переправляться через Днепр, вы можете с удобностью, выиграв марш над Наполеоном, атаковать по удобности и, без сомнения, привести его в такое же отчаянное положение, как и вице-короля италиянского, вами поражённого»*. В тот же самый день кн. Кутузов, в предписании гр. Витгенштейну, исчислив подробно потери неприятеля писал: «из сего простого начертания увидите, какие чрезвычайные потери понесла главная неприятельская армия в течение последних пяти дней; от сего лишилась она почти всей своей артиллерии и военного духа, прежде в ней существовавшего. Из сего следует, что одно центральное действие наших армий на остальные неприятельские силы, с помощию Божиею, угрожает Наполеону новым поражением и совершенным истреблением сил его, а потому, по теперешнему положению наших и неприятельских войск, делаются главною нашей армиею следующие движения. По правому берегу Днепра действует генерал Платов с 15-ю казачьими полками, Донскою артиллериею и первым егерским полком. Ему предписано действовать и тревожить беспрестанно неприятеля не только во фланг, но и предупреждать его в голове колонны. Правее от него действует генерал-адъютант Голенищев-Кутузов, который в связи с генералом Платовым. Сей последний прибыл уже против местечка Дубровны. С левой стороны конвоируют неприятеля три партизана, беспрестанно беспокоющие в марше неприятеля, – из коих первый близ Орши. С тылу тесним ариергард неприятельский нашим авангардом, а армия быстро идёт фланговым маршем к Копысу, где, по переправе через Днепр, возьмёт направление сообразно движению неприятельской армии. Из сего ваше сиятельство усмотреть можете, что действия ваши на правый фланг неприятеля удобны и подкрепляемы будут генералами Платовым и Кутузовым, коим даны нужные на то наставления. Из вашего рапорта я усмотрел, что Вик-

* Предписание атаману Платову от 7-го ноября, с. Доброе.

тор отделился от Сен-Сира, почему и заключаю, что ваше сиятельство, воспользовавшись разделением сил неприятельских, разбили совершенно последнего, и если же паче чаяния сие по каким-либо обстоятельствам не случилось и Сен-Сир соединился с остальным числом неприятельской армии, которая угрожала бы нападением на вас, тогда корпус ваш в окрестностях Гомеля и Ушача, без сомнения, найдёт крепкую, безопасную позицию или на время может отступить за Двину и войти со мною в прямое сообщение».

Все эти сведения о движении войск были известны гр. Витгенштейну из прежних предписаний фельдмаршала. Ещё до сражений при Красном, он предупреждал гр. Витгенштейна о возможности движения Наполеона на его армию с целью соединения с маршалом Виктором и поручал ему: «для избежания неравного боя, занять какую-нибудь крепкую позицию или дефилею, через которую Наполеон должен будет проходить, истребив перед ним все переправы, чем замедлится его движение»*. Поэтому едва ли при этом случае он имел в виду его одного. Сообщая список с этого предписания императору в тот же день, очевидно, что хотел ему сообщить подробные сведения, изложенные в этом предписании. Отправив наперёд значительные силы под начальством Ермолова, Платова и Милорадовича с целью быстро преследовать бежавшего неприятеля, кн. Кутузов шёл за ними со всею армиею. Главная квартира, 9-го ноября, находилась в местечке Ланники, Гродненской губернии. Неприятель был уже изгнан из пределов древней России. Когда наши войска вошли в Белоруссию, которую поляки считали уже навсегда отторгнутою от России, они попрятались, или удалились, ожидая возмездия. Наши войска встречали одних евреев, которые заявляли, что были уверены, «что французам худо будет; у нашего Государя, — говорили они, — сила войска, сила народа», что они все Богу молились, чтоб «москали звернулись», что французы давали им золота, посылая шпионами в нашу армию, но никто, — говорили они, — «никто не хотел брать их поганых грошей, а у нас были такие же, ходили к москалям в армию до генералов и даром сказывали им, что у французов деется»**. Евреев ободрило мирное отношение к ним наших войск; а затем ободрил и поляков изданный фельдмаршалом в Ланниках следующий приказ войскам: «вступая с армиею в Белоруссию, в тот край, где, при нашествии неприятеля, некоторые из неблагонамеренных, пользуясь бывшими замешательствами, старались разными лживыми уверениями ввести в заблуждение мирных поселян и отклонить их от священных

* Предписание от 3-го ноября, из с. Юрова.

** Записки артиллериста, Т. I, с. 276–277.

и присягою запечатлённых обязанностей законному их Государю, я нахожу нужным всем армиям, мною предводительствуемым, строжайше воспретить всякий дух мщения и нарекания в чём-либо жителям Белорусским, тем паче причинения им обид и притеснений. Напротив, да встретят они в нас, яко соотчичи и подданные Всемилостивейшего Государя нашего, братьев, защитников от общего врага и утешителей во всём том, что они потеряли в краткую бытность под игом чуждой и насильственной власти, и с пришествием нашим да водворятся между ними тишина и спокойствие.

Обывателям же Белорусским объявляется — отнюдь не делать неприятелю никаких пособий ни прямым, ни посторонним образом, ни способствовать ему известиями, и кто от сего времени в противность сему поступит, суждён будет и казнь получит по военным законам. Добрым же поведением и послушанием сему приказу моему могут загладить и те впечатления, которые некоторые из них поступками своими о себе подали»*. Этот приказ фельдмаршал велел объявить как всем войскам, так и в обеих Белорусских губерниях. Хотя это правительственное наименование Екатерининских времён сохранилось и в то время и совершенно совпадало с населявшим его народом, однако при спутавшихся в последствии понятиях, этот край считали польским, потому что горсть поляков, пользовавшихся политическими правами, обладала лишённым всех прав Белорусским поселением. При вторжении французов, народонаселение этих губерний и Литовских выразило своё отношение к полякам и, конечно, ему и на мысль не приходило содействовать восстановлению строго Польского королевства. Но такой смысл придавался тогда приказу кн. Кутузова и великодушному победителю так и должно было поступать в отношении к побеждённому врагу. Император был очень доволен приказом фельдмаршала и своё удовольствие немедленно выразил ему в следующем собственноручном письме: «С особенным удовольствием вижу в приказе, отданном вами при вступлении армии в Белоруссию, точное и скорое исполнение моей воли, изъявленной вам при отбытии вашем из столицы. Благодарю вас за своевременное принятие мер к сохранению обоюдного согласия между обывателями и войсками и к забвению прошедших заблуждений, в кои увлечены были первые лживыми обещаниями всеобщего врага и восстановления их отечества. Я уверен, что действие означенного приказа распространено вами будет и на прочие армии и что, при известной попечительности вашей о благе общем, не оставите вы наблюдать за исполнением оного

* Приказ 9-го ноября, данный в м. Ланниках.

во всей силе, как по военной, так и по гражданской части»*. Это письмо служит вместе с тем замечательным свидетельством, что мысль о том, что неприятель вынужден будет к отступлению, конечно, не принудив Россию к заключению постыдного мира, была уже в виду в то время, когда император назначил кн. Кутузова главнокомандующим всеми войсками. Впрочем, это доказывает и общий план для действий войск при переправе неприятеля чрез Березину, составленный за два с лишком месяца перед тем временем, когда он мог быть приведён в исполнение. Это время наступало и кн. Кутузов принял меры к его исполнению. Авангард под начальством Ермолова, быстро подвигаясь к Лядам и Дубровне, где совершил затруднительную переправу по мосту, построенному на скорую руку, двинулся на соединение с Платовым. Лёд, шедший по реке, разломал мост и его обозы остались по эту сторону и потом большою дорогою достигли Орши**. Гр. Платов вытеснил арьергард неприятеля, заняв Оршу на другой день после отступления (9-го ноября), и потом двинулся за ним к Коханову.

Между тем, желая ещё более усилить преследование, кн. Кутузов предписал Милорадовичу со всеми вверенными его начальству корпусами, составлявшими авангард большой армии, идти усиленными переходами на Боево к Копысу, где он должен быть переправиться чрез Днепр. Эта переправа заняла довольно времени, потому что надо было устроить мост; несмотря на то, Милорадович, выступив 9-го ноября из-под Красного, надеялся к 12-му быть в Толочине. Генер. Ермолову приказано было уделить часть пехоты гр. Платову, если бы он потребовал; но его назначение заключалось в том, чтобы составлять второй авангард большой армии; но двинув главный авангард Милорадовича для преследования отступавшего неприятеля, кн. Кутузов, естественно, предписал Ермолову присоединиться к нему и так как он перешёл уже Днепр, то остановиться в Толочине и там ожидать Милорадовича. Ген. Ермолов заподозрил в этом предписании какие-то злые против него козни лиц, окружавших фельдмаршала. «Я поспешил, — говорит он, — соединиться с ген. Платовым. Он согласился подтвердить моё донесение фельдмаршалу, что повеление его дождаться авангард в местечке Толочине я получил пройдя уже его, хотя я находился за один ещё переход, и представил с своей стороны, что, вступая в огромные леса Минской губернии, ему необходима пехота, почему и предложил он мне следовать с собою или сколько можно ближе»***.

---

* Рескрипт императора 19-го ноября.

** А. П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 257.

*** А. П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 257.

Летучие отряды также не упускали из виду неприятеля и, преследуя его по всем направлениям, находились 7-го ноября: генерал Бороздин в Казянах, гр. Ожаровский в д. Михалиново, подполковники Давыдов в м. Ланники по дороге к Копысу, Сеславин около большой дороги в Оршу, у д. Крапивны. Они должны были наблюдать за неприятелем с флангов и наносить вред отделявшимся от него отрядам – Давыдов и Сеславин слева, Фигнер и Бороздин справа в то время, когда гр. Платов действовал в тыл по большой дороге и авангард Милорадовича сближался с ним. Ежедневно наши лёгкие отряды нападали на неприятельские партии, били их и забирали много пленных. Д. В. Давыдову удалось даже очистить от неприятеля Копыс и захватить кавалерийское депо*.

Содействуя с своей стороны к успешному приведению в исполнение предначертаний императора о нанесении решительного удара неприятелю при Березине, кн. Кутузов предпринимал меры, чтобы, сближаясь постепенно, войти в связь как с гр. Витгенштейном, так и с адмиралом Чичаговым. Гр. Витгенштейн оставался в оборонительном положении при Чашниках до 10-го ноября, когда Удино уже отделился от Виктора и пошёл к Борисову. Вслед за ним, прикрывая его движение, отступил от Череи и маршал Виктор. Гр. Витгенштейн направил вслед за ним свой авангард, который имел несколько дел с арьергардом Виктора, а сам медленно двигался за ним, в то время, когда Наполеон поспешно шёл из Орши к Борисову и когда он получил уже письмо от гр. Ланжерона, который уведомил его о занятии Борисова Дунайскою армиею.

Действия этой армии, как наиболее отдалённой от главных сил кн. Кутузова, ему не были известны. При её приближении было затруднительно открыть с ней сообщение, потому что между нею и большою армиею находились неприятельские войска. Несмотря на то, кн. Кутузов, из деревни Ланники, отправил к адмиралу Чичагову флигель-адъютанта Орлова с следующим предписанием: «посланный при сём к вашему высокопревосходительству флигель-адъютант гвардии поручик Орлов объяснит вам на словах расстроенное положение неприятельской армии. Между тем, из полученных известий видно, что Наполеон сего 8-го числа выступил с гвардиею своею из Орши к Коханову, из чего и заключать должно, что армия его пойдёт в сём направлении. Ген.-от-кавалерии Платов, подкреплённый авангардом ген.-майора Ермолова, из 14-ти баталионов пехоты, двух полков кирасиров и двух рот артиллерии состоящий, идёт по пятам неприятеля, а главная армия сего 12-го числа переправится чрез Днепр при Копысе и пойдёт в направлении чрез Староселье, Белыничи и Погост. Главной армии авангард, под командою генерала Милорадови-

* Воен. журнал ген. Толя; Д. В. Давыдов. Сочин., Т. I, с. 93–96.

ча, состоящий из 2-го и 7-го корпусов при 2-й кавалерийской дивизии и четырёх казачьих полках, переправясь 11-го числа, пойдёт в направлении чрез Староселье на Толочин, где соединятся оба наши авангарда и составят значительную массу войск, вслед за неприятелем стремящихся. Вследствие чего ваше высокопревосходительство усмотрите, что если гр. Витгенштейн, будучи удержан Виктором и Сен-Сиром, не был бы в состоянии содействовать вам в поражении неприятеля, то вы, соединённо с ген.-лейт. Эртелем и ген.-майором Лидерсом, довольно сильны будете разбить бегущего и теснимого от меня неприятеля, который почти без артиллерии и кавалерии. Легко быть может, что Наполеон, видя невозможность очистить себе путь чрез Борисов к Минску, повернёт от Толочина или Бобра на Погост и Игумен, захочет пробраться на Волынь, для чего неизлишне было бы наблюдать за его партизанами, дабы заранее быть извещённым о его движении и тем его предупредить». Опасаясь, что Орлов может быть задержан, через три дня кн. Кутузов послал другое отношение к адмиралу (13-го ноября): «После сильного поражения неприятеля под Красным,— писал он,— главная неприятельская армия направилась на Оршу и, перейдя Днепр при сём месте, оставила оный город 9-го числа. Генерал Платов с 15-ю казачьими полками, ген.-майор Бороздин с 6-ю — следуют по бокам отступающего неприятеля, тогда как ген. Милорадович с главным авангардом армии, состоящим из 54-х баталионов пехоты и одного корпуса кавалерии, следует по пятам неприятеля. Без сомнения, Наполеон отступая чрез Коханов и Толочин к Бобру, присоединит к себе Сен-Сира, вследствие чего предписано от меня гр. Витгенштейну, соединённо с г. -ад. Кутузовым, не упуская его из виду, следовать быстро за ним. Ваше высокопревосходительство усмотреть изволите, что по мере соединения сил неприятельских в направлении к Борисову, сблизятся и силы наши для нанесения сильного и, быть может, последнего удара неприятелю. Если Борисов занят неприятелем, то вероятно, что оный, переправясь чрез Березину, пойдёт прямейшим путём к Вильне, идущим чрез Зембин, Плещеницы и Вилейку. Для предупреждения сего, необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли бы отрядом дефиле при Зембине, в коем удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля. Главная наша армия от Копыса пойдёт чрез Староселье и Цесаржин к мест. Березине, во-первых, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствие, во-вторых, чтобы упредить неприятеля, если б пошёл он от Бобра чрез Березино на Игумен, чему многие известия дают повод к заключениям. Ниже города Борисова в 8-ми верстах, при дер. Ухолоде, весьма удобные броды для прохода кавалерии»*.

* Воен. журнал Толя. Приводим вполне эти два отношения, на том же основании,

Из этих отношений фельдмаршала видно, что он не имел точных сведений о делах армии Чичагова, полагая, что корпус Эртеля соединился с ним, но уже не рассчитывая на соединение с ним гр. Витгенштейна, который ещё находился в Чашниках; полагал, что Дунайская армия достаточно сильна, чтобы встретить и разбить бегущего неприятеля. Вслед за тем князь узнал положительно, что армия Наполеона идёт на Толочин, и полагая, что Борисов ещё находится в руках неприятеля, где неприятель и постарается совершить переправу, с тем, чтобы прямым путём идти на Зембин и Вилейку к Вильне. В том случае, если бы адмиралу не удалось остановить переправы у Борисова, он поручал ему занять дефилеи у Зембина, где возможно было, и с меньшими силами против неприятеля, остановить его и задержать до прибытия других войск, действовавших ему во фланги и в тыл. Меньшие силы против неприятеля у адмирала Чичагова он предполагал потому, что, вследствие медленного действия гр. Витгенштейна, думал, что маршалам Удино и Сен-Сиру удастся избежать поражения и, соединясь с Наполеоном, доставить ему значительное подкрепление. Но положение адмирала представляло более выгод в это время, потому что Борисов находился уже в его власти с единственным мостом, по которому без особых приготовлений мог немедленно переправиться Наполеон. Кн. Кутузов во всяком случае ясно определил пространство, которым ограничивались действия адмирала Чичагова: с одной стороны Зембин, на который он обращал особенное его внимание, с другой — Игумен, где поручал он ему иметь только партизанские отряды, на тот случай, чтобы вовремя быть предупреждённым, если бы Наполеон, опасаясь встретить сильное сопротивление со стороны адмирала при переправе в Борисове, пошёл бы на Игумен, чтобы пробраться на Волынь, где мог соединиться с кн. Шварценбергом и Ренье. Таким образом действие Дунайской армии главным образом определилось м. Березиным, Борисовым и Зембином. Владея Борисовым, адмирал мог если не удержать Наполеона, то во всяком случае замедлить переправу.

Гр. Витгенштейн доносил императору 12-го ноября, что маршалы Виктор и Удино отступают. «Я иду за ними, — писал он, — и вчерашнего числа взято более 800 пленных и много обозов; гр. Платов идёт за большою неприятельскою армиею уже к Толочину, из чего вы усмотреть

почему генер. Толь включил их в свой журнал. «Многие полагают,— говорит он,— что во время приближения армии адм. Чичагова в Березине, кн. Кутузов якобы повелениями своими адмиралу Чичагову привёл его в недоумение, чрез что будто бы и удалось Наполеону обмануть адмирала; то в объяснение сего за нелишнее почитаю при сём приложить копии с двух к нему отношений кн. Кутузова».

изволите, что неприятеля тесним мы с трёх сторон: сзади преследует гр. Платов, я действую во фланг и адмирал Чичагов должен его в Борисове встретить»*. Это донесение дополнялось известиями о движении главной армии и её авангарда, которые сообщил кн. Кутузов Государю в отношении от 14-го ноября. «По всем известиям,— писал он,— о направлении дальнейшей неприятельской ретирады полученным, заключить должно, что оное воспоследует чрез Борисов и потому к воспрепятствованию в сём и к поражению его на всяком шагу сделано следующее распоряжение:

По пятам неприятеля идёт сильный авангард из двух корпусов под командою генерала Милорадовича, равно и гр. Платов с 15-ю полками казаков, 12-ю баталионами пехоты, несколькими ротами конной и пешей артиллерии, с обязанностью обходить правый фланг неприятеля для воспрепятствования всякого фуражирования; поправее же отряда гр. Платова находится отряд генерал-адъютанта Кутузова, которому предписано состоять в команде генерала гр. Витгенштейна. Таким образом все сии значущие силы непременно должны поражать неприятеля ещё до переправы чрез Березину, или по крайней мере при переправе. Адмиралу Чичагову поставлено на вид действовать на головы колонн по переправе чрез Березину и в особенности пользоваться трудными дефилеями при Зембине. Полевее же отступающего неприятеля находятся три отряда партизанов, для воспрепятствования всякого фуражирования и для извещения о всех движениях. Главные силы нашей армии следуют прямо на местечко Березино, как для воспрепятствования неприятелю взять налево к Игумену, так же и потому, что единственно по сему направлению можно найти продовольствие, достаточное для армии».

Это отношение писано кн. Кутузовым из Копыса. В движении туда армия должна была остановиться на день при Ланниках, потому что в этот день (11-го ноября) авангард Милорадовича приготовлял мост через Днепр в Копысе и потому переправлял авангард для движения к Толочину. На другой день главная квартира фельдмаршала перешла в Копыс, а главная армия пришла туда 13-го ноября; на другой день (14-го) перешли Днепр «при Копысе и расположились в окрестностях местечка Староселья, где и главная квартира фельдмаршал остановилась»**. Во время пребывания в Копысе (с вечера 12-го до утра 14-го ноября), кн. Кутузов сделал следующие распоряжения: «главная армия,— сказано в военном журнале г. Толя,— в быстром преследова-

---

* Донесение от 12-го ноября, из Череи.

** Воен. журнал генерала Толя.

нии за неприятелем от гор. Малоярославца к гор. Красному и в частых сражениях с оным понесла чувствительную потерю в людях, как убитыми, ранеными, заболевшими и усталыми, так и в лошадях под кавалериею и артиллериею, то и было, по повелению фельдмаршала кн. Кутузова, начальником главного штаба ген.-лейт. Коновницыным сделано распоряжение относительно главных сборных мест для раненых, больных и отсталых солдат, назначив на сей предмет по Днепру города: Оршу, Могилёв, Копыс, да сверх оных ещё Смоленск и Вязьму. Господам комендантам было поставлено в обязанность еженедельно доносить как о прибывающих в помянутые места, так и об отправленных командах, не менее 500 человек вдруг, к армии. Касательно же кавалерии оставлено было при Копысе 12 рот, лошадьми коих и частью артиллеристов укомплектованы были те роты, которые с армиею далее следовать должны были».

Кн. Кутузов имел в виду не вызывать неприятеля на решительное сражение, но, преследуя его с фланга и заходя вперёд при каждом удобном случае, нападать на него и ослаблять постепенно, направляя его отступление сначала по опустошённой большой дороге на Смоленск, потом к Березине, где, по общим соображениям, всеми армиями в совокупности должно было нанести ему решительный удар. Эту мысль он выражал постоянно в донесениях императору и окружавшим его лицам. В Копысе, при свидании с пленным французским интендантом Пюисбюском, он объяснил ему свой образ действий. Этот замечательный разговор сохранил Пюисбюск на память потомкам в своих письмах о войне 1812 г. Кн. Кутузов ему говорил, что он изучил характер Наполеона и был уверен, что, перейдя Неман, он постоянно будет идти вперёд. «Фельдмаршал особенно удивлялся,— говорит Пюисбюск,— как удавались ему все хитрости, чтобы как можно долее удержать Наполеона в Москве, и как смешно было ему притязание его на заключение мира, тогда как он не имел уже необходимых средств, чтобы продолжать войну». «Вы видели, что когда ваши войска вышли из Москвы,— говорил ему кн. Кутузов,— я закрыл ему все пути, по которым он хотел их направить, и отступил даже от моего решения избегать, по возможности, сражений. При Малоярославце я вступил в сражение с тою целью, чтобы отбросить их на опустошённую ими же самими дорогу. Я был уверен, что на ней, кроме, может быть, некоторых деревянных изб, там уже нечего было разрушать. Я предписал атаману Платову двигаться сбоку нашего правого фланга, вас преследовала моя армия, которой часть я отправил против вашего левого фланга, чтобы препятствовать вашим фуражирам удаляться с дороги. Как пленных, я провожал вас от Вязьмы до Смоленска, от меня зави-

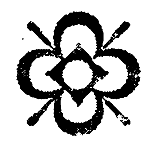
село разгромить вас прежде нежели вы достигли бы Смоленска; но будучи уверен в вашей гибели, я не хотел напрасно жертвовать хотя бы одним моим солдатом. Вы видите, с тех пор как вы находитесь у нас, что я через каждые три дня даю им отдыхать и если бы не достало продовольствия и водки, я сейчас остановился бы, заперся бы у себя и не посмел явиться перед моим войском. Вот как мы, северные варвары, бережём людей. Я поморил ваших лошадей голодом по дороге от Вязьмы до Смоленска и знал, что там вы будете вынуждены оставить артиллерию: так и случилось, как я предвидел. По выходе оттуда, вы не могли поставить против меня ни конницы, ни артиллерии; а мой авангард ждал вас под Красным с 50-ю пушками. Желая разгромить ваши войска без сопротивления, я велел стрелять по хвостам колонн и действовать конницею только на расстроенные уже ваши отряды. Ваш Наполеон, сверх всех ожиданий, помогал мне, растянув свои корпуса так, что между ними были промежутки на целый день пути. Четыре дня я оставался на одном месте, и гвардия и все ваши корпуса, которые следовали за ней, постепенно проходили мимо и каждый терял половину своих воинов. Что осталось после Красного – с трудом пройдёт в Оршу и во всяком случае сделаны распоряжения при Березине с тою целию, что там будет положен конец бегству ваших войск и их предводителя, если будут точно исполнять мои приказания. Бесспорно, у вас были прекрасные солдаты, остаткам ваших войск приходилось умирать под Красным от наших пушек с мужеством достойным лучшей участи и лучшего военачальника».

После непродолжительного молчания, кн. Кутузов спросил Пюисбюска: «если бы Наполеон ушёл из-под Березины – неужели французские войска снова будут жертвовать ему своею кровью и сенат поощрит его к дальнейшим предприятиям?» – Народ утомлён постоянными войнами, скоро не достанет рук для земледельческих работ, торговля страдает, новые наборы производятся только насильственными способами, – отвечал Пюисбюск. «А сенат, – заметил снова кн. Кутузов. – если я не ошибаюсь, он должен охранять права и пользы французского народа. Ему известно уже положение дел, как вы мне его объяснили; он должен отвращать горделивые намерения, которые только умножают народные бедствия. Как он будет поступать, когда Наполеон, потеряв всю армию, потребует новой?» Пюисбюск признался, что сенат будет покорен его воле. «В таком случае, – говорил кн. Кутузов, – если он уйдёт из под Березины, то последует ещё много бедствий и кровопролития. Но если вашим сенаторам дорога слава Франции, то они должны принесть себя даже в жертву, противудействуя Наполеону; он её злейший враг, он совершенно потерял здравый смысл, что́

доказывает вся эта кампания. Если бы он пошёл за Москву, то у нас всё ещё оставалось бы много пространства. Война, предпринятая против такого обширного государства, как Россия, есть такая нелепость, на которую не должны бы соглашаться ваши старые генералы, сенаторы и государственный совет».

Преданный отечеству, француз Пюисбюск, хотя и не сочувствовавший Наполеону, замечает: «этот разговор с фельдмаршалом погрузил меня в грустные размышления. Приготовления на Березине не выходили у меня из ума»*. Но удачное исполнение предположений фельдмаршала согласно плану военных действий, присланному самим императором, зависело от действия гр. Витгенштейна и адмирала Чичагова.

* L.V. Puisbusque. Lettres sur la guerre de Russie en 1812, Paris, 1817, 2-e edit., с. 159–172; русский перевод этого сочинения. М. 1833 г., с. 143–155.

Глава 5

Действия графа Витгенштейна

В первой трети ноября месяца 1812 г. обстоятельства сложились так, что план военных действий, начертанный в Петербурге и накануне вступления французов в Москву отправленный императором кн. Кутузову, оказался возможным для осуществления на деле и даже близился к исполнению. Составленный после известий о Бородинском сражении, он был рассчитан на отступление неприятеля по Смоленской дороге. Преследуемый войсками кн. Кутузова, после продолжительного отступления в позднее время года, по опустошённой дороге, ослабленный неприятель должен был встретить соединённые силы адмирала Чичагова, гр. Витгенштейна, гр. Штейнгеля, и Эртеля. Прервав его сообщения, они должны были преградить ему переправу через Березину. Для достижения этой цели, корпус графа Витгенштейна был значительно усилен. К концу сентября должны были прибыть в Себеж 11 тысяч Петербургского ополчения и в Великие Луки 8 тыс. Новгородского и 9 тыс. резервных войск пехоты и конницы с артиллериею. Присоединив эти войска и разделив свою армию на два корпуса, гр. Витгенштейн должен был с одним из них, в 35 тыс., перейти на левый берег Двины. «Предвидя трудности преодолеть Полоцк спереди,— писал ему император,— и избегая траты людей в атаке укреплений, сею переправою не только Полоцк возьмёте с тыла, но и корпус Удино отрежете непременно от большой неприятельской армии». В то время, когда гр. Витгенштейн совершит это движение, другой корпус его армии, под начальством кн. Яшвиля, подступит к Полоцку от правого берега Двины. Он должен был скрыть от неприятеля свои намерения, показывая различными движениями вид, что предполагает напасть на Полоцк с правого берега этой реки. Овладев Полоцком с тыла и соединившись с корпусом кн. Яшвиля, гр. Витгенштейну предписывал император: «устремиться, как можно быстрее, на истребление отрезанного Удино от главной неприятельской армии, отбросив его на войска Штейнгеля, который к тому же времени, при успехах над Макдональдом, уже сблизится к Видзям и Свенцанам».

Предоставив гр. Штейнгелю дальнейшее преследование неприятеля, гр. Витгенштейн должен был двинуться к Докшице, куда, по предположению императора, он мог достигнуть к 15-му октября, и потом

«открыв сообщения с Минском и соединясь с Чичаговым, должен был занять Леппель и всё течение Улы, от Березины до её впадения в Двину, и укрепить все дефилеи самым сильным образом, потому что нельзя предвидеть куда неприятель, при отступлении из-за Днепра, устремиться вздумает».

Предписанные гр. Витгенштейну действия находились в непосредственной связи с действиями гр. Штейнгеля, который, в свой черёд, должен был действовать совокупно с 20-ти тысячным гарнизоном Риги, находившимся под начальством Эссена. Корпус гр. Штейнгеля должен был прибыть морем из Финляндии в Ревель и оттуда быстро следовать, через Пернов, в Ригу. Между тем, Эссен должен был отправить Рижский гарнизон, под начальством генерала Левиза, на левый берег Двины. Следуя по дороге через Эккау к Фридрихштадту, он должен был очистить от неприятеля «не менее двух переходов от этого города и будет стараться истреблять всё приходящее к тому городу, чтобы, до прибытия Финляндского корпуса в Ригу, привлечь на себя внимание Макдональда, и тем отвлечь его от гр. Витгенштейна». По прибытии с своим корпусом в Ригу, гр. Штейнгелю предписывал император соображать свои действия с теми известиями из-за Двины, которые он получит от Эссена. «Если, — писал император, — в случае соединения в большем количестве неприятелей против Левиза, ему было бы трудно производить отдельно нападение внутрь Виленской губернии, то, при выступлении вашем из Риги до Эккау, не теряя из виду истреблений неприятельской артиллерии, или соединитесь с корпусом Левиза, если бы соединение неприятеля в превосходных силах того потребовало, или обратитесь чрез Баусск в Биржу, приказав Левизу, равняясь с вами, перейти из Фридрихштадта в Нерфт. В таком положении, быв неразрывно соединены между собою, снабдив себя всеми потребностями, подвижным запасным парком и провиантским магазином, с 20-го сентября откройте наисильнейшие наступательные действия, соображая их так, чтобы наиболее отвлечь внимание и силы Макдональда от гр. Витгенштейна».

В этом заключалась главная цель всех действий гр. Штейнгеля и Эссена, хотя им и предписывалось удерживать Макдональда и разбивать отдельные части неприятеля, которого в этом случае император не предполагал значительно сильным. Достигнув этой цели, гр. Штейнгель, оставив против него Левиза, должен был подвинуться к Видзам и Свенцанам, чтобы встретить Удино, «разбитого и преследуемого гр. Витгенштейном, сменить его, истреблять неприятеля и, прогнав остатки его войск за Неман, остановиться в Вильне и оттуда наблюдать Неман от пруссаков для охранения Риги. В этом положе-

нии, – писал ему император, – ваши войска будут служить резервом для трёх соединённых армий у Березины»*.

Конечно, предположение о военных действиях, рассчитанные наперёд на несколько месяцев для отдельных корпусов и армий, с определением даже чисел дней, в которые каждое из них должно совершиться, почти никогда не удаются при исполнении их на деле, в том виде как предполагались. Притом места, из которых должны были выступить эти армии, и корпуса находились в различных расстояниях от Борисова, куда направлялись их движения, и «не возможно было и ожидать совершенного согласия в движениях так растянутых, и потому подверженных многим затруднениям»**. Во время военных действий обстоятельства быстро изменяются и наперёд невозможно предвидеть всех изменений, которые могут оказать, однако же, значительное влияние на ход действий воюющих сторон. Что касается до чисел дней, то их пришлось уже изменить кн. Кутузову, при самом отправлении предписаний императора начальникам отдельными корпусами и армиями, по той простой причине, что сам кн. Кутузов получил их позднее, нежели следовало. Полковник Чернышев, отправленный из Петербурга в то время, когда там не имели ещё известий о занятии Москвы неприятелями, должен был промедлить несколько дней в пути, объезжая окружными дорогами столицу, чтобы прибыть в главную квартиру фельдмаршала в Тарутино. Но кроме того, было обстоятельство, не упущенное из внимания и самим императором, и указанное в его предписании гр. Штейнгелю. Ему предписывал император действовать на основании своего повеления в том случае, «если собирающийся в Тильзите корпус Виктора не заставит принять других мер». Какое получит назначение этот корпус ещё не было известно в то время и, конечно, если б он соединился с корпусами маршалов Удино и Сен-Сира, то военные действия на нашем правом фланге приняли бы иное направление. Но после Бородинского сражения император Наполеон предписал маршалу Виктору идти к Смоленску и там ожидать дальнейших повелений о его движении***. Эта возможная случайность устранилась на время, но за то возникли другие. Финляндский корпус прибыл в Ригу не в том количестве, как было предположено: два корабля с войсками погибли в море, разбитые бурей, а два полка с острова

---

* Инструкции гр. Витгенштейну и графу Штейнгелю, присланные с Чернышевым кн. Кутузову с рескриптом императора от 31-го августа.

** О к у н е в. Рассуждения о больших военных действиях в 1812 г., с. 229.

*** Приказ маршала Бертье из Можайска от 11-го сентября н. ст.; C h a m b r e y. Hist. de l'éxpedition, T. III, прилож, с. 403–404.

Аланда вовсе не были перевезены. Представилось и новое обстоятельство, значительно препятствовавшее единству в действиях. По смыслу предписаний, полученных гр. Штейнгелем, он должен был понять, что часть Рижского гарнизона, предназначаемая для наступательных действий под предводительством генерала Левиза, должна поступить под его начальство. Но генерал Левиз был подчинён начальнику Риги — Эссену, который не получил никаких предписаний в этом смысле, и, будучи старше по службе гр. Штейнгеля, желал не только генерала Левиза, но и его подчинить своему начальству и руководить военными действиями. Притом, различие во взглядах между ним и гр. Штейнгелем дошло до того, что Эссен просил уволить его от службы, а Штейнгель принуждён был делать уступки, чтобы совершенно не остановить военных действий, что, без сомнения, оказало бы весьма вредное влияние на действия гр. Витгенштейна*.

Исполняя повеления императора, гр. Штейнгель предполагал начать наступательные действия с тою прежде всего целью, чтобы захватить и истребить осадный парк, находившийся у Руенталя, близ Бауска. Эссен, напротив, считал нужным действовать на Митаву, как на средоточие французского управления в Курляндии, тогда как там вовсе не было неприятельских войск. Это разногласие повело к раздроблению войск, и так уже оказавшихся далеко не в том числе (22 тыс.), как предполагал император (т. е. 35 тыс.). Генерал Йорк, напротив, узнав о движении Штейнгеля и Левиза, сосредоточил свои силы и с успехом отразил их нападение. Они должны были отступать к Риге. Нападение на Митаву не встретило противодействия и окончилось тем, что были сожжены неприятельские в ней магазины с продовольственными и другими запасами. Когда все войска возвратились к Риге, при совещании о дальнейших действиях, вновь возникли разномыслия между Штейнгелем и Эссеном. Император был недоволен гр. Штейнгелем, и предписал ему: «при наступательных действиях, в силу предписания моего от 1-го сентября, обязаны вы делать ваши донесения рижскому военному губернатору Эссену, как главному начальнику всех войск, в Лифляндии расположенных». Он отклонил просьбу об отставке, поданную Эссеном, и писал ему, что он «на действия Штейнгеля смотрит с той же точки зрения, как на действия генерала Левиза»,— состоявшего под начальством Эссена. Получив известия об экспедиции к Бауску и Митаве, император писал гр. Штейнгелю:

---

* Высочайшее предписание гр. Штейнгелю от 18-го августа; донесение Штейнгеля из Риги, от 27-го авг.; рескрипт Эссену о назначении Штейнгеля, от 1-го сент.; прошение Эссена об отставке, от 4-го сент., из Риги.

«усмотрев из донесения генерал-лейтенанта Эссена, от 20-го сентября, о неудачном действии вверенных вам войск при г. Баусске, не могу скрыть от вас моего неудовольствия», и считал причиною неудачных действий именно «раздробление сил», отделение отрядов к Митаве и Шлокам, что произошло по настоянию Эссена и против желания гр. Штейнгеля. Император узнал об этом и, вероятно, потому вскоре маркиз Паулуччи занял место генерала Эссена, а Государь снисходительно отнёсся к произвольному движению, предпринятому гр. Штейнгелем. Он доносил императору, что не может действовать отдельно с одним своим корпусом без помощи Рижского гарнизона, и потому решился идти по правой стороне Двины к Придруйску и там переправиться на левый её берег и соединиться с гр. Витгенштейном*. Эти известия, конечно, не были приятны императору, но он писал гр. Штейнгелю: «по отдалённости, в коей я нахожусь, и по неудобности переменить нынешнее ваше направление, не могу вам дать иного разрешения, как изъявить моё желание, дабы новые действия ваши увенчаны были лучшим успехом, а без сего и самое выполнение общего операционного плана не достигнет настоящей своей цели»**. Слова императора, верно оценившего действия войск Штейнгеля и Рижского гарнизона, и в то же время снисходительно отнёсшегося к ним, объясняются и тем, что он не имел поводов опасаться в это время корпуса Макдональда. Осада Риги, замедленная прибытием осадного парка, не могла быть начата в такое позднее время года и была бы совершено неуместна, после того как неприятельская армия взяла направление не к Петербургу, а к Москве, и оттуда должна была начать отступление. Конечно, ему было известно, что генерал Йорк, заменивший ген. Граверта, не только не был поклонником Наполеона, как его предместник, но врагом, и готовил измену тому, под чьими знамёнами дрались прусские войска, находившиеся под его начальством. Может быть, это подозрение в отношении к прусским войскам и сдерживало деятельность маршала Макдональда; но она объясняется и другими причинами. Маршалы Наполеона действовали не самостоятельно, они исполняли только его приказания, выходившие из главного штаба его войск. Они не решались помогать один другому по собственному усмотрению, особенно в тех случаях, когда считали количество войск, находившихся в их

* Высочайшие повеления гр. Штейнгелю, 7-го, 24-го и 26-го сентября; рескрипт Эссену, 8-го сент.; донесения Эссена от 20-го и 22-го сент., из Риги, и гр. Штейнгеля от 22-го сент.

** Высочайшее повеление гр. Штейнгелю от 26-го сент.; рескрипт маркизу Паулуччи от 17-го сент.

распоряжении, едва достаточным для исполнения возложенных на каждого из них поручений. Осада Риги, составлявшая главную цель действий для корпуса Макдональда, сделавшись невозможною, поставила его в оборонительное положение. Он был обречён на бездействие силою обстоятельств. Идти на помощь Сен-Сиру он не мог потому, что открыл бы Курляндию для вторжений Рижскому гарнизону. Он мог послать часть своих войск, но в таком незначительном, по его соображениям, количестве (5-ти тыс.), что они, во всяком случае ослабляя его силы, не могли оказать особенной помощи маршалу Сен-Сиру*. Маршал Макдональд тяготился своим положением, видя, что не может оказать «важной услуги императору», писал об этом начальнику главного штаба; но вывести его из такого положения возможно было только увеличив его боевые силы. После того назначения, которое получил корпус маршала Виктора, представлялось только одно средство — обратиться с просьбою к прусскому королю, чтобы он усилил корпус генерала Йорка. Император Наполеон и воспользовался этим средством, но безуспешно**.

При таком положении маршала Макдональда, гр. Штейнгель мог удалиться от Риги, удачно совершить своё движение и соединиться с войсками Витгенштейна, который после первого сражения при Полоцке (с 11-го августа по 4-е октября) не мог действовать наступательно; его партизаны, из которых наиболее отличался полковник Бедряга, стесняли только Сен-Сира в добывании фуража и провианта, в которых он сильно нуждался. Но в это время получая постепенно значительные подкрепления, он намеревался приступить к наступательным действиям. Находившиеся под его начальством войска простирались уже до 40 тысяч, тогда как маршал Сен-Сир не имел более 29-ти***. Сообразуясь с предписаниями императора, Витгенштейн разделил свои войска на два корпуса и второй отдал под начальство кн. Яшвиля и, не имея понтонов, предписал инженерному полковнику гр. Сиверсу заготовить необходимые материалы для постройки двух мостов и подводы у Сивошина, чтобы не обнаружить своего намерения неприятелю, и оттуда потом перевести их к селу Горяны, при впадении Обола в Двину, где предполагал переправиться на левый берег этой реки и напасть на Полоцк с тыла. Маршал Сен-Сир, зная о подошедших к гр. Витгенштейну подкреплениях, придавших значи-

---

* Письмо маршала Макдональда к Сен-Сиру от 21-го сентября н. ст.; Mémoires du M. Saint-Syr, T. III, с. 301–304.

** B. Fain. Manuscrit de 1812, T. II, с. 133.

*** M. Saint-Syr. Mémoires, T. III, с. 105.

тельный перевес русским войскам над теми, которые оставались в его распоряжении, употребил все способы, чтобы воздвигнуть полевые укрепления, которые дали бы ему возможность сильной обороны против действий, направленных к тому, чтобы принудить его очистить Полоцк. В виду этого обстоятельства, нападение гр. Витгенштейна на Полоцк с тыла избавило бы его от значительных потерь, неминуемых при взятии укреплений. Но для того, чтобы только отвлечь внимание неприятеля, он решился сделать нападение на укрепления перед Полоцком. С 4-го октября начались движения. Гр. Витгенштейн перевёл свой корпус на левую сторону р. Полоты, оставил кн. Яшвиля на правой и послал отряд, под предводительством ген. Алексеева, к Городку за р. Обол, в обход неприятельского отряда, находившегося у Козян для прикрытия фуражиров. С раннего утра начались военные действия по всей линии между Полотою и Двиною и сильные нападения на укрепления перед Полоцком, встречавшие повсюду упорное сопротивление. Цель действий первого корпуса, находившегося под начальством гр. Витгенштейна, заключалась в том, чтобы очистить от неприятеля всё пространство между Полоцкими укреплениями и с. Горяны, где он намеревался устроить мосты и переправиться через Двину. Она была достигнута к 4-м часам пополудни, когда гр. Витгенштейн прекратил сражение и отвёл войска к с. Громам, куда перевёл и свою главную квартиру. Но в то же время предписал кн. Яшвилю начать нападения на неприятельские укрепления по правой стороне Полоты.

Пока кн. Яшвиль отвлекал внимание неприятеля, гр. Витгенштейн намеревался приступить к устройству переправы на Двине. Но лес, заготовленный для мостов у Сивошина, оказалось невозможным доставить к Горянам так скоро, как предполагалось и как требовали обстоятельства, потому что дожди, не перестававшие в продолжение целой недели, до такой степени испортили дороги, что никакие перевозочные средства не могли бы пособить в этом случае. Между тем, в это время гр. Витгенштейн получил известия о приближении гр. Штейнгеля.

Его корпус без всяких препятствий прибыл 5-го октября в Дисну. Маршал Макдональд не только не препятствовал его движению, но, вероятно, и не знал о нём, потому что не известил маршала Сен-Сира, для которого появление корпуса гр. Штейнгеля под Полоцком было совершенно неожиданно. Если бы гр. Витгенштейн остановил военные действия в ожидании постройки мостов через Двину, то подверг бы корпус Штейнгеля большой опасности. Маршал Сен-Сир мог бы обратить на него значительную часть своих сил, предупредить его соединение с армиею Витгенштейна и разбить. На другой день, 6-го

октября, Штейнгель подвинулся к Полюдичам, а на следующий должен был подойти к Полоцку. Поэтому гр. Витгенштейн, оставив мысль о переправе, которую подозревал маршал Сен-Сир и которой весьма опасался[*], решился 7-го октября начать уже действительное нападение на укрепления маршала Сен-Сира.

День 6-го октября этот маршал считал победоносным для своих войск. «Неприятель, — говорит он, — несмотря на свою храбрость и превосходство сил, не только нигде не имел успеха, но, напротив, повсюду был отражён», и удивлялся почему кн. Яшвиль не действовал в одно время с первым корпусом гр. Витгенштейна[**]. Маршал был совершенно прав, не зная, что нападение русских вовсе не имело целью непременно взять укрепления и тем заставить его очистить Полоцк. Что же касается до превосходства наших сил, то оно значительно ослаблялось именно неодновременным действием двух корпусов армии Витгенштейна и тем обстоятельством, что войска Сен-Сира были сосредоточены и действовали на протяжении пяти, а русские войска — восьми с лишком вёрст[***]. Но оба предводителя враждебных сил одинаково отдают справедливость храбрости войск, силе нападений с одной стороны и упорству обороны с другой. Но особенно поразили французского маршала на следующий день смелость и храбрость бородатых воинов, т. е. ратников Петербургского и Новгородского ополчений, в первый раз бывших в деле (les hommes grande barbe). «Тут бы я мог убедиться, — говорит он, — в том, если бы не был всегда уверен, что как на юге, так и на севере, как бы ни были различны формы правления и общественное положение народов, нигде не будет недостатка в хороших воинах, чтобы защищать отечество, в которое вторгнулись иностранцы»[****].

Гр. Витгенштейн, известив гр. Штейнгеля, что в то время, как он будет приближаться к Полоцку, он немедленно откроет наступательные действия на укрепления на левой стороне Двины, на другой день вывел свои войска из села Громов и расположил их сзади своего авангарда; а кн. Яшвилю, находившемуся по-прежнему на левом берегу Полоты, послал Дибича объявить, чтобы он, лишь только заметит приближение корпуса гр. Штейнгеля к Полоцку или увидит, что французы очищают город, немедленно открыл огонь из всех батарей по укреплениям[*****].

---

* M. Saint-Syr. Mémoires, T. III, c. 131, 156.

** Там же, с. 149, 156.

*** Окунев. Рассуждение о больших военных действиях в 1812 г., с. 224–225.

**** M. Saint-Syr. Mémoires, T. III, c. 170–171.

***** Журн. воен. действий 1-го корпуса.

Маршал Сен-Сир ещё накануне, 6-го октября, послал два отряда кавалерии для наблюдения по течению Двины, один под начальством ген. Думерка – до Бешенковичей, другой ген. Корбино – до Дриссы. Донесения, полученные им в тот же день вечером от обоих отрядных начальников, его успокоили. Первый не приметил никаких приготовлений со стороны русских, другой, подвигаясь медленно, дошёл до Ушача, где встретил только несколько эскадронов Изюмских гусар отряда полковника Бедряги. Но на другой день Корбино уведомлял, что он ошибся, перед ним находятся значительные силы, которые разбили его, отбросили к Полоцку, и просил подкреплений. Только в это время, когда все войска гр. Витгенштейна стояли в боевом порядке перед его укреплениями, готовые начать приступ, маршал Сен-Сир узнал, что весь корпус гр. Штейнгеля приближается к Полоцку. Очевидно, ему ничего не оставалось более, как оставить город и отступать. В этом убеждали его все генералы, это он сознавал и сам; но, чтобы избежать важных потерь, преследуемый по пятам сильнейшим противником, он решился держаться до вечера и начать отступление с началом ночи. С этою целью он отправил подкрепления к ген. Корбино, предписывая ему до вечера удерживать наступление гр. Штейнгеля, а сам занялся распоряжением о вывозе всех тяжестей из города. Ему пособили медленность и нерешительность действий Штейнгеля. Гром его пушек был слышен в войсках гр. Витгенштейна, с нетерпением ожидавших боя. С таким же нетерпением Сен-Сир ожидал наступления ночи, часто посматривая на часы. Туман, начавший подыматься перед сумерками, дал ему возможность ускорить отступление. Около четырёх часов он распорядился вывозить артиллерию и вслед затем велел дивизии Леграна, наиболее отдалённой, приближаться к городу. В это время кн. Яшвиль, заметив движение войск по правую сторону Двины, в той стороне, откуда двигался корпус Штейнгеля, и в самом городе, открыл огонь из всех орудий по укреплениям; вслед за ним раздался гром артиллерии гр. Витгенштейна. Во время отступления дивизии Леграна, кому-то «по невероятной глупости», по выражению маршала Сен-Сира, вздумалось поджечь лагерь. Пожар осветил отступление французский войск. Гр. Витгенштейн велел бросать калёные ядра в город, который и загорелся во многих местах. При освещении пожаром, в 2 часа пополуночи, он повёл войска на приступ и до рассвета вошёл победителем в Полоцк.* В тот же день он выразил, в дневном приказе, «искреннейшую благодарность всем, как регулярным

* Донесение гр. Витгенштейна от 8-го окт., из Полоцка; M. Saint-Syr. Mémoires. T. III. с. 131. 163–164.

войскам, так особенно дружинам Петербургского ополчения, которые быв отторжены от сельских работ своих и подняв в первый раз оружие, оказали чудеса храбрости и мужества, которые в его виду оправдали надежду на себя соотечественников и заслужили лестное наименование защитников России». На другой день только возможно было отслужить благодарственный молебен и панихиду по убитым – в соборе. Святыня храмов была поругана неприятелями в Полоцке так же как повсюду, куда они ни являлись. По свидетельству очевидца, «невозможно описать того чувства, которое произвёл вид жалостного состояния храма Божия и его служителей». Двери и окна собора были выломаны, полы раскиданы, иконы пробиты пулями или разбиты, царские врата разломаны, престол обнажён и на нём рубили мясо для пищи; священнослужители ограблены. «Архимандрит, совершавший богослужение, едва двигался от увечья, причинённого ему неприятелями, выпытывавшими от него денег». – Дело взятия Полоцка принадлежит исключительно войскам гр. Витгенштейна. Гр. Штейнгель не оказал никакого прямого содействия. Его приближение вынудило только маршала Сен-Сира отделить незначительную часть своих войск для подкрепления ген. Корбино. Получив эти подкрепления, он двинулся к Рудне и при речке Ушаче встретил авангард Штейнгеля и завязал с ним перестрелку. Штейнгель стоял в Бононии и не подавался вперёд. На другой день маршал Сен-Сир не опасался быстрого преследования со стороны гр. Витгенштейна, потому что, отступая из Полоцка на левый берег Двины, уничтожил мост, а для того, чтобы соорудить новый, требовалось время. Но он опасался нападения со стороны гр. Штейнгеля с свежим войском на остатки его корпуса, истомлённые двухдневным упорным боем и затруднительным отступлением. Он считал необходимым послать новые подкрепления генералу Корбино к Рудне. Но никто из генералов не взялся исполнить этого поручения по причине сильного утомления войск и если бы не вызвался генерал Вреде, то, по признанию самого маршала, некому было бы поручить начальство над этими войсками*. В четыре с половиною часа утра, 8-го окт., Вреде двинулся против Финляндского корпуса. При селе Екимании он встретил его авангард и вступил в бой. Затруднительное положение впереди дефилеи и малочисленность авангарда дали возможность ген. Вреде разбить его и отбросить к войскам Штейнгеля, который полагая, что против него направлены все силы маршала Сен-Сира, отступил к Дисне и перевёл войска на правый берег Двины, с целью соединиться с армиею Витгенштейна. – Озабоченный устрой-

* M. Saint-Syr. Mémoires, T. III, c. 175–176.

ством моста на Двине, гр. Витгенштейн лишь только получил известие, 9-го октября, о движении Финляндского корпуса, немедленно послал ему в подкрепление 12 тыс. человек, под начальством ген. Сазонова, и предписал вновь переправиться на левый берег Двины. Маршал Сен-Сир не считал возможным действовать против этого корпуса, получившего такое значительное подкрепление, и начал отступление, не ожидая более никакой помощи со стороны Макдональда. Он решился отступить за р. Улу по дороге к Витебску, чтобы сблизиться с маршалом Виктором, если его корпус будет направлен на соединение с ним. Между тем, отправив к генералу Вреде незначительные отряды баварцев, находившиеся ещё при его войсках, он требовал возвращения тех, которые послал ему в подкрепление 7-го октября; оставляя при нём только конную бригаду Корбино, предписывал держаться у Рудни на р. Ушаче. Г. Вреде понял, что, обессиливая и так уже слабый его отряд, французский маршал обрекал баварцев на жертву, заставляя удерживать соединённые силы гр. Штейнгеля и Сазонова, тогда как он сам, зная их расстройство, считал их неспособными к бою. Ген. Вреде удержал подкрепления и поехал в главную квартиру маршала Сен-Сира, чтобы лично объясниться с ним; но маршал, страдая от раны, полученной в первый день битвы перед Полоцком, оставил её и сдал начальство на время ген. Леграну. Переговоры гр. Вреде окончились только ссорою, и ген. Легран сложил с себя начальство, а ген. Мерль принял его с условием не входить ни в какие сношения с ген. Вреде. Сам маршал Сен-Сир, несмотря на болезненное состояние, должен был отдавать ему приказания. Но г. Вреде не исполнял их. Возвратив подкрепления, он удерживал однако же бригаду Корбино, принадлежавшую также ко 2-му корпусу, несмотря на требования, повторённые и маршалом Удино, — принявшим снова над ним начальство, излечившись от раны, — и не держался в связи с левым флангом французских войск, а повёл свои войска к Ореховичам, по направлению к Вильне; но потом повернул на Бобиничи, вероятно, желая исполнить приказания маршалов, и отправил обоз кратчайшею дорогою на Ушач. При Бобиничах его настиг и разбил авангард гр. Штейнгеля. Он потерял обоз, казну и полковые знамёна всех баварских полков, собранные в одной из повозок. Ему приходилось уже думать не о победах, но спасать от совершенного разрушения жалкие остатки баварского корпуса, разбитого снова авангардом гр. Штейнгеля у с. Колбучи и потерявшего 8 орудий. Он отвёл его по дороге к Вильне и потерял связь с корпусами Удино и Сен-Сира.

К 11-му октября был построен мост в Полоцке и гр. Витгенштейн перевёл войска на левый берег Двины. Неприятель отступал. В то

время, когда переправлялись наши войска, он находился между Ушачом и Череею. Теснимый авангардом гр. Витгенштейна, предводимым кн. Яшвилем, он отступил до Лепперя и оттуда повернул на Чашники, по направлению к Витебску. В Лепперле, 16-го октября, войска гр. Витгенштейна и гр. Штейнгеля соединились; а через день, 18-го октября, у Чашников соединился корпус маршала Виктора с неприятельскими войсками, отступавшими от Полоцка. Изнурённые, упавшие духом, они ободрились, получив такое сильное подкрепление. Не бывшие ещё в деле войска маршала Виктора показались Сен-Сиру образцом совершенства. «Невозможно видеть лучших войск, — говорит он, — и более устроенных. Они поразительно отличались от моих, которые состояли из людей страшно исхудалых, вследствие всякого рода лишений, с почернелыми лицами от бивуачного дыма. Они не узнавали сами себя, их одежда была изорвана и загрязнена, потому что им приходилось спать на земле, в грязи. Но это были самые крепкие люди, перенёсшие все затруднения и свыкнувшиеся с победами»*. Возникла надежда на возможность наступательных действий.

Корпус маршала Виктора выступил, по приказанию императора Наполеона**, из Тильзита 29-го августа (10-го сентября), и 15-го сентября (27-го) прибыл в Смоленск. В конце сентября, извещая его, что он не сделал никакого назначения о его дальнейших движениях, потому что это будет зависеть от дальнейших движений русских войск, он предписывал ему быть готовым или двинуться к Москве, или на помощь гр. Шварценбергу, или маршалу Сен-Сиру и ожидать приказаний***. Но в то же время ему дозволялось двинуть свои войска по собственному усмотрению, но только в том случае, если бы русские войска угрожали Вильне или Минску, чтобы прикрыть главные запасы, заготовленные там для армии; поэтому он должен был расположить свой корпус так, чтобы одна дивизия оставалась у Смоленска, другая была расположена у Орши, а третья в средине между той и другой. Получив известия, что к гр. Витгенштейну подходят значительные подкрепления, и опасаясь, чтобы он не двинул часть сил на Витебск, он отправил дивизию Дендельса с одним конным полком к Бабиновичам и потом подвинул его далее, в Витебск, оставив четыре батальона в Бешенковичах для наблюдения Двины; дивизии Жирара, Партуно и всю конницу расположил в Сенно и Орше, заняв пространство между ними. Оставив в Смоленске вновь составленную дивизию Бараге д'Илье, он

* M. Saint-Syr. Mémoires, T. III, c. 198–200.

** Приказ от 11-сентября н. ст., из Можайска.

*** Приказ 6-го октября н. ст., из Москвы.

перенёс свою главную квартиру в Оршу. Известия о потере Полоцка, о затруднительном положении корпусов Сен-Сира и Удино, вынудили его дивизию Дендельса возвратить к Бешенковичам на соединение с отступавшими туда войсками Сен-Сира. Соединение французских корпусов последовало 18-го и 19-го октября. Но прежде нежели оно было окончено, гр. Витгенштейн, 18-го числа, напал на них при Чашниках. После довольно упорной защиты, неприятели отступили за р. Лукомлю и на другой день к Сенно, — несмотря на то, что в это время соединился уже весь корпус маршала Виктора, — и от Сенно, после двухдневного отдыха, к Черее, чтобы прикрыть дорогу от Орши к Борисову.

Только после сражения при Чашниках, от пленных неприятельских офицеров, гр. Вингенштейн узнал, что корпус Виктора соединился с Сен-Сиром и Удино и действовал против него. Он точно так же не знал до самой битвы о его соединении, как и маршал Сен-Сир не знал о приближении корпуса Штейнгеля до тех пор, пока его наблюдательный отряд не был им разбит под самым Полоцком. С появлением корпуса Виктора на поприще военных действий против гр. Вингенштейна, отношение воюющих сторон изменилось. После потерь при Чашниках, хотя и незначительных, войска гр. Витгенштейна составляли менее 30 тысяч человек со 114 орудиями. Войска, находившиеся под начальством маршала Виктора, простиравшиеся до 25.000, соединившись с остатками корпусов маршалов Сен-Сира и Удино, значительно превышали его силы*. Он счёл нужным действовать с большею осторожностью, тем более, что опасался, чтобы большая армия Наполеона не соединилась с войсками, действовавшими против него, и не разбила его армии прежде нежели они сблизятся как с войсками кн. Кутузова, так и адмирала Чичагова. Эта мысль некоторое время занимала и самого императора Наполеона**. Об отступлении великой армии Наполеона из Москвы к Смоленску, в войсках гр. Витгенштейна узнали от пленных французских офицеров. Это известие подтвердил курьер, прибывший в главную его квартиру после окончания битвы при Чашниках от кн. Кутузова, который привёз знаменитый приказ фельдмаршала от 20-го октября «к общему сведению всех предводительствуемых» им армий. После того, как он получил известия, что войска Наполеона повернули на дорогу от Можайска к Смоленску, он объявлял уже всем войскам о их бегстве и был уверен в «конечном истреблении врага, дерзнувшего угрожать России». По прочтении

* M. Saint-Syr. Mémoires, T. III, c. 198–202.

** Приказ маршалу Виктору из Смоленска, от 11-го ноября н. ст.; B. Fain. Manuscrit de 1812. T. II. c. 342–343.

этого приказа, говорит очевидец, «закалённые груди воинов исполнились чистейшей благодарности Всевышнему; истинная радость, развиваясь в сердцах, изгоняла на мужественные их лица слёзы душевного удовольствия. Подобно детям, они веселились о возвращении своей матери (Москвы) и геройский их дух получил новое оживление, новую силу*».

Вероятно, слухи о положении бежавшей из Москвы великой армии уже доходили до маршала Виктора, недавно оставившего Смоленск и находившегося в постоянном сношении с дивизиею Бараге д'Илье. Это обстоятельство уже вполне достаточно для объяснения нерешительности его действий против армии Витгенштейна, менее многочисленной и более утомлённой непрерывными битвами. Первоначальное его назначение – служить резервом великой армии и даже идти к ней на подкрепление к Москве – не было отменено. Имея также назначение, если обстоятельства потребуют, помогать и корпусам, действовавшим на её флангах, и дозволение по собственному усмотрению двинуться на эту помощь в случае крайней нужды, он соединился с Сен-Сиром и Удино; но знал и об отступлении гр. Шварценберга, нуждавшегося в подкреплениях, и если не знал вполне, то мог догадываться о положении великой армии. Во всяком случае, маршалы Наполеона редко решались действовать на свой страх, когда он сам распоряжался военными действиями до мельчайших подробностей. Но этой осторожности не одобрил император Наполеон. Из Вязьмы он писал генералу Шарпантье в Смоленск, чтобы он немедленно известил маршалов Виктора и Сен-Сира, что армия достигла Вязьмы и что с нетерпением ожидает от них известий. «Император, – писал ему маршал Бертье, – уверен, что герцог Беллюнский уже начал наступательные действия и прогнал неприятеля из Полоцка»**. Но лишь только он выступил из Вязьмы, на другой день получил известия от маршала Виктора о его соединении с Сен-Сиром и Удино, сражении при Чашниках и отступлении к Сенно. Маршал Бертье писал ему в ответ на это донесение, что «император не понимает почему вы не начали наступательных действий. Оставаясь в бездействии перед неприятелем, вы только можете потерять, потому что, располагая более многочисленною лёгкою конницею, он может перерезать ваши сообщения. Император приказывает вам двинуться на гр. Витгенштейна, отбросить его за Двину и снова взять Полоцк. После завтра император будет в Смоленске, уведомьте

---

* Записки барона В.И. Штейнгеля, Т. I, с. 157–160.

** Приказ ген. Шарпантье, 1-го ноября н. ст., из Вязьмы; Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. III, c. 449–550.

его о победе, она не подлежит сомнению»*. Озабоченный положением дел на флангах, он на другой же день поручил начальнику своего штаба написать ему снова, чтобы он непременно отбросил неприятеля за Двину, но в то же время не потерял сообщений с великою армиею.

Получив такое приказание императора, маршал Виктор решился напасть на довольно сильную позицию гр. Витгенштейна, при Чашниках. Но обстоятельства уже изменились, «бездействие маршала Виктора доставило гр. Витгенштейну такие выгоды, какие может доставить выигранное сражение», – говорит маркиз Шамбре**. Сражение действительно было выиграно; гр. Витгенштейн отразил все нападения противника и заставил его отступить. Заняв крепкую позицию на левом берегу Улы и устроив свою главную квартиру в Чашниках, он писал, на другой день после сражения при этом местечке, императору, что его цель заключается в том, чтобы узнать – где находится Дунайская армия, войти в сообщение и потом соединиться с нею. Затем, писал он: «оставлю отряд на Уле, начну опять наступательные действия, пойду к Вильне, чтобы истребить собирающуюся там конфедерацию, после обращусь на Макдональда, если он ещё не отступил, и, очистив весь этот край, надеюсь тогда выполнить план, полученный мною от вашего императорского величества». Общий план для военных действий всех армий, начертанный два месяца тому назад, которому в подробностях не соответствовали уже предшедшие действия гр. Витгенштейна, занимал его. Но желая способствовать достижению общей цели, в нём предположенной, в виду хотя уже и не отдалённых, но всё-таки будущих событий, он не упускал из вида настоящего своего положения и воспользовался им. Отряд Властова находился в дефилеях между Друею и Брацлавом, наблюдая за Макдональдом, который мог угрожать правому флангу гр. Витгенштейна. Оставляя его в этом направлении, он отрядил несколько отрядов в разные стороны***. Один, под начальством ген. Гарпе, по занятии Бешенковичей, он отправил на Витебск; другой – полковника Гернгросса, должен был наблюдать за движениями г. Вреде, находившегося с остатками баварского корпуса в Глубоком, и вместе с тем открыть сообщение с армиею адмирала Чичагова. Генерал Гарпе успешно исполнил возложенное на него поручение. Витебск был занят (26-го октября). При этом взяты значительное количество пленных, в числе которых были неприятельский губернатор города и комендант, и запасные магазины с значительным количеством про-

---

* Там же, Т. III, с. 452, приказ от 6-го ноября н. ст., из Михалевки.

** Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. II, c. 348.

*** Донесение от 20-го октября, из Чашников.

вианта и фуража*. Взятием Витебска гр. Витгенштейн исполнил одно из предписаний общего плана действий, но совершенно при других условиях, нежели в нём предполагалось. «Поиск на Витебск ему предписывалось сделать войдя уже в сообщение с другими армиями, чтобы отнять у врага всякую точку, где бы он при отступлении своём мог опереться». Гр. Витгенштейн в это время не знал где находятся войска кн. Кутузова и Дунайская армия; но, конечно, не мог не захватить слабо охраняемого Витебска, где находились значительные неприятельские магазины. Там присоединился к его войскам отряд кн. Волконского, приблизившийся к Витебску из Осташкова.

Убедясь, что со стороны Макдональда можно не опасаться наступательных действий, по удалении отряда Гернгросса к Борисову, чтобы разведать, где находится Дунайская армия, гр. Витгенштейн предписал Властову придвинуться к Лушкам; для наблюдения за баварцами, оставался только незначительный конный отряд при Друе. Он опасался, что баварцы, отступившие от Глубокого к Докшицам, могут соединиться с литовскими конфедератами и, подкреплённые частью войск Макдональда, не только угрожать его правому крылу, но и отрезать его от Двины**. С целью предупредить подобное движение, он придвинул свой резерв, под начальством генерала Фока, от местечка Камень к Леппелю. Очевидно, гр. Витгенштейн не имел верных сведений ни о положении баварцев, не думавших о новых военных действиях, но единственно о своём спасении, ни о ничтожном количестве литовских конфедератов, не устроенных и ничем не снабжённых. Но во всяком случае, при таком опасении, не войдя в соотношение с войсками адмирала Чичагова, о котором не добыл никаких сведений, имея перед собою превосходные силы маршала Виктора, — он должен был действовать осторожно и потому не решался наступать на неприятеля, а приготовлялся отражать его нападения в крепкой позиции на берегу р. Улы.

Между тем, император Наполеон, озабоченный обеспечением пути отступления для своих войск, с нетерпением ожидал известий о действиях своих корпусов на флангах. Едва достиг он Смоленска, как снова писал маршалу Виктору, чтобы, не теряя времени, он действовал решительно против Витгенштейна, указывая ему на то, что главная его задача заключается в том, чтобы защищать Вильну и Минск. Но маршал уже начал свои действия и двинулся к Лукомлю. После первого нападения на авангард Витгенштейна, он послал своего адъютанта

---

* Донесения от 22-го и 28-го октября.

** Донесение кн. Кутузову от 30-го октября.

Шато известить об этом императора Наполеона. Шато представился ему в Смоленске и донёс о начале наступательных действий.

— «Я иду с частию моих войск на Оршу, — поручил ему император Наполеон объявить маршалу Виктору. — Этот поход будет медлен и потому необходимо в это время напасть на Витгенштейна. Если он занял выгодное положение и трудно будет вступить с ним в битву, то следует маневрировать так, чтобы угрожать его сообщениям с Двиною и пути его отступления. Маршал Виктор должен быть убеждён, что Витгештейн не допустит отрезать себя от этой реки. Зная войска маршала, я не сомневаюсь в успехе; а этот успех будет иметь огромные последствия, если он только будет одержан скоро. Тогда мы можем занять Витебск и поместиться на квартирах между этим городом, Оршею, Могилёвом и Двиною. Если мы там остановимся, то в продолжение зимы или будет заключён мир, или мы приготовимся к новой кампании весною, угрожая Петербургу. Если, наоборот, маршал Виктор замедлит разбить русских, Кутузов будет иметь время соединиться с Витгенштейном в Витебске; а чтобы вытеснить их оттуда, необходимо дать генеральное сражение, что невозможно в продолжение этой зимы. Поэтому мы будем вынуждены искать далее зимних квартир, оставив во власти неприятеля течение Двины и часть Литвы. В таком же случае, положение русских в военном отношении будет лучше нашего в предстоящую кампанию. Обе большие армии, — французская и русская, утомлены. Они могут занять позиции, посредством передвижений, но не в состоянии войти в генеральное сражение, чтобы с боя взять позицию. Напротив, войска маршала Виктора и гр. Витгенштейна должны драться, прежде нежели занять зимние квартиры, и чем скорее, тем это будет лучше. На стороне маршала будет полная победа, если он принудит гр. Витгенштейна перейти за Двину; а если бы мы были побиты, что невероятно, последствия не могут быть хуже тех, которые произойдут от бездействия продолжительного и неопределённого. Тогда придётся нам отступать ещё далее, чтобы провесть эту зиму. Наконец, для Витгенштейна представляются все выгоды стоять и ожидать, а для маршала Виктора — совершенные потери».

В этом же смысле император Наполеон поручал начальнику своего штаба объявить его приказания маршалу, прибавив, чтобы он показал этот приказ и маршалу Удино и, по соглашению с ним, приступил к военным действиям против Витгенштейна. Но на другой день прибыл в Дубровну адъютант маршала Удино и сообщил все подробности о сражении при Смолянцах*.

---

* B. Fain. Manuscrit de 1812. T. II. c. 290–291; Denniée. Itineraire. c. 142;

Вызванный на действия наступательные несколькими повелениями императора Наполеона, маршал Виктор решился выйти из бездействия. Маршал Удино предлагал прямо напасть на русские войска в их позиции; маршал Виктор считал эту позицию слишком крепкою, и предполагал, наоборот, обойти её. Но, уступая своему товарищу, двинулся прямо на Витгенштейна, принудил к отступлению часть его авангарда, под начальством генерала Алексеева, который, однако же, получив подкрепления, удержался в новой позиции, в трёх верстах от Смолянцев, до нового наступления (1-го ноября). Об этом незначительном деле, как о начале своих успехов, маршал Виктор отправил своего адъютанта Шато известить императора Наполеона. На другой день он возобновил нападение. Авангард гр. Витгенштейна, под начальством кн. Яшвиля, по его «приказанию, отступил к корпусу на позицию при мызе Смолянцы, в большом порядке, как бы то было на маневрах»*. Значение этого дела подтвердилось на другой день, когда все попытки французских маршалов, против центра и флангов войск Витгенштейна, остались без успеха, и после значительных потерь они должны были отступить. «Сражение весьма важное», по словам Витгенштейна, и продолжалось целый день. Деревня Смолянцы шесть раз переходила из рук в руки, шесть раз её занимали французы и каждый раз их выбивали из неё русские штыки. После усиленных нападений на центр гр. Витгенштейна, маршал Виктор угрожал обходом и его флангам, чтобы вынудить его оставить крепкую позицию, которую он занимал. С значительною частью войск он двинулся «вправо по берегу Улы на Бойченково; но встреченный там неожиданно,— говорит гр. Витгенштейн,— моим резервом, под начальством генерала Фока, остановился ночевать». Предвидя возможность такого движения, он заранее от села Камень придвинул свой резерв к Чашникам. В то же время маршал Виктор показывал намерение обойти и с другого фланга, делал мосты по р. Лукомле и направлял туда войска. Но и тут не одержал успеха и не принудил гр. Витгенштейна оставить свою позицию, хотя неприятельские ядра долетали уже до главной его квартиры в Чашниках и производили смятение в жителях этого местечка. Новая попытка французских маршалов окончилась их отступлением. На другой день (3-го ноября), в 8 часов утра, они отступили к Черее; вечером за ними последовал их арьергард.

Императора Наполеона озабочивала только одна мысль: как обеспечить свой переход через Березину. Узнав о новом поражении, он

M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. II, c. 421–424; приказы маршала Бертье из Смоленска от 9-го и 11-го ноября н. ст.

* Донесение императору гр. Витгенштейна от 5-го ноября.

не упрекал уже более своего маршала; но, приближаясь к Орше, дал приказания маршалу Удино направиться к Борисову, а Виктору заслонять его движение от русских, распуская слух, что император идёт на гр. Витгенштейна. «Движение, впрочем, довольно естественное (manoeuvre assez naturelle), – писал Бертье; – но император направится на Минск и когда овладеет этим городом, то займёт линию Березины. Очень может быть, что и вы получите предписание двинуться на Березину, прикрывать дорогу в Вильну и войти в сообщение с корпусом маршала Сен-Сира»*. Вслед за маршалом Сен-Сиром, некоторые из французских писателей укоряют маршала Виктора и Вреде за их действия, придавая им важное значение**. Что касается до баварского генерала, то, с точки зрения военной дисциплины, образ его действий, конечно, не может быть оправдан. Подчинённый, не исполняющий приказаний маршалов и действующий вопреки им, конечно, оправдан быть не может. Но французский маршал, зная состояние баварского корпуса, оставляя его противодействовать неприятелю, несравненно превышающему его силами, очевидно приносил его в жертву, желая спасти свои войска. Если бы на месте Вреде был французский генерал, то его поступок был бы изменою: он должен был пожертвовать собою для общего блага; но Вреде был баварец и желал сохранить хотя бы и слабые остатки корпуса, составленного из его соплеменников. Чувство воинского долга не могло не бороться в нём с чувством самосохранения. Положение этого корпуса, разрушенного голодом и болезнями, сам маршал Сен-Сир описывает в ужасном виде. Ещё в начале августа, после первого сражения под Полоцком, на смотре этого корпуса, по свидетельству докторов, назначенных самим маршалом, он оказался доведённым «до совершенной невозможности исправлять деятельную службу и находился почти в совершенном разрушении». Во время второго сражения, окончившегося изгнанием французов из Полоцка, он сам признаётся, что баварский корпус «находился в гораздо более жалком состоянии, нежели возможно было предполагать»***. Очевидно ошибаются те, которые полагают, что содействие баварского корпуса могло бы оказать какое-нибудь влияние на ход военных действий и предотвратить или уменьшить неудачи. От 5-ти до 6-ти тысяч подобных войск скорее могли бы стеснять главнокомандующего, потому что не могли выдержать никакого нападения со стороны неприятеля.

---

* Приказ из Дубровны, 19-го ноября н. ст.; M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. III, с. 459–460.

** Шапюи, Водонкур, Гурго.

*** M. Saint-Syr. Mémoires. T. III. с. 105–106. 133.

Совершённо в ином виде могут представляться действия маршала Виктора, очевидно не соответствовавшие ни ожиданиям, ни приказаниям Наполеона. Маршал Сен-Сир выдержал трудную борьбу не только с русскими войсками, которых храбрости и мужеству отдаёт полную справедливость, но и с голодом и всеми возможными лишениями и трудами. Его войска нуждались в продовольствии и сами должны были добывать себе пищу и корм для лошадей. После первой Полоцкой битвы, когда войска Витгенштейна, не получив подкреплений, ещё не приступали к наступательным действиям, его партизаны вели деятельную войну против мародёров и фуражиров корпусов Сен-Сира и Удино. Круг их деятельности всё более стеснялся, а ходить далеко, отделяя значительные отряды, было опасно. С стеснением этого круга увеличивался голод и болезни, ослаблявшие и так уже не многочисленные французские войска. Доставка запасов из Вильны была незначительна и далеко не удовлетворяла потребностям. При таком положении, маршал Сен-Сир на соединение с корпусом Виктора смотрел как на своё спасение и надеялся, вынужденный оставить Полоцк и отступать, восстановить честь оружия. Очевидно, какое должен был произвести на него впечатление нерешительный образ действий маршала Виктора. После того как гр. Витгенштейн разбил французские войска и завладел Чашниками, «местом чрезвычайно важным для французских войск,– говорит он,– многие выражали удивление маршалу Виктору, что он не приступает к наступательным действиям против гр. Витгенштейна; но он отвечал, что ожидает выхода русских войск на долину, чтобы судить о их силах и сделать нападение с большею уверенностию в успех». Войска Витгенштейна доставили ему то, чего он желал. Под защитою своей многочисленной артиллерии, они перешли Улу, заняли Чашники и вновь напали на 2-й корпус, который отступил. Преследуя его, русские вышли на долину. «Вот другой благоприятный случай, – говорит маршал Сен-Сир, – чтобы вступить в сражение, которое предвидели, и если упустить подобный случай, то нельзя рассчитывать на то, чтобы он мог повториться». – Эти битвы выдержал один корпус Сен-Сира. Витгенштейн ещё не знал о присоединении к нему Виктора, который в бездействии стоял за ним. «Если бы он был введён в дело, – продолжает маршал Сен-Сир, – то я не сомневался бы в успехе, который, может быть, прекратил бы те бедствия, которые испытали наши войска, или по крайней мере уменьшил бы их. Мне казалось, а равно и многим другим, что те огромные выгоды, которые мог доставить решительный образ действий при тогдашних обстоятельствах, должно бы предпочесть всем иным соображениям, которые помешали действовать наступательно. Но не смотря на то, не пытаясь даже

утвердиться на Уле, чтó обеспечивало бы движение великой армии, которая, как было уже известно, выступила из Москвы и усиленными переходами приближалась, удовольствовались только тем, что приказали отступать»*. «Точно так же, — говорит другой писатель, участник в событиях войны 1812 года, — как при Чашниках, маршал Виктор повторил тот же образ действий и при Смолянцах. В Чашниках он знал, по письму императора Наполеона из Москвы (6-го октября), что должен был препятствовать гр. Витгенштейну, завладев сообщениями с Вильно; но в Смолянцах ему предстояло исполнить возложенное на него поручение, последующими приказаниями императора Наполеона, отбросить русских за Двину и снова овладеть Полоцком. Вместо того, чтобы сильно напасть во многих пунктах, вынудить неприятеля принять сражение или отступить за Двину, он ограничился нападением на местечко Смолянцы, что не обнаруживало явного намерения начать решительное сражение с неприятелем. Из этого произошло то, что это сражение, которое должно было изменить печальное положение великой армии, нисколько его не улучшило, потому что сражение было не важное»**.

Маршал Сен-Сир, страдавший в это время от раны и скоро удалившийся из армии, естественно скорбел, что не осуществились его надежды (les illusions) — с помощью корпуса маршала Виктора, новыми успехами загладить те поражения, которые он потерпел. Капитан Шапюи и не был участником в битве при Смолянцах и едва ли правильно приписывает ей значение почти не важного авангардного дела. Значительные потери, понесённые маршалом Виктором, и его отступление доказывают однако же противное. Очевидно, он не ожидал встретить такое упорное сопротивление и, не вынудив гр. Витгенштейна оставить свою крепкую позицию, не решился продолжать наступательные действия.

К этой нерешительности маршала с бóльшею снисходительностью относятся другие французские писатели. Если не оправдывают её решительно, то во всяком случае объясняют образ его действий общим положением военных дел в то время и не считают их одною из причин тех бедствий, которые пришлось испытать Наполеону при переправе через Березину. Его противники основывают все свои обвинения выходя из той мысли, что он непременно разбил бы гр. Витгенштейна и отбросил бы за Двину. Но на чём же основана эта уверенность? Если его силы по количеству были не одинаковы с силами маршала Виктора, то

* M. Saint-Syr. Mémoires, T. III, c. 200–204.

** Chapuis. Beresina, c. 26–29.

положение войск совершенно иное. Вести о бедствиях великой армии, гонимой по Смоленской дороге, уже доходили до их слуха; наступавшая зима, при недостаточном продовольствии и неимения тёплой одежды, усилила в них болезни и смертность; они искали не новых битв, а тёплых зимних квартир и скорейшего возвращения на родину. Перед этими войсками, в твёрдой позиции, с решимостью не отступать, стояли русские войска, предводимые вождём, уже доказавшим неприятелю решительность, мужество и храбрость, хорошо одетые, сытые, одушевлённые известием о бегстве неприятеля и готовые довершить дело изгнания его из пределов отечества. Почему же, с одинаковою вероятностью, не предположить, что маршал Виктор будет разбит? Что бы тогда случилось? Конечно, он не мог бы оказать той важной услуги, которую оказал Наполеону при переправе через Березину. Но и то и другое – лишь простые предположения, на которых не может останавливаться история. Объясняя совершившиеся события, она не должна гадать о том, что бы могло случиться, если бы совершились иные события, нежели те, которые совершились действительно. Общее состояние военных действий французских войск, в это время, конечно, должно было иметь влияние и на действия маршала Виктора. Он находился в более близком расстоянии от великой армии, нежели другие маршалы. Его главная квартира была в Смоленске до последнего времени. Туда доходили более верные известия о действительном состоянии войск Наполеона, как в Москве, так и во время отступления. Первоначальное назначение его корпуса – служить резервом великой армии – не было отменено. В отношении к войскам, действовавшим на флангах, в приказаниях императора Наполеона ему поручалось обращать особенное внимание на действия Шварценберга и Ренье и двинуться по собственному усмотрению только в том случае, если Минску и Вильне будет угрожать опасность. Во всех других случаях он должен был ожидать приказаний императора. Хотя его корпус должен был в случае нужды помочь и маршалу Сен-Сиру, но он предпринял это движение на собственный страх, что́, без сомнения, стесняло его деятельность и ставило в нерешительное положение. Несколько раз повторенное потом приказание Наполеона разбить Витгенштейна, отбросить русских за Двину, взять обратно Полоцк, конечно, изменяло его положение. Но император Наполеон, или умышленно, или сам обманываясь, преувеличивал его силы и уменьшал силы его противника, если не в отношении к количеству, то – качеству войск. Он говорил, что у Витгенштейна находится значительное число неопытных рекрутов, т. е. ополченцев, но его маршалы, Сен-Сир и Виктор, испытали на деле, как дрались эти неопытные люди, не уступая испытанным в боях

воинам. Как мало знал Наполеон о состоянии армии гр. Витгенштейна, так же и о том, где находится армия кн. Кутузова. «Или он заблуждался сам в этом случае, – говорит М. Шамбре, – или считал нужным обманывать маршала Виктора. Опасение, что Кутузов может соединиться с Витгенштейном и идти на Витебск, было совершенно неразумно. Кутузов был на левой стороне дороги от Москвы в Смоленск и потому не иначе мог пройти к Витебску, как на этот город»*. Великая армия уже приближалась, необходимо было прикрывать её отступление к Орше. Мог ли бы исполнить это назначение маршал Виктор, если бы даже не был разбит гр. Витгенштейном, но значительно обессилен потерями, которых он мог опасаться, испытав упорное сопротивление со стороны гр. Витгенштейна.

После сражения при Смолянцах, накануне молебна, 4-го ноября, гр. Витгенштейн получил следующее письмо от кн. Кутузова: «Блистательные успехи ваши доставляют важные выгоды общим всех армий движениям. Поздравляю вас с победою 19-го числа, спешу вас уведомить, что 26-го октября, при Дорогобуже, неприятельской армии ариергард был разбит нашим авангардом, где взято в плен 600 человек и шесть орудий. 27-го казаки нагнали бегущего неприятеля по Духовщинской дороге, разбили 4-й корпус и взяли в плен генерала Сансона, 3.500 нижних чинов и 62 орудия. Неприятель бежит в величайшем беспорядке. Его положение самое бедственное, до такой крайности, что французские офицеры, взятые в плен, просят о принятии в российскую службу»**. Объявляя его письмо, в приказе войскам, 4-го ноября, гр. Витгенштейн говорил, что «спешит разделить свою радость со всеми своими храбрыми сослуживцами, и воздать вместе с ними благодарение Богу». Он заявлял прямо: «мы уже близки к цели желаний наших», призывал своих сотоварищей «совершать великий подвиг» и отдал, как отзыв на этот день войскам: ура!»***

На другой день в русском стане, 5-го ноября, был отпет благодарственный молебен перед иконою св. князя Всеволода-Гавриила Псковского. После первых побед гр. Витгенштейна, когда наступательным действиям на левом фланге неприятеля положен был предел в Полоцке, успокоенные жители Пскова поднесли ему эту икону. Император, дозволяя принять этот дар, писал ему: «Поднесённый вам от общества Псковского купечества образ Гавриила чудотворца с надписью: «Защитнику Пскова», я не только принять вам дозволяю, но и купцов,

* M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition de Russie, T. II, c. 402, 424–425.

** Отношение из Ельни, от 25-го октября.

*** Барон В. И. Штейнгель: Записки о С.-Петербургском ополчении, Т. I, с. 167–169.

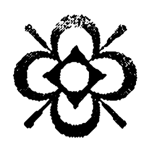
изъявивших вам свою благодарность, за сей поступок их похваляю. Святый и благоверный князь Гавриил имеет на мече своём надпись: «Чести моей никому не отдам». Вы со вверенным вам воинством, защищая Псков и отечество, оказали себя ревностным сему правилу его последователем; а потому не сомневаюсь, что сей угодник Божий, видя образ сей в руках ваших, не веселился духом и не осенил вас свыше»*. Эта икона постоянно сопутствовала гр. Витгенштейну и перед нею пелись благодарственные молебны. Молебен 5-го ноября получил особенное значение, потому что накануне этого дня гр. Витгенштейн получил письмо от кн. Кутузова, а при самом молебне присутствовали только что прибывшие в стан русских войск барон Винценгероде и Нарышкин, спасённые из плена полковником Чернышевым.

На пути в Минск из Слонима, 25-го октября, адмирал Чичагов отправил отряд под начальством Чернышева, только что возвратившегося из поиска в герцогство Варшавское, с целью собрать сведения о положении французской армии и особенно корпуса маршала Виктора и войти в сообщения с армиею гр. Витгенштейна. Ему предписано было следовать к Деречину и Зельве, к большой дороге. Около села Дуброва, он захватил конный неприятельский пикет из 20-ти человек. «От них я узнал, — доносил он потом гр. Витгенштейну, — об отступлении большой французской армии к Смоленску и следование всех неприятельских сил или к Минску или к Могилёву, что умножало ещё опасность в перерезании большой дороги от Минска до Вильны. Хотя я шёл с полком день и ночь и сделал в эти сутки уже более десяти миль, но желая воспользоваться ночною порою и переехать через дорогу безопаснее, потому что днём следовали по ней сильные неприятельские колонны, переправился через неё не теряя времени и остановился в трёх верстах от неё, в скрытом месте, дабы наблюдать и захватывать курьеров». Счастье и на этот раз послужило «счастливому» Чернышеву, как называл его император Александр Павлович. Ему удалось отбить наших пленных, барона Винценгероде, Нарышкина, генерала Свечина и есаула Князева, которого посылал гр. Штейнгель для открытия армии адмирала Чичагова, и взять нескольких курьеров императора Наполеона. Подходя к Березине, он встретил хорунжего Демидова с отрядом, следовавшим от гр. Вингенштейна в армию адмирала; дал ему надлежащие наставления и указания и привёл благополучно казачий полк Пантелеева, который адмирал поручил ему присоединить к корпусу гр. Витгенштейна. Уведомляя об этом движении Чернышева, импе-

---

* Письмо псковских купцов гр. Витгенштейну от 1-го сентября; его донесение Государю 7-го сентября; рескрипт Государя 14-го сентября 1812 г.

ратор называл его в письме к наследному принцу шведскому «самым смелым, какие только известны в военной истории». В день прибытия Чернышева и освобождённых пленных, гр. Витгенштейн знал уже о движении Чичагова и мог предполагать, что его армия достигла Березины. Письмо фельдмаршала объяснило ему положение неприятеля и движение наших войск от Ельни к Красному, на перерез его пути отступления. С этого времени открылись непосредственные его сношения с большою армиею и вслед за этим письмом, одно за другим, предписания кн. Кутузова направляли его движения. Он должен был отложить намерение действовать на Вильну и против маршала Макдональда, и идти на соединение с Дунайскою армиею. Итак, хотя ход дел не дал возможности привести в исполнение все подробности предначертанного для него плана действий, но главная цель, к которой они стремились, казалась уже возможною для достижения и притом в непродолжительном времени. Войска кн. Кутузова преследовали с тыла и левого фланга, предупреждая на пути, неприятеля, сильными нападениями расстраивали его движение; гр. Витгенштейн мог преследовать неприятеля с правого фланга, подвигаясь к Березине для соединения с Чичаговым, который должен был встретить неприятеля на этой реке. Окончательная удача в исполнении плана зависела от действий адмирала Чичагова.

Глава 6

Действия адмирала Чичагова

В половине июня месяца 1812 г., адмирал Чичагов уведомлял Государя, что «армия, которою он имеет честь предводительствовать, двинулась в поход и в 25 дней будет на Днестре. Я посылаю,— говорил он,— полковника Полева, которому вручаю и это письмо, чтобы справиться о средствах переправы через Днестр, узнать о положении армии Тормасова, о движениях неприятеля и продовольственных средствах, а также познакомиться с духом жителей, чтобы видеть, в какой степени они будут склонны доставить нам новые средства продовольствия, если бы они потребовались. Затем, он должен ехать в главную квартиру Вашего Величества и постараться доставить мне сведения об общем плане действий. Если я должен буду командовать армиею Тормасова, то умоляю Вас, Государь, немедленно сделать о том распоряжения, чтобы не терять напрасно времени и удобнее собрать все средства. Мы горим нетерпением вступить в бой и я отвечаю Вашему Величеству, что все исполнят свой долг без малейших колебаний. Наши 50 тысяч зададут работы для 100 тысяч. Они находятся в превосходном положении, как нравственном, так и физическом»*.

Войска действительно с нетерпением спешили в Россию, чтобы вместе со всеми противоборствовать врагам отечества; но мысли Чичагова всё ещё не оставляли мечтательных предположений. Едва он отправил к императору приведённое нами письмо, как в Бухаресте явился из Константинополя сэр Роберт Вильсон, известный агент английского правительства, отправлявшийся в главную квартиру наших войск. Чичагов, беседуя с ним, сожалел, что предложенный им план действий для Молдавской армии должен быть оставлен. Сметливый англичанин утешал его тем, что этот план весьма трудно было бы привести в исполнение по недостатку средств; но не верил, однако же, чтобы сам Чичагов придавал ему значение. Он думал, что адмирал распустит лишь слух о нём, чтобы напугать Австрию**. Но, между тем,

---

* Письмо 18-го июня, из Бухареста.

** Депеша сэра Роберта Вильсона английскому посланнику в Константинополе Лейстону, из Бухареста, 2-го августа 1812 года н. ст.; Narrative of events, during the invasion of Russia, с. 378–379.

из письма к императору, которое адмирал отправил именно с Вильсоном, видно, что он ещё не отказывался от своих предположений. В то время, когда Вильсон только что выехал из Константинополя, чтобы ехать в нашу главную квартиру, туда прибыл французский посланник Андреосси, с целью помешать окончательной ратификации султаном Бухарестского мира. «Если, однако же, Андреосси, — писал Чичагов, — удастся разорвать этот мир, то я должен прибегнуть к одному из двух способов действий. Если я получу известия, что присутствие этой армии необходимо за Днепром, я пойду вперёд, не заботясь пока о том, что́ станется с областями, оставляемыми нами туркам, сохранив только несколько укреплённых мест, как Измаил-Бендеры, которые могут защищаться. Но если я узнаю, подвигаясь к Днестру, что наши дела на севере идут хорошо, то я возвращусь назад и буду продолжать войну самым решительным образом. Однако же, мало вероятности, чтобы мог последовать разрыв; впрочем, времени ещё довольно для того, чтобы я мог получить наставления Вашего Величества, если сочтёте нужным сообщить мне новые».

Вероятности разрыва и вовсе бы не существовало, если б сам Чичагов не подавал Турции повод подозревать русскую политику в неискренности. Он постоянно поручал нашему посланнику в Константинополе, известному своим умом и ловкостью, Италинскому, решительно настаивать, чтобы Порта, кроме Бухарестского мира, заключила с нами наступательный и оборонительный союз. Он писал об этом и адмиралу Грейгу, чтобы он побуждал содействовать нам в этом случае английского посланника Лейстона (Liston); а сам, между тем, двинул один из отрядов русских войск в Сербию, и в Молдавии и Валахии предполагал вооружить народное ополчение. Обессиленная Турция желала мира, не доверяла Франции, и Андреосси никакими способами не вынудил бы её нарушить только что заключённый с нами договор; но она медлила торжественно его обнародовать, опасаясь именно требования о заключении союза с Россиею, который вовлёк бы её в новую войну и вооружил бы против неё Австрию, которая также вовлекала её в союз с ней и Наполеоном. Ещё более боялась Турция задуманных Чичаговым ополчений из подвластных ей христианских народов, славян, молдаван и валахов. Но Чичагов, сердясь на Рейс-эфенди, который, по его словам, под пустыми только предлогами отдаляет обнародование Бухарестского договора, писал императору: «Указание на то, что в последнее время часть наших войск вошла в Сербию и что я предполагал сделать вооружения в Молдавии и Валахии, могло бы оправдать эти замедления со стороны Порты, если б в своё время я не сообщил удовлетворительных объяснений её уполномоченным в

Бухаресте. Посылка небольшого отряда войск в Сербию была вызвана разбоями турок-бродяг, которые они позволили себе производить в Сербии, находившейся тогда под нашею охраною, так как мир ещё не был утверждён (ratifiée). Вооружение же княжеств ограничивалось только сбором тех войск, которые несколько раз созывали и потом распускали мои предшественники. Что же касается до гражданской гвардии, то должны были составиться списки, по которым она была бы созвана лишь в том случае, когда был бы заключён союз. Уполномоченные удовлетворились этими объяснениями и, я полагаю, удовлетворится и Порта, когда получит о них сведения и, — особенно, когда узнает о выступлении наших войск, — будет более доверять нам». Это последнее обстоятельство действительно не подлежало сомнению: Порта лишь только узнала о движении наших войск в пределы России, как немедленно обнародовала Бухарестский договор; но объяснения, данные адмиралом её уполномоченным, едва ли могли её успокоить. Предместники Чичагова, действительно, образовывали и потом распускали местные ополчения из славян, молдаван и валахов, но — во время войны с турками, а он делал то же — во время мира. Образа действий адмирала не только не могла одобрить Порта, с которой во что бы то ни стало нам следовало в это время поддерживать только что заключённый мир, но его не одобрял и наш посланник в Константинополе. Побуждаемый беспрерывными настояниями с его стороны — решительно действовать на Порту, чтобы она заключила союз с нами, он, наконец, отвечал ему, что его виды вовсе не соответствуют видам нашего правительства и что он намерен беспрекословно повиноваться только приказаниям Государя. Посылая это письмо императору, Чичагов писал: «Ваше Величество из письма г. Италинского увидите, что я выдаю пользы моего Государя и действую вопреки его видам, приглашая его, в последних моих отношениях к нему, вытребовать от турок положительный ответ, намерены ли они заключить с нами союз, или нет? Он счёл удобнее в этом случае подвергнуться всякого рода унижениям, нежели показать при этом случае достоинство того, чей он представитель, и выразить необходимую твёрдость. Это обязывает меня отказаться от всяких сношений с таким человеком, а так как он хочет повиноваться только положительно выраженным приказаниям Вашего Величества, то вам предстоит постановить решение в этом случае, какое будет угодно. Но если он и находил мои наставления слишком настоятельными при настоящем положении дел и затруднительном его положении, то, казалось бы, он мог найти возможность обойти их более приличным способом, не говоря мне, что он не допустит, без положительного приказания Вашего Величества,

чтобы не могли сказать, что он довёл дела до положения, несогласного с Вашими видами. Впрочем, это Пётр Фагстон заставляет его так говорить, как мне кажется, потому, что его видам противно всё то, что не нравится туркам».

И прежде в письмах императору Чичагов дурно отзывался об Италинском. «Андреосси приехал в Константинополь, — насмешливо писал он, — опасаюсь, чтобы это ещё более не понизило умеренности г. Италинского». Но в этом случае он нашёл удобным нанести удар в одно время двум: посланнику, который повторяет лишь слова своего секретаря, и секретарю, который служит туркам.

Несмотря, однако же, на личные взгляды вождя, обстоятельства заставили Молдавскую армию подвигаться в пределы России. Адмирала в этом случае прежде всего озабочивала мысль о соединении с армиею Тормасова, или, лучше сказать, о подчинении её всякому начальству. С этою целью он предлагал императору, чтобы части Молдавской армии, по мере их сближения с армиею Тормасова, постепенно присоединялись к ней, не ожидая остальных и сосредоточия всей этой армии. Испрашивая наставлений, он наперёд однако же предлагал, в общих чертах, план будущих своих действий. «В случае соединения моей армии с армиею генерала Тормасова и направления к герцогству Варшавскому, всеподданнейше прошу Ваше Величество снабдить меня наставлениями, как относительно движений армии, так и предложений, какие бы я мог сделать полякам, чтобы обещать им что-нибудь равносильное тому, чтó сулит им Наполеон. Без каких-нибудь средств в этом роде, одни победы, по всей вероятности, остались бы без последствий. Я полагаю, что было бы хорошо объявить им, что Ваше Величество намерены обеспечить им удовлетворительное политическое существование, гораздо более существенное и выгодное, нежели то, которое доставит им тот, кто уже столько народов изловил на эту удочку; что вы не имеете намерения создать такое королевство, которое в сущности было бы только провинциею, под начальством префекта; что в виды Вашего Величества входит, например, провозгласить себя королём польским конституционным и заставить уважать их неприкосновенность. Наконец, Государь, если не это, то мы должны предоставить им что-либо другое; в противном случае, несколько выигранных сражений ещё недалеко нас подвинут. Никто не знает лучше Вашего Величества, что в наше время победы велики и полезны лишь по их последствиям»*. Изложенные соображения показывают, к какому разряду лиц или партии принадлежал Чичагов; он знал образ

* Письмо из Бухареста, от 22-го июня 1812 г.

мыслей императора и предполагал именно то здание, с уверенностью, конечно, в его прочность, которое и было сооружено после Венского конгресса, но, без сомнения, в иных размерах.

В то время, когда вся Молдавская армия двигалась к Днестру и адмирал намеревался оставить Бухарест и ехать в Фокшаны, он получил письмо императора из Москвы, от 18-го июля, в котором он уведомлял его о призыве ополчений и окончательно определял направление его армии. «Письмо Вашего Величества,— отвечал он Государю,— наполнило мою душу полным удовольствием, какое она ещё может испытывать. Оказывается, что я отгадал Ваши намерения, а в этом состоит вся цель моих желаний. Представьте себе, Государь, в какое бы ужасное положение я был поставлен, если б, пользуясь Вашим благорасположением, имел бы несчастие Вам не угодить, или действовать несогласно с Вашими видами. Решимость Вашего Величества продолжать войну со всею настойчивостию представляет чрезвычайную важность для целого мира, а в то же время служит ручательством успеха. Опыт доказал, что Наполеон постоянно торжествовал во всех войнах кабинетов и советов (des guerres du cabinet et des conseils) и терпел неудачи во всех войнах народных, по свойству правления или по стечению особых обстоятельств; начиная с Англии до Италии, от Египта до С. Доминго, он был всегда побеждаем. По этому, как Ваше Величество приступили к делу, воспламеняя умы подданных, которые ничего более не желают, как боготворить Вас, призывая их к добровольному участию для достижения цели, Вы делаете войну народною и таким образом противопоставляете неприятелю непобедимую силу. Смею сказать, что и план, принятый для действия войск, исполнен мудрости. Наполеон на каждом шагу встретит не то, чего он ожидал. Для него опасно углубиться во внутрь страны, а между тем он будет вовлечён туда, так сказать, против своей воли. Дай Бог, чтобы не пришлось отступить от этой системы и таким образом воспользоваться всеми сопряжёнными с нею выгодами, и чтобы не сказали, как говорят про многих генералов, что, когда они не знают, что́ делать, то бросаются в битву»*.

Понимая, по-видимому, значение народной войны, адмирал через несколько дней писал, однако же, к императору: «мне неизвестно какое Вашему Величеству угодно сделать употребление из новых наборов (т.е. ополчений), производимых внутри империи; но если мне будет позволено выразить моё мнение, то мне кажется, что от отдельной службы этих войск можно ожидать немного полезного, в

* Письмо из Бухареста, от 2-го августа.

виду тех затруднений, постоянно испытываемых, найти офицеров для предводительства ими. Я полагаю, что если бы Вашему Величеству угодно было их употребить единственно для пополнения армий, то это было бы весьма полезно и армии Ваши сделались бы неистощимы. Физическая сила без нравственной – ничтожна, она служит даже помехой; нравственная же сила у нас весьма ограничена, а, между тем, с нею-то и надо соединить физическую. Если бы французы, нападая на нас, встретили, к несчастию, такое войско, они бы рассеяли его как простую вооружённую толпу, привели бы в смущение и отчаяние народ и могли бы произвесть всеобщее уныние. Если бы, напротив, слить их с войсками, то это были бы те же регулярные войска, которые ослабить неприятель был бы лишён средств. Эта мысль меня поразила и, как верноподданный, я счёл долгом повергнуть её на воззрение Вашего Величества. Я всё опасаюсь, чтобы неопытность и надменность нашего дворянства не вовлекли его в какое-нибудь отважное и даже пагубное предприятие. В рвении у нас не бывает недостатка, а в умении – весьма часто. Рекруты, которых оставляют в запасе, не лучше мужиков; война несравненно лучшая школа, чем их ученья. Я это говорю, узнав тех немногих рекрутов, которых нам прислали: они не умеют держать ружья, едва понимают что́ значит направо, налево; всё, что́ делают – очень не ловко. Если бы Вашему Величеству возможно было снабдить рекрутами или милиционерами, чтобы пополнить кадры, мы бы тотчас обучили их всему, что действительно необходимо и полезно. Нам особенно недостаёт офицеров: здесь их убыло очень много»*.

Рассуждая о войне, громившей Россию, понимая, по-видимому, её значение, Чичагов относился к ней хладнокровно; его участие всё ещё сосредоточивалось на прежних его предположениях, которых он не считал оставленными навсегда, но только отложенными на время. Посылая при этом письме отчёт о временном правительстве, устроенном им в Бессарабии, он прибавляет: «я надеюсь, Государь, что Вы не позволите на время вмешиваться Вашей администрации в это дело, – иначе она сумеет расстроить все наши будущие планы». Он имел намерение руководить действиями нашего посольства в Константинополе, и отлагал лишь потому, что был очень недоволен Италинским. «Несмотря на мои предположения поддерживать сношения с нашею миссиею в Константинополе, я должен был от них отказаться, с тех пор как Италинский выразил недоверие и презрение к моим наставлениям, – писал он Государю. – Если бы вместо того, чтобы пугаться и унижаться, он потребовал своих паспортов, турки немедленно обнародовали бы договор о

* Письмо из Фокшан, от 6-го августа.

мире и признали его посланником. Союз с ними теперь уже бесполезен; что же касается будущего, то надо будет действовать совершенно иным образом, что́ и Ваше Величество, к моей радости, подтверждаете в письме, которым Вы меня удостоили». В том же письме, посылая отчёт о денежных средствах его армии, он говорит: «под величайшею тайною сообщаю Вашему Величеству финансовое положение армии, потому что если это узнают, то весьма возможно, что эти деньги обратят на другое употребление, тогда как следовало бы их сохранить для наших будущих предположений». Впрочем, в это время ему и невозможно было забыть о своих предположениях. Взволновав ожидания всех подвластных Порте христианских народов, призывая их на совокупные военные действия с русскими, ему трудно было успокоить, особенно Сербию, в пределах которой уже действовал, посланный им русский отряд войск. «Мне стоило страшных усилий успокоить бедных Сербов, – писал он Государю в этом же письме. – Это поистине один из лучших народов, которые мне удавалось встретить; они готовы умереть за свою независимость; их ненависть к туркам неукротима. Впрочем, я, кажется, успел их убедить, что на некоторое время необходимо притворствовать с турками, что мы опять возвратимся, как только это будет возможно, и что не одни они подчиняются в настоящее время условию действительно унизительному, но необходимому по обстоятельствам, т.е. принятию турецких гарнизонов в свои крепости. Я указал им на Пруссию, которая совершенно подчинилась Наполеону, да и Австрия находится почти в таком же положении в отношении к нему. Всё зависит от спасения России. Её торжество поднимет угнетённых, её падение повлечёт за собою и падение всей Европы. Поэтому Россия должна собрать все свои силы, чтобы отразить нападение стольких держав, соединившихся против неё, хотя и вопреки их желаниям. Вот причина, почему Ваше Величество отзываете эту армию. Я дал им денег и припасов, конечно, тайно. Надеюсь ещё поддержать их доверие к нам». В том же письме он говорит далее: «я только что сейчас получил новые известия из Сербии. Их вождь выказал в этом случае всю силу своего характера. Он действовал совершенно согласно с нашими видами; он произнёс речь народу, чтобы успокоить его волнения. Они провожают наши войска, оставляющие Сербию, со слезами и с изъявлениями истинно братских чувств. Снабжают их подводами, припасами и вином, с одной станции до другой. Это не поход, а прогулка среди друзей и братьев. Они упрекают их единственно в том, что мы не берём нескольких тысяч из них, чтобы действовать вместе против французов, как я их прежде обнадёживал. Этот народ для нас сокровище, Государь! Не упущу и не пренебрегу никакими средствами, чтобы

поддержать это благородное и драгоценное расположение. Они не называют Вас иначе, как: Наш Император Александр! Турецкие уполномоченные, приехавшие с требованием их сдачи, были приглашены Кара-Георгием на обед, за которым он заставил их пить за Ваше здоровие, а потом уже пил за здоровье султана. Распустили было слух о большом возмущении в Константинополе; но, кажется, это не верно. Впрочем, я не имею ещё известий об обнародовании там мира и признании Италинского посланником. Говорят, что предположение вооружить христианские племена напугало Порту, вследствие радости, с которой оно было принято греками и другими христианами. Нельзя не признаться, Государь, что всё благоприятствовало нашему первоначальному плану! Даже бóльшая часть жителей Боснии готовы были поднять оружие за нас; но это предприятие было бы затруднено в последствии по отношению к продовольствию, без содействия англичан, которые, впрочем, сами в нём нуждаются». Нельзя не отдать справедливости Чичагову в том, что он, так гордившийся своим образованием, умел однако же понять сербов и оценить их достоинства и преданность России; но, вместе с тем, нельзя не заметить, что он, кажется, полагал, что это сочувствие как их, так и других славян и вообще восточных христиан, подвластных Порте, началось, так сказать, со вчерашнего дня, т. е. с его прибытия к армии. Он как будто не знал, что оно выражалось всякий раз, как только русские приходили с ними в соприкосновение, что его испытывали постоянно русские войска и русские военачальники при каждой войне с турками. Возбуждение в них этого сочувствия и желания при помощи России освободиться от мусульманского ига он приписывает себе и своим действиям и распоряжениям. Вслед за приведённым нами письмом, через несколько дней, он уведомлял Государя о полученном им известии, что Порта признала Италинского в качестве нашего посланника. «Письмо, которое писал Италинский,— говорит он,— довольно сильно и поэтому оно произвело хорошее действие. После этого я не могу понять, как он и Лейстон могут думать, что с турками надо действовать умеренно, снисходительно и мягко, чтобы добиться всего чтó нужно. Если бы Ваше Величество позволили мне действовать с армиею, которою я имею честь предводительствовать, то Вы могли бы повелевать султану и предупредить его, что я попрошу его отправиться в Азию. Князь Мурузи сказал графу Капо-д'Истриа: «я не знаю, чтó такое сделал адмирал; но все христиане, находящиеся под властию турок, готовы были восстать и ожидали сигнала».— Какое несчастие, Государь, снова обмануть подобное ожидание. Я ещё в Фокшанах, а мог бы быть уже под Константинополем в настоящее время. Наследный принц шведский не совестился чрез

Копенгаген идти в Любек или Стральзунд; отчего же нам чрез Константинополь не пройти в Далмацию или Италию? Всенижайше прошу Ваше Величество простить мне; но сердце обливается кровью, когда я подумаю об этом упущенном случае, который, может быть, и не возвратится. Имею часть приложить при сём список с письма Георгия Чёрного, который плачет, что не может соединить своих войск с нашими, чтобы идти на общего врага. Чего бы нельзя сделать с 40 тыс. подобных людей!»*. Только непониманием действительной жизни России и её истории может быть объяснено, что адмирал Чичагов, при его уме, не замечал внутреннего противоречия в предложенном им плане действий; противоречия, которое, независимо от тех обстоятельств, в которых уже находилась Россия в это время, лишало этот план всякой возможности быть исполненным на деле. Он хотел принудить Порту заключить с нами союз, дозволить нам вооружать её христианских поданных и вместе с нами действовать в Далмации, или Италии, против Наполеона. Предположив, что удалось бы это намерение, что нашествие французов на Россию окончилось бы так же, при помощи этой диверсии Чичагова, как оно окончилось без неё,— чем же мы отблагодарили бы наших союзников-турок за их содействие? Возвращением в пределы Турции многочисленных вооружённых ополчений её христианских и славянских подданных, привыкших к боям и окрепших в военной дисциплине, ещё более сроднившихся с русскими, после долгих действий вместе с ними? Но они шли под знамёна России единственно с целью освободиться от магометанского ига. Неужели они покинули бы эту мысль, вернувшись из похода на родину вооружённым и опытным войском? Между тем, адмирал Чичагов едва мимоходом замечает: «говорят, что эта мысль испугала Порту!»

Но если бы Порта не согласилась на заключение союза с нами, то он предполагал идти на Константинополь и, загнав султана в Азию, с теми же христианскими ополчениями из турецких подданных двинуться в Далмацию или Италию. Оставляя, однако же, только что завоёванный Константинополь, кому же поручил бы он охранять это новое приобретение России, хотя бы от тех же турок? Быть может, англичанам, на содействие которых к исполнению его намерений рассчитывал адмирал. В таком случае не могло быть сомнения, что они охранили бы его, но не на время только, а так же, как Мальту, Ионические острова и Гибралтар.

Войдя с войсками в пределы России, адмирал, кажется, покинул заботы о своих прежних предположениях. По крайней мере, о них

* Письмо из Фокшан, 6-го августа, 1812 г.

не встречается более упоминаний в его письмах к императору, писанных на походе до Березины. Перейдя границу, он заботился о том, в каких отношениях будет находиться к Тормасову, с армиею которого он должен был соединиться. В письме из Ясс, сообщая о движении его армии по направлению к Каменец-Подольску, он присовокупляет: «недавно я получил известия из 1-й, 2-й и 3-й армий; положение дел таково, что заставляет меня, более нежели когда-нибудь, соединиться с тою, которая нам будет доступнее; но я надеюсь, что ещё прежде соединения я буду знать, кто из нас двух будет предводительствовать: г. Тормасов или я. Он сообщил мне на днях, что военный министр его уведомил, что Ваше Величество приказали, чтобы часть моей армии была отдана в его распоряжение, для его усиления, и что на этом основании он уже отправил приказания генералу, командующему моим авангардом. В этом случае представляются два неудобства: во 1-х, эта часть моих войск находится не в таком составе, чтобы могла образовать особую колонну армии. Она составилась под влиянием того, как была размещена армия в Валахии: полки, которые находились впереди, выступили первыми; от этого произошло, что в этом отряде кавалерия многочисленна, а пехоты мало. Моё намерение состояло в том, чтобы устроить и разделить армию как следует, когда она уже перейдёт чрез Днестр и по крайней мере половина её успеет сосредоточиться. При 28-ми эскадронах кавалерии, не считая казаков, всего только 9 баталионов пехоты; мы соединили на первый раз всё, что́ могли и как могли, чтобы немедленно выступить, и потом уже, при первой возможности, всё привесть в порядок. Второе затруднение, Государь, состоит в том, что г. Тормасов действует не так, как бы я поступил. Он, мне кажется, слишком разбросал войска и повсюду будет слаб, где бы ни встретил неприятеля. Если даже он его и поколотит, – ибо солдаты дерутся превосходно, – он не может достигнуть других результатов, как после победы при Кобрине, которая заставила его возвратиться в Ковель. Может быть, он и не может поступать иначе, но я вовсе не намерен делать то же самое. Мне известны наставления, которыми Вашему Величеству угодно было его снабдить; но мне кажется, в них не может заключаться ничего другого, как следующее: вот средства, которые я даю в ваше распоряжение; сохраните страну и нанесите врагу как можно более вреда, а это не уполномочивает рассеивать эти средства. Обещания, угрозы и деньги – вот главное войско, которое должно противопоставить с тою целию, чтобы предотвратить возмущения. Затем, следует стараться быть сильным на всех тех пунктах, которые могут подвергнуться нападению. Таков план, которому я намеревался следовать; я сам бы пошёл на помощь г. Тормасову, но не допустил

бы разбросать войско до тех пор, пока Ваше Величество не изволите сообщить мне о намерениях Ваших. Если я всегда откровенно говорил с моим Государем, то, конечно, в настоящее время не позволю себе скрывать перед ним своих мнений. Я не честолюбив, Государь, но в настоящую минуту должен высказать Вам сущую правду, хотя может показаться, что я чего-нибудь добиваюсь. Если мои соображения справедливы, если Ваше Величество считаете меня способным служить Вам лучше другого, то я готов. Если же другой может сделать лучше, я удалюсь довольный, подобно тому афинянину, который был счастлив, что нашлось столько людей между его соотечественниками, которые были достойнее его»*.

Вопрос поставлен ясно: или я, или Тормасов, вместе мы быть не можем. Адмирал принадлежал к разряду людей, которые не могут действовать с кем-либо совокупно: они могут только повелевать, все другие должны беспрекословно им повиноваться. В противном случае, я удалюсь от дел, как Эпоминонд, — говорил он Государю, — что́ за дело до того, что гибнет отечество! В этом случае адмирал действовал иначе, нежели другие главнокомандующие нашими войсками. Кн. Багратион добровольно подчинился младшему по службе, в сравнении с ним, главнокомандующему; кн. Кутузов, прибыв к действующим войскам, нашёл двух главнокомандующих с их начальниками штабов и должен был ещё с собою привести третьего. Без сомнения, подобное положение главнокомандующих в высшей степени затруднительно; но перенося затруднения, они не возбуждали личных вопросов о своей власти в то время, когда отечеству грозила опасность. Входя по необходимости в соотношения с людьми самостоятельно поставленными и позволявшими себе выражать свои мнения, Чичагов сердился на них и чернил их в письмах к императору, как Италинского. Имея в виду войти в соотношение с такими людьми, он наперёд заявлял о несогласии с ними в воззрениях и порицал их действия, — как в отношении к Тормасову. Такой способ действий он считал откровенностью и искренностью, с которыми считал долгом обращаться к Государю, надписывая однако же, как и на этом письме: «умоляю Ваше Величество уничтожить это письмо: искренность хороша только в глазах того, к кому она обращена и кто достаточно велик чтобы её терпеть».

Третья резервная армия, Тормасова, отступив после сражения при Городечне, находилась на правом берегу Стыри, у Луцка. Значительно уступая в силе соединённым корпуса Шварценберга и Ренье, она должна была ограничиться оборонительными действиями в ожидании при-

* Письмо из Ясс, от 18-го августа 1812 г.

хода Дунайской армии. Болотистый левый берег Стыри, поднявшаяся вследствие дождей вода в этой реке — затрудняли неприятелю переход через неё, а положительные сведения о приближении Дунайской армии поставили и Шварценберга в выжидательное положение. После оставления Смоленска, Барклай де Толли постоянно писал императору, прося предписать третьей армии усиленно действовать на левый фланг неприятеля, ставя в зависимость от этих действий успех двух первых армий, находившихся под его начальством. Он полагал, что Дунайская армия не только может прикрывать Волынь, но и уделит часть 3-й армии*. Несчитая себя вправе давать предписания, он в этом смысле писал в частном письме к генер. Тормасову. Сведение об этом дошло до адмирала Чичагова, который и поспешил сообщить его Государю. Но г. Тормасов, не имея предписаний императора, стоял, ожидая прибытия Дунайской армии. Первые её отряды прибыли на Стырь 7-го сентября, а в следующие два дня — и вся почти армия. Соединившись с армиею Тормасова, её силы составили с лишком 60 т., тогда как армия Шварценберга и Ренье простиралась до 43-х т.; кроме того действия Тормасова могли подкреплять отряды Эссена и Эртеля, а австрийский главнокомандующий не мог ожидать подкреплений. Через день после соединения наших армий на Стыри, они приступили к наступательным действиям, перешли на левый берег этой реки и преследовали постоянно отступавшего неприятеля до Лукомля. Казалось, Шварценберг, заняв позицию, готов был принять сражение. Его войска расположены были за болотами, среди которых находился глубокий канал, более двух сажень шириною. К нему вели длинные плотины и на нём устроены были мосты, которые уничтожил отступавший неприятель. Неудачная попытка попасть прямо на позицию, стоившая значительных потерь, вынудила Чичагова сделать распоряжения, чтобы обойти её с флангов. Но, не дожидаясь сражения, неприятель отступил и продолжал отступление за Буг, переправив свои войска у Владовы и Бреста**.

Во время движений за неприятелем, Тормасов получил запоздалые предписания кн. Кутузова, которые не могли быть исполнены вследствие изменившихся обстоятельств***. Но вслед за ними, 17-го сентября, приехал в главную квартиру адмирала флигель-адъютант Чернышев,

---

* Письма Барклая де Толли к императору от 30-го июля, из дер. Мащанки, и от 14-го августа, из с. Коровина.

** Письмо Чичагова к Государю из Бреста Литовского, от 9-го октября; V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher gegen Russland im J. 1812, Wien, 1870, с. 51–54.

*** Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff, Berlin, 1858, с. 36–37.

который привёз ему новый план действий, предписанный императором и сообщённый ему кн. Кутузовым. «Отдаление неприятельских сил за Днепр, — говорилось в наставлениях адмиралу Чичагову, — приготовленные и уже соединённые там способы наши, быв достаточны для занятия и поражения их, дают нам возможность сделать сильное впадение в тыл неприятеля и действовать на его операционную линию: от севера через Двину, в губернии Виленскую и Минскую, двумя армиями, графа Штейнгеля и графа Витгенштейна; от юга в губернии Гродненскую и Минскую, тоже двумя армиями, одною бывшею Тормасова, а другою под вашим предводительством. От излагаемого здесь общего на врага наступления последовать должно освобождение и спасение России. Если бы на столь великом пространстве все части вообще и каждая особенно не шли к предметам, им определённым сообразно и к лучшему успеху целого, тогда и наиполезнейшее предприятие могло бы обратиться в предосуждение. Всякое неединовременное движение войск наших, в настоящем их положении, может произвесть не иное что, как утрату людей, без важных последствий, если оно будет только отдельное, а не всеобщее и сообразное с целым и со всеми другими отдельными частями, да и то так исполнено, чтобы повсюду действия совершаемы были даже в определённое время и к определённым пунктам. И так, при общих усилиях и при облегчении друг друга, самые успехи соделаются несомнительны, да и последствия будут полезнее и важнее. Нам, конечно, следует пользоваться отдалением главных сил неприятеля, для восстановления разорванных наших сообщений». С этою целью, с одной стороны, гр. Витгенштейн и гр. Штейнгель с Рижским гарнизоном должны были действовать против корпусов маршалов Макдональда, Удино и Сен-Сира, а с другой, армия бывшая Тормасова — сдерживать корпуса Шварценберга и Ренье по дороге от Пружан до Слонима, до тех пор, пока Дунайская армия не достигнет Пинска. «Отсюда, — сказано далее в наставлении Чичагову, — быв закрыты движениями бывшей армии Тормасова, стремительно должно вам броситься через Несвиж до Минска, и тем отрезав Шварценберга и Ренье от главной неприятельской армии, тогда же соединиться в одну сторону с бывшею армиею Тормасова, между Смоленском и Несвижем, дабы войска Шварценберга и Ренье от Минской губернии тем ещё более совершенно и конечно отрезаны были, а в последствии и в другую сторону, через Минск, также соединиться с графом Витгенштейном, в одно и то же время присоединив к себе в Минске корпус из Мозыря, так, чтобы, при неразрывном соединении всех сил наших в Литве, могли быть опрокинуты и принуждены обратиться: саксонцы в герцогство Варшавское, цесарцы в Галицию, пруссаки и виртембергцы

за Неман, а французы искоренены до последнего». Адмиралу Чичагову были сообщены при этом списки с наставлений, данных всем другим начальникам войск, и к непременному исполнению предписано: «от Острога обратить Дунайскую армию на Пинск, где 25-го сентября должно ей быть непременно, поелику один из главных успехов всей операции есть: закрываясь движениями Тормасова, выиграть вам над корпусами Ренье и Шварценберга несколько переходов от Пинска на Несвиж и Минск, дабы, предупреждая их в сих местах, совершенно отрезать их от Минской губернии, Березины и главной неприятельской армии. Не позже как к первому октября, а если ранее, тем лучше, армия, вами предводимая, должна быть в Несвиже. Тут, учредя сообщение с бывшею армиею Тормасова, к 5-му октября усилить её, если нужно, отрядом войск ваших, и тем поставить в лучшую возможность сильно поразить и преследовать Шварценберга и Ренье, выгоняя их в Галицию. К 9-му октября наипозднее, а если прежде, тем лучше, главные силы ваши должны быть в Минске, где к тому же дню придёт к вам отряд из Мозыря. Из Минска, как можно скорее, в одну сторону займёте реку Березину и Борисов, где должно укрепить сильный лагерь, занимая и далее лес и дефилеи по дороге от Борисова до Бобра и укрепляя по всей дороге сей все способные к тому места, так, чтобы на возвратном пути главной неприятельской армии, преследуемой нашими войсками, тут на каждом шагу могло быть производимо сильное сопротивление; а в другую – к 15-му октября, соединитесь с графом Витгенштейном к стороне Докшиц, чем и прямейшие коммуникации ваши как с Петербургом, так и с Киевом, совершенно утверждены и обеспечены будут. Занимая, таким образом, центр соединённых трёх армий и имея четвёртую резервом в Вильне, под начальством гр. Штейнгеля, между тем происшествия в главных армиях откроют то, чего предвидеть нет возможности, и тогда по стремлению неприятеля или на левый фланг, через Улу, или на центр, через Бобр или Борисов и Березину, или на правый фланг к Бобруйску – и наши три армии соединиться должны для отражения неприятеля или в центре, или на котором либо фланге. Одним словом: везде, где бы он только какое покушение сделать мог, всегда с деятельностию и быстротою предупреждая, по крайней мере, в равных силах, удерживая так расположение войск наших, чтобы не только в неприятельскую главную армию из-за границ наших ничего доходить не могло, но чтобы и из оной курьеры или шпионы нигде прокрасться не могли, и ни малейшая часть той главной неприятельской армии, столь далеко зашедшей внутрь пределов наших, столь изнуренной понесёнными уже утратами, теми поражениями и тяжкими походами, какие ещё понести может, – без поражения в конец

и совершенного истребления из пределов наших отступить не могла. Наконец, если отражённый от Москвы неприятель покусится обратиться на Киев или Петербург, то и тут от вашей центральной позиции возможно успеть обратиться в ту или другую сторону, закрывая или Днепр или Волхов, и предупредить там неприятеля, с другой стороны всегда неотступно поражаемого в тыл от главных соединённых армий наших, под предводительством князя Кутузова. До того же времени, быв тут в неразрывном соединении и непрестанных сношениях со всеми другими частями войск наших, в сём положении ожидать должно, что́ произойдёт в главных армиях, и по тем происшествиям в своё время без дальнейших наставлений оставлены не будете».

В бывшую армию генерала Тормасова было также прислано наставление, и ей поручалось к 30-му сентября быть в Пружанах и скрывать от неприятеля движения Чичагова от Пинска к Несвижу и потом разбить Шварценберга и Ренье и «отдалить их так, чтобы, оставя только известительные посты по реке Шаре, от впадения её в Неман, через Слоним до Пинска, дать тем средство спокойно между Минском и Докшицею соединиться гр. Витгенштейну с армиею Чичагова. Тогда вы армию свою поставьте при Несвиже, откуда равно наблюдать можете в одну сторону до Шары, а в другую до Бобруйска и до Березины, при Борисове, быв в неразрывном соединении и частых сношениях с войсками в Вильне и Минске»*.

Только одно из наставлений нашим военачальникам, предназначенным действовать на фланги и тыл неприятеля, было подписано самим императором, именно – адмиралу Чичагову. Сам император объяснил причину этого различия в письме к кн. Кутузову: «Из сего плана усмотрите, – писал он, – что главные действия предполагается произвесть армиею Чичагова, то следуемое ему на сей случай повеление доставляю к вам за моею подписью»**. После отправления Чернышева к кн. Кутузову, император немедленно уведомил, обширным собственноручным письмом, адмирала Чичагова, замечательным по тому, что он изложил в нём свой взгляд на военные действия наших армий до Бородинского сражения, для объяснения нового плана военных действий, при исполнении которого предназначил адмирала главным действующим лицом. «Я нахожу, – писал ему Государь, – все ваши военные соображения как нельзя более верными, и убеждён, что с умом и сильным характером (énergique), которыми одарила вас природа, вы окажете замечательные услуги отечеству и благому делу

* Эти инструкции напечатаны у Михайловского-Данилевского. Соч. Т. V, с. 28–33.

** Рескрипт кн. Кутузову, от 31-го августа.

(à la bonne cause)». Говоря, что наступило время составить общий план совокупных действий всех армий, находящихся в тылу неприятеля, император писал ему, что «с этою целию он послал полковника Чернышева, для сообщения своих предположений кн. Кутузову; он от него отправится к вам и сообщит их. Я вовсе не предполагаю, чтобы всё могло быть исполнено с буквальною точностию; но это только основа (canevas) и ваше собственное благоразумие вам укажет, как следует действовать. Я вызываю генерала Тормасова в большую армию, опираясь на то, что князь Багратион ранен. Вы примете его армию под своё начальство, которая сольётся в одно целое с вашею. Корпуса Эртеля и Сакена также войдут в её состав и вы будете руководить их действиями к предназначенной цели. Войска гр. Витгенштейна перед Полоцком будут состоять из 45-ти тыс.; Штейнгель с Рижским гарнизоном будет иметь 35 тыс.; вот уже 80 тыс., и ваша армия будет простираться до такого же количества, если не более, так что 160 тыс. окажутся в тылу у Наполеона»*. На основании этого письма, адмирал Чичагов не только получил начальство над 3-ю армиею, но мог её слить в одну с своею; это последнее обстоятельство не было известно кн. Кутузову. Исполняя приказания императора, привезённые ему также Чернышевым, он вызвал к себе генер. Тормасова, поручив ему передать свою армию под начальство адмирала, а последнему принять её. Мысль о соединении двух армий в одну не могла входить в его соображения, хотя, без сомнения, по собственному опыту, он очень хорошо понимал всё неудобство от отдельных главнокомандующих с разными штабами и управлениями. Он сам долго находился в таком же, если не более затруднительном, положении и выносил его, предполагая, что такова воля Государя. «Приказ Кутузова, – говорит адмирал Чичагов, – был написан в таких двусмысленных выражениях, что Тормасов несчитал себя в праве передать под моё начальство свою армию, но вверил её ген. Маркову, который, впрочем, согласился подчиниться мне»**. Тормасов, напротив, передал ему свою армию, но сохраняя её целость как отдельной армии, передал исправление своей должности старшему из генералов Маркову, подчинив его адмиралу. Это обстоятельство возбудило пререкания и Марков должен был удалиться в большую армию. Если самолюбие и самоуверенность Чичагова были главным поводом к желанию или подчинить себе, или удалить старшего по службе, в сравнении с ним, генер. Тормасова, уже оказавшего заслуги отечеству и в этой войне, то нельзя не заметить, что он был совершенно прав, выражая

---

* Рескрипт от 5-го сентября 1812 г.

** Mémoires inédits, c. 44.

мысль о необходимости единства управления в войсках, подчинённых одному главнокомандующему. Поручая кн. Кутузову отозвать Тормасова, император заботился о том, чтобы не огорчить его. «Важность предстоящих обстоятельств, — писал Государь кн. Кутузову, — заставляет меня обратить внимание на необходимость, чтобы один начальник руководствовал 3-ю западною и Молдавскою армиями. Из двух, я, по искренности с вами, признаю способнее адмирала Чичагова, по решимости его характера. Но не хочу и огорчать генерала Тормасова, весьма уважаемого мною»*. Несмотря на заботу императора в этом случае, без сомнения, отзыв ген. Тормасова от начальства 3-ю армиею не мог не огорчить его. Не без основания он полагал, что общественное мнение «имеет право считать его виновным в каком-нибудь важном преступлении, видя лишённым команды и, следовательно, доверенности Государя». Но будучи уверен в милости к нему Государя, «по всему, что́ со мною случилось, — писал он исправляющему должность военного министра, — должен думать, что кто-нибудь мне недоброжелателен»**.

Получив привезённый Чернышевым план военных действий, адмирал Чичагов писал Государю: «я получил инструкции Вашего Величества, касающиеся плана военных действий, столько же обширного, как и важного. Как военный, я считаю особою честию и глубоко чувствую этот знак Вашего доверия; но как человек, преданный Вам не по приказу только, а по чувству, самому чистому, глубокому и искреннему, не могу видеть без крайнего огорчения, как способы и формы, употреблённые для приведения в исполнение самых лучших Ваших намерений, всегда оказываются или ошибочными или недостаточными. Намерения Вашего Величества, в этом последнем плане действий, заключаются в том, чтобы соединить власть в одном пункте, сосредоточить силы и сколько возможно сохранить единство для достижения цели; но во всех полученных мною сообщениях и предписаниях ни разу не сказано, что начальство над этими армиями и соединёнными корпусами будет поручено мне. Всё, что относится до мысли о командовании, изложено так неопределённо, так неуместно многоречиво, что с первого же шага ген. Тормасов не счёл себя вправе передать мне свою армию. Я рискую встретить то же сопротивление и в начальниках всех корпусов, ибо ни одному не сказано, что он будет находиться под моим начальством, но только, чтобы мы сговорились о совокупных действиях. Таким образом, что желание единства начинается размножением властей. Потом Ваше Величество изволите требовать величайшей

* Рескрипт кн. Кутузову, от 1-го сентября.

** Письмо к кн. Горчакову, от 7-го ноября, из с. Доброго.

точности в исполнении плана; каждый должен придти в известное место в известный день, между тем, как место выступления определено неверно. Предполагают, что я в Остроге, тогда как я был уже в Любомле; желают, чтобы я препятствовал соединению Шварценберга с главною армиею, и чтобы с этою целию направил движение вправо, тогда как мы его прогнали, перейдя, напротив, на левый фланг, чтобы не дать ему ускользнуть, что́, впрочем, ему удалось. Корпус войск, находящийся в Мозыре, принадлежащий уже к 3-й армии, получает инструкции из Петербурга, основанные лишь на предположениях, тогда как я был бы подле него и мог бы руководить его движением, сообразно обстоятельствам действительным, а не гадательным. Кому неизвестно, что в настоящее время Ваше Величество обременены важными делами, часто неприятными, и что Вам невозможно наблюдать за подробностями; тем не менее, я счёл долгом представить мои замечания на воззрение Вашего Величества, дабы, если найдёте их справедливыми, Вы повелели последующие инструкции излагать с бо́льшею точностию, не для того только, чтобы устранить сбивчивые толкования, которые могут быть последствием неясных инструкций, но чтобы не возбуждать сомнений на счёт Ваших первоначальных предначертаний. Но ничто не будет упущено, чтобы общее дело не пострадало от мелких, частных интересов, неуместных в настоящее время. Буду действовать так, как будто мои инструкции ясны как день. Кто им будет противиться – тот и ответит». Сознавая необходимость жертвовать частными и мелкими интересами для общей пользы, Чичагов, однако же, о своём личном положении заботился с особенною предусмотрительностью, как доказывают следующие строки, которыми оканчивается приведённое нами письмо. «Если г. Чернышев останется здесь, то он не должен писать к Вашему Величеству. Для меня это не имеет значения, но это вредит дисциплине, даёт орудие и надежды интриганам, которых везде довольно и, наконец, это рассеивает внимание и ослабляет повиновение. Умоляю Ваше Величество дать ему это понять»*. Впрочем, тревоги адмирала были напрасны в это время. Письмо императора от 5-го сентября запоздало на пути и Чичагов получил его немного дней спустя после приезда Чернышева. «Всякое слово, – писал он в ответ Государю, – милостивого письма, которым Вы меня удостоили, служит новым выражением Вашего особенного ко мне благоволения, Вашей крайней ко мне снисходительности. Услуги, которых Вы от меня ожидаете, будут предметом исключительных моих забот, единственным употреблением моих способностей и стараний. После отъезда

* Письмо от 22-го сентября, из дер. Ореховы, против Влодавы на р. Буге.

Тормасова, я принял начальство над обеими армиями, под названием Западной армии. Если бы я получил письмо Вашего Величества в одно время с инструкциями, привезёнными мне Чернышевым, то не встретилось бы никакого замешательства, никакого затруднения, потому что это письмо пролило бы величайший свет на всё, что в инструкциях было тёмно. В делах у нас существует какой-то обратный и весьма печальный характер. Как бы велика, прекрасна и совершенна ни была первоначальная мысль начальника, переходя через головы подчинённых, она изменяется, искажается и делается дурною или, по крайней мере, ничтожною, тогда как в других странах первоначальная мысль, сколько-нибудь полезная и светлая, приобретает полное совершенство в подробностях, на сколько это возможно, проходя через разные инстанции, и производит наилучшее действие. Я это вижу в малом виде, а Ваше Величество испытываете в большом, что однако же очень прискорбно. Употребляю всё старание, чтобы разъяснить себе истинные намерения Вашего Величества, и буду соображать с ними мои действия самым точным образом»*. Но истинные намерения императора были ясны и едва ли нужно было отыскивать иные, кроме тех, которые были прямо выражены. Письмо императора указало ему, что он не считал, что его наставления должны непременно быть исполнены во всех подробностях, но служили бы только основою для действий сообразно обстоятельствам, направленных, однако же, к одной цели. Это письмо, без сомнения, облегчило бы способ соединения двух армий, потому что в нём прямо выражена мысль о их слитии в одну; но те сомнения, которые по преимуществу волновали адмирала, остались не разрешёнными. В письме также не выражено, что всеми войсками, которые со всех сторон приблизятся к Березине, будет начальствовать адмирал Чичагов, да и не могло быть выражено. Движения всех отдельных корпусов и армий соображены были с движениями большой армии. Она должна была действовать в тыл отступавшему неприятелю, тогда как Чичагов и Витгенштейн должны были его встретить. По мере сближения к Березине всех армий, они должны были войти в сообщение между собою. Мог ли при этом случае быть возбуждён вопрос о том, кто будет начальствовать над ними? Очевидно, не адмирал, а тот, кто и был в то время главнокомандующим всеми армиями, — светлейший князь Кутузов-Смоленский.

Австрийскому главнокомандующему, после соединения Дунайской армии с 3-ю западною, ничего иного не оставалось делать, как отступать с возможно меньшими потерями и не вступая в сражение с рус-

---

* Письмо из Бреста Литовского, от 9-го октября.

скими войсками, значительно превосходившими его количеством. Так и поступал Шварценберг, несмотря на то, что император Наполеон постоянно побуждал его к наступательным действиям, преувеличивая его силы и уменьшая силы Дунайской армии. При том, и сам Наполеон считал нужным усилить его корпус и графа Ренье и обещал подкрепления. Только получив их, Шварценберг мог решить вопрос: будет ли он в силах действовать наступательно. Но если ему необходимо было отступать, то русский главнокомандующий должен был иметь в виду совершенно иную цель. После переправы австрийцев у Влодавы, придав веру известиям, которые потом оказались ложными, адмирал Чичагов полагал, что Шварценберг и Ренье отступили к Слониму, между тем, как они, переправя к Бресту понтоны, навели там мост, перешли вновь на правую сторону Буга и заняли позицию между речками Мухавцем и Лесною*. Он не имел намерения принять сражение, но — присоединить к себе отдельные отряды, из которых один, генерала Мора, шёл от Пружан, а другой, Зигенталя, от сел. Ратко, и отступить за Лесну. «Мы полагали, — писал адмирал Чичагов Государю, — что неприятель, переправясь чрез Буг у Влодавы, вошёл в герцогство Варшавское, между тем как он вновь переправился через эту реку у Бреста, и, казалось, хотел там удержаться. Огромная важность и польза для него Бреста в настоящее время заставила меня предполагать, что он действительно будет в нём защищаться. Батареи, которые он построил, и другие оборонительные с его стороны меры предосторожности ещё более подкрепляли моё предположение. Я собрал свои силы и 29-го сентября мы должны были его атаковать; но, к крайнему удивлению всей армии, узнали, что он воспользовался ночным временем, чтобы отступить. Утро было сумрачное, туман, казалось, нам благоприятствовал; а между тем он оказал величайшую услугу неприятелю, прикрыв его бегство (sa fuite)». Но было бы гораздо более удивительно, если бы, с 40 с небольшим тысячами войска Шварценберг принял сражение с 60-ти-тысячною армиею в невыгодной позиции. Едва ли не следует более удивляться, что с 22-го сентября до 29-го медлил адмирал напасть на своего противника, то придавая веру ложным известиям, то раздробляя войска для преследования отрядов Мора и Зигенталя. Продолжая преследование Шварценберга до границ Варшавского герцогства, от отступал от наставлений, привезённых ему Чернышевым, на основании которых должен был следовать на Минск и Борисов; но его образ действий

---

* V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher, с. 58–60; Funck. Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im J. 1812, с. 120 и след.;: Журн. воен. действий Дунайской армии.

вполне мог быть оправдан, если б он, и не разбив даже окончательно, но вынудил бы неприятеля понести значительные потери, ослабил бы его корпус и отбросил от Бреста. В таком случае он безопаснее мог бы двинуться на Минск, оставив против него часть своей армии. Между тем, неожиданное для него отступление Шварценберга, надеявшегося в непродолжительном времени получить подкрепления, поставило его в сомнительное положение. Преследуя австрийский корпус до Лесны, на другой день Чичагов узнал, что он отступил ещё далее, на Волчин. «Мосты были сломаны или сожжены – неприятель не доступен; ночью новое бегство,– писал он Государю.– Впрочем, увидав, что эта игра завлекает нас слишком далеко, отдаляя нас от истинного пути, я остановил главную часть армии в Бресте, поручив нашим лёгким войскам преследовать неприятеля, который принял их за наш авангард»*. Продолжая отступление до Синятичей, Шварценберг, по соглашению с гр. Ренье, решились переправиться за Буг и занять позицию, так, чтобы угрожать левому флангу армии адмирала. Они беспрепятственно совершили эту переправу 3-го октября между Мельником и Дрогичином. Незначительные отряды, их преследовавшие, наносили им некоторые потери, но незначительные**.

Устроив свою главную квартиру в Бресте Литовском, адмирал приступил к приготовлениям к движению по направлению к Минску. «Во время моего пребывания в Бресте,– продолжает Чичагов,– я старался снабдить армию продовольствием и наводнить герцогство Варшавское отрядами лёгкой кавалерии. Первая из этих целей была достигнута, частию подошедшими обозами, которые отстали от армии, частию контрибуциями, собранными в окрестной стране и в герцогстве. Здесь очень трудно добывать продовольствие и будет ещё труднее там, куда мы направляемся, что меня весьма беспокоит. Я желал бы выдти отсюда с 15-дневным запасом продовольствия, и ежедневные потребности могли бы удовлетворяться контрибуциями, которые, однако же, я стараюсь делать наименее обременительными и, по возможности, уравнительно». В то же время адмирал направил три летучих отряда в герцогство Варшавское: один под начальством генерала Дехтерева, другой – генерала Мелессино и третий – полковника Чернышева. Они произвели сильную тревогу в герцогстве и в самой Варшаве, где никак не ожидали появления русских, получая известия о постоянных успехах великой армии. «Они доходили почти до стен Варшавы,–

* Письмо адм. Чичагова к Государю, от 9-го окт., из Бреста.

** V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher, с. 62; Funck. Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im J. 1812, с. 133–134.

писал Государю адмирал.— Один Чернышев разорил множество магазинов; к нам ежедневно прибывает много фуража и продовольствия». «При появлении Чернышева в герцогстве,— по свидетельству французского посланника,— в Варшаве произошло чрезвычайное смятение. Все готовились к отъезду и, лишь только отворили ворота города, все семейства хорошего общества исчезли и я уже не встречал их более»*. Не одна забота о заготовлении продовольствия и фуража для предстоящего похода к Минску вынуждала адмирала послать многие отряды в герцогство. У него соединялась с этим и другая мысль, которая, может быть, была одною из причин его продолжительного пребывания в Бресте Литовском. Эти отряды рассеивали повсюду его воззвания к полякам. «Мне было известно,— говорит в своих Записках адмирал,— благорасположение императора Александра к полякам и как благосклонно он относился к мысли о восстановлении Польши. Если он не соглашался уступить их желаниям и провозгласить себя польским королём, то потому только, чтобы не встревожить Наполеона в отношении герцогства Варшавского. Но это условие прекращалось во время начавшейся войны. Что касается до политики, какой должно следовать в отношении к полякам, то император уполномочил меня в этом отношении. Я составил воззвание к полякам с целию возбудить в них недоверие к Наполеону и надежду на императора Александра. Оно убедило их и они выражали с того времени большую готовность исполнять все наши требования и подвергнуться реквизиции»**. Действительно, адмиралу были известны взгляды императора на Польшу и поляков. Собираясь выступить из Дунайских княжеств в пределы России со своею армиею, он писал Государю из Ясс: «В случае соединения моей армии с армиею генерала Тормасова при моём движении к герцогству Варшавскому, всепокорнейшее прошу Ваше Величество снабдить меня наставлениями как в отношении к направлению армии, так и предложений, которые я мог бы сделать полякам, которым необходимо выразить обещания, равносильные тем, какие даёт им Наполеон. Без такого средства, одни сражения, вероятно, не привели бы ни к каким последствиям. Я думаю, что хорошо бы объявить им, что Вы намерены обеспечить им достойное политическое существование, действительное и гораздо более выгодное, нежели то, которое предлагает им человек, уловивший уже на эту удочку столько народов; что Вы не имеете намерения создать такое королевство, которое было бы только провинциею под начальством префекта, но сами себя желаете

---

* Pradt. Ambassade en Pologne, с. 177–179.

** Mémoires inédits. с. 36.

провозгласить конституционным польским королём, и что их независимость будет неприкосновенна. Наконец, Государь, если не это, то во всяком случае что-нибудь другое, иначе и несколько выигранных сражений не далеко нас подвинут. Никому неизвестно лучше Вас, что в наше время победы велики и полезны лишь по их последствиям»

«Всё, что вы мне пишете о поляках, — отвечал ему на это император в письме, которое он получил вслед за тем, как Чернышев привёз ему новые наставления для военных действий, — совершенно верно и я уполномочиваю вас так говорить с ними и их настраивать, отклоняя от Наполеона, который их обманывает. Ваш здравый смысл подскажет вам, чтó надо говорить с ними в настоящее время»*. Но попытки в этом отношении адмирала Чичагова оказались совершенно неудачными, как и должно было случиться. «Вы не можете себе представить, — писал он Государю из Бреста, — бегство жителей; в городах мы находим одних жидов; они одни нам преданы. Что же касается до поляков, то одни из них не выражают никакого участия (les uns sont passifs), другие — против нас; но время и обещания, может быть, изменят их. Я постараюсь всячески успеть в этом. Необходимо надо заставить их переменить покровителя, что послужит для их же пользы. Конечно, нельзя бороться с их главною мыслью (combattre leur principe) — она справедлива (il est légitime), но они дурно за неё берутся. Вот всё, что им надо объяснить»**. Но обстоятельства того времени, конечно, не давали возможности действовать на убеждения поляков советами и настояниями, может быть и полезными на досуге; они быстро изменялись, нельзя было терять времени и адмирал уже готовился выступить к Минску. Что касается до той готовности к пожертвованиям и расположения поляков, о которых адмирал говорит в своих Записках, составленных гораздо позднее совершившихся событий, то они противоречат его же собственным современным донесениям императору. Они подчинялись реквизициям лишь потому, что не имели силы противодействовать.

Слив две армии в одну, адмирал разделил её на шесть корпусов: гр. Ламберта, Маркова, которого заменил потом кн. Щербатов, гр. Ланжерона, Эссена 3-го, Волкова и Булатова. Сверх того, образовал два отдельных отряда под начальством Энгельгардта и Сабанеева — последний в качестве резерва. После неудачных попыток вызвать на сражение Шварценберга при Бресте и слабого преследования его по пути отступления за Лесну и Буг, адмирал с главными силами оставался у Бреста, в то время, когда отряд Чернышева наводил ужас на герцог-

* Письмо Государя к адмиралу от 5-го сентября.

** Письмо Чичагова из Бреста, от 9-го октября.

ство Варшавское, истреблял запасы неприятеля и что мог отправлял в армию Чичагова. В первых числах октября (5-го) он уведомил адмирала, что неприятель предпринял вновь наступательные движения и в значительных силах двигается по направлению к Бресту. Чичагов отрядил корпус генерала Эссена к Беле, а корпус Булатова к местечку Пещац, с целью поддержать Эссена и вместе с тем открыть сообщения с Чернышевым.

Между тем, Шварценберг и Ренье, опасаясь, чтобы их сообщения с Варшавою не были прерваны и уступая просьбам поляков и французского посланника в Варшаве, аббата Прадта, двинулись к Беле. Узнав, что против них находится только один корпус Эссена, гр. Ренье поспешил напасть на него прежде, нежели к нему присоединится корпус Булатова. Несмотря на храбрость войск и на меткую стрельбу егерей, которая удивляла неприятелей, Эссен должен был уступить превосходным силам, и, заметив притом, что Шварценберг намерен обойти его с правого фланга, отступил к Залесью за реку Цну, уничтожив на ней мосты. Получив извещение от Эссена об этом деле, Чичагов послал к Залесью корпус Ланжерона ему на помощь и намеревался со всею армиею двинуться против сводного австро-саксонского корпуса. Но Шварценберг, удовольствовавшись лёгкою победою над одним из корпусов армии Чичагова, отступил к Дрогичину, откуда мог поддерживать сообщения с Варшавою и наблюдать за действиями Чичагова, ожидая немедленного прибытия обещанных ему и гр. Ренье подкреплений. «Неприятель, чтобы помешать нашим действиям на той стороне Буга, – писал Чичагов об этом деле Государю, – перешёл на большую дорогу к Беле, недалеко от Бреста. Здесь мы имели дело, дурно ведённое Эссеном, который, вместо того, чтобы согласовать нападение вместе с генералом Булатовым, действовал один, был отражён, потерял пушку и до 300 человек. Кн. Шварценберг и Ренье действовали вместе. Эссен в этом случае выказал совершенную неспособность, в какой лишь возможно упрекнуть генерала, потому что, не согласясь с Булатовым, не разведав сил неприятеля, он решился начать дело. С своей стороны, Булатов, находясь в одной миле от него, спокойно слушал канонаду. Ваше Величество, может быть, упрекнёте меня в том, что я поручил Булатову начальство над корпусом, но это вовсе не входило в мои виды. Начальник этого корпуса – генерал Засс; его приезда ожидали каждый день, но он не прибыл. Впрочем, и выбор не велик. Эссен не лучше его, но только честнее»*. При этом случае самыми резкими выражениями адмирал очернил в глазах Государя только что

* Письмо из Бреста, от 9-го октября.

вынужденного им оставить армию генерала Маркова, которого, по его словам, во всю свою жизнь «видел 4 или 5 дней», и бросил тень на всех генералов его 60-тысячной армии, говоря, что у него «выбор не велик», чтобы поручать действия способным людям. Вместе с неприятным, конечно, для императора известием, случай доставил ему возможность сообщить и приятные. Только что окончив это письмо к Государю, он получил известие, что генерал Чаплиц, отправленный к Пружанам, чтобы преследовать отрезанный от армии кн. Шварценберга отряд генерала Мора и разгонять литовские ополчения. Не достигнув первой цели, потому что генерал Мор успел уже перейти Неман у Мостов, но в Слониме он напал неожиданно на отряд генерала Конопки, составлявший третий полк гвардейских уланов, разбил их и взял его в плен почти со всеми офицерами и распустил конскриптов. «Цель моих действий,— писал Государю Чичагов,— отчасти достигнута отступлением неприятеля в герцогство; время настало обратиться мне к самому существенному делу, на основании общего плана военных действий, т. е. войти в сношения с гр. Витгенштейном и утвердиться на сообщениях главной неприятельской армии. Вот чтó, Государь, я предполагаю делать: я оставлю в Бресте довольно сильный корпус, чтобы охранять этот пункт и защищать границу. Наши отряды могут доходить до Белостока и Гродно и если генерал Штейнгель достигнет Вильны, тогда вся эта страна будет занята нами. С остальною армиею я направлюсь на Слоним, Несвиж и Минск, если ничто не помешает моему пути»*.

Действительно, 15-го октября, сосредоточив бóльшую часть своих войск у деревни Черновщиц, Чичагов незначительными переходами двинулся на Слоним, оставив у Бреста, под начальством Сакена, два корпуса, Булатова и Ливена, простиравшиеся до 18-ти тысяч. Не зная, чтó предпримет неприятель, остававшийся ещё у Дрогичина, и так уже значительно превосходивший в силах корпус Сакена и ожидавший ещё подкреплений, он замедлял движение своих войск, чтобы в случае необходимости возвратиться назад, и в то же время оставил в Черновщице корпус Эссена с тою целью, чтобы, находясь между его армиею и войсками Сакена, он мог в случае нужды подкрепить его. «Может случиться,— писал он императору,— что для того, чтобы выиграть время и приобресть свободу, необходимую для выполнения моего плана действий, я воспользуюсь соседством и буду преследовать

* То же письмо Чичагова; Журн. воен. действий Дунайской армии; V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher, c. 60–64; Funck. Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im J. 1812, c. 135–139; Diebestein. Der Krieg Napoleons gegen Russland, T. II, c. 158–159.

Шварценберга до Варшавы и постараюсь таким образом с ним совсем разделаться. Иначе он будет всегда готов возвратиться, лишь только я удалюсь от границ». Но поздно было выигрывать пропущенное уже время и надо было поспешать к Минску и Борисову. Колеблясь между опасением со стороны Шварценберга и желанием исполнить волю Государя, адмирал, выступил к Смоленску, шёл медленно и после первых переходов получил уже известия о том, что к Шварценбергу подошли подкрепления, которые ещё более усиливали его войска в сравнении с корпусом Сакена. Конечно, он не мог бы устоять против его нападений и потому адмирал приказал присоединиться к нему корпусу Эссена, отдав его в распоряжение Сакена. Вместе с корпусом Эссена, войска Сакена простирались уже до 27 тысяч. «С такими силами,— писал ему адмирал Чичагов,— опасаться вам нечего и, может быть, вы будете в состоянии приступить к наступательным действиям. Беспокойте неприятеля и старайтесь завязать с ним дело прежде, нежели я отодвинусь на дальнее расстояние. Не теряйте его из вида, потому что, спустясь по Бугу, он может устремиться за мною чрез Белосток и Вилковиск. Узнавайте обо всем, что с этим намерением делает неприятель, и следуйте за ним, оставив в Бресте небольшое количество войск. Соображая, по возможности, наши взаимные действия, можно выиграть у неприятеля несколько переходов»*.

В то время, когда адмирал начал движение по направлению к Слониму и Минску, к кн. Шварценбергу постоянно подходили подкрепления. Октября 15-го, генерал Цейхмейстер, которого он посылал за ними в Галицию, привёл ему два полка пехоты и два батальона конницы, которые совершенно пополнили понесённые его корпусом потери и довели его до первоначального количества в 30 тысяч человек. В то же время с саксонским корпусом гр. Ренье соединилась дивизия Дюрутта. Хотя она состояла из молодых и неопытных конскриптов и притом различных народностей, но простиралась до 12-ти и довела силу саксонского корпуса до 20-ти с лишком тысяч. Таким образом, соединённой австро-саксонской армии, простиравшейся до 50-ти с лишком тысяч, должен был противодействовать Сакен, которого силы, после присоединения к нему корпуса Эссена, простирались лишь до 27-ми тысяч**.

Шварценберг значительно усилил свои войска и, зная, что его отступление за Буг не одобряет император Наполеон, решился действовать наступательно. «Действуйте так, чтобы русские, которые против вас,

---

* Предписание адмирала Чичагова генералу Сакену, от 18-го октября.

** V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher, c. 65–67.

не обратились на меня,— вот правило, которому следовать постоянно предписывал император Наполеон Шварценбергу,— говорит барон Фэн.— Оно повторялось на разные лады. Действия на Буге в продолжение последнего месяца возбуждали опасения императора Наполеона, что его не понимают или плохо ему служат»*. Он выразил свои подозрения в предписании маршалу Виктору, поручив ему отправить надёжного офицера к Шварценбергу и Ренье для наблюдения за их действиями**. Соединение 3-й западной армии с Дунайскою, давшее значительный перевес нашим силам перед австро-саксонским корпусом, ещё могло оправдывать его действия и отступление за Буг; но в то время, когда Чичагов разделил свою армию и Шварценберг получил значительные подкрепления, его бездействие уже ничем не могло быть оправдано. Быть может, он знал о политике своего кабинета в отношении России, но она составляла тайну и обнаруживать её своими действиями он ещё не мог. Но в таком случае он знал также, что его корпус принесён в жертву и отдан в полное распоряжение Наполеона, которого приказания он должен был исполнять. Само австрийское правительство верно исполняло принятые им в отношении к нему обязательства. Оно не увеличило состава своего корпуса, по желанию императора Наполеона, но не отказало в войсках, чтобы пополнить убылых в корпусе Шварценберга и довести его до первоначального состава в 30 тысяч. Поэтому, получив подкрепления, он писал к герцогу Бассано, чрез которого происходили все его сношения с главною квартирою императора Наполеона: «сообщённые мне вами известия о действиях других армий для меня чрезвычайно важны. Не подлежит уже сомнению, что армия Чичагова идёт на Слоним и Минск; я стараюсь достигнуть Вилковиска. Там я могу определить направление неприятеля и дам сражение, при благоприятных условиях. Корпус, который неприятель оставил у Бреста, чтобы прикрывать своё движение, будучи разобщён с армиею, представляет мне возможность выиграть блестящее дело; но это задержало бы меня на несколько дней, а между тем не следует упускать из вида главной цели, т.е. воспрепятствовать армии Чичагова соединиться с Витгенштейном и общими силами напасть на меня, если представится случай. Надо надеяться, что маршалу Виктору, соединившись с Сен-Сиром, удастся остановить Витгенштейна и тогда он мог бы двинуться на Чичагова, который оказался бы между двумя армиями. Император найдёт возможным нанесть сильный удар неприятелю, а что касается

---

* B. Fain. Manuscrit de 1812, T. II, c. 269–270.

** Приказ из Москвы, от 6-го октября н. ст.; M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. III, c. 421.

до нас, то я могу вас уверить, что мы бездействовать не будем»*. Этим письмом Шварценберг отвечал герцогу Бассано с гр. Кламом, которого он посылал в Вильну с целью узнать о положении дел. Знал ли Бассано о действительном положении императора Наполеона и считал нужным скрывать его от австрийского главнокомандующего, или сам находился в полном заблуждении, но, извещая его о выступлении великой армии из Москвы, для того чтобы разбить и отбросить за Оку Кутузова, он надеялся скоро сообщить ему известие о новой победе. «Я задержал гр. Клама, — писал он ему, — настолько, чтобы показать ему наших красавиц и получить некоторые известия, которые мог бы сообщить вам. Я имею только известия от маршала Сен-Сира; он отступает, оставляя нас между своими и нашими неприятелями. Мы как-нибудь из этого выйдем, а пока я хочу танцовать и играть комедию (en attendant je vais danser et jouer la comedie)»**. Это письмо было писано в тот день, когда Наполеон, принуждённый отступать по разорённой дороге, от Можайска к Смоленску, приближался к Гжатску.

Шварценберг, сделав демонстрацию в Беле, чтобы отвлечь внимание Сакена, переправился через Буг (18-го октября), а потом Нарев и, оставив на этой реке корпус Ренье для прикрытия своего движения, пошёл к Вилковиску. Лишь только генерал Сакен получил верные сведения о движении Шварценберга, не обращая внимания на демонстрацию в Беле и исполняя предписания Чичагова, он выступил из Бреста к Высоколитовску и Волочину на перерез его войскам, намереваясь «атаковать где можно неприятельский ариергард и, поодиночке, корпуса, если представится к тому случай; не отступать от превосходных сил. Только сим средством, — как сказано в его походном журнале, — надеюсь я подать Чичагову возможность уйти вперёд и принудить неприятеля прекратить преследование Дунайской армии. Если бы я даже был разбит, до чего однако не дошло, то и самое поражение моё, остановив неприятеля, способствовало бы Чичагову достигнуть цели, определявшей участь войны». Подвигаясь на встречу с неприятелем, после нескольких удачных стычек передовых отрядов, он оказался с ним лицом к лицу перед Вилковиском (1 ноября). Это был саксонский корпус Ренье, подкреплённый дивизиею Дюрютта. Он расположился на возвышенном берегу реки Россы за Вилковиском, заняв этот город авангардом. Все генералы, избегая холода на бивуаках, заняли на ночь

* Письмо кн. Шварценберга из Бельска, от 3-го ноября н. ст.; V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher, с. 197.

** V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher, с. 136; Письмо г. Бассано от 29-го окт., из Вильны.

дома в городе. Узнав об этом от жидов, ген. Сакен решился ночью (2-го ноября) напасть на город, надеясь захватить в плен самого Ренье. Это не удалось, вследствие случайной причины: Ренье, найдя отведённый ему дом слишком грязным, занял другой и успел спастись, выпрыгнув из окна; но город был взят, саксонцы понесли значительные потери, часть обоза и знамя. Следующий день прошел в неудачных попытках с их стороны снова овладеть городом, а генер. Сакен, узнав, что войска Шварценберга повернули назад и идут на помощь к Ренье, не действуя решительно, выжидал более точных известий. Показания пленных австрийцев ввели его в заблуждение. Они уверяли, что Шварценберг ведёт войска к Слониму. Тогда Сакен решился напасть на Ренье и на другой день завязал упорное дело (4-го ноября).

Между тем, Шварценберг, получив известия о преследовании Сакеном саксонцев и просьбу Ренье поспешить к нему на помощь, находился в затруднительном положении. Он узнал, что передовые войска Сакена захватили обоз корпуса Ренье; Мелессино разбил часть его авангарда, бывшего под начальством Габленца, и сам он ожидал нападения русских, озадаченный неожиданным появлением казаков Чернышева. В то же время он получил известие от герцога Бассано, что гр. Витгенштейн разбил Сен-Сира и должен идти к Березине для соединения с адмиралом Чичаговым, чтобы действовать в тыл главной французской армии. «Как ни удивлялись мы, — говорит один из участников в происшествиях, — что Наполеон не заботился о своих флангах, но ещё в большее удивление нас приводил необычайный маневр, который совершали русские от Риги и Бухареста к Березине, где два войска, из которых одно шло от Балтийского моря, другое от Чёрного, должны были соединиться в определённое время»*. В том же письме герцог Бассано приглашал Шварценберга действовать в тыл Чичагову, а перехваченное письмо, которое начальник штаба корпуса Эссена писал, уведомляя о действиях его войск, к начальнику штаба адмирала Чичагова, убедило Шварценберга, что назначение этих войск состоит в том, чтобы преследовать его и замедлить движение к Минску.

«Неприятель, — писал граф Венансон Сабанееву, — судя по его движениям, жертвует всем и даже Варшавою для исполнения главного своего назначения, которое может заключаться только в том, чтобы восстановить сообщения Бонапарта в его тылу. Поэтому, наша цель должна заключаться в том, чтобы, пожертвовав пустою славою занять Варшаву, преследовать его до последней крайности (à outrance)»**.

---

* V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher, с. 70.

** Там же, с. 145–146.

Это письмо обличало австрийскому главнокомандующему намерения Сакена и он решился, оставив часть своих войск на пути в Слоним, — о движении которых, вероятно, и сообщили сведение Сакену пленные австрийцы, — с остальными двинуться на помощь Ренье к Вилковиску. «Правила военного искусства требуют во всяком случае,— говорит участник в событиях, постоянно находившийся при Шварценберге,— из двух неприятелей действовать против того, кто в данное время угрожает бóльшею опасностию, и потому князь немедленно принял это решение»*. Разбив Ренье, что́, принимая в соображение его силы сравнительно с г. Сакеном, представлялось более нежели вероятным, русский военачальник, без сомнения, преследовал бы потом кн. Шварценберга, и если бы даже не одержал успехов, то во всяком случае замедлил бы его движение к Минску.

В самый разгар сражения под Вилковиском вестовые пушечные выстрелы на правом фланге русских войск дали знать о приближении кн. Шварценберга. Ударив на отряд, находившийся у Щабелина, и захватив часть обоза Сакена, он приближался к Вилковиску. Нашему военачальнику ничего не оставалось более, как отступить пред превосходными силами неприятеля и увлечь его за собою, чтобы достигнуть главной цели своих действий, т.е. отвлечь австрийцев от Дунайской армии. Если бы сражение при Вилковиске было победою, как его неприятели считали, потому только, что Сакен был вынужден отступить, и причинило ему такие значительные потери, как они говорят, то, без сомнения, кн. Шварценберг мог бы предоставить одному корпусу Ренье преследовать нашего военачальника, и двинуться снова по пути к Минску. Но не отделяясь от саксонцев и постоянно наступая на Эссена до Рудни и Бреста, он доказал, что потери Сакена не так были значительны и он не потерпел решительного поражения и по-прежнему мог угрожать корпусу Ренье. Таким образом, Сакен вполне достиг предположенной им цели: отвлёк австро-саксонские войска от Дунайской армии. «Сакен отлично исполнил свою обязанность,— писал Чичагов императору.— Кн. Шварценберг прибыл в Слоним после меня; но Сакен, два дня сряду нападавший на Ренье, вынудил его возвратиться для соединения с ним; он взял у них одно знамя и 1.000 человек пленных»**.

Приближаясь к р. Мухавцу, кн. Шварценберг получил письмо от герцога Бассано, который просил его ускорить движение на Минск, чтобы «принять участие в важных событиях», которые должны совер-

---

* Там же, с. 72–73.

** Письмо от 17-го ноября, на походе в Осташев.

шиться. «Я опасаюсь, – писал он, – что ваше движение к Бресту не причинило бы весьма важных затруднений императору. Я ещё не теряю надежды получить от вас известие, что вы идёте вперёд с австрийскими войсками. Вы ещё успеете не только отрезать Чичагова, но и принять участие в общих действиях, и перед глазами императора воспользуетесь плодами ваших трудов и усилий в пользу общего дела»*. Кн. Шварценберг пошёл по дороге к Минску; но ход дел не останавливался и они быстро приближались к развязке. Он выступил в поход в то время (17-го ноября), когда Минск и Борисов уже были взяты русскими и – не дошёл далее Слонима.

Некоторые из писателей-французов упрекают его образ действий и видят в нём измену. Если и можно оправдать его отступление от р. Стыри после соединения армии Тормасова с Дунайскою, то во всяком случае он должен был отступить не к Варшаве, а к Кобрину и Пружанам, и занять позицию на Изельде, сохраняя возможность сообщений с Минском, – рассуждает маршал Сен-Сир. Но кн. Шварценберг и Ренье отступали на встречу своим подкреплениям, которые подходили к ним со стороны Варшавы. После поражения Сакена, – говорит полковник Шапюи, – при Вилковиске, он должен был немедленно двинуться на Минск, не с тою целию, чтобы спасти Минск, который уже находился в руках русских, но чтобы приблизиться к нему в то время, когда Наполеон подходил к Березине. Чичагов, оказавшись между войсками Наполеона и кн. Шварценбергом, был бы принуждён оставить Борисов и переправа через Березину совершилась бы прежде нежели успели подойти к ней гр. Витгенштейн и кн. Кутузов. Но это соображение основано на той ложной мысли, что Сакен был совершенно разбит, потерял почти половину своей армии, не мог предпринять наступательных действий и достаточно было одного Ренье, чтобы принудить его к бездействию и даже совершенно уничтожить его войско. Но это предположение ни на чём не основано и совершенно несогласно с действительностью. Войска Ренье сильно потерпели отступая к Вилковиску и при этом городе, корпуса Сакена, несмотря на потери, превосходили его в силах и во всяком случае могли ему противодействовать. Нельзя при этом забывать, что дивизия Дюрютта была так составлена, что от недостатка пищи, одежды, при начавшейся зиме и трудных переходах, в один месяц убавилось на две трети; что войска Шварценберга голодали, обносились, страдали от холода и гибли во множестве. Но и порицатели действий кн. Шварценберга, в конце концов, приходят к тому заключению, что величайшим бедствием

* V. Velden. Der Feldzug der Oestreicher, c. 81–82.

для войск Наполеона послужило то, что защиту флангов и охранение сообщений великой армии он вверил пруссакам и австрийцам. Это не может подлежать и сомнению, но едва ли можно требовать, чтобы они же исправили эту важную ошибку.

Другие писатели-французы с бóльшим беспристрастием относятся к австрийцам и их предводителю, хотя полагают, что отношения венского кабинета к нашему в это время имели влияние на действия кн. Шварценберга. Но могло ли это быть иначе? Кн. Шварценберг был прежде всего австриец и потом слуга Наполеона. Нельзя требовать от него такого образа действий, последствием которого могло быть совершенное уничтожение его войск, особенно потому, что герцог Бассано постоянно вводил его в заблуждение, извещая о победах императора Наполеона*.

В то время, когда кн. Шварценберг отступал от Слонима на помощь Ренье, Чичагов подвигался к Минску. Но ещё в Слониме он получил известие, что к кн. Шварценбергу подошли подкрепления, и он должен разведать о его намерениях в отношении к дальнейшим действиям. «В Слониме я узнал, — писал он императору, — что его армия, получив подкрепления, достигла до 50-ти тысяч и он подвигается к Вилковиску. Отряды были отправлены в эту сторону и я остался день в Слониме, чтобы выждать последствий разведок. В то же время я узнал, что Сакен преследует его, отнимая обозы и забирая пленных. Между тем, партизаны мои донесли мне, что он направляется к Неману. Я также буду продолжать мой путь»**. Партизанский отряд полковника Чернышева был отправлен адмиралом Чичаговым из Слонима с целью открыть где находится армия гр. Витгенштейна и войти в сообщения с нею. Но вслед за тем получив сведения о движении неприятеля к Вилковиску и Зельне и видя, что неприятель «угрожал перервать сообщение между ген. Сакеном и его армиею, главнокомандующий приказал мне, — говорит Чернышев, — с казачьим полком Пантелеева, находившимся тогда в Слониме, следовать к Деречину и Зельне для занятия этих постов и для наблюдения за движениями неприятеля». В Деречине он узнал, что отряд генерала Мора следовал от Гродно к местечку Мосты на Немане, где уже подготовлял мост для переправы. Одни из посланных им партий истребили заготовленный на берегу лес; другие, направленные

---

* M. Saint-Syr. Mémoires, T. III, c. 212–215; Vaudancourt. Mémoires pour servir à l'histoire etc., c. 234; Chapuis. Beresina, c. 51 и след.; B. Fain. Manuscrit de 1812, T. II, c. 319; Тьер. Hist. de l'Empire, кн. XXVII; M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. II, c. 412.

** Письмо из Минска, начатое 5-го и отправленное 7-го ноября.

к Вилковиску, уведомили, что он занят уже неприятелем, который показался и на дороге к Зельне. Чернышеву удалось истребить три моста у Зельны и в Ивашкевичах. Переночевав в последнем местечке, на другой день Чернышев заметил, что «неприятель подаётся назад к Вилковиску, что́ произошло, как полагать можно, – доносил он гр. Витгенштейну, – от наступательных действий генерала Сакена против главных сил австрийской армии». В тот же день он получил приказание адмирала следовать из Деречина в Дренцоль к Новогродку, для наблюдения за неприятелем по Неману, и потом в исполнение первоначального своего назначения идти в армию гр. Витгенштейна*. Перед оставлением Слонима, адмирал Чичагов получил следующее письмо от императора:

– «Пишу вам несколько строк, чтобы известить вас об успехах, одержанных гр. Витгенштейном, который разбил Гувиона Сен-Сира, взял Полоцк. Сегодня я получил известие, что баварский корпус разбит на дороге в Глубокое. 8 пушек, 24 знамени были трофеями этого дела»**.

Это письмо напомнило адмиралу о главном назначении его армии и он ускорил движение к Минску. «Ничто не могло придти к нам более кстати, как известия о победах, одержанных гр. Витгенштейном, – писал он императору, – о которых Ваше Величество благосклонно меня уведомили. Теперь все мои усилия будут направлены на те пути, которые может избрать Наполеон, и на соединение с победителями. Я посылаю во все стороны, чтобы войти с ними в сношения. Полковник Чернышев уже отправился из Слонима, чтобы как-нибудь пробраться к ним. Дороги к Борисову, Березине, Докшице – уже очищены; я выдвину мои посты как можно далее во все направления и сам двинусь со всеми моими силами туда, где найду неприятеля между мною и Витгенштейном. Через несколько дней, может быть, даже через несколько часов, я буду положительно знать, что́ мне делать. Пока я остаюсь здесь на один день: это освежит армию, мы снабдим себя продовольствием, больные будут сданы, лошади перекованы на острые шипы, без чего они не могут двигаться более, с тех пор как уже два дня наступила гололедица».

Авангард Дунайской армии, под начальством гр. Ламберта, подвигался к Несвижу, между которым и Новосверженем появился значительный отряд неприятелей. Губернатор Минска, Брониковский, отделил пять тысяч человек от 7-ми тысячного гарнизона этого горо-

* Донесение Чернышева, от 5-го ноября.

** Рескрипт императора, от 17-го октября.

да, состоявшего из полков, составленных в Литовских губерниях по приказанию императора Наполеона, и маршевых французских батальонов, послал их туда под начальством Косецкого, лишь только узнал о движении русских войск к Минску. Гр. Ламберт разбил его и занял Несвиж и Новосвержен, а отряд Орурка взял Мир, где также находился отряд, посланный Брониковским. Несвиж принадлежал кн. Радзивилу, который составил целый полк для Наполеона. «Он был свидетелем, — говорит адмирал Чичагов, — как исчезал этот полк от сражений и голода. Остаток он отправил в Несвиж с обозом из 50-ти возов с награбленною в Москве добычею. Они прибыли в то время, когда мы входили в город, и попали в наши руки». Кн. Доминику Радзивилу это не понравилось и он позволил себе некоторые оскорбительные для русских войск намёки. «За это в отплату, — доносил адмирал Чичагов императору, — я позволил порыться в подвалах его дома. Там нашли сокровища: жемчуг, бриллианты и т. п. Я увёз всё, что мог; это будет сложено в Бобруйске или другом месте и Вы изволите решить, что с этим делать. Я не видал, но говорят, есть вещи достойные музеев. Всё оценивают более, нежели на миллион рублей».

Разбитый Косецкий собрал остатки своего отряда в Кайданове и уведомил генерала Брониковского, что не может действовать против таких значительных сил, и просил позволения возвратиться в Минск; но минский губернатор строго приказал ему не отступать далее и действовать против русских. Такое приказание подвергло его новому поражению при Кайданове и ещё более ослабило и так уже слабый гарнизон Минска. Отправив с Косецким бóльшую часть литовских войск, он оставался почти с одними французскими маршевыми батальонами, которых император Наполеон не велел употреблять в дело, как неспособных к битве с неприятелем, а лишь на службу в городе. Появление русских в этом крае вообще ошеломило не одного Брониковского, но и всех поляков. Они веровали в непобедимость Наполеона и были убеждены, что уже навсегда отделились от России. С свойственною им самоуверенностью и легкомыслием, они не знали, в каких силах подходят к Минску русские и заранее не приняли никаких мер для обороны. Когда наши войска были почти под стенами Минска, Брониковский совещался с ген. Домбровским, который по приказанию Наполеона пришёл от Бобруйска для защиты Минска. Но видя положение дел, Домбровский советовал ему отступить с гарнизоном к Игумену, но он не согласился. «Я удерживал Минск сколько мог, — писал он к начальнику штаба императора Наполеона, — я ещё нахожусь в нём, но завтра борьба будет тяжела против 8-ми тысяч с 12-ю пушками, не имея ни одной. Генерал Домбровский, который приехал сегодня сговориться со мною,

не считает возможным с его двумя тысячами человек и 200 лошадьми противоборствовать этому корпусу. Он советовал мне собрать всех моих людей и следовать за ним на Игумен. Но я считал невозможным оставить пост, который во что бы то ни стало надо сохранить. Я остаюсь здесь, несмотря на то, что у меня только 800 человек; корпус Косецкого совершенно уничтожен. Буду оставаться до последней возможности. Погибнуть, служа императору, всегда славно и — таков мой жребий». Конечно, иначе и быть не могло. Отряд Косецкого был действительно уничтожен: из 5 тысяч человек было 4 тысячи взято в плен, и в том числе 63 офицера, две пушки и два знамя, а на другой день (4-го ноября) гр. Ламберт занял Минск. Неприятель не успел даже истребить запасов. «В Минске мы нашли большие запасы продовольствия всякого рода, — писал к императору адмирал Чичагов. — Их достанет, по крайней мере, на месяц и, по распоряжению французов, их до сих подвозят ежедневно. Я сохраню в силе это распоряжение, чтобы доставить удовольствие здешним друзьям французов. Мы нашли также большое количество пороха, который неприятель начал было поливать, но меня уверили, что его не много подмочено. Он хотел разорить, сжечь и взорвать город на воздух, но не успел к этому приготовиться и побоялся сделать это второпях, потому что было очень много пороху и это грозило общей опасностью. Я был свидетелем, с какою жестокостью французы обращаются с несчастными жертвами, которых они сюда привлекли. Две тысячи больных и раненых были свалены один на другом без всякого попечения. Мы находили трупы, лежавшие между живыми по десяти дней, и это не зависело ни от прибытия армии, ни от каких-нибудь чрезвычайных причин, а просто от беспримерной жестокости. Мне говорили, что, с самого их прихода сюда, госпитали бывали постоянно в таком положении. Наполеон им оставил также следы того просвещения, которое он им принёс; я нашёл дорогу обставленною виселицами, одного повешенного и до 20 крючков, готовых принять новые жертвы. Несмотря на это, поляки всё ещё любят его. Легкомысленные, или увлечённые, или невежественные, они полагают, что служат собственному своему делу, между тем как они только пособляют злокозненным планам своего тирана, который скоро перестанет быть тираном всего мира»*.

Адмирал Чичагов приближался к цели, указанной ему императором; до Борисова оставалось небольшое расстояние и особенных

---

* Письмо Чичагова к Государю из Минска, от 7-го ноября; его донесение князю Кутузову от того же числа; его же, Mémoires inédits, с. 48; Воен. жур. Дунайской армии; M. Chambrey. Hist. de l'éxpedition, T. III, с. 554–557; Chapuis. Beresina, с. 83–87.

препятствий со стороны местных неприятелей не предвиделось; но он должен был там встретить Наполеона. Естественно, он заботился о количестве своей армии. Оставив корпус Эссена в распоряжении генерала Сакена, он пошёл к Минску с лишком с 32-мя тысячами. Незначительные потери, конечно, не ослабили его войска, но он и прежде считал его недостаточным и надеялся увеличить его до 50-ти тысяч, присоединив корпус Эртеля, находившийся в Мозыре и простиравшийся до 15-ти тысяч, и отряд генерала Лидерса, который шёл из Молдавии, состоявший из 3.500 человек. «Перед выездом из Бреста я приказал корпусу Лидерса, который ещё шёл ко мне из Молдавии, — писал Чичагов императору, — направиться на Несвиж, а генералу Эртелю двинуться на Игумен, недалеко от Минска. Первый шёл из Пинска, второй из Мозыря. Их маршрут был так составлен, что, с появлением их в одно и то же время на всех пунктах, они не только очистили бы всё пространство между Припетью и Березиною, но мы должны бы поймать как в сети всех, не успевших бежать отсюда. Генерал Лидерс, начальствуя над небольшим молдавским корпусом, исполнил приказание буквально. Эртель, наоборот, не тронулся из Мозыря, постоянно находя ничтожные предлоги и предлагая мне пустые вопросы. Это неповиновение могло бы и ещё может иметь пагубные последствия. Корпус его состоит от 14-ти до 16-ти тысяч; у меня 32, у Лидерса 3.500, что всё вместе составило бы 50-ти тысячное войско и дало бы мне возможность более сопротивляться неприятелю, если бы даже я соединился с гр. Витгенштейном. Это было бы согласно и с Вашими повелениями. К тому же, по всем слухам, Виктор находится недалеко от Минска. У него и у Домбровского должно бы находиться до 50-ти тысяч войска. Следовательно, благонадёжнее было бы их встретить с равными силами, нежели с меньшими; но генерал Эртель благорассудил действовать иначе, а так как у нас неповиновение очень часто остаётся без наказания, то он хотел это испытать. Для очистки совести, я отниму у него начальство над корпусом и отдам его под суд; остальное будет зависеть от Высочайшей власти. Если бы он был при мне, то я, оставив отряд в Минске, мог тотчас бы идти на встречу Наполеону или Виктору; я бы ещё был силён без соединения с Витгенштейном. Хотя я точно так же поступлю и теперь, но силы у меня будут иные, а игра, которую мы ведём, требует как можно менее риску. Я не знаю даже придёт ли он, когда придёт и какое дать ему направление»*.

Нельзя не остановить внимания на известиях о тех случаях, что будто бы маршал Виктор находится близ Минска, которым,

---

* Письмо к Государю, из Минска, от 7-го ноября.

по-видимому, адмирал придавал значение, сообщая о них императору. Но он сам находился в Минске, откуда и писал Государю, и мог наверное разведать действительно ли был маршал Виктор так близко от него. Что же касается до Эртеля, то его действия могли озабочивать адмирала Чичагова. По общему плану действий, корпус Эртеля подчинялся адмиралу и должен был в одно с ним время прибыть к Минску. Но Эртель слишком поздно получил приказание двинуться из Мозыря на Игумен и притом по пути, который представлял большие затруднения, и потому не мог вóвремя присоединиться к войскам адмирала*. Удалив от должности Эртеля и послав на его смену Тучкова, адмирал, не рассчитывая более на Мозырский корпус, предписал было Эссену оставить войска Сакена и двинуться на соединение с его армиею; но сам однако же, по-видимому, опасался ослабить войска, действовавшие против австро-саксонской армии, и не обвинял его в неповиновении. «Я писал генералу Сакену, — уведомлял он Государя, — чтобы он соединился со мною, когда австрийцы примут такое направление, которое отдалит их от нас. Я знаю, что они перешли Неман и направляются к Вильне для прикрытия этого города. Но Сакен не идёт и не пишёт. Может быть, перехватывают его курьеров. Однако же, если он держит на сторожу эту армию, которая в настоящее время наверно состоит из 50-ти тыс., тогда как у него только 25, — то мне кажется, что это для нас выгодно, тем более, что мы будем достаточно сильны соединившись с Витгенштейном и Штейнгелем». В этом же письме адмирал выражал надежду, что «при первом случае его освободят от Ланжерона, Эссена и Эртеля» и отдавал справедливость только гр. Ламберту, кн. Щербатову и Чаплицу**.

Заняв Минск, адмирал немедленно послал гр. Ламберта к Борисову, Чаплица — к Зембину, а сам намеревался направить своё движение между ними, так чтобы иметь возможность подкрепить в случае нужды того или другого. Ланжерон должен был следовать за Ламбертом в качестве его арьергарда, а отряду полковника Луковкина велено было двинуться к Игумену и оттуда на Березино. В это время адмирал получил (17-го ноября) письмо от императора, доставленное ему от гр. Витгенштейна. «Гр. Витгенштейн, — писал ему Государь, — привёл в исполнение своё движение, разбил маршала Гувиона Сен-Сира; взял Полоцк и перешёл Двину. Корпус Штейнгеля, вследствие ошибок

* Предписание Чичагова Эртелю от 17-го окт. получено им 24-го; ср. Михайловский-Данилевский, Сочин., Т. V, с. 332 и след.; г. Богданович, Т. III, с. 229 и след., 466–468.

** Письмо от 7-го ноября.

Эссена, не мог действовать в предписанном ему направлении и, войдя в сообщение с Витгенштейном, разбил баварцев, взял 8 пушек и 22 знамени. Потом оба корпуса соединились под начальством Витгенштейна, который двинулся на Улу к Чашникам и разбил остатки корпуса Сен-Сира, подкреплённые 15-ю тысячами из корпуса маршала Виктора, прибывшими под его начальством из Смоленска, потому что Сен-Сир получил рану и оставил начальство над корпусом.

Я только что получил известия из большой армии, от 21-го октября, что Наполеон поспешно отступает к Гжатску, потеряв в деле под Колоцким монастырём 20 пушек. Вы понимаете, до какой степени важно ваше соединение с гр. Витгенштейном в окрестностях Минска или Борисова, чтобы спереди встретить войска Наполеона, тогда как большая армия их преследует.

Предоставляю вашему соображению принять меры, которые наиболее способствовали бы к достижению цели — не выпустить Наполеона из наших границ и постараться уничтожить его войска, поставив их между вами, Кутузовым, Витгенштейном и Штейнгелем. Разочтите хорошо время и пространство. 20-го октября Наполеон находился около Гжатска, вы были 10-го между Слонимом и Брестом и вы можете прибыть вóвремя, чтобы достигнуть этой цели. Подумайте, как будут различны последствия, если Наполеон перейдёт наши границы и составит новую армию. Я полагаюсь на ваш ум, вашу деятельность и силу воли (énergie)»*. Препровождая письмо императора, гр. Витгенштейн извещал его о положении своей армии, а почти в то же время адмирал Чичагов получил известия прямо от кн. Кутузова, который ему писал об отступлении и бедственном положении неприятельской армии. «Могу уверить вас,— писал он ему,— что ужасы, кои видимы были в прошедшем году в армии верховного визиря, происходившие от голода, не могут сравниться с ужасами, приключающимися теперь с французскою армиею»**. Таким образом наши армии вошли в сношение между собою и приближались к Березине. Адмиралу Чичагову предстоял блестящий подвиг преградить путь расстроенной Наполеоновой армии, задержав её при переправе через Березину, пока сблизятся с ним Витгенштейн и авангард большой армии. Для достижения этой цели предстояло только занять Борисов. «Этот город, — говорит Чичагов, — был весьма важен. Если бы неприятель предполагал остановиться внутри России, то обладание Борисовом давало нам возможность перерезать его сообщения и не допустить до Минска, где находились

* Письмо от 26-го октября; от того же числа рескрипт к Витгенштейну.

** Отношение кн. Кутузова, из Юрова, от 3-го ноября.

его магазины, и в Волынь, страну плодородную, где он мог провесть зиму. Ежели же, наоборот, он желал продолжать отступление, то, владея главным проходом на его прямом пути, мы могли если не совсем преградить переправу через Березину, то во всяком случае значительно затруднить и сделать опасною для него»*.

Гр. Ламберт 8-го ноября занял Жодин. Его разъезды захватили в плен нескольких польских офицеров. Из их показаний он узнал, что Домбровский поспешно идёт к Борисову, и, сделав привал перед вечером, ночью намеревается продолжать путь и прийти туда. Гр. Ламберт, опасаясь разойтись с ним, не пошёл против него, но в ту же ночь двинулся прямо к Борисову. За два дня перед тем пришёл в Борисов с остатками своих войск Брониковский, соединился с борисовским гарнизоном, отправил разъезды по Березине и не подумал привести мостовое укрепление в оборонительное положение. Ночью на 9-е ноября пришёл Домбровский и он уверял его, что все меры приняты, движение русских наблюдают его отряды и он может дать отдых своим войскам. Уверения Брониковского и тёмная ночь не помешали Домбровскому занять укрепления. Хотя он взял квартиру в Борисове, но «в 3 часа утра объехал все свои войска по правой стороне Березины,— говорит гр. Солтык.— Они не приготовлялись к сражению и отдыхали вокруг огней, исключая 1-го линейного полка, бывшего под начальством полковника Малаховского, ветерана италианских легионов. Этот предусмотрительный офицер, после полуночи, по своему соображению, поставил своих солдат под ружьё. Всё было тихо, ничто не предвещало скорого нападения и генерал Домбровский возвратился в город. Но в это самое время, захватив разъезды Брониковского, войска гр. Ламберта тихо подходили к городу»**. Храбрость войск, смелость и находчивость предводителя дали возможность без особенных потерь совершить гр. Ламберту с незначительным отрядом блестящий подвиг, разбить Домбровского, рассеять его войска и взять Борисов в то время, когда уже приближался к нему посланный Наполеоном корпус Удино и когда этот маршал предписывал Домбровскому защищаться до последней возможности. Но значительною потерею уже было то, что при этом деле сам гр. Ламберт был ранен пулею в ногу навылет и должен был оставить начальство над авангардом. На другой день (10-го ноября) в Борисов вступил адмирал Чичагов. «Гр. Ламберт отлично исполнил данное ему поручение,— писал он императору;— 9-го ноября на рассвете, разделив свои войска на три колонны, он

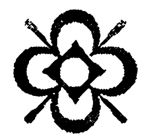
---

* Mémoires inédits, с. 53.

** Гр. Солтык. Napoléon en 1812, с. 423–424.

атаковал редуты. Отпор был сильный, бой живой и продолжительный; но в храбром и искусном гр. Ламберте вы имеете, Государь, генерала, который не знает препятствий. Он понял всю важность поста, который неприятель решился удержать во что бы то ни стало. Сражение продолжалось целый день, мы хотели уже идти на соединение с ним, но он меня известил, что редуты уже взяты приступом, 2 тысячи убито, столько же ранено, остальные с генералом Домбровским и другими рассеяны и преследуемы. Орёл и 7 орудий достались нам в добычу»*.

* Письмо от 17-го ноября. Воен. журн. Дунайской армии.

Глава 7

Переправа Наполеона через Березину.

11-го ноября 1812-го года, после того как граф Ламберт с авангардом Дунайской армии разбил неприятеля, взял приступом мостовое укрепление при Борисове и занял самый город, подоспела к нему вся армия адмирала Чичагова. В доме, который занимал Брониковский, найдены были два письма к нему из главной квартиры императора Наполеона, от его генерал-адъютанта Шульсковского, который извещал, что эта главная квартира 9-го расположится в Бобре, а 10-го прибудет в Борисов. Он, с своей стороны, постарается предупредить её одним днём, чтобы избежать суматохи при переправе. Эти письма, по свидетельству графа Ламберта, читал адмирал Чичагов и, несмотря на то, вопреки советам своих генералов – не переходить в город, отделённый рекою от мостового укрепления, к которой тянулся длинный на 200 саж. мост с гатями по болотистому берегу,– перевёл туда свою главную квартиру, часть войск и большие обозы. Когда раненый гр. Ламберт оставил начальство над авангардом, целый день никто не был назначен на его место и не послано никаких отрядов по направлению к Лохнице, чтобы иметь сведения об отступлении разбитых войск Домбровского и Брониковского и вообще о движении неприятеля. «Я прибыл в Борисов на другой день после взятия мостового укрепления, 10-го ноября вечером,– говорит адмирал Чичагов.– Гр. Ламберт, сильно раненый, оставил начальство. Гр. Ланжерон, который с своею дивизиею назначен был в качестве резерва поддерживать в случае нужды Ламберта, прибыл после окончания сражения. Находя более удобным провесть ночь в городе, он вошёл в него, не дождавшись моих приказаний, с частию войск, которые перевели за собою много обозов. Я немедленно приказал оставить город; но это приказание исполнялось медленно, потому что многие считали более удобным держать при себе свои подводы. Я должен был подтвердить приказание на другой день. Ланжерон не позаботился разведать местность и не послал отрядов по дорогам, ведущим к Борисову. Чтобы предупредить неожиданные события, я немедленно отправил на все дороги отряды казаков и лёгкой конницы, поручив им проникнуть как можно далее, чтобы разведать о неприятеле. В полученных мною наставлениях, мне предписывалось устроить укреплённый лагерь при Борисове и укрепить дефилеи со стороны Бобра, так чтобы неприятель на каждом шагу отступления

встречал преграды. Я разведал окрестности Борисова. Лагерь, устроенный впереди, с той стороны, откуда Наполеон должен был приблизиться, был бы неудобен, имея в тылу Березину, но вместе с тем он был бы обеспечен от нападений со стороны Шварценберга, который, как я полагал, меня преследует. Он встретил бы сильную преграду в мостовом укреплении (tête-de-pont). Но я не нашёл соответственной местности, над которой господствовали во многих местах высоты. Впрочем, не было и времени устроить укрепления, почва была мёрзлая, и в моей армии был только один инженерный офицер, способный распоряжаться работами, и тот был ранен при Борисове. Я не мог получить других инженеров и нужно было иметь мою твёрдость характера, чтобы этого отстоять, потому что у меня и его хотел отнять военный министр. Поэтому я должен был отказаться от устройства укреплённого лагеря»*. Действительно, адмирал должен был от этого отказаться; но не по тем причинам, на которые он указывает в своих Записках, сочинённых на досуге, долго спустя после совершившихся событий, своим роковым ходом снёсших его с политического поприща действий и угнавших в добровольное изгнание из отечества. В наставлениях, данных ему императором, предполагалось, что он должен был «к 9-му октября не позднее, а если прежде, тем лучше», быть в Минске и немедленно следовать к Борисову, где и устроить укреплённый лагерь; между тем, армия адмирала подошла к Борисову к ночи 9-го ноября, а сам он приехал утром 10-го. Очевидно, в это время нечего было и думать об устройстве укреплённого лагеря, а что касается до изучения местности, о котором говорит адмирал, то он не имел для этого и времени, прибыв в Борисов 10-го ноября и будучи выгнан из него неприятелем на другой же день. Графа Ланжерона считает адмирал главным виновником в том, что без его приказаний он перевёл войска и обозы в Борисов, и что потом он два раза приказывал перевести их обратно на противоположный берег реки. Эти показания находятся в совершенном противоречии не только с свидетельствами всех очевидцев происшествий, но даже с современными донесениями самого адмирала. В современном письме гр. Ланжерон говорит: «адмирал, несмотря на наши возражения, хотел перейти реку и идти к Орше навстречу Наполеону; но корпус, составлявший авангард французских войск, находился уже в пяти или шести верстах от Борисова и, встретив наш, так разбил его, что мы едва успели перейти реку, потеряв множество обозов»**. По свидетельству гр.

* Mémoires inédits, c. 55–56.

** Письмо гр. Ланжерона к его дяде, в Лондон, 19-го ноября (1-го декабря), из бивуака между Борисовым и Вилейкою.

Ламберта, 10-го ноября, утром, адмирал читал два письма Шульковского, извещавшие Брониковского о приближении Наполеона, и, «несмотря на то, он перенёс свою главную квартиру в этот город, и 11-го утром послал свой авангард, под начальством гр. Палена, по направлению к Лохнице»*. Собираясь не только препятствовать переправе неприятеля при Борисове, но действовать наступательно на Наполеона и встретить его на пути из Орши, адмирал должен был перейти реку и ввести войска в Борисов. Гр. Ланжерон, очевидно, без его приказаний не мог его собственную главную квартиру со всею канцеляриею, экипажами и даже повозкою с его кухонною и столовою посудою, и ещё более лично его самого перевести в этот город. Что же касается до приказаний адмирала выступить обратно из города и удалить обозы, то, вероятно, он давал их,— но в то время, когда неприятель уже вступал в Борисов и когда действительно было трудно привести их в исполнение с надлежащим порядком. Так это и было, как свидетельствуют современные донесения английского военного агента, бывшего в Дунайской армии, лорда Тирконеля, своему посланнику при нашем дворе и самого адмирала — императору и князю Кутузову.

«Адмирал сперва было решился, — говорит лорд Тирконель, — перейти со всеми своими войсками на другую сторону и для того все обозы, повозки и артиллерия были переведены за мост, вступили в город и даже прошли его. Это неосторожное намерение — провесть всю армию через город и дать сражение неприятелю по ту сторону реки — было, однако же, отменено по сильному настоянию всех генералов, и около 11-ти часов дано приказание исправлять укрепления на противоположном берегу; но разнеслась уже весть, что неприятель приближается. Около часу я был удивлён, увидав необычайную суматоху в городе, узнал о беспорядочном отступлении авангарда и поспешил к мосту, где происходило такое замешательство, какого я никогда не видывал». Лорд Терконель приписывает неудачу отчасти гр. Палену, неудачному составу его отряда, большею частью из конницы; но «главная причина, — говорит он, — была нерешительность адмирала, который колебался — какой принять план, тогда как возможно было принять один план, не подвергая себя величайшей опасности»**.

«Наш авангард, — писал адмирал Государю, — подвигался по дороге в Бобр, который я хотел занять со своею армиею, чтобы там поставить как можно более преград неприятелю; но переправа при Борисове была для него слишком важна и он принял все меры, чтобы удержать

* Записки гр. Ламберта.

** Письмо к лорду Каткарту, от 17-го (29-го) ноября, из д. Стахова.

её за собою. Поэтому Удино был отправлен с тою целью, чтобы поддержать Домбровского. Мой авангард встретил его за 10 вёрст от Борисова. К несчастью, гр. Ламберт был ранен в деле при Борисове, а самый способный заменить его г. Чаплиц был в Зембине; поэтому я поручил начальство над ним гр. Палену, которого мне указали, как одного из старших; но он действовал так, что о нём можно сказать противоположное тому, что было сказано об Эпаминонде, т.е., что войска, которые накануне дрались как львы, обратились с ним в бегство, как бараны. Этот авангард, который должен был удержать стремление неприятеля, только ускорил его прибытие. Он имел средства и был достаточно силён, чтобы его удерживать; но принёс его, так сказать, на плечах, со всех ног, так что я с трудом спасся на длинной и затруднительной переправе. К счастью, неприятель овладел только несколькими повозками частных лиц, которых я постараюсь вознаградить, сколько позволят мне мои средства и великодушие Вашего Величества. Мост нами сожжён в двух местах, а мостовое укрепление по сю сторону так укреплено, что переход и нападение с этой стороны почти невозможны»*.

Очевидно, адмирал предпринимал действия, совершенно несогласные с наставлениями, полученными им от императора в то самое время, когда задолго составленный план общих действий, в силу сложившихся обстоятельств, казался близким к исполнению на самом деле. Конечно, успех мог оправдать в последствии его соображения; но возможно ли было с вероятностью рассчитывать на успех в этом случае и так ли следовало действовать? Цель, к которой он желал направить свои действия, он выразил потом в донесении к кн. Кутузову. «Я намерен был, – писал он ему, – идти большою дорогою к Бобру, чтобы поспешным занятием сей позиции преградить путь не только главным неприятельским силам, но побудить корпус Виктора, стоявший в Черее, к отступлению, чрез что́ соединение гр. Витгенштейна с вверенною мне армиею последовало бы беспрепятственно»**. Но для достижения этой цели, конечно, не было достаточно незначительных сил авангарда, а Чичагов не слишком спешил следовать за ним, отправив в то же утро 3.000 конницы на фуражировку вверх по левому берегу Березины.

Авангард гр. Палена, состоявший из 2.800 человек, выступил из Борисова утром 11-го ноября. Впереди его были посланы квартирьеры с большим прикрытием для занятия места для лагеря под Лошни-

* Письмо от 17-го ноября, с. Осташево.

** Донесение кн. Кутузову, от 15-го ноября.

цею. Они захватили двух пленных, от которых узнали, что французская армия находится в расстоянии одного перехода, о чём и дали знать немедленно начальнику авангарда. Гр. Пален, с своей стороны, также немедленно сообщил об угрожавшей ему опасности адмиралу Чичагову и просил подкреплений. В его отряде было немного пехоты, а конница вовсе не могла действовать, по свойству местности, так что его отряд скорее походил на партизанский, нежели на авангард Дунайской армии. Адмирал не поверил полученным из авангарда известиям, так же как не поверил письмам Шульковского и советам своих генералов, опытных в военном деле. Он предписал гр. Палену непременно исполнить данное поручение и занять местность у Лошницы, а своим войскам велел – варить кашу. Последствием этих распоряжений было совершенное поражение гр. Палена превосходными силами неприятеля. Корпус Удино, соединившись с остатками войск Домбровского и Косецкого, быстро преследовал его к Борисову и около двух часов пополудни подходил к городу, где не было принято никаких мер для обороны. За самоуверенностью наступило смущение. На́скоро поручив кн. Щербатову защищать плотину, адмирал приказал отступать войскам за Березину и сам отправился за мост с своим штабом. При поспешном отступлении из города по единственному двухсотсаженному мосту, конечно, возник страшный беспорядок. Князь Щербатов удерживал несколько времени плотину; но мимо него пронеслись конница и конная артиллерия нашего авангарда, преследуемые польскими, за которыми двигалась пехота, и перешли вброд болотистую речку Сху. За ними последовал неприятель, который угрожал ему обходом. Вынужденный отступать, кн. Щербатов приблизился к мосту и едва мог пробраться от скопившихся на нём обозов, артиллерии. Ему удалось, однако же, по отступлении сжечь мост, что и приостановило преследование. Войска адмирала понесли полное поражение, потеряли много пленными, значительное количество обозов, частных экипажей, канцелярию адмирала и его фургон с столовым серебром. В городе были оставлены все наши раненые и больные; фуражиры, находящиеся за рекою, по своей сметливости, спаслись от плена, отошли к старому Борисову, соединились там с тремя егерскими полками, отброшенными неприятелем от авангарда Палена, и, узнав, что там можно вброд перейти реку, переправились через неё и на другой день присоединились к армии.

Во время краткой боевой деятельности адмирала, в качестве главнокомандующего сухопутными войсками, ему в первый раз пришлось встретиться лицом к лицу с неприятелем, который действовал наступательно. До сих пор он видел перед собою или отступавшего неприятеля

и не принимавшего сражений, на которые он его вызывал, или мог гордиться победами, издали от него одерживаемыми его авангардами. В первый раз при Борисове ему пришлось показать на деле свои военные дарования и силу характера, которую ему приписывали. Адмирал с замечательною лёгкостью отнёсся к этому поражению в донесении императору, не придавая ему значения, скрывая понесённые потери и обвиняя во всём, по обычному ему приёму, своего подчинённого генерала, действовавшего в нескольких верстах от него. Так поступал адмирал, который в своих Записках постоянно упрекает всех русских военачальников в том, что они делали ложные донесения Государю. Действительно, это поражение не могло иметь важного влияния на общий ход военных действий. Обладая линиею Березины и высотами её правого берега, адмирал справедливо писал Государю, что переправа для неприятеля была почти невозможна и, следовательно, предположенная общая цель военных действий могла быть достигнута. «Это дело не имеет большого значения,— говорит гр. Ланжерон; — мост разрушен и переправа для неприятеля преграждена». Не могло это поражение лечь пятном и на закалённую в трудах военных и в боях Дунайскую армию; но оно стоило напрасных жертв, могло иметь нравственное на неё влияние, уронить дух и внушить недоверие к военачальнику. Во всяком случае, это была даровая победа Наполеону в то время, когда его действиями руководило не желание побед, а чувство самохранения.

Вся дорога от самого Смоленска и особенно от Красного до Орши и далее к Борисову представляла такое же ужасное зрелище, как и дорога от Вязьмы к Смоленску, если не более. Она покрыта была изломанными повозками, зарядными ящиками, брошенными орудиями и ружьями, мёртвыми лошадьми, убитыми или умершими от голода и ран и замёрзшими неприятелями. Значительные пространства были покрыты мёртвыми телами в тех местах, где происходили сражения; между ними было много умирающих, вокруг которых бродили толпами или порознь оборванные, обросшие бородами, полузамёрзшие, закоптелые от дыма бивуачных костров, бросившие оружие несчастные воины великой армии. «Одного голода достаточно было, чтобы разрушить эту армию,— говорит участник в происшествии,— не принимая в расчёт всех других бедствий»*. В таком положении встретили великую армию полки маршалов Виктора и Удино. «Они не знали о наших несчастиях, их тщательно скрывали даже от самих начальников»,— говорит гр. Сегюр. «Поэтому, когда, вместо стройных колонн завоевателей

* D. de Fezenzac. Souvenirs milit., c. 325–326; B. Peyrusse. Mémorial, c. 125 и др.

Москвы, они увидали за Наполеоном толпы привидений, покрытых рубищами, в женских шубах, окутанных клочками ковров, грязными и прожжёнными шинелями, воинов, ноги которых были обвиты всевозможным тряпьём, они были изумлены. С ужасом смотрели они на проходивших мимо их несчастных солдат с почернелыми и обросшими бородами лицами; без оружия, без стыда, они шли без всякого порядка, с опущенными головами, устремив взгляд в землю, молча, как толпа пленных. Более всего удивляло множество полковников и генералов, которые шли по одиночке, думая только о себе и не зная кого спасать: остатки ли их команд или самих себя. Они шли смешавшись с солдатами, которые не обращали на них внимания, не ожидая от них ничего, которыми они не могли уже командовать: все связи были порваны, все чины уничтожены общим бедствием. Солдаты Виктора и Удино не верили своим глазам. Офицеры, тронутые жалостью, со слезами на глазах удерживали тех из своих сотоварищей, которых они распознавали в этой толпе; они делились с ними своими средствами продовольствия, одеждою, и спрашивали: где же их войска? и когда им указывали на слабые остатки из офицеров и унтер-офицеров, вместо тысяч людей, они всё ещё их искали»*. Это зрелище потрясло сразу дисциплину и в войсках Виктора и Удино.

Наши передовые войска, преследуя по той же дороге неприятеля, были не менее поражены зрелищем претерпеваемых им бедствий. «Мы находили в разных местах оставленную артиллерию,— говорит А.П. Ермолов,— и даже брошенную в воду с такою торопливостью, что недоставало времени скрыть её от глаз. Потеря в людях несравненно превосходила все другие. Тысячи были умерших и замёрзающих людей. Нигде не было пристанища. Местечки и селения обращены в пепел и умножавшиеся пленные, все больные и раненые, большое число чиновников (non combattans) должны были ожидать неизбежной смерти. Ежеминутное зрелище страждущего человечества истощало сострадание и самое чувство сожаления притупляло. Каждый из этих несчастных, в глазах подобных ему, казалось, переставал быть человеком. Претерпеваемые страдания были общие, бедствия свыше всякого воображения. Не имея средств подать помощь, мы видели в них жертвы, обречённые на смерть»**.

При таком состоянии неприятельских войск, едва ли и возможно определить не только точно, но даже приблизительно, в каком количестве они приблизились к переправе через Березину. Если считать

---

* C-te Segur. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 332–333.

** Записки, T, I, c. 259; M. Chambrey. T. III, c. 11–12.

все безоружные и полуживые толпы, то, конечно, они более нежели вдвое превосходили Дунайскую армию, как и предполагал адмирал Чичагов*; но эти толпы не только не могли служить подкреплением тому количеству войск, которое ещё могло сражаться, но, напротив, затрудняли его. Число же последних, без сомнения, не превышало сил, которыми располагал адмирал**. Притом относительное положение воюющих сторон было не одинаково. Императору Наполеону во что бы то ни стало следовало устроить мосты и перейти Березину; адмиралу Чичагову предстояло только замедлить переправу до тех пор, пока подойдут войска Витгенштейна, Платова, Ермолова и Милорадовича. Владея правым берегом Березины, возвышенным против левого её берега и почти повсюду господствовавшим над ним, конечно, он имел достаточно сил, чтобы исполнить выпавшую на его долю обязанность; но у него были в это время иные замыслы. В своих Записках он вовсе не говорит о том, что намеревался действовать наступательно и идти против Наполеона по дороге на Бобр, и придаёт, поэтому, совершенно иное значение движению своего авангарда под начальством гр. Палена. «Чтобы убедиться в положении неприятеля и в расстоянии, в каком находился от меня гр. Витгенштейн, — говорит он, — которого прибытие ко мне утроило бы мои силы и дало бы мне возможность противопоставить Наполеону действительную преграду, я отправил вперёд дивизию моего авангарда». Из этих слов следовало бы предполагать, что он не имел намерения со всею армиею идти вслед за нею, чтó, однако же, совершенно противоречит его собственным, современным происшествию, донесениям императору и князю Кутузову. Возводя силу неприятеля до ста тысяч на основании показаний пленных, которые он считал, впрочем, преувеличенными, и количества которого он действительно знать не мог, он, в то же время, уменьшал свою, которая, конечно, была ему известна, до 20-ти тысяч, вместо 30-ти, как сам же доносил своевременно императору; он прибавляет: «с такою-то слабою армиею я должен был бороться с Наполеоном, который располагал ещё тройными в сравнении со мною силами; я должен был охранять берега Березины по всему протяжению, к которому подходят дороги, ведущие к его огромным магазинам Минска и Вильны. Это протяжение шло на 20 французских миль между Веселовым на севере и Нижним Березиным на юге. Мне было известно, что на ней много бродов; что же касается до её ширины, то французы могли перейти её по мосту в 54 тоаза длиною. Мне предстояло

* Mémoires inédits, с. 58; письмо к императору, от 17-го ноября, из дер. Бриль.

** M. Chambrey. Hist. de l'expedition, T. III, с. 52; Chapuis. Beresina, с. 93.

встретить Наполеона лицом к лицу. Я боялся, что с тылу нападёт на меня Шварценберг. Народонаселение было враждебно... Правда, что император Александр обещал мне содействие армии Вингенштейна и присоединение под моё начальство 35-ти тыс. гр. Штейнгеля и 15-ти тыс. Эртеля. С такими соединёнными силами мы должны были ожидать Наполеона на правом берегу. Наполеон приближался, а не было слуха ни о Кутузове, ни о Витгенштейне и Эртеле. Никто не думал об исполнении общего плана. Кутузов оставался позади, Витгенштейн и Штейнгель двигались по левому берегу, вместо того, чтобы подкрепить меня на правом и противодействовать переправе неприятеля. Что же касается до Эртеля, то он оставался в Мозыре, под предлогом скотского падежа, который препятствовал ему выступить. Я остался один перед Наполеоном»*.

Составляя свои Записки гораздо позднее самых событий, он мог, конечно, забыть некоторые подробности, которые придают, однако же, иное им значение. Находясь вне своего отечества, он не мог проверить свои воспоминания, ни воспоминаниями других лиц, участников в происшествиях, ни письменными документами. Вероятно, у него не было под рукою и отпусков своих собственных сношений с кн. Кутузовым и Витгенштейном, донесений императору и приказаний подчинённым ему начальникам корпусов и отрядов, потому что, в противном случае, он воздержался бы писать то, что́ опровергается его же собственными своевременными распоряжениями и донесениями. Он припомнил бы, что кн. Кутузов предписывал ему обратить особенное внимание на Зембин, чрез который шла дорога на Вильну; что переправу у Ухолоды он предписывал ему наблюдать лишь партизанскими отрядами; что протяжение реки, за которою ему следовало наблюдать, простиралось не на 80 с лишком вёрст, а только на 30, и что кн. Шварценберг начал обратное движение к Слониму только 17-го (29-го) ноября, а до того времени около Несвижа и Слонима появлялись лишь незначительные отряды, которые не могли угрожать его тылу, и что император предполагал, что корпус гр. Штейнгеля составит арьергард действовавших на Березине войск и займёт Вильну, и никогда не выражал мысли подчинить его начальству адмирала. К этим обстоятельствам, положившим свою печать на Запаски адмирала, присоединялось и то, едва ли не самое важное, что адмирал Чичагов писал свои Записки с единственною целью оправдать свои действия перед потомками и защитить себя от тех нареканий, которыми осыпали его современники за его участие в военных событиях того времени.

---

* Mémoires inédits. c. 56. 57–59.

Лишь только Удино занял Борисов, как немедленно приступил, исполняя предписания Наполеона, к приготовлению переправы при Студянке. Но в то же время он распорядился, чтобы при Ухолоде, в самом Борисове и в других местах реки приготовляли материалы для мостов, с целью отвлечь внимание Чичагова от места, действительно избранного для переправы. Он собрал несколько евреев, выбрал из них проводников до Ухолоды и потом, взяв слово, что они будут хранить тайну, отпустил их. Цель его была достигнута и эта тайна немедленно сделалась известною адмиралу Чичагову и также ввела его в заблуждение. К вечеру 12-го ноября, Наполеон с гвардиею прибыл в Борисов и приказал ещё в бóльших размерах делать приготовления к мнимой переправе, начатые маршалом Удино. В виду наших войск приносили все необходимые материалы для восстановления Борисовского моста и двигались значительные отряды с артиллериею по направлению к Ухолоде. Но в тот же день, как император Наполеон действовал таким образом, Удино отправился к Студянке, куда к вечеру пришёл его корпус, и в одно время с ним прибыли генералы Эбле и Шасслу, которых ещё из Лохницы император Наполеон отправил туда для устройства мостов. До их приезда уже приготовляли материалы для построения мостов сапёры и инженеры, находившиеся в дивизии Корбино; но приготовленные ими кóзлы оказались слабыми и надо было приготовлять новые. Сапёры Эбле, с неутомимою деятельностью, воодушевлённые своим начальником, принялись за работу. Император Наполеон рассчитывал, что к 14-му ноября будет всё приготовлено для наведения мостов, отправил в Студянку гвардию и в этот день, к семи часам утра, сам туда прибыл. Он знал, что на другом берегу находится вся Дунайская армия: зарево многочисленных огней, которое видели по ночам, и разъезды близ берега свидетельствовали о её присутствии и против места переправы. Но вся ли она там находилась или незначительная её часть, обманули ли адмирала его ложные демонстрации, или он понял их значение и сосредоточил войска против места действительной переправы? Вот вопросы, которые занимали императора Наполеона, потому что от них зависела если не самая возможность переправы, то во всяком случае бóльший или меньший её успех. Дунайская армия могла препятствовать переправе и задержать её, а в это время подоспели бы русские войска, преследовавшие его с тылу и флангов. Судьба остатков его великой армии висела на волоске*. Чтобы разрешить этот вопрос, приехав в Студянку, он немедленно приказал отряду из нескольких

---

* Тьер. Il y avait donc cent chances de l'insuccès contre un ou deux de réussite, liv. XXVII.

конников дивизии Корбино, уже раз переходившей вброд Березину в этом месте, переправиться на другой берег, взяв с собою на лошадей по одному стрелку. Командир эскадрона, Жакемино, счастливо исполнил поручение и донёс, что видел только незначительные казачьи ведеты. Не удовольствовавшись этим показанием, чтобы удостовериться ещё более в счастливой случайности, Наполеон вновь отправил его через реку, чтобы захватить пленных, от которых можно бы добыть более подробные сведения; а, между тем, на трёх нáскоро сплочённых паромах переправил туда от 300 до 400 пехоты, чтобы защитить приготовлявшуюся переправу, и на возвышенности, на которой стояла деревня Студянка, господствовавшей над противоположным берегом, низменным и болотистым, на значительное пространство велел устроить батарею из 40 орудий. Снова переправившись через реку, Жакемино с несколькими удалыми конниками напал врасплох на наш ведет, схватил одного унтер-офицера, на крупе перевёз его на другой берег и представил Наполеону. Из показаний этого пленного узнали, что Чичагов со всею армиею в Борисове, а против Студянки находится незначительный наблюдательный отряд. Судьба благоприятствовала снова Наполеону. Окружавшие его с понурыми лицами, Мюрат, Евгений, Коленкур, Бертье, Дюрок, оживились надеждою на спасение и поздравляли своего повелителя. Корбино вызвался снова перейти вброд реку с своими конными полками и исполнил это предприятие, несмотря на большие затруднения, ибо по реке шёл лёд и обледенелые берега были едва доступны. После нескольких дней оттепели, был мороз, доходивший до 4-х градусов по Реомюру. Это обстоятельство, с одной стороны, сильно затрудняло устройство мостов, но с другой — скрепляя топкую почву болот, благоприятствовало, до некоторой степени, движению войск после переправы через Березину. Каждый час был дорог, надо было воспользоваться благоприятными обстоятельствами. С неутомимою деятельностью сапёры генерала Эбле, в холодной воде, обледенелые, в борьбе с напиравшими льдинами, устраивали кóзла, скрепляли их между собою и настилали полотно мостов. Хотя окружающая местность и была покрыта лесами, но не было времени рубить лес и перевозить его к месту переправы. Мосты делались из старого лесу, из брёвен разобранных изб деревни Студянки, чтó, конечно, не ручалось за их прочность и устойчивость и требовало самого тщательного наблюдения со стороны распорядителей. Генералов Эбле и Шасслу с их сотрудниками достойно восхваляют французские историки и с не меньшею справедливостью говорят, что в это самое трудное время проснулся весь гений Наполеона и вся его первоначальная упорная, неутомимая деятельность.

Он постоянно лично следил за ходом работ и ободрял всех своим присутствием и, по его распоряжениям, спорилось дело, побеждались, по-видимому, непобедимые препятствия. Строились два моста, в расстоянии 80-ти сажень один от другого, простиравшиеся на 35 сажень. Один из них, после полудня 14-го ноября, был готов и, в своём присутствии, Наполеон переправил по нём корпус Удино, состоявший почти из 5.500 пехоты и 1.200 конницы, только с двумя орудиями и несколькими зарядными ящиками. Дальнейшее движение по мостам было обеспечено и не потребовалось ни одного выстрела с сооружённой им сильной батареи в Студянке с целью противодействовать попыткам со стороны Дунайской армии – помешать переправе и затруднить построение мостов. Переправившись через реку, маршал Удино отбросил передовые отряды Чаплица и занял выгодную позицию. К 4-м часам пополудни, был готов второй мост и началась перевозка военных обозов и артиллерии. В продолжение этого дня и ночи на 15-е ноября, постоянно совершалась переправа и значительное количество войск уже перешло на левый берег. Но нужно было ещё два дня, чтобы все войска, безоружные толпы и обозы могли переправиться. Между тем, затруднения умножались с каждым часом. Построенные из старого леса мосты, настланные кругляками, не отёсанными в брусья по недостатку времени, часто портились и ломались. По нескольку часов времени проходило, пока их исправляли, и движение прекращалось, а в то время значительное количество не боевых людей, следовавших за армиею, и бросивших оружие солдат сближались к переправам с многочисленными обозами. Требовались значительные усилия, чтобы войска могли проложить себе путь к мостам, отдалив толпы и экипажи, стремившиеся к ним. Теснота, давка и беспорядок постоянно увеличивались. «15-го и 16-го ноября господствовало страшное смятение при переправе и беспорядок дошёл до последней крайности. Тысячи экипажей съехались у входа на мосты и, за ними, по ту строну реки. Сила брала верх над правом, слабого сбивали с ног и топтали. Вдруг, около 9-ти часов утра, послышалась сильная канонада справа и слева, и обнимала три четверти окружности, в средине которой находился император. Лишь только послышались выстрелы, он потребовал лошадь и отправился к 2-му корпусу», – говорит барон Денье. Витгенштейн, Платов и Ермолов приближались. Устранить беспорядки при переправе не было средств, несмотря на присутствие самого императора Наполеона, который, в виду приближения русских войск, принимал все меры, чтобы ускорить её как можно более. Узнав, на пути к Борисову, что маршал Виктор, вместо предписанного ему направления по дороге от Леппеля к Борисову, пошёл к Лохнице, он

предвидел, что стеснение войск и обозов при переправе будет ужасное и, несмотря на то, не только не мог замедлить переправы, но, наоборот, предписывал постоянно начальникам частей приближаться к Студянке и переходить на другую сторону реки*.

Что же делал в продолжение этих дней, с 10-го ноября по 16-е, адмирал Чичагов? Приготовления неприятеля к переправе при Студянке не укрылись от бдительности русских. Граф Ламберт, после блестящих подвигов получив сильную рану в деле 9-го ноября, должен был, к прискорбию войск, оставить начальство над авангардом. Удаляясь от армии, по дороге в Зембин, он приехал в Стахов 12-го ноября. Озабоченный военными действиями, он послал оттуда к Березине сделать разведки около Студянки. «Офицер главного штаба, который был послан разведать эту местность, заметил на противоположном берегу,— говорит гр. Ламберт,— отряды неприятельской конницы, занимавшиеся исследованием мест, более удобных для переправы. Часть левого берега против Студянки представляла в этом случае наибо́льшие удобства. Река образует в этом месте изгиб и возвышенность на левом берегу способствует устройству на ней батарей, которые могли бы обеспечивать здесь переправу для войск, следовавших от Бобра». Это обстоятельство показалось ему весьма важным. Он остановился в Стахове и оттуда послал своего адъютанта к адмиралу с письмом, в котором он изложил ему причины, почему неприятель в этом месте решится устроить переправу. «Но с каким удивлением,— продолжает он,— я узнал от возвратившегося моего адъютанта, что адмирал не обратил ни малейшего внимания на эти известия и намеревается выступить 12-го ноября пополудни. Он не делал никаких разведок утром 12-го со стороны Бриля, тогда как собственными глазами мог бы убедиться о намерении неприятеля приступить к переправе при Студянке, и в таком случае не пошёл бы к Шабашевичам и имел бы достаточно времени распорядиться нападением на неприятельские войска по мере того, как они переходили мосты». Адмирал Чичагов, пробыв три дня против Борисова, видя приготовления к мнимой переправе неприятеля, вдался в обман; но сообразив, однако же, необоримые затруднения, которые бы встретил неприятель восстановляя полусожжёный мост и переходя по длинному его протяжению против мостового укрепления, господствовавшего над ним, полагал, что, идя не на Вильну, а на Минск,

---

* B. Denniée. Itinéraire, c. 158–159; M. Chambrey. Hist. de l'expedition, T. III, c. 43–58; Fain. Manuscrit, T. II, c. 358 и след.; Paixhans. Retraire de Moskou, c. 52–53; B. Peyrusse. Mémorial, c. 127 и след.; C-te Segur. Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. II, c. 342 и след.; Chapuis. Beresina, c. 126 и след.

он изберёт более удобную переправу при Ухолоде, где были броды и где точно также неприятель делал приготовления к переправе. Поэтому он оставил у мостового укрепления гр. Ланжерона. «Находя пост сей довольно важным,— писал он ему,— считаю приличным поручить его вам. У вас остаются все полки вверенного вам корпуса, т. е. 15-я пехотная дивизия с её артиллериею и Житомирский и Арзамасский драгунские полки. С сими войсками должны вы оборонять переправу через реку Березину, занимая оными тет-де-пон, на правом берегу оной, против Борисова, находящийся. По соображениям неприятельских движений и сведениям, полученным мною прошедшей ночи от гр. Витгенштейна, решился я сего числа отряд гр. Орурка отправить к Березине, с остальными же войсками следую я к Шабашевичам». Г. Чаплицу в то же время он предписывал: «оставя только известные посты (у Бриля, против Студянки), с прочими войсками вашими по получении сего выступить и прибыть завтрашнего числа к тет-де-пону, что́ против Борисова. Завтра же, в ночь, буде с аванпостов ваших ничего не получите, сами с отрядом следуйте до Шабашевич и аванпостам прикажите всем собраться и идти за вами»*. Таким образом, неприятелю предоставлены были все способы, без всяких препятствий со стороны Дунайской армии, как устроить мосты, совершить переправу, так и следовать по пути на Зембин, который оставался открытым, и плотины и мосты по этой дороге не были уничтожены.

Генерал Чаплиц имел сведения о предприятии неприятеля и приготовлении мостов от пленных, захваченных по ту сторону реки нарочно с этою целью отправленным им полковником Мельниковым; несмотря на то, когда начиналась уже переправа, исполняя предписание адмирала, он подвигался к Борисову, оставив незначительный отряд под начальством полковника Корнилова, который не стоило много труда отбросить маршалу Удино. На пути г. Чаплиц получил известие, что после полудня 13-го ноября часть неприятельских войск уже перешла по устроенному мосту. «Он немедленно повернул назад и послал уведомление адмиралу»,— говорит гр. Ламберт,— но, вероятнее, он повернул потому, что получил новое предписание адмирала, который, узнав из отношения гр. Вингенштейна, что он приближается к Березине, приказал ему возвратиться к Зембину и войти в сношение, поручив даже гр. Ланжерону усилить его отряд одним полком и батарейною ротою.

Адмирал Чичагов, вечером 13-го ноября, достиг до Шабашевичей. На пути он получил донесение ген. Чаплица о переправе неприятеля

---

* Оба предписания адмирала от 13-го ноября, из Борисова.

при Студянке, но «не счёл нужным возвратиться в Борисов, чтобы стать в центре между Студянкою и Ухолодою и чрез то быть готовым воспрепятствовать неприятелю при переправе через Березину»*. Он продолжал движение, и следующий день (14-го ноября) провёл при Шабашевичах, отправив только незначительный отряд ген. Рудзевича по дороге к Борисову в м. Главень, с предписанием двинуться «в ту сторону, куда обстоятельства потребуют». В это время гр. Орурк, которого адмирал послал с уланским полком и артиллерийскою ротою к нижней Березине, поручив также принять под своё начальство отряд полковника Луковкина и препятствовать неприятелю, если бы он предпринял там переправу, донёс, что разъезды, посланные им за реку, он пленных и жителей узнали, что неприятель в этой местности намеревался переправиться через Березину. Но в то же время они взяли в плен неприятельского офицера, которого гр. Орурк препроводил к адмиралу. Офицер, принадлежавший к корпусу маршала Виктора, объяснил, что этот корпус двигается к Студянке, где устраивается переправа, и он полагает наверное, что мосты уже готовы. Адмирал поручил гр. Орурку «отправить надёжного офицера за Березину, чтобы отыскать какой-нибудь отряд, принадлежащий к нашей главной армии; объявить начальнику этого отряда, что пришло известие о переправе неприятеля у Студянки и дать ему от имени главнокомандующего Дунайскою армиею приказание немедленно уведомить о том кн. Кутузова»**. Посылая такое уведомление фельдмаршалу, сам адмирал оставался в Шабашевичах и, решившись выступить вновь к Борисову на другой день, предписал гр. Ланжерону, находившемуся при мостовом укреплении, если получит известие от Чаплица о переправе неприятеля, идти туда не ожидая о том подтверждения, а при мостовом укреплении оставить не более одного батальона с частью артиллерии», а ген. Рудзевичу, стоявшему в Главке, — двинуться за Ланжероном, также «оставив один баталион с двумя пушками под Борисовым»***. Ноября 15-го, адмирал, выступив из Шабашевичей и сделав переход в 20 вёрст, остановился на ночлег при Борисовском мостовом укреплении. В тот же день вечером, партизан Сеславин, примкнувший к армии Витгенштейна, направлявшейся через Жижково к Старому Борисову, и посланный им вместе с казачьим полком Чернозубова войти в сообщение с гр. Платовым, занял Борисов. В одно время с ним

* Воен. журнал Толя.

** Записки Храповицкого, который и был послан с этим поручением; Записки Орурка.

*** Предписание от 14-го ноября, из Шабашевичей.

подошёл гр. Платов, а Ермолов приблизился к последней почтовой станции перед Борисовым, с. Лошнице. В Борисове, по отступлении оттуда к Студянке неприятельских войск, оставалась одна дивизия ген. Партуно и лёгкая кавалерийская бригада Делетра, чтобы наблюдать за армиею Чичагова и отвлекать его внимание от места переправы. Она должна была только на другой день утром двинуться вслед за маршалом; но вечером Борисов был занят Сеславиным и Платовым, выгнавшим оттуда занимавший его отряд неприятеля, и в то же время слышалась канонада и со стороны Старого Борисова, куда подошла армия графа Витгенштейна. Ген. Партуно двинулся к Студянке. Тёмная ночь, множество обозов и толпы безоружных (des traineurs) затрудняли движение. С одной стороны находилась Березина, с другой русские войска и впереди и с тылу. Партуно был вынужден положить оружие и сдаться военнопленным со своею дивизиею гр. Витгенштейну*.

Прибытие войск Платова, за которыми вслед пришёл бы отряд Ермолова — который немедленно мог бы оказать содействие адмиралу Чичагову — не только не побудило его не теряя времени двинуться на помощь Чаплицу, известив их о положении дел, но, напротив, — адмирал простоял при Борисовском мостовом укреплении полдня 16-го ноября. «По возвращении к Борисову, — говорит адмирал в своих Записках, — мне следовало выбрать одно из двух: или попытаться опрокинуть в Березину неприятельские войска, которые уже переправились, и поэтому немедленно идти, пока они не перешли в таком значительном числе, что борьба с ними сделалась бы для меня затруднительна и опасна, или сосредоточить мои разбросанные вдоль Березины войска прежде, нежели начать атаку, в надежде, хотя и слабой, что подоспеют подкрепления со стороны или гр. Витгенштейна, или кн. Кутузова, которые дадут мне возможность начать битву с бóльшею надеждою на успех, какое бы ни перешло через Березину количество неприятельских войск». В слабой надежде на усиление своей армии войсками или гр. Витгенштейна или кн. Кутузова, адмирал решился упустить благоприятный случай, если даже не нанести сильного поражения неприятелю, то, во всяком случае, причинить ему значительные потери и замедлить переправу, которая с часу на час становилась затруднительнее от скоплявшихся обозов и многочисленных отсталых и безоружных, подходивших к мостам. «Но с первым приближением ночи (15-го ноя-

* Донесения гр. Витгенштейна императору и кн. Кутузову, от 16-го ноября; F a i n. Manuscrit, T. II, с. 405 и след.; M . C h a m b r e y. Hist. de l'expedition, T. III, с. 63 и след.; C h a p u i s. Beresina, с. 145 и след.; C - t e P a r t o u n e a u x. Explications sur l'hist. de la grande armée du C-te Ségur et refutations du G-l Gourgaud. 2-e Edit. Paris. 1826.

бря),— продолжает адмирал,— мы услыхали пушечные выстрелы по той стороне Березины в тылу неприятельских войск. Наконец, после стольких замедлений, гр. Витгенштейн подходил. Я немедленно отправил отряды для разведок на противоположный берег. Березину легко можно было перейти против Борисова. Я приказал пехотному полку взять Борисов, занятый дивизиею Партуно. Он очистил город. Мы видели в сумерках, как его войска выступали на соединение с Наполеоном, двигаясь по течению Березины к Студянке, как потом они в недоумении остановились, услыхав пушечные выстрелы Витгенштейна, раздававшиеся в противоположной стороне от меня, и неподвижно стояли в поле. Вскоре другие пушечные выстрелы раздались с правой стороны: это Платов приближался с своими казаками. Французская дивизия, сбившись с пути, очутилась посреди армии Витгенштейна, который взял её в плен». Едва ли предстояла нужда занимать Борисов пехотным полком, который подвергался крайнему затруднению перебираться по мосту, сожжённому в двух местах, в ночное время, тогда как он был уже занят отрядом Сеславина и Платова, и ослаблять свои войска, разбросанные, по свидетельству самого адмирала, по протяжению Березины, тогда как, в полной уверенности в подкреплении со стороны прибывших войск большой нашей армии, он мог бы немедленно двинуться к Брилю. Но иные соображения занимали адмирала, а именно вопрос о чиноначалии. «Около 10-ти часов вечера, один из наших патризанов, полковник Сеславин, явился ко мне от лица гр. Витгенштейна,— говорит адмирал.— Он спрашивал меня — как я намерен действовать — таким способом, которые мне ясно показал, что Витгенштейн считает себя совершенно независимым начальником и будет поступать так, как ему покажется удобным. И так, в то время, когда подошли ко мне эти замедлившие подкрепления, выступили мелкие притязания личного самолюбия, и помешали придать необходимое единство, которого требовали наши действия! Я ответил полковнику, что завтра на рассвете я намерен напасть на неприятеля на правом берегу, и предполагая, что он вчетверо, по крайней мере, сильнее меня, я приглашаю гр. Витгенштейна напасть на него в одно и то же время. Я написал также записку генералу, чтобы он, в помощь мне, прислал две пехотных дивизии. На это Витгенштейн мне ничего не отвечал, но обещался напасть на неприятеля на рассвете следующего дня, чего он не исполнил: он напал четырьмя часами позднее»*. Такой придирчивый упрёк, что гр. Витгенштейн на 4 часа опоздал в исполнении своего обещания, что́ весьма возможно в военное время, заставляет, однако же, предполагать, что адмирал, наоборот, в

* Mémoires inédits, с. 72–74.

точности исполнил своё обещание. Он всю ночь провёл под Борисовом и только на рассвете 16-го ноября двинул свои войска к Стахову. Упрёк едва ли справедлив: по свидетельству самих французов, гр. Витгенштейн рано утром напал на маршала Виктора, в одно время с войсками адмирала*. Но ещё более несправедлив другой упрёк — в мелочном личном самолюбии. Не думая устранять личного самолюбия гр. Витгенштейна, — слабости, свойственной многим лицам, выдвинутым вперёд силою обстоятельств, — нельзя не заметить, что гр. Витгенштейн имел на это право, оказав немаловажные заслуги отечеству, избавив своими действиями от большой опасности, угрожавшей Петербургу. Почему же адмирал полагал, что он препятствует единству действий, тогда как без его вызова он первый предложил ему действовать совокупно, по общему соглашению, и его предложение — напасть на неприятеля на другой день — привёл в исполнение, единственно с войсками Чаплица. Но если бы даже он напал четырьмя часами позже, как говорит адмирал, то и это, конечно, не могло расстроить военных соображений адмирала, который в это время только что прибыл в Стахов. Но этот упрёк объясняется тем, что адмирал надеялся, что гр. Витгенштейн поступит под его начальство и ожидал не действия, а повиновения его предписаниям. В письмах к императору он выражал это желание, но не получил от Государя никакого разрешения, а между тем он писал ему: «гр. Витгенштейн, кажется, не думает подчиниться начальству, которое Ваше Величество имели намерение поручить мне, и потому исчезает всё единство, как это всегда у нас бывает»**. Но ни в одном из писем Государя к адмиралу Чичагову, сохранившихся как в подлинниках, так и в черновых, писанных его рукою, не выражено этого намерения, да едва ли и думал император о подчинении адмиралу гр. Витгенштейна.

Общее правило, которое выражал и великий полководец того времени, император Наполеон, говоря, что «единство в командовании представляет условие первостепенной важности в войске и никогда не должно иметь двух армий на одном и том же поприще военных действий», конечно, не подлежит сомнению и, к сожалению, оно не соблюдалось в военных действиях 1812 года. Но император не без некоторого колебания отозвал Тормасова и отдал 3-ю армию адмиралу Чичагову. Гр. Витгенштейн хотя был моложе по службе адмирала и не назывался главнокомандующим, но был им на деле с тех пор, как его корпус, получив значительные подкрепления, превратился в армию более значительную той, которая находилась под начальством Чичагова

---

* Fain. Manuscrit, T. II, c. 396.

** Письмо от 17-го ноября, на походе в Осташев.

в это время. Подчинив действовавшего с самого начала войны самостоятельно и подчинённого уже фельдмаршалу, которого появление на главном поприще войны не заставило себя ждать, оказавшего столько заслуг, или отозвать его для иного назначения — едва ли было возможно, тем более, что адмирал напоминал Государю о прежнем своём желании в то время, когда неприятель уже перешёл Березину. От гр. Витгенштейна он попытался потребовать двух дивизий для присоединения к своей армии; но, вероятно, не решился сделать ту же попытку в отношении к гр. Платову. Но при свидании с ним он узнал, что отряд генерала Ермолова находится в одном переходе от Борисова, и немедленно послал к нему своего адъютанта Лисаневича. «Поздно вечером, окончив переход 15-го ноября, — говорит А. П. Ермолов,— расположился я на ночлег у селения Лошницы, последней почтовой станции к Борисову. Здесь явился ко мне поручик Лисаневич от адмирала Чичагова, с предположением присоединиться к нему в Борисове с моим отрядом, о следовании которого он узнал от атамана Платова. Отправив обратно адъютанта, я представил чрез него строевой рапорт адмиралу и просил доложить ему, что войска, только что сделавшие переход, готовы охотно совершить новый, и что я, находя нужным дать время на сварение каши, поправление обуви и отдых, всего не более четырёх часов, выступлю непременно»*.

Рассчитывая на содействие гр. Витгенштейна с левого берега Березины, на совокупные действия с гр. Платовым и Ермоловым с правой, адмирал в тот же вечер отправил Ланского к Стахову с большею частью кавалерии, поручив ему перехватить дорогу из Зембина в Плещеницу и разрушить мосты и плотины. На другой день, 16-го ноября, вслед за ним он выступил сам из-под Борисова, а в 8 часов утра прибыл в Стахов.

Собираясь выступить к Стахову, он предписал Чаплицу на другой день начать наступательные действия против неприятеля, «не ожидая никого» (sans attendre personne)**. Очевидно, он считал Чаплица уже довольно сильным, после того как должны были подойти к нему направленные им подкрепления, чтобы напасть на неприятеля пока он сам подойдёт к месту действия с своими войсками. Действительно, «я ещё надеялся,— говорит адмирал,— что приду вóвремя, чтобы расстроить переправу, которая ещё не могла быть окончена. Мне представлялась возможность опрокинуть неприятеля к Березине, прежде нежели он успел бы сильно утвердиться на правом берегу,— если бы гр. Витгенштейн, по своему обещанию, ударил бы с рассветом дня

* А. П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 75.

** Mémoires inédits, с. 74.

на корпус неприятелей, находившийся ещё на левом берегу. У Витгенштейна было шесть дивизий, составлявших до 40 тысяч войска». Но если на левом берегу, как видно из приведённых слов адмирала, оставался только один корпус неприятеля, как это действительно было, и он надеялся всю остальную армию опрокинуть к Березине, то действия гр. Витгенштейна имели бы второстепенное значение и, опоздав на четыре часа, он всё-таки успел бы довершить победу, одержанную адмиралом, и нанести решительный удар одному корпусу, находившемуся на левой стороне Березины, отброшенному им к этой реке, неприятелю. Очевидно, всё зависело от действий адмирала Чичагова.

К 16-му ноября переправа неприятельских войск была почти окончена. На правом берегу маршал Удино занимал позицию перед Стаховым; за ним, готовый подкрепить его в случае нападения войск Чичагова, стоял Ней, за которым расположилась гвардия. В продолжение ночи перешли на эту сторону вице-король и Даву с артиллериею и обозами. Император предписал им следовать на Зембин, «потому что очень важно, чтобы этот город был занят», как сказано в данном им приказе. С ними должен был идти Жюно и польская кавалерия, чтобы потом войти в связь с генералом Вреде, находившимся у Вилейки*. На той стороне Березины, на высотах Студянки, оставался маршал Виктор, прикрывая мосты и множество отсталых и безоружных, которых сначала с большим трудом можно было принудить переходить через мосты. Они находились в таком нравственном оцепенении от голода, холода и усталости, что не искали даже спасения. Только пушечные выстрелы гр. Витгенштейна, раздавшиеся в их тылу вечером 15-го ноября, вывели их из такого положения, и тогда беспорядочными толпами они бросились к мостам и затруднили переправу войскам, которые должны были силою прокладывать себе путь. Эти пушечные выстрелы, свидетельствовавшие о потере дивизии Партуно, и постоянно приходившие известия о приближении как гр. Витгенштейна, так и адмирала Чичагова, тревожили также императора Наполеона, неутомимо, личными распоряжениями, ускорявшего переправу и приготовлявшего отпор нападениям того и другого. Он не желал вступать в сражение, которое могло уничтожить все его усилия для блистательно совершённой переправы, но не мог его избегнуть. Желая преимущественно задержать напор со стороны гр. Витгенштейна, чтобы подолее продлить переправу и не разрушать мостов, он возвратил уже перешедшую на этот берег дивизию Дендельса снова к маршалу Виктору,

---

* Приказы имп. Наполеона от 27-го и 28-го нояб. н. ст. (15-го и 16-го); M. Chambrey. Hist. de l'expedition, T. III, c. 467–471.

которому предстояло задерживать целую армию.

«На рассвете (16-го ноября), т. е. в 7 часов утра, – говорит очевидец-француз, – послышались пушечные выстрелы со стороны Борисова. Это Чичагов начал нападение на маршала Удино. Император сел на лошадь и поскакал туда. Едва он сошёл с лошади на одной из луговин в лесу, как увидал, что раненого маршала Удино уносят с поля сражения. Немедленно он поручает начальство Нею. В то же самое время гром пушек раздался по ту сторону реки. Это Витгенштейн пришёл от Старого Борисова и вступил в бой с маршалом Виктором. Наступило решительное время. Начались два сражения по ту и по другую сторону мостов и гремели по обоим берегам реки в одно и то же время»*. Целый день продолжался упорный бой; но ни Витгенштейну не удалось сбросить в Березину маршала Виктора, ни войскам адмирала отодвинуть к мостам маршала Нея, затруднить переправу и помешать движению неприятельских отрядов с многочисленными обозами на Зембин. Французы приписывают себе победу и восхваляют мужество своих войск, особенно потому, что в обеих битвах им приходилось отбивать нападения целых армий, превышавших их значительно числительною силою. Победы собственно не было ни для одной из боровшихся сторон, но цель сражений одинаково было достигнута для обоих противников. Наполеон совершил переправу; русские довершили разрушение великой армии, уже сильно разгромленной под Красным. Во время переправы через Березину, у Наполеона ещё было с лишком 30 тысяч способных сражаться; после переправы осталось восемь тысяч восемьсот. «При Березине окончилась судьба великой армии, заставлявшей трепетать Европу; она перестала существовать в военном отношении, ей не оставалось другого способа для спасения, как бегство» – по свидетельству самих французов**. Но и силы сражавшихся при Березине противников были далеко не так неравномерны, как они предполагают. Во весь день 16-го ноября из войск гр. Витгенштейна сражалось против маршала Виктора сначала один авангард Властова, потом постепенно подходили к нему другие части войск и вообще участвовали в бое 16 тысяч; остальные подошли только к ночи, когда окончилась битва. Если принять в соображение выгодное положение, занятое маршалом Виктором, то оно почти уравновешивало воюющие стороны***.

На другом берегу Березины, в то время, когда адмирал Чичагов приехал в Стахов, один отряд Чаплица, усиленный несколькими пол-

---

* Fain. Manuscrit, T. II, c. 396.

** M. Chambrey. Hist. de l'expedition, T. III, c. 32, 71, 98–99.

*** Д'Обре. Précis de la campagne du I-er Corps.

ками из авангарда гр. Палена, действовал против маршалов Удино и Нея, располагавших большим количеством войск. Занимая лесистую местность около Стахова, он не мог ввести в дело конницу; артиллерия могла действовать только по дороге к Борисову, в числе одной роты, которые сменяли одна другую, осыпаемые снарядами неприятелей и неся большие потери. Положение неприятеля, стоявшего за лесом в более открытой местности и только отстаивавшего занимаемое им пространство, было несравненно выгоднее. По прибытии в Стахов в подкрепление Чаплицу, адмирал отправил две дивизии под начальством Сабанеева, который бо́льшую часть из них рассыпал в стрелки ещё не доходя до поля сражения, как будто бы приходилось только отстаивать лес, а не нападать на неприятеля. Подаваясь вперёд к Брилям, на открытом поле стрелки с трудом строились в колонны, громимые сильною батареею и атакуемые конницею. Адмирал находился в Стахове с остальными войсками, пока продолжалось это сражение, с раннего утра почти до вечера*. «Мы сохранили наши позиции, — говорит адмирал, — но не могли подаваться вперёд»; но цель действий заключалась в том, чтобы подаваться вперёд и препятствовать переправе и движению неприятеля на Зембин. Но она не была достигнута, а наши войска понесли значительные потери убитыми, ранеными и взятыми в плен. Единственным последствием этого упорного и кровопролитного сражения было то, что и неприятель понёс также немалые потери. «Упорное сопротивление, оказанное в этот день войсками Наполеона, совершенно оправдало взгляд фельдмаршала, выраженный им герцогу Вюртембергскому после сражений под Красным. Армия Наполеона ещё была способна к отчаянному сопротивлению, несмотря на бедственное положение и даже именно потому. Сражения при Березине были замечательны и потому, что доказали всю несостоятельность господствовавшего у нас в высших военных кругах мнения, пущенного в ход иностранцами, и особенно немцами, которого не разделял кн. Кутузов, — что разноплеменный состав лишает их единства и силы, и что поневоле увлечённые Наполеоном иностранцы, и особенно немцы, готовы немедленно оставить его знамёна. Объявление бар. Штейна, выданное с подписью Барклая де Толли**, вызывавшее немцев к измене Наполеону, комитет об устройстве легионов из этих перебежчиков и пленных — не имели никакого успеха; сражения при Березине доказали, что войска разных народ-

* Записки г. Арнольди, Храповицкого, гр. Ламберта; ср. Чичагов. Mémoires inédits, с. 76 и друг.

** Pertz. Das Leben des Freih. v. Stein. T. III. c. 601–604.

ностей могут драться с одинаковою храбростью, увлекаемые гением полководца, и под начальством французских маршалов и генералов. У маршала Виктора две дивизии были из немцев и одна из поляков, конница вся немецкая; у Нея было только 300 французов, все другие войска — польские; у маршала Удино были две дивизии французские, одна дивизия польская, другая из кроатов и швейцарцев. Гр. Солтык считает, что из войск, сражавшихся при Березине, половина была из поляков и, во всяком случае, не более трети французов*.

Как же относился к этим сражениям сам адмирал?

В донесении императору, писанном на другой день после них (17-го ноября), рассказав о потере Борисова и возлагая в этом случае всю вину на гр. Палена, он говорит: «я три дня сохранял эту позицию, — т. е. у Борисовского мостового укрепления,— тогда как, остановленный в своём движении, неприятель старался проникнуть со всех сторон, делая ложные демонстрации в различных местах. Наконец, к концу четвёртого дня, исследовав все берега Березины, когда мы убедились, что он скорее направится к югу, он избрал сильную позицию в 13-ти верстах от Борисова, по дороге в Зембин, где устроил батарею из 30-ти орудий. Мороз оказал ему услугу при устройстве двух мостов, потому что местность тут болотистая. Болото и лес по этому берегу и возвышенность на другом сделали бесполезными препятствовать его переправе. Впрочем, река в этом месте узка и мелка, так что его пехота была перевезена на лошадях, под прикрытием сзади устроенной на высотах батареи. Я полагал, что другие армии прибудут вслед за ним. Действительно, в ночь с 15-го на 16-е ноября мы услыхали перестрелку сперва слева, потом справа: гр. Витгенштейн и Платов приближались. Сообщение между нами было открыто и я начал нападение на неприятеля спереди, тогда как гр. Витгенштейн сражался с войсками, защищавшими переправу по ту сторону реки. От пленных мы вскоре узнали, что тут находится сам Наполеон и что его войска простираются по крайней мере до 70-ти тысяч, и в том числе корпуса Удино и Виктора, не изнуренные усталостью, с значительною артиллерию и конницею. Гвардия императора также хорошо сохранилась. Судя по этому, я убедился, что с 18-ю или 19-ю тысячами пехоты, которые одна могла действовать в занимаемом неприятелем лесу, мне не удастся сделать ничего решительного. Впрочем, он был отброшен на 4 или 5 вёрст вперёд, с потерею одного орудия, нескольких офицеров, сотни пленных и многих убитых, потому что, признаюсь, я приказал солдатам

* M. Chambrey. Hist. de l'expedition, T. III, c. 72; гр. Роман Солтык. Napoléon en 1812, c. 451.

не обременять нас слишком пленными, которые нам в тягость». Жалуясь на то, что его армия была малочисленна и простиралась только до 30-ти тысяч, он заключает так своё донесение: «Сию минуту узнаю, что неприятель уходит; буду его преследовать; можно надеяться, что прибудут потом и все другие и неприятель отсюда до Парижа потерпит ещё много потерь». Эти последние слова можно бы принять за насмешку, если бы они не заключались в донесении императору. Но во всяком случае, вместе со всем приведённым рассказом, они служат доказательством изумительной лёгкости, с какою относился адмирал к такому важному событию, как переправа неприятеля через Березину. Не более двух недель тому назад он получил рескрипт императора, в котором, подтверждая прежний план действий всех армий при Березине и указывая на то, как важно не выпустить Наполеона из наших пределов, император говорил: «подумайте, как различны будут последствия, если Наполеон перейдёт наши границы и составит новую армию». В своём донесении адмирал обходит молчанием как этот рескрипт императора, так и те его наставления, которые привёз полковник Чернышев, и утешается тем, что, на пути до Парижа, Наполеон понесёт ещё много потерь, как будто на этом пути мы могли действовать так же как в Московской, Смоленской и даже Литовских губерниях, и забывая о нерешительной политике Пруссии, коварной Австрии и Рейнском союзе, покорном воле своего верховного покровителя. Сверх того, это донесение императору замечательно и в других отношениях, потому что совершенно несогласно с сочинёнными им впоследствии Записками. Он мог, конечно, не иметь точных сведений об войсках неприятеля и увеличивать их количество; но едва ли он должен был говорить, что, предприняв преследование неприятеля, бежавшего к Зембину, он надеется, что подойдут и другие войска, когда 16-го ноября к вечеру прибыли уже в Стахов граф Платов и Ермолов и за ними следовали их войска. В этом донесении он не говорит, что, будто бы исполняя предписание кн. Кутузова, он двинулся к Шабашевичам и будто бы гр. Витгенштейн четырьмя часами позднее, нежели было условлено, напал на Виктора, как писал впоследствии в своих Записках, оправдываясь от упрёков, которыми осыпали его в России, и как повторяли некоторые из французов-писателей, основываясь на его показаниях*. Что касается до приказания кн. Кутузова, то даже в его Записках нельзя не заметить противоречия. «Флигель-адъютант Михаил Орлов,— говорит он,— приехал ко мне во время этих пере-

* Воданкур. Rélation impartiale du passage de la Beresina; его же, Memoires pour servir à l'histoire etc., Т. II, с. 308; Шапюи. Beresina, с. 105–110.

говоров (т. е. 15-го ноября вечером, с Платовым и гр. Витгенштейном о нападении на неприятеля на следующий день). Кутузов послал его с отрядом казаков, чтобы узнать, наконец, где я нахожусь, что казалось ему необходимым прежде, нежели приблизиться к Борисову. Я с неудовольствием узнал, что фельдмаршал находится в шести переходах от меня и от неприятеля». Если Орлов привёз ему предписание кн. Кутузова в то время, когда подошёл к Борисову гр. Платов и гр. Витгенштейн — к Старому Борисову, то это было к вечеру 15-го ноября, т. е. после того, как адмирал уже возвратился от Шабашевичей. Поэтому он, очевидно, предпринял это движение по собственному усмотрению, а не исполняя предписания кн. Кутузова, который вовсе не предписывал ему такого движения, но советовал наблюдать партизанскими отрядами броды близ Ухолоды. «Как мог подумать адмирал,— говорит гр. Ламберт,— чтобы неприятель переменил намерение и удалился бы от Студянки, где местность представляла ему все выгоды для переправы через Березину. Однако же, он оставляет Борисов и двигается с 12-го на 13-е ноября к Шабашевичам, тогда как, прикрываясь лесами, под Стаховым, он мог удобно предпринять все меры к тому, чтобы напасть на передовые войска неприятеля, лишь только они перешли бы Березину. Как бы он был поражён, когда его встретили бы готовые к бою колонны, которые могли бы его отбросить назад к Березине или в болота, простиравшиеся по её берегу». Не придавая значения приготовлениям неприятеля к переправе при Студянке, адмирал не обратил внимания на Зембин, на который особенно указывал ему фельдмаршал. Это последнее предписание он намеревался привести в исполнение, но в то время, когда уже было поздно.

По выступлении адмирала из-под Борисова к Стахову, в Борисов прибыл с отрядом Ермолов. Гр. Платов сообщил ему желание адмирала, чтобы он соединился с ним. «Я приступил немедленно,— рассказывает Ермолов,— к устройству переправы через Березину и её протоки. Сделаны были временные мосты, их настилали соломою, поливали водою, скрепляемою морозом. Без затруднения перешла пехота; артиллерия и зарядные ящики были перевезены не без опасности. Особенная способность и ловкость казаков отвратили все препятствия. Отыскали броды, два кирасирские полка переправились без потери времени. В позднее время ночи, с 16-го на 17-е ноября, атаман с войсками присоединился к армии адмирала». Рано утром 17-го числа, Ермолов явился к Чичагову, который принял его благосклонно и объяснил свой образ действий. Он предлагал атаману Платову послать отряд казаков вверх по речке Гойне, чтобы, переправясь через неё, разрушить мосты и гати в Зембинском дефиле. Это распоряжение дела-

лось в то время, когда последние войска маршала Виктора переходили через мосты и подвигались вслед за другими, которые прошли уже Зембин, а император Наполеон ехал уже в Камен. «Я осмелился представить адмиралу мои мысли, – говорит Ермолов. – Если бы Наполеон встретил невозможность идти на местечко Зембин, то ему оставалось единственное средство овладеть дорогою на Минск, где, при изобильных всякого рода запасах, которыми снабжается наша армия и все прочие войска, может доставить своей армии отдохновение, призвать из Литвы подкрепления и восстановить в ней порядок. Адмирал отвечал мне, что, защищая Зембинскую дорогу, он исполняет в точности повеление фельдмаршала»*.

В то время, когда происходил этот разговор, последние войска Наполеона перешли Березину и подвигались к Зембину. Маршал Виктор всю ночь оставался на своих позициях на высотах Студянки, чтобы дать возможность, по свидетельству французов, наибольшему числу столпившихся у мостов безоружных и отсталых перебраться с их обозами на другой берег. Но возникший при этом беспорядок был причиною того, что он не достиг этой цели. В продолжение дня всё бросилось к мостам; а потом, к ночи, когда прекратилось сражение и близость пушечных выстрелов не тревожила их более, эти толпы несчастных, и так уже утомлённые, и истощённые голодом, и коченевшие от стужи, кое-как приютились на ночлег у огней; их никакими уже способами нельзя было принудить продолжать переправу на другой берег реки. Но и те, сравнительно немногие, которые сохранили больше силы и решились перебраться чрез мост, в темноте ночи только теснили одни других; обозы путались, сталкивались одни с другими и падали в реку. Перед рассветом, исполняя предписание императора Наполеона, маршал Виктор решился переправить свои войска на другую сторону реки до рассвета, не дожидаясь нового нападения со стороны гр. Витгенштейна. Получив резкий выговор за свои нерешительные будто бы действия против неважного, по мнению императора Наполеона, противника, он желал выказать свою деятельность в самое трудное время и достиг своей цели, удержав нападения передовых войск гр. Витгенштейна и сохранив выгодное положение, которое занимал, и тем оказал действительную помощь спасавшим своё существование остаткам великой армии.

---

* А. П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 264–265.

Глава 8

Действия адмирала Чичагова.

После перехода войск Виктора, все остававшиеся на левом берегу бросились в беспорядке к переправе, «где убивали друг друга, пробивали себе дорогу к мостам, по которым несколько времени прежде могли спокойно переправиться. Ариергард Виктора остановился, выжидая, чтобы разредела толпа; наконец, в 8½ часов утра, должен был силою проложить себе путь сквозь сплошную толпу народа». «Эта последняя сцена была ужасна», — говорит Фэн. Действительно, к числу всех бедствий, которым подвергались войска великого полководца, присоединилось последнее: французы действовали оружием против своих безоружных соплеменников и боевых товарищей. Вслед за переходом последних войск Виктора, мосты были подожжены. «Левый берег Березины представил тогда ужасное зрелище, оглашаясь криками отчаяния мужчин, женщин и детей; многие пытались перейти по горевшим мостам, другие по льду, скопившемуся между двумя мостами, но льдины погружались под их тягостью и они падали в воду; иные пускались переплыть реку выше мостов. Около 10-ти часов появились казаки»*.

После изложенных происшествий, сопровождавших переправу неприятеля через Березину, кажется, нет нужды доказывать, что возможно было нанести ему гораздо более вреда, если б двумя и даже одним днём ранее адмирал Чичагов напал на только что начавшие переходить реку войска Наполеона. Движение к Шабашевичам доказало всю неспособность адмирала в качестве главнокомандующего армиею. Никто бы не подумал упрекать за это моряка, потому что нельзя без приготовления и опыта сделаться способным начальствовать войсками и распоряжаться военными действиями; но не могла не упрекать его Россия за то, что он считал себя способным и обвинял других в своих собственных ошибках. «Я осматривал местность, где Бонапарте построил мост, — писал английскому посланнику лорд Терконель, — думаю, что не было возможности остановить его, потому что над рекою возвышенность, на которой он построил сильную батарею; но

---

* Fain. Manuscrit, T. II, с. 408 и след.; B. Denniée. Itinéraire, с. 162; D. de Fezenzac. Souvenirs milit., с. 339 и след.; M. Chambrey. Hist. de l'expedition, T. III, с. 73–74.

он непременно потерпел бы сильнейшую потерю, если бы мы тут находились, и, судя по местности, потерял бы бóльшую часть своей армии прежде, нежели успел бы пробиться. Всему виною несчастное наше движение в правую сторону, когда следовало идти в левую». Он полагает, что «к этой погрешности против здравого смысла» — по его выражению — подал повод кн. Кутузов, чтó несправедливо; но вместе с тем говорит: «всего прискорбнее, что адмирал не последовал совету Сабанеева и других генералов, которые все были того мнения, что им следовало идти к Шабашевичам, и просили его хотя один день ещё остаться у Борисова»*. Не только ни разу не начальствуя войсками, но даже не участвуя ни в одном сражении на сухом пути, адмирал презирал советами опытных генералов, не верил донесениям своих подчинённых и основывал все свои действия на личных соображениях, без исследования местности, не присутствуя даже на поле сражений. Но, как он ни был самоуверен, однако же должен был понять, что император, придававший такое важное значение военным действиям при Березине, на которую обращено было всё его внимание с самой Бородинской битвы, не мог быть доволен его действиями. Сгоряча он написал донесение, в котором с такою лёгкостью относился к этому делу, как бы к неважной стычке на аванпостах. Но едва успел отправить его, как уже понял, что Государь посмотрит на это дело с иной точки зрения и ничем недоказанные на опыте военные способности адмирала не заставят его удовлетвориться его взглядом на дело. В тот же день он написал другое донесение, в котором говорил: «донося Вашему Величеству о том, чтó случилось с моего отъезда из Минска, я не знал ещё, что занятие Борисова и дело, которое я имел с самим Наполеоном, как показывают пленные, имели гораздо более выгодные последствия, нежели я предполагал. Когда я удерживал его у переправы перед деревнею Бриль, все его обозы и значительное количество войск находились ещё на другой стороне реки, на которую в то же время нападал гр. Витгенштейн и отбил их. Я сам, преследуя неприятеля на другой день, т. е. сегодня, взял 8 пушек, много зарядных ящиков и повозок. Награбленные в Москве сокровища находятся в повозках, которые взяты у него. Теперь, Государь, я должен предполагать, что меня будут обвинять в том, что я не взял Бонапарта и его войск, и что я мог сделать, если б угадал наверное — где он намерен совершить переправу, и поставил бы против него корпус войск. Я, с своей стороны, уверен, что корпус, который я мог бы отрядить в Зембин, сделал бы не более того, который защищал то место, где он хотел устроить

* Письмо к лорду Каткарту, от 8-го (30-го) ноября, из д. Бриль.

свои мосты. На реке существуют броды во многих местах, и в очень короткое время можно переправить достаточное количество людей, чтобы завладеть противоположным берегом, под прикрытием сильной батареи. У меня было не более 16-ти или 17-ти тысяч человеков пехоты, которая одна могла действовать в этом случае; корпус у Зембина, в 30-ти верстах от Борисова, который я так же должен был охранять, как и всё пространство до Березино, не мог быть настолько силён, чтобы противостать армии в 60 или 70 тысяч, под предводительством Наполеона, и которая хочет прорваться во что бы то ни стало. Он был бы уничтожен прежде, нежели я мог бы прийти ему на помощь, тем более, что неприятель перерезывал мне дорогу. Даже всей моей армии не было бы достаточно, чтобы остановить его, хотя бы на одни сутки. Только естественная преграда достигла бы этой цели; во всяком же другом случае он бы проник, а у меня одним корпусом было бы меньше. Если безостановочно и с единством в действиях его будут преследовать, то ему можно нанесть много вреда; но схватить человека, окружённого исключительно своею гвардиею, или разом уничтожить его армию, это, по моему мнению, – химеры. Впрочем, Государь, я сделал всё возможное, чтобы осуществить на деле и мою собственную мечту, но я понял непреодолимые затруднения, которые теория встречает на деле»*. Но мысль о том, чтобы раздроблять армию, оставив одну её часть у Борисова, а другою заняв Зембин, и притом армию, которая пришла на главное поприще действий в количестве меньшем, нежели предполагал прежде, – естественно не могла бы входить ни в соображения императора, ни кн. Кутузова. Но естественная преграда, конечно, имелась в виду у того и другого. Березина протекает по лесистой и болотистой местности. Болота во многих местах непроходимы даже зимою, дороги перерезаны плотинами и, местами, часто простирающимися на значительные пространства. Такова именно была дорога, по которой должен был от переправы при Студянке следовать Наполеон к Зембину. Уничтожить эти мосты и гати, чтобы затруднить отступление неприятелю, вот что́ входило в соображения фельдмаршала, и в этом смысле понимал его предписание и сам адмирал в то время, и хотел привести в исполнение, но тогда, когда было уже поздно. «Атаман Платов доложил адмиралу, – говорит Ермолов, – о возвращении партии, посланной им для истребления мостов и гатей по дороге в Зембин. Надо было перейти речку Гойну, не замёрзшую, хотя и повсюду не глубокую, но невозможно было подойти к ней ближе 30-ти и более саженей по причине непро-

* Письмо от 17-го ноября, из дер. Бриль.

ходимых болот, в которых увязают лошади на всём расстоянии до самого её берега»*. Речка Гойна не замёрзла, по Березине шёл лёд; за два дня после продолжительной оттепели, вновь начавшиеся морозы не скрепили болот, по крайне мере наиболее топких, каких было много, вопреки уверениям адмирала в его Записках**. Приведённое показание ген. Ермолова подтверждают сами неприятели. «Дорога в Зембин, – говорит г. Фезензак, – устроена из дерева на болотах; на ней много мостов и довольно длинных. Такая местность представляла большие затруднения для движения войск и замедляла его, потому что болота на половину лишь подмёрзли и целые колонны должны были двигаться лишь по узкой дороге. Испытывая эти неудобства, мы, однако же, утешали себя мыслью: если бы неприятель менее обращал внимания на дорогу на Минск и позаботился бы по преимуществу о дороге к Вильне, то ему стоило только сжечь какой-нибудь один мост, чтобы потопить нас в болоте»***. «Болота не вполне замёрзли и если б русские имели время сжечь Зембинские мосты, то всё было бы потеряно», – говорит барон Жомини****. «Во время движения после переправы, при переходе через Зембинский мост, который в роде плотины построен из лесу на ко́злах и составлял единственный проход на значительном протяжении через болота, мы могли судить о той опасности, которой мы избежали. Действительно, ничего не было легче для неприятеля, как его истребить или сжечь», – говорит гр. Дюма*****. «Достаточно было огня из казачьей трубки, чтобы сжечь этот мост; тогда все наши усилия, – замечает гр. Сегюр, – при переправе через Березину оказались бы напрасными. Захваченные между этими болотами и рекою, на узком пространстве, без продовольствия, без провианта, когда свирепствовал снежный ураган, великая армия и император принуждены были бы сдаться в плен без боя»******. Если бы адмирал не сознавался даже перед самим собою в своих ошибках, то он не мог бы их не чувствовать. Действительно, его сильно тревожило желание оправдать свои действия перед императором. Послав это второе донесение, он на другой же день отправил к нему генерала Сабанеева. Зная хорошо мнение Государя об этом генерале и выхваляя его «прямоту и способности», адмирал писал ему: «чтобы Ваше Величество в настоя-

---

* А. П. Ермолов. Записки, Т. I, с. 267.

** Mémoires inédits, с. 74.

*** D. de Fezenzac. Souvenirs milit., с. 338.

**** Жизнь Наполеона, Ч. II, с. 236.

***** Souvenirs, Т. III, с. 473–474.

****** C-te Segur. Hist. de Napoléon et de la grande armée, Т. II, с. 374.

щем свете могли видеть происшествия такой великой важности и чтобы малодушный характер, способный из одной крайности впадать в другую, не исказил бы истины в Ваших глазах, я решился отправить генерала Сабанеева, который представит отчёт Вашему Величеству обо всём, что будет угодно Вам знать об этих происшествиях»*. Но император не принял Сабанеева и приказал ему немедленно возвращаться в армию. Хотя он и потребовал объяснений от адмирала**, но уже знал всё, что́ ему нужно было знать: Наполеон удачно совершил переправу через Березину, не встретив во-время никаких препятствий со стороны Чичагова. Подробности могли только усилить неприятное впечатление, которое произвела неудача в исполнении плана военных действий при Березине, на который так долго и постоянно было обращено его внимание. Притом, Сабанеев привёз и письмо лорда Терконеля к лорду Каткарту, которое, без сомнения, немедленно сделалось известно императору. Он писал: «Сабанеев известит вас не только об ошибках адмирала, но и о настроении офицеров здешней армии. Они совершенно не имеют доверия к своему начальнику, который не только не военный человек, но и досадил многим из них своим обхождением, нерешительностию в своих предприятиях и особенно тем, что всегда на них же сваливает свои ошибки»***. Не только важность последствий от удачного исполнения этого плана привлекала его внимание, но и самоё лицо Чичагова. Назначение адмирала предводительствовать сухопутною армиею, окрепшею в боях, испытанною многолетними подвигами, как Дунайская, удаление военачальника, оказавшего заслуги отечеству, как Тормасов, и подчинение его армии также адмиралу — не могли не возбудить внимания общественного мнения. Во время грозной опасности для отечества, оно зорко следило за действиями необычайного главнокомандующего и высказывало свои мнения. Радуясь заключению мира с Турциею, не зная о намерении привлечь турок к союзу с нами и, в противном случае, о замыслах адмирала идти на Константинополь, в обществе удивлялись медленности, с которою наши войска оставляли Дунайские княжества, подвигаясь на главное поприще военных действий. Потом, когда Дунайская армия соединилась с третьею Западною, «не без удивления, чтобы не сказать более,— говорит один из постоянных собеседников в высшем петербургском обществе,— видали, что адмирал решился по своему собственному усмотрению занять герцогство Вар-

* Письмо 18-го ноября, на походе в Бриль.

** Рескрипт от 21-го ноября.

*** Письмо от 29-го ноября (11-го декабря).

шавское. Он сам писал императору: «я буду преследовать Шварценберга до преисподней (jusqu'aux enfers)». Император ему отвечал, чтобы он не шёл далее и согласовал бы свои действия с наставлениями фельдмаршала. Адмирал отвечал, что получил эти наставления и ничего так не желает, как сообразовать с ними свои действия, и пойдёт на Минск. Однако же, он не приходил и со всех сторон сыпалась насмешка: адмирал сел на мель, стоит на якоре, он встречает противные ветры и т.п. и упирали на то, до какой степени странно поручить армию адмиралу». Надменное и дерзкое обращение адмирала, его злые насмешки над понятием об отечестве, над Россиею и всем русским, конечно, не могли приобрести ему друзей между русскими. Но когда узнали, что он занял Минск и подходит к Борисову, готовы были простить ему все ошибки и надеялись на важные с его стороны действия. «Один из важных царедворцев сказал мне», — писал своему правительству гр. Местр, слова которого мы привели выше: «Теперь отдадут справедливость адмиралу; месяц тому назад готовы были снесть ему голову; но в настоящее время, надо сознаться, что он действует как следует»*. Но это убеждение продолжалось недолго. Нарочные из действовавших армий прибывали почти ежедневно и привозили новые известия. Князь Кутузов писал Государю: «из полученного сегодня (15-го ноября) рапорта гр. Витгенштейна усмотрел я, что выполняется общий план, Вашим Императорским Величеством присланный; ибо адмирал Чичагов, со вверенною ему армиею, разбил авангардом своим генерала Домбровского, прибыл с корпусом генерала гр. Ланжерона 9-го числа в г. Борисов. Из рапорта же, полученного сейчас от гр. Платова, известился я, что гр. Витгенштейн 13-го ноября прибыл в село Барани. Главный мой авангард, под командою генерала Милорадовича, сегодня в м. Бобре; казачьи полки гр. Платова — в м. Крупках, занимая также некоторые места слева от большой дороги, для наблюдения за движением неприятеля. Главная армия завтрашнего числа имеет быть в окрестностях д. Ухвала, что на дороге из м. Бобра к м. Березину»**. Это донесение было немедленно обнародовано и из него впервые узнали об общем плане военных действий, сообщённом самим Государем фельдмаршалу. До того времени он хранился в тайне и был известен только главнокомандующим и начальникам отдельно действовавших корпусов. Но когда его исполнение уже готово было совершиться, эта тайна была объявлена всем и, конечно, ещё более усилила внима-

---

* Гр. Местр. Correspondance diplomatique, T. I, c. 250–258; депеша 10-го (22-го) ноября 1812 года.

** Донесение от 15-го ноября, из м. Круглое. «Север. Почта» 1812, № 94.

ние к военным действиям. Вслед за донесением фельдмаршала, Государь получил два, одно вслед за другим, от гр. Витгенштейна. Извещая о преследовании отступавшего неприятеля, он писал, что его авангард, под начальством генерала Властова, имел дело с дивизиею Дендельса, составлявшею арьергард маршала Виктора, при селе Батуры. «Видя потом,– продолжал он,– что неприятель отступает весьма поспешно, я из местечка Холопиники предпринял фланговое движение, пошёл на село Барань, чтобы оным отрезать ему Лепельскую дорогу и иметь возможность действовать на Веселово и Студенцы, где он строил мосты. Дойдя до селения Кострицы, я узнал, что Наполеон переправляется через Березину и корпус Виктора составляет его ариергард. Поэтому, я пошёл атаковать его к переправе у села Студенцы, прося гр. Платова поспешить прибытием к Борисову, что́ им и исполнено. Он приблизился по дороге, идущей от Толочина; а я со всем корпусом приблизился к Старому Борисову». Следствием этого сближения было успешное дело против дивизии Партуно, которая вынуждена была положить оружие. Хотя гр. Витгенштейн не «отрезал,– как доносил,– ариергард, состоявший почти из половины корпуса Виктора», и преувеличивал успехи, говоря о «небывалой ещё над французами победе», но тем не менее это дело могло считаться победою и целая дивизия, вынужденная положить оружие, служила доказательством. В Петербурге праздновали эту победу благодарственным молебном. Но из этого донесения узнали, что Наполеон устроил мосты и переправляется через Березину. «Сего числа (т.е. 16-го ноября),– оканчивал своё донесение гр. Витгенштейн,– я пойду атаковать Наполеона у переправы при селе Студянке, а адмирал Чичагов вместе с гр. Платовым будут атаковать его по ту сторону Березины». Но что же делал в это время адмирал? Этот вопрос оставался ещё нерешённым и возбудил новые недоумения о действиях адмирала. «Снова посыпались насмешки на его счёт; впрочем, надо ещё подождать,– говорит постоянно желавший его защищать гр. Местр.– Платов, который также на другой стороне Березины, тоже не присылал донесений». На другой день получено было новое донесение от гр. Витгенштейна об сражении при Студянке, которое окончилось тем, что неприятель перешёл Березину и сжёг мосты. Это обстоятельство замедлило преследование со стороны гр. Витгенштейна. «Получив же понтоны от адмирала Чичагова, навожу их теперь и пойду на ту сторону, где буду действовать вместе с ним и гр. Платовым»*. Только вслед за этим донесением было получено Государем и письмо от адмирала, в котором он изве-

* Донесение от 17-го ноября, из Старого Борисова.

щал о своих действиях после занятия Минска и оканчивал уверением, что от Березины до Парижа неприятель понесёт ещё много потерь. Это донесение, за исключением, однако же, последних выражений, было также обнародовано вместе с донесением гр. Витгенштейна и окончательно возбудило общественное мнение против адмирала. «План не удался» (le plan est manqué), – говорил Государь приближённым к нему лицам*, и потребовал объяснений от адмирала. «Я имел уже счастие донесть Вашему Величеству о времени перехода неприятеля через Березину,— отвечал Чичагов.— но донесение моё было неполно, особенно потому, что я был взволнован. В последствии я писал с кн. Волконским; но и этим вторым донесением будучи недоволен, также как и первым, я решился отправить начальника моего штаба, генерала Сабанеева, как очевидца происшествий, ошибок, которые я мог сделать, и невозможности, в которой я находился для того, чтобы противопоставить неприятелю непреодолимое препятствие. Я весьма счастлив, что из письма Вашего Величества, от 21-го ноября, вижу, что, не выслушав, Вы не изволили меня обвинять, и потому осмеливаюсь повергнуть на Ваше усмотрение, как всё происходило, с бóльшими подробностями и в спокойном состоянии духа. Выступив из Минска, я направил войска в четыре стороны, за Зембин, на Борисов двумя путями, и на м. Березино, через Игумен. Как ни плохи наши карты и недостаточны сведения в статистике страны и описании рек, однако же я успел собрать достаточно сведений, чтобы предполагать, что неприятель совершит переправу между Зембиным и м. Березино. На всём этом протяжении реки я велел снять мосты и паромы и с главными силами расположился при Борисовском мостовом укреплении, расположив отряды по всему течению реки для наблюдения. Моя армия едва достигала до 25-ти тысяч и в том числе бóльшая часть конницы; кн. Шварценберг ещё мог действовать против меня с тылу, поэтому я принял меры, чтобы исправить редуты, которые значительно пострадали при взятии Борисовского мостового укрепления. Три дня неприятель находился перед нами и своими движениями желал ввести нас в заблуждение; а о движении наших войск, которые, по нашему мнению, должны были идти за ним по пятам, мы не имели сведений. По расчёту переходов, неприятель мог бы прийти ранее к Борисову, нежели пришёл. Был ли со всею армиею сам Наполеон или делал ложные движения незначительным отрядом, чтобы нас удерживать и занимать, я этого не мог знать. В таком затруднительном положении я получил уведомление от кн. Кутузова, который мне писал,

---

* Гр. Местр. Correspondance diplomatique, T. I, с. 269.

чтобы я остерегался, чтоб Наполеон не пошёл по Березине по направлению к Бобруйску и не переправился бы там через реку, чтобы идти на Игумен и Минск. От гр. Витгенштейна получаю известие, что неприятельская армия разделена на несколько колонн: одни направляются на Борисов, другие к Бобруйску. Но где Наполеон – никто не знает; вероятно, там, где его всего менее ожидают. В дополнение ко всему этому, я получаю известия, что австрийцы и саксонцы возвратились в Слоним и их патрули доходили до Пинска. Вот, Государь, данные, которые я имел и которые ввели меня в заблуждение; я полагал, что, может быть, Шварценберг двинется сюда, чтобы держать нас настороже; а это давало повод опасаться, что и Наполеон двинется в эту сторону. Поэтому я предполагал, что, не теряя из виду переправ через реку с левой от меня стороны, я мог разделить мои силы, находившиеся в центре, на две стороны, подвинув одну часть из них направо, и – двинулся на Шабашевичи. Признаюсь, по всем моим соображениям, мне казалось, что неприятель в этой стороне попытается совершить переправу. Лишь только я туда приехал, мне сказали, что неприятель приготовляет мост в Ухолоде, что́ подтвердило бы моё предположение, если б вслед за тем меня не уведомили, что он бросил эти приготовления. На другой день я узнал, что он деятельно приготовляет переправу на левой стороне от Борисова, в 13-ти от него верстах. Генерал Чаплиц был немедленно туда отправлен, потому что, вследствие того же ложного расчёта, я было приблизил его к Борисову. Весь корпус Ланжерона был туда двинут; дрались с утра до 10-ти часов вечера, место переправы было покрыто убитыми; но, как часто случается, не было никакой возможности воспрепятствовать переправе неприятеля, в пять раз сильнейшего и защищаемого батареями. В то же время я возвратился из Шабашевичей со всем остальным войском, но уже было поздно: высо́ты, лес, дорога – всё было занято неприятелем. Березина узка и на ней находятся броды во многих местах и, между прочим, здесь; достаточно было морозов, чтобы придать некоторую плотность болотам, где неприятель непременно бы завяз во всякое другое время. Теперь, я сознаюсь, Государь, что если бы я угадал верно, то отпор мог быть сильнее, но всё-таки окончился бы тем, что неприятель совершил бы переправу»*. На основании теоретического правила, что никакая переправа через реку не может считать-

* Письмо от 29-го ноября, на походе, в 30-ти верстах от Вильны. Приведённые выдержки не были обнародованы в своё время; а вторая половина письма, где рассказывается преследование неприятеля от Березины к Вильне, была напечатана в «Север. Почте» 1812 г., № 99.

ся непреодолимою преградою для войск, адмирал был совершенно прав. Но этого никто от него и не требовал, а, наоборот, рассчитывали на то, что, находясь против Студянки во время построения мостов и в первые дни переправы, он мог дать сильный отпор неприятелю, как и сам признаётся, замедлить переправу, пока подойдут другие войска и нанести ему вместе с ними решительный удар. Но нельзя не отдать справедливости адмиралу, что он скоро понял, что нельзя отклонить внимание императора от наделанных им ошибок и уверить, что особенно важного ничего не произошло, как он пытался в первых своих донесениях. В этом донесении он прямо признаётся, по крайней мере, в главнейшей из своих ошибок – в движении к Шабашевичам, на которое он потерял напрасно почти три дня и тем дал возможность Наполеону совершить переправу. Решившись признаться в своей ошибке, он желал, однако же, смягчить её последствия и писал в том же донесении: «неприятель был гораздо нас сильнее и, завязав с нами дело в этом месте, он не только мог переправиться через реку несколько выше, но и обойти нас с фланга, чем мог причинить нам большой вред. К этому следует присовокупить, что во всё это время я ещё не слыхал о приближении наших, и Наполеон, бросившись на нас, мог бы раздавить нас количеством прежде, нежели подоспела бы какая-нибудь помощь. Гвардия его была в очень хорошем состоянии, Виктор и Сен-Сир (Удино) тоже. Всё это составляло по крайней мере до 40 тысяч человек, не считая расстроенных при отступлении войск. Все пленные, даже нерасположенные к Наполеону, единогласно утверждали, что у него было до 100 тысяч. Вдвойне обманулись те, которые утверждали, что у него всё было в расстройстве, не было ни пушек, или очень немного, ни конницы, а у меня 80 тысяч. Но, по совести, я должен придти к заключению, что Вашему Величеству невозможно было бы достигнуть более важных последствий после этого перехода, разве только самый странный случай дал бы возможность взять в плен самого Наполеона». Совершенно справедливо, что после переправы достигнуты были те же самые последствия, т.е. войска Наполеона были истреблены в качестве боевой силы; но достигнуть этой цели имели в виду при переправе через Березину и не достигли вследствие ошибок адмирала. Не ошиблись те, которые утверждали, что войска Наполеона находятся в полном расстройстве, почти без артиллерии и конницы; остатки гвардии были в бóльшем порядке только сравнительно с другими корпусами. Но корпуса Виктора и Удино были действительно способны на битву, имели значительную артиллерию и конницу. Не имеется никаких доказательств, чтобы кто-нибудь в то время считал армию адмирала в

80 тысяч, и менее всех Государь. Число Дунайской и соединившейся с нею 3-й Западной армии было известно; знали какое количество войск адмирал оставил генералу Сакену, двинувшись к Минску; могли не иметь только верных сведений успел ли он присоединить к себе корпус Эртеля, или нет. Но нельзя не остановиться на словах адмирала: «во всё это время я не слыхал о приближении наших», когда в том же письме он говорит об известиях, полученных им от Витгенштейна и кн. Кутузова. Решимость признаться в ошибках дорого стоила гордости Чичагова, он не довёл её до конца и придумывал способы оправдать себя, конечно, неудачные. Гр. Витгенштейн и не мог сообщить ему верных сведений об великой армии, находясь против Виктора и Удино, что́ он и объяснил ему в своём отношении. Отношение кн. Кутузова, посланное к нему с Орловым, он получил уже возвратившись от Шабашевичей к Борисову, и в нём фельдмаршал прямо указывал ему на дорогу в Зембин, а к Ухолоде поручал послать партизанский отряд для наблюдения. Но, по крайней мере, в этом донесении он говорит, что сведения, сообщённые ему кн. Кутузовым и гр. Витгенштейном, только способствовали его заблуждению и ввели в ошибку. Но эти сведения в его Записках превратились уже в предписание, данное ему фельдмаршалом, и что, исполняя это предписание, он предпринял ложное движение к Шабашевичам*. Адмирал писал свои Записки долго спустя после происшествий, а кн. Кутузов давно лежал в могиле.

Донесения Кнорринга точно также не могли заставить адмирала опасаться за свой тыл. Он доносил ему, что «8-го и 9-го сего месяца Сакен разбил кн. Шварценберга, который взял направление на Вильну; что 9-го же числа показались в Несвиже саксонцы и на другой день опять отступили; Шварценберг, не доходя Несвижа, отправился по дороге к Вильне, и Сакен идёт за ним» **. Что же касается до мысли взять в плен самого Наполеона, то об этом думал только адмирал, как доказывает его приказ, отданный войскам в Борисове: «Наполеонова армия в бегстве. Виновник бедствий Европы с нею. Мы находимся на путях его. Легко быть может, что Всевышнему угодно будет прекратить гнев свой, предав его нам. Посему желаю я, чтобы приметы человека сего всем были известны. Он роста малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы чёрные. Для вящшей надёжности ловить и проводить ко мне всех малорослых. Я не говорю

* Mémoires inédits, c. 62–63.

** Донесения Кнорринга адмиралу Чичагову от 10-го, 11-го и 12-го ноября, из Минска.

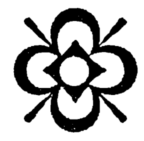
о награде за сего пленника: известные щедроты монарха нашего за сие ответствуют».

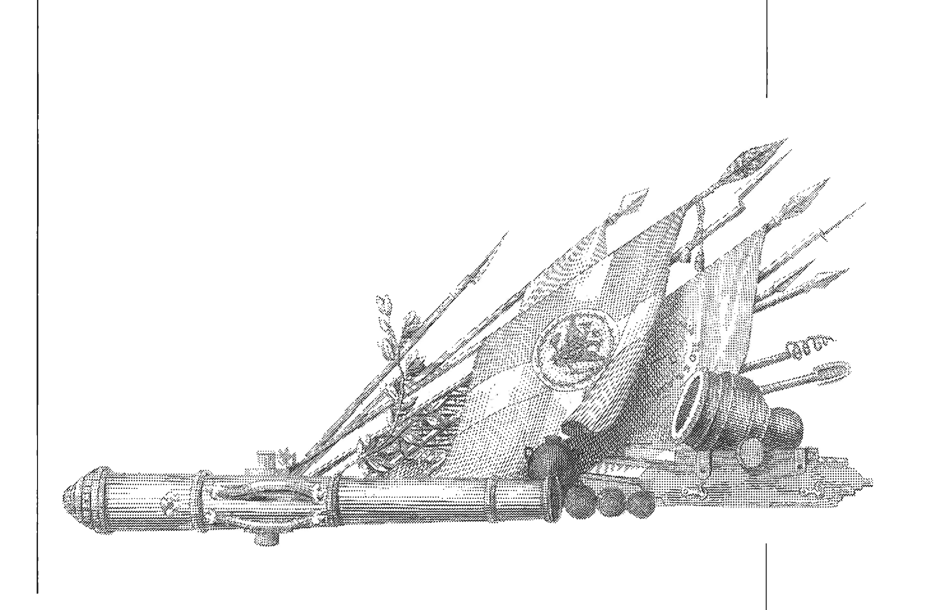
Не менее как на императора Александра известия о действиях Чичагова при Березине произвели неприятное впечатление и на фельдмаршала Кутузова. Конечно, он не имел никаких поводов к тому, чтобы быть лично расположенным к адмиралу, но как русский человек, стоявший так высоко в это время, на которого с упованием, как на своего спасителя, смотрела вся Россия, мог ли он не желать успешных с его стороны действий и притом на поприще, общем для всех уже армий, которых он был воеводою. «Я вчера был скучен и это — грех, — писал он своей супруге.— Грустил, что не взята вся неприятельская армия в полон; но, кажется, можно и за то благодарить Бога, что она доведена до такого бедного состояния». Кн. Кудашев приписывал в этом письме: «барин ушёл (le gentilhomme est échappé) и Чичагов будет причиною, если ещё много прольётся крови». Получив это известие о переправе неприятеля через Березину, фельдмаршал, конечно, понимал, что успех всей кампании будет зависеть от дальнейшего преследования неприятеля, которое может исправить ошибки, сделанные при переправе. С этою целью, необходимо было усилить, с одной стороны, преследование, а с другой — не дать возможности Наполеону соединиться с кн. Шварценбергом и Ренье, находившимся уже у Слонима. Войска фельдмаршала, выступив из Копыса 14-го ноября, перешли Березину и расположились 19-го, при д. Уши. Здесь фельдмаршал предписал адмиралу Чичагову следовать по пятам за отступавшим неприятелем; гр. Витгенштейну — преследовать его с правого фланга, идя на Плещиницу, Вилейку, Неставишки, к Неменчину; авангарду главной армии — Милорадовича — через Логойск, Родошкевичи, Хохлы, Ольшаны, на Яшуны, преследовать его с левого фланга. В то же время главная армия, не слишком удаляясь от своего авангарда, должна была следовать так, чтобы стать между отступавшим к Вильне императором Наполеоном и австро-саксонскими корпусами, находившимися в окрестностях Слонима. Поэтому, от местечка Уши предположено движение главной армии на Воложин. Авангард, под начальством ген. Васильчикова, должен был идти впереди, отряд гр. Ожаровского — фланкировать движение армии слева, подвигаясь на Новогрудек к м. Белице; отрядам партизанов Фигнера, Давыдова и Сеславина предписано было, «не занимаясь более неприятелем», идти прямо к Ковно и Гродно и занять их до прибытия неприятеля*.

* Воен. журнал Толя; Д. В. Давыдов. Сочин., Т. I, прилож., с. 158; донесение кн. Кутузова Государю, от 20-го ноября.

Но, чтобы распоряжения фельдмаршала с успехом были приведены в исполнение, он сдал начальство над своими войсками генералу Тормасову, а сам, на перекладных, несмотря на утомление и нездоровье, поскакал к Дунайской армии*.

* Письмо Анштета к гр. Нессельроде, от 30-го ноября.

Приложение
Генерал Моро на службе в русских войсках

Генерал Моро на службе в русских войсках

Из бумаг А.Н. Попова

Бурное время почти непрерывных войн, наступившее после французской революции, вывело на поприще действий много замечательных военачальников. Сила военного гения Бонапарта подавила всех других, и величие его подвигов умалило, часто несправедливо, подвиги его боевых сотрудников и противников. Как внимание современников постоянно сосредоточивалось на Наполеоне, так и потомки долго шли по тому же направлению и превратили историю в поэтическую легенду об этом гениальном человеке. Только с недавнего времени историческая истина начинает вступать в свои права и воздавать должное каждому из деятелей этой эпохи. Действия многих из них не только не ценились по достоинству, но искажались безусловными поклонниками Наполеона. Такую судьбу испытывали те, которых ненавидел, гнал и преследовал всеми средствами, не исключая лжи и клеветы, сам Наполеон. К их числу принадлежит и генерал Моро.

I

Моро родился в Бретани в 1761 году; отец его был гражданским чиновником и для того же поприща приготовлял сына. «Я посвящал свои занятия изучению законов,— говорит он,— когда началась революция, которая должна была основать свободу французского народа. Она изменила моё призвание, и я посвятил себя военному делу. Не честолюбие увлекло меня в среду воинов свободы; но уважение к правам народа: я сделался солдатом потому, что был гражданином». Двадцати лет он вступил в военную службу и через 12 с небольшим лет уже получил звание дивизионного генерала в северной армии, находившейся под начальством Пишегрю. «Я повышался довольно быстро по службе,— рассказывает сам Моро,— но всегда из чина в чин, не перескакивая ни одного, постоянно служа отечеству и не льстя тем, в чьих руках находилась власть». Пишегрю был ровесник Моро (род. также в 1761 г.). Революционные волнения вывели его совершенно случайно с педагогического поприща на воен-

ное, на котором он выказал блестящие дарования и быстро возвысился до степени главнокомандующего. Также, как и Моро, его действиями руководила любовь к отечеству и свободе; он не только не льстил тем, в чьих руках была власть, но ненавидел произвол и безначалие кровожадного правительства революционной Франции того времени. Когда конвент постановил законом убивать всех пленных неприятелей и строго предписывал исполнять это своим военачальникам, Пишегрю находил способы вовсе не исполнять позорного закона во всё время действия северной армии, окончившихся поражением союзников и завоеванием всей Голландии (1794 года). Моро не только принимал деятельное участие в военных действиях под руководством Пишегрю, но и сблизился со своим начальником. Сходство в направлении, в личных качествах и во взглядах на современное положение их отечества послужило основанием к их сближению. Оно укрепилось ещё более вследствие одного обстоятельства, лично касавшегося Моро, которое могло иметь роковое влияние на его судьбу. Его престарелый отец, которого называли «отцом всех бедных», без сомнения не сочувствовал зверским действиям правительственных лиц, был казнён, как изменник, только по этому поводу. Ужасная кончина отца сильно поразила молодого генерала. Моро задумал покинуть отечество и открыл своё намерение Пишегрю.

Несмотря на сходство в образе мыслей, характеры этих двух лиц были различны, Пишегрю был истый сын революции.

Мысль оставить отечество и обречь себя на бездействие никогда не могла прийти в его голову; он не только желал действовать, но считал себя способным руководить событиями для блага отечества. Характер Моро был совершенно иной: он не считал себя политическим деятелем, шёл за событиями, сохраняя свои нравственные качества и служа отечеству на частном поприще военной деятельности, которой посвятил себя с полным увлечением.

Пишегрю уговорил Моро отказаться от своего намерения, увлекая его мыслию о любви к отечеству и чувством долга и предвещая, что правительство Франции не может долго оставаться в руках недостойных людей и должно измениться. Приготовлял ли он себе способного сотрудника для будущих действий или для блага отечества желал удержать достойного человека в его недрах, — во всяком случае советы Пишегрю произвели действие. Моро отложил своё намерение и деятельно продолжал службу. Последовавшая вскоре перемена в составе правительства как бы подтверждала мнение Пишегрю, а отозвание его на Рейн предоставило более широкое поприще для деятельности Моро.

Северная армия оставалась под начальством Пишегрю; но вместе с тем правительство вверило ему также и Рейнскую армию, к которой он отправился, поручив Моро начальство над северною армиею и оставив Журдана начальником соединённой с нею армии Самбры и Мёзы. После блестящей кампании в Голландии, действия Пишегрю на Рейне были неудачны и возбудили подозрение революционного правительства, зорко следившего посредством своих комиссаров за действиями главнокомандующих. Подозрения в этом случае оказались впоследствии основательными. Главная квартира Рейнской армии находилась в Альткирке, и, почти в виду перед нею, в Бризгау помещалась главная квартира корпуса войск принца Конде, который вошёл в тайные сношения с Пишегрю. Негодуя на неистовства революционного правительства и полагая, что Франция не способна сделаться республикой, французский главнокомандующий задумал повторить образ действий Монка: восстановить монархию и получил на то полномочие Людовика XVIII (comte de Lille). Военные действия армии Пишегрю соответствовали его намерениям. После нескольких нерешительных, и даже неудачных, действий, он отступил за Рейн. Правительство вызвало Пишегрю в Париж, а начальство над Рейнскою армиею предоставило генералу Моро (1795 г.).

Несмотря на близкие отношения к Пишегрю, едва ли он знал о его замыслах, которым во всяком случае не сочувствовал. Не обладая ни решительным характером, как он, ни способностью увлекаться, хладнокровный и расчётливый, Моро не мог из одной крайности быстро перейти в другую и сделаться из ярого революционера монархистом старого порядка, как Пишегрю. Он одинаково с ним ненавидел произвол, но защищал свободу в пределах закона и полагал, что Франция может её достигнуть.

Звание главнокомандующего давало ему все способы выказать свои военные познания и дарования.

Директория, недовольная отступлением Пишегрю за Рейн, требовала от его преемника наступательных действий. Несмотря на силы австрийцев, подкрепляемые корпусом принца Конде, силы, значительно превышавшие числом армию Моро, он должен был исполнить волю Директории. Французская республика могла однако же располагать в это время силами на Рейне, не меньшими по числу войск, нежели австрийцы, после того как успехи Бонапарта в северной Италии вынудили венское правительство двинуть туда на помощь своим разбитым войскам армию фельдмаршала Вурмзера с Рейна.

Это обстоятельство, с одной стороны, уравновешивало силы противников; а с другой, вынуждало австрийцев действовать лишь обо-

ронительно. Но, по военному плану Директории, французские войска были разделены на две армии, состоявшие под начальством независимых один от другого главнокомандующих, и должны были действовать на фланги неприятеля, подвигаясь в глубь Германии по долинам Майна и Неккера к Дунаю. Армия Самбры и Мёзы, в числе 40 тысяч человек под предводительством Журдана, должна была перейти Рейн у Дюссельдорфа; армия Моро, состоявшая из 71 тысячи – у Страсбурга. Такой образ действий давал возможность главнокомандующему противной стороны сосредоточить свои силы и, смотря по обстоятельствам, направить их на одну из армий республики, подавить её количеством войск и потом обратиться против другой. После отъезда Вурмзера в Италию австрийскими войсками начальствовал один главнокомандующий, ещё молодой в то время, эрцгерцог Карл, приобретший потом известность замечательного военачальника, который мог, конечно, воспользоваться выгодами ошибочного военного плана, начертанного Директорией для действий французских войск. Если не вполне, то во всяком случае он воспользовался им в значительной степени.

Наблюдая за Майнцем и двигаясь к Лану, Журдан был разбит эрцгерцогом Карлом при Ветуларе и должен был отступить. Чтобы оправдать поражения, в которых не любят признаваться французы, они приписывают движению Журдана то важное значение, что он отвлёк внимание австрийского главнокомандующего от Страсбурга, где Моро с полным успехом совершил переправу своей армии через Рейн. Но у австрийцев было достаточно сил, чтобы, если не воспрепятствовать, то во всяком случае затруднить переправу у Страсбурга, если бы они успели соединить против него свои разбросанные на значительном протяжении по берегу Рейна войска.

Очевидно, успех переправы Рейнско-Мозельской армии, совершённой скрытно от неприятеля, смело и в полном порядке, зависел от обдуманных с предусмотрительностью распоряжений генерала Моро. За первою удачею последовали и другие. Несамонадеянный, неспособный к безрасчётному увлеченью, он не бросился на рассеянные части неприятельских войск, чтобы разбить каждую из них порознь; но, предусматривая дальнейшие действия едва начатого похода и не полагаясь на случай и свою непогрешимость, прежде всего сосредоточил свои войска, как и следовало главнокомандующему, который действует не для достижения личных целей, а для пользы и славы отечества.

Между тем весть о переправе через Рейн армии Моро дошла до эрцгерцога. Заставив отступить Журдана, он оставил у Майнца зна-

чительный отряд (27 тыс.), другой на берегах Лана (36 тыс.), чтобы удерживать его, если б он снова начал наступательные действия, а сам усиленными переходами с 25-тысячным корпусом пошёл на помощь Латуру, находившемуся против Моро и потерпевшему уже неудачу при р. Муре. Цель действий Моро заключалась в том, чтобы овладеть дорогой, которая от Раштадта вела в долину Неккера, а в то же время сообразовать свои действия с Журданом и не терять из виду, исполняя наставления Директории, возможности сближения с итальянскою армиею. При этом условии следовало с одной стороны растянуть линию, а с другой не слишком разбросать свои войска, постоянно сохраняя под рукою достаточное количество, чтобы с успехом действовать против неприятеля.

Эту, по-видимому, неисполнимую задачу мог только исполнить с успехом хладнокровный, дальновидный и остроумный в своих действиях военачальник. Моро выдержал сражение при Раштадте в конце июля с эрцгерцогом, который пришёл уже на помощь к Латуру. Это сражение австрийцы считают победою, а французы – сражением нерешительным, и едва ли не потому только, что эрцгерцог отступил. Но это отступление не было вынужденным и совершалось медленно и в величайшем порядке. Цель австрийского полководца заключалась лишь в том, чтобы оградить от вторжения только имперские владения Габсбургов, а не вообще Германию, и потому он шёл к Дунаю.

По его пятам, преодолевая препятствия, вёл свою армию Моро. Но в то время, когда австрийцы приближались к своим средствам содержания войск, пополнения убыли в людях и боевых запасах, французы удалялись от своих всё более и более. Это обстоятельство входило в соображения Моро и, конечно, вынуждало его действовать с крайнею осмотрительностью. Он убеждался постепенно, что его противник отступает не из страха перед победителем; но, напротив, умышлено ведёт его за собою в глубь Германии, к границам империи. Только успешные действия армии Журдана могли отвратить угрожавшую ему опасность, и он зорко следил за ними.

Узнав об отступлении эрцгерцога Карла и полагая, что к этому движению принудили его действия Рейнской армии, Журдан начал снова наступать. Эрцгерцог предписал Вартенслебену, находившемуся против Журдана, отступать к Дунаю, оставив гарнизоны в Майнце, Касселе, Эренбрейтштейне и Мангейме. Журдан должен был оставить более трети своих войск, для блокады этих крепостей и с 46 тыс. двинулся вперёд против Вартенслебена, располагавшего почти таким же количеством войск, но его рассчитывал подкрепить эрцгерцог и выжидал только благоприятных обстоятельств.

Между тем Моро подвигался вперёд. При Канстате он выдержал с успехом упорное сражение, проник в долину Неккера и трудными горными проходами вышел к концу июля к Дунаю, за которым была расположена австрийская армия. Эрцгерцог поджидал прихода Вартенслебена, чтобы сосредоточить все войска.

В это время Журдан выиграл сражение при Фридберге, занял Франкфурт, Вицбург и вышел на берега Нааба, притока Дуная, почти на одну высоту с Моро. Опасаясь соединения французских армий и получив известие, оказавшееся впоследствии несправедливым, о неправильном движении Вартенслебена, чтобы закрыть Богемию, удалявшего его от войск эрцгерцога, он решился выйти из выжидательного положения, напасть сначала на Моро, а потом спешить на помощь Вартенслебену и действовать против армии Журдана. Перейти Дунай, дать сражение искусному противнику, имея в тылу эту реку, было предприятием смелым, которое, в случае неудачи, могло повлечь за собою большие бедствия. Но упорная битва при Нересгейме, хотя осталась нерешительною, и обе враждующие стороны сохранили свои позиции, однако же её последствия обратились в пользу австрийцев. Эрцгерцог не продолжал наступления, переправился затем снова через Дунай в полном порядке и несколько дней наблюдал, чтó предпримет его противник. Моро, устраивая войска после упорного сражения, был особенно озабочен тем, что австрийцы, обойдя его правый фланг и достигнув до Геденгейма, угрожали его тылу. Это нападение произвело такую тревогу, что все его парки и обозы должны были отступить. В ожидании их прибытия, Моро не мог предпринять наступательных действий. Воспользовавшись его бездействием, эрцгерцог, оставив против него Латура с 36 тыс. войском, сам с 25 тыс. пошёл на помощь Вартенслебену, который не удалялся к Богемии, а стоял против Журдана при р. Наабе. В начале августа (4-го) эрцгерцог двинулся от Нигольштадта и встретил у Неймарка отряд Бернадота, которого Журдан послал, чтобы войти в сообщение к Моро, разбил его и отбросил к Нюренбергу. Послав отряд для его преследования, он со всеми силами пошёл против Журдана и, соединившись с Вартенслебеном, разбил его при Амбере, потом при Вюрцбурге и принудил к поспешному отступлению за Рейн. Моро несколько дней находился в полном неведении о действиях эрцгерцога; но и узнав, не мог идти на помощь Журдану к Майну, не разрушая плана действий, предписанного ему Директориею, удалясь от итальянской армии и подвергая опасности свои сообщения с Рейном на Страсбург, которые могли перервать войска генерала Латура. Получив известие о первых действиях эрцгерцога против Журдана, он двинулся вперёд, перешёл Дунай и достиг Леха у Мюнхена, в надежде снова привлечь на себя эрц-

герцога и облегчить Журдану возможность сопротивляться неприятелю. В то время, когда австрийские войска отступали в порядке, давая ему возможность всё более вдаваться внутрь враждебной страны, он попытался было, оставив часть своих войск против Латура, идти на помощь Журдану; но весть о совершенном поражении армии Самбры и Мёзы и об отступлении Журдана за Рейн вынудила его прекратить наступательные действия. Его войска могли быть поставлены в крайне затруднительное положение. Двинувшись к Неккеру, торжествующий эрцгерцог мог отрезать его от Франции, окружить со всех сторон в стране, враждебно настроенной против французов. Таково было общее мнение как Европы, так и Франции, лишь только сделалось известным положение военных дел в Германии, армию Моро считали погибшею, и эту участь подготовил ей план военных действий, предписанный Директорией обоим главнокомандующим французскими армиями в Германии. В то время, когда Бонапарт торжествовал ряд блестящих успехов над австрийцами в Италии, армия Журдана была разбита и отброшена за Рейн, армия Моро поставлена в безвыходное положение.

Оказавшись в таких тяжёлых условиях, Моро не смутился, не потерял времени на размышления; но решился немедленно отступать и после нескольких удачно выдержанных битв провёл армию без значительных потерь в Страсбург. Эта кампания прославила в Европе молодого эрцгерцога. Но и Франция была чрезвычайно довольна, что Моро спас армию, поставленную в опасное положение в Баварии. О её судьбе чрезвычайно заботились, особенно после того как дошли вести об отступлении Журдана. Подвигами Бонапарта в Италии гордились; его слава возросла до последней степени, но, предчувствуя характер молодого полководца, его славой начинали уже тяготиться, опасаясь притязаний его самолюбия. Действия Моро дали возможность выставить некоторым партиям рядом с ним другого полководца, и его действительно блистательно совершённое отступление превозносили до небес и сравнивали с отступлением 10 тысяч Ксенофонта. Но обстоятельство совершенно случайное вдруг заподозрило Моро в глазах республиканского правительства.

II

Директория, отозвав Пишегрю от начальства над Рейнскою армиею, подозревала его; но, не имея достаточных доказательств, чтобы явно обличить его в преступных действиях, должна была скрывать свои подозрения. Конечно, Пишегрю ещё более сблизился с недовольными республиканским правлением

и, несмотря на то, что лишился такого могущественного орудия для действия, как преданная ему армия, не оставил своих замыслов. Он вышел в отставку из военной службы, оставил Париж под тем предлогом, что ему нужно продать своё военное имущество, и отправился на свою родину в Юру. Оттуда он продолжал тайные сношения, через Страсбург, как с принцем Конде, так и с Виккамом, великобританским посланником в Швейцарии. Хотя его отставка и заподозрила его в глазах Бурбонов и английского министерства, однако они продолжали с ним сношения, рассчитывая на то, что он подготовит общественное мнение в пользу реставрации прежней монархии внутри Франции, вместе с другими их агентами даже в среде самих правительственных лиц. Поводом к тому, кроме уверения самого Пишегрю, послужило и то обстоятельство, что он был избран представителем от Юры и вошёл в совет *пятисот*.

В таком положении он, конечно, имел более возможности подготовить задуманный им переворот. Что же касается до войск, то он уверял Бурбонов, что стоит только Рейнской армии потерпеть несколько неудач, чтобы она возмутилась против своего главнокомандующего и потребовала возвращения прежнего. С этою целью он даже помогал врагам Франции, осаждавшим Кель (1796 г.), доставляя им различные сведения о Рейнской армии и военных соображениях её главнокомандующего. Но сам он едва ли полагался на этот расчёт. Он близко знал Моро и не надеялся на его сочувствие своим замыслам и даже предостерегал Бурбонов и англичан от всяких сношений с ним. Не менее ему были известны и военные качества Моро, которого трудно было поставить в такое положение, чтобы противники могли нанести ему значительное поражение, и которому вполне была предана армия. Он рассчитывал создать новую военную силу в лице национальной гвардии, которую думал подчинить себе и увлечь в свои виды. Недовольных современным правительством Франции было очень много, и потому исполнение подобного замысла могло представляться вероятным. Но эта вероятность и должна была возбудить всё внимание Директории, и так уже подозрительно следившей за действиями Пишегрю, в то время, когда Людовик XVIII собственноручными письмами вверил ему «во всей полноте свою власть и свои права и верил, что ему предоставлена честь восстановить монархию во Франции»*.

Два новые обстоятельства не только усилили подозренья Директории, но окончательно убедили её в замыслах Пишегрю.

---

* Письма Людовика XVIII к Пишегрю от 24 мая и 9 июня н. ст. 1796 г.; Alphonse de Beauchamp. Vie de Moreau, Paris 1814, с. 242–244.

Корпус принца Конде стоял на Рейне и действовал заодно с австрийцами против Франции; Людовик XVIII странствовал по Европе, переменяя местопребывание, смотря по обстоятельствам политическим; граф д'Артуа был в Англии, которая снабжала деньгами роялистов. Многочисленные эмигранты наполнили все европейские дворы и стремились к восстановлению монархии; их агенты были рассеяны по всей Франции и приготовляли общественное мнение. Республиканское правительство, конечно, смотрело на их действия, как на козни и заговоры против существовавшего порядка, а на них — как на государственных преступников. В начале 1797 года был открыт такой заговор в Париже; виновные присуждены к наказанию, исключая одного, который выдал своих и сообщил Директории все известные ему сведения о действиях роялистов. Он говорил, между прочим, что они распространяли свои действия на одну из армий республики, но не знал о сношениях Пишегрю. Хотя он не называл его по имени, но, конечно, это показание усилило в отношении к нему подозрения Директории, подкрепляемые его действиями в обществе и в совете пятисот, где он проводил проекты устройства национальной гвардии.

Несколько месяцев спустя, к этому обстоятельству присоединилось и другое. Во время хищнического набега на Венецию, положившего конец существованию этой старой республики, Бонапарту попался в плен один агент роялистов, в бумагах которого была найдена весьма важная по содержанию записка. В ней заключался подробный рассказ о разговоре этого агента (comte d'Entraignes) с гр. Мангальяром, который вёл первые переговоры с Пишегрю по поручению принца Конде. Этой записки, которую Бонапарт поспешил доставить Директории, было совершенно достаточно для того, чтобы убедить последнюю в преступных деяниях Пишегрю, но она не могла служить юридическим доказательством к его обвинению законным порядком. Директория не могла предать его суду в виду той силы, с которою действовали против неё оппозиционные представители, настаивая особенно на утверждении закона о национальной гвардии, проводимого усилиями Пишегрю. Суд мог оправдать его и тем придать ещё бо́льшее значение его влиянию на других. Поэтому Директория решилась произвести государственный переворот 4-го сентября 1797 года (18 fructidor an VII). Значительное число представителей было схвачено вооружённою силою, и на другой же день Пишегрю с несколькими другими был сослан в Гвиану.

Между тем военные действия на Рейне продолжались. Изнурённая трудным отступлением, армия Моро не могла защитить неустроенных окончательно укреплений Келя и мостового укрепления при Гунниге.

Ему удалось однако же спасти часть оружия и, отразив нападения сильнейшего в сравнении с ним неприятеля, переправить войска за Рейн. Устроив свою главную квартиру в Страсбурге, Моро сосредоточил всё внимание на приведении в порядок и переустройстве Рейнской армии; но Директория не могла оказать ему достаточного пособия, потому что финансы республики находились в постоянном расстройстве. В этом отношении армии Рейнская и Самбры и Мёзы были поставлены в более затруднительное положение в сравнении с итальянской. Благодаря огромным контрибуциям и беспощадному грабежу, допущенному Бонапартом, который не только высказывал, как правило, что война сама должна себя содержать, но заготовлял деньги и для будущих предприятий, зная, что правительство не в состоянии его снабдить ими, — его войска не только ни в чём не нуждались, но жили роскошно, и слух о их благоденствии волновал и другие армии. Когда Журдан занял Франкфурт-на-Майне, обложил его незначительною контрибуцией и строго запретил грабёж, войска волновались, указывали на итальянскую армию и завидовали её положению. Положение Рейнской армии было ещё хуже. По ходу военных дел, Моро ни с кого не мог взять контрибуции, а грабежа он также не допускал.

Преодолевая всеми способами недостаток в содержании войск, он не только не имел возможности вполне пополнить потерю в людях, но беспрекословно согласился уделить от своих войск 30-тысячный корпус, предназначенный, по соображениям Директории о военных действиях, на будущий год для усиления итальянской армии. Моро не завидовал успехам Бонапарта и охотно им содействовал для общих видов республики. Он служил им; но не думал захватить их исключительно в свои руки, руководить судьбами Франции и с этой целью поставить себя в такое положение, чтобы сделаться единственным человеком, который мог бы вывести её из затруднительного положения, в котором находилась она, угрожаемая постоянно внутренними и внешними врагами. В дела внутренней политики он совершенно не вмешивался и даже более нежели не вмешивался, как покажут дальнейшие события, между тем как Бонапарт постоянно советовал Директории громовым ударом поразить своих противников — и особенно роялистов, обещал ей даже доставить денег для этой цели и прислал для исполнения государственного переворота одного из своих боевых сотрудников, генерала Ожеро, указывая на которого, один из влиятельных членов Директории, Карно, говорил: «какой нахальный разбойник». Итальянская армия, гордившаяся своим вождём и преданная ему из корыстных видов, разделяла его политические сочувствие и ненависть. «Настроение Рейнской армии было совершенно

иное, — говорит знаменитый биограф Наполеона, — более спокойное, хотя в ней находилось несколько офицеров, помещённых генералом Пишегрю; вообще в войсках господствовало республиканское направление, но не возбуждённое, и она менее опьянялась успехами, нежели италианская, и была спокойна, дисциплинирована и — бедна. Вообще направление армии устанавливается по образцу главнокомандующего. Направление Рейнской армии составилось по образцу Моро»*. Он был искренно предан свободным началам и как не сочувствовал тирании в белых перчатках старой монархии, так ненавидел руку, запятнанную кровью многочисленных жертв правителей Франции первых лет республики. Едва ли даже он считал возможными свободные начала исключительно при республиканском устройстве и потому не мог ненавидеть даже роялистов.

По соображениям Директории, все три армии, Самбры и Мёзы, Рейнская и итальянская должны были действовать в одно время и своими успехами облегчать взаимные действия. Но Бонапарт, обладая всеми средствами, мог, когда хотел, начать военные действия. Генерал Гош (Hoche) мог снабдить себя также некоторыми средствами из Голландии и областей между Мёзою и Рейном, которые почитались завоёванными; но Моро был лишён почти всяких средств. Бонапарт с февраля месяца действовал в Италии, и к тому времени, как Моро мог открыть кампанию, он угрожал уже столице Австрийской монархии. Едва Моро совершил блестящую переправу через Рейн в виду многочисленного неприятеля и одержал несколько побед, как получил известие о перемирии и предварительных условиях мира, заключённого Бонапартом с империею в Леобене. Эта кратковременная кампания, начатая с таким успехом, имела большое влияние на судьбу Моро.

Во время одного из сражений его войска захватили обоз и бумаги генерала Клингена, через которого Пишегрю вёл сношения с принцем Конде, роялистами и английскими агентами. Эта переписка была открыта в бумагах и доставлена Моро. Она явно обличала прежнего главнокомандующего Рейнскою армиею и совершенно устраняла от всяких подозрений самого Моро, хотя и бывшего в дружеских отношения с Пишегрю. Писем было до 200 и большею частью писанных шифром. Потребовалось много времени, чтобы открыть ключ к этому шифру и прочесть письма, Моро известил о своём открытии члена Директории Бартелеми; но пока разбирали письма, в войсках успели уже распространиться слухи о их содержании, часто преувеличенные и неверные. Бартелеми был одною из жертв переворота 4-го сентября

* Thiers. Histoire de la revolution, T. VIII, с. 10, изд. 1865 г.

(18 fructidor an VII), и потому письмо к нему представлено было чинам Директории, по распоряжению которых был совершён государственный переворот. Они немедленно вызвали Моро в Париж и сообщили ему постановление Директории об этом перевороте. Собираясь оставить армию, он обнародовал воззвание к ней:

«Я только что получил объявление Директории от 4 сент., из которого явно, что Пишегрю оказался недостойным того доверия, которым он так долго пользовался в глазах республики и армии, – писал он в этом воззвании. – Мне известно также, что многие военные, зная заслуги, оказанные отечеству генералом Пишегрю, сомневаются в его виновности. Я считаю долгом объявить всю правду моим товарищам по оружию и согражданам. Более нежели верно, что Пишегрю изменил Франции.

Я известил одного из членов Директории, что мне досталась в руки переписка с Конде и другими агентами претендента, после которой нельзя уже сомневаться в этой измене. Директория вызывает меня в Париж, вероятно, чтобы получить более подробные сведения об этой переписке. Солдаты! будьте спокойны и не заботьтесь о внутренних происшествиях и будьте уверены, что, поражая роялистов, правительство охраняет республиканское устройство, которое вы клялись поддерживать». Посылая это объявление, Моро в то же время писал членам Директории, что «действительно трудно было поверить, чтобы человек, оказавший такие важные услуги стране, изменил ей и решился без всякой для себя выгоды на такой бесчестный поступок. Меня считали другом Пишегрю; но я давно потерял к нему уважение. Вы увидите, что более всех меня он ставил в тяжёлое положение: все предположения были рассчитаны на поражение армии, которой я предводительствовал. Её храбрость спасла республику». Узнав из письма Моро к Бартелеми о переписке Пишегрю с роялистами, которая так давно уже находилась в его руках, Директория естественно должна была заподозрить его самого, но, познакомившись с содержанием переписки, конечно, убедилась, что Моро не принимал участия в замыслах Пишегрю, и что заговорщики его опасались и тщательно скрывали от него свои действия. Оставалось, однако же, одно обстоятельство сомнительным и неясным для неё: почему Моро так долго скрывал эту переписку, не извещая о ней Директорию? Если обширная переписка, составленная большею частью из шифрованных писем, требовала много времени, чтобы окончательно разобрать её, то во всяком случае, лишь только был найден ключ и обличалось участие Пишегрю, почему же Моро своевременно не известил об этом Директорию и почему впоследствии написал к одному только

из директоров, и притом к Бартелеми, который сам пал жертвой государственного переворота, как лицо подозрительное. При том первое письмо Моро к Бартелеми помечено 3 сентября, т. е. написано лишь накануне государственного переворота, который приготовлялся давно. Неужели действия партий в Париже, борьба на жизнь и смерть в среде самих правительственных учреждений, усиленные заботы Пишегрю как можно скорее провести закон о национальной гвардии, оставались тайною для генерала, находившегося в Страсбурге? Во втором письме к Бартелеми Моро писал: «Я решился было вовсе не оглашать этой переписки, потому что заключение мира казалось вероятным и, следовательно, не предстояло никакой опасности для республики, тем более, что она обличала бы немногих, так как никто не назван по имени. Но, видя во главе партий, которые в настоящее время причиняют так много зла отечеству, занимающим важное место и пользующимся доверием человека, который, как видно из этой переписки, должен был играть важную роль при вызове претендента на престол, я счёл долгом известить вас, чтобы он не обманул вас своим мнимым республиканским образом мыслей и чтобы вы могли предотвратить действия, последствием которых была бы междоусобная война. Признаюсь, мне было весьма тяжело сообщать о такой измене, тем более, что тот, о ком я писал вам, был моим другом и, конечно, остался бы им, если бы я не распознал его. Я говорю о народном представителе Пишегрю. Он был достаточно благоразумен, чтобы ничего не писать собственноручно, но словесно сообщал свои предположения тем лицам, которые вели переписку». Эти строки не оставляют никакого сомнения в том, что Моро знал о борьбе партий и более всех мог понимать, обладая такой важной перепиской, к чему клонилась вся деятельность Пишегрю. Директория, постоянно стремившаяся действовать путём закона, а не насилия, не без колебаний решилась произвести государственный переворот. Вóвремя доставленные ей сведения об этой переписке, может быть, дали бы ей возможность предотвратить грозившую ей опасность, не прибегая к насильственным мерам?

Образ действий Моро в этом случае не мог не возбуждать недоразумений и сомнений. Современники, смотря по различию партий, к которым они принадлежали, смотрели на него различно; но одинаково его порицали. Роялисты, предполагая с его стороны сочувствие к восстановлению монархии, обвиняли его за донос на своего боевого товарища и бывшего начальника и даже за участие в подлоге. Они предполагали, что все рассказы об этой переписке, будто бы никогда не существовавшей, придуманы только для того, чтобы оправдать в

общественном мнении государственный переворот, произведённый триумвирами, т. е. тремя только членами Директории. Республиканцы упрекали в недостатке ревности к поддержанию созданных революцией учреждений и провозглашаемых свободных начал. Директория уволила его от звания главнокомандующего, хотя и не подозревала ни в участии, ни в сочувствии замыслам роялистов. Потомки, принимая в соображение всю последующую его деятельность, с большим беспристрастием объясняют странный его образ действий в этом случае особенностью его личных свойств. Моро вовсе не сочувствовал реставрации старой монархии в прежнем её виде, как желали Бурбоны и роялисты. Но такой монархии не сочувствовал даже и Пишегрю, потому что в сношениях с принцем Конде требовал некоторых уступок свободным началам, провозглашённым революциею. Моро искренно сочувствовал этим началам и примирился с современным правлением Франции, не прибегавшим уже к жестоким и кровавым мерам, чтобы поддерживать своё существование. Но он был исключительно главнокомандующий, военный человек, и в этом качестве честно и добросовестно служивший отечеству. Он вовсе не был государственным человеком и не питал никакого сочувствия к политической деятельности, как бы высоко сила обстоятельств ни могла поставить его на этом поприще. Поэтому в первое время Моро не понял всей политической важности находившейся в его руках переписки и даже не хотел придавать ей гласности. Она относилась к прошедшему времени, к предприятию неудавшемуся, и зачинщик дела, удалённый от начальства над войсками, казался ему уже не опасным. При таком взгляде, первое соображение, которое ему приходило на ум, состояло в том, что он должен сделаться доносчиком на человека, оказавшего значительные услуги отечеству, бывшего его начальника и друга. Конечно, такое соображение ужасало безукоризненно честного человека, каким был Моро. Впоследствии борьба партий в правительстве, действия Пишегрю в качестве народного представителя в совете пятисот, очевидно, не отказавшегося от своих замыслов, вынудили его сообщить Бартелеми сведения из этой переписки* и предупредить правительство о нём. Но в его душе долг гражданина долго боролся с долгом честного человека; он искренно писал Бартелеми, что ему дорого стоило решиться на то, чтобы сделать донос правительству на Пишегрю. Поэтому он обратился не прямо к Директории, но к нему, говоря, что только «высокое доверие к его любви к отечеству и его благоразумию (Sagesse), вынудило его принять такое решение». Поэтому он медлил, — и эта мед-

* Все эти письма напечатаны у Ботана, с. 264–271.

ленность была причиной того, что его извещение совпало случайно с государственным переворотом; это же случайное совпадение в свой черёд заподозрило его в глазах всех.

III

Крайне затруднительное положение, в которое поставил себя Бонапарт в 1797 г. в войне против Австрии, вынудило его предложить эрцгерцогу Карлу войти в соглашения о мире. Страх, что полководец, который постоянно одерживал победы над австрийцами в Италии, завоюет столицу империи, вынудил венский кабинет принять предложение. Заключая перемирие ни та, ни другая из договаривавшихся сторон не возлагали надежд на успешный исход переговоров и рассчитывали только выиграть время для приготовлений к дальнейшему продолжению военных действий. Гордость так называвшейся Римской империи не могла помириться с потерею голландских областей и северной Италии. Ей снова хотелось, и с лихвою, возвратить свои потери. Бонапарт, перейдя Альпы, и не мог остановить своих действий; а Директория ещё менее могла остановить его, опасаясь того значения, которое он уже приобрёл, увлекаясь мыслью водворить повсюду республиканское правительство мечом и грабежом. Раштадтский конгресс и переговоры в Лилле с Англиею не привели к мирным соглашениям; а внезапный, без всякого повода, захват Мальты и экспедиция в Египет вновь взволновали всю Европу. Образовалась новая коалиция против Франции, гораздо более грозная, нежели все прежние. С одной стороны её действиям помогла Турция, вызванная на войну за захват Египта, с другой – Россия вступила в вооружённый союз против республики.

Удалённый от начальства над войсками, Моро проживал без всякого дела, посвящая досуг изучению военного искусства. Испуганная угрожавшей опасностью, путаясь в военных соображениях для защиты, в отсутствие Бонапарта, после смерти Гоша, Директория решилась призвать к деятельности Моро.

В начале 1799 г., когда Суворов уже уехал начальствовать над русско-австрийскою армией в Италии, Моро получил звание генерал-инспектора и был призван в военный комитет, состоявший при Директории для начертания планов военных действий, как оборонительных, так и наступательных, в случае успеха обороны. Исполнив возложенное на него поручение, Моро, как боевой генерал, не желал оставаться в Париже во время военных действий и просил Директорию отправить его простым волонтёром в итальянскую армию.

Директория исполнила его желание, отправила его к Шереру, который предводительствовал этою армиею, с тем, чтобы он находился при нём и, конечно, просвещал его своими советами. «Моё назначение,— говорил впоследствии Моро,— не было блестящим, но силою обстоятельств потом сделалось таким». Конечно, только любовь к военному делу могла побудить Моро находиться в качестве свидетеля действий военачальника, избранного Директорией, неспособного, устарелого и нерешительного. Не принимая в соображение советов Моро, Шерер не успел воспользоваться обстоятельствами в то время, когда перед ним находились одни австрийские войска, т. е. когда силы противника не превосходили тех, которыми он сам мог располагать, и находились ещё без главнокомандующего, такого же престарелого генерала Меласса, который на долгих ехал из Вены на боевое поприще. Он дождался того времени, когда, такой же, правда престарелый, но бодрый духом и телом, вождь прибыл на место действия во главе русских войск, посланных Императором Павлом в помощь Австрии. Этот вождь был — Суворов.

Рядом побед немедленно ознаменовалось его прибытие. Положение французских войск было крайне затруднительное. Вынужденные оставить линию реки Минчио, прогнанные за Олио, они отступили за Адду. Дух войск упал, ропот на главнокомандующего усиливался со дня на день. Генерал Шерер разбросал на пространстве 100 вёрст свои войска, которые и так были в гораздо меньшем количестве по сравнению с силами союзников и, конечно, потерпели бы новые поражения. Но Шерер был отозван Директорией, которая предписала Моро принять начальство над итальянскою армией. Узнав об этом назначении, Суворов сказал: «и в этом я вижу перст Провидения: мало славы разбить шарлатана; лавры, которые похитим у Моро, будут лучше цвесть и зеленеть».

Но положение Моро было таково, что немногие согласились бы добровольно занять его и принять на себя, в качестве главного действующего лица, полную ответственность перед страной в виду правительства, которое не воздавало должного уважения его заслугам и даже подозревало его в сочувствии замыслам роялистов. «Я позволяю себе думать,— говорил впоследствии перед судом Моро,— что отечество не забыло, что я был достойным его сыном. Оно не забыло, с какою преданностью к нему я решился драться с Италией, занимая второстепенные должности. Оно не забыло, конечно, при каких условиях я получил потом звание главнокомандующего, после стольких поражений наших войск и после начальника, прославившегося в некотором смысле нашими несчастьями». «Генерал Моро имел право отказаться в этом случае от звания главнокомандующего,— говорит знаменитый

историк французской революции.— Его разжаловали до чина дивизионного генерала, и в то время, когда кампания оканчивалась полною неудачею, когда приходилось испытывать только новые неудачи, его назначают главнокомандующим. Однако же с полною преданностью отечеству, которую не может не восхвалить история, он принял поражение, принимая начальство над войсками в тот вечер, когда линии Адды угрожало уже нападение. С этого времени начинается наименее оценённая и наилучшая эпоха его жизни»*. Как военачальника, без сомнения, история не могла бы осудить Моро, если бы он отказался принять начальство над войсками, которые поставлены были в такое положение, что не могли избегнуть поражений. В военном деле успех, победа покрывает всё; «победителей не судят!» — говорила великая императрица; победителя с большою осторожностью может судить только история,— позволяем себе прибавить. Но тяжёлая ответственность достаётся на долю побеждённым, и нужно обладать горячею любовью к отчеству и большою гражданскою доблестью, чтобы принять начальство над войсками с полною уверенностью, что невозможно одержать победы. Он должен был отступать, отражая нападения противника до тех пор, пока не соединится с неаполитанскою армиею Макдональда, которому Директория предписала идти в северную Италию, на подкрепление Моро. Но прежде всего следовало сосредоточить разбросанную на значительном пространстве армию и прикрыть Милан. Такой противник, как Суворов, конечно, не дал ему для этого времени; он быстро прорвал французские линии, нанёс им сильные поражения в трёхдневных боях при Адде, открыл дорогу в Милан и занял немедленно эту столицу Ломбардии, где повсеместно распространялось уже народное восстание против французов. Моро вынужден был, оставив крепкую линию на Адде, отступать, чтобы прикрыть свои пути сообщения как с Франциею, так и с Тосканой, откуда шёл на подкрепление к нему Макдональд. С этою целью он занял выгодное положение недалеко от Александрии, где р. Танаро, выходя из Апеннин впадает в По. Прикрытый обеими реками, он мог ожидать нападения и в то же время охранял путь, по которому должен был подойти Макдональд. Но Макдональд шёл медленно. Его задерживали повсюду возникавшие народные восстания, для подавления которых он должен был ослаблять свои войска, оставляя гарнизоны в городах. С одной стороны это обстоятельство расстраивало соображения Моро, а с другой то, что против него действовал такой полководец, который не допустил бы его соединиться с Макдональдом.

---

* Thiers. Histoire de la revolution. T. VIII. c. 368.

Действительно, предупредить это соединение и разбить каждого из французских главнокомандующих порознь, после занятия Милана, составляло цель дальнейших действий Суворова. Несмотря на жалобы австрийских войск на непривычную для них быстроту движений и предписания австрийского императора и его военного совета не подвигаться слишком вперёд, а заботиться об осаде крепостей, он придвинул войска к Тортоне и тем закрыл для Моро отступление на Геную, а Макдональду путь к Александрии, вдоль подошвы Апеннин. Позицию, занятую Суворовым, некоторые из иностранных писателей считают до такой степени выгодною, между двумя враждебными армиями, что он никак не должен был оставлять её, если бы способен был руководиться здравыми стратегическими соображениями*. Но русский полководец иначе понимал задачи стратегии и думал, что, при известных условиях, как бы ни была хороша избранная им позиция, она должна быть оставлена, если совершенно переменились обстоятельства; что в бесполезных ожиданиях на войне не следует тратить времени, и что вернее можно разбить две неприятельские армии порознь, нежели дожидаться, чтобы они напали на него с двух сторон.

В Тортоне наш полководец получил верные сведения, что Макдональд принуждён медленно подвигаться, задерживаемый народными восстаниями, должен ослаблять свои войска, оставляя гарнизоны, что он находится ещё в Риме и не скоро появится на главном поприще военных действий. Между тем венский кабинет сообщал ему, что Директория именно по случаю народных восстаний против французов предписала даже Макдональду возвратиться в Неаполь, а к армии Моро намерена послать подкрепления из Франции. Об отправлении этих подкреплений писал ему с полной уверенностью в верности сообщаемого известия сам римский император. При таком положении дел, очевидно, Суворов не мог оставаться в бездействии, как бы ни была выгодна избранная им при совершенно иных обстоятельствах позиция, и должен был начать военные действия. Это понимал и его противник, которого смущала даже непродолжительная приостановка действий нашего полководца, которому он отдавал должную справедливость, сравнивая его с Наполеоном**.

Моро, не имея верных сведений о движении Макдональда, мог предполагать, что Суворов, оставив незначительный отряд перед Александрией, с главными войсками или пошёл навстречу Макдональду или двинулся к Турину, в тыл его армии. Народные волнения,

---

* Т ь е р. Там же, с. 374.

** Д. А.Милютин. Война 1799 г., Т. II, с. 582, прим. 103.

распространившиеся по всему Пьемонту, давали убедительный повод с одной стороны делать такие предположения, а с другой действительно опасаться за свой тыл. Он решился сам начать действия и сделать рекогносцировку. Если Суворов, действительно, увёл главные силы и перед ним оставил незначительный отряд, то он предполагал разбить его и открыть себе путь отступления в Генуэзскую Ривьеру через Нови и Бокетский проход. Если же он встретил бы главные силы Суворова, то, не вступая в неравный бой, немедленно отступил бы на Геную, каким бы ни пришлось путём. Несмотря на крепкую позицию при впадении реки Танаро в По, Моро решился её оставить при изменившихся обстоятельствах. Его положение было крайне затруднительно. С незначительным количеством войск против гораздо более сильного противника, обременённый огромными обозами, как военными, так и с художественными произведениями, награбленными ещё Бонапартом по всей Италии, – в стране, где повсюду распространилось народное восстание против французов, не ожидая ниоткуда скорой помощи и давно решившись отступать, он остановился на крепкой позиции только в ожидании, что Суворов немедленно нападёт на него. Но бездействие последнего вынудило его самого начать действие. Наведя мост через Бормиду, он двинул вперёд дивизию Виктора, которую встретил кн. Багратион и разбил при Маренго. Моро поспешил притянуть его к себе и, оставив мысль о движении на Геную чрез Бокетский проход, решился отступить по трудному пути через Аква и Каиро на Савоину. Преодолев многие затруднения, он успел однако же, как спасти все обозы, так и остатки своих войск, перейти Апеннины и спуститься в Генуэзскую Ривьеру. Суворов намеревался его преследовать мелкими отрядами у берегов моря, а с главными силами пошёл на Турин и занял эту столицу Пьемонта. «Едва прошло полтора месяца,– говорит историк этой блестящей кампании*,– со времени прибытия Суворова на Манчио, как вся северная Италия была очищена от неприятеля. Во власти французов остались только крепости Мантуя, Кони и цитадели Тортоны, Александрии и Турина»; но и те вскоре сдались, одна вслед за другою; тем не менее Суворову помешали привести в исполнение его предположения. Падением крепостей исполнялись все желания венского кабинета; но занятие Пьемонта возбудило в нём корыстное намерение присоединить эту страну к империи, что, конечно, не входило в виды русского полководца и ещё менее русского императора, и что подготовило печальный исход этой блестящей кампании.

* Д. А. Милютин. Война 1799 г., Т. II, с. 118.

Моро сосредоточил и привёл в порядок свои расстроенные войска у Генуи и двинул частные отряды в Тоскану, чтобы открыть сообщение с Макдональдом. Только соединившись с ним, он считал возможным открыть наступательные действия, которых постоянно требовала Директория. «Победа в Италии,— писал он ей,— необходима для Франции, и я постараюсь одержать её. Я уверен в моих войсках, а они верят мне». В это время французский флот появился у Генуи. Дух войск поднялся, и Моро надеялся даже одержать победу, но считал её возможною лишь по соединении с Макдональдом. Русский полководец, однако, не дал осуществиться этой возможности: он не допустил неаполитанскую армию соединиться с итальянскою. Ряд одержанных им побед окончился совершенным поражением Макдональда при Требии. В то время, когда разбитые войска Макдональда спасались в Генуэзскую Ривьеру, Моро выступил из неё, чтобы действовать во фланг и тыл Суворову. У Бормиды он встретил и разбил австрийский корпус Бельгарда, осаждавший Александрию; но, узнав потом об участии неаполитанской армии, не решился идти далее на верное поражение и снова отступил за Апеннины, лишив возможности Суворова, который уже шёл на него, «встретить его также, по его словам, как он встретил Макдональда»*.

Предположения французских военачальников не удались. Недовольная их действиями Директория сменила обоих. На место Моро назначен был молодой генерал Жубер, Макдональд заменён Сен-Сиром. Суворов намеревался двинуть войска в Генуэзскую Ривьеру, чтобы довершить их окончательное поражение и очистить себе путь в пределы Франции. Южные департаменты волновались в ожидании вторжения, осыпали упрёками республиканское правительство и просьбами оказать им защиту. Это волнение и собственная неспособность членов Директории вынудили изменить её состав. Но, с этою переменою лиц, не переменился взгляд на положение дел. Правительство Франции по-прежнему считало себя способным руководить делами Европы и дерзким насилием и грабежом водворить повсюду государственное устройство, которого выдержать она сама не была способна. Коварная и корыстная политика венского двора, бездарность надменного своею мудростью военного совета, который думал руководить из Вены действиями нашего полководца, вынудили его усилить осаду крепостей и особенно Мантуи, чего настоятельно требовал сам император.

Между тем, в продолжение этого времени Моро привёл в порядок войска, они получили новые подкрепления и доведены были до

* Письмо Суворова к Краю 11 (22) июля 1799 г.

40 тыс., когда прибыл новый главнокомандующий, порывавшийся померяться силою с противником и выполнить ожидания Директории. Прежде его прибывший к войскам Сен-Сир, собравший сведения о количестве войск, которыми мог располагать Суворов, советовал не вызывать его на бой, а ожидать прибытия новых подкреплений*. По приезде Жубера, Моро немедленно хотел оставить армию; уступая его просьбам, он, однако, остался и, по свидетельству Сен-Сира, поддерживал наступательные замыслы Жубера, вероятно, не зная о сдаче Мантуи и усилении войск Суворова корпусом Края. Пока Жубер колебался, незная, на что решиться, Суворов вызвал его на бой. Победа при Нови окончила ряд военных действий в северной Италии. При самом начале сражения Жубер был ранен насмерть, и на Моро пала тяжёлая обязанность распорядиться войсками, потерять сражение и спасать разбитые остатки войск бегством за Апеннины.

IV

Республика надоела Франции; в общем презрении и ненависти к своим правителям соединялись все враждебные между собою партии, и эта ненависть усилилась ещё более вследствие поражений в Италии. Когда Моро возвратился в Париж, Сиес ему предлагал произвести государственный переворот и взять власть в свои руки. «В это время, – говорил он впоследствии перед судом, – я не был более республиканцем, нежели во всю мою жизнь, однако же показал себя самым ревностным. На меня смотрели с особенным вниманием и доверием те лица, которые располагали силою дать новое направление республике. Мне предложили, и это всем известно, стать во главе и произвести такой же переворот, какой был произведён впоследствии 18-го брюмера. Моё честолюбие, если бы у меня его было много, легко оправдали бы общею пользою и даже чувством любви к отечеству. Предложение было сделано лицами, получившими известность во время революции своею любовью к отечеству и своими дарованиями в наших представительных учреждениях, но я отказал. Я считал себя способным предводительствовать войсками, но не хотел предводительства над республикою». Не из особенного уважения к тогдашним правителям Франции, не из любви к республиканскому её устройству Моро отказался произвести государственный переворот, который он сам считал необходимым, как будет видно из дальнейшего рассказа; но потому, что не считал себя призванным к тому,

---

* Memoire de marechale Gouvion Saint-Syr, T. I, c. 218 и след.

чтобы властвовать над Франциею, а только предводительствовать войсками. Высокая честность Моро, как гражданина, выразилась в этом случае во всём величии. Но в то время, когда он отказывался от верховной власти над Франциею, к одному из её портовых городов (Fréjus) причалила (9-го октября 1799 г.) эскадра из четырёх судов. На ней приплыл Бонапарт к берегам Франции, бросив в Египте вверенную ему республикою армию на произвол судьбы. Его прибытию предшествовали только что обнародованные фантастические рассказы об экспедиции в Сирию, о победах при горе Фаворе, Абу-Кире. Франция встретила его, как избавителя; в Париже все стремились к нему и вызывали к действию, предлагая свои услуги. Правительство, которое могло бы отдать под суд главнокомандующего, бросившего вдали свою армию, лишившись всякого значения, само чествовало его, как героя. Бонапарт, изучая положение дел, подготовляя средства, показывал вид, что хочет держать себя в стороне. К нему стекались все, он не бывал ни у кого первым. В этом случае он сделал одно исключение. Встретившись с Моро у председателя Директории, он первый поехал к нему, желая привлечь его к себе, единственного в то время человека, который мог соперничать с ним, и достиг своей цели. Моро не только не противодействовал его замыслам, но оказал ему содействие во время переворота 18 брюмера. «Когда совершился этот переворот, – говорил впоследствии перед судом Моро, – я был в Париже. Эта революция, вызванная другими, а не мною, не была однако же противна моим убеждениям. Управляемая человеком, озарённым такою славою, она давала повод надеяться, что приведёт к счастливым последствиям. Я содействовал ей, тогда как меня уговаривали стать во главе противной партии и действовать против неё. В Париже я получил предписания от генерала Бонапарта и привёл их в исполнение. Таким образом я способствовал ему возвыситься до такой степени могущества, какой требовали обстоятельства времени». В знак благодарности, генерал Бонапарт в первое время после своего возвышения поддерживал добрые отношения к Моро и предложил ему начальство над Рейнскою армиею. Но, стремясь к неограниченной власти, первый консул не мог с доверием относиться к такому защитнику свободных учреждений, которого заслуги ценила вся Франция и которого, хотя бы и некоторые партии, выставляли как его соперника. Назначение Моро, удалявшее его из Парижа, уже было весьма важно для Бонапарта. Озабоченный военными действиями, он издали не мог, конечно, пристально наблюдать за его поступками. Ему поручалось устроить армию в 130 тысяч и, с открытием весны, начать поход переправою через Рейн. Его действия имели решительное зна-

чение в глазах первого консула для достижения главной цели всех военных действий, которая заключалась в том, чтобы вновь завоевать Италию, исторгнутую из-под власти Франции победами Суворова*. Удаление русских войск с поприща военных действий давало полную возможность достигнуть этой цели. Рейнская армия своими действиями привлекая на себя неприятеля и вынуждая его обессиливать войска, действовавшие в северной Италии, могла оказать великую заслугу республике; но эту заслугу можно было впоследствии отодвинуть на задний план успехом войск, которые должны были действовать в северной Италии. Некоторые из боевых сотрудников Моро в этой кампании, зная или подозревая, конечно, счёты с ним первого консула, предполагали даже, что такую многочисленную армию он составил вовсе не для того, чтобы отдать её в распоряжение Моро; но что он сам хотел начальствовать над нею, поставив его в положение своего помощника. Эти слухи доходили до Моро и будто бы он за большим обедом, в присутствии многих генералов, говорил, что «не допустит присутствия маленького Людовика XIV при своей армии и если приедет первый консул, то он немедленно удалится из армии»**. Действительно, такое намерение имел первый консул, но невозможность оставить Париж принудила его отказаться от него***. Но если первый консул должен был отказаться от непосредственного начальства над Рейнскою армиею в виду того, что его положение не было достаточно крепко, и он не мог так скоро оставить Париж; то, во всяком случае, как военачальник, уверенный в своём гении, он не мог быть доволен замечаниями Моро на предписанный им план военных действий и, как глава правительства, не мог не руководить сам военными действиями Рейнской армии, тем более, что они находились в связи с действиями других армий и особенно итальянской, состоявшей под начальством Массены. Положение Массены было крайне затруднительно; в это время, не получая ни подкреплений, ни продовольствия, ни военных запасов, с армиею, простиравшеюся с небольшим до 30 тысяч, он должен был удерживать Апеннины от напора многочисленного неприятеля, владевшего уже всею северною Италиею. Не упуская из рук завоеваний Суворова, Австрия хотела укрепить их за собою и сосредоточила в Италии 120 тысяч войска под начальством барона Меласа. В случае успешных действий, на что рассчитывал венский кабинет, зная расстройство и малочисленность армии

* Memoires de Napoléon, запис. Г. Гурго, изд. 1840 г., с. 68 и след.

** Mémoires de M. Sent-Syr, T. II, с. 103.

*** Тьер. Hist. du Consulat, Кн. III; Ланфре. Hist. de Napoléon, T. II, с. 143 и след.

Массены, он должен был взять Геную, пробиться через линию Вара и вторгнуться во Францию. Значительный английский флот, постоянно крейсировавший в Генуэзском заливе, должен был высадить на помощь австрийцам 20-тысячный корпус англичан и эмигрантов в Тулоне, куда бы направились войска Меласа. Массена должен был охранять три прохода через Апеннины, которые вели к Генуе, Савоине и Ницце. Первый консул предписал ему более всего заботиться о Генуе и сосредоточить большую часть своих войск у Бакетского прохода, оставив для охраны двух других незначительные отряды,— на том основании, что, прорвав линию Вара, австрийцы не решились бы вторгнуться во Францию, если бы в Генуе оставался значительный корпус французских войск, который мог бы ударить на них в тыл. Очевидно, с этой стороны угрожала наибольшая опасность, и потому, казалось бы, следовало подкрепить и снабдить всем нужным войска Массены. Между тем все способы, которыми могла располагать в это время ослабленная Франция, употреблены были на то, чтобы устроить армию Моро, доведённую уже до 130 тысяч человек, но в этом-то и заключалась сущность плана военных действий, предположенного первым консулом, который он хранил в глубокой тайне.

Армия Моро должна была действовать наступательно против 150-тысячной австрийской армии, находившейся под начальством генерала Края, полководца даровитого, но, конечно, уступавшего по способностям эрцгерцогу Карлу, который, вследствие несогласия с мнениями венского военного совета, был устранён от начальства над войсками. Краю предписано было наоборот действовать оборонительно,— на первое время, на основании следующего расчета венских стратегов. Когда Мелас займёт Геную, перейдёт линию Вара и вторгнется во Францию, первый консул будет принуждён отозвать войска с Рейна, чтобы поспешить на помощь Массене. Тогда генерал Край, обойдя Швейцарию, должен был перейти Рейн и также вторгнуться во Францию.

По соображениям первого консула, Моро должен был, делая ложные распоряжения о переправе войск через Рейн, скрыть от неприятеля настоящее место переправы. Затем быстро переправить все свои войска между Базелем и Шафгаузеном, по четырём мостам, для сооружения которых, по его распоряжению, уже заготовлялись суда в притоках Рейна. Но Моро представил возражения против такого способа переправы. Он считал делом затруднительным скрыть от неприятеля не только место переправы, но и самую переправу, когда бы она началась. Мгновенно нельзя приготовить четыре моста и переправить 130-тысячную армию со всеми её тяжестями и обо-

зами в виду многочисленного неприятеля, которого расположение давало ему возможность скоро сосредоточить силы и помешать переправе. Неудача в этом случае была бы гибельна для Рейнской армии и отклонила бы исполнение главной цели, к которой стремились все соображения первого консула. Эта цель заключалась в том, чтобы, ударив во фланг армии Края, отбросить её к верхнему Дунаю, отрезать от Баварии, разбить, и таким образом лишить возможности, в случае нужды, послать подкрепления в Италию. Моро предполагал, напротив, воспользоваться существующими мостами в Страсбурге, Бризахе и Базеле, развлечь внимание неприятеля, переправляясь несколькими колоннами, и потом тайно двинуть их берегом Рейна к Шафгаузену, чтобы прикрыть переправу остальных войск. Конечно, первому консулу не полюбились возражения, но он ещё был не в том положении, чтобы отвергать их. Во всяком случае, он желал настоять на своём: вызвал начальника штаба Моро, генерала Дессаля, три дня продержал его в Париже, объясняя превосходства своего плана действий с тем, чтобы он убедил потом своего главнокомандующего привести его в исполнение. Тонкий Дессаль, после многих объяснений, говорил наконец: «Ваш план более гениален, более решителен и, быть может, более надёжен, но он не согласен со свойствами того, кто должен приводить его в исполнение. У Вас особый способ воевать, с Вами никто не может равняться. У Моро свой, который гораздо ниже Вашего; но так же очень хороший. Позвольте ему действовать по-своему: он будет хорошо действовать; может быть медленно, но верно. Вы достигнете тех же последствий, которых желаете для успеха общих соображений всех военных действий. В противном случае, если Вы принудите исполнить Ваш план, Вы его смутите, может быть, оскорбите, и тогда Вы ничего не выиграете».— «Вы правы,— отвечал первый консул, смягчённый признанием Дессоля превосходства его военного гения над всеми другими военачальниками,— Моро не способен ни понять, ни исполнить на деле мой план,— сказал он,— так пусть действует по своему, только бы он отбросил Края к Ульму и Регенсбургу и потом, в своё время, придвинул свой левый фланг к Швейцарии».

Последними словами он несколько разоблачил свой общий план; но он был слишком смел, чтобы можно было его угадать. Дессоль не угадал и, кажется,— не угадал и Моро. Увеличивая состав его армии, он имел в виду достигнуть двух целей: с одной стороны, вернее, поразить Края и отбросить его к Дунаю, с другой отделить впоследствии от него значительный корпус для действий в Италии, на которую направлено было всё его внимание. Под видом резервной армии, которая бы в случае нужды подкрепила Моро, он приготовлял новую армию из таких

элементов, из которых никто не верил, чтобы возможно было её составить при тогдашнем положении Франции; радовался этому неверию и поощрил его, чтобы неожиданно для всех совершить действительно великий подвиг, выразивший во всём блеске его военный гений.

В то время, когда его приготовления к этому подвигу шли успешно, но далеко ещё не были приведены к окончанию, его смутило неожиданное им обстоятельство: Мелас начал военные действия в Италии ранее, нежели он предполагал; но эта неожиданность только ещё более усилила его деятельность. Он понимал очень хорошо, что Массена не в состоянии долго выдерживать напор многочисленной австрийской армии, а потому настоятельно требовал, чтобы Моро начал наступательные действия, негодовал на его медлительность, которая вовсе не зависела от его воли, но оттого, что правительство не давало достаточно средств, чтобы приготовить армию к походу. Он послал в главную квартиру Моро одно из лиц, пользовавшееся наибольшим его доверием, Бертье, с тою целью, чтобы побудить его к скорейшему переходу через Рейн. Но вместе с тем Бертье получил и другое, весьма знаменательное, поручение. Первый консул желал, чтобы, преследуя Края, Моро не вводил в Германию своё левое крыло, находившееся под начальством Лекурба, — но оставил его в Швейцарии. Моро, конечно, не согласился, не зная наперёд хода своих действий, ослабить свою армию на 25 тысяч человек. Наполеон же рассчитывал присоединить их к той армии, которую он сам поведёт, и потому поручил Бертье заключить *письменное условие* с главнокомандующим Рейнскою армиею, по которому он обязывался, после *первых успешных* действий против Края, возвратить Лекурба в Швейцарию. Впоследствии он нарочно послал в главную квартиру Моро военного министра Карно привести в исполнение это условие, поручив ему оставаться там до тех пор, пока Лекурб не выступит в обратный поход в Швейцарию. Могла ли гордость Бонапарта, достигшего уже верховной власти над Францией, долго выносить подобные отношения к одному из её генералов? Примирить с ними не могли Бонапарта никакие блестящие действия Моро. Участь его была решена в его мыслях; но Наполеон был способен выжидать благоприятных обстоятельств, для исполнения своего раз задуманного намерения, а если бы они не представились скоро сами собою, то он не остановился бы перед тем, чтобы нетерпеливо вызвать и создать их самому.

Поход Моро против Края был одним из самых замечательных. Рядом побед, следовавших непосредственно одна за другою в продолжение одного месяца и двух дней, он отбросил Края к Ульму и тем лишил его возможности войти в сообщение с армиею, действовавшею

в Италии. При Ульме находился укреплённый лагерь, который и занял Край; а Моро остановил действия и только наблюдал за своим противником.

В то время, когда барон Мелас сосредоточил большую часть своих сил против Генуи и у линии Вара, исполняя предписания венского двора, усиленно требовавшего, чтобы он шёл вперёд, не опасаясь резервной армии, в существование которой он не верил, первый консул перевёл её чрез Сен-Бернар и оказался в тылу австрийских войск. Его армия, с корпусом, пришедшим от Рейнской армии, простиралась до 60 тысяч. Битва при Маренго решила судьбу армии Меласа и Италии. По конвенции, заключённой в Александрии, Австрия обязывалась уступить Франции всю северную Италию по реку Минчио, т.е. все завоевания Суворова. В один день исчезли все следы его блестящего похода.

Некоторые из боевых сотрудников Моро, не имевшие в виду общего хода военных дел, упрекали его за бездействие после того, как он вогнал Края в укреплённый лагерь при Ульме*. Это бездействие действительно лишило его славы новых побед, давало возможность австрийскому главнокомандующему привести в порядок войска и даже получить подкрепления; но оно должно было доставить ему ещё бóльшую славу доблестного гражданина, готового отказаться даже от верных побед, столь лестных для военачальника, в виду общей государственной пользы. Моро уже знал в это время о предприятии первого консула и, конечно, понимал, какое влияние будут иметь происшествия в северной Италии на дальнейший ход дел во Франции и в Европе. «Мы с нетерпением ожидаем известий о наших успехах, — писал он Бонапарту. — Мы с Краем играем в жмурки (nous tâtonnons), он с целию держаться при Ульме, я — чтобы удалить его оттуда. Было бы опасно, особенно для Вас, чтобы я перенёс военные действия на левый берег Дуная. Заняв теперешнее наше положение, мы принудили кн. Рейсса отодвинуться к Тиролю, к истокам Леха и Иллера, стало быть, он Вам не опасен. Прошу Вас известить меня о Ваших действиях и скажите, что я могу сделать в Вашу пользу. Если Край пойдёт на меня, я отступлю до Метмингена, присоединю к себе Лекурба и мы подерёмся. Если он отступит к Аугсбургу, я пойду за ним, но в этом случае он оставил бы свою точку опоры при Ульме. Тогда увидим, как надо будет действовать, чтобы обеспечить Ваши действия. Для нас было бы выгоднее действовать на левом берегу Дуная и брать контрибуцию с Вартенберга и Франконии; но это не соответствовало бы Вашим пользам, потому что неприятель, попуская нас разорять этих князей

---

* Saint-Syr. Mémoires. T. II. c. 258 и след.

империи, мог бы отправить отряды в Италию»*. Не увлекаясь слепым низкопоклонством перед человеком действительно гениальным и воздавая каждому своё, нет никаких поводов подозревать в неискренности это письмо. Его не подозревают даже самые ревностные поклонники Наполеона; но в таком случае это письмо свидетельствует, что он понимал и оценивал по достоинству предпринятый первым консулом поход, желал ему успеха и, жертвуя своими выгодами и славою новых побед, сообразовал свои действия с общею целью, к которой он стремился и которая действительно клонилась к пользам отечества. И в это важное в истории Франции время выразились во всей полноте личные свойства Моро, безукоризненно честного человека и гражданина. Но лишь только он получил — верные сведения об удачном переходе через Альпы резервной армии под предводительством самого Бонапарта, а не Бертье, которого выдавали за главнокомандующего этою армиею, он снова открыл наступление. Предусмотрительно и верно рассчитанными движениями и целым рядом удачных сражений он вынудил Края оставить ульмский лагерь. Край должен был отступить, чтобы не потерять сообщений с Веною, а Моро, преследуя его, перешёл Дунай при Гохштадте. Край уже знал о битве при Маренго и александрийской конвенции. Отступая к Инну, он предложил Моро заключить перемирие, так как Бонапарт уже заключил перемирие с бароном Меласом. Хотя Край и скрывал от Моро о битве при Маренго, но, получив известие о том, что первый консул заключил перемирие, он понял, что его поход увенчался успехом. Не одержав решительной победы над австрийцами, Бонапарт, конечно, не предложил бы перемирия и австрийцы со своей стороны не согласились бы принять его, если бы успех был на их стороне. Но он не имел известий из итальянской армии и потому не принял предложения Края и продолжал военные действия. К первым числам июля он уже был в середине Баварии, прогнал из Тироля принца Рейсса, чтобы обеспечить свой правый фланг, а Края — за Инн. Заняв удобную местность для квартиры своими войсками, получив достоверные известия о происшествиях, совершившихся в северной Италии, Моро заключил перемирие с австрийским главнокомандующим и так же успешно окончил поход, как его начал. Действия Моро много способствовали успехам первого консула в Италии; но слава Бонапарта покрыла победы Моро. На них почти не обратили внимания в то время, когда Париж торжествовал успехи резервной армии и

* Письмо Моро к Бонапарту от 27 мая 1800 г. н. ст. (7 prairial, an VIII); Т ь е р. Hist. du Consulat. Кн. III.

восторженно встречал Бонапарта. Моро находился при войсках в Баварии и не присутствовал при этих торжествах, что в свою очередь способствовало тому, что про него забыли в этом случае. Но ему ещё пришлось потом напомнить о себе новыми победами. В конце июля прибыл в Париж австрийский генерал Сен-Жюльен с утверждением александрийской конвенции императором и с согласием приступить к переговорам о мире. Первый консул хотел так же скоро решить дело мира, как решил военное дело. Ловкий Талейран сумел склонить австрийского посла подписать предложенные условия мирного договора, не имея на то уполномочий своего правительства. Император не мог утвердить их, соблюдая тайное соглашение с Англиею. Он потребовал присутствия уполномоченных Великобритании при переговорах и заключении мира с обеими державами. Несмотря на то, что заключение мира с Англиею не входило в виды первого консула, он однако согласился на предложение Австрии – с тем, однако, условием, чтобы Англия согласилась наперёд заключить такое перемирие на море, какое заключено на материке Европы; а тем временем он предлагал открыть предварительные переговоры в Люневиле. Англия не могла принять предложение Бонапарта, которого цель была слишком очевидна: он хотел воспользоваться перемирием на море, чтобы спасти египетскую армию. Представлялось избрать одно из двух средств: или совершенно прервать переговоры о мире и продолжать войну, или, не прерывая переговоров, поставить Австрию в необходимость нарушить свои соглашения с Англией и заключить отдельный мир. Но заставить Австрию решиться на такой поступок возможно было только новыми поражениями её войск, которые она между тем устраивала, усиливала и, удалив от начальства Края, назначила главнокомандующим бывшего его армиею молодого эрцгерцога Иоанна, жаждавшего приобрести славу полководца. Моро получил в конце ноября предписание начать военные действия. Несмотря на позднее время года, неудобное для военных действий, он открыл поход и знаменитою битвою при Гогенлиндене вынудил Австрию к заключению отдельного от Англии мира с Франциею в Люневиле. Ему пришлось заключить свои боевые подвиги на службе отечеству следующим делом: чтобы спасти раненых после сражения при Гогенлиндене, эрцгерцог Иоанн велел отпрячь лошадей от пушек и увезти их на них. Эти, брошенные без упряжи, пушки, конечно, достались победителям. Моро отправил их к эрцгерцогу при письме, в котором просил считать его участником в таком великодушном поступке*.

* Beauchamp. Vie de Moreau, с. 80.

Личные достоинства, конечно, принадлежат лицу, но ими может гордиться и та страна, которую это лицо считает своим отечеством.

V

Победа при Маренго произвела сильное впечатление не только во Франции, но и во всей Европе. Франция, истомлённая ужасами революционного правительства, истощённая беспрерывными войнами, жаждала мира с Европой и внутреннего спокойствия. На севере ещё не совсем улеглась внутренняя война; югу угрожало вторжение австрийских войск с помощью Англии. Битва при Маренго не только отклонила опасность, но возвратила все потери, понесённые в Италии, и доставила Франции славу и спокойствие. Австрия, открывая последние действия, была уверена, что одержит победу над истощённою французскою республикою, которая, по её расчётам, не была в состоянии противопоставить ей достаточного количества войск, особенно в Италии, но, после битвы при Маренго, была ошеломлена и окончательно убедилась в невозможности борьбы не с самою Франциею, но с гением первого консула, управлявшего её судьбами. С этого времени мысль о непобедимости Бонапарта, как военачальника, распространилась повсюду, бессознательно уронила бодрость духа и вселила невольный ужас. Но вместе с этим ужасом его действия внутри Франции возбудили надежды, что его могучая воля положила конец революции и способна установить и упрочить благоустроенное правительство во Франции и тем водворить прочный мир в утомлённой войнами Европе. Ни личных свойств, ни тайных помыслов Бонапарта никто не знал и все питали надежды, что он будет действовать в видах общей пользы, которую, конечно, каждый понимал по-своему. Бурбоны думали, что, успокоив Францию, он восстановит старую монархию и призовёт на престол падшую династию. Питая такую надежду, Людовик XVIII вошёл в переписку с ним в этом смысле и также, как не задолго перед тем с генералом Пишегрю, обещая не забыть его милостями, когда сядет на престол своих предков. Многие роялисты, особенно эмигранты, разделяли образ мыслей своего короля. Некоторые из них, особенно те, которые возвратились во Францию и возвратили свои прежние имущества, и умеренные республиканцы, пресыщенные действиями республиканского правительства, примирялись с мыслью о восстановлении монархии в лице самого Бонапарта, не старой монархии, а новой, согласной с началами гражданской свободы и равенством всех граждан перед законом. К числу последних принадлежал и генерал Моро.

Такие взгляды проникли в кабинеты европейских государств, и с этого времени мысль об укрощении революции и восстановлении старой монархии во Франции отошла назад. По мере того, как в общем мнении падали права Бурбонов, развивалась мысль о возможности поддерживать порядок и спокойствие Европы, вступив в старые отношения с новым правительством Франции, во главе которого стоял такой гениальный человек, как Бонапарт. С особенною решительностью этот взгляд выразился в России, в лице императора Павла и его министра иностранных дел гр. Ростопчина. Последствия союза с Австриею и Англиею 1799 г., по словам гр. Ростопчина, состояли в том, что «Россия потеряла 23 тысячи человек единственно для того, чтобы убедить себя в вероломстве Питта и Тугута, а Европу в бессмертии кн. Суворова».

Справедливо раздражённый против коварных действий своих союзников, русский император не вступил в коалицию 1800 года. Это благоприятное для Франции событие без сомнения должно было возбудить внимание Бонапарта, и он действительно всеми способами старался войти в сношения с Россиею и втянуть её в союз с Франциею. «Франция, – писал гр. Ростопчин в докладной записке императору, – в течение десяти лет без закона и без правления, чрез непонятные происшествия, произведённые варварством, сумасшествием и геройством, приведя не только себя, но и две трети Европы в совершенный хаос, восстав против монархического правления природных своих государей, оканчивает ныне преданием себя в самовластие иноземца Бонапарта и в самом изнеможении своём похваляется в виде завоевательницы обширных земель и законодательницы в Европе. Нынешний повелитель сей державы слишком самолюбив, счастлив в своих предприятиях и неограничен в славе, дабы не желать мира. Им он утвердит себя в начальстве, приобретёт признательность утомлённого французского народа и всей Европы и употребит покой внутренний на приготовления военные против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и пребудет не соперница, а злодей Франции. Бонапарт не может опасаться покушения её на твёрдой земле, мир же восстановит свободное мореплавание. Силы Австрии он все истощил, Пруссия от него в зависимости, и так остаётся ему страх только от России. Истина сего доказывается всем его поведением против Вашего Императорского Величества. Сколько покушений с его стороны было, через прусское и датское министерства, чрез Ваших у разных дворов аккредитованных министров и чрез других особ, доступ имеющих, дабы вступить в переговоры и, произведя сближение, переменить неприязненное положение России к Франции на

дружелюбное? Для чего Бонапарт, отменно против прочих держав, содержал российских военнопленных и предлагал Мальту возвратить Вам, яко великому магистру ордена? Он не только иначе, нежели к другим, относился к русским пленным, но одел их и, снабдив всем нужным, возвратил в Россию, явно привлекая её в дружелюбные отношения в это время, когда и сам русский кабинет шёл навстречу его желаниям. Он предполагал заключить наступательный союз с Францией, с целью изгнания турок из Европы и раздела европейских и африканских её владений между Россиею, Франциею и Австриею, удовлетворив в то же время постоянное желание Пруссии, предоставлением ей Ганновера. По этому предположению Франция получила бы Египет, Австрия – Боснию, Сербию и Валахию, из Греции со всеми островами архипелага предполагалось устроить республику, по примеру Венецианской; к России отошла бы Молдавия, Болгария и Румелия с Константинополем»*. Могли ли эти предположения удовлетворить первого консула Франции? Развились ли его замыслы в это время до желания полного господства над миром? Едва ли возможно отвечать положительно на эти вопросы; но положительно можно сказать, что предположения, направленные против Англии, должны были встретить сочувствие с его стороны. Между тем все эти предположения предполагали прежде всего вражду против Англии. Действия Бонапарта, в качестве императора Франции, ещё стояли впереди в будущем и, конечно, не могли ещё быть известны, между тем своекорыстная и хищническая политика Англии, стремившаяся к безусловному господству на морях, выразилась окончательно и, без сомнения, не могла не возбудить опасений. Естественно, что русский кабинет выступил первый против морского разбоя и захвата чужих колоний. Не вступая ещё в прямые сношения с первым консулом Франции, он открыл переговоры о возобновлении вооружённого морского нейтралитета между северными державами, придуманного мудрою политикою Екатерины. Роковое значение этих переговоров, конечно, было сразу понято Англиею, и, без сомнения, их понял бы и первый консул Франции; но внезапная кончина императора Павла изменила ход политических отношений. Между тем значение первого консула поднималось как в делах внутреннего управления Франциею, так и во внешней политике, и дало ему возможность своё

---

* Записка гр. Ростопчина, под заглавием: «Картина Европы в начале XIX века и отношение к ней России», представленная императору Павлу Петровичу и утверждённая им 2 октября 1800 г. в Гатчине. Ср. Сборник Кашпарева, памятники Новой Русской Истории, Т. I, с. 102 и след.; Архив кн. Воронцова, Т. VIII; письмо гр. Ростопчина 20 июля 1801 г., с. 286–293.

консульство превратить в пожизненное, а потом – в империю.

В то время, когда всё внимание сосредоточивалось на Бонапарте, Моро возвратился в Париж. Блестящая победа при Гогенлиндене почти не была замечена большинством и оценена немногими, как и весь его поход в Германию. Первый консул счёл нужным встретить его приветливо, а эта приветливая встреча была причиною того, что Моро, отказавшийся впоследствии от знака Почётного Легиона, принял от него пистолеты, украшенные драгоценными камнями и с подписями всех его побед. Но затем Рейнская армия была распущена, а он оказался не у дел и проживал, как зритель совершавшихся на его глазах происшествий, сначала в Париже, а потом в своём поместье, редко приезжая в Париж и никогда не посещая Тюильрского дворца, куда его и не приглашали; а в качестве поклонника, искателя милостей он не был способен являться. Но такое именно общественное положение и представляло величайшую опасность для Моро. На генерала, обладавшего большими военными дарованиями, доказанными на деле, любимого войсками, на человека, которого все, недовольные действиями Бонапарта, считали единственным его соперником, способным занять его место во главе правительства, не мог равнодушно смотреть первый консул, мечтавший о короне Франции. Он окружил его полицейским надзором и знал каждое его действие, каждое его слово. А эти слова и действия естественно раздражали более и более его ненависть к Моро, к которому стремились все, недовольные настоящим порядком дел, и который сам принадлежал к их числу, как по личным к нему отношениям первого консула, так и потому, что ясно видел его стремления к деспотической власти. Быть может, он заблуждался вместе с другими лучшими людьми во Франции, что на почве, взволнованной революцией, после необузданных республиканских правительств, может непосредственно возникнуть государственное устройство на началах разумной свободы и законности; но его убеждения были искренни. Его враги и друзья одинаково свидетельствуют, что он не думал о восстановлении Бурбонов и одинаково был чужд как замыслов роялистов, так и насильственных действий против современного правительства, к которым были склонны ярые республиканцы. «Бурбоны слишком уронили себя в общественном мнении и их замыслов не стоит опасаться», – говорил он Лафайету. «Мы не годимся в заговорщики, – говорил он сенатору Гара, толковавшему о необходимости государственного переворота; – но я знаю заговорщика, от которого не уйдёт Бонапарт: это он сам, он сам себя погубит своими сумасбродными действиями». Без сомнения, первому консулу были известны подобные воззрения Моро и – не могли быть приятны. Но в них не заключалось ничего пре-

ступного и даже двусмысленного, к чему бы можно было придраться. Но такое именно положение всё более и более раздражало первого консула, до которого доводили острые замечания как самого Моро, так и некоторых лиц, составлявших его общество, на его действия, обличавшие стремления к короне. Не считая ещё возможным, в качестве главы республики, восстановить почётные звания, титулы и награды, он раздавал в виде наград почётные ружья, шпаги, трубы и т. под. За одним из обедов у Моро, который его повару удалось особенно хорошо приготовить, собеседники Моро предложили поднести ему *почётную кастрюлю* (casserole d'honneur). За остроты и шутки Бонапарт мстил едкими насмешками, выдавая Моро за посредственность даже в военном деле и называя генералом, годным лишь для отступления (géneral des rétraites). Конечно, такое отношение между ним и Моро так не могло бы продолжаться долго в виду всё более и более возраставшей власти первого консула; но случайные обстоятельства дали ему возможность прекратить его скорее, быть может, нежели он сам предполагал, и он ухватился за них со всею горячностью личной ненависти.

Пользуясь разрывом с Англиею, при её пособии, роялисты затеяли новый заговор на новых началах, подсказанных им одним из шпионов первого консула, наблюдавшим за их же действиями в Лондоне. Они задумали соединить и примирить две непримиримые силы: республиканцев, восстававших против деспотизма Бонапарта, с роялистами, желавшими восстановления Бурбонов на престоле Франции. Этот нелепый по своей сущности заговор доказал только справедливость мнения Моро о замыслах роялистов, которые вообще опасны быть не могут. Они не были опасны и по той причине, что Франция в это время им вовсе не сочувствовала; но в этом отношении заговорщики заблуждались потому, что получали ложные сведения о настроении общественного мнения во Франции. Политические партии в этой стране отличаются особенным свойством: они не умеют сосчитать своих сил и заносчиво преувеличивают их, в размерах, далеко превышающих действительность. Придуманный способ исполнения этого заговора ручался также за его несостоятельность.

Один из непримиримых вождей вандейцев, Жорж Кадудаль не принял помилования от первого консула и, удалившись в изгнание, находился в Лондоне. Генерал Пишегрю, обманув стражу,— удачно освободился из форта Сихкамори в Гвиане и также находился там. Бурбонские принцы, граф Д'Артуа и герцог Берри с окружавшими их роялистами, при пособии английского золота, рассчитывали на этих двух лиц, как на главное орудие для приведения в исполнение новой попытки восстановления старой монархии во Франции, составлявшей

постоянную мечту членов павшей династии. Но первым делом в этом случае предстояло избавиться от главной преграды к исполнению замысла, – от первого консула. За это взялся Жорж Кадудаль. Но мысль об убийстве была противна даже отчаянному вождю гверилласов. Придуман был другой странный план для приведения в исполнение задуманного дела, поражающий ребяческою неопытностью и простотою – нечто в роде или дуэли, или правильной военной стычки между двумя враждующими сторонами. Карету первого консула всегда сопровождал незначительный отряд гвардейской конницы. Кодудаль брался напасть на него по пути в Сен-Клу или Мальмезон, с равным числом вооружённых роялистов и в присутствии одного из Бурбонских принцев. Убийство не составляло необходимого условия: желали только овладеть первым консулом, если бы это удалось.

Несмотря на отсутствие практического смысла в этом замысле, который, конечно, при бдительной полиции Бонапарта, не угрожал ему опасностью и приведён в исполнение быть не мог, заговорщики не могли не подумать о том, какими же способами, отделавшись от лица первого консула, они восстановят престол Бурбонов во Франции. В этом случае они рассчитывали на содействие Пишегрю. Разорвав все связи с отечеством, забытый им, сам Пишегрю, конечно, не мог ничего предпринять. Но он был некогда начальником и другом Моро, которого политическое положение так ярко выразилось в это время, что не могло не обратить на себя внимания. Удалённый от дел, преследуемый ненавистью Бонапарта, но любимый войсками, чтимый Францией за его военные подвиги и безукоризненно честный, он один мог дать действительное значение нелепой затее роялистов, если б принял их сторону. Вероятно, генералу Пишегрю и принадлежала мысль войти в сношение с Моро. Их личные отношения давали удобный к тому повод. «Дорого стоило» Моро, по его собственному признанию, выдать правительству республики переписку Пишегрю с Бурбонами и роялистами, случайно попавшую в его руки в то время, когда его прежние замыслы он не считал уже опасными для отечества. А между тем это обстоятельство отягчило участь Пишегрю. Его сотоварищи по ссылке в Гвинею были все помилованы первым консулом – кроме него. Конечно, более всех должен был бы заслужить помилование победитель Голландии, военачальник, оказавший важные заслуги отечеству; но он содействовал восстановлению Бурбонов на тот престол, на который намеревался как можно скорее сесть Бонапарт. Мог ли он дозволить ему возвратиться в отчество? Конечно, Моро должен был отнестись иначе к желанию возвратиться в отечество на правах гражданина, его бывшего начальника и друга и человека, оказавшего заслуги отечеству и

притом, когда все потерявшие власть с ним уже были помилованы. При сношениях, которые Пишегрю, через посредство трезвых лиц открыл с ним, Моро не замедлил объяснить в письме к одному из них, аббату Давиду, свои отношения к Пишегрю. Он не считал нужным оправдываться перед ним в том, что доставил Директории бумаги, обличавшие его сношения с Бурбонами. «Если в этом случае,— писал он,— может кто-либо обвинять меня, то скорее правительство; но никак не генерал Пишегрю. Мне было прискорбно увидать, что его образ действий в последних войнах открыл его тайные намерения. Впрочем, положение Пишегрю возбуждает соболезнование, и я готов с удовольствием быть ему полезным. Если бы правительство ему заявило, что мои к нему отношения не дозволяют ему дать согласие на возврат его в отечество, то я готов немедленно устранить это препятствие». Аббат Давид был захвачен полициею, посажен в тюрьму, письмо сделалось известным первому консулу; но оно не только не приближало его к той цели, к которой он стремился, а скорее удаляло.

Между тем, лондонские роялисты решили тайным путём, известным только контрабандистам, отправить Кадудаля с несколькими сообщниками в Париж, чтобы разведать и приготовить почву для исполнения заговора как там, так особенно в Вандее, где он пользовался особенною известностью. Вслед за ним должен был тем же путём прибыть Пишегрю, чтобы войти в окончательные соглашения с Моро, а затем кто-либо из Бурбонских принцев, чтобы придать преступному действию законный вид. В чём же заключалось участие Моро в этом заговоре? «Можно смело утверждать,— говорит один из замечательных французских писателей, современный историк Наполеона,— что ни одна эпоха нашей истории не была предметом таких смелых и полных подлогов, как та, к которой относится заговор Жоржа Кадудаля, трагическая смерть Пишегрю и герцога Энгиенского и процесс Моро. Никогда самые чёрные происки не облекались таким непроницаемым мраком. И это становится понятным, потому что тут было замешано столько сильных лиц, которым нужно было придать иное значение своим намерениям и поступкам и изгладить следы их настоящих действий. Если подумать о том, как им легко было уничтожить все доказательства, которые бы клонились к их обвинению, о насильственно наложенном молчании на печать того времени, об отсутствии всякого контроля и гласности и ужасе, охватившем общество, то надо удивляться, что до нас вообще ещё дошли некоторые источники. Всем известно, что наши архивы несколько раз подвергались пересмотру главных участников в этих делах, что некоторые документы были уничтожены, другие заменены, так что мы можем судить о виновно-

сти или по тем только данным, которые они сами нам оставили, или которые ускользнули от их предусмотрительности. Сверх того, часть этих документов нам остаётся неизвестною, потому что их скрывает правительство, считающее себя владыкою и хранителем исторической истины. Впрочем, едва ли можно много жалеть об этом запрете, особенно относительно Бонапарта. Человек, который выбрал из архивов все бумаги, относившиеся до сражения при Маренго, и вместо них положил фантастический рассказ, составленный несколько лет спустя после самого происшествия, конечно, не оставил бы доказательств против себя в делах бесконечно менее для него славных. К этому следует ещё прибавить ту ложь, художественно выработанную, чтобы обмануть потомство, те вымыслы, которые некоторым образом были освящены продолжительным и общим признанием, в числе которых первое место могут занять повествования, состряпанные на острове Св. Елены, под внушением самого Наполеона и записки герцога Савари, герцога Ровиго»*. При таком положении источников, конечно, писателю-иностранцу невозможно браться за самостоятельное их исследование и остаётся только указать на те факты, справедливость которых не могут отрицать и безусловные поклонники Наполеона.

Жорж Кадудаль в конце августа 1803 г. с немногими соучастниками пробрался в Париж. В продолжение нескольких месяцев ему ничего не удалось подготовить для приведения в исполнение своих замыслов. После стольких волнений Франция впала в апатию. Даже Вандея оставалась спокойною. Незначительные беспорядки, произведённые подосланными им лицами, немедленно были усмирены и подстрекатели пойманы. Не теряя надежды исполнить своё предприятие открытого нападения на Бонапарта, он, однако же, попытал неудачу в отношении к Моро. Чрез посредников он узнал только то, что сам Моро написал в письме к аббату Давиду о своих отношениях к Пишегрю, и ровно ничего о его дальнейших политических видах. Он обратился в Лондон с изъявлением желания более деятельного содействия со стороны Пишегрю в этом случае и, не найдя соучастников в своём предприятии в Париже, требовал присылки новых из Англии. Тем же тайным путём к нему прибыло несколько новых участников, а Пишегрю прислал письмо к Моро, которое передал ему прежний их товарищ по оружию, бывший республиканский генерал Лажоле. Это был человек неблагонадёжный в нравственном отношении и поставленный в это время в такую нужду, что из-за средств к существованию готов был на всё, а вместе с тем умный и хитрый. Моро отнёсся к нему с недоверием и даже

---

* L a n f r e y. Hist. de Napoléon, T. III, c. 83–84.

отказал ему в денежной помощи для поездки в Лондон. Но, рассчитывая на вознаграждение со стороны роялистов, он приехал туда в конце 1803 г. и уверил их в полной готовности Моро содействовать их предприятию. В январе 1804 года Пишегрю отправился в Париж с несколькими из роялистов, лучших дворянских семейств старой Франции, а вслед за ними, по получении известий из Парижа, должны были тем же тайным путём отправиться гр. Д'Артуа и герцог Беррийский. По приезде в Париж и после свиданий с Моро, Пишегрю совершенно разочаровался в своих ожиданиях, внушённых рассказами Лажоле, и вместе с Жоржем Кадудалем намеревались уже отказаться от своих замыслов.

Но в то время, когда заговорщики намеревались прекратить свои действия, с особенною деятельностью принялась за следствие полиция первого консула. Тюрьмы были наполнены действительными или мнимыми участниками в заговоре; по нескольку месяцев они томились в них и никого из них не подвергали допросу. Сам Бонапарт предписывал не спешить с этим делом. Но в феврале 1804 г. он предписал начать следствие и сам назначил тех лиц, которых прежде других следовало подвергнуть допросам. Пытками и угрозою немедленного расстреляния в случае запирательства, что́ и приводилось в исполнение, удалось выпытать у двух из них показания, которые послужили главными основаниями для следствия и суда. Из показаний одного узнали не только о прибытии в Париж главных заговорщиков, что давно было известно; но и тот тайный путь, которым они пробирались и вслед за ними должны были прибыть Бурбонские принцы. Другой ревностный приверженец Бурбонов, после неудачной попытки лишить себя жизни, выражал негодование на Моро, который не хотел помогать восстановлению старой династии, но желал будто бы воспользоваться средствами роялистов с тем, чтобы самому стать во главе республики на место Бонапарта. Вследствие этих показаний Моро был схвачен и посажен в тюрьму; а Савари отправлен на утёс Бивилль, где должны были высадиться Бурбонские принцы, сторожить их, схватить и привести в Париж. Законодательному корпусу, Сенату и Трибуналам сделаны были торжественные заявления о грозном *заговоре Моро* (conspiration de Moreau), которому никто не верил и называли его заговором *против* Моро (conspiration contre Moreau). Савари тщетно сидел на Бивилльском утёсе, поджидая добычу, давая знаки каждому проходившему кораблю, но условных знаков он не знал, да и принцы, не получая известий из Парижа, не решались ехать, хотя с этою, вероятно, целью Жоржа и Моро долго оставляли на свободе, и только следили за ними. Между тем Франция и вся Европа наполнялись слухами о грозном заговоре, о подготовлявшемся убийстве Бонапарта.

В Moniteur'е и других газетах появлялись статьи против английского правительства, против Бурбонов, подославших убийц в Париж. Жизнь первого консула представлялась в опасности в то время, когда он писал к своему представителю в Цизальпинской республике: «мне не угрожала никакая действительная опасность, потому что полиция строго следила за всеми действиями заговорщиков»*. После тщетных ожиданий Савари приходилось отказаться от захвата Бурбонских принцев, которых можно было обвинить в участии в заговоре; а между тем, хватаясь уже за корону, которую они считали своею, первый консул готовил им такую участь, какая отучила бы их, по его мнению, от притязаний на восстановление своей власти над Франциею. Раздражаемый неудачею, увлекаясь страстью, он не отказался от своей мысли, он захватил совершенно невинного принца этого дома, не знавшего даже о заговоре, молодого принца Энгиенского, и расстрелял его. Это происшествие поразило ужасом всю Европу; но торжественно выразить своё негодование решился только Русский кабинет. Вслед за тем была торжественно объявлена империя во Франции в лице Наполеона с правом наследства в его семействе.

За празднествами и устройством нового двора не забыли о процессе Моро; Жорж и Пишегрю давно были схвачены и сидели в тюрьме с большою частью своих соучастников. Ещё до провозглашения империи Бонапарт распространял слухи, что вовсе не желает подвергать наказанию Моро, но, получив от него откровенные сведения о заговоре, намеревается простить. С таким заявлением являлся к Моро начальник полиции, предлагая ему свидание с Бонапартом. Конечно, Моро не мог согласиться на то, чтобы признать себя виновным, тогда как он не только не принимал участия в заговоре, но всякий, вообще, подобный заговор считал преступным и невозможным в это время. Но под влиянием ли этих слухов, или уступая просьбам родных и друзей, он решился, после целого месяца заключения в тюрьме, написать письмо к Бонапарту, в котором с достоинством отклонил от себя всякое участие в заговоре и особенно мысль вырвать власть из его рук и самому стать во главе правительства. Намекая на предложения Сиеса, он писал: «считаю нужным напомнить Вам, что если бы хотя на одно мгновение у меня была мысль принять участие в управлении Франциею, то для этого представлялся самый удобный случай за несколько времени до Вашего возвращения из Египта и, конечно, Вы не забыли того бескорыстия, с которым я помогал Вам 18-го брюмера»**. Таковы

* Письмо 6-го марта 1804 г.

** Письмо Моро к первому консулу.

были постоянно показания Моро при следствии; но не того, конечно, желал Бонапарт. Вместо ответа, он велел сказать ему, что приказал присоединить к делу его письмо. Жорж и Пишегрю подтверждали показания Моро, что он отклонял себя от всякого участия в заговоре. Первый отклонил от себя обвинение в желании убить первого консула; второй упорно не давал показаний, говоря однако же, *что представит их суду*. Это последнее заявление, вероятно, имело влияние на несчастную смерть Пишегрю и во всяком случае возбуждало подозрение. Апреля 6-го н. ст. в Moniteur'е появилось извещение, что Пишегрю сам себя удавил галстуком в тюрьме, но с такими невероятными и баснословными подробностями, что возбудило полную уверенность в том, что он умер насильственной смертью. Кто же убийца?* Предоставим отыскивать его, роясь в поддельных большею частью документах, поклонникам великого Наполеона, и обратимся к процессу Моро, начавшемуся 28 мая 1804 г. н. ст.

Главный повод к привлечению к уголовному следствию и суду первого и знаменитого генерала республики подали его отношения к Пишегрю. Смерть устранила этого подсудимого от суда; но осталось его показание, что Моро нисколько не сочувствовал замыслам роялистов. Некоторые из второстепенных подсудимых взяли назад свои показания, говоря, что они были исторгнуты у них пыткою или подкупом. Все другие устранялись сами собою, как бездоказательные. Оставались только в силе два обвинения. Свидание с *изменником*, как называл Пишегрю председатель суда, и то, что Моро в домашних беседах позволял себе свободно рассуждать о действиях правительства, т.е. первого консула. «Со времени революции,— отвечал Моро на отзыв председателя о Пишегрю,— было много изменников. Называли некоторых лиц изменниками в 1799 г., которые не считались изменниками в 1793 г. Другие были в 93-м и не были в 95-м. Некоторые считались изменниками в 95-м, не считались такими впоследствии. Много было республиканцев из тех, которые теперь не республиканцы. Генерал Пишегрю мог иметь сношения с Конде в IV году республики и действительно имел. Но он подвергся ссылке вместе с другими в переворот Фруктидора (4 сент. 1797 г.). К нему следовало относиться так же, как и к другим, осуждённым вместе с ним... Но когда я видал некоторых из них в числе высших сановников государства, когда армия Конде наполняла парижские салоны и даже у первого консула, очень мне было воз-

---

* Нельзя не отдать должной справедливости критическому дарованию Ланфре. Несмотря на огромные затруднения для учёного исследования этих происшествий, он почти дошёл до исторической истины.

можно принять участие в том, чтобы возвратить Франции завоевателя Голландии». Когда допросы были окончены, Моро сказал речь, исполненную честности и достоинства, в которой изложил свои действия во всё продолжение своей службы отечеству. «Со времени победы при Гогенлиндене и до моего ареста,— говорил он,— мои враги не могли найти ничего преступного в моём образе действий, кроме того, что я свободно говорил... Свобода речей! Но они часто были благоприятны действиям правительства, а если иногда и были против некоторых, мог ли я предполагать, что такая свобода может считаться преступлением у того народа, который столько раз узаконял свободу мысли, слова и печати и который в некоторой степени пользовался ею даже при королях? Признаюсь, я рождён с откровенным характером и, как француз, не утратил этого свойства Франции, которая всегда провозглашала его добродетелью человека и долгом гражданина, ни на поле брани, ни во время революции. Но те, которые составляют заговоры, порицают ли громко действия, которых не одобряют? Такая откровенность вовсе несогласна с политическими тайною и искушениями. Если бы я участвовал в заговоре, то скрывал бы свои мнения и искал бы должности, которая поставила бы меня в соприкосновение с народными силами. Чтобы действовать таким образом, не нужно особенных политических способностей, которых я и не имею, достаточно всем известных примеров, увенчавшихся успехом. Я очень хорошо знаю, что Монк не оставлял армии, когда замышлял государственный переворот, Кассий и Брут не удалялись от Цезаря, которого хотели поразить».

Речь Моро была встречена рукоплесканиями многочисленного общества, слушавшего допросы. Он и в суде одержал такую же победу, какие одерживал на полях сражений. Но одержал ещё бóльшую победу над самим собой и доказал силу характера, в которой отказывают ему многие из писателей, его соотечественников. Несмотря на всё негодование, которое должно было кипеть в его душе против Наполеона, он только однажды упомянул о нём. Когда в числе прочих документов было прочтено его конфиденциальное письмо к первому консулу, он сказал: «первый консул, конечно, полагал, что это письмо послужит средством для моего оправдания. Он *слишком великодушен* и сохранил бы его у себя, если бы оно могло пособить моему обвинению».

То же впечатление, как и на всех присутствовавших, допрос Моро произвёл и на судей, несмотря на то, что по случаю этого дела присяжные были временно уничтожены в Сенском департаменте, и состав суда дополнен лицами, указанными правительством. «Судьи,— обратился к ним в заключение речи Моро.— Я ничего не имею более сказать

вам. Таков мой характер, такова была вся моя жизнь. Перед небом и людьми заявлю, что моё поведение было невинно и честно. Вы знаете ваши обязанности, слух фракции направлен на вас, Европа наблюдает и вас ожидает потомство»*. Судьи большинством голосов постановили оправдательный приговор; но председатель с меньшинством возбудили продолжительные прения. Они уверяли своих товарищей, что такой приговор будет в ущерб государственности, лично оскорбит Бонапарта и лишит его возможности помиловать Моро, чего он только и желает. Новый император, узнав о ходе дела, велел взять новые показания с некоторых подсудимых и представить их судьям, которые с того времени должны были не постановлять окончательного решения. Но и это не помогло. Уступая давлению власти, судьи решились приговорить Моро к двухлетнему заключение в тюрьме, а Жоржа с 19 другими к смертной казни. «Если я виновен в заговоре,— сказал Моро, узнав о приговоре суда,— то следовало приговорить меня к смертной казни, как начальника заговора, потому что никто не может поверить, чтобы я был капралом между заговорщиками». Бонапарт был взбешён, но не решился на крайние меры. Через Фуке он предложил супруге Моро замену двухлетнего заключения изгнанием из Франции. Она без колебания согласилась, опасаясь, чтобы и её мужа не постигла в тюрьме судьба Пишегрю. Моро должен был немедленно отправиться в Северную Америку через Испанию, которой правительство Наполеон вынуждал как можно скорее выпроводить его из своей страны.

VI

Убийство герцога Энгиенского имело решительное влияние на политику нашего кабинета в отношении к Франции, выразив действительные качества её нового повелителя, которые, конечно, не могли внушать доверия. После блестящего, но совершенно бесполезного похода Суворова в Италию, Император Павел, справедливо негодуя на своих коварных союзников, вдруг изменил политику и готов был вступить в решительный союз с первым консулом, который представлялся ему укротителем революции, восстановившим порядок в глубоко взволнованной Франции. По вступлении на престол императора Александра Павловича наша политика приняла иное направление. Поддерживая дружелюбные отношения к Франции, она в то же время желала сократить их и в отношении к другим

---

* Документы, относящиеся до процесса Моро у Бошана. Vie de Moreau, прилож., с. 273–408.

державам, ей враждебным, не принимая деятельного участия в их распрях и войнах. Но оставаясь европейскою державою, России было трудно сохранить уединённое положение и отрешиться от всякого участия в судьбах Европы, которой угрожала опасность со стороны завоевательных действий нового властелина Франции. Последствием убийства герцога Энгиенского был разрыв с Франциею и — возможность войны с нею. В виду этой опасности, русский император желал воспользоваться военными дарованиями генерала Моро. Хорошо знакомый с военными взглядами, приёмами и действиями Наполеона, выставляемый многими как достойный его соперник, жестоко им оскорблённый и униженный, Моро действительно мог быть полезен в войне против него и, казалось, должен был решиться принять предложение русского императора не с тою только целью, чтобы отмстить своему личному врагу, но и освободить от тирании своё отечество и Европу.

Получив известие об изгнании Моро из пределов Франции и о его переезде в Северную Америку чрез Испанию, Император Александр Павлович поручил своему министру иностранных дел написать к нашему посланнику в Мадрид, чтобы он тайно разведал образ мыслей Моро и предложил ему или безопасное убежище в России для местопребывания или вступление в русскую службу. «Мы известились,— писал кн. Чарторыйский к графу А. С. Строганову, — что генерал Моро, отдавая справедливость образу действий нашего Августейшего Государя, в тех затруднительных обстоятельствах, в каких находится в настоящее время Европа, несколько раз выражал мысль, что, если бы когда-нибудь он решился поступить на службу иностранной державы, то вступил бы единственно в службу России. Приобретение человека с такими достоинствами и пользующегося такою известностью, как генерал Моро, было бы в высшей степени важно при современном положении дел, особенно по тому значению, которое он сохранил в Франции и потому Его Величество поручает вам тщательно разведать об образе мыслей, который он уже выражал, и, если вы убедитесь в справедливости тех известий, которые мы получили, то постараться привлечь его на сторону общей пользы». Не входя лично в сношении с ген. Моро, чтобы не возбудить подозрений французского правительства и не поставить в затруднительное положение Мадридский кабинет, гр. Строганову Император предписывал употребить в этом случае особого тайного агента. «Желательно, конечно, пригласить его вступить в русскую службу,— писал к нему кн. Чарторыйский,— обещая все возможные выгоды, но, может быть, такое предложение окажется несогласным с его образом мыслей в то время, когда можно

ожидать начала военных действий против Франции; то во всяком случае предложите ему почётное убежище в империи нашего Государя, где он будет находиться в совершенной безопасности от преследований своих врагов. Вы объясните ему, что мы желаем воспользоваться его дарованиями и опытностью, чтобы по возможности скорее окончить войну. Если она начнётся, то наш Государь предпримет её с целию обуздать безграничное самолюбие Бонапарта, которого деспотизм не совместим с общею безопасностью Европы и даже благосостоянием самой Франции. Император принимает во внимание необходимость строго различать французский народ от счастливого (eventurier) проходимца, который поработил её своему игу, и что ничего не имеется против Франции, а напротив того, дело идёт о том, чтобы освободить её от ига, под которым она страдает, так что последствия этой войны обратятся в пользу большинства французов, которых выгоды в этом случае одинаковы с выгодами союзных держав. Сверх того, вы можете уверить генерала, что Император твёрдо решился заставить уважать права и собственность каждого и особенно тех, которые приобрели *национальные имущества* (des biens nationaux) и, наконец, присовокупите, что Его Величество ни мало не имеет в виду желания народа в отношении к внутреннему управлению страны и готов напротив утвердить тот образ устройства, который свободно и добровольно установят французы, не имея пристрастия ни к какому дому, как, например, Бурбоны. В отношении к этому последнему вопросу не было бы лишним проведать образ мыслей ген. Моро, как относится он к правам королевского дома и к возможности соединить все партии в том случае, если б пришлось посадить на трон Бурбона, конечно, на известных условиях и с ограничениями власти, каких требуют обстоятельства и особенно господствующее общественное мнение во Франции». Об этом вопросе Император предписывал говорить с ген. Моро с крайнею осторожностью (avec la plus grande reserve), конечно, потому, что силою обстоятельств, он сам был поставлен к нему в ложное положение, а между тем вопрос был очень важен: он путал и тормозил исторические события. Император смотрел иначе, нежели его союзники, на права Бурбонов и, уступая их взгляду, согласился бы на восстановление их на престоле Франции лишь в том случае, когда сами французы выразили бы это желание.

Если бы ген. Моро изъявил полное согласие на принятие предложений русского Императора, то гр. Строганову дозволялось даже объяснить ему* предполагаемой коалициею образ действий, цель и средства,

* Ср. Местр. Correspondance polit., T. I, c. 95.

которыми она может располагать. «Вы представите ему,— писал кн. Чарторыйский, — новую славу, которая увенчает его действия, и признательность отечества, которую он заслужит, содействуя общим усилиям, которые клонятся к тому, чтобы освободить Францию от тирании, её угнетающей». «Я не считаю нужным,— писал он в заключение своей депеши, — указывать вам, с какою осторожностию и осмотрительности должно вести эти переговоры. Вы сами поймёте их необходимость и всю важность услуги, какую вы окажете Императору и общему благу, если успех увенчает ваши старания». Но лишь только эта депеша была изготовлена к подписанию Императора, как получено было известие, что Моро уже прибыл в Северную Америку. Это обстоятельство на два дня замедлило отправление депеши к гр. Строганову; но она всё-таки была отправлена, несмотря на то, что Моро уже не находился в Испании. Император придавал важное значение этому делу и поручил кн. Чарторыйскому в дополнение к этой депеше написать посланнику, чтобы тот постарался найти надёжный и безопасный способ передать Моро его предложения. Ему поручалось или отправить доверенное лицо в Америку для передачи их на словах, избегая письменных сообщений самому Моро, или, если бы им был оставлен в Испании облеченный его доверием человек для устройства его частных дел, то воспользоваться его посредством. Но, давая такое поручение гр. Строганову, наше правительство предвидело не только трудность, но даже невозможность его исполнить, если бы случайно не представились такие благоприятные обстоятельства, на которые невозможно было рассчитывать наперёд. «Поэтому, — писал кн. Чарторыйский, — я считаю долгом предупредить вас, что только при таких обстоятельствах вы исполните возлагаемое на вас поручение; но на вас не возлагается обязанности непременно исполнить его, если бы встретились непреодолимые препятствия».

Не рассчитывая на успешное исполнение этого поручения со стороны нашего посланника в Испании, Император избрал новый способ войти в непосредственные сношения с самим ген. Моро. В Петербурге, без особого назначения, находился камергер гр. Пален, который был лично знаком с Моро и его семейством. Император поручил ему переговоры с Моро, отправив его в Северную Америку. «Спешу препроводить вам,— писал ему по поручению Государя кн. Адам Чарторыйский,— наставления для исполнения того поручения, которое угодно было Государю Императору возложить на вас. Вы заметите, что в них не упомянуто имени ген. Моро, чтобы не подвергнуть ни его, ни вас каким-либо случайным неприятностям. Вы обратите внимание генерала на это обстоятельство. С этою же целию поручается вам, изучив это письмо, возвратить его мне». В этом письме ему предписывалось немедленно,

в качестве простого путешественника, ехать в Лондон, разузнать, где в настоящее время находится Моро, и представиться нашему посланнику в Лондоне, гр. С. Р. Воронцову. В депеше, которую поручено было отвезти ему нашему посланнику, объяснялось поручение, возложенное на гр. Палена, и поручалось способствовать ему в исполнении. «Если гр. Воронцов,— писал кн. Чарторыйский гр. Палену,— подтвердит известие, что Моро отправился в Соединённые Северо-Американские штаты, то вы воспользуетесь первым удобным случаем, чтобы отправиться в Америку, но также под видом путешественника; там возобновите знакомство с Моро и его семейством и постараетесь разведать его взгляд на происшествия, совершающиеся на континенте, и о способе действий, в каком он решился бы принять непосредственное участие. Если вы заметите, что он выжидает только удобных обстоятельств отмстить за те преследования, которым он подвергся, и в то же время возвратить свободу, которой лишено его отечество, тогда вы сообщите ему возложенное на вас поручение и объясните, сколь возвышенна та цель, к которой направлены виды Императора, и благоприятна для Франции. Вы представите ген. Моро, какое может предстоять блестящее поприще действий для такого человека, как он, пользуясь доверием народа, сделаться её освободителем и постараетесь согласиться с ним в способах действия, чтобы вернее достигнуть этой цели. Гр. Палену поручалось особенно обратить внимание Моро на то обстоятельство, что успех возможен только в том случае, если бы разные партии во Франции решились действовать заодно. Например,— продолжает кн. Чарторыйский,— республиканцы с роялистами, потому что, без сомнения, последствием их совокупных действий могло быть установление монархии. Франция много бы выиграла, если бы установили ограниченную монархию вместо тирании, под гнётом которой она находится. Но вы ни в каком случае не должны настаивать на том, чтобы ген. Моро действовал заодно с Бурбонами, особенно если заметите в нём несочувствие к ним и, напротив, уверить его, что мы с доверием отнесёмся ко всякому предложению с его стороны. Наконец, если вы заметите, что генерал Моро готов помогать России для достижения её целей, то вы откроетесь ему совершенно и объявите, что Император, высоко ценя его дарования, его любовь к отечеству и честность, был бы весьма доволен, если бы он поступил к нему на службу или бы принял участие в освобождении Франции, какими бы то ни было способами, которые он сочтёт наиболее сообразными с целью». В таком случае, гр. Пален должен был объявить ему, что он будет принят в русскую службу в звании главнокомандующего, сам изберёт для себя поприще действий, будет пользоваться жалованьем и правами, соединёнными с этим званием,

как во время войны, так и во время мира. Если бы он не пожелал вступить в русскую службу и другими способами изъявил бы готовность содействовать видам России, то графу Палену поручалось объявить, что Император будет способствовать успеху его действий. Во всяком случае Император, уважая его достоинства, открывает ему безопасное убежище в своих владениях, при всяких обстоятельствах. «Если генерал Моро примет ваше предложение, – писал кн. Чарторыйский гр. Палену, – то вы прибудете с ним в Европу. От какого-либо из наших посланников, в Испании, Италии, Англии или Германии узнаете о положении наших армий и повезёте его к той из них, к которой удобнее может приблизиться. Между тем наши генералы получат наставления, как они должны к нему относиться; но прежде всего вы попросите ген. Моро изложить свои соображения на письме».

Гр. Воронцов, кажется, не очень сочувственно отнёсся к предложению пригласить Моро, как вообще он не сочувствовал наплыву иностранцев в это время в нашу службу и особенно дипломатическую. В октябре месяце гр. Пален отправился из Петербурга и в ноябре уведомил, что гр. Воронцов задержал его в Лондоне по двум причинам: от считал нужным выждать, во-первых, последствий переговоров в Англии – и, во-вторых, потому, что переезд в Америку затруднителен в это время года и гораздо удобнее отправиться туда в декабре месяце. Но в ответном письме на депешу кн. Чарторыйского к этим причинам он присоединял и третью. «Я полагал также, – писал он ему, – что пока Бонапарт будет сохранять такое преобладание над своими союзниками, человек с таким нерешительным характером, как Моро, не примет деятельного участия в делах, и поручение гр. Палена тогда только может быть исполнено успешно, когда Моро убедится, что ход дела обратился против Бонапарта».

Лондон, 17 (29) ноября 1805. Предсказание опытного нашего дипломата сбылось, хотя и по другим причинам.

В то самое время, когда происходила эта переписка, шла 200-тысячная армия Наполеона от Булоня к Рейну. Он знал о приготовлении союзников к военным действиям, вызванным его постоянными захватами, и в то время, когда его дипломаты твердили о желании поддержать мир, он спешил, поддерживая оборонительное положение в Италии, напасть врасплох на австрийские войска, сосредоточенные близ Ульма в числе 60 тысяч под начальством ген. Монка, прославившегося своими неудачами, которые, впрочем, он претерпевал по всем правилам военного искусства, одобряемым Венским военным советом, прежде нежели успеют подойти к ним на помощь русские войска под предводительством Кутузова. Его хитрый замысел удался

вполне: непродолжительная кампания началась поражением Монка, взятием Ульма, занятием Вены и окончилась Аустерлицким сражением, – прежде нежели гр. Пален успел отплыть из Англии в Америку. В ожидании новых постановлений от правительства, ему предписано было оставаться в Лондоне. В конце 1806 года гр. Строганов писал из Мадрида министру иностранных дел барону Будбергу, что он не мог исполнить поручений в отношении к Моро, как и следовало ожидать и как того ожидало наше правительство; но счёл нужным уведомить его о том, что случайно он узнал при переговорах с первым министром Испании. «Князь Моро Годай, – писал он, – выразил мне в последних моих с ним совещаниях удивление, что союзные державы не подумали пригласить Моро начальствовать одною из армий в войне против Франции, выразил мне под величайшею тайною свои виды на этого генерала, когда Испании придётся принять участие в войне. Он говорил нашему посланнику, что ведёт постоянную переписку с генералом и ещё недавно получил от него письмо, в котором тот выражает желание предложить свои услуги какой-нибудь из могущественных держав, которая могла бы его защитить от преследований Бонапарта». «Конечно, он думал в этом случае не об Испании, – писал гр. Строганов, – и, сожалел, что не имеет средств передать Моро намерение Императора, советует поручить это дело нашему посольству в Лондоне и действовать через Англию, которая находилась в то время в дружеских отношениях с Американскими штатами».

Снова возникло желание вызвать Моро из Америки. Барон Будберг писал в начале 1807 года нашему поверенному в делах при Сен-Джемском кабинете, что «обстоятельства настоящего времени дают повод предполагать, что генерал Моро мог бы принести пользу общему делу и, может быть, был бы рад найти случай быть полезным своему отечеству и в то же время отмстить за все преследования, которым он подвергался». Поэтому ему предписывалось немедленно отправить гр. Палена в Америку, снабдив сведениями о положении дел в Европе и особенно о внутреннем состоянии Франции. Гр. Пален прибыл в Нью-Йорк в начале июня 1807 г. 21 (9); немедленно повидался с Моро, сообщил ему предложение нашего Государя и сообщил копию с его письменного ответа нашему уполномоченному в Лондоне*. «Я не поколебался бы принять великодушные предложения Е.В. русского Императора, – писал Моро, – если бы они дошли до

* Депеши Алопеуса из Лондона 30 июля (11 авг.) и 27 окт. (8 ноябр.) 1807 г. Оригинал ответа, писанный самим Моро, он возвратил ему, опасаясь иметь при себе бумагу, писанную его рукою, чтобы его не подвергнуть опасности.

меня прежде, нежели он был вынужден начать войну с французским правительством. Мне кажется несогласным ни с достоинством его короны, ни с моею совестливостью (ma délicatesse) вступить в службу в его армию во время продолжающейся войны... Правительству, во власти которого находится вся печать, будет легко представить этот поступок, как желание мстить своим соотечественникам с моей стороны, а со стороны русского Государя как уступку необходимости, мало почётной (peu honorable) для него и его войск. Предполагая даже, что я мог бы немедленно принять предлагаемую мне службу, расстояние, в котором я нахожусь от действующих войск, сделало бы её бесполезной при этой войне, которая, вероятно, скоро окончится. Какие бы войска ни восторжествовали, мир будет необходимым последствием военных действий. Если они будут благоприятны для русских, то, вероятно, глава французского правительства упадёт во мнении, вследствие недовольства войск и внутри страны. Вероятно также, что это обстоятельство могло бы способствовать тому, что французы узнали бы умеренные и разумные намерения Его Величества Императора в отношении к нам. Но не следует заблуждаться на счёт затруднений, чтобы что-нибудь могло проникнуть в эту несчастную страну. С одной стороны представляется подозрительной деятельность полиции, с другой ужас (terreur), дошедший до такой степени, что три человека, сойдясь вместе, не могут откровенно говорить между собою, подозревая изменника между ними. Я давно оставил Францию; откровенная же переписка с этою страною до такой степени затруднительна, чтобы не сказать невозможна, что я не могу сказать, как могут действовать французы против немногочисленной шайки разбойников (du scelerats), которая их угнетает. Возвратившись в Европу, я не мог бы получить более верных сведений: власть Бонапарта простирается на столько государств, что я оказался бы почти так же отдалён от Франции, а между тем надзор над моими друзьями сделался бы ещё строже. Таким образом, находясь под влиянием его власти, я должен быть озабочен только тем, чтобы скрываться, и ему было не трудно лишить меня той известности (popularité), которую я сохранил ещё во Франции, и тем обречь меня на совершенную бесполезность. Однако же я считаю необходимым, чтобы в этой несчастной стране сделались известны мудрые предположения Е. В. русского Императора, что завоевания и раздел Франции вовсе не входят в его виды, и что когда тиран, который управляет ею, перестанет тревожить её и всю Европу, он намерен предоставить ей свободу устроить у себя правительство. Какие бы ни были последствия современного переворота в Европе, с того времени, как моё отечество находится под игом, которому я

не хочу подчиниться, ни служить ему, я уверяю Е. В. Императора, если будет угодна ему моя служба, он может рассчитывать на совершенную мою преданность. Но, без сомнения, он обратит внимание на причины, которые вынуждают меня предложить ему услуги в то время, когда они не могли бы подать повода заподозрить мою честность и достоинство его Короны»*.

За четыре дня перед тем, когда Моро написал эту записку, были подписаны условия мира и союз между Россиею и Франциею в Тильзите. При тогдашних медленных сообщениях, весть об этом происшествии не могла ещё достигнуть Америки; но, очевидно, Моро, следя постоянно за ходом военных дел, верно понимал их значение, предвидел скорый исход войны и считал своё появление на континенте несвоевременным. Тильзитский мир совершенно изменил положение дел, и мысль Императора пригласить Моро в нашу службу надолго должна была остаться без исполнения.

VII

Гонимый ненавистью Наполеона, Моро должен был один отправиться в Америку, оставив своё семейство для распоряжений по имуществу. Однако он странствовал по штатам Северной Америки, пока не прибыла его супруга и дети. Приобретя землю у Морисвиля, между Нью-Йорком и Филадельфиею, занимаясь хозяйством, он проводил там лето, а на зиму переезжал в Нью-Йорк. Его ровный и весёлый нрав, умные речи скоро привлекли к нему многих.

Но ни новые знакомые на чужой стороне и некоторые из друзей, добровольно последовавшие за ним в изгнание, ни хозяйственные заботы, охота и чтение не могли, конечно, заменить ему боевую деятельность, которой была посвящена вся его жизнь. Внимание американцев помогло заставить его забыть родину, которой он был предан всеми силами души и которой судьба его ужасала. Он не любил говорить о своём противнике, не считая возможным одобрять его действия и не желая в то же время порицать, чтобы не заподозрили личную месть в его отзывах. Но от этих действий зависела судьба Франции. Он был уверен, что в безрассудных предприятиях Наполеон погубит самого себя и весьма скоро; но опасался однако же, что жестокая и лицемерная тирания во внутреннем управлении, захваты военною силою чужих владений с позволенным войскам грабежом, обман и коварство в сношениях с другими державами могут иметь

* Записка помечена: New-York, 12 (23) iuni 1807.

гибельное влияние на французов. В беседах с близкими ему лицами он говорил про Наполеона: «этот человек срамит имя француза, скоро стыдно будет называться этим именем. На моё несчастное отечество посылаются проклятия вселенной и если Провидение не поспешит оказать помощь моим несчастным соотечественникам, может быть, и они испытают судьбу евреев: будут завоёваны, рассеются по земле, преследуемые проклятиями всех народов». Грабёж, который в войсках Наполеона, поощряемый им самим и его генералами, составлял как бы необходимую принадлежность военных действий, особенно возбуждал негодование Моро. Войска, находившиеся под его начальством, сражались храбро и побеждали; не теряя бодрости, отступали, когда следовало отступать; но не грабили. На эту особенность честного полководца Моро счёл долгом даже указать перед судом. «Война под моим начальством,— говорил он,— была бедствием (fleau) только на поле сражения. Когда победа мне открывала путь в среду неприятельских народов, я старался заставить их уважать французов столько же, как и страшиться их оружия. Много раз побеждённые на опустошённых их полях отдавали мне долг справедливости в этом отношении». Это качество, как последствие векового просвещения, конечно, было чуждо и едва ли понятно его гениальному, но дикому противнику. Сколько смущал Моро союз Наполеона с Россиею, только поднявшей его гордость и самоуверенность до последней крайности, столько он возлагал надежд на разрыв в 1812 г. Он считал безумным предприятие Наполеона и с напряжённым вниманием следил за походом. Чтобы иметь верные сведения о ходе дел, конечно, не без его влияния, добровольно разделявший с ним изгнание его адъютант Рапатель (Rapastel) обратился с письмом от Моро к нашему посланнику при Северо-Американских штатах Дашкову с просьбою передать Императору его желание поступить к нему на службу. Согласие Императора получено было в Америке в апреле месяце, и Рапатель немедленно отправился в Россию*. Этот случай подал повод нашему посланнику войти в ближайшие отношения к Моро, конечно, в виду того, чтобы самого его привлечь на службу России. Ему, конечно, были известны желание и попытки Императора, клонившиеся к этой цели, он понимал, что союз России с Франциею не дал им дальнейшего хода; но что, при изменившихся обстоятельствах, когда союзник без объявления войны вторгнулся

* Письмо Моро к Дашкову, 4 июня и депеша Дашкова к гр. Румянцеву из Нью-Йорка 25 мая (6 июня). Письмо гр. Палена к гр. Румянцеву из Филадельфии 18 (30) апр. 1812 г.

со всею Европою в пределы России, они могли быть возобновлены. В виду этой цели, он поддерживал сношения с Моро и сообщил об этом канцлеру нашей Империи. «Если Императору было бы приятно иметь Моро в своей службе, то настоящее время самое благоприятное для достижения этой цели,— писал он графу Румянцеву.— С приезда в Америку он вёл самый уединённый образ жизни. Главными его занятиями были охота и рыбная ловля. Он, казалось, хотел пристраститься к ним или лучше заменить ими страсть к военному делу, которой, однако же, никогда не победит. Говорят, что он привёз с собою состояние в 200 тыс. долларов, которое большею частию принадлежит его жене. Г-жа Моро получила блистательное образование в Париже и обладает дарованиями, которые возбуждали удивление в Европе. Она никак не может привыкнуть к здешнему обществу, её слабое здоровье страдало от здешнего, вредного для иностранцев, климата, и ей решительно недоставало средств воспитывать здесь свою дочь так же, как она сама воспитана. Через несколько дней она отправляется в Европу, вероятно, получив разрешение Наполеона для поправления своего здоровья. Генерал остаётся один, наблюдать за имением, которое он здесь приобрёл в духовном бездействии, которое, видимо, его тяготит, несмотря на силу характера, с которой он переносит изгнание. Такое положение генерала Моро возбудило во мне желание разузнать его намерения, но таким неприметным способом, чтобы он не мог подумать, что добытые мною сведения могут послужить предметом официального донесения. Американцы доставили мне возможность говорить с ним о войсках, о тактике и т. под. и, внимательно наблюдая за ним, я узнал многие из его взглядов, которые он излагал с откровенностью военного человека. Между прочим он говорил, что никогда не посоветует никому из своих друзей, который хотя сколько-нибудь дорожит своею известностию, принимать начальство над американскими войсками; что есть только две армии, над которыми он с удовольствием принял бы начальство — русская и французская. Но последняя уже развращена, и всё искусство победить Наполеона заключается в том, чтобы избегать решительных сражений, что Удино не принадлежит к числу друзей Наполеона и т. под. Когда я говорил ему, какие выгоды могла бы извлечь его супруга как для воспитания дочери, так и для своего здоровья и приятности жизни, если б поселилась в России, он соглашался и заметил, что это единственная страна, где бы он мог пользоваться наибольшим счастием, и с восторгом говорил об особе нашего Государя, о своей к нему привязанности, о его уважении к французскому народу и желании ему благоденствия.

Я не выспрашивал* подробно его мыслей ни по какому вопросу, не считая себя в праве и не возбуждая подозрений насчёт моих видов. Однако же, если бы я вывел заключение из моих наблюдений, то подумал бы, не ручаясь за верность предположения, что самое удобное время пригласить Моро на службу России теперь, когда, после отъезда жены, он оказался в полном уединении, способном возбудить страсть к войне.

Говоря о бездеятельной жизни Моро, я не разумею, чтобы у него не было никаких занятий. Он по-прежнему обрабатывает поля, строит мельницы и т. под., но это не может поглощать всех умственных его способностей.

Лишь только зайдёт речь о войне, как выказывается геркулес, несмотря на веретено». Вероятно, поездка в Европу г-жи Моро послужила поводом к слухам о возможности примирения её мужа с Наполеоном. Поэтому Дашков счёл нужным приписать к своему донесению: «разве какое-нибудь чудо могло бы примирить Моро с Наполеоном. Первый не скрывает своего мнения о Бонапарте, а у второго так много даже здесь шпионов, которые следят за Моро»**.

Рапатель, по приезде в Россию, был принят в нашу службу, состоял в Риге при Эссене и потом при маркизе Паулуччи и принимал участие в переговорах с ген. Йорком. Он постоянно уведомлял Моро о ходе военных действий, и его известия способствовали верному его взгляду на них, хотя его опытность в военном деле и знакомство с характером Наполеона не могли ввести в заблуждение лживые до наглости бюллетени великой армии и повествования французских газет. Нельзя при этом случае не обратить внимания на то обстоятельство, что сношения России с Америкою, несмотря на военные действия, зависели от медленности сообщений в то время. Моро судил о происшествиях, уже давно совершившихся, когда положение дел изменялось и, несмотря на то, его общий взгляд на значение этого похода императора Наполеона был совершенно верен. Письма к нему Рапателя поддерживали постоянные сношения Моро с нашим посланником. Он сообщал ему выдержки из них и содержание своих ответов. «Чрезвычайные происшествия совершились в России, – писал он Рапателю. – Великий человек там значительно умалился (Le grand homme s'y est bien rapetissé). Кроме безумия идти в Москву и оставаться там лишних три недели, как я мог заметить по его бюллетеням и донесениям Кутузова, мне кажется, что Бонапарт ещё в Смоленске сбился с толку (à perdu la tête), где

---

* Т. е. Дашков, наш посланник при Северо-Американских штатах.

** Филадельфия, 1–13 июля 1812 г.

он не должен был оставаться более одного дня, но поспешил перейти Днепр и прикрыть себя этою рекою, если он нуждался в остановке, что. впрочем. я считаю ошибкою. Разнёсся слух, что Бонапарт умер. Это было бы самое для него лучшее при подобных обстоятельствах. У кого не хватает силы убить самого себя, тот не достоин той доли славы, на которую он изъявляет притязания. Он не находится в положении зависимого генерала, которому возможно предписать подобные безумные действия, и самые замыслы и их исполнение принадлежат ему одному. Он захватил бы себе всю славу, если бы последовала удача, поэтому и позор без раздела принадлежит ему одному, и только низкий человек (lache) может пережить его. Остаётся лишь пожалеть о несчастных жертвах этой безумной и нечеловеческой гордости. Это могло бы послужить уроком, но никто им не воспользуется».

«Вся кампания в России особенно отличается неблагоразумием и ошибками, как при движении вперёд, так и при отступлении, которых я никак не могу согласить с опытностию Бонапарта в военном деле. Он играл, как балованное дитя, которое ничего не считает невозможным для своей звезды, но северная звезда его провела. Я не могу вообразить, какой будет конец этой ужасной трагедии». «Мне кажется, что Москва, – писал он в то же время нашему посланнику, – будет камнем преткновения, о который должны разбиться все смешные и безумные притязания. Судьба Карла XII должна бы послужить уроком для Бонапарта; впрочем, никогда ошибка не наказывалась строже. Остаётся лишь оплакивать невинные жертвы этого гигантского и кровавого предприятия».

Через месяц он писал Дашкову: «я получил очень любопытные письма от Рапателя, хотя о происшествиях, предшествовавших отступлению от Смоленска к Вязьме. Последнее из Риги от 26 октября, в котором он извещает о поступке генерала Йорка, а первое из Петербурга, писанное в то время, когда Кутузов разбил Мюрата. Большое несчастие для человечества, что низкому творцу всех этих бедствий одному удалось избежать погибели его войск. Он может ещё много наделать зла, пока ещё сильно его влияние, приобретённое террором на слабых и несчастных французов. Я ни мало не сомневаюсь, что он столько же бежал от своих раздражённых солдат, сколько и от копий ваших казаков. Французские пленные в России должны быть сильно раздражены от постигшей их судьбы и гореть желанием мести. Если бы значительное число этих несчастных согласилось высадиться под *моим начальством* на берега Франции, я уверен, что от меня не ускользнул бы Бонапарт. Впрочем, я помню поступок при Квибероне и знаю, какие следует принимать предосторожности, чтобы избежать подобного».

В то время, когда Дашков ожидал наставлений от нашего правительства, а сам не решался делать предложений о вступлении в нашу службу, Моро сделал первый шаг к исполнению его видов. Прав ли он был, предполагая, что ему наскучит бездеятельная жизнь в Америке, тогда как на материке Европы совершались великие события, или был ещё правее другой из наших дипломатов, гр. Воронцов, который предвидел, что Моро решит не возвратиться к военной деятельности против своего противника только тогда, когда счастье начнёт изменять ему, но во всяком случае вопрос, так давно занимавший наше правительство, приблизился к разрешению.

Впрочем, ближайший повод к предложению своих услуг Моро объясняет следующим образом в том же письме к Дашкову: «я решаюсь с такой откровенностию говорить с вами, после тех сведений, которые сообщил мне Рапатель о последствиях аудиенций, которые благоволил даровать ему русский Император»*. Нет сомнения, что при представлениях Рапателя, Государь выразил ему то уважение и к личному характеру Моро и к его военным дарованиям, которые он постоянно сохранял, но, конечно, не поручал ему передать от его имени его генералу приглашение приехать в Россию.

Иначе Моро прямо уведомил бы об этом нашего посланника, да и Дашков получил бы в то же время наставления от нашего канцлера.

После отрицательного ответа на такое предложение в 1807 году, ни личное достоинство Государя, ни достоинство империи, которое он бережно и строго охранял, несмотря на любезность и мягкость в отношениях с частными лицами, конечно, не позволили бы ему вновь начать речь по этому вопросу. Но уполномочить нашего посланника к действию в этом случае, по его собственному почину, без сомнения, не только могло, но и должно было наше правительство, одобрив разумные его соображения и действия. Предписания, в ответ на его депешу канцлеру нашей империи Дашков получил почти в одно время с приведённым письмом от Моро. «Я почитаю себя крайне счастливым, — отвечал он графу Румянцеву, — что Государь Император одобрил мой образ действий. Да оправдает моя ревность к службе то лестное мнение, которое вы изволили выразить обо мне, заслужить которое я постоянно стремился. Согласно с предписаниями, выраженными вашим сиятельством, я немедленно отправился в Филадельфию, чтобы повидаться с г. Моро. Я нашёл его в самом лучшем расположении, он готов бы немедленно оставить Америку, если бы не ожидал известий от своей супруги, которой он уже несколько раз писал, чтобы она выехала из Франции.

* Нью-Йорк, 2 марта 1813 г.

Впрочем, он дал мне заметить, что может выехать и прежде получения от неё письма. Но его отправление может, однако же, встретить некоторые затруднения: потому, во-1-х, что в настоящее время нет ни одного *нейтрального* корабля, который шёл бы прямо на север и, во-2-х, что он желает, чтобы здесь никто не знал, по крайней мере, некоторое время, об его отплытии. Генерал несколько раз мне выражал желание отправиться на русском корвете, чтобы удобнее скрыть свой отъезд и не попасть в Англию». Но русского корвета не было в Америке, и ожидание его прибытия слишком замедлило бы отъезд Моро, а потому наш посланник, извещая об этом желании, прибавил, что он будет ожидать его только в том случае, если не представится никакого другого удобного способа выехать из Америки. Исполняя предписания гр. Румянцева, наш посланник предложил вопрос генералу Моро: на каких условиях он вступил бы в нашу службу? «Я питаю такое глубокое доверие к лицу русского Императора, — отвечал он, — что никогда не позволю себе предложить какие бы то ни было условия»*. Но ещё прежде свидания в Филадельфии, наш посланник немедленно известил письмом Моро о содержании в полученных им депешах из Петербурга, на которые он отвечал: «я не задумался бы ни на одну минуту немедленно оставить Америку, если бы моя жена и мои дети, которые находятся в Европе, не могли бы подвергнуться варварству человека самого низкого и самого жестокого, какой когда-либо существовал». Эту заботу о своём семействе он выражал при свидании с Дашковым** в Филадельфии и, соображая, когда его супруга могла получить хотя бы одно из его писем, полагал, что не может выехать ранее июня месяца. Спустя около месяца, он уведомил, что получил письмо от своей супруги, говоря, что «она очень хорошо понимает моё положение и просит непременно известить её, прежде нежели оставить Америку». «Отправив к ней разными способами несколько писем, я должен выждать месяц после их отправления, — писал он, — чтобы дать ей возможность убежать от преследований, которые будут тем жесточе, чем опаснее будет признано для общего врага моё присутствие в Европе. Мне невозможно и думать оставить Америку ранее начала июня, что, впрочем, почти соответствует тому, как мы с вами условились. Продолжение военных действий на севере Европы принимает почти такое направление, как я предвидел, но необходимо остановиться на некоторое время не вследствие сопротивления, которое может сделать Бонапарт вашим армиям и тем союзным, которым они приобретут, но вследствие чрезвычай-

* Вашингтон, 27 мая – 8 апр. 1813 г.

** Дашков 13 марта, Моро 21 марта 1813 г.

ного утомления и для приведения в порядок военных средств армии, которая зимою совершила такие необыкновенные движения, каких не много примеров представляет история»*.

Отправляясь в Европу, он желал избежать остановки в Англии, конечно, признавая её не только врагом Наполеона, но и Франции и желал причалить к Готтенбургу, чтобы проехать оттуда в Стокгольм для свидания с Бернадотом и потом в Петербург или в главную квартиру русского Императора.

«Так как я должен быть неизвестным лицом на корабле, на котором вы меня отправите,— писал он Дашкову,— то необходимо, чтобы вы вместе со мною отправили кого-нибудь с вашими депешами, кто бы сопровождал меня потом от Готтенбурга до Петербурга. Г. Свиньин был постоянным посредником всех наших сообщений, поэтому я очень рад, что вы на него обратили внимание для этой цели. Полагаю, что Император одобрит ваше распоряжение, а я лично приношу вам за него искреннюю благодарность».

Свиньин, известный впоследствии деятель, был в это время помощником нашего консула (г. Козлова) в Филадельфии. Он уже давно был в близких отношения с семейством Моро.

«Приехавши в Америку,— говорит он,— я почёл первым долгом познакомиться с этим Велизарием нашего века, старался заслужить его благорасположение, его дружбу, доверенность и впоследствии часто имел случай видеть его в разных отношениях частной его жизни, всегда достойным великого имени и заслуживающим приверженность его соседей, которые не называли его иначе, как *наш добрый Моро*».

Свиньин питал к нему глубокое уважение и преданность. Конечно, молодому русскому человеку приятно было после долгого отсутствия побывать на родине, но ещё приятнее быть сопутником Моро, избранным по его указанию. «Завтра мы подымем парус,— писал в последний раз г. Моро нашему посланнику 8-го июля**,— и я надеюсь, что не опоздаем прибытием к месту нашего назначения». На другой день вышел из Гельд-Чета корабль «Аннибал», «лучший ходок из судов американского торгового флота», по свидетельству Свиньина, и увёз Моро и его спутника из Америки в Европу.

Нашему посланнику успешно удалось исполнить, предупредив даже своим вызовом желание императора. Ни стойкая тайная позиция Наполеона, ни начальник его шпионов, т. е. его посланник в Северо-Американских штатах Серюрье, которых, не без основания, так опа-

---

* New-York, 26 апреля и 1 мая 1813 г.

** Нью-Йорк, 20 июля 1813 г.

сался Моро, ничего не знали о совершившемся событии. Дашков с самим Моро отправил письмо к гр. Румянцеву: «я сочту себя *бесконечно* счастливым, — писал он, — если это письмо будет иметь честь достигнуть ваших рук, потому что я посылаю его с самим г. Моро, который вызвался его доставить вам. Этот знаменитый военачальник, обладающий и всеми добродетелями просвещённого гражданина, преданного своему отечеству, исполнен ревности и проникнут удивлением к нашему августейшему монарху. Он полагает, что только он может спасти Францию от конечной гибели, и выражает преданность Государю, внушаемую ему как его нравственными качествами, так и любовью к его угнетённому отечеству». Наш посланник исполнил и другое поручение правительства. Гр. Румянцев, по непосредственно выраженному императором желанию, поручал просить Моро, чтобы тот свои соображения о предстоящих военных действиях изложил на письме. При свидании в Филадельфии Моро немедленно согласился и спустя несколько времени прислал ему записку. «Предстоящая кампания в средине Европы, — писал он, — не может открыться ранее июля месяца. Было бы неблагоразумно допустить хотя бы один французский корпус в Пруссию, и, если невозможно их оттеснить за Рейн, то, по крайней мене, отбросить за Эльбу, чтобы обеспечить для себя содействие всех прусских войск. Великая выгода прогнать французов за Рейн состояла бы в том, чтобы воспользоваться как людьми, так и продовольствием в Ганновере, Гомеле и вообще в прилегающих к нему областях. Нельзя не принять в соображение, что чрезвычайное утомление русских войск должно замедлить их движение, но не следует останавливать его совершенно. Было бы большою ошибкою дать время французам собраться и, получив подкрепления, остановить своё отступление. Должно избегать осад, замедляющих движение, требующих употребления большого количества войск и стоющих многих жертв. Должны быть оставляемы лишь наблюдательные корпуса, почти равные численности гарнизонов, а с открытием навигации в Балтийском море поставить флотилию против Данцига, и блокирующие войска вынудят его к сдаче. Если Австрия оставит Бонапарта в предстоящей войне, то его положение будет весьма плохо. Если она ограничится такими военными действиями, как в прошлую кампанию, и поставит готовые корпуса для вторжения куда ей заблагорассудится и особенно в Италию, то его положение не будет лучше. Неужели Австрия решится на новые усилия в пользу человека, который наиболее сделал ей зла? Это невероятно. Рекруты, которых набирал Бонапарт во Франции, не будут солдатами и останутся недовольными. Они будут драться порядочно только в том случае, если его войска будут составлены наполовину из

старых солдат; а старые солдаты остались у него только в Испании. Оставит ли он эту страну? Это лучшее, что бы он мог сделать. Но люди в его положении принимают обыкновенно полумеры, что, вероятно, он и сделает. Не опасаясь испанцев и принимая во внимание, что лорду Веллингтону отчасти не удалась кампания и что его войска страдают от болезней, он вырвет, вероятно, 50 или 60 тыс. из Испании, чтобы из них вместе с конскриптами и образовать новое войско. С этим-то, очевидно, посредственным войском он попытается в Германии *не разделять*, конечно, русские войска; но вести такую войну, чтобы приучать к действиям новых солдат и воспользоваться ошибками противников, нападая на слабые части. Диверсия наиболее ужасная, которая должна уничтожить его власть и возвратить Франции и Европе мир и спокойствие, должна быть сделана с пленными, находящимися в России. Полковник Рапатель, может быть с успехом употреблён для набора их. Надо только заручиться 30 или 40 тысячами из более недовольных офицеров и солдат, которых не должно быть трудно найти. Они должны ненавидеть того, который так плохо руководил их в самом безумном и смешном предприятии, которое когда-либо бывало, и презирать того, кто низко оставил их в то самое время, когда его дарования могли быть наиболее им полезны. При этом устройстве пленных чрезвычайно важно принимать вполне надёжных офицеров и устранять льстецов гвардейцев и вообще всех, которым он особенно покровительствовал. Все эти люди должны быть расположены близ берегов Балтийского моря под надзором русских офицеров, которые бы хорошо знали по-французски и, обращаясь с образованными из них, открыли бы тех, которые вступают лишь потому, чтобы избежать тюрьмы или с ещё более опасным намерением выдать своих товарищей. Но эти лица должны быть удалены перед самым исполнением предприятия, иначе они будут осторожны. Им надо объяснить, под чьим начальством они будут действовать во Франции против одного лишь Бонапарта, и что мир будет последствием их подвигов. Чрезвычайно важно, чтобы первые прокламации, по вступлении во Францию, убедили народ, что после смерти тирана последует общий мир на частных основаниях.

Если Испания совершенно очищена, то войска лорда Веллингтона должны быть переправлены в Германию, и те же суда перевезут во Францию французские войска, назначенные там действовать. Если же, напротив, английские войска останутся в Испании, чтобы действовать против находящихся там французских войск, то необходимо собрать достаточное число транспортных судов — русских, шведских, английских, чтобы взять эти войска оттуда, где они будут собраны, чтобы немедленно перевезти на берега Фландрии ближе к Парижу.

Нет никакого сомнения, что сам Бонапарт, с лучшими и наиболее ему верными войсками, пойдёт против этой армии, поэтому-то она должны быть сильна, а между тем надо, чтобы её считали менее сильною, нежели бы она была в действительности. Необходимо наперёд приготовить достаточное количество оружия для этих войск. Оно должно быть испытано и сложено в крепостях невдалеке от Балтики. Ружья могут быть розданы только перед началом действия. Для безопасности можно употребить канонеров, привести в порядок артиллерию и необходимые заряды.

Так как Польша и северная Германия, вероятно, истощены в отношении лошадей, то их можно приобрести в Англии в достаточном количестве, которые заблаговременно должны быть поставлены на суда, с тем, чтобы встретить экспедицию, лишь только она выйдет из Северного моря, чтобы войти в пролив.

Эта экспедиция должна иметь такое влияние на успех военных действий и приблизить заключение мира, что, без сомнения, английское правительство будет всеми способами помогать русскому императору. Его главною целью должно быть – уничтожение Бонапарта, что безусловно нужно. Второю – учреждение правительства, которое должно быть после него, что должно быть последствием соображений людей честных и умеренных. Пока существует Бонапарт, нельзя в этом отношении делать никаких заявлений; он воспользуется малейшею нескромностью, чтобы напугать ту партию, которая будет не согласна с тем образом правления, какое захотят установить. Надо дать повод каждой партии надеяться на осуществление её желаний. Если провозгласить победу в пользу прежде царствовавшей династии, то те, которые приобрели национальные имущества, некоторые из республиканцев и многие из эмигрантов, оставившие своего прежнего государя и служившие новому, будут устранены. То же будет и в отношении всех других, которым Бонапарт укажет на Робеспьера и якобинцев, если бы захотели установить республику в одном из тех видов, в которых она являлась уже во время революции. Нужно заявить только ненависть к тирану, мир, умеренность, полнейшее снисхождение ко всем мнениям в отношении к той форме правления, которую бы захотели установить.

Вся Франция, которая ненавидит современное положение дел, вероятно, не имеет определённого понятия о честности того, кто предпримет эту экспедицию. Никакие личные притязания не руководят его действиями. Возвратить мир Европе и счастье Франции – вот единственная цель его предприятия. Наслаждаться под сенью либерального правительства плодами своих трудов – вот единственное его желание.

Он надеется, что препятствия, которые не дозволяют ему немедленно явиться в Россию, скоро будут устранены. Тогда он не потеряет ни одной минуты, чтобы ехать для получения приказаний русского Государя и содействовать, под его покровительством, прекращению того ужасного положения, в которое бешенство одного человека привело Европу. Если бы по каким-либо непредвиденным обстоятельствам эта экспедиция не удалась, то предводители, которые останутся в живых, возлагают всю свою надежду на русского императора. Конечно, он не будет иметь более верного и преданного слуги, как сочинителя этой записки».

Такое несбыточное, не соответствовавшее обстоятельствам времени предположение, как вторжение во Францию во главе французских пленных, находившихся в России, со стороны опытного и благоразумного военачальника, как Моро, могло бы смутить историка и невольно заподозрить его дарования, если бы оно не объяснялось особенными обстоятельствами, в которых он находился в это время. С одной стороны его долгое пребывание в Америке, недостаточные и часто неверные известия, которые изредка доходили до него из Франции и вообще Европы, и весьма понятное, хотя преувеличенное презрение ко лжи и обманам всех известий французского правительства препятствовали ему ясно понимать положение дел. Он знал о том недовольстве своим правительством, которое действительно существовало во Франции, знал о том, что Германия тяготится игом, наложенным на неё, и желала бы, чтобы кто-нибудь избавил бы её от этого ига, знал о действиях и намерениях противников Бонапарта; но издали все эти обстоятельства в глазах его утрачивали свои действительные размеры. Он не испытывал и не понимал, как человек, не утративший чувства личного человеческого достоинства, так же как и вся Россия, того панического страха, которым была объята Европа и особенно Германия до самых вершин своего государственного устройства, смотря на Наполеона, как на сверхъестественную силу, против которой может действовать только – Провидение. Он понимал, что французские войска развращены под властью Бонапарта; но степень этого развращения ускользала от его понимания, устраняемая тем порывом, которым его глубокая любовь к отечеству скрывала от него действительное положение дел. Бескорыстный и честный, он не понимал, какое может оказать влияние *грабёж*, составлявший принадлежность наполеоновых войск, и безумное обогащение и почести, расточаемые их предводителям, прикрываемые понятиями о славе, сиянием которой покрывает их великий человек, который очень хладнокровно говорил саксонскому королю, что он

имеет возможность в предстоящей войне с Россиею *расходовать* по 35 тысяч человек в месяц.

Любовь к отечеству заменялась у них понятием о славе, пред которой преклонялось их отечество, а творец этой славы был Наполеон. Несмотря на все бедствия, пленные французы оставались ему преданы и, конечно, не могли составить армии, которая под начальством действовала бы против Наполеона, вторгнувшись в пределы Франции.

Отправив записку, составленную для русского Императора, он, кажется, сам начал сомневаться в своём предположении и обратился за советом к наследному шведскому принцу. Со времени изгнания из Франции он не имел никаких сообщений с своим бывшим другом и товарищем по оружию, маршалом Бернадотом. В 1812 г. он узнал из письма г-жи Сталь, находившейся в это время в Стокгольме, к её американским знакомым, что он помнит Моро, желал бы видеть его и просил передать ему приглашение приехать в Стокгольм. Воспользовавшись этим обстоятельством, Моро написал к нему пространное письмо, в котором изложил свои намерения по приглашению русского Императора приехать в Европу и принять участие в войне против Наполеона и свои предположения.

«После позорного поражения, – писал он, – французской армии в России, её предводитель не избегнет двух упрёков – в безумии и низости и сделается посмешищем Европы и предметом негодования для французов, и я думаю, что не сохранит власти чудовищной и опасной для Европы, унизительной и тиранической для Франции. Благоприятное время, о котором мы часто говорили, избавить от этого низкого и наглого насильника (usurpateur), кажется, приблизилось, но если не принять участия в перевороте и ограничиться ожиданием, то он ещё много может наделать зла. Несмотря на безумные предприятия, он более понимает войну, нежели те, которые до сих пор действовали против него. Выведя почти все свои войска из Испании, отправив туда Фердинанда VII, что избавит его от необходимости держать много войска на этой границе, он может к июню месяцу собрать от 250 до 300 тысяч человек и противупоставить сильное сопротивление, особенно если найдёт поддержку в австрийском доме.

Надежда на противодействие, которое, наверно, встретила бы новая конскрипция без достаточной силы привести её в исполнение, утратится, если движение войск Испании, проходя почти по всем направлениям внутри Франции, будет согласовано с набором этой конскрипции. Тогда старые полки, привыкшие к войне в продолжение четырёх лет, усиленные и пополненные конскриптами, набору

которых они будут содействовать, пойдут против войск России и её союзников, которых она может приобрести в Германии.

Не полагаете ли вы, что между пленными французами в России найдётся достаточное количество офицеров и солдат, раздражённых тем, что ими жертвовали в продолжение стольких лет властолюбию и жадности их вождя на счёт народонаселения и средств их отечества? Последняя кампания к ожесточению должна прибавить ещё чувство презрения, и я полагаю, что между ними надо искать основы, которая должна составить точку опоре для переворота, который следует произвести как можно скорее. Я помню исход экспедиции при Квибероне, предпринятой с пленными, но я полагаю, что теперь иные обстоятельства и гораздо более благоприятные. Первые сражались против свободы их страны, под знаменем, которое они ненавидели, эти напротив будут сражаться, чтобы избавить Францию от тирании, самой унизительной, которая когда-нибудь тяготела на каком-либо из новых народов. Можно ли иметь доверие к тому, как они будут драться, если бы пришлось прибегнуть к этому способу? Я понимаю все выгоды государства, существующего уже десять лет, и несочувствие драться с войсками уже признанной власти, какая бы чудовищная и какая бы беззаконная она ни была. Но, если ненависть, которую питают все состояния и во всех частях Франции, такова, как говорят, то она может поддержать ненависть пленных и заставит действовать против императорского правительства, как наибольшего врага народа. Если это так, на какие средства для исполнения можно рассчитывать? Найдётся ли достаточное число охотников между пленными, чтобы можно решиться на предприятие. Согласится ли русский Император? Стараться ли проникнуть во Францию под защитою русских войск и не лучше ли сделать высадку на берега Пикардии или Нормандии? Последний способ я считаю более выгодным».

Говоря далее о намерении в половине июля, по предложению Императора Александра Павловича, оставить Америку и ехать в Россию, он пишет: «я готов проникнуть во Францию во главе французских войск, но я не скрою от вас, что мне бы не хотелось идти туда во главе войск иностранных... Но какое правительство следует установить, если будет разрушено существующее? Я не знаю, какие господствуют взгляды в этом отношении в стране, которую *роялизировали* в продолжение десяти лет. Что же касается до меня, то я совершенно свободен и без предрассудков в этом отношении, и если народ захочет Бурбонов, – с которыми у меня не было и тени никаких сношений, несмотря на пресловутый заговор, я отдал бы охотно правление в их руки, с условиями, обеспечивающими личную свободу французов, которая

могла бы быть поддержана посредствующими учреждениями, достаточно сильными для того, чтобы остановить жадность куртизанов. Я, признаюсь, думаю, что это единственный выход. До меня доходят слухи, что они послали агентов в Петербург, быть может, в надежде заманить некоторых французов. Я не имею никакого желания драться под этим знаменем, которое до сих пор не было счастливо в своих предприятиях, и притом я никогда не сделаюсь орудием личной мести, какой бы ни было».

В этом письме к Бернадоту Моро повторяет те же предположения, какие выразил в записке, составленной для русского Императора, но в ином уже виде: в виде вопросов, что доказывает закравшееся уже сомнение в возможности привести их в исполнение. Но в том же письме он, как мы видели, говорит: «я готов проникнуть во Францию во главе *французских* войск, но не скрою от вас, что мне бы не хотелось идти туда во главе войск *иностранных*». Мысль — внушённая благородным чувством любви к родине, которая, вероятно, была понята и встретила сочувствие со стороны Бернадота. Он, доведя в 1813 г. свои войска до Рейна, за которым думал видеть уже Францию, считал своё участие в войне против Наполеона оконченным и не пошёл далее. Моро, как истого француза, отвращала мысль вторгнуться вооружённою силою в своё отечество во главе иностранных войск. Но где же было взять французских войск, которые бы Моро повёл в пределы Франции для того, чтобы избавить её от тирании Наполеона? Конечно, их не было, и это обстоятельство, вместе с незнанием действительного настроения умов во Франции и Европе, навело его на мысль о французских пленных, бывших в России!

VIII

Почти месяц продолжалось плавание Моро. «От берегов Америки, до самых высот Готтенбурга,— говорит его русский спутник,— не встретились мы ни с одним кораблём, имея постоянно попутный ветер и быв окружены туманами, которые, казалось, покровительствовали нам от французских и американских корсаров, от которых мы должны были опасаться всего неприятного. Я заметил это генералу, прибавив, что, кажется, Провидение взяло нас под свою защиту». Во время плавания Моро сохранял спокойствие, большую часть времени посвящал любимому своему занятию — чтению; но, конечно, его смущала неизвестность, удалось ли его супруге с дочерью вовремя удалиться из областей, находившихся под влиянием власти Наполеона. Ещё в Америке от получил от неё известие, кото-

рое возбуждало его подозрения и опасения. «Моя жена,— писал он к нашему посланнику,— которую самым бесчеловечным образом правительство Наполеона в первых числах сентября (1812 г.) заставило сесть на корабль, чтобы оставить Францию, хотя правительственные доктора засвидетельствовали, что её здоровье требует пользования водами Баража, вдруг получила дозволение оставаться во Франции, но получила его уже в Бордо»*. Чувством великодушия Наполеона к своему семейству Моро, конечно, не мог объяснить такого распоряжения, которое действительно получает особое значение в виду обстоятельств, которых он ещё не знал. Слух о возвращении Моро в Европу давно носился в ней. Ревность ли тайной Наполеоновой полиции, подозревавшей этот случай, подала повод к такому слуху, или явные заявления Бернадота, которые он поручал г-же Сталь прямо довести до сведения Моро; но он существовал и был известен Наполеону. Получив во время отступления из Москвы в Дорогобуже известие о попытке генерала Моле произвести государственный переворот, он прежде всего обратил внимание на Лагорие, который принимал в нём участие и прежде служил под начальством Моро и расспрашивал о нём генерала Лабуассьера, который знал всех лиц, бывших под его начальством. С этим временем совпадает отмена строгого предписания г. Моро выехать из Франции и дозволение оставаться в её пределах. 20 июля корабль «Аннибал» подошёл к берегам Норвегии и сошёлся с английским фрегатом «Гемодрай». Когда Свиньин приехал на фрегате и объявил капитану Чатону, что на американском корабле находится генерал Моро, капитан немедленно сел в катер и отправился к нему с предложением услуг. Но он оказал ему услугу особенно известием, что его супруга и дочь уже находятся в Англии**...

Оканчивался первый период военных действий в Германии, когда Моро прибыл к русским войскам в главную квартиру императора. Совершилось много важных происшествий, которые не соответствовали предположению Моро, что новая кампания может начаться не ранее июля месяца. Ошибочные понятия о положении дел внутри Франции и Германии объясняют его предположения, основанные на том, что император Наполеон ранее этого срока не мог составить новой армии, способной противостоять русским с их соперниками. Между тем уже к половине апреля он не только составил огромную армию, но и привёл её на поприще военных действий. Конечно, как опытный военачальник, Моро не думал, как и никто из современни-

* Нью-Йорк, 11 февраля 1812 г.

** Письмо Моро из Готтенбурга к Императору. Гл. Архив. Султели 1813.

ков, даже французов, чтобы жалкие остатки великой армии, прогнанные за Неман нашими войсками, могли доставить кадры для новой армии Наполеона, действовавшей в 1813 году*. Опытные, закалённые в народной и самой ужасной войне солдаты испанской армии, вызванные оттуда, дали Наполеону возможность устроить кадры его новой армии с незначительною помощью тех боевых сил, которые были рассеяны внутри Франции, в Германии и Италии. Конечно, эта новая армия Наполеона была *посредственная*, по выражению Моро, не имела соответственной её численности конницы и артиллерии; но она значительно превышала численность войск союзников и ею предводительствовал Наполеон. Между тем русские войска, совершив, повторяем слова Моро, такое преследование, какому едва ли можно найти пример в истории, утомлённые и в незначительном количестве перешедшие границы, едва могли оборонять линию Вислы. Войдя в Пруссию, они могли продолжать наступательные действия не иначе как в союзе с этою державою, вместе с её войсками. Присоединение корпуса Йорка, возбуждение восточной Пруссии подавали надежду на скорое заключение этого союза; но нерешительность короля на целый месяц затянула дело его заключения и тем затруднила и приостановила военные действия. При том прусские войска были слишком незначительны по количеству, новые вооружения, хотя и быстро составлявшиеся, во всяком случае, требовали времени. Если бы союзные войска и могли отбросить за Рейн остатки великой армии и незначительные отряды, находившиеся в Германии, как предполагал Моро, то эти замедления со стороны Пруссии вынудили ограничиться линией Эльбы. Но и тут новые союзники были поставлены в затруднительное положение в виду количества войск, которое превышали французские армии и особенно потому, что кончина фельдмаршала кн. Кутузова поставила вопрос о выборе главнокомандующего, который три раза в этот год был разрешаем неудовлетворительно. Чтобы не потерять значение, союзники должны были продолжать военные действия, а между тем надеяться на верный успех они могли только в том случае, если б Австрия приступила к их союзу. Потерянные сражения при Бауцене и Люцене вынудили их к отступлению к границам Богемии.

Австрия ещё более, нежели Пруссия, медлила приступить к союзу с Россиею, но по иным причинам. Родственные связи умалили тот панический страх, под влиянием которого находился прусский король, и в

---

* Это ни на чём не основанное мнение измышлено впервые г. Бернарди, и, вероятно, нечаянно повторено у генерала Богдановича. Это последнее обстоятельство только и вынуждает меня, хотя и мимоходом, упомянуть о нём.

то же время возбудили в императоре Франце участие к династии от его дочери. Даже бар. Штейн, который постоянно советовал императору Александру Павловичу насильно заставить прусского короля войти в союз с Россиею, не давал подобных советов в отношении Австрии. Народные движения в Пруссии, которым сочувствовали войска, отчасти оправдывали его советы; но подобного расположения, на которое опирался бар. Штейн в 1813 г., не было в это время. Но войска дрались неохотно за Наполеона и образ действий в 1812 г. кн. Шварценберга немногим отличался от действий Йорка. Коварство венского кабинета сделалось такою историческою аксиомою, что его видят повсюду, не принимая в соображение ни обстоятельств, ни степени коварства.

Во всяком случае политика венского двора и в 1813 г. была продолжением прежней и в отношении к России даже сделала шаг вперёд к соглашению. Поддерживая уверения в добром к ней расположении, гр. Меттерних уверял императора Наполеона в искреннем желании поддержать союз с Франциею, но уже на иных условиях – вследствие изменившихся обстоятельств. Союзный договор прошлого года, по которому Австрия помогала Наполеону в войне против России только 85-тысячным корпусом войск, он считал утратившим силу, по окончании войны в пределах России; новый ещё не был заключён, а между тем, сохраняя союзные отношения, он предлагал посредничество Австрии для заключения мира между воюющими сторонами и чтобы посредничество Австрии получило вес, она поспешно усиливала свои боевые средства. Смысл такого предложения, очень ясно понятый Наполеоном, должен был возбудить его гнев гораздо более, нежели прямое объявление войны. Австрия уходила из-под его власти, его подручница выступала как независимое государство и желала действовать, хотя бы и в его пользу, но как самостоятельная держава. В таком образе действия он усмотрел величайшее коварство венского кабинета. «Венский кабинет заблуждается: напрасно Меттерних считает интригу политикою. Политика действует в виду определённой цели, у интриги нет этой цели, и она вовлекает в противоречащие одно другому действия. Таким представляются императору действия венского кабинета. Он хитрит; но все его коварства обращаются ему же во вред. Между тем, действуя прямо и соображая желания со своими силами и средствами, он достиг бы исполнения своих видов». Чтобы с ложного пути вывести политику венского двора на прямой путь, он употреблял устарелое средство; не нужно особой предусмотрительности, чтобы понять, что такие пронырства одинаково возбудят отвращение как Императора Александра, так и Наполеона и могут побудить их войти *в прямые* соглашения между собою. Увлекаясь задним *числом*, такою

мыслию, он писал: «стоит только отправить посольство в русскую главную квартиру, и вселенная будет раздавлена на две половины (une mission au quartier-géneral Russe partagerait le monde en deux)»*. Но русский император, что очень хорошо было известно Наполеону, не вошёл бы в прямые сношения с ним, ни Европа не поверила бы в это время в силу того пугала, которое возбуждало в ней страх вслед за союзом и миром, заключённым Россиею с Франциею в Тильзите. Конечно, подобное средство, употреблённое политикою Наполеона в отношении к Австрии, оправдывает всё коварство венского кабинета в отношении к такому противнику, с которым и нельзя было действовать другими способами, если сила обстоятельств ещё позволяла выйти против него с оружием в руках. Но совершенно иначе он действовал в отношении к России, если принять в соображение его сношение чрез своих уполномоченных с главною квартирою императора, помимо нашего посланника графа Штакельберга. Желание стать на сторону союзников подтверждается и тайными сношениями в это же время, начатыми с Англиею. Если тесть императора Наполеона, как он выражался в письмах к нему, может быть искренно, желал сохранить корону своему внуку, — то венский кабинет едва ли принимал в расчёт при своих действиях и это обстоятельство. Но почему же он медлил приступать к союзу с Россиею и Пруссиею? Потому, что весьма естественно не желал находиться в том же положении, как Пруссия, народонаселение которой смотрело на русского императора и его войска так, как будто они были гораздо более её войсками, нежели своего короля. Как в отношениях к Наполеону, пользуясь гибелью великой армии, она прямо выразила притязания на свободу в действиях и самостоятельность великой державы, так и в отношении к России, которая являлась спасительницею Германии и потому естественно ожидала её содействия; но даже Пруссия торговалась, Австрия же, конечно, желала поддержать такое же положение. Но для того, чтобы достигнуть этой цели, нужно было составить такую военную силу, которая могла бы придать значение и в случае нужды поддержать это желание. Лишившись почти трети своих владений, уничтоженная, ограбленная Наполеоном, она не могла, при совершенном расстройстве финансов, скоро подготовить и поставить в военное положение значительное войско. Это обстоятельство было причиною того, что она медлила разорвать союз с Франциею и присоединиться к России, а эта медленность в свою очередь давала ей уже с этого времени преобладающее значение в судьбах Европы, которое усиливалось по мере того, как в постоян-

* Гордон, с. 368.

ных сражениях уменьшались большие средства воюющих сторон, а её собственные увеличивались. Поддерживать преобладающее значение над такими силами, как Россия, сокрушившая Наполеона с его великою армиею, и этим титаном, перед которым трепетала подобострастным страхом вся континентальная Европа, было дело нелёгкое. Но, разгадав положение дел, венский кабинет победил это затруднение.

Союзники не считали возможным без участия Австрии нанести решительный удар Наполеону и потому естественно соображали с этою целью военные движения и употребляли все способы, чтобы привлечь её к союзу. Притом русские войска ожидали прибытия значительных подкреплений, вооружения Пруссии ещё не были окончены. Они согласились на заключение перемирия и открытие мирных переговоров в Праге, при посредничестве Австрии. Но что вынудило императора Наполеона, после одержанных успехов, вступить в переговоры на таких условиях, которых он принять не мог, не отказавшись почти от всех своих завоеваний и всякого притязания на владычество над Западною Европою. Едва ли Моро не вернее других понял его положение, полагая, что с армиею неопытною и составленною преимущественно из молодых конскриптов он не предпримет кампании с намерением нанести решительный удар союзникам, но с тою прежде всего целью, чтобы приучить к войне свои неопытные войска и дополнить их состав, особенно конницею, в которой он испытывал недостаток. Это мнение подтверждает и то обстоятельство, что он не преследовал союзников, одержав успех над их войсками, и согласился вести мирные переговоры, зная наперёд, что предложенных венским кабинетом, с согласия, конечно, союзников, условий он не примет и принять не может.

Моро приехал в Прагу «16-го августа, в 8 часов вечера, – говорит его спутник, – т. е. за день до перемирия». По приезде, он послал Свиньина и Рапателя к Императору испросить его повелений. Государь поручил им изъявить своё удовольствие о приезде Моро и сказать, чтобы он успокоился эту ночь от продолжительного пути, а на другой день в 9 час. утра назначил ему аудиенцию, послав в то же время к нему одного из своих флигель-адъютантов с приветствием от своего лица. «На другой день в 8 часов с половиною, – говорит Свиньин, – я сходил с лестницы, чтобы осмотреть, как встретил на ей самого Государя, и едва успел предуведомить генерала, как он вошёл в его комнату, обнял Моро и пробыл с ним более двух часов наедине. Проводив Государя, генерал подошёл ко мне со слезами на глазах и сказал с величайшим чувством: «любезный Свиньин, что за человек Император Александр! с этой минуты я обрёк ему на жертву мою жизнь. И кто не отдаст за него

жизни? Все те похвалы, которые я выражал ему, всё высокое мнение, которое я имел о нём, несравненно ниже этого ангела кротости». Силою личного обаяния обладал также и император Наполеон; но в этом обаянии чувствовалось насилие, которое каждую свою жертву, как побеждённого, приковывало к колеснице победителя, при этом чувство преданности к нему поддерживал впоследствии только безотчётный страх или – корысть. Сила обаяния, которою обладал Император Александр Павлович, была иного свойства: она была мягка, кротка и пленительна, как песни баснословной сирены». Таковы свидетельства всех современников, находившихся с ним в личных отношениях. Впечатление, которое производили на других те лица, которые стояли во главе великих и исторических происшествий и мнили, не без некоторого основания, что руководят ими, без сомнения, важно в отношении к общему ходу этих событий. Но разговор с глазу на глаз русского Императора с генералом Моро, который мог бы бросить свет на непосредственно последовавшие потом события, остаётся тайною. «В тот же самый день, – продолжает Свиньин, – Моро был представлен Его Величеством обеим Великим Княгиням, а на другой день императору Францу, который, между прочим, благодарил его за мягкосердие и человеколюбие, которыми отличались его действия в рейнскую войну в отношении к его подданными. По приезде прусского короля в Прагу, Государь желал представить ему Моро; но, рассудив, что ему должно было на другой день ехать в армию, и что едва остаётся время для собственных своих приготовлений, послал его к себе на квартиру, поручив дожидаться его повелений в этом отношении. Мы находились в таком ожидании, занимаясь укладыванием чемоданов, как вдруг растворились двери, и Император вошёл к нам с прусским королём. Подойдя к Моро, Государь сказал: «Генерал, его величество прусский король!» После чего король обратился к нему со следующими словами: «я с величайшим удовольствием спешил посетить генерала, столь известного своими высокими достоинствами и добродетелями», и более двух часов они оставались в жарких разговорах». С присоединением к союзу Австрии и её войск к войскам русским и прусским, должны были начаться решительные военные действия против Наполеона. Конечно, они были предметом многочисленных бесед и совещаний с опытным военачальником, как Моро, понимавшим военный гений Наполеона и знавшим образ его действий. Но для русского Императора приезд в его главную квартиру Моро и в то же время генерала Жомини, кажется, имели и другое значение. Употребив все способы, чтобы привлечь к наступательному союзу Австрию, чтобы не возбудить её подозрений и не затронуть самолюбия, он решился подчинить

все союзные войска австрийскому фельдмаршалу и при том такому, как кн. Шварценберг, вовсе не выказавший способности начальствовать над многочисленными армиями и руководить обширными военными действиями. Пребывание при войсках самого Императора, конечно, могло иметь влияние на военные распоряжения. Не принимая прямо звания верховного военачальника, он однако же должен был силою обстоятельств сделаться главным их распорядителем. При свойственном ему недоверии к самому себе, он, без сомнения, очень был рад приезду в это время таких советников, как Жомини, и, особенно, Моро. Кроме обычной для Императора Александра простоты в обхождении и особенно во время пребывания в главной квартире действующих войск, это обстоятельство объясняет то особенное изысканное внимание, которое он оказал ему не только сам лично, но и со своими державными союзниками. Привыкшие строго охранять своё величие, быть может, они не были довольны этим; но и на многих русских, помнивших прежние царствования, оно произвело неприятное впечатление. «В Прагу приехал, — говорит адмирал Шишков, — из Америки сосланный туда Наполеоном, вместе и сотоварищ его и соперник, известный французский генерал Моро, воевавший некогда против Суворова и побеждённый им. Он принят был с великою и, можно сказать, излишнею честью: российский Император и король прусский, как скоро услышали о его прибытии, тотчас поехали к нему с поклоном и поздравлением». Старому адмиралу это казалось недостойным величия русского Государя и значения русского народа. «Моро, конечно, был искусный и храбрый полководец, — продолжает он, — но мне кажется, не было приличия двум самодержавным главам тотчас поскакать к нему, как бы к некоему превышающему всех или с небес ниспосланному существу. Полководцам нашим, несравненно славнейшим его, Румянцеву, Суворову, Кутузову, не было никогда оказано подобной чести. Если не своя, то народная гордость не долженствовала бы до сего допустить. Иметь уважение к достоинствам — хорошо; но с некоторым приличием. Екатерина Великая умела ценить их, но без унижения себя и народа своего»*.

В продолжение десятидневного пребывания при главной квартире Моро неразлучно находился при императорах. Образ военных действий был утверждён в Праге, и войска находились в движении к Дрездену. 14 августа они стояли в боевом порядке перед неприятелем, защищавшим этот город. Весь этот день Моро был на коне, или сопровождая Императора, или обозревая позиции. Вечером в 8 часов,

* 209–210.

чтобы донести Государю о своих наблюдениях, он проехал под градом неприятельских гранат и картечей, так что сопутствовавшие ему офицеры удивлялись, как могли они остаться целы и невредимы. На другой день во время самой битвы, Моро снова, обозревая расположение войск, заметил слабость левого фланга и поскакал к Императору, находившемуся при д. Рейне против сада принца Антония, где находился император Наполеон. Несмотря на ненастную погоду и сильный дождь, заметив, вероятно, большую свиту Государя на рейнских высотах, батареи, устроенные у этого сада, направили туда свои выстрелы. Подъехав к Императору и передав свои наблюдения, он заметил опасность положения, в котором он находился, и предложил переехать на другую высоту, с которой одинаково, если не лучше, можно было безопасно обозревать поприще битвы. Последовав его совету, Государь повернул лошадь по узкой тропинке и ехал рядом с Моро. Перед встретившимся ручьём, какие часто образуются в горах во время сильных дождей, его лошадь приостановилась. «Поезжайте вперёд,— сказал ему Государь,— а мы за вами». Выдвинувшись немного вперёд, Моро продолжал говорить с Государем: «Поверьте моей опытности...» — продолжал он речь, и в это мгновение французское ядро оторвало ему правую ногу, прошло через лошадь и раздробило колено левой ноги. Роковое ядро, поразившее Моро, точно такою опасностью угрожало русскому Государю, находившемуся в двух-трёх шагах от него. Это обстоятельство, а равно и участие к судьбе человека, выражавшего к нему глубокую преданность, которого дарованиями и опытностью он надеялся воспользоваться как в военных действиях, так ещё более в будущих отношениях к Франции,— не могли не оставить глубокого впечатления в душе Государя, ибо русский Император не так смотрел на Францию, как его союзники, и не искал её гибели; и отвлекли на время внимание Государя от хода сражения. По совету Моро и Жомини Император предписал Барклаю де Толли сойти с занимаемых им высот и действовать наступательно; но он не исполнил приказания, найдя затруднительным с топкой равнины вновь ввести на гору свою артиллерию, т.е. он рассчитывал на неудачу своего наступления. Австрийцы, вследствие неудачных распоряжений кн. Шварценберга, потерпели поражение на левом крыле. Хотя сражение и не было проиграно и союзные государи намеревались продолжать его на другой день,— но кн. Шварценберг настаивал на необходимости отступления, оправдывая своё мнение такими доводами, перед которыми они должны были уступить: австрийские войска, только что вышедшие на поприще военных действий, не имели ни продовольствия, ни боевых запасов. Когда император Наполеон узнал об участи Моро, он сказал

герцогу Виченскому: «моя звезда, Коленкур, моя звезда! Смерть Моро будет одною из важных страниц в моей истории».

Когда после поражения Моро пришёл в себя, первое его слово было о Государе. Узнав от Рапателя, что Государь остался невредим, он сказал ему: «Умираю; но не печалься, мой друг, приятно умирать за правое дело и в глазах Великого Монарха». 40 человек гренадёр «надёжных, равного роста и сильных» при офицере и 2-х унтер-офицерах, по распоряжению Государя, назначены были нести на носилках из казачьих пик, покрытых шинелями, раненого Моро. Б. Вилье сделал ему операцию в первом попавшем доме в д. Нетниц. «Здесь немедленно, – говорит очевидец, – Вилье отнял ему правую ногу выше колена». Когда первая операция кончилась, генерал попросил его осмотреть хорошенько другую ногу и постараться спасти её. Но, узнав, что это невозможно, сказал весьма хладнокровно: «Ну, так отымите её, только поскорее». Узнав во время операции, что Государь прислал осведомиться о его положении, он подозвал посланного и, наперёд расспросив о движениях войск, поручил благодарить Государя за участие. «Между тем два ядра ударили в дом, где находился Моро, и разрушили угол горницы, в которой он лежал». После операции, таким же порядком понесли Моро в г. Лаун, куда Император послал флигель-адъютанта М. Ф. Орлова с тою целью, чтобы он извещал его о состоянии генерала. В Лауне находился в это время А. С. Шишков. «На третий день после моего приезда сюда, пошёл я прогуляться по дороге к Теплицам. Вдруг вижу впереди себя нечто необыкновенное: навстречу мне идут и едут верхами много людей. Посреди сей толпы народа несколько человек несут носилки под балдахином. Шествие тихое, подобное почти больному. Я сперва не знал, что такое, но вскоре от окружавших меня зрителей услышал: Моро, Моро! Я сначала подумал, что несут тело его, ибо по бледности лица невозможно было узнать, жив ли он, или мёртв; но вскоре увидал, что он поднял руку и, хватаясь за висевшую кисть, как будто хотел приподняться. Добрая о нём слава, тяжкое страдание и столь несчастное приключение, так скоро после совершения им столь далёкого пути случившееся, делали сие зрелище жалким и печальным. Все сопровождавшие его шли за ним с сожалением и везде слышны были ему похвалы...

Другое зрелище было совсем противное сему. Я так же прогуливался по той же дороге и вижу, что навстречу мне едет коляска, в которой сидит наш русский фельдшер и с ним французский генерал. Тотчас все закричали: Вандам, Вандам! и все побежали за ним». Подстрекаемый любопытством, пошёл в город и А. С. Шишков и нашёл почтовый дом, окружённый толпою. «Иной говорил почтальону, смотря на коляску: зачем ты не запряг навозную телегу – и той для него много; другой:

смотри, вези его тихонько, дай людям наплевать ему в рожу; третий: опрокинь его где-нибудь так, чтоб ему голову разможжить; четвёртый: тебе бы вести его на свиньях, а не на лошадях». Когда Вандам вышел, чтобы сесть в коляску, посыпались насмешливые и злобные возгласы: «что прикажешь в Гамбург, Любек, Бремен, где грабил и неистовствовал Вардин? Добрый путь в Сибирь, лови там соболей, копай руду в Нерчинске, тигр, крокодил, ядовитая змея». «Вандам был в чрезвычайной робости,— говорит Шишков,— поминутно кланялся во все стороны. Смешно было видеть его, откланивающегося с трусостью на слова: «тигр, крокодил» — конечно, очень понятные ему». Рассказав эти две встречи, адмирал не устоял перед соблазном вывести из них нравоучение. «Сии два столь разных зрелища доказывают, что какая бы ни была участь доброго и худого человека, добрый всегда счастливее худого; сей и в счастии только наружно, а тот и в несчастии внутренно благополучен». Но он мог бы при этом случае припомнить русскую пословицу, которые он так ценил: лежачего не бьют, и если не отнестись с презреньем к немцам, то добродушно пожалеть о них; но ненависть к французам, хотя весьма естественная в это время, заглушала в нём его благодушие. Войска отступали, несли с ними и Моро. 30 августа принесли его в г. Лаун. «Дорого через горы была ужасная,— говорит не отлучавшийся от него Свиньин,— и для здорового человека весьма трудная, но генерал сносил все трудности и неприятности, не подав ни малейшего знака ослабления. В этой необыкновенной крепости сил, в этом непоколебимом духе мы находили новые причины к надежде, особливо после первой перевязки, когда его раны были найдены в самом лучшем положении. Беспрестанно должно было с ним всходить на крутые горы и спускаться вниз. Часто быстрые потоки заграждали дорогу, или глубокие пропасти и клокочущие бездны по обеим сторонам тропинки едва позволяли держаться его носильщикам. Государь несколько раз подъезжал к страдальцу, утешал его, избегая всячески разговора, который бы мог произвесть в нём волненье. Я не в состоянии также описать печали, чувствуемой всеми войсками, посреди которых мы проходили, при виде генерала, который за несколько часов был предметом самых лестных надежд и ожиданий, жестоко раненого на носилках. Сколько я видел слёз на лицах, покрытых рубцами храбрости и славы, сколько видел и сердец твёрдых и благородных, не могших сносить этого трогательного зрелища». Моро желал, чтобы его перевезли в Прагу. Опасение докторов, что он ещё слишком слаб, чтобы перенести путешествие в карете, послужило ему поводом предложить, чтобы перевезли его водою. С этою целью он потребовал карету. Может быть и шум по улицам маленького городка, поднявшийся по

случаю приезда Вандама, поддержал в нём это желание. Узнав о причине уличных криков, он сказал: «давно пора лишить его возможности делать зло». Силы его постепенно слабели; он собрал их настолько, за 10 часов до смерти, чтобы собственноручно написать несколько строк своей супруге. «В сражении при Дрездене, – писал он, – три дня тому назад ядром оторвало у меня обе ноги. Негодный (coquin) Бонапарт всё ещё счастлив! Мне сделали операцию, как нельзя лучше. Хотя войска отступили, но это только для того, чтобы соединиться с Блюхером. Извини моё маранье, я люблю тебя и целую от всего сердца. Поручаю Рапателю окончить письмо». После того, как он написал это письмо, ему «сделалось хуже, – говорил Свиньин, – и во всю ночь 2 сентября он мучился икотою; но неприметно было, чтобы страдал. Он беспрестанно звонил свои часы и звал то меня, то Рапателя, желая диктовать письмо к Государю. Наконец, в половине 7-го часа по утру, когда я оставался при нём один, он велел мне взять перо и продиктовал следующее: «Государь, я схожу в гроб с теми же чувствами почтения, удивления и преданности, которые Ваше Величество возбудило во мне с первой минуты моего приближения к Вашей особе». Тут он закрыл глаза. Я думал, что он размышлял о продолжении письма и держал в готовности перо, чтобы писать далее, но его уже не стало».

Флигель-адъютант Орлов, уведомляя Императора о кончине Моро, испрашивал дальнейших приказаний: «куда должны быть перевезены его останки и какая земля будет так счастлива, чтобы принять их в свои недра?» «Попечение об исполнении погребальных обязанностей по праву принадлежит полковнику Рапателю. Кто может более ценить его, как он, который знал и любил его в продолжение 30 лет?» Когда в главной квартире возник вопрос, где похоронить Моро, Государь сказал: «мне слишком дороги останки Моро, чтобы я мог уступить их кому-либо». Тело Моро было перевезено в Прагу и потом с полковником Рапателем отправлено в Петербург для погребения в латинской церкви на Невском проспекте, со всеми почестями, подобающими фельдмаршалу. Похороны совершились 2 октября 1813 года*. Свиньина Император отправил в Лондон со следующим собственноручным письмом к г-же Моро. «Когда ужасное несчастие, поразившее возле меня генерала Моро, лишило меня дарований и опытности этого великого человека, я ещё надеялся, что попечения о нём сохранят его жизнь для его семейства и моей дружбы. Провидение решило иначе. Он умер, как жил, с неизменною силою души, твёрдой и непоколебимой. В земных

* «Северная Почта» 1813, № 80 от 4 окт.

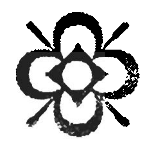
бедствиях участие других составляет единственное утешение. В России вы повсюду его найдёте, и если вы рассудите избрать в ней своё местопребывание, то я употреблю все способы, чтобы сделать приятною жизнь той, которой почитаю священным долгом быть утешителем и опорою. Прошу вас неизменно этому верить и доводить до моего сведения о всяком случае, когда я могу быть вам полезным, и писать прямо ко мне. Предупреждать ваши желания будет наслаждением для меня. Дружба, которую я питаю к вашему мужу, переходит за его могилу, и я не имею другого способы выразить её хотя отчасти, как сделав что-нибудь для благоденствия его семейства»*.

Г-жа Моро не решилась переселиться в Россию и, благодаря Государя за милостивое предложение, просила обратить его на брата её мужа и принять его в русскую службу**.

---

* Теплиц, 6 сент. 1813.

** Лондон, 26 дек. 1813.

Указатель имён

А

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

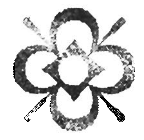
Ш

Щ

Э

Ю

Я

Оглавление

Оглавление

А.Н. Попов

Отечественная война 1812 года

Том третий

Изгнание Наполеона из России

Художники
А.А. Зубченко
К.А. Зубченко

Иллюстрации предоставлены
И.Е. Домбровским

Набор
Т.Ю. Удачина
Е.Ю. Радина

Технический редактор
Г.А. Лебедева

Верстка
К.А. Зубченко

А. Н. Попов. Отечественная война 1812 года. Т. III. Изгнание Наполеона из России. — М., «Минувшее», 2010, VI, 514 с., 32 с. илл. (Русская историческая библиотека).

Третий том монографии А. Н. Попова «Отечественная война 1812 года» посвящен событиям и боевым действиям второго этапа войны — от оставления русской армией Москвы до перехода Наполеона через Березину.

Том написан на основе изучения огромного количества источников и материалов: официальных документов, писем, дневников, мемуаров, многие из которых не опубликованы до настоящего времени.

В виде отдельной книги этот том монографии издается впервые и включает в себя работы автора, публиковавшиеся в журнале «Русская Старина»: «Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры» и «От Малоярославца до Березины».

В Приложении публикуется работа А. Н. Попова «Генерал Моро на службе в русских войсках», посвященная судьбе французского генерала, соперника Наполеона, Ж.-В. Моро.

Сдано в набор 15.01. 2010
Формат 60 х 90/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Бумага мелованная 130 г/м²
Печ. л. 34,5
Заказ № 4375
Тираж 1000 экз.

Лицензия ИД № 06244 от 12.11.2001

ISBN 978-5-902073-85-7

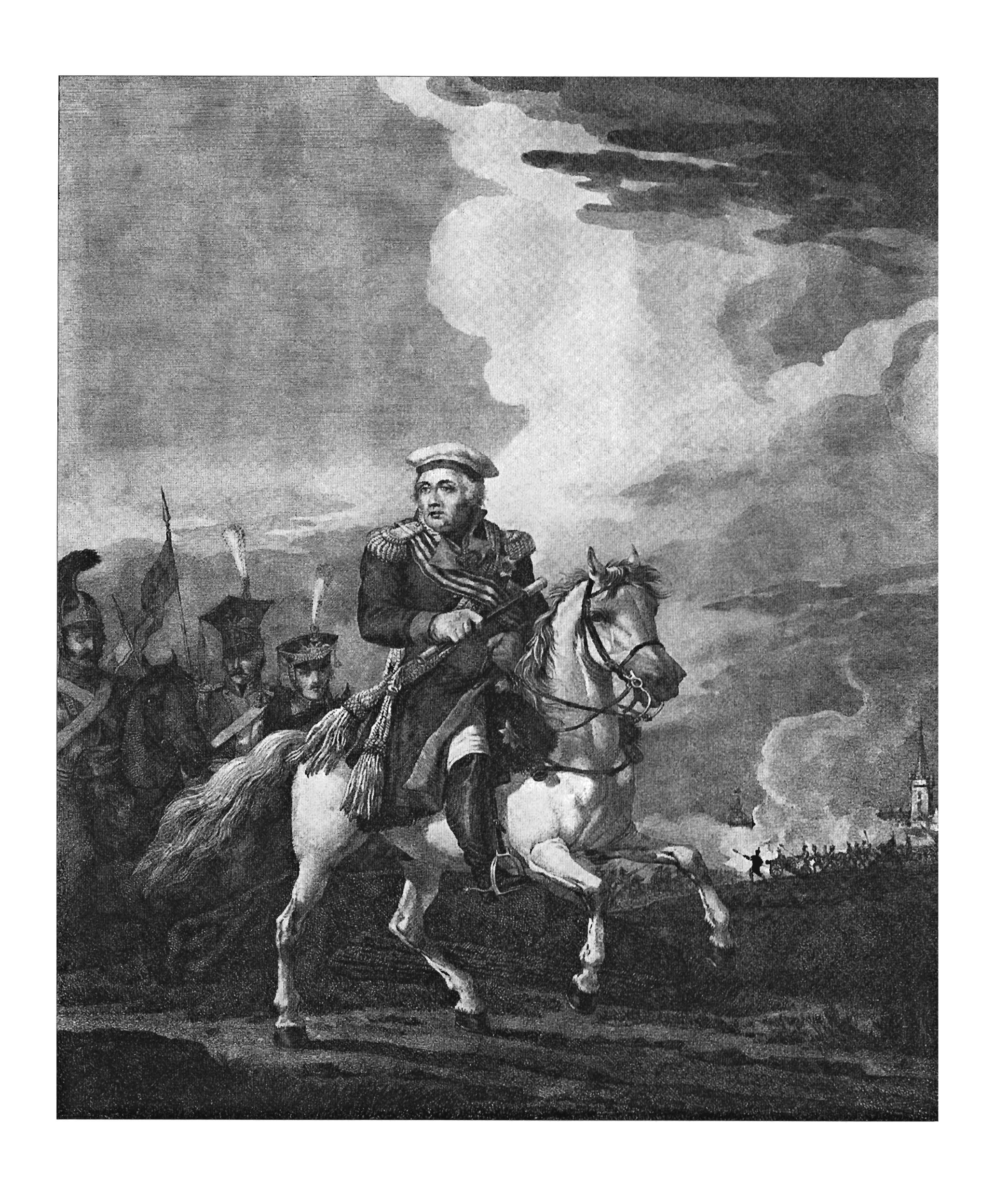

Издательство «Минувшее»
117292, Москва, Профсоюзная ул., д.12
Адрес для переписки:
109387, Москва, Кубанская ул., 22-31
Тел. (495) 350-59-73; (499) 268-51-20
E-mail: trivek@mail.ru
Интернет: www.triv.narod.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Император Александр I

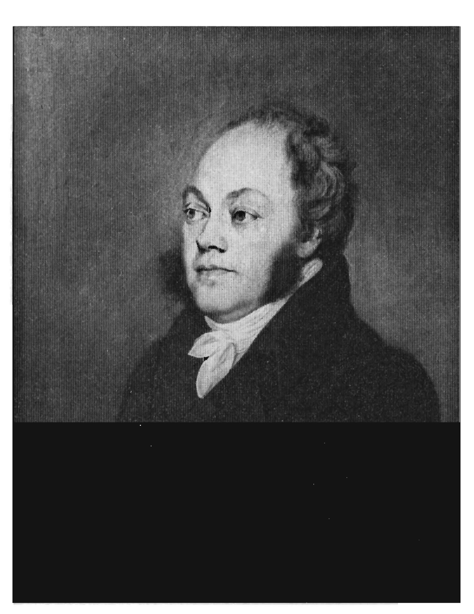

Генерал-фельдмаршал светлейший князь
М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский

Граф Л. Л. Беннигсен

Граф Ф. В. Ростопчин

Граф П. П. Коновницын

Князь М. Б. Барклай де Толли

Граф К. Ф. Толь

Принц Евгений Вюртембергский

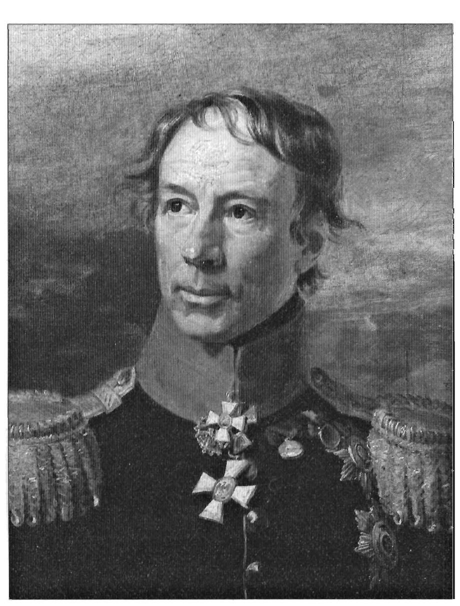

А. И. Чернышёв

П. В. Чичагов

Князь П. М. Волконский

Граф Ф. Ф. Штейнгель

Граф М. А. Милорадович

Граф П. Х. Витгенштейн

А. П. Тормасов

Граф М. И. Платов

А. Н. Сеславин

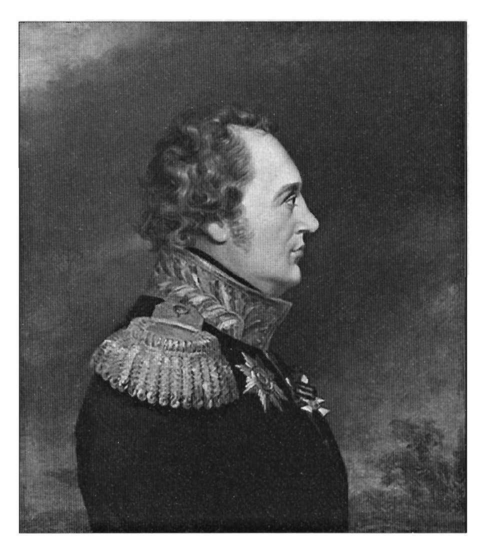
А. П. Ермолов

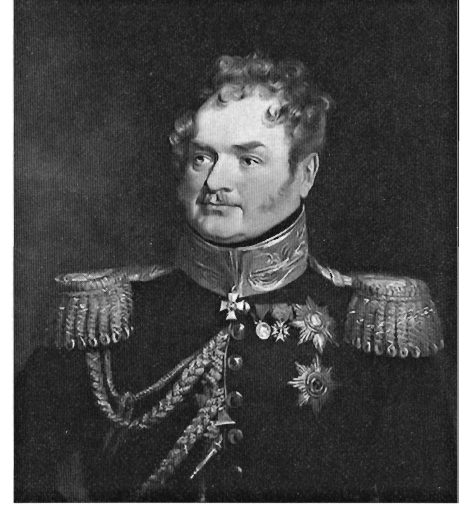
Граф А. П. Ожаровский

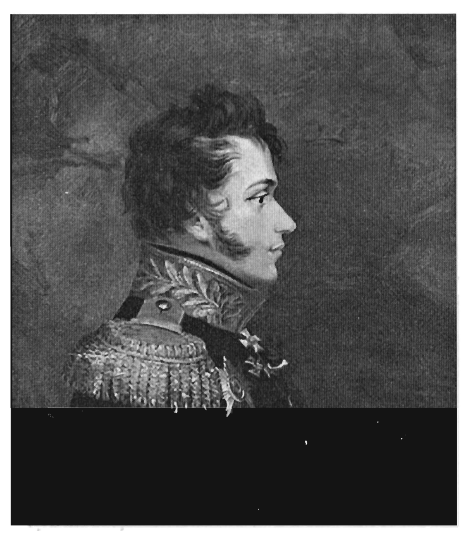
Граф В. В. Орлов-Денисов

И. Н. Эссен

Граф К. О. Ламберт

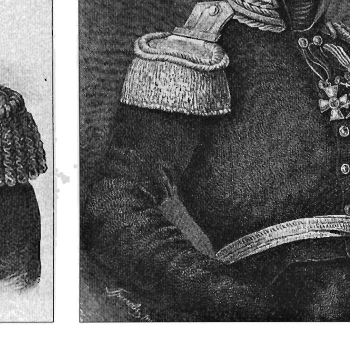
Князь Н. Д. Кудашев

Князь А.Г. Щербатов

Д. С. Дохтуров

А. С. Фигнер

Д. В. Давыдов

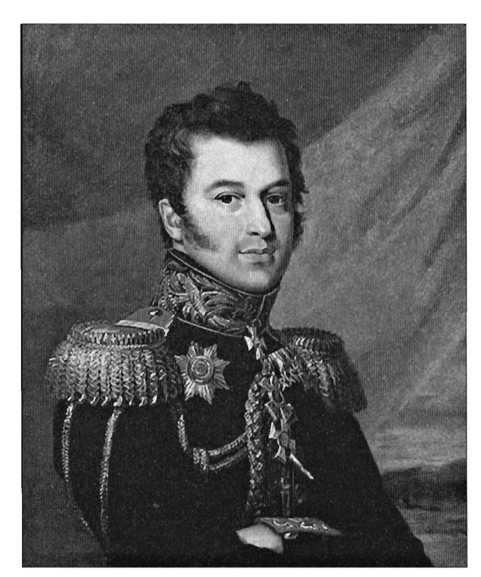

И.Ф. Паскевич

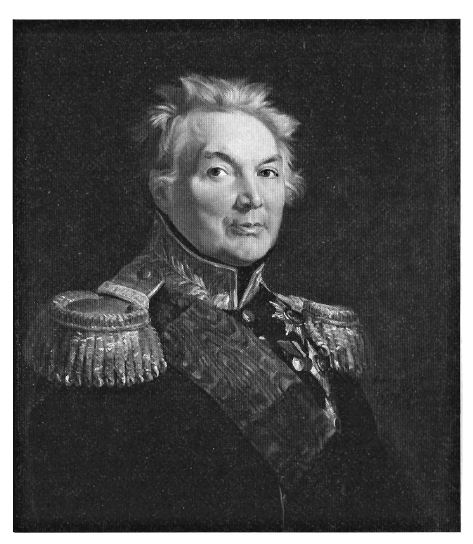
Граф П.П. Пален

П.С. Кайсаров

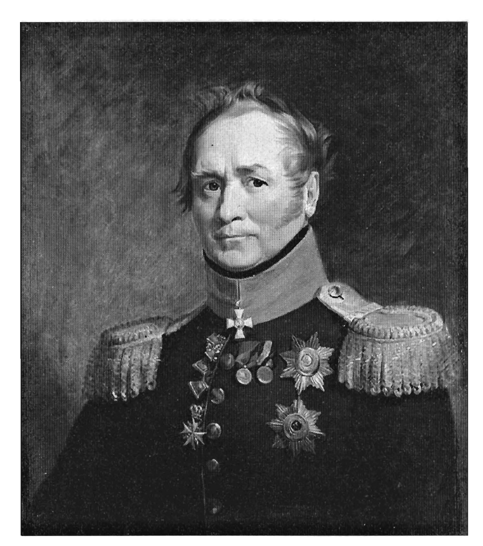
Граф Ф.Ф. Винценгероде

Барон Ф. В. Остен-Сакен

Граф П. В. Голенищев-Кутузов

Ф. Ф. Эртель

Граф А. И. Остерман-Толстой

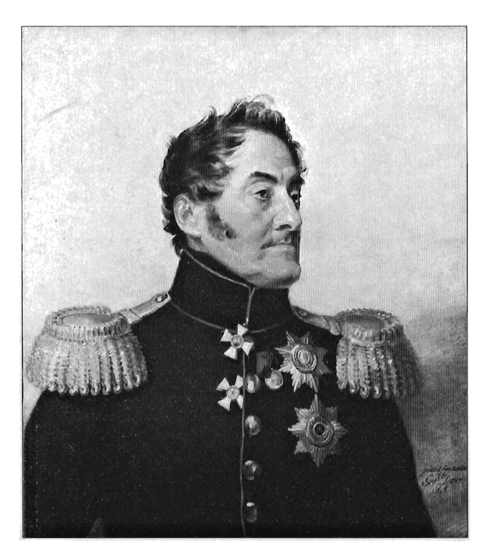

Н. Н. Раевский

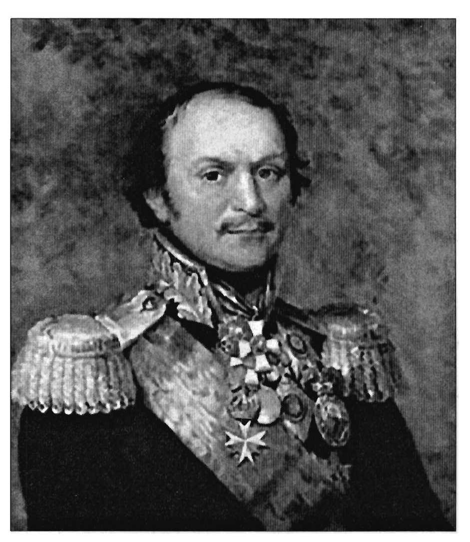
Граф А. Ф. Ланжерон

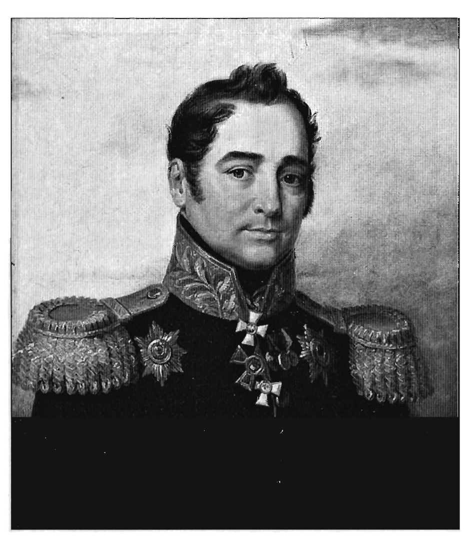
Князь Л. М. Яшвиль

Е. И. Чаплиц

Маркиз Д. О. Паулуччи

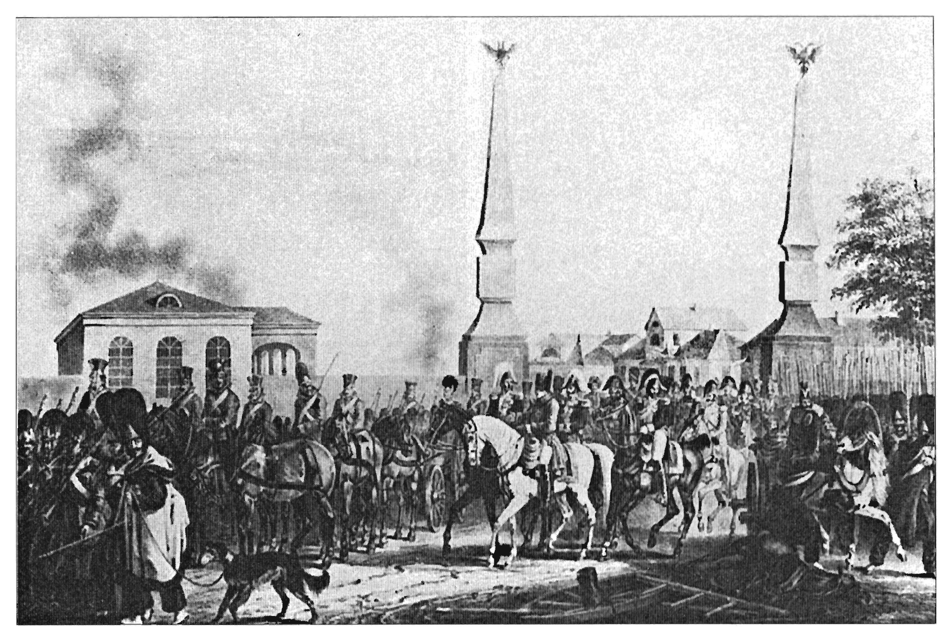
Е. И. Властов

А. А. Карпов

Барон Е. И. Меллер-Закомельский

Выезд Наполеона из Москвы

Граф Э. Ф. Сен-При

Ф. П. Уваров

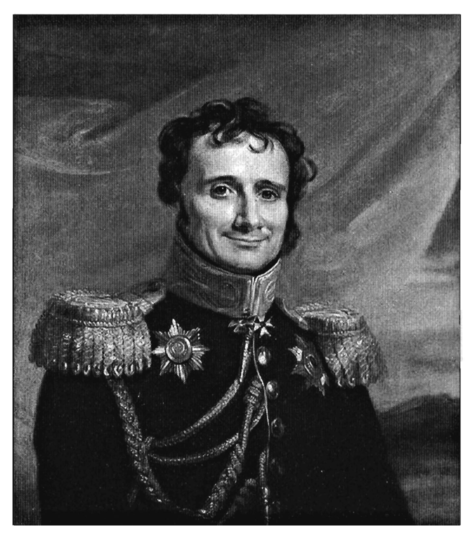
Отступление великой армии

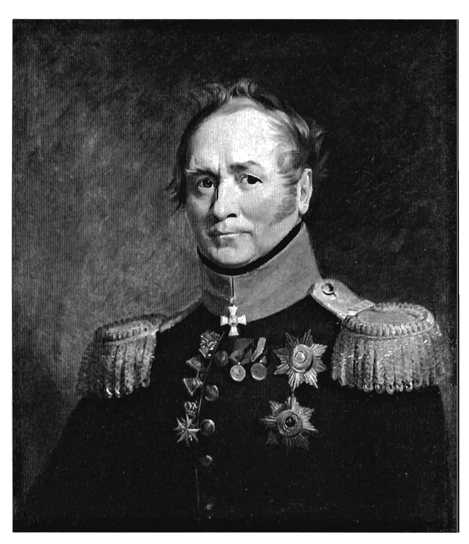

Князь А. Ф. Щербатов

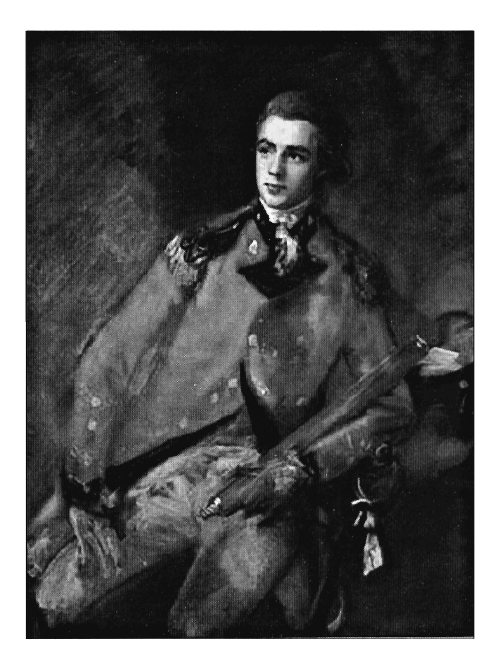
Граф П. А. Строганов

Барон А.-Г. В. Жомини

Граф А. Ф. Мишо де Боретур

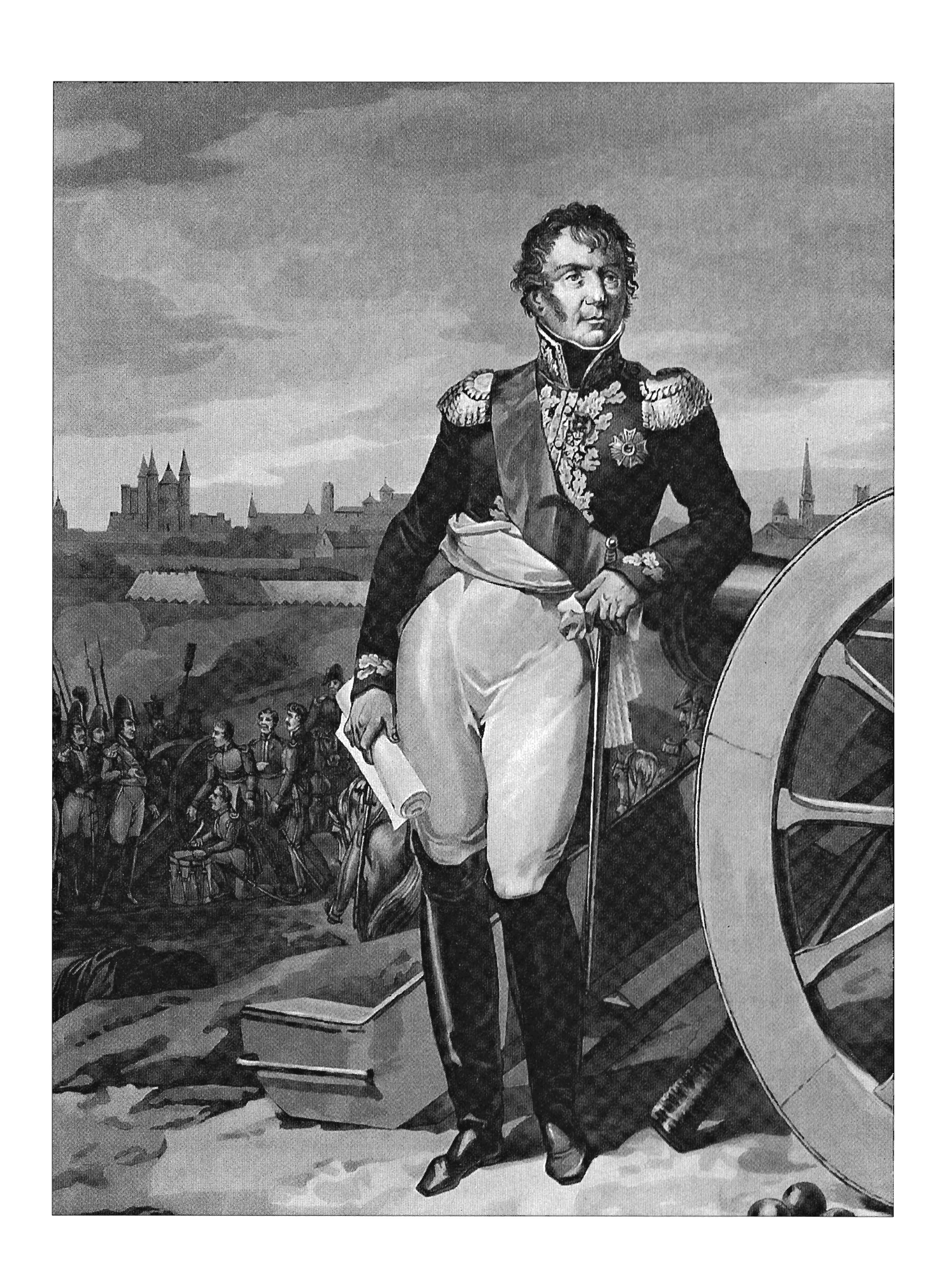

Граф В. Ш. Каткард

Р.-Т. Вильсон

Наполеон и его маршалы

Маршал Бертье, князь Невшательский

Маршал Л.-Н. Даву, герцог Ауэрштадский, князь Экмюльский

Маршал Г. -Л. Сен-Сир

Маршал Виктор (Перен), герцог Беллуно

Маршал М. Ней, герцог Эльхингенский, князь Московский

Маршал Ш.-Н. Удино, герцог Реджио

Маршал Й. Мюрат, герцог Бергский и Клевский, король Неаполитанский

Маршал Ж.- Э.-Ж.-А. Макдональд, герцог Тарентский

Принц Евгений Богарне

Лористон в ставке Кутузова

Князь Ю.-А. Понятовский

Князь К.-Ф. Шварценберг

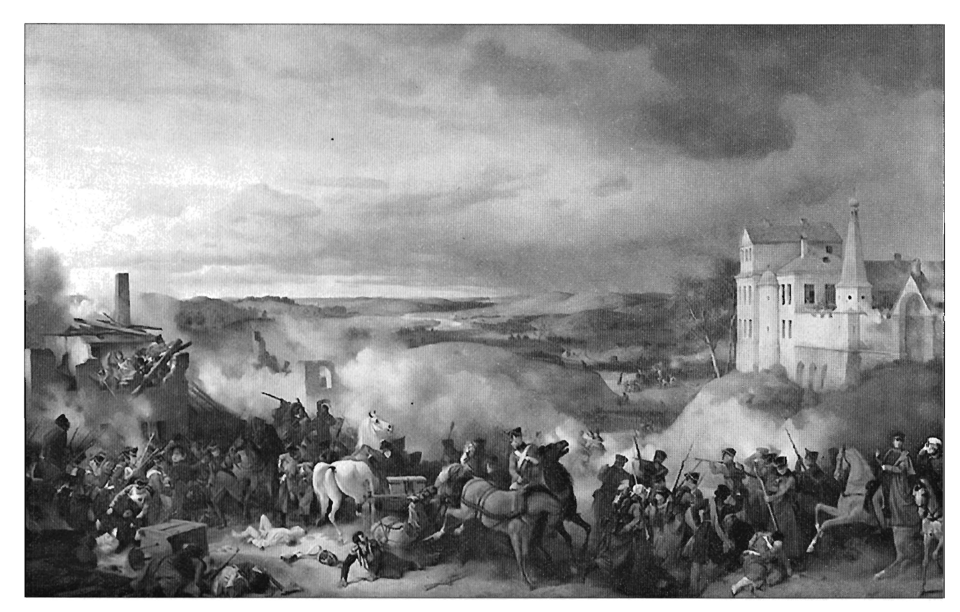
Тарутинское сражение

К. Малаховский

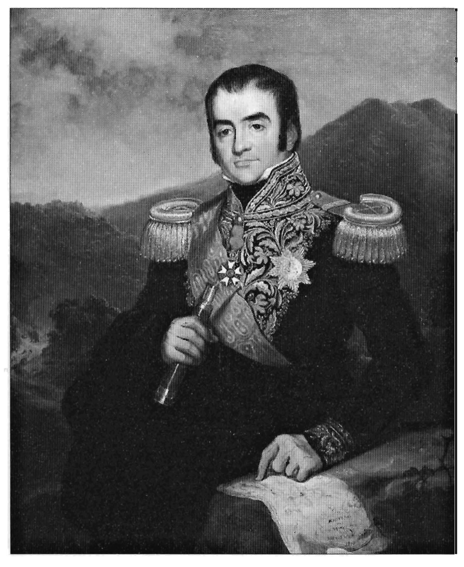
Граф Бараге де Илье

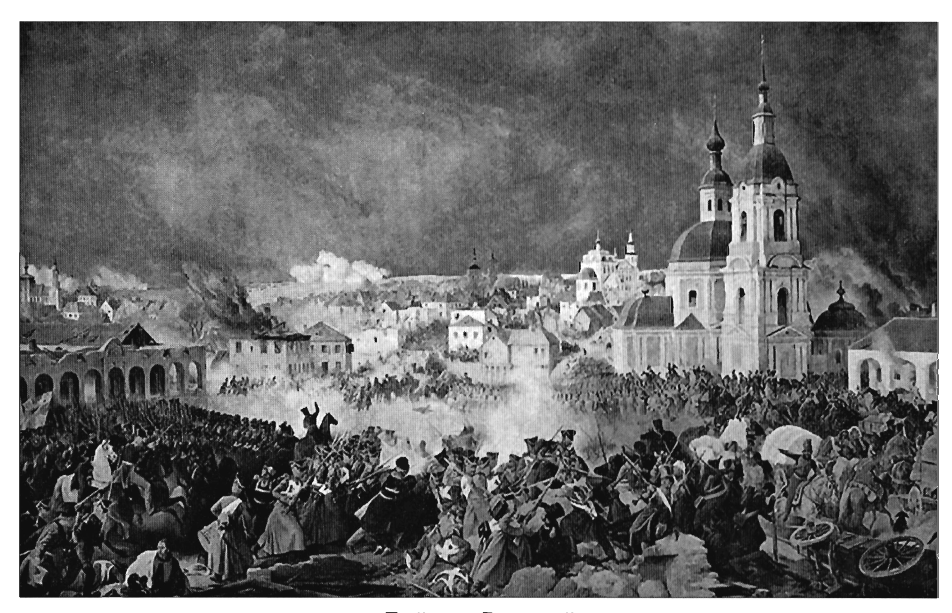
Бой под Малоярославцем

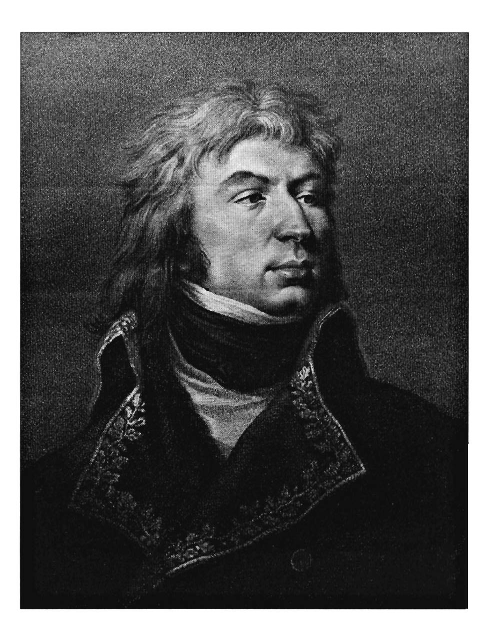
Я.-Г. Домбровский

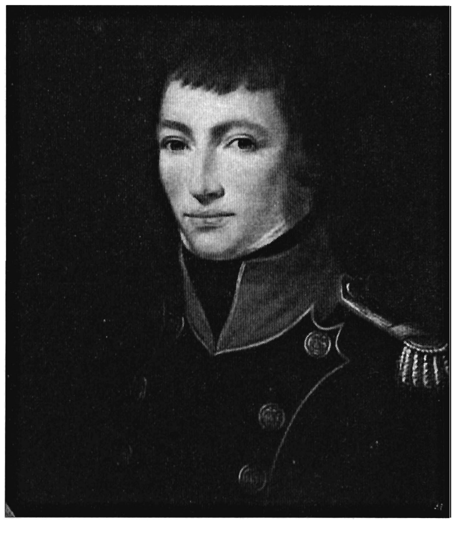

Г. -В. Дендельс

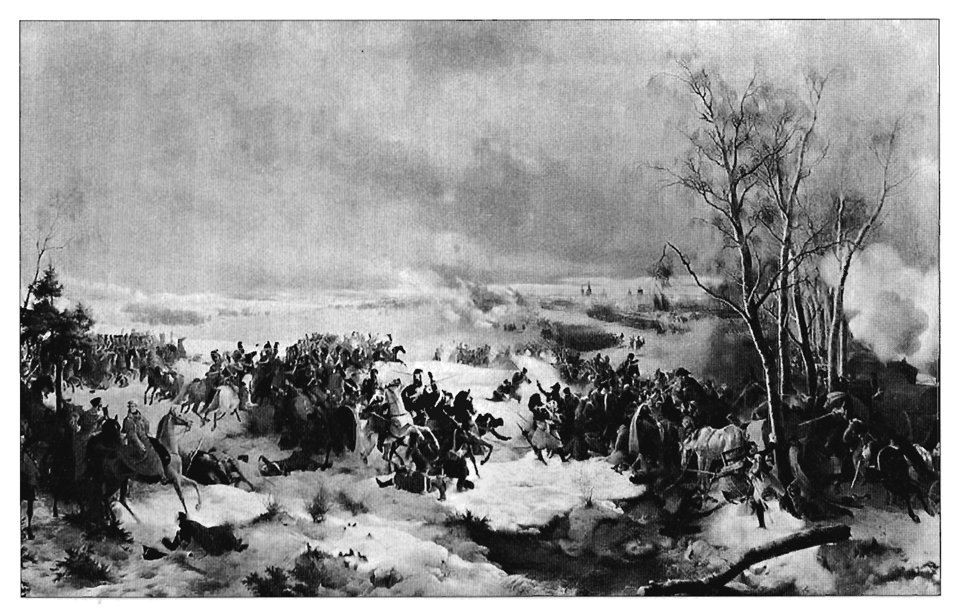
Бой под Вязьмой

Граф Ж.-Л.-Э. Ренье

Барон А.-Ж. Дельсон

Бой под Красным

Граф Ф.-П. Сегюр

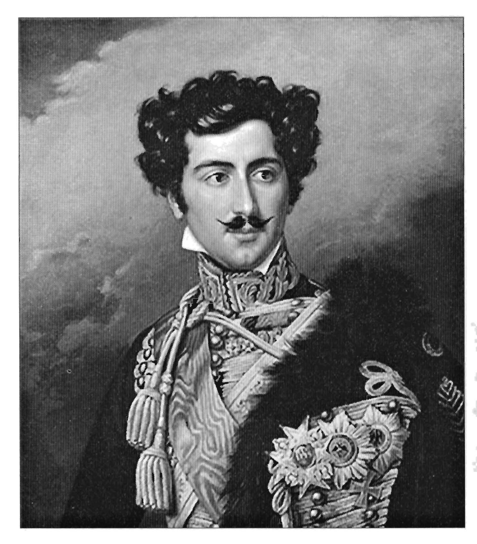
Ж.-А. Жюно, герцог де Абрантес

Генерал Ж.-В. Моро в бою под Хохенлинденем

Генерал Ж.-В. Моро

Смерть генерала Ж.-В. Моро

Маршал Ж.-Б. Бернадот

Герцог Ш.Ф. Беррийский

Барон А.-Ж.-Ф. Фэн

Маркиз Г. Шамбре

Ж. Ш. Пишегрю

